Новое
слово.
1894. №11.

НОВОЕ СЛОВО

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

№ 11.

Пров. 50

НОЯБРЬ

Библиотека Ленингр. Гос. Пед. Ин-та им. А. И. ГЕРЦЕНА
3109

1894.

РЕДАКЦІЯ и КОНТОРА:
Саперный переулокъ, д. 6 *(близъ Надеждинской)*.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр

I. ТАЛАНТЫ. (Повѣсть). Е. А. Красильниковой . . . . . 1.

II. ОЧЕРКИ ЖИЗНИ СТУДЕНТОВЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ. И. Подольскаго. 107

III. ВЪ ЦАРСТВѢ ТЕРПСИХОРЫ. (Записки русской танцовщицы). Вѣры Балетомановой. 143

IV. ЗАБЫТЫЯ СЛОВА. (Стихотвореніе). Р. Соловьева 165

V. ЗЕМЕЛЬНЫЙ КРЕДИТЪ. А. К. Клоппенбурга 166

VI. ЧЕЧЕНСКАЯ МЕДЕЯ. (Разсказъ изъ временъ Шамиля). Надежды Терской. 191

VII. СТИХОТВОРЕНІЕ Н. К. Никифорова 214

VIII. МОДНАЯ ТЕОРІЯ. (По поводу полемики объ экономическомъ матеріализмѣ). Ч. Вѣтринскаго 215

IX. ПО ПУСТЫНѢ АРАВІЙСКОЙ (Путевыя замѣтки и впечатлѣнія) Пьера Лоти. 229

X. ОСЕННІЙ СОНЕТЪ. (Стихотвореніе). С. Р. 272

XI. ПАНЬКА И МАНЬКА. (Разсказъ)—Н. С. Б—ровскаго 273

XII. ГИГІЕНА И КОМФОРТЪ. Женщ.-врача М. Покровской. 325

XIII. КАЛЬВИНИСТИЧЕСКІЯ ТЕНДЕНЦІИ ВЪ НАШЕЙ СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКѢ. (Замѣтка) Ѳедора Шперка. 336

XIV. КРИТИКА. *Забытый поэтъ-реалистъ.* (Евгеній Абрамовичъ Баратынскій. 1800—1844). К. Р—дова. 339

XV. НОВЫЯ КНИГИ.—Сочиненія А. Лугового изд. 1894 г. Дѣтскія тѣни. Д. Мамина-Сибиряка, изд. 1894 г. Собраніе повѣстей и разсказовъ Ѳ. С. Стулли, изд. 1894 года. Въ толпѣ, повѣсти и разсказы князя Дм. Голицына (Муравлина) изд. 1894 года. Переселенцы. В. Дѣдлова (Кинга) изд. 1894 г. М. Крыковскаго 365

XVI. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Впечатлѣніе болѣзни и смерти Государя Императора Александра III въ Европѣ. Паденіе графа Каприви. Н. . . . 375

XVII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Кончина Государя Императора Александра III.—Исторія его болѣзни и послѣднія минуты.—Характеристика въ Бозѣ почившаго Царя.—Манифестъ о вступленіи на престолъ Императора Николая II и впечатлѣніе произведенное имъ. 382

ПРИЛОЖЕНІЕ:

XVIII. ГАННА. Романъ Берты Сутнеръ. Переводъ съ нѣмецкаго. 3

Объявленія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1895 годъ.

Подробныя условія на 4-й стр. обложки.

Типо-Литографія Муллеръ и Богельманъ, Невскій, 148.

1901
1922.

НОВОЕ СЛОВО

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

№ 11.

НОЯБРЬ

1894.

3109
им. Д. И. ГЕРЦЕНА

РЕДАКЦІЯ и КОНТОРА:
Саперный переулокъ, д. 6 *(близъ Надеждинской)*.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
I. ТАЛАНТЫ. (Повѣсть). Е. А. Красильниковой	1.
II. ОЧЕРКИ ЖИЗНИ СТУДЕНТОВЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ. И. Подольскаго.	107
III. ВЪ ЦАРСТВѢ ТЕРПСИХОРЫ. (Записки русской танцовщицы). Вѣры Балетомановой.	143
IV. ЗАБЫТЫЯ СЛОВА. (Стихотвореніе). Р. Соловьева	165
V. ЗЕМЕЛЬНЫЙ КРЕДИТЪ. А. К. Клоппенбурга	166
VI. ЧЕЧЕНСКАЯ МЕДЕЯ. (Разсказъ изъ временъ Шамиля). Надежды Терской.	191
VII. СТИХОТВОРЕНІЕ Н. К. Никифорова	214
VIII. МОДНАЯ ТЕОРІЯ. (По поводу полемики объ экономическомъ матеріализмѣ). Ч. Вѣтринскаго	215
IX. ПО ПУСТЫНѢ АРАВІЙСКОЙ (Путевыя замѣтки и впечатлѣнія) Пьера Лоти.	229
X. ОСЕННІЙ СОНЕТЪ. (Стихотвореніе). С. Р.	272
XI. ПАНЬКА И МАНЬКА. (Разсказъ)—Н. С. Б—ровскаго	273
XII. ГИГІЕНА И КОМФОРТЪ. Женщ.-врача М. Покровской.	325
XIII. КАЛЬВИНИСТИЧЕСКІЯ ТЕНДЕНЦІИ ВЪ НАШЕЙ СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКѢ. (Замѣтка) Ѳедора Шперка.	336
XIV. КРИТИКА. *Забытый поэтъ-реалистъ.* (Евгеній Абрамовичъ Баратынскій. 1800—1844). К. Р—дова.	339
XV. НОВЫЯ КНИГИ.—Сочиненія А. Лугового изд. 1894 г. Дѣтскія тѣни. Д. Мамина-Сибиряка, изд. 1894 г. Собраніе повѣстей и разсказовъ Ѳ. С. Стулли, изд. 1894 года. Въ толпѣ, повѣсти и разсказы князя Дм. Голицына (Муравлина) изд. 1894 года. Переселенцы. В. Дѣдлова (Книга) изд. 1894 г. М. Крыковскаго	365
XVI. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Впечатлѣніе болѣзни и смерти Государя Императора Александра III въ Европѣ. Паденіе графа Каприви. Н.	375
XVII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Кончина Государя Императора Александра III.—Исторія его болѣзни и послѣднія минуты.—Характеристика въ Бозѣ почившаго Царя.—Манифестъ о вступленіи на престолъ Императора Николая II и впечатлѣніе произведенное имъ.	382

ПРИЛОЖЕНІЕ:

XVIII. ГАННА. Романъ Берты Сутнеръ. Переводъ съ нѣмецкаго.	390
Объявленія.	

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1895 годъ.

Подробныя условія на 4-й стр. обложки.

Типо-Литографія Муллеръ и Богельманъ, Невскій, 148.

ТАЛАНТЫ.

ПОВѢСТЬ.

Все та же единая
Сила насъ манитъ къ себѣ неизвѣстная,
Та же плѣняетъ насъ пѣснь соловьиная,
Тѣ же насъ радуютъ звѣзды небесныя!
Правда все та же! Средь мрака ненастнаго
Вѣрьте чудесной звѣздѣ вдохновенія,
Дружно гребите во имя прекраснаго
Противъ теченія!

А. Толстой.

I.

Была лѣтняя бѣлая ночь въ началѣ іюня.

Почти полная луна высоко стояла на чистомъ, чуть потемнѣвшемъ небѣ и казалась лишнимъ украшеніемъ, особенно еще при яркомъ свѣтѣ нѣсколькихъ электрическихъ фонарей подъ молочно-бѣлыми шарами, освѣщавшихъ главную площадку увеселительнаго сада „Аркадія“.

Въ этотъ вечеръ тамъ было много публики. Шла какая-то популярная оперетка въ бенефисъ одной изъ мѣстныхъ звѣздъ.

Первое дѣйствіе только что кончилось и зрители густою толпою повалили изъ театра, напоминавшаго своимъ видомъ большой сарай.

Снаружи гудѣлъ оркестръ, наигрывавшій что-то очень веселое и очень пошлое, на открытой сценѣ коверкались, давая другъ другу звонкія оплеухи, клоуны. Однимъ словомъ, было людно, шумно и, должно быть, весело.

Къ одному изъ накрытыхъ на верхней галлереѣ столиковъ подошла компанія, состоявшая изъ трехъ кавалеровъ и одной

дамы. Они размѣстились вокругъ стола и лакей суетливо бросился подавать заказанное заранѣе кушанье и вино.

Старшему изъ усѣвшагося общества было лѣтъ около сорока. Это былъ красивый, моложавый человѣкъ, отлично одѣтый, хотя безъ щегольства. Второй былъ въ мундирѣ одного изъ гвардейскихъ пѣхотныхъ полковъ. Онъ былъ, можетъ быть, немного моложе перваго, съ румянымъ лицомъ, густо усыпаннымъ по носу и около глазъ веснушками, узкими, какъ у китайца, черными глазами съ лукавымъ и нахальнымъ выраженіемъ, выдавшимися скулами, маленькою черною бородкою и усами и такими же волосами, которые, что можно было замѣтить, когда онъ снялъ на минуту фуражку, порядочно ужъ порѣдѣли на темени.

Это обстоятельство, мѣшки подъ глазами и общій видъ, говорившій о ширинѣ натуры, ясно показывали, что обладатель этой наружности не поклонникъ монашеской жизни.

Третій былъ еще очень юный студентъ.

Дама была небольшого роста, стройная брюнетка, не столько красивая, сколько казавшаяся такою въ ту минуту, со щеками, ярко разгорѣвшимися отъ духоты и жара театра, и блестящими, большими темными глазами. Одѣта она была хорошо, модно, но просто.

Едва они успѣли усѣсться, какъ студентъ остановилъ проходившаго мимо мальчишку, продавца бутоньерокъ, купилъ одну и подалъ дамѣ.

— Зачѣмъ, Андрей Васильевичъ! Не надо! — сказала она.

— Отчего не надо. Онъ хочетъ за вами ухаживать, ему и подобаетъ подносить цвѣты, стихи, изображать, по юности лѣтъ, поэзію жизни! — вмѣшался офицеръ. — Ну, а намъ, старикамъ, надо представлять прозу, что-нибудь посущественнѣе. Прикажете краснаго — и онъ взялся за бутылку.

— Мегсі, я не пью.

— Въ такомъ случаѣ холодненькаго. Золотой вы человѣкъ, Маргарита Викентьевна! Смерть люблю съ вами гулять! Вы и покушать, и выпить умѣете, и изъ того, что́ наболтаешь подъ веселую руку, не ставите всякое лыко въ строку!

— Однимъ словомъ — чудо, что за барышня! — замѣтилъ, усмѣхнувшись, штатскій.

— Ну, нѣтъ, лучше, чѣмъ барышня! Барышни — это совсѣмъ другое дѣло...—Барышни, барышни, неземныя созданія!

Барышни, барышни, тру-ля-ля-ля! — пропѣлъ тоненькимъ, какимъ-то бабьимъ голосомъ, офицеръ.

Всѣ засмѣялись.

— Однако, соловья баснями не кормятъ! Мы хвалимъ нашу даму, а не позаботились для нея ни о чемъ сладкомъ! Марго, хочешь мороженаго?—обратился къ той первый.

— Нѣтъ... здѣсь даютъ какой-то подкрашенный снѣгъ подъ этимъ названіемъ...

— Тогда мы вотъ что сдѣлаемъ: Андрей Васильевичъ, батюшка, вы всѣхъ помоложе... извините, Маргарита Викентьевна,—обернулся къ ней офицеръ,—вы слишкомъ умны, чтобы сердиться за правду.

Марго усмѣхнулась и махнула рукою.

— Я зналъ, что вы не разсердитесь и не станете скрывать, что вамъ 26-ть лѣтъ, когда на видъ вамъ 18-ть!

— Будетъ, будетъ, Павлюкъ! Кончай, что началъ,—остановилъ его другой.—Твой языкъ, что колоколъ на веревкѣ—размахается, такъ не скоро перестанетъ!

— Итакъ, почтеннѣйшій Андрей Васильевичъ, подите—тутъ есть такая лавочка, гдѣ продаютъ всякія сласти, и принесите намъ оттуда шоколаду, конфектъ и фруктовъ, какіе есть получше.

— Сейчасъ схожу, — съ готовностью отвѣтилъ студентъ, вставая.

— Да вы не очень много, Андрей Васильевичъ... кто ѣсть будетъ,—остановила его Маргарита.

— Не безпокойтесь—съѣдимъ или кому-нибудь скормимъ! Идите.

Молодой человѣкъ быстро сбѣжалъ съ лѣстницы галлереи и затерялся въ толпѣ, двигавшейся на площадкѣ.

Въ то время, какъ онъ стоя, у кіоска для продажи фруктовъ и конфектъ, расплачивался съ продавщицей, кто-то положилъ ему руку на локоть и спросилъ:

— Что вы тутъ дѣлаете, голубчикъ?

Студентъ оглянулся. Подлѣ него стоялъ хорошо одѣтый, красивый господинъ лѣтъ отъ тридцати до сорока.

— Ахъ, Господи, это вы, Евгеній Николаевичъ!—проговорилъ онъ.

— Я-то я, а вы-то здѣсь зачѣмъ? И кому вы все это тащите?—усмѣхнулся тотъ.

— Я здѣсь въ компаніи съ дамою. Они сидятъ тамъ наверху. Пойдемте къ нимъ. Да вы знаете одного: съ нами Павелъ Ивановичъ Гриценко, — оживленно говорилъ студентъ, очевидно довольный встрѣчею.

— Ну-у,— протянулъ его собесѣдникъ. — Хорошая компанія, если Гриценко съ вами... хороша, должно быть, и дама!— Андрей Васильевичъ покраснѣлъ отъ этого тона и словъ.

— А вотъ и ошибаетесь! Совсѣмъ не изъ такихъ, какъ вы думаете. Да пойдемте, сами увидите,—живо возразилъ онъ.

— Хорошо. Я пойду хоть ради того, чтобы поглядѣть, кто это развращаетъ васъ,—согласился его собесѣдникъ.—Вы ужъ навѣрное, мой милый другъ, влюблены въ эту даму, что накупили ей столько угощенья.

— Вовсе нѣтъ, я нисколько не влюбленъ въ Маргариту Викентьевну, хотя она и очень милая!—усмѣхнулся студентъ.

— Господи, какое имя! Ужъ за него одного можно влюбиться! Гретхенъ, только изъ какого Фауста? Гёте? или другого: Le petit Faust...—засмѣялся Евгеній Николаевичъ.— Кстати: а фамилія?

— Орочанинова.

— Какъ?—быстро и какимъ-то особеннымъ тономъ переспросилъ Евгеній Николаевичъ.

— Орочанинова. А что? — добавилъ Андрей Васильевичъ, удивленный тономъ своего знакомаго.

— Ничего,—отвѣтилъ тотъ,—я гдѣ-то слышалъ эту фамилію,—и задумался.

Дѣло было въ томъ, что еще недавно Евгеній Николаевичъ прочелъ въ одномъ ежемѣсячномъ журналѣ повѣсть, подписанную этою фамиліею, и эта повѣсть поразила его простотою и вмѣстѣ безпощадною правдою своего содержанія.

Евгеній Николаевичъ самъ былъ писатель, а главнымъ образомъ, критикъ. Онъ былъ вовсе не поклонникъ дамской литературы и обыкновенно осмѣивалъ ее по малѣйшему поводу, не жалѣя сарказма, но эта повѣсть забрала и его за живое.

Подъ первымъ впечатлѣніемъ онъ даже написалъ было ея разборъ и хотѣлъ напечатать, но потомъ передумалъ.

Евгенію Николаевичу почему-то казалось, что писать такъ, какъ была написана эта повѣсть, долго и много нельзя, не обладая выдающимся талантомъ, а такого таланта въ женщи-

нахъ онъ не допускалъ. Другое дѣло, если бы повѣсть была подписана мужскимъ именемъ, тогда можно было бы привѣтствовать новый, начинающій талантъ.

Евгенію Николаевичу захотѣлось узнать, былъ ли это первый дебютъ неизвѣстной писательницы, или она работала уже раньше. Онъ сталъ разспрашивать, но никто ничего ему сказать не могъ. Имя Орочаниновой было совсѣмъ ново на литературномъ рынкѣ: никто ничего не слышалъ о ней.

Евгеній Николаевочъ совѣтовалъ прочитать повѣсть, и почти всѣмъ, послѣдовавшимъ совѣту, она нравилась или, по крайней мѣрѣ, казалась оригинальною. Теперь, произнесенная его молодымъ пріятелемъ фамилія вдругъ напомнила Евгенію Николаевичу его тщетные распросы объ Орочаниновой, и ему подумалось, не является ли случай узнать, что хотѣлось, изъ первыхъ рукъ.

Между тѣмъ они поднялись наверхъ и подошли къ столику, за которымъ сидѣла компанія Андрея Васильевича.

Критикъ прежде всего взглянулъ въ лицо дамы и опять удивился: оно было ему положительно знакомо, онъ гдѣ-то его видѣлъ, но гдѣ? когда?

Ихъ приближеніе было замѣчено.

— А, Евгеній! Евгеній Онѣгинъ! — такъ громко привѣтствовалъ Гриценко Евгенія Николаевича, что сосѣди оглянулись на нихъ.—Милости просимъ! Гдѣ это вы, батенька, его выловили?—обратился онъ къ Андрею Васильевичу.

— Я самъ его выловилъ, — отвѣтилъ критикъ, усмѣхнувшись и отвѣчая на пожатіе руки своего пріятеля.

— Ты одинъ? Въ такомъ случаѣ садись съ нами, спроси себѣ что-нибудь поѣсть и выпьемъ вмѣстѣ.

— Но я незнакомъ...—началъ было Евгеній Николаевичъ, кидая взглядъ на Маргариту и ея третьяго сотрапезника.

— Вотъ какая бѣда — сейчасъ познакомишься! Позволь представить: Маргарита Викентьевна Орочанинова, ея двоюродный братъ—Сергѣй Сергѣевичъ Орочаниновъ, а это Евгеній Николаевичъ Волынцевъ, критикъ и писатель, большой зубоскалъ, но добрѣйшая душа — для пріятеля поставитъ ребромъ послѣдній грошъ и попрекаться не будетъ, а для краснаго словца не пожалѣетъ матери-отца, которыхъ, впрочемъ, въ настоящее время у него ужъ не имѣется—да будетъ земля надъ ними пухомъ!

Волынцевъ пожалъ двѣ протянутыя ему руки его новыхъ знакомыхъ и постарался удержать краснорѣчіе своего пріятеля.

— Ну, будетъ тебѣ... всѣ сосѣди слушаютъ!

— А пусть ихъ слушаютъ—имъ же веселѣй!

Видя, что спорить напрасно, Волынцевъ постарался перевести разговоръ на другую тему.

— Въ такомъ случаѣ, если я не буду лишній, то присоединюсь съ удовольствіемъ къ вашему обществу, — сказалъ онъ.

— Сдѣлайте одолженіе, отъ этого мы будемъ только въ выигрышѣ,—отвѣтилъ Орочаниновъ.

Волынцевъ сѣлъ на давно ужъ подвинутый ему лакеемъ стулъ и спросилъ карту.

— А вѣдь сейчасъ начнется второй актъ... Слышите: звонятъ,—замѣтилъ Орочаниновъ.

— И пусть ихъ! Здѣсь гораздо лучше. Не знаю, какъ другіе, но я охотнѣе просижу здѣсь, чѣмъ пойду въ этотъ душный сарай-театръ, — сказала Маргарита.—Да я думаю, и вы всѣ такого же мнѣнія.

— Разумѣется... умныя рѣчи пріятно и слушать... позвольте за это вашу ручку поцѣловать!—выпалилъ Гриценко и, прежде чѣмъ Маргарита могла воспрепятствовать, схватилъ ея руку и поцѣловалъ черезъ столъ.

— А теперь, дайте, я еще вамъ налью и чокнемтесь за ваше здоровье.

Маргарита исполнила желаніе своего веселаго кавалера.

Волынцевъ осторожно наблюдалъ за нею. Первое впечатлѣніе выходило какимъ-то смѣшаннымъ. Наружность Маргариты понравилась критику.

— Не хороша, строго говоря, но симпатична и нравиться можетъ, даже очень. Одѣта просто, но со вкусомъ и чуть чуть смѣло, въ этомъ родѣ одѣваются иногда порядочныя женщины, желающія походить на кокотокъ, иногда кокотки, желающія походить на порядочныхъ женщинъ... впрочемъ, послѣднее встрѣчается рѣже перваго — дурной примѣръ заразителенъ. Пьетъ шампанское очень смѣло... Гриценко цѣлуетъ у ней руки.—Здороваясь, жметъ руку по мужски. Кажется — барышня... еще молодая... кстати, сколько можетъ быть ей лѣтъ? Меньше 20-ти не можетъ быть, но на видъ едва ли дашь больше. Одна, въ мужской компаніи. Этотъ господинъ ея дво-

юродный братъ... гм... кажется, да, я не ошибаюсь... у него на пальцѣ обручальное кольцо. Впрочемъ: „honni soit qui mal y pense!“ Это ужъ такъ, по привычкѣ, приходятъ въ голову разныя гадости относительно своихъ ближнихъ! А только я ее положительно видѣлъ и даже начинаю припоминать—гдѣ...

— Какими судьбами попалъ ты сюда?—между тѣмъ спрашивалъ Гриценко, прерывая размышленія Волынцева, которыя, впрочемъ, отлично вязались у того съ продолженіемъ разговора,—ты вѣдь терпѣть не можешь оперетки.

— Да надо же какъ нибудь убить вечеръ, а куда пойдешь въ этотъ мертвый сезонъ? Театровъ нѣтъ, знакомые всѣ разъѣхались, или тоже слоняются по заведеніямъ этого рода,—отвѣтилъ Волынцевъ.

— Я думалъ, что ты уѣхалъ. Ты говорилъ, что собираешься не то заграницу, не то въ Крымъ.

— Я поѣду, только позднѣе.

— Вотъ счастливый человѣкъ! И деньги есть и свобода—не то, что нашъ братъ: сиди себѣ въ своемъ растреклятомъ Красномъ! замѣтилъ Гриценко, да майся на маневрахъ...

— Ну, запѣлъ Лазаря! усмѣхнулся Волынцевъ.

— Тебѣ хорошо его не пѣть! Тебѣ по скольку съ листа то платятъ? Поработалъ часъ другой и нѣсколько сотенъ въ карманѣ. Да еще всякій тебя тронуть побоится: такъ отщелкаешь въ газетѣ, что небо съ овчинку покажется. Не ты ходишь просить о работѣ, а къ тебѣ ходятъ: напишите, молъ... всякому лестно... Книга ли новая выйдетъ, пьесу ли сыграютъ, картину ли выставятъ, всякій хлопочетъ получить отзывъ Волынцева, потому что публика смотритъ твоими глазами, слушаетъ твоими ушами и судитъ твоимъ умомъ. Ты дѣлаешь успѣхъ или устраиваешь провалъ: какъ же ты не сила? Какъ тебѣ не кланяться?

— Я все ждалъ, что ты прибавишь, что я взятки беру за свои отзывы! улыбнулся Волынцевъ.

Гриценко махнулъ рукою.

— Вѣдь вотъ языкъ-то у тебя—не можетъ не ужалить! Тебѣ нѣтъ нужды брать взятки... а впрочемъ, можетъ быть ты ихъ и берешь, только не прямо и не деньгами, и потому можешь кичиться своею честностью!

— Спасибо! Спорить не стану... пожалъ плечами критикъ.

— И я тоже! съ комически-смиренною миною согласился

Гриценко. Да, что ни говори, а такимъ господамъ, какъ ты— не житье, а масляница! Хоть бы пустяки какіе-нибудь: другой, простой смертный, бьется, бьется достать себѣ билетъ въ театръ на первое представленіе, а вамъ, представителямъ печати—честь и мѣсто! Вы славу дѣлаете, вы на весь міръ прокричите, если васъ обидѣли, и вездѣ вы на первомъ мѣстѣ!

— И бьютъ иногда насъ—журналистовъ и репортеровъ, при случаѣ, первыхъ же!

— Если это и случается, то по большей части въ какихъ нибудь воинствующихъ краяхъ, въ родѣ нашего остзейскаго, или заграницею, да и то какую-нибудь мелкую сошку побьютъ, а ужъ съ тобою-то этого не случится...

— Надѣюсь! равнодушно отвѣтилъ Волынцевъ, но его взглядъ потемнѣлъ и расширился.

— Ты живешь, что сыръ въ маслѣ катаешься...

— По твоимъ словамъ, положеніе писателя выходитъ какою-то синекурою, но ты не берешь въ разсчетъ того, сколько приходится ему перенести, прежде чѣмъ онъ добьется хоть сноснаго положенія, а потомъ сколько надо употреблять постоянно усилій, чтобы не спуститься ниже и всегда удовлетворять своихъ читателей и критику, во что обходится это постоянное напряженіе ума и нервовъ...

— Что касается этого вашего нервничанья, то оно, по-моему, просто что-то въ родѣ женскаго кокетства... не такъ ли, Маргарита Викентьевна? Да постой, ты не одинъ представитель литературы! Скажите, Маргарита Викентьевна, правда ли, что такъ трудно писать? Вы вѣдь писательница...

При этомъ неожиданномъ обращеніи Гриценко къ ней Маргарита покраснѣла, тѣмъ болѣе, что взгляды всѣхъ ея сотрапезниковъ направились на нее, но все-таки хорошо ихъ выдержала и улыбнулась.

— Это трудно рѣшить: не только разнымъ людямъ, но и одному и тому же человѣку можетъ быть легче или труднѣе писать, смотря по настроенію, обстоятельствамъ и т. д., сказала она.

Но Гриценко вовсе не нужно было этого объясненія, у него на умѣ было ужъ совсѣмъ другое.

— Вотъ ты не знаешь, а Маргарита Викентьевна у насъ писательница и, ей Богу, не дурная! Вы смѣетесь, m-elle Марго, но, клянусь бутылкою, вашъ послѣдній романъ такъ

заинтересовалъ меня, что я не могъ спать, пока не кончилъ его всего. Тебѣ бы тоже слѣдовало прочитать, да написать разборъ, а то все роешься въ разныхъ древностяхъ... хороши-то онѣ хороши, да надо же и о современномъ вспомнить!

— Ваше произведеніе напечатано недавно въ „Огнивѣ“ подъ заглавіемъ: „Сѣрые дни?“ — обратился Волынцевъ къ Маргаритѣ.

— Да,—отчасти удивленно отвѣтила та.

— Вотъ видишь, я замѣтилъ романъ Маргариты Викентьевны и безъ твоего просвѣщеннаго указанія,—замѣтилъ критикъ Гриценко,—я даже статью по поводу его написалъ.

— Едва ли только лестную для моего самолюбія, вы не любитель „дамской литературы“,—сказала Маргарита, рѣшительно идя навстрѣчу рѣзкому приговору критика.

— Согласитесь, однако, что я правъ въ своей антипатіи: женскія произведенія рѣдко поднимаются выше золотой посредственности во всѣхъ искусствахъ, за исключеніемъ сценическаго.—улыбнулся Волынцевъ.

— Однако не безъ исключеній,—вмѣшался студентъ.

— Исключенія вообще подтверждаютъ правила — во-первыхъ, а во-вторыхъ: много-ли было этихъ исключеній? Два-три — не болѣе, да и то сомнительныхъ... не правда-ли? — обратился Волынцевъ къ молчавшему до сихъ поръ Орочанинову.

Гриценко засмѣялся.

— Ну, ужъ его съ этимъ вопросомъ надо оставить въ покоѣ! Онъ ничего не читаетъ, кромѣ газетъ, да и то главнымъ образомъ съ цѣлью нагнать на себя сонъ послѣ обѣда!— отвѣтилъ онъ за Орочанинова.—Вотъ это человѣкъ, дѣйствительно, занятой: онъ дѣлаетъ деньги, но только не такимъ способомъ, за какой на Сахалинъ посылаютъ, разумѣется... Онъ покупаетъ, продаетъ и т. д. Это хотя не такъ красиво и патріотично, какъ моя игра въ солдатики, и не такъ поэтично и умно, какъ твое писанье, но куда выгоднѣе. За то у моего добраго друга Сергѣя Сергѣевича есть кое-что: онъ живетъ на дачѣ въ Петергофѣ, у него есть экипажи и лошади, прекрасная обстановка, нарядная жена, хорошо воспитанныя дѣти, абонементъ въ оперѣ и у французовъ, прекрасный столъ, искрометное вино... Что же вы не пьете, Маргарита Викентьевна? Это вино тоже недурно... За ваше здоровье!

— Она заслушалась твоего краснорѣчія! — усмѣхнулся Орочаниновъ, впрочемъ ничего не имѣя противъ своего портрета, сдѣланнаго Гриценко, престижъ хорошихъ средствъ онъ по опыту считалъ не лишнимъ.

— Вы, дѣйствительно, читали мой романъ и написали о немъ?—спросила Маргарита Волынцева, пользуясь тѣмъ, что остальные собесѣдники отвлеклись другимъ разговоромъ.

— Да.

— Я нигдѣ не встрѣчала вашей статьи.

— Это потому, что я ея не напечаталъ. Я на столько заинтересовался вашимъ произведеніемъ, что мнѣ захотѣлось освѣдомиться побольше объ авторѣ; къ сожалѣнію, я ничего не могъ узнать и никакъ не ожидалъ, что узнаю это сегодня здѣсь. Скажите: это не первое ваше сочиненіе?

— Нѣтъ. Я начала печататься съ 18-ми лѣтъ, теперь мнѣ двадцать шесть, какъ видите—я старый писатель,—усмѣхнулась, какъ показалось Волынцеву, не весело Маргарита.

— Гдѣ же вы сотрудничали? До этого послѣдняго раза я не встрѣчалъ вашего имени.

— У меня былъ псевдонимъ, а печаталась я въ „Жатвѣ“ при старой редакціи. Теперь, какъ вамъ вѣрно извѣстно, этотъ журналъ пріобрѣтенъ евреемъ, и мы разошлись.

— И хорошо сдѣлали! Писать въ этомъ журналѣ — это значитъ портить свою литературную репутацію. Стараго редактора я зналъ: онъ былъ человѣкъ нѣсколько крайнихъ убѣжденій и немного неразборчивый, но умный. Я теперь припоминаю, онъ говорилъ мнѣ разъ о какомъ-то начинающемъ въ его журналѣ молодомъ талантѣ, но, каюсь, я тогда не обратилъ вниманія.

Маргарита равнодушно усмѣхнулась.

— Вотъ вы сказали,—заговорила она по нѣкоторомъ молчаніи,—что участіемъ въ такихъ журналахъ портишь свою репутацію, но какъ же быть иначе? Въ болѣе видные журналы попасть не легче, чѣмъ въ царство небесное... тамъ, какъ говорятъ, хоть справедливо судятъ, а здѣсь, помимо знакомства или ужъ громкаго имени, ничего не сдѣлаешь. Я до сихъ поръ не могу понять, какъ попала въ „Огниво“, хотя и по рекомендаціи, а разъ я просто снесла туда мою работу, такъ мнѣ возвратили рукопись, кажется, не читавши.

— Это иногда случается, — согласился Волынцевъ,—тѣмъ

болѣе, что въ литературѣ, какъ почти вездѣ теперь, предложеніе превышаетъ спросъ. Впрочемъ, я увѣренъ, что настоящій, выдающійся талантъ, все-таки, пробьетъ себѣ дорогу!

— Даже если его не читаютъ?—улыбнулась Маргарита.

— Не всегда же не читаютъ!—отвѣтилъ Волынцевъ.

— А скажите, что вы обо мнѣ написали? Похвалили или похулили? Мнѣ бы очень хотѣлось знать, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ я не могу похвастать, чтобы критика, какая бы она ни была, обращала на меня вниманіе.

— Разсказать трудно, но, если желаете, я вамъ пришлю мою замѣтку, будьте только любезны дать свой адресъ.

— Съ удовольствіемъ.

Волынцевъ записалъ въ своей книжкѣ адресъ Маргариты.

— Вотъ теперь мнѣ хотѣлось бы выяснить еще одинъ вопросъ, — продолжалъ онъ, — мнѣ кажется, что мы встрѣчались прежде, по крайней мѣрѣ мнѣ ваше лицо напомнило кое-что.

— А что именно? Скажите. Весьма возможно, что и у меня есть такія же воспоминанія.

— Не случилось-ли вамъ давно, года три-четыре назадъ, продавать фрукты и конфекты на одномъ изъ вечеровъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ?

— Да.

— Значитъ я не ошибся — я васъ тамъ видѣлъ и запомнилъ.

— И я могу сказать то же самое. Вы подошли къ моему столу съ какою-то молодою, нарядною и очень красивою дамою, купили что-то и не взяли сдачи.

— Я былъ съ женою.

— Волынцевъ, ты давно не былъ у Симбирскаго?—вдругъ прервалъ его Гриценко.

— Нѣтъ.

— То-то онъ мнѣ попрекался, что давно тебя не видалъ. Видно, не съ кѣмъ спорить.

— Я непремѣнно зайду къ нему на дняхъ: у меня есть относительно его планъ,—отвѣтилъ Волынцевъ.

— Какой?

— Въ случаѣ, если поѣду въ Крымъ, взять его съ собой.

— Вотъ это будетъ славно съ твоей стороны! Ему непремѣнно надо отдохнуть и провѣтриться, а то чахотка у него

на носу сидитъ, — сказалъ Гриценко. — Я бы самъ устроилъ ему что-нибудь въ этомъ родѣ, кабы твои средства.

— Это художникъ Симбирскій?— спросила Маргарита.

— Да. Вы знакомы съ его картинами?

— Конечно... но какое тяжелое впечатлѣніе онѣ оставляютъ.

— Да, ужъ что до этого!—слегка поклонился и развелъ руками Гриценко.

— У меня нервы не изъ слабыхъ, а и то иной разъ чувствуешь себя неловко въ его мастерской,—сказалъ Волынцевъ.— Всѣ эти вывернутые члены, напряженные мускулы, искаженныя лица, голое мясо и жилы — не знаешь, куда поглядѣть! Я думаю, что если бы собрать всѣ его этюды, то получилась бы недурная иллюстрація разныхъ казней и пытокъ. Мы въ своемъ кружкѣ прозвали Симбирскаго Рибейрой за эту страсть къ мрачнымъ сюжетамъ. Вѣрно вамъ извѣстно, что этотъ представитель испанской школы писалъ тоже въ такомъ родѣ, только онъ бралъ содержаніе изъ исторіи церкви, а нашъ Димитрій Всеволодовичъ весь ушелъ въ средніе вѣка, гдѣ просторъ его фантазіи и реализму еще большій, — продолжалъ Волынцевъ.

— Помните его картину „Процессъ колдуньи?“ Гадость какая,—поморщившись спросилъ студентъ.

— Это еще ничего, а вотъ была ужасная картина, изъ венеціанской исторіи что-то. Помнишь: тутъ дожъ съ такимъ страдающимъ лицомъ, точно онъ самъ въ пыткѣ, судьи, палачи... кто-то въ обморокѣ на пыточномъ колесѣ, а у его ногъ въ обморокѣ отъ ужаса женщина.

— „Пытка Фоскари“... Это его Байронъ вдохновилъ, — отвѣтилъ Волынцевъ.

— Хорошо вдохновеніе, отъ котораго морозъ по кожѣ подираетъ!

— Я согласенъ, что правда въ искусствѣ вовсе не требуетъ, чтобы доходили до такого реализма, но согласиться надо, что Симбирскій хорошо знаетъ то, что берется изображать. Онъ въ этомъ отношеніи не похожъ на тѣхъ художниковъ, которые только нахватались верхушекъ, а чуть что поглубже, такъ и становятся въ тупикъ. Любому археологу или историку можно смѣло показать каждую изъ его картинъ и онъ не найдетъ въ ней ни одной ошибки отъ фасона платья

до пыточныхъ клещей, а всякій психологъ и физіономистъ, глядя на изображенныя имъ лица, тоже не можетъ не признать ихъ типичности и правды выраженія. Симбирскій массу читалъ, видѣлъ все, что могъ въ томъ родѣ, въ какомъ ему было надо, онъ уменъ, хотя фанатикъ своей идеи, и большой, оригинальный талантъ.

— Жаль только, что Митя, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, на человѣка мало похожъ... Хочешь, разскажу, какъ я засталъ его въ послѣдній разъ?

— Пожалуйста, Павелъ Ивановичъ, это очень интересно,— попросила Маргарита.

— А вы что же ничего не кушаете? Конфектъ? Фруктовъ? Позвольте, я долью вашъ стаканъ...

— Довольно. Вы, кажется, хотите напоить меня...

— Что же за бѣда? Мы здѣсь между своими, никто сора изъ избы не вынесетъ. А ты, Евгеній, хорошъ кавалеръ! Сидишь рядомъ съ дамою и не смотришь, что у ней стаканъ пустой!

— Хорошо, хорошо, Павелъ Ивановичъ, оставьте это! Вы обѣщали разсказать про вашъ визитъ къ Симбирскому, это гораздо интереснѣе моего стаканчика, — остановила Маргарита Гриценко.

— Извольте, Маргарита Викентьевна, ваши желанія для меня законъ, но вы знаете изреченіе: „это слѣдовало дѣлать и того не оставлять!“

— Ну, душа моя, оставь хоть Евангеліе въ покоѣ!—замѣтилъ Волынцевъ.

— А вы, господа-писаки, развѣ слѣдуете этому правилу? Нынче у васъ въ моду вошло теребить его, забывая заповѣдь: „не пріемли имени Господа Бога твоего всуе“.

— Однако, мы никакъ не можемъ добраться до Симбирскаго!—усмѣхнулся Орочаниновъ.

— Постарайтесь унять этотъ потокъ краснорѣчія, можетъ быть вы будете счастливѣе!—засмѣялся Волынцевъ.

Гриценко аффектированно отвернулся, точно чтобы другіе не видѣли его жеста, и показалъ Волынцеву кончикъ языка. Тотъ только рукою махнулъ.

— Ну, ужъ это при дамѣ...

— А ты молчи!.. Никто не видалъ, такъ своего добра по чужому адресу не передавай!—живо огрызнулся Гриценко.—

Мое же краснорѣчіе гораздо легче унять, чѣмъ твое, когда ты печатно ругаешься съ кѣмъ нибудь. Извольте слушать, Маргарита Викентьева: я вамъ буду разсказывать,— обратился онъ къ той.—Не знаю, извѣстно ли вамъ, что означенная знаменитость Рибейра-Симбирскій обитаетъ, такъ же какъ вы сами, на Васильевскомъ островѣ, не далеко отъ академіи. Домъ, гдѣ онъ живетъ, очень поганый и лѣстница тоже, но онъ на это вниманія не обращаетъ, для него главное, что тамъ большая, свѣтлая и высокая мастерская, есть гдѣ разложиться и развѣситься. Ну вотъ, прихожу я къ нему въ прошлый четвергъ, часу въ первомъ. „Дома“? спрашиваю. „Дома, пожалуйте“. Вхожу не безъ страха. Знаете, хотя я и не робкаго десятка, но Симбирскій иногда такъ приметъ, когда ему помѣшаешь—придешь не во время, что во второй разъ не захочешь. Нѣтъ, смотрю, не работаетъ. Шторы на окнахъ подняты, въ комнатѣ ослѣпнуть можно, такъ свѣтло, и жарко, какъ въ пеклѣ. Передъ окнами мольбертъ съ приготовленнымъ холстомъ и на немъ намалеваны углемъ какія-то фигуры, должно быть что нибудь въ его обычномъ стилѣ: „его милость сбираются тѣшить, тамъ кого-то рубить или вѣшать“. Рядомъ задрапированный въ бархатный плащъ манкенъ, для чего-то еще зеркало прилажено, а въ него черепъ смотрится... однимъ словомъ, настоящій художественный безпорядокъ... Самъ Митя среди всего этого, растрепанный, въ грязной блузѣ, сидитъ и закусываетъ на краю стола: тутъ и яичница, и сыръ, и чайникъ. У его ногъ завтракаетъ Посейдонъ. Надо вамъ сказать, что этотъ морской богъ—ньюфаундлендъ—добрѣйшая, умнѣйшая душа и прекраснѣйшая рожа. Если бы я былъ такъ красивъ по человѣчьи, какъ Посейдонъ красивъ по собачьи, я бы думалъ о себѣ безъ границъ, а онъ ничего.

— А почему вы такъ увѣрены въ скромности Посейдона?— усмѣхнулся студентъ Бѣлогоровъ.—Можетъ быть и онъ думаетъ о себѣ?

— Сомнѣваюсь, а если бы и такъ, то это было бы не безъ основанія. Представьте, Маргарита Викентьевна, Симбирскій разъ написалъ портретъ Посейдона, огромную, славную голову, въ натуральную величину, и одна барыня такъ влюбилась въ него, что умолила Митю продать ей картину за хорошія деньги и повѣсила у себя въ будуарѣ вмѣсто портрета мужа, который у ней, кстати сказать, много хуже. Не смѣйтесь—

правда! Ну-съ, я продолжаю: завтракаютъ они, а кромѣ того подлѣ Мити лежитъ какая-то толстая книга и онъ отмѣчаетъ въ ней карандашомъ. Со мною онъ поздоровался, предложилъ закусить, если хочу, а про себя сказалъ, что сейчасъ будетъ готовъ, только дочитаетъ немного. Обрадованный такимъ любезнымъ пріемомъ, я остался. Симбирскій, дѣйствительно, скоро кончилъ, захлопнулъ книгу и обратился ко мнѣ. Первымъ долгомъ онъ спросилъ про тебя, Евгеній, сказалъ, что думалъ, что ты ужъ уѣхалъ, такъ какъ не идешь къ нему, а онъ хотѣлъ бы тебя видѣть, потому что кончилъ одну работу и хочетъ знать твое объ ней мнѣніе. Я спросилъ, кого онъ опять терзаетъ на этой картинѣ? „Никого“, говоритъ, „я теперь Шекспира изучаю, хочу взять изъ него нѣсколько темъ. Для начала написалъ „Ромео и Юлію“. „Вѣрно, сцену ихъ смерти?“ спрашиваю. „Нѣтъ, я написалъ ихъ въ спальной Юліи, но только нѣсколько иначе, чѣмъ ихъ изображаютъ на конфектныхъ коробкахъ или въ оперѣ“. Можете себѣ представить, какъ меня заинтересовало это предисловіе, я только не зналъ, согласится ли Митя показать мнѣ, но онъ предложилъ это и безъ моей просьбы.

— Ну, и что же? — съ интересомъ спросилъ Волынцевъ.

— Картина замѣчательная въ своемъ родѣ. Написано, конечно, прекрасно, объ этомъ говорить нечего — техническихъ трудностей для Мити не существуетъ. Лица очень хороши, гдѣ онъ выкопалъ такія, ужъ не знаю, но вообще, картина нѣсколько странная, дѣйствительно, не похожая на то, какъ это принято изображать, а между тѣмъ Митя правъ, и если его картина не передаетъ дѣйствительности, то только потому, что она ея красивѣе.

— Любопытно посмотрѣть, я непремѣнно заѣду къ нему на дняхъ,—замѣтилъ Волынцевъ.

— Въ чемъ же дѣло на картинѣ?—спросилъ Орочаниновъ.

— Я ужъ плохо помню Шекспира—давно его не читалъ, но, какъ Митя разсказывалъ, онъ взялъ ту минуту, когда Ромео замѣчаетъ, что ихъ счастливая ночь кончилась и наступаетъ утро его отъѣзда изъ Вероны.

— Я догадываюсь, какъ это должно быть,—вставилъ Волынцевъ.

— Да... Представь себѣ комнату, богато меблированную, во вкусѣ того времени,—продолжалъ Гриценко, вспоминая и

увлекаясь желаніемъ передать своимъ слушателямъ полностью свое впечатлѣніе,—по мебели разбросаны разныя принадлежности туалета... Ромео только что оторвался отъ Джульетты, встревоженный утреннимъ пѣніемъ птицъ, подошелъ къ окну и открылъ его. Въ окно видны горы, освѣщенныя восходящимъ солнцемъ, и ясное небо. Въ комнату солнце еще не попадаетъ, но дневной свѣтъ ужъ заставилъ поблѣднѣть лампаду передъ образомъ Мадонны въ углу. Ромео блѣденъ, взволнованъ и очень красивъ, но совсѣмъ еще мальчикъ, какъ это и должно быть по легендѣ. Сзади него съ постели, съ которой падаетъ богатое покрывало, приподнимается съ распущенными волосами, въ ночномъ костюмѣ Джульетта. Это тоже еще совсѣмъ дѣвочка, съ разгорѣвшимися щеками и страстнымъ взглядомъ. Она еще не можетъ понять дѣйствительности и того, почему въ ея миломъ произошла такая внезапная перемѣна, не можетъ сознать, что ея свѣтлый сонъ кончился... На ея лицѣ больше недоумѣнія, тогда какъ на лицѣ Ромео ужъ отразилось страданье отъ предстоящей разлуки.

— Однако вы, Павелъ Ивановичъ, чуть ли не поэтъ: прекрасно разсказали,—улыбнулась Маргарита.

Гриценко на минуту точно споткнулся въ своемъ краснорѣчіи—онъ не любилъ, если его ловили въ тѣ минуты, когда онъ переставалъ паясничать и искренно увлекался чѣмъ-нибудь. Впрочемъ, онъ живо выпутался.

— Вы знаете, Маргарита Викентьевна, что я помаленьку на всѣ руки, а кромѣ того, съ Митею поневолѣ станешь поэтомъ. Если бы вы знали, какое богатство, какая душевная сила въ этомъ человѣкѣ, и все это онъ не цѣнитъ ни во что! Обладай кто-нибудь другой такимъ талантомъ, о немъ кричалъ бы весь свѣтъ, а Митю едва знаютъ; другой зарабатывалъ бы тысячи—Митя, можетъ быть, голодалъ бы, еслибъ не проценты съ небольшаго капитала, оставленнаго ему не то теткою, не то бабушкою. Другому сервировали бы на серебрѣ и фаянсѣ—Митя ѣстъ на отбитой тарелкѣ; другой ѣлъ бы страсбургскіе пироги и другіе деликатесы — Митя ѣстъ, что придется; другой пилъ бы шампанское—онъ пьетъ холодный чай безъ сахара; другой ѣздилъ бы въ своихъ экипажахъ—Митя ходитъ пѣшкомъ; другой одѣвался бы щеголемъ—Митя одѣтъ только прилично...

— Все это такъ, но если Симбирскій отказываетъ себѣ, или не чувствуетъ потребности, во всѣхъ этихъ внѣшнихъ вывѣскахъ моднаго живописца, за то онъ не отказываетъ ни въ чемъ своему искусству, — перебилъ Гриценко Волынцевъ.— Книги ли, рисунки, вещи ли какія ему нужны, все это онъ достаетъ не смотря на издержки, а это куда нужнѣе художнику, чѣмъ костюмъ отъ дорогого портнаго, или разстраивающіе нервы и здоровье кутежи...

— Браво! Евгеній Николаевичъ Волынцевъ, проповѣдующій аскетизмъ и воздержаніе! Это ново—и стоило бы газетной статьи, но только всякій могъ бы тебѣ сказать: лекарь, излечи себя самъ! Всѣмъ извѣстно, что ты вовсе не равнодушенъ къ благамъ міра сего и кое чѣмъ ради нихъ пожертвовалъ.

При послѣднихъ словахъ своего неугомоннаго пріятеля, краска неожиданно кинулась въ лицо критика, на губы ему просился рѣзкій отвѣтъ, но онъ сдержался, зная, что что бы онъ ни сказалъ въ предѣлахъ возможнаго, Гриценко ничѣмъ не проймешь, а заводить непріятный разговоръ въ общественномъ мѣстѣ и при постороннихъ, Волынцевъ не чувствовалъ въ себѣ достаточно мужества. Самымъ благоразумнымъ было не настаивать на продолженіи бесѣды, и это было тѣмъ удобнѣе, что ужинъ былъ конченъ и, несмотря на плаксивые протесты Гриценко, готоваго всю ночь не вставать изъ за стола, Орочаниновъ потребовалъ счетъ, и немного спустя вся компанія пошла внизъ въ садъ.

II.

Дня три спустя Маргарита сидѣла въ саду, принадлежавшемъ къ одноэтажному дому-особняку, въ которомъ жилъ ея двоюродный братъ Сергѣй Сергѣевичъ Орочаниновъ со своимъ семействомъ, и читала присланную ей Волынцевымъ замѣтку о ея повѣсти.

Каждому человѣку трудно представить себѣ впечатлѣніе, производимое имъ на другихъ. Онъ, такъ сказать, можетъ видѣть послѣдствія, но не причины. Пріятенъ ли онъ кому-нибудь, онъ скоро узнаетъ, но чѣмъ пріятенъ, это узнать ужъ гораздо труднѣе.

Еще въ большее затрудненіе въ этомъ смыслѣ поставленъ писатель, художникъ, артистъ или композиторъ. Онъ можетъ быть очень строгъ къ себѣ, безпристрастенъ насколько возможно, и все таки никогда не пойметъ, чѣмъ онъ наиболѣе подкупаетъ свою публику.

Иной разъ успѣхъ дается именно тамъ, гдѣ его всего менѣе ожидаешь, какая нибудь неуловимая, часто безсознательная черта задѣнетъ чувствительную струну зрителя, читателя или слушателя, и успѣхъ обезпеченъ, а между тѣмъ, это далось мимоходомъ, тогда какъ исполненіе или созданіе, въ которое положено наиболѣе труда, мысли, плоти и крови создателя, иногда проходитъ незамѣченнымъ, если еще не хуже.

Такія противорѣчія могутъ служить доказательствомъ того, что талантъ—подарокъ неба, что его нельзя выработать никакимъ стараніемъ, что если насиловать его свободу, то онъ можетъ зло посмѣяться надъ такою тираніею, что признававшееся во всѣ времена и во всѣхъ искусствахъ самымъ прекраснымъ обязано было своимъ появленіемъ минутному вдохновенію, а не продолжительному изученію.

Слишкомъ субъективное отношеніе создателя къ своему созданію мѣшаетъ ему видѣть, какое можетъ оно произвести впечатлѣніе на другихъ, а между тѣмъ всякое искусство имѣетъ значеніе только по стольку, по скольку оно оказываетъ впечатлѣніе на массу, на толпу.

Маргарита писала съ дѣтства: ей было девять лѣтъ, когда она написала свое первое произведеніе. Въ пятнадцать она въ первый разъ написала кое-что настолько сносное, что оно понравилось ея близкимъ и они открыли въ ней талантъ. Съ этихъ поръ Маргарита начала мечтать о литературной дѣятельности.

Въ восемнадцать лѣтъ ее въ первый разъ напечатали. Два года спустя ей удалось написать такую милую и оригинальную вещь, что всѣ ее читавшіе заговорили о выдающемся талантѣ молодой писательницы, но съ этихъ поръ Маргарита сама начала разувѣряться въ своемъ призваніи. Почему это было—она сама не знала.

Не то чтобы она разочаровалась, потому что успѣхъ не пришелъ эффектно, громко и быстро, какъ ей случалось слышать и читать про другихъ, не то чтобы она не могла больше писать, или ея произведенія не находили сбыта, но самолю-

біе автора, стремленіе къ успѣху совершенно исчезли въ ней.

Тѣмъ болѣе ее удивила статья Волынцева. Маргаритѣ даже показалось, что она читаетъ не про себя, а про кого-то другого. Ее удивилъ необыкновенно серьезный тонъ критика касательно того, къ чему она относилась слегка. Въ общемъ, не смотря на нѣкоторыя замѣчанія, разборъ былъ очень благопріятенъ.

Маргарита скоро прочла и задумалась.

— Долженъ же онъ понимать въ этомъ дѣлѣ, и вотъ онъ находитъ во мнѣ талантъ... почему же это я сама въ него не вѣрю?—думала Маргарита, вспоминая Волынцева и его умное, красивое лицо.

На дорожкѣ сзади послышались шаги. Маргарита оглянулась и увидѣла шедшаго къ ней Сергѣя Сергѣевича.

— Здравствуй!—протянула она ему руку, не вставая.

Орочаниновъ взялъ ее и поцѣловалъ.

— Перестань... не дурачься!—слегка нахмурилась Маргарита.—Поѣдешь ты сегодня на дачу?

— Да. Если Ольга спроситъ, когда ты будешь у насъ, что сказать?

— Скажи, что можетъ быть въ субботу.

— Отлично! А въ пятницу я останусь въ городѣ, у меня будетъ кое кто пить чай и я разсчитываю на тебя въ качествѣ хозяйки.

— Кого ты ждешь?

— Кое кого интереснаго и для тебя.

— Напримѣръ?—вопросительно приподняла брови Маргарита.

— Хоть Волынцева.

— Ты хочешь съ нимъ познакомиться?

— Да... а что?

— Ничего... Кстати, ты знаешь, я сейчасъ читала его критическій разборъ моего романа.

— Что же онъ пишетъ? — спросилъ Орочаниновъ, взявъ бумагу изъ рукъ Маргариты и просматривая ее.

— Въ общемъ — очень лестно. Лѣтъ пять назадъ я была бы отъ этого на седьмомъ небѣ, да тогда, пожалуй, это имѣло бы основаніе, но теперь это орѣхи для беззубой бѣлки.

— Ты чудачка, Марго!

— Можетъ быть, впрочемъ это не интересно... Скажи луч-

ше, что можетъ быть общаго между Волынцевымъ и Гриценко, что они коротко знакомы?

— Они чуть ли не родственники, а кромѣ того оба любятъ пожить весело—вотъ и точка соприкосновенія,—отвѣтилъ Орочаниновъ.

— А между тѣмъ Волынцевъ почти разсердился, когда Гриценко упомянулъ, что онъ неравнодушенъ къ благамъ земнымъ,—замѣтила Маргарита.

— Я думаю, это было потому, что Волынцеву показался въ этомъ намекъ на его женитьбу,—отвѣтилъ Орочаниновъ.

— А что съ его женитьбою?

— Ужъ Волынцевъ слишкомъ явно женился по разсчету. Я никогда не видалъ его жены, но слышалъ отъ Гриценко и другихъ, что хотя она и недурна собою и не стара, но чуть ли не идіотка. По крайней мѣрѣ всѣ интересы ея жизни сводятся къ тому, чтобы ѣсть, спать и лежать раскапотившись на диванѣ. Ни чтеніе, ни удовольствія, ни даже наряды, ничто ее не интересуетъ и она живетъ только растительною жизнью. Понятно, что такой человѣкъ, какъ Волынцевъ, не можетъ интересоваться такою женщиною, и денежный разсчетъ выступаетъ тутъ еще яснѣе, чѣмъ если бы онъ женился на уродѣ, за которымъ можно было бы предполагать умъ.

— Это непріятное положеніе для человѣка съ самолюбіемъ, а Волынцевъ, кажется, не безъ грѣха въ этомъ смыслѣ,—сказала Маргарита.

— Гордъ и самолюбивъ, какъ бѣсъ—изъ за этого на ножъ полѣзетъ! Его жена купчиха, рожденная Прыгунова. Ей очень хотѣлось выйти замужъ, а ея отцу выдать дочку, но, какъ человѣкъ не глупый, онъ хорошо понималъ, что при ея умственныхъ способностяхъ это мудрено или ужъ надо брать такого сокола, который готовъ взять деньги, а жены, пожалуй, и не надо, Волынцевъ же, все таки, порядочный человѣкъ. Прыгуновъ былъ доволенъ такъ пристроить дочь и далъ за нею отличное приданое, а послѣ его смерти она получила все. Вотъ, съ тѣхъ поръ Евгеній Николаевичъ богатый человѣкъ, которому не въ комъ заискивать и не для чего поступаться своими убѣжденіями.

— Есть у него дѣти?

— Да, двое или трое, конечно небольшія. Жена Волынцева все лежитъ на своемъ диванѣ, ну, а у него есть des

bonnes fortunes. Волынцевъ на словахъ негодуетъ на женщинъ, то и дѣло продергиваетъ ихъ въ своихъ статьяхъ, а обойтись безъ нихъ тоже не можетъ.

— Какъ и всѣ!—усмѣхнулась Маргарита.

— Въ настоящее время Волынцевъ находится въ короткихъ отношеніяхъ съ одною балетною танцовщицею—Грушинскою. Ты, можетъ быть, замѣчала ее, когда бывала въ театрѣ.

— Такая тоненькая, съ острымъ, какъ мышиная мордочка, но, все таки, не дурнымъ лицомъ? Какъ же—знаю... Его вкусъ оригиналенъ, для того чтобы оцѣнить такую наружность, надо быть гастрономомъ женской красоты.

— По всѣмъ вѣроятіямъ Волынцевъ и обладаетъ такимъ вкусомъ. Однако, мнѣ пора, иначе опоздаю на поѣздъ. И такъ, до свиданья! Не забудь, что я на тебя разсчитываю,—замѣтилъ Орочаниновъ, вставая.

III.

Въ тотъ же день скоро послѣ полудня, Волынцевъ подъѣхалъ въ собственной маленькой коляскѣ на резиновыхъ шинахъ къ довольно большому, но грязноватому дому въ одной изъ линій Васильевскаго острова. Подъѣзда съ улицы не было. Волынцевъ вышелъ и прошелъ ворота.

По просторному, поросшему травою двору, прогуливалось стадо куръ съ пѣтухомъ и бѣгали грязные ребятишки. Волынцевъ вошелъ на крыльцо съ дверью, открытою на темную и крутую лѣстницу съ грязными стѣнами, на которой пахло кошками.

Ему пришлось подняться на самый верхъ. Тутъ Волынцевъ остановился передъ дверью, обитою обдерганною клеенкою. На этой двери была наклеена безъ всякой рамки визитная карточка, гласившая: Димитрій Всеволодовичъ Симбирскій. Волынцевъ потянулъ за желѣзную палку звонка безъ ручки. За дверью послышалось его звяканье, а потомъ шаги. Дверь затѣмъ открылась и передъ Волынцевымъ предсталъ слуга его пріятеля, еще молодой малый изъ бывшихъ солдатъ, въ русской рубашкѣ и высокихъ сапогахъ.

— Что, Василій, дома баринъ?

— Пожалуйте, дома-съ,—отвѣтилъ тотъ, помогая Волын-

цеву снять его элегантное лѣтнее пальто на шелковой подкладкѣ.

Изъ маленькой передней, упиравшейся въ кухню, шла дверь прямо въ мастерскую. Это была большая, свѣтлая и довольно высокая комната, безпорядочно заставленная всякими вещами, невольно напоминавшими толкучку или лавку старьевщика. Тутъ были бюсты, мольберты, манекены, разная старинная мебель, ковры, пестрыя драпировки, оружіе, даже живые цвѣты. Стѣны же были сплошь покрыты картинами и этюдами.

Эти послѣдніе производили особенно странное впечатлѣніе, потому что очень часто случалось, что на нихъ была изображена отдѣльно какая-нибудь обнаженная часть тѣла: то судорожно сжатая рука съ напряженными мускулами, казалось, грозила кому-то и, только глядя на нее, можно было заключить, что она принадлежала къ сильно страдающему тѣлу. То виднѣлась странно согнутая нога или торсъ мужской или женскій.

Вообще было много голаго тѣла, но не стройнаго и красиваго, заставляющаго вспоминать о любви, а въ большинствѣ случаевъ страдающаго, изможденнаго, напряженнаго, но какъ-то странно, жутко-живого, съ этими трепещущими мускулами, жилами, кожею, кровью, на которую, какъ на настоящую, было больно смотрѣть и хотѣлось зажмуриться.

Были тутъ и головы мужскія, женскія, дѣтскія, старыя и молодыя, красивыя и некрасивыя, но тоже, за рѣдкими исключеніями, страдающія.

Между ними особенно кидалась въ глаза голова молодого мужчины съ красивымъ южнымъ типомъ и съ выраженіемъ такой боли и муки въ чертахъ и глазахъ, что невыносимо было смотрѣть на него, но въ то же время взглядъ какъ бы невольно отыскивалъ эту мученическую голову и не могъ оторваться, какъ зачарованный, столько было въ ней ужасной правды и жизни.

Огромный ньюфаундлендъ поднялся при входѣ Волынцева со своего мата, но не заворчалъ и не залаялъ, а привѣтливо замахалъ хвостомъ и, подойдя, ткнулся носомъ въ руку гостя, который потрепалъ его по головѣ.

Кромѣ собаки въ комнатѣ находились еще двое: въ креслѣ

у стола сидѣла молодая и очень хорошенькая дѣвушка, съ нѣсколько усталымъ выраженіемъ лица.

Она была полуодѣта. Рубашка падала у ней съ плечъ, хотя сверхъ нея она была завернута въ большой платокъ. Это была Юленька, знакомая Волынцеву натурщица Симбирскаго. Въ настоящую минуту она морщилась не то отъ боли, не то отъ отвращенія и старалась не смотрѣть на то, что дѣлалъ художникъ съ ея обнаженною рукою. Между тѣмъ этотъ послѣдній очень ловко и увѣренно бинтовалъ ее чѣмъ-то.

При входѣ Волынцева Симбирскій оглянулся.

Средняго роста, онъ былъ худъ, но строенъ. Красивъ Симбирскій не былъ, но обладалъ очень симпатичною наружностью. Особенно странна была его моложавость. Симбирскому было ужъ около 30-ти лѣтъ, но на видъ ему можно было дать едва-ли больше двадцати. Очень хороши были его глаза со свѣтлымъ, добрымъ, почти смѣющимся взглядомъ.

Глядя на Симбирскаго, странно было подумать, что этотъ веселый малый былъ авторъ всѣхъ тѣхъ ужасныхъ, душу выматывающихъ картинъ.

— А, здравствуй, Женя,—кивнулъ Симбирскій вошедшему.— Сейчасъ кончу.

— Здравствуйте, Юленька! Что это онъ творитъ съ вашею рукою?—спросилъ Волынцевъ.

— Развѣ не видишь — перевязываю. Угораздило ее обрѣзаться, да не на шутку: чуть не до кости. Дома ей перевязали, но плохо, вотъ я теперь и нахожусь въ качествѣ фельдшера. Надо хорошо сдѣлать, а то рука можетъ разболѣться... Ну, вотъ, готово!

Завязавъ бинтъ, Симбирскій поздоровался съ Волынцевымъ.

— А я думалъ, куда ты пропалъ? Спрашивалъ Гриценко, не уѣхалъ-ли,—добавилъ онъ.

— Онъ мнѣ говорилъ и разсказалъ еще, что ты дѣлаешь тутъ такія чудеса, что я тотчасъ собрался.

— Какія чудеса?—усмѣхнулся Симбирскій, показавъ этою усмѣшкою два ряда бѣлыхъ, ровныхъ и красивыхъ зубовъ.

— А твои Ромео и Джульетта? Надѣюсь, ты мнѣ ихъ покажешь?

— Конечно покажите, Дмитрій Всеволодовичъ, прелесть какіе они у васъ!—замѣтила Юленька.

— Ну, вотъ, даже Юленькѣ нравится! Впрочемъ, сюжетъ

долженъ быть въ вашемъ вкусѣ! — усмѣхнулся Волынцевъ весьма не двусмысленно.

Хорошенькая натурщица слегка покраснѣла, но ее мало смутили какъ слова Волынцева, такъ и то обстоятельство, что она находилась въ обществѣ двухъ молодыхъ людей, въ болѣе чѣмъ небрежномъ костюмѣ. Юленька достала изъ вазы вѣтку сирени и, играя ею, продолжала:

— Разумѣется въ моемъ вкусѣ, такъ же какъ и въ вашемъ и во вкусѣ многихъ. Если бы Димитрій Всеволодовичъ послушался добраго совѣта и почаще писалъ что-нибудь подобное, онъ давно былъ бы и богатъ и извѣстенъ. А то зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, писать такія картины, — при этихъ словахъ Юленька скользнула какъ бы испуганнымъ взглядомъ по стѣнамъ мастерской,—что если подольше посмотрѣть на нихъ, такъ потомъ не уснешь ночью!

— А знаешь, Митя, вѣдь она права: твоя живопись слишкомъ исключительна, я ужъ сколько разъ говорилъ тебѣ это. Чѣмъ твои картины лучше, тѣмъ онѣ ужаснѣе. Вотъ хоть этотъ Фоскари, — указалъ Волынцевъ на мученическую голову итальянскаго типа, — въ него влюбиться можно, какъ за красоту, такъ и за правду выраженія, а между тѣмъ, такъ и хочется повернуть его къ стѣнѣ, чтобы не видѣть этого страданія.

— Да, это все равно, какъ и въ жизни мы не любимъ видѣть страданія и въ случаяхъ, когда съ нимъ встрѣчаемся, сами спѣшимъ отвернуться къ стѣнѣ: слишкомъ ужъ нервы стали у насъ чувствительны! Однако, ты хотѣлъ видѣть „Ромео?“

— Конечно.

Симбирскій выдвинулъ больше къ свѣту одинъ изъ мольбертовъ и открылъ стоявшую на немъ картину средняго размѣра.

Волынцевъ посмотрѣлъ, и ему показалось, что въ эту безпорядочную, слишкомъ ярко освѣщенную мастерскую, повѣяло таинственнымъ разсвѣтомъ ранняго утра, поэзіею этой чудной и вѣчной любовной легенды.

Художникъ, натурщица и критикъ молча смотрѣли на картину. Каждый думалъ о ней свое, но, можетъ быть, изо всѣхъ трехъ меньше всѣхъ удовлетворялся ею самъ ея создатель.

Во всякомъ случаѣ Гриценко не польстилъ Симбирскому,

описывая его картину: въ ней, дѣйствительно, было что-то необыкновенное. Опытный глазъ Волынцева сразу уловилъ эти оттѣнки, оцѣнилъ ихъ и почувствовалъ страстное желаніе пріобрѣсти картину въ собственность.

— Послушай, Митя, это продается?—нерѣшительно спросилъ онъ.

— Если кто захочетъ купить!—усмѣхнулся художникъ.

— Продай, въ такомъ случаѣ, мнѣ.

— Съ удовольствіемъ.

— Что ты хочешь за нее?

— Для тебя я не стану оцѣнивать. Сколько ни дашь, будетъ ладно, мнѣ въ настоящую минуту нужны деньги.

Волынцевъ подумалъ съ минуту.

— Послушай, при случаѣ, твою картину можно было бы продать и дороже, но ты говоришь, что нуждаешься въ деньгахъ... я могу дать тебѣ сейчасъ тысячу.

— Вполнѣ достаточно.

— Постой, кромѣ того у меня есть еще планъ, съ которымъ я и ѣхалъ къ тебѣ, но боялся, что ты заупрямишься, а теперь, когда ты уступилъ мнѣ такъ дешево такую прелесть, ты не можешь отказаться. Я рѣшилъ, что не поѣду это лѣто заграницу, а ѣду въ Крымъ, и пришелъ звать тебя ѣхать вмѣстѣ.

— А что будетъ, если я откажусь? — усмѣхнулся Симбирскій.

— Это будетъ гадко, не подружески и безпричинно! Если ты поѣдешь, то сдѣлаешь мнѣ больше одолженія, чѣмъ я тебѣ. Ты наберешься новыхъ впечатлѣній, отдохнешь, а то вѣдь я знаю, что, предоставленный самому себѣ, ты останешься въ этомъ пеклѣ и заработаешься до полусмерти!

— Да, да, увезите его, Евгеній Николаевичъ!—вмѣшалась Юленька. — Это будетъ гораздо лучше, а то Димитрій Всеволодовичъ и такъ на себя не похожъ: посмотрите, какъ похудѣлъ.

— И Юленька, видишь, говоритъ тоже самое! Соглашайся, ради Бога, Митя!

— Инъ быть по вашему! Поѣду съ тобою татаръ рисовать,—улыбнулся, по дѣтски открыто и весело, Симбирскій.

— Вотъ и хорошо! Ты и тамъ откроешь какую-нибудь казнь, пытку или живодерство изъ временъ ханскаго могуще-

ства, а пока получай деньги. Завтра я пришлю за картиною.

— Если я вамъ сегодня больше не нужна, то я пойду,— сказала Юленька, вставая.

— Да, вы свободны. Возьмите: тамъ на столѣ ваши деньги,—отвѣтилъ художникъ.

Молодая дѣвушка кое-какъ собрала падавшія съ нея принадлежности одежды, захватила свою плату и ушла одѣваться въ сосѣднюю спальную художника.

Гость и хозяинъ остались вдвоемъ. Волынцевъ задумчиво смотрѣлъ на картину.

— Какая странная вещь—талантъ,—наконецъ проговорилъ онъ.—Сколько времени я занимаюсь тѣмъ, что разбираю этотъ удивительный капризъ природы, мои отзывы часто принимаются на вѣру, а между тѣмъ, сколько разъ я самъ сомнѣваюсь въ правильности моихъ сужденій. Вотъ хоть у тебя здѣсь изображена одна изъ сценъ, которыя давали сюжеты сотнямъ картинъ, отъ знаменитѣйшихъ произведеній до картинокъ на конфектныя коробки, а отчего не равно то и другое? Вѣдь часто на конфектныхъ коробкахъ и лица красивѣе и краски ярче, а намъ онѣ не нравятся, а вотъ тутъ все это старое и приглядѣвшееся и хорошо, и ново, и оригинально.

— Тебѣ, значитъ, очень нравится моя картина? — спросилъ Симбирскій.

— Нравится! А отчего ты спрашиваешь такимъ тономъ, точно самъ не согласенъ со мною?

— Я не знаю... это мое несчастіе, что я всегда люблю мои работы, пока тружусь надъ ними, когда же онѣ готовы, то вѣчно разочаровываютъ меня! Исключеніе изъ общаго правила я только и могу сдѣлать въ пользу „Фоскари“. За то онъ, кажется, и милъ только мнѣ! — отвѣтилъ Симбирскій, кидая взглядъ на ту голову, которую Волынцевъ желалъ повернуть къ стѣнѣ.

— Однако тебѣ дали за него хорошія деньги,—замѣтилъ критикъ.

— Богъ съ ними, я жалѣю, что продалъ! Знаешь, когда, послѣ чтенія трагедіи Байрона, мнѣ пришелъ въ голову этотъ сюжетъ для картины, я былъ самъ не свой. Если бы эту вещь играли на сценѣ, разумѣется хорошо, публика окаменѣла бы отъ ужаса и вниманія, хотя на сценѣ и нельзя было бы изобразить того что на картинѣ, но тамъ есть раз-

сказъ о томъ, какъ жена несчастнаго сына дожа врывается въ комнату судилища и видитъ своего мужа въ обморокѣ на колесѣ пытки.

— Это какой-то невѣроятный по своимъ мотивамъ случай, хотя и дѣйствительный фактъ изъ исторіи Венеціи,—замѣтилъ Волынцевъ.

— Конечно, въ настоящій космополитическій вѣкъ, такая фанатическая любовь къ родинѣ и тоска по ней, въ виду даже заключенія и пытки, покажется невѣроятной, пожалуй даже глупой, — отвѣтилъ Симбирскій. — Кстати, мы заговорились, а ты, можетъ быть, голоденъ? Хочешь, сейчасъ промыслимъ, чѣмъ закусить?—перемѣнилъ онъ разговоръ.

— Нѣтъ, спасибо, но у меня есть проэктъ завладѣть тобою на цѣлый день. Меня дожидается экипажъ и мы отправимся на царскосельскій вокзалъ, пообѣдаемъ у меня на дачѣ, а вечеромъ съѣздимъ въ Павловскъ послушать музыку и погулять въ паркѣ... Идетъ?

— Идетъ, — согласился художникъ, — дай только переодѣться.

IV.

Часа два спустя, Волынцевъ и его гость ужъ входили въ садъ дачи, занимаемой первымъ въ Царскомъ Селѣ.

Въ саду играли дѣти Волынцева: дѣвочка лѣтъ 8-ми и мальчикъ пяти, подъ надзоромъ гувернантки. Они обрадовались отцу, прыгнули ему на шею и безъ церемоніи выбрали у него изъ кармановъ привезенные имъ гостинцы.

Дѣти были нарядныя и хорошенькія — особенно мальчикъ съ кудрявыми свѣтло-русыми волосами, изсиня-сѣрыми глазами подъ густыми рѣсницами и ямочками на румяныхъ щекахъ.

Симбирскому дѣти тоже обрадовались.

Мальчикъ расцѣловался съ нимъ, называя художника: „дядя Митя“. Дѣвочка, правда, была сдержаннѣе: она называла Симбирскаго полнымъ именемъ и поздоровалась съ нимъ, какъ взрослая, за руку, но оба тотчасъ же потребовали, чтобы онъ шелъ съ ними въ бесѣдку и нарисовалъ имъ что-нибудь.

– Ну, хорошо, давайте бумаги и карандашъ,—согласился Симбирскій.

— У меня и краски есть!—воскликнулъ мальчикъ.

— Красками будетъ слишкомъ долго. Я вамъ нарисую, а вы сами потомъ раскрасьте.

— Они будутъ раскрашивать твои картинки? Это варварство, мой милый! Ты изъ нихъ вандаловъ хочешь сдѣлать?— засмѣялся Волынцевъ.

— Не возмущайся, я имъ не нарисую ни „Ромео", ни „Фоскари",—улыбнулся художникъ.

— Если хочешь, такъ посиди немного съ моими сорванцами. Я знаю, что вы пріятели, а я пока схожу надѣть что-нибудь полегче и посмотрю, что жена дѣлаетъ.

— Ради Бога, не стѣсняйся!

Волынцевъ поднялся по уставленной цвѣтами лѣстницѣ на балконъ и вошелъ въ комнаты.

Клеопатра Петровна, по обыкновенію, лежала на диванѣ въ своей комнатѣ. На ней было нарядное и дорогое, но очень просторное неглижэ.

Жена Волынцева въ первой молодости была очень хороша собою. Особенно хороши были ея глаза—сѣро-голубые, продолговатой формы, съ длинными и густыми, загнутыми рѣсницами. Эти глаза смотрѣли задумчиво и глубоко, такъ что глядя въ нихъ, можно было предположить за ихъ обладательницею бездну ума и чувства, но, къ сожалѣнію, ихъ выраженіе не имѣло ничего общаго съ умственнымъ развитіемъ Клеопатры Петровны.

Теперь, въ тридцать лѣтъ съ небольшимъ, Волынцева могла еще назваться красивою женщиною: у ней были прекрасные волосы, зубы, цвѣтъ лица, тѣ же глаза, но вся эта красота начала заплывать жиромъ и принимать какой-то животный отпечатокъ.

Напрасно самый внимательный взглядъ сталъ бы искать въ чертахъ Волынцевой слѣдовъ передуманнаго, пережитого, перечувствованнаго, а тѣмъ болѣе, выстраданнаго.

На столикѣ подлѣ дивана Клеопатры Петровны стоялъ хрустальный кувшинъ съ прохладительнымъ питьемъ, стаканъ въ серебряномъ подстаканникѣ, ваза съ фруктами и коробка конфектъ.

Тутъ же лежалъ номеръ уличнаго листка и французскій романъ изъ числа тѣхъ, которые называются бульварными.

Литературный вкусъ Клеопатры Петровны былъ ужасенъ

и приводилъ сначала Волынцева, пока онъ еще интересовался тѣмъ, что дѣлала его жена, въ отчаяніе. Онъ давалъ ей произведенія лучшихъ авторовъ русскихъ и иностранныхъ, желая развить въ ней вкусъ, но это былъ напрасный трудъ: всѣхъ этихъ блестящихъ представителей изящной литературы Клеопатра Петровна находила нестерпимо скучными и признавала достойными своего вниманія только удивительныя исторіи во вкусѣ старинныхъ мелодрамъ, съ необычайными происшествіями, дикими страстями, невѣроятными жестокостями, сверхестественными явленіями и т. п.

Со временемъ Волынцевъ махнулъ рукою на этотъ странный вкусъ жены, такъ же какъ и на то, что она ѣла больше, чѣмъ то было полезно для здоровья, мало двигалась, и мало чѣмъ интересовалась за исключеніемъ сплетенъ, такихъ же невѣроятныхъ, какъ ея любимые романы.

Клеопатра Петровна почти не выѣзжала. Ей было слишкомъ тяжело надѣвать корсетъ, платье и башмаки, вмѣсто капота и туфлей безъ пятокъ. Своихъ дѣтей она вѣчно перекармливала и требовала, чтобы они были хорошо одѣты, а объ остальномъ не заботилась.

По счастью Волынцеву удалось найти хорошую личность, чтобы слѣдить за ихъ воспитаніемъ, а то трудно было бы сказать, что могло выйти изъ его дочери и сына.

При входѣ мужа Клеопатра Петровна открыла глаза и посмотрѣла на него какъ бы съ удивленіемъ.

— Здравствуй, Патти! Какъ поживаешь? — спросилъ Волынцевъ, наклоняясь поцѣловать жену.

— Ужасно жарко,—проговорила она.

— Ну, тутъ еще ничего... у тебя славно, прохладно,—отвѣтилъ Волынцевъ,—ты бы попробывала, какъ въ городѣ.

Клеопатра Петровна промолчала и потянулась за стакаиомъ съ питьемъ.

Волынцевъ подалъ ей его.

— Mercі... Ты былъ гдѣ-нибудь на дняхъ? — спросила Клеопатра Петровна.

— Въ „Аркадіи“.

— Было весело?

— Право не знаю, какъ всегда... Я встрѣтилъ тамъ знакомыхъ. Гриценко велѣлъ тебѣ кланяться.

— Онъ тоже былъ?—нѣсколько оживленнѣе, чѣмъ до сихъ поръ, спросила Клеопатра Петровна.

Она любила веселаго и наглаго пріятеля своего мужа. Волынцева была слишкомъ тупа, чтобы понимать, сколько дерзости часто заключалось въ его выходкахъ, и ея лѣнивая натура, не умѣвшая сама находить для себя развлеченія, была довольна, что находится человѣкъ, который бралъ на себя обязанность быть ея шутомъ.

Гриценко приходилъ, балагурилъ, разсказывалъ разныя были-небылицы, цѣловалъ руки Клеопатры Петровны, увѣрялъ, что она красавица и что онъ въ нее влюбленъ. Волынцева выслушивала все это весьма благосклонно, смѣялась и кормила своего поклонника изысканными блюдами и поила тонкими винами.

Клеопатрѣ Петровнѣ Гриценко иногда говорилъ, что боится ревности ея мужа, а самого Волынцева просилъ не ворчать, что онъ выпиваетъ его шартрезъ, что въ этомъ виновата его жена.

Волынцевъ смѣялся и махалъ на Гриценко рукою. Самъ онъ не понималъ, какъ даже ради нектара, а не то что шартреза, можно было переносить такъ долго скуку общества его жены.

— Да, былъ,—отвѣтилъ Волынцевъ, невольно усмѣхнувшись на слѣды оживленія, проявившагося въ Клеопатрѣ Петровнѣ.

— Что онъ такъ давно у насъ не былъ? Ты приглашалъ его?

— Должно быть приглашалъ, да ты не безпокойся: когда Гриценко захочетъ, то придетъ и безъ приглашенія. Со мною теперь пріѣхалъ Димитрій Всеволодовичъ.

— А!—проговорила Волынцева, къ Симбирскому она относилась вполнѣ равнодушно, онъ былъ для нея нисколько не интересенъ. Впрочемъ его картины привлекали ея любопытство, хотя пугали смертельно, точно такъ же, какъ и ужасы ея мелодраматическихъ романовъ.—Жаль, что ты привезъ его именно сегодня.

— Почему?—удивился Волынцевъ, никакъ не ожидавшій такого замѣчанія.

— У насъ сегодня раковый супъ, а Димитрій Всеволодовичъ, кажется, его не любитъ.

Волынцевъ усмѣхнулся на серьезный тонъ жены, который выходилъ особенно комичнымъ, будучи сопоставленъ съ извѣстнымъ равнодушіемъ Симбирскаго къ тому, что ему приходилось ѣсть и пить, въ чемъ онъ былъ полною противоположностью Гриценко.

— Не бѣда, ты знаешь, какъ Симбирскій не взыскателенъ! Можетъ быть для него найдется тарелка вчерашняго супа,—сказалъ онъ.

— Вѣроятно, да сегодня у дѣтей былъ бульонъ за завтракомъ. Пошли мнѣ Анну Васильевну, я скажу ей, какъ распорядиться.

— Хорошо,—отвѣтилъ Волынцевъ, выходя, а вслѣдъ ему послышался вздохъ Клеопатры Петровны:

— Господи, какъ жарко!

Былъ чудный, теплый, ясный вечеръ послѣ жаркаго дня. Солнце медленно садилось за деревьями парка, въ одной изъ мало посѣщаемыхъ аллей котораго усѣлись отдохнуть послѣ продолжительной прогулки Волынцевъ и Симбирскій.

По дорогѣ Волынцевъ разсказалъ своему пріятелю про знакомство съ Орочаниновою и признался, что первое впечатлѣніе было не въ ея пользу.

— Въ первую минуту, не смотря на увѣреніе Бѣлогорова, я подумалъ, что это была просто кокотка,—замѣтилъ Волынцевъ.

— Да, мы всегда склонны дурно думать о женщинахъ,—раздумчиво проговорилъ Симбирскій, — т. е. даже не дурно, дурно можно подумать объ каждомъ, но объ женщинахъ мужчины обыкновенно думаютъ безнравственно,—поправился онъ.

— Весьма возможно... Я, по крайней мѣрѣ, знаю только тебя, который смотритъ не какъ всѣ... Откуда ты вынесъ этотъ особенный взглядъ на женщину?—спросилъ Волынцевъ.

— Я думаю, оттуда, что мое воспитаніе было поставлено въ исключительно хорошія условія. Мой отецъ былъ для меня недурнымъ отцомъ, но такимъ, какъ большинство, за то моя мать была совсѣмъ особенная, рѣдкая женщина. Ея природная нравственная чистота стояла такъ высоко, что къ ней не могло прильнуть ничего безнравственнаго или дурного. Я ее обожалъ и пріучился въ ея лицѣ уважать женщину, прежде

чѣмъ понялъ, что можно относиться къ нимъ какъ нибудь иначе. Потомъ у меня была сестра, которую, послѣ матери, я любилъ больше всего на свѣтѣ, а когда мать умерла, мы съ сестрою прожили пять лѣтъ душа въ душу. Я ее такъ любилъ, что, кажется, за милліоны не согласился бы сдѣлать того, что могло огорчить ее. Саша умерла чахоткою, ея здоровье всегда было слабое. Умерла она въ полномъ сознаніи, не обманывая себя на счетъ продолжительности своей жизни, подобно большинству чахоточныхъ. Женскій вопросъ, по крайней мѣрѣ, та его сторона, которая касается исключительно чувства, сильно лежала у ней на душѣ. Мы много говорили объ этомъ и сестра просила меня, въ воспоминаніе о ней, не относиться къ женщинамъ легкомысленно: я далъ слово и держу его.

— Это прекрасно съ твоей стороны, но мало есть на свѣтѣ женщинъ, къ которымъ стоитъ такъ относиться,—замѣтилъ Волынцевъ.

— Признаюсь, Евгеній, я не совсѣмъ понимаю, что ты сказалъ,—серьезно отвѣтилъ Симбирскій.—Порядочный человѣкъ долженъ порядочно относиться къ каждому, даже къ не порядочному человѣку, не такъ ли? Женщину же мы выключили изъ числа людей и не смотримъ на нее, какъ на человѣка... справедливо ли это, предоставляю рѣшать кому угодно.

Волынцевъ пожалъ плечами.

— Что тебѣ сказать на это, душа моя? Все это такъ, все это ужъ не ново, но измѣнить этотъ установившійся взглядъ на женщину—мудрено.

— Не столько мудрено, сколько неудобно и непріятно!— нѣсколько сухо усмѣхнулся Симбирскій. — Женщина, правда, очень обезцѣнила себя въ нравственномъ смыслѣ, но это произошло именно потому, что ей чуть не съ сотворенія міра внушали, что она стоитъ чего нибудь только по стольку, по скольку ее оцѣниваетъ мужчина. Мужчина можетъ не стараться никому нравиться и жить, какъ онъ хочетъ, и это даже ставится ему въ заслугу, то ли мы видимъ у женщины? Она должна нравиться мужчинѣ, иначе она пропала, что бы она ни дѣлала, какова бы ни была, какъ бы ни жила. Мужчинѣ не можетъ нравиться некрасивая или дурно одѣтая женщина— отсюда страсть къ нарядамъ и роскоши: женщина раззоряется, если у ней есть деньги, или раззоряетъ другихъ, если у ней ихъ нѣтъ. Мужчина находитъ скромную и серьезную женщину

скучною, отсюда вытекаетъ кокетство. Женщина въ семьѣ слишкомъ нравственна и недоступна, надо сдѣлать изъ нея публичную женщину; женщина съ талантомъ и безъ него бросилась въ міръ искусства, чтобы быть доступнѣе и въ то же время чѣмъ нибудь оправдать свое паденіе. Мужчины лицемѣрно приходятъ отъ этого въ ужасъ... Я говорю—лицемѣрно потому что, негодуя на близкихъ имъ женщинъ изъ ревности, экономіи, или того фальшиваго point d'honneur'а, который не допускаетъ относительно себя того, что допускается съ легкою усмѣшкою относительно другихъ, они поощряютъ все это въ постороннихъ женщинахъ. Мы хотимъ жить, женщина тоже хочетъ жить, но жить одной ей, если и не невозможно, то, во всякомъ случаѣ, трудно, и достается при особенно благопріятныхъ условіяхъ на долю не многимъ, потому женщина и старается соотвѣтствовать предъявляемымъ ей требованіямъ. Гдѣ есть спросъ, будетъ и предложеніе... было бы болото, а черти будутъ.

— Жаль, что женщины тебя не слышатъ: онѣ увѣнчали бы лаврами своего защитника!—усмѣхнулся Волынцевъ.

— Мнѣ этихъ лавровъ не надо, — равнодушно отвѣтилъ Симбирскій; его, очевидно, такъ занимали высказываемыя имъ мысли, что онъ почти не вслушивался въ замѣчанія Волынцева.—Я только хочу спросить: зачѣмъ лицемѣрить? Вотъ и ты самъ: ты хорошій человѣкъ и я тебя люблю, но какъ часто въ своихъ критикахъ ты нападаешь на женщинъ и лжешь, какъ всѣ другіе. Ты ставишь имъ въ примѣръ высокій идеалъ нравственности, а самъ любишь въ женщинѣ совсѣмъ не это а ея красоту, нарядъ, обстановку, доступность и незатруднительность связи съ нею, однимъ словомъ, то, чѣмъ обусловливается ея развратъ. Скажи, по совѣсти, развѣ это не правда?

— Но позволь, если такъ смотрѣть, то конечно,—началъ Волынцевъ, но Симбирскій остановилъ его.

— Иначе смотрѣть нельзя,—сказалъ онъ.—Ложь можетъ быть разная, но правда только одна. Ты же хвалишь правду въ искусствѣ, ну, хоть въ моихъ картинахъ, а самъ ставишь ее такъ невысоко. По моему, человѣкъ можетъ проповѣдовать только то, что въ силахъ примѣнить къ себѣ самому. Любой фанатикъ, готовый пойти за свои убѣжденія на смерть, можетъ внушать ихъ людямъ сколько угодно, другое дѣло—будутъ ли его слушать, но безнравственный человѣкъ, проповѣ-

дующій нравственность—это абсурдъ. Можетъ быть тебѣ такой взглядъ покажется слишкомъ узкимъ, въ такомъ случаѣ excusez du peu... Задумывался ли ты когда нибудь надъ своимъ образомъ жизни? Положимъ, что Клеопатра Петровна не подходящая къ тебѣ жена, но тогда: зачѣмъ ты женился на ней? Изъ разсчета? За что же упрекать женщинъ, выходящихъ по такимъ же побужденіямъ замужъ или идущихъ на содержаніе? Какъ бы тамъ ни было, тебѣ, какъ мужчинѣ, легче устроить свою жизнь, чѣмъ имъ... Ты не сердись за то, что я говорю это, а впрочемъ какъ хочешь, пожалуй, хоть и сердись, мнѣ все равно.

Волынцевъ улыбнулся.

— Только ты можешь сказать что нибудь подобное! Кто на тебя подумаетъ сердиться, человѣкъ Божій. По крайней мѣрѣ мнѣ ты можешь говорить, что хочешь... это даже не безъ пользы,—сказалъ онъ.

— То есть Васька слушаетъ, да ѣстъ!—тоже усмѣхнулся Симбирскій. — Ну, хорошо, положимъ, что факта женитьбы нельзя поправить и что обвинять тебя въ нарушеніи супружеской вѣрности особенно нельзя, тѣмъ болѣе, что твоя жена отъ этого не страдаетъ, но въ выборѣ своего утѣшенія ты былъ свободенъ, и кого же ты избралъ своею Эгеріею? Леночку Грушинскую! Скажи, что она тебѣ даетъ въ смыслѣ болѣе широкомъ, чѣмъ то, въ чемъ ты и тебѣ подобные всегда упрекаютъ женщинъ?

Волынцевъ пожалъ плечами и зѣвнулъ.

— La plus belle fille ne peut donner que ce qu'elle a!—проговорилъ онъ.

— Я ее не виню—она то, чѣмъ должна быть, но меня удивляетъ твоя нетребовательность! Неужели ты не ищешь въ любимой женщинѣ ничего, кромѣ удовлетворенія своего тщеславія, чтобы всѣ знали, какъ дорого она тебѣ стоитъ, и преклонялись передъ этимъ?

— Кто тебѣ сказалъ, что она для меня—„любимая женщина?..“

— А если этого нѣтъ, то такая связь просто развратъ!—рѣзко отвѣтилъ на этотъ вопросъ Симбирскій.

Оба помолчали. Первый заговорилъ Волынцевъ.

— Скажи мнѣ, Митя, былъ ты самъ когда-нибудь влюбленъ?—спросилъ онъ.

— Я? Нѣтъ, никогда,—не задумываясь отвѣтилъ художникъ.

— А Юленька?

— Что—Юленька?—не понялъ своего друга Симбирскій.

— Она для тебя не болѣе, какъ мебель?

Симбирскій даже засмѣялся.

— Разумѣется... неужели ты подумалъ?

— Признаюсь—да. Она такая хорошенькая и ты съ нею такъ ласковъ.

— Первое очень хорошо для моихъ картинъ, что-же до второго, то у меня нѣтъ причинъ быть съ нею рѣзкимъ, да наконецъ, Юленька и не позволитъ этого. Она знаетъ, какой она кладъ для нашего брата-художника, и требовательна не меньше какой-нибудь артистки,—сказалъ Симбирскій.

— Такъ ты серьезно никогда не любилъ?

— Нѣтъ. Тебѣ не вѣрится, а между тѣмъ, это правда. Можетъ быть у меня слишкомъ холодный темпераментъ, но никакихъ волненій въ этомъ родѣ я не испытывалъ. Отчасти это могло быть потому, что я вполнѣ былъ удовлетворенъ обществомъ моей матери и сестры и не искалъ другихъ женщинъ, отчасти потому, что я много работалъ и страстно ухаживалъ за одно прекрасною дамою, которую зовутъ живописью. Ты знаешь, что тутъ мое все. Я люблю свое искуство больше всего на свѣтѣ, больше чѣмъ можно любить женщину или кого бы то ни было! И оно меня тоже любитъ, потому что даетъ возможность иногда уловить проблески той жизненной правды, безъ которой все мертво и бездушно. Я не мудрствую лукаво, не иду на компромиссы со своимъ искусствомъ, скажу откровенно, я даже боюсь того, что могло бы выбить меня изъ колеи. Вообще почему-то принято сопоставлять вино, женщинъ и карты, по моему это пошло, но еще страннѣе соединять искусство и любовь. Еще если любовь не болѣе какъ мимолетное увлеченіе—это еще кое-какъ сойдетъ, но настоящая страсть не потерпитъ совмѣстительства, она выбьетъ изъ головы рѣшительно все, а хорошо ли это для какой-бы то ни было работы, не трудно рѣшить.

— Это, конечно, вѣрно, но безъ любви не проживешь,—отвѣтилъ Волынцевъ.

Какое то странное выраженіе прошло по лицу Симбирскаго: онъ не смотрѣлъ на своего собесѣдника, а прямо

передъ собою, туда, гдѣ косые лучи солнца прихотливо освѣщали зеленую стѣну молодой листвы, поднимавшуюся передъ ними и совершенно закрывавшую всякую перспективу.

— Вѣроятно,—проговорилъ онъ,—но также вѣрно, что исключенія вездѣ возможны. У меня былъ дядя, который, будучи совсѣмъ молодымъ офицеромъ одного изъ блестящихъ гвардейскихъ полковъ, вдругъ ушелъ въ монастырь и умеръ схимникомъ... Можетъ быть во мнѣ есть что нибудь подобное, но моя схима—искусство, мой монастырь—моя мастерская!

Симбирскій говорилъ какъ будто посмѣиваясь, но въ его широко раскрывшихся и блестящихъ глазахъ сверкали искры того увлеченія, которое Волынцевъ зналъ за своимъ другомъ и называлъ его фанатизмомъ.

Близко послышались голоса и шаги.

Мимо сидѣвшихъ пріятелей прошло общество изъ нѣсколькихъ дамъ и кавалеровъ. Одна изъ первыхъ, нарядная и хорошенькая, оглянулась и посмотрѣла прямо въ лицо Симбирскому. Тотъ тоже посмотрѣлъ на нее.

— Ну, вотъ, если бы явленіе въ родѣ этого явилось къ тебѣ въ мастерскую, ты сказалъ бы ему: отойди отъ меня, сатана?—усмѣхнулся Волынцевъ, провожая взглядомъ удалявшуюся компанію.

— Согласись, что въ этомъ явленіи не было еще ничего такого увлекательнаго, чтобы приходилось прибѣгать къ такимъ заклинаніямъ,—сказалъ художникъ.

— Не надо быть слишкомъ взыскательнымъ! Мечты художниковъ и поэтовъ обыкновенно не воплощаются. Знаешь, я хочу познакомить тебя съ Орочаниновою.

— Ты думаешь, что я въ нее влюблюсь?—спросилъ смѣясь Симбирскій.

— Нѣтъ. Я даже не думаю, что она можетъ тебѣ просто понравиться: во первыхъ, она некрасива, а во вторыхъ, слишкомъ отзывается современностью, романтизмомъ отъ нея нисколько не вѣетъ. Это созданіе современной цивилизаціи или, если хочешь, моды: въ узкой юбкѣ, въ жакеткѣ съ поднятыми до ушей плечами, и фантастической шляпѣ, все читавшее и не скрывающее это, все допускающее и ничему не удивляющееся, потому что всякія твердыя моральныя правила не въ современномъ духѣ! Существо, не потерявшее своей женской внѣшности, какъ прежнія нигилистки, но потерявшее женственность, суще-

ство которое позволитъ вамъ все на словахъ и ничего на дѣлѣ, и не изъ принциповъ нравственности, которой у нея нѣтъ, но потому что надо беречь себя, существо очень не глупое, даже талантливое, но безполезное, потому что это олицетворенный эгоизмъ, прикрытый яко бы добродушной угрозой: „надо жить, давая жить другимъ“. Это скептикъ съ холодною головою и усталостью въ душѣ, немного Мефистофель въ юбкѣ, съ блестящимъ воображеніемъ, даже умомъ, но за всѣмъ этимъ съ холоднымъ разсчетомъ и мыслью о своемъ шкурномъ интересѣ.

— Браво, Евгеній! Характеристика, право, недурна и годится въ любую повѣсть, но дѣло въ томъ, что знаешь ли ты, чей портретъ нарисовалъ мнѣ?—разсмѣялся Симбирскій.

— Чей?—съ нѣкоторымъ удивленіемъ спросилъ Волынцевъ.

— „Чѣмъ кумушекъ считать трудиться, не лучше ль, кума, на себя оборотиться?“ Въ этомъ портретѣ какъ будто героини ты скорѣй написалъ портретъ героя! Если женщина выработала изъ себя такой типъ, то это по образу и подобію нашему. Прежде женщины были непрактичны, влюбчивы, дозѣрчивы и т. д., мужчины же обладали противоположными качествами, а теперь: „nous avons changé tout cela“, и между женщинами явились типы, способные заставить сконфузиться любого Онѣгина или Печорина du bon vieux temps“.

— Согласись, однако, что эти типы довольно непріятные и въ нихъ поневолѣ не влюбишься,—замѣтилъ Волынцевъ поморщившись, какъ бы отъ отвращенія.—Что дѣлать? Вѣроятно, каковъ спросъ, таково и предложеніе. Ну, а ты, все-таки, познакомь меня съ этою Орочаниновою, мнѣ хочется убѣдиться, правъ ли ты, и въ самомъ ли дѣлѣ современная женщина такое испорченное созданіе,—улыбнулся Симбирскій.—Только, какъ ты устроишь наше знакомство?

— Ничего нѣтъ легче! Ея двоюродный братъ приглашалъ меня къ себѣ не дальше какъ на этой недѣлѣ—она же, кажется, тамъ постоянно бываетъ. Пойдемъ со мною. Орочаниновъ будетъ очень радъ, я въ этомъ не сомнѣваюсь, да у насъ есть и предлогъ для твоего посѣщенія: ему по наслѣдству досталась какая-то старая картина, достоинство которой Орочаниновъ не можетъ опредѣлить—вотъ ты ему и опредѣли это, чего лучше? Кажется, все хорошо сложилось... Идетъ?

— Пожалуй! Я, ты знаешь, не слишкомъ гоняюсь за всякими церемоніями, лишь бы не поразить непріятнымъ обра-

зомъ людей болѣе взыскательныхъ на этотъ счетъ,—отвѣтилъ художникъ.

— Не безпокойся! Друзья нашихъ друзей—наши друзья, а и Бѣлогоровъ и Гриценко чувствуютъ себя съ Орочаниновымъ какъ нельзя лучше. А теперь не пойти ли къ вокзалу взглянуть на публику и послушать музыку?

V.

— Сегодня у Сергѣя гости, вѣрно придется вернуться домой поздно,—подумала Маргарита, уходя вечеромъ въ садъ.

Она нѣсколько волновалась, зная что встрѣтитъ Волынцева. Маргарита взяла съ собою его статью, чтобы вернуть ее ему Ей была непріятна мысль говорить о своемъ произведеніи. Какъ всегда въ такихъ случаяхъ, Маргарита особенно чутко сознавала всѣ его недостатки и ей казалось чуть не насмѣшкою все то, что написалъ о ней критикъ. Маргарита чувствовала, что можетъ принять Волынцева очень холодно, оттолкнуть его съ тою, часто неожиданною для нея самой, рѣзкостью, проявлявшеюся у ней тогда, когда она чувствовала въ себѣ нравственную боль, принимавшую всегда форму насмѣшки надъ собою и другими.

Однако много раздумывать ей не пришлось.

Орочаниновъ былъ въ саду, а съ нимъ Гриценко, явившійся еще къ обѣду.

Этотъ послѣдній началъ, по своему обыкновенію, такъ балагурить, что не смѣяться не было никакой возможности.

Гриценко сорвалъ нѣсколько вѣтокъ сирени и началъ искать на нихъ счастья.

— Да ужъ не найти мнѣ ни за что, ужъ такой я несчастливый человѣкъ!—минорнымъ тономъ говорилъ онъ, разсматривая цвѣты.—Оба мы съ вами несчастливые, Маргарита Викентьевна!

— Почему вы знаете, что я несчастлива? Говорите только за себя!—нервно усмѣхнулась Маргарита.

— Умны вы больно, Маргарита Викентьевна, а знаете, ужъ издавна рѣчь ведется, что все глупымъ удается, будь преумная душа, не добудешь и гроша,—отвѣтилъ Гриценко и при этомъ такъ пристально посмотрѣлъ въ глаза Маргаритѣ

своими хитрыми, черными, сощуренными глазами, что ей стало неловко и подумалось, что онъ видитъ и догадывается о гораздо большемъ, чѣмъ это ей желательно.

Гриценко точно понялъ это, улыбнулся и вернулся къ своимъ цвѣтамъ.

— А смотрите—нашелъ, и еще какого урода!—вдругъ радостно воскликнулъ онъ. Десять, двѣнадцать, четырнадцать лепестковъ! Вотъ такъ счастье! Что бы это означало? Вѣрно выиграю двѣсти тысячъ! Если такъ, то я тогда сдѣлаю вамъ предложеніе... Пойдете за меня, Маргарита Викентьевна? — спросилъ Гриценко и опять его глаза сузились и засмѣялись нагло и лукаво.

— Ты выиграй сначала, а потомъ и спрашивай,—нѣсколько рѣзко замѣтилъ Орочаниновъ.

— Не безпокойся, когда это случится, то Павелъ Ивановичъ постарается возможно основательнѣе позабыть о своихъ словахъ—засмѣялась Маргарита.

— А вотъ и неправда, Маргарита Викентьевна! Разрази меня громъ... — съ комическимъ увлеченіемъ запротестовалъ Гриценко.

— Полно тебѣ—языкъ безъ костей! А вотъ и еще гости идутъ,—сказалъ Орочаниновъ, глядя вдоль аллеи, на которой появились Волынцевъ и Симбирскій, въ сопровожденіи указывавшаго имъ дорогу дворника. Это Евгеній Николаевичъ, но кто же еще съ нимъ?—спросилъ онъ и пошелъ навстрѣчу.

— Это? Да это Митя Симбирскій,—сказалъ Гриценко, присмотрѣвшись.

— Симбирскій? Какой?—быстро спросила Маргарита.

— Да какой же другой, если не „нашъ извѣстный художникъ“, говоря слогомъ журналиста, — отвѣтилъ Гриценко.

Маргарита ничего не сказала. Страстно любя искусство, она очень интересовалась Симбирскимъ, но, какъ всегда, личная встрѣча съ человѣкомъ, о которомъ мы привыкли судить по его произведеніямъ, смутила молодую дѣвушку.

Она составила о Симбирскомъ свое представленіе, и теперь ей стало страшно, что онъ разочаруетъ ее въ себѣ.

Между тѣмъ Орочаниновъ и его гости подошли къ нимъ. Сергѣй Сергѣевичъ былъ, дѣйствительно, радъ посѣщенію Симбирскаго.

Орочаниновъ былъ общителенъ и гостепріименъ. Какъ че-

ловѣкъ съ состояніемъ, онъ любилъ угостить и хорошо принять людей, съ которыми ему было или весело, или посѣщеніе которыхъ удовлетворяло его самолюбіе, или было полезно.

Въ живописи онъ былъ не знатокъ, кромѣ того находилъ картины Симбирскаго почти противными по ихъ содержанію, но ими восхищались другіе, о нихъ говорили и писали, и Орочаниновъ, не находя личнаго удовольствія въ знакомствѣ съ художникомъ, былъ доволенъ, что можетъ сказать тѣмъ, кто имъ восхищался, что Симбирскій бываетъ у него.

Когда Орочаниновъ представилъ Маргаритѣ этого послѣдняго, то она, взглянувъ ему въ лицо, тотчасъ рѣшила, что Симбирскій нисколько не походилъ на то, чѣмъ она его себѣ представляла, но, что рѣдко случается, онъ былъ лучше этого представленія.

* * *

Симбирскій и Маргарита ужъ давно бесѣдовали.

Они были представлены другъ другу, такъ какъ остальные гости Сергѣя Сергѣевича, въ томъ числѣ и Волынцевъ, играли въ карты.

Впрочемъ ни Маргарита, ни Симбирскій не сѣтовали на свой tête à tête. Имъ говорилось легко и хорошо, чего можно было ожидать, зная, что у каждаго былъ крупный интересъ, глубоко захватывающій его жизнь, что оба взаимно интересовались тѣмъ, что дѣлали, и между ними не могло быть профессіональнаго соперничества.

Конечно, Маргарита не ровняла себя съ Симбирскимъ. Она чувствовала, что ея способность болѣе испортила ей жизнь, чѣмъ помогла, что ей возможны сомнѣнія, колебанія, мысль, что она могла бы употребить свое время лучше, Симбирскій же не могъ иначе распорядиться собою, какъ отдать себя всего своему дѣлу—дѣлу всей его жизни. Его могли не понимать, онъ могъ нуждаться, свести на нѣтъ всѣ свои усилія, умереть жертвою своего кумира и, все-таки, онъ былъ бы правъ—иначе жить ему было невозможно.

Въ концѣ концовъ Маргарита не выдержала и высказала своему собесѣднику эту мысль.

Симбирскій на минуту задумался.

— Да, вы правы. Я радъ, что не могу сомнѣваться, это очень тяжело. А вы сомнѣваетесь?—спросилъ онъ затѣмъ.

— О, часто и много, почти всегда!—грустно проговорила Маргарита.

— Можетъ быть, причина этому тотъ меланхолическій образъ жизни, который вы ведете.

— Нѣтъ, я много веселюсь.

— Да, но часто вовсе не съ легкимъ сердцемъ, не такъ-ли?

— Почему вы знаете?—удивленно спросила Маргарита.

— Видите — я не колдунъ, а отгадчикъ и оказываюсь правъ, — улыбнулся художникъ. — Да вотъ хоть этотъ садъ, даже онъ способенъ навести меланхолію своими высокими каменными стѣнами. Онъ мнѣ напоминаетъ монастырскій садъ, но не русскаго монастыря, а католическаго. Въ такихъ монастыряхъ хорошо позабывать о жизни или терзаться безсильнымъ раскаяніемъ въ томъ, чего поправить нельзя, а жить тутъ нелегко.

— Я иначе не жила и примѣнилась къ своей жизни, какъ улитка къ своей раковинѣ. Теперь мѣнять что бы то ни было, ужъ поздно. Въ молодые годы легко отстаешь отъ своего прошлаго, а теперь ужъ не отвяжешься отъ того уродства, какимъ оно тебя наградило—отъ самого себя не уйдешь.

— Вы еще молоды.

— Мнѣ двадцать шесть лѣтъ, но дѣло даже не въ годахъ а въ той благопріобрѣтенной усталости, которую носишь въ душѣ. Я всегда счастлива, когда засыпаю, и каждое утро, при пробужденіи, мнѣ очень тяжело... это, увы, не признакъ молодости!—невесело усмѣхнулась Маргарита.

Она ожидала возраженія со стороны Симбирскаго, но этого не случилось.

— Жаль, если такъ, тѣмъ болѣе, что, какъ мнѣ кажется, вамъ особенно сомнѣваться въ себѣ нечего: вы пишете перомъ не хуже, чѣмъ я кистью,—сказалъ онъ.

Маргарита смѣясь покачала головою.

— Мегсі за комплиментъ! Я не смѣю сомнѣваться въ его искренности, но...

— Но все же не вѣрите въ нее и — напрасно! — усмѣхнулся Симбирскій.

— Оставляю это на вашей совѣсти... но, что до живо-

писи, то я не совсѣмъ къ ней непричастна и иногда пишу картины, конечно, въ одномъ воображеніи.

— Какое же ихъ содержаніе?

— Разное.

— Сообщите мнѣ хоть одно, можетъ быть я воспользуюсь вашею идеею. Насъ часто упрекаютъ за бѣдность фантазіи, у писателей она должна быть богаче, помогите мнѣ.

— Мнѣ кажется, вамъ этого не нужно—въ вашихъ картинахъ всегда много содержанія.

— Но за то оно слишкомъ играетъ на нервахъ, пожалуй, это тоже не хорошо.

Маргарита задумалась на минуту.

— Если желаете — извольте. Я недавно просматривала „Сен-Марса“ Виньи, и вотъ какая картина пришла мнѣ въ голову: если бы я была художникъ, я назвала бы ее „Отдыхъ кардинала-министра“. Представьте богатую комнату того времени. У топящагося камина сидитъ въ покойномъ креслѣ, весь укутанный въ мѣха, больной Ришельё и любуется на прыжки семейства котятъ, съ которыми играетъ его пажъ. Въ сторонѣ, на подушкѣ, сидитъ мать-кошка и щурится съ тѣмъ презрительно-наблюдательнымъ видомъ, который бываетъ у нихъ. Видите вы эту сцену? — спросила молодая дѣвушка у замѣтно заинтересованнаго художника.

— Очень ясно, — улыбнулся Симбирскій, — продолжайте, пожалуйста.

— Это одна половина картины. Съ другой стороны въ комнату входитъ секретарь Ришелье и монахъ, какая нибудь éminence grise въ родѣ père Joseph, съ бумагами. Сзади нихъ въ раскрытую дверь видна галлерея дворца и тамъ подъ стражею арестантъ—молодой человѣкъ. Ришелье принесли подписывать приказъ о заключеніи въ тюрьму, можетъ быть даже смертный приговоръ, а онъ съ добродушнѣйшею улыбкою останавливаетъ входящихъ движеніемъ руки, чтобы они не испугали котенка, нацѣлившагося схватить другого за хвостъ.

— Отлично, Маргарита Викентьевна! Ваша картина до того соблазнительна, и я вижу ее такъ ясно, что непремѣнно воспользуюсь вашею идеею, перенесу ее на полотно и, если она удастся, подарю вамъ. Вы будете имѣть на нее право не меньше меня,— смѣясь сказалъ Симбирскій.

— Это слишкомъ сильно сказано,—возразила Маргарита.

— Нисколько. Удачные сюжеты не такъ скоро наверты-ваются, какъ вы думаете. Евгеній, поди сюда,— позвалъ Симбирскій, увидя подходившаго къ нимъ Волынцева, — послушай, какую блестящую мысль подала мнѣ Маргарита Викентьевна.

Волынцевъ выслушалъ, но какъ-то снисходительно улыбаясь, почему Маргарита заключила, что его самолюбіе должно было быть чѣмъ нибудь задѣто. Она поспѣшила привести критика въ лучшее расположеніе.

— Я должна васъ поблагодарить за, только слишкомъ снисходительный, отзывъ о моемъ разсказѣ,— сказала она.— Позвольте возвратить вамъ его.

— Если желаете, то оставьте у себя въ память начала нашего знакомства, тѣмъ болѣе, что у меня будетъ къ вамъ еще просьба.

— Какая?

— Мы съ нимъ ѣдемъ въ Крымъ, — указалъ Волынцевъ на Симбирскаго.—Не дадите ли вы мнѣ почитать на дорогу ваши прежнія произведенія? Ручаюсь, что верну ихъ въ цѣлости и сохранности. Если вы согласны, то я пришлю за ними.

— Конечно, съ удовольствіемъ.

— Если позволите, то я изложу вамъ письменно мое мнѣніе о вашихъ первыхъ работахъ.

— А я напишу, какъ будетъ подвигаться наша картина! Съ завтрашняго же дня начну изучать кошекъ, — улыбнулся Симбирскій.

— Ну, ты у себя на лѣстницѣ можешь наловить ихъ сколько хочешь,— замѣтилъ Волынцевъ. — Такъ вы согласны? Я очень радъ,— обратился онъ къ Маргаритѣ и скоро увлекся оживленнымъ разговоромъ съ нею.

Симбирскій мало принималъ въ немъ участія, но внимательно слушалъ, и лукавая улыбка то и дѣло скользила у него по губамъ.

— Бранитъ женщинъ, а этотъ самый несимпатичный экземпляръ современности, кажется, приходится ему очень по вкусу!—думалъ художникъ. — Впрочемъ, говорятъ же: чѣмъ ушибся, тѣмъ и лечись. А почему ему съ нею хорошо и весело, не трудно понять. Я думаю, если бы женщины могли сдѣлаться тѣми неземными по своей нравственности созданіями, какими, по ихъ словамъ, желаютъ видѣть ихъ мора-

листы, то они сами первые смертельно соскучились бы со своими воплотившимися идеалами!

VI.

Для Маргариты лѣто прошло обычнымъ порядкомъ: то въ городѣ, то на дачѣ въ Петергофѣ у Орочаниновыхъ. Среди этой обстановки она чувствовала себя, какъ въ старомъ, обношенномъ платьѣ, также удобно и спокойно.

Въ продолженіи лѣта Маргарита получила два-три письма отъ Волынцева. Онъ писалъ ей довольно лестныя вещи о произведеніяхъ ея юности, но она далеко не такъ дорожила его письмами, какъ единственнымъ письмомъ, полученнымъ ею отъ Симбирскаго. Это письмо, живое, веселое, исполненное наблюдательности и юмора, стало за послѣднее время какимъ-то палладіумомъ Маргариты.

Когда на нее нападала хандра, она брала посланіе Симбирскаго, перечитывала его, вспоминала оживленный, веселый взглядъ художника, его бодрыя слова и ей становилось веселѣе.

Маргарита нисколько не скрывала отъ себя, что Симбирскій произвелъ на нее вмѣстѣ сильное и хорошее впечатлѣніе.

Маргарита не принадлежала къ числу тѣхъ странныхъ героинь романовъ, которыя совсѣмъ не анализируютъ своихъ чувствъ и только тогда замѣчаютъ, что любятъ кого нибудь, когда имъ остаются только два исхода—или принадлежать любимому человѣку, или погубить себя.

Маргарита всегда хорошо знала, когда ей кто нибудь нравился, но она тоже знала, что эти увлеченія скоро у ней проходятъ, что неизбѣжно случится, что или ее разочаруютъ или она сама разочаруется, или просто, безъ опредѣленныхъ причинъ, потеряетъ всякій интересъ къ предмету своего увлеченія.

— И съ Симбирскимъ будетъ то же самое, но пока это пріятно и нарушаетъ однообразіе жизни!—думала Маргарита.

Она написала Симбирскому отвѣтъ, надъ которымъ постаралась, и письмо вышло оживленное, интересное, остроумное, однимъ словомъ, такое, какое стоило послать и получить.

Кромѣ этого Маргаритѣ пришелъ въ голову матеріалъ для

новаго разсказа и она усердно принялась за него. Писалось хорошо и легко, и она была довольна собою.

Къ началу осени повѣсть была кончена и принята безъ затрудненія редакціею „Огнива“. Только тогда Маргарита вспомнила, что Волынцевъ просилъ ее дать ему прочесть въ рукописи ея новое произведеніе и далъ понять, что, если оно удовлетворитъ его, то онъ постарается помѣстить трудъ Маргариты въ болѣе видный журналъ.

— Ну, не бѣда! Еще сдѣлалъ ли бы что нибудь, или нѣтъ, а во всякомъ случаѣ лучше стоять на своихъ ногахъ, чѣмъ пользоваться чужими подпорками... Хочетъ, такъ пусть напишетъ свое мнѣніе!—думала Маргарита.

Она сама не могла объяснить, почему, но, не смотря на любезность съ нею Волынцева, ощущала къ нему антипатію и ей была пріятна мысль сдѣлать ему наперекоръ.

Можетъ быть это было потому, что Маргарита угадывала то презрѣніе къ женщинѣ, которое, не смотря на внѣшнюю любезность, глубоко лежало въ натурѣ Волынцева.

Осень была въ половинѣ, было ужъ довольно и слякоти и мороза.

Маргарита, не смотря на погоду, предпринимала длинныя прогулки по проспектамъ Васильевскаго острова.

Былъ ясный, слегка морозный день. Маргарита только что хотѣла повернуть на набережную, какъ услышала, что кто-то ее окликаетъ.

— Маргарита Викентьевна!

Маргарита обернулась и покраснѣла: сзади нея стоялъ Симбирскій, сильно загорѣвшій, посвѣжѣвшій и веселый.

— Ахъ, Боже мой, это вы! Здравствуйте!

Они поздоровались и Симбирскій пошелъ рядомъ съ Маргаритою.

— Давно ли вы пріѣхали?—спросила она.

— Только вчера.

— И Евгеній Николаевичъ тоже?

— Да, и онъ.

— Ну, какъ: остались вы довольны лѣтомъ?

— Очень.

— Начали свою картину?

— Нѣтъ, но это ничего не значитъ. Я привезъ съ собою массу этюдовъ и моя картина у меня просто на ладони: нѣ-

сколько дней ясной погоды и упорной работы и дѣло въ шляпѣ,—увѣренно и весело отвѣтилъ Симбирскій, и Маргарита въ эту минуту невольно позавидовала художнику: ей самой былъ знакомъ процесъ творчества, и она знала, что значило то, когда можно было говорить о своемъ трудѣ такимъ тономъ, какимъ сейчасъ говорилъ Симбирскій.

— Я надѣюсь сдѣлать честь вашей идеѣ ея выполненіемъ,—продолжалъ, улыбаясь, художникъ. — Эта картина будетъ на половину вашимъ произведеніемъ. Это въ родѣ того, какъ французскіе драматурги часто пишутъ свои пьесы въ компаніи.

— И большею частью онѣ выходятъ неудачны!—засмѣялась Маргарита.

— Ну, не всегда же!—тоже усмѣхнулся Симбирскій.—Будемъ надѣяться, что мы съ нашимъ сотрудничествомъ составимъ исключеніе.

— Тѣмъ болѣе, что это сотрудничество болѣе воображаемое, чѣмъ дѣйствительное,—добавила Маргарита.

— Пусть такъ. А какъ вы провели это лѣто?

— Довольно скучно, впрочемъ, я тоже не лѣнилась и въ „Огнивѣ“ скоро появится моя новая повѣсть.

— Очень радъ слышать. Знаете, я читалъ ваши первыя произведенія и много спорилъ изъ за нихъ съ Евгеніемъ, мы никакъ не могли съ нимъ согласиться касательно ихъ.

— Почему же?—не безъ любопытства спросила Маргарита.

— Вы не обидитесь, если я вамъ скажу?—въ свою очередь спросилъ художникъ.

— Отчего же?

— Все таки это можетъ случиться... Видите ли: по моему, то, что вы писали раньше, лучше того, что писали потомъ,—сказалъ Симбирскій.

Что-то дрогнуло въ лицѣ Маргариты и она покраснѣла, хотя и подосадовала на себя за это, но дѣло было въ томъ, что Симбирскій затронулъ въ ней чувствительную струну.

Маргарита сама замѣчала ослабленіе своего творчества, но такъ какъ ея послѣднія произведенія, все таки, встрѣтили лучшую судьбу: печатались въ видномъ журналѣ и оплачивались дороже первыхъ, то она закрывала глаза на ихъ недостатки.

— Можетъ быть другимъ это не замѣтно, и я понапрасну

мучаюсь,—думала Маргарита, но вотъ, очевидно, Симбирскій тоже замѣтилъ и, почему-то, Маргариту это кольнуло особенно больно; ей въ половину не было бы такъ досадно, еслибъ это было мнѣніемъ Волынцева, хотя, казалось, это не было логично: хорошій отзывъ послѣдняго, какъ критика, долженъ былъ быть дороже для Маргариты мнѣнія некомпетентнаго художника.

— А Евгеній Николаевичъ былъ какого мнѣнія? — спросила она, помолчавъ.

— Онъ не соглашался со мною, или скорѣй вотъ что: Евгеній говорилъ, что хотя въ вашихъ первыхъ работахъ можетъ быть и больше свѣжести, но въ позднѣйшихъ больше обработки. Лично я предпочитаю первое.

— Я тоже,—не безъ грустнаго оттѣнка въ голосѣ, призналась Маргарита.

Симбирскій искоса посмотрѣлъ на нее.

— Вамъ вѣрно непріятно, что я такъ говорю, но, я думаю, унывать еще не отъ чего. Если послѣднія ваши произведенія не такъ хороши, то это не причина, чтобы будущія не были лучше,—замѣтилъ онъ.

— Сдѣлайте одолженіе, не стѣсняйтесь! Закрывать глаза на горькую истину—это не значитъ отъ нея избавиться,—отвѣтила Маргарита.

— Повѣрьте, что я говорю такъ не съ досады непонятаго генія,—улыбнулся Симбирскій, — но настоящіе критики рѣдко бываютъ справедливы. Иной разъ я имѣю смѣлость думать, что они сами не знаютъ хорошенько, чего требуютъ отъ писателя, артиста или художника. По крайней мѣрѣ за все то время, когда на мои картины стали обращать вниманіе, я не помню ни одного вполнѣ безпристрастнаго отзыва: все—или хвалили или порицали больше, чѣмъ я того заслуживалъ. Между прочимъ, меня всегда упрекали въ умышленной игрѣ на нервахъ зрителей, тогда какъ я никогда объ этомъ не думалъ. Когда я пишу, я не могу разсчитывать, какое впечатлѣніе произведетъ моя картина на публику, и часто ея общее выраженіе является сюрпризомъ для меня самого, — продолжалъ художникъ.

Маргарита улыбнулась, какъ на что-то знакомое.

— То же самое и со мною бывало,—вставила она.

— Да?—какъ будто обрадовался Симбирскій.—Значитъ, это

общее, а тѣмъ не менѣе насъ обвиняютъ въ разсчитанномъ посягательствѣ на душевное спокойствіе нашей публики, да и много еще въ чемъ.

Все время оживленно разговаривая, Симбирскій проводилъ Маргариту до ея дома.

— Когда же мы опять увидимся? — спросилъ онъ, задерживая при прощаньѣ ея руку.

— Приходите къ Сергѣю въ какой-нибудь четвергъ, это ихъ jour fixe. Онъ будетъ очень радъ васъ видѣть, а я и того больше!—откровенно сказала Маргарита.

Она привыкла говорить такія, пріятныя для самолюбія ея собесѣдниковъ, вещи не смущаясь, зная, что никто не придастъ имъ серьезнаго значенія.

Симбирскій посмотрѣлъ ей внимательно въ лицо своими большими и веселыми глазами.

— Я непремѣнно приду. А вы придете посмотрѣть мою картину, когда я ее кончу?

— Тоже непремѣнно!..— засмѣялась Маргарита.

— Вотъ и отлично. И такъ—до свиданья!

Они еще разъ пожали другъ другу руку, и Симбирскій ушелъ. Маргарита съ минуту постояла, глядя ему вслѣдъ.

— Какъ жаль, что все это, по всѣмъ вѣроятіямъ, только иллюзія!—подумалось ей, но, все-таки, она вернулась домой въ этотъ день какъ будто съ лучомъ свѣта въ сердцѣ, и ея будущность не показалась Маргаритѣ такою безнадежно-сѣрою, а молодость прожитою, какъ то бывало обыкновенно.

VII.

У Волынцева были непріятности, и онъ находился въ очень дурномъ настроеніи.

Причиною этому было, что, вернувшись изъ Крыма, онъ узналъ отъ одного изъ своихъ добрыхъ друзей, что его пріятельница Грушинская слишкомъ хорошо пользовалась своими каникулами въ обществѣ одного барина, хорошо извѣстнаго Волынцеву.

Это извѣстіе разсердило Евгенія Николаевича не потому, что вызвало ревность, а потому что ему сдѣлалось досадно,

зачѣмъ другой пользуется тѣмъ, что онъ такъ щедро оплачивалъ.

По этому поводу у него вышло непріятное объясненіе съ Грушинской, и они не разошлись окончательно только потому, что танцовщица испугалась утраты щедраго покровителя и постаралась кое-какъ починить прорѣху въ ихъ отношеніяхъ.

Волынцевъ понялъ это, но не сталъ настаивать на разрывѣ.

— Всѣ онѣ одинаковы!—гадливо морщась, думалъ онъ. Совершенно, какъ прислуга: перемѣнишь одну, другая еще хуже окажется.

Въ это же время Клеопатра Петровна начала казаться ему невозможнѣе обыкновеннаго. За время своего отсутствія Волынцевъ отвыкъ отъ жены и ея привычекъ, и онѣ особенно непріятно поразили его при возвращеніи.

— Господи, эти женщины—чистое отвращеніе, а безъ нихъ тоже невозможно!—съ досадою думалъ онъ.

Теперь Волынцевъ съ удовольствіемъ вспомнилъ о Маргаритѣ—она произвела на него пріятное впечатлѣніе, какъ своею изящною внѣшностью, такъ и веселостью, умѣньемъ поговорить о томъ, что интересовало ея собесѣдника, и въ томъ именно тонѣ, въ какомъ ему могло это нравиться.

Волынцевъ почти настроилъ себя на сентиментальное отношеніе къ Маргаритѣ, но вдругъ ему попалась на глаза, въ числѣ другихъ журналовъ, послѣдняя книжка „Огнива“.

Машинально заглянулъ Волынцевъ въ ея оглавленіе и опять разсердился: тамъ было напечатано начало романа Маргариты.

— Что жъ это она? Развѣ забыла, что я хотѣлъ похлопотать!—подумалъ онъ.

Но когда Евгеній Николаевичъ прочелъ романъ Маргариты, такъ окончательно раздражился и почувствовалъ, что вся его сентиментальность разлетается въ прахъ.

Содержаніе романа и его тонъ очень не понравились Волынцеву, тѣмъ болѣе, что авторъ не поцеремонился и не смягчилъ красокъ.

— И это пишетъ женщина, еще молодая и даже не замужняя! Тьфу!—раздраженно швырнулъ онъ книжку.—Одна—какой-то индѣйскій божокъ по своему образу жизни, другая—не идеализированное изданіе дамы съ камеліями, третья со

всѣми задатками милой женщины, мѣтитъ въ вольнодумцы и пишетъ о томъ, чего не можетъ знать.

Тѣмъ не менѣе Волынцеву захотѣлось повидаться съ Маргаритою.

На его письменномъ столѣ давно лежало пригласительное письмо Орочанинова съ сообщеніемъ, что онъ и его жена всегда дома по четвергамъ вечеромъ, и Волынцевъ поѣхалъ въ ближайшій четвергъ, разсчитывая встрѣтиться тамъ съ Маргаритою.

Сергѣй Сергѣевичъ принялъ своего гостя очень любезно и повелъ представлять женѣ въ гостинную.

Тамъ, кромѣ хозяйки, находилось еще нѣсколько гостей, въ томъ числѣ знакомые Волынцеву Грищенко и Бѣлогоровъ.

Маргарита тоже была здѣсь, въ черномъ и простомъ, но очень модномъ и прекрасно сидѣвшемъ на ней платьѣ.

Когда въ гостинную вошли Сергѣй Сергѣевичъ и Волынцевъ, Маргарита съ ожиданіемъ оглянулась на нихъ.

Дѣло было въ томъ, что она каждый разъ ждала прихода Симбирскаго, но прошло ужъ нѣсколько недѣль со времени ея встрѣчи съ художникомъ, а онъ не появлялся.

При видѣ Волынцева Маргарита почувствовала нѣкоторое разочарованіе, но тотчасъ же подавила его въ себѣ. Если не Симбирскій, то, во всякомъ случаѣ, Волынцевъ былъ интереснѣе другихъ.

Задобренный привѣтливою встрѣчею, Волынцевъ сѣлъ подлѣ Маргариты и, послѣ нѣсколькихъ общихъ фразъ, захотѣлъ было слегка коснуться ея романа и спокойно выразить свое порицаніе, но тутъ случилось нѣчто непредвидѣнное Евгеніемъ Васильевичемъ. Маргарита такъ неожиданно-смѣло и горячо вступилась за своихъ героевъ и свои взгляды, что Волынцевъ потерялъ терпѣніе и позабылъ сдержанность.

Онъ началъ спорить запальчиво и рѣзко, какъ обыкновенно полемизировалъ въ газетахъ.

Волынцеву было особенно досадно отъ сознанія, что онъ увлекается и говоритъ лишнее, дѣлаясь почти грубымъ, но удержаться ему было тѣмъ труднѣе, что Маргарита вполнѣ владѣла собою и, какъ будто, еще забавлялась его горячностью.

Окружающіе слушали ихъ споръ съ неодобреніемъ: подобная бесѣда была неумѣстна въ гостинной, но спорщики не

давали никому вмѣшаться, такъ что Сергѣй Сергѣевичъ искренно обрадовался звонку, извѣщавшему о приходѣ новаго гостя.

— Я вамъ докажу, что вы не знаете того, о чемъ беретесь судить!—кипятился, между тѣмъ, Волынцевъ.

— А я надѣюсь доказать вамъ, со временемъ, противное!—съ затаенною усмѣшкою на досаду своего оппонента, отвѣтила Маргарита.

Въ эту минуту въ комнату вошелъ Симбирскій.

Его появленіе было полною неожиданностью. Волынцевъ круто замолчалъ.

Онъ ни за что не захотѣлъ бы продолжать свой споръ съ Маргаритою въ присутствіи художника, будучи увѣренъ, что симпатіи того будутъ на сторонѣ писательницы, да и причина спора былъ вѣчный вопросъ о затаенной враждѣ между мужчиною и женщиною.

Волынцевъ чувствовалъ, что ему можно сказать извѣстную фразу: „Юпитеръ, ты сердишься, значитъ—неправъ“.

Маргарита тоже замолчала и даже покраснѣла.

Симбирскій, веселый, оживленный, перездоровался со всѣми и сѣлъ подлѣ Маргариты, съ которою встрѣтился взглядомъ тотчасъ при входѣ, на мѣсто вставшаго Волынцева.

— Отчего вы такъ долго не приходили?—спросила она.

— Я не хотѣлъ придти, не кончивъ своей работы,—отвѣтилъ художникъ.

— Какъ, вы кончили?—удивилась Маргарита.

Симбирскій весело кивнулъ головою.

— Картина готова, приходите смотрѣть,—сказалъ онъ.

Это приглашеніе было высказано такъ просто, что нельзя было заподозрить, что Симбирскій придаетъ ему особое значеніе.

Маргарита съ минуту поколебалась. Она хорошо знала, что ея посѣщеніе мастерской художника одинокаго и молодого покажется многимъ очень смѣлымъ нарушеніемъ приличій, но она находилась въ ту минуту именно въ томъ настроеніи, въ какомъ ей всегда хотѣлось сдѣлать что-нибудь такое, что могло бы подразнить излишнюю щепетильность ея близкихъ знакомыхъ, и въ томъ числѣ, можетъ быть, и Волынцева.

Маргарита взглянула на оживленное лицо своего собесѣдника, въ его открытые глаза и, вполнѣ сознавая, что съ нимъ ей опасаться нечего, за исключеніемъ развѣ того, что она

можетъ полюбить его больше, чѣмъ это будетъ полезно для ея душевнаго спокойствія, рѣшилась.

— Я приду... когда лучше?—спросила она.

— Придите завтра, пока свѣтло.

— Хорошо,—отвѣтила Маргарита.

VIII.

Въ ночь, послѣдовавшую за этимъ вечеромъ, Маргарита плохо спала.

Сначала она постаралась нагнать на себя сонъ, уткнувшись въ подушку и завернувшись съ головою въ одѣяло, но скоро въ этомъ положеніи ей сдѣлалось душно, она откинула одѣяло, легла на спину и начала думать. Мысли Маргариты, по неволѣ, направились на Симбирскаго и ея отношенія къ нему.

Молодая дѣвушка отлично понимала, что симпатія, которую она начала испытывать къ художнику съ перваго дня ихъ знакомства, не только не ослабла, но еще усилилась.

— Что будетъ, если я серьезно полюблю его?—задала себѣ вопросъ Маргарита. — Ничего не будетъ и не можетъ быть,—тотчасъ же отвѣтила она себѣ,—во первыхъ, потому, что это чувство едва ли будетъ взаимнымъ, во вторыхъ, если бы я и очень полюбила его, то все таки не рѣшусь вытащить лотерейный билетъ замужества. Симбирскій для меня слишкомъ молодъ—мы чуть ли не ровесники, у меня—никакихъ средствъ, у него—очень немного. Теперь, того что онъ имѣетъ ему достаточно, и онъ можетъ работать какъ хочетъ, что хочетъ и когда хочетъ, потому что ни отъ кого не зависитъ, когда же придется думать о содержаніи семьи, тогда—прощай свобода творчества! Нѣтъ, это вещь невозможная! Но если я въ себѣ увѣрена, отчего не побаловать себя хоть призракомъ чувства? Я не сойду съ ума и не умру отъ нераздѣленной страсти, я не боюсь за себя... пусть любовь приходитъ, если она еще можетъ придти.

Маргарита встала, изломанная плохо проведенною ночью, съ синевою подъ глазами, нервною зѣвотою и усталостью во всемъ тѣлѣ. По мѣрѣ приближенія часа, назначеннаго ею для визита къ Симбирскому, Маргарита почувствовала, что начи-

настъ волноваться. Это ее разсердило. Она хотѣла было принарядиться, но, въ наказаніе себѣ, пошла въ ежедневномъ, поношенномъ платьѣ.

Маргарита скоро нашла квартиру художника и, не раздумывая, потянула звонокъ.

Симбирскій самъ открылъ дверь. Сзади него стоялъ Посейдонъ.

— Здравствуйте! Какъ я радъ, что вы не измѣнили своему слову!—привѣтствовалъ Маргариту художникъ.

Посейдонъ подошелъ, помахивая хвостомъ, и привѣтливо ткнулся мордою въ руку посѣтительницы.

— Какая у васъ прелестная собака, Димитрій Всеволодовичъ!—замѣтила Маргарита.

— Да. Посейдонъ славный песъ, любитъ своего хозяина и тѣхъ, кого любитъ хозяинъ!—улыбнулся Симбирскій и такъ рѣшительно подошелъ, чтобы помочь Маргаритѣ снять шубку, что та невольно сдѣлала это, хотя вовсе не разсчитывала затягивать свое посѣщеніе.

— А вотъ и мои натурщики,—указалъ Симбирскій на корзину въ углу передней, гдѣ лежала кошка и копошилось нѣсколько штукъ ужъ довольно великовозрастныхъ котятъ.

— Неужели Посейдонъ ихъ не трогаетъ?

— Никогда! За кого вы его принимаете? Онъ прекрасно понимаетъ, что они мнѣ нужны и что мнѣ некогда разнимать ихъ ссоры. Вотъ эта барыня,—Симбирскій показалъ на кошку,—сначала было заводила исторіи, но теперь увѣрилась въ своей безопасности и тоже успокоилась. Однако, пожалуйте, вотъ моя студія и моя картина.

Симбирскій ввелъ свою гостью въ мастерскую и подвелъ къ картинѣ среднихъ размѣровъ, стоявшей на мольбертѣ въ самомъ свѣту и блестѣвшей всею свѣжестью своихъ едва высохшихъ красокъ.

Маргарита молча стояла передъ этимъ воплощеніемъ ея случайной фантазіи, высказанной мимоходомъ художнику.

Картина была написана прекрасно.

Кисть Симбирскаго всегда отличалась чистотою, онъ не заразился обычаемъ нѣкоторыхъ художниковъ писать грубо и размашисто. Ему, дѣйствительно, не приходилось прибѣгать ни къ какимъ умышленнымъ эффектамъ, чтобы производить впечатлѣніе: глубокій, жуткій драматизмъ его сюжетовъ, весь

проникнутый въ то же время вдохновеніемъ художника, сообщавшимъ ему захватывающую правдивость, хорошее знаніе технической стороны того, что онъ брался изображать, все это, взятое вмѣстѣ, вполнѣ исключало изъ произведеній Симбирскаго всякую условность: все въ нихъ было умно, просто, талантливо и ужасно.

Симбирскій былъ очень талантливъ — въ этомъ ему не могли отказать даже его враги, только этотъ талантъ нашелъ себѣ слишкомъ странное, исключительное выраженіе. Еслибъ онъ могъ измѣнить нѣсколько свое направленіе, успѣхъ былъ бы обезпеченъ и, казалось, этотъ переворотъ во вкусѣ художника началъ совершаться.

Симбирскій какъ бы усталъ изображать только одно физическое страданье, занимавшее, до сихъ поръ, первое мѣсто на его картинахъ.

Два его послѣднія произведенія „Ромео и Джульетта“ и „Отдыхъ кардинала-министра“ являлись вѣстниками этой перемѣны.

Маргарита залюбовалась картиною. Ужъ не говоря о блестящемъ исполненіи, она вся жила вложенною въ нее мыслью: какъ будто добродушною ироніею и скрытымъ за нею драматизмомъ. Становилось жутко за судьбу молодого арестанта, рѣшеніе участи котораго зависѣло отъ добродушно улыбающагося на котятъ кардинала и его подобострастныхъ креатуръ.

Маргарита не хвалила, а смотрѣла молча, но Симбирскій и такъ зналъ, что ей нравится его картина. Наконецъ молодая дѣвушка вздохнула такъ глубоко, точно съ нея свалилась какая-то тяжесть.

— Да... вотъ про это ужъ никто не посмѣетъ сказать, что это поддѣлка подъ талантъ,—проговорила она.

— А про кого же или про что это сказали? — спросилъ Симбирскій.

— Не все ли равно? Во всякомъ случаѣ про васъ этого не скажутъ. Вы выставите „Отдыхъ кардинала“?

— Да. Посмотримъ, что скажутъ.

— Именно: что скажутъ! Тутъ нельзя придраться къ обычному обвиненію, что вы поклонникъ раздирательныхъ сценъ, что глядя на ваши картины, ощущается боль въ суставахъ.

Симбирскій усмѣхнулся.

— Это доказываетъ чувствительность моихъ критиковъ...

— Ну, знаете, не надо быть слишкомъ чувствительнымъ, чтобы чувствовать себя не совсѣмъ ловко передъ этою головою,—замѣтила Маргарита, указывая на этюдъ головы Фоскари, висѣвшій напротивъ.—Скажите, кто научилъ васъ этому?

— А кто научилъ васъ писать ваши повѣсти?—переспросилъ Симбирскій.

Маргарита гадливо поморщилась.

— Ради Бога не вспоминайте о моемъ писаньѣ, мнѣ тошно дѣлается при одной мысли о немъ.

— Почему же? Ужъ не потому ли, что Евгеній вами недоволенъ?

— Нѣтъ, не потому, а потому что всякій разъ, когда я вижу настоящій талантъ, я замѣчаю, какъ мало его у меня самой.

— Ну, это неправда, это униженіе паче гордости и, я увѣренъ, у васъ есть минуты, когда вы не сомнѣваетесь въ себѣ,—возразилъ Симбирскій.

— Представьте, что это бываетъ очень рѣдко. Я или недовольна собою, или, случается, что увлекаюсь, но, все-таки, настоящей увѣренности въ своемъ талантѣ и въ томъ, что я дѣлаю то, что надо, у меня нѣтъ.

— И не смотря на это у васъ есть терпѣніе продолжать вашъ трудъ?

— Я нѣсколько разъ бросала и закаявалась писать, но тогда мною овладѣвало безпокойство, какіе-то образы и мысли лѣзли въ голову. Я начинала думать: ну, а если я могу что-нибудь дѣлать? И смотришь, опять примешься за то же! Знаете, то и тяжело въ жизни, что часто не знаешь, какъ лучше поступить. Хорошо тѣмъ, у кого есть свои скрижали, да и то годится только, пока дѣло идетъ о нравственной сторонѣ жизни, а въ практическомъ смыслѣ тоже рѣдко пригодно.

Маргарита говорила съ художникомъ, но ея взглядъ то и дѣло, какъ бы притягиваемый противъ воли, направлялся на голову Фоскари и въ этомъ взглядѣ было что-то испуганное.

Симбирскій замѣтилъ это, улыбнулся и, отойдя, подставилъ стулъ, такъ какъ картина висѣла довольно высоко, всталъ на него и повернулъ холстъ лицомъ къ стѣнѣ.

— Что это вы? Зачѣмъ?—удивилась Маргарита.

— Вы такъ подозрительно взглядывали на это несчастное

созданье, что я побоялся, не отбило бы оно у васъ аппетита, а я хотѣлъ предложить вамъ позавтракать,—сказалъ Симбирскій, указывая на накрытый въ сторонѣ столъ.

Если бы кто нибудь, до ея визита къ художнику, сказалъ Маргаритѣ, что она останется съ нимъ завтракать, она не повѣрила бы этому, но теперь, когда передъ нею были его ясные, дѣтски-веселые глаза, когда она слышала его спокойный голосъ и видѣла простое, не дававшее возможности какого бы то ни было подозрѣнія, обращеніе, то почувствовала, что выказать недовѣріе, значило бы не столько даже оскорбить, сколько насмѣшить Симбирскаго.

— Мегсі, я не отказываюсь, если вы желаете,—отвѣтила Маргарита и начала снимать шляпу и перчатки.

Хотя для самого себя Симбирскій и не былъ взыскателенъ, но, ожидая гостью, позаботился объ угощеніи. Завтракъ былъ обильный и вкусный. Было и вино, и кофе и даже конфекты.

Человѣкъ Симбирскаго—Василій, нѣсколько разъ входилъ въ комнату по зову своего барина, а Посейдонъ все время сидѣлъ у стола и то и дѣло получалъ подачки. Маргарита окончательно оправилась и развеселилась.

— Чѣмъ мы, въ настоящую минуту, не олицетвореніе какого нибудь артистическаго менажа?—думалось ей.

Симбирскій былъ тоже веселъ и внимателенъ къ своей дамѣ, но въ то же время ни въ одномъ его движеніи или словѣ не было ничего такого, чего бы онъ не могъ повторить при комъ угодно.

— За вашего крестника, Маргарита Викентьевна, — сказалъ Симбирскій, наливая своей гостьѣ вина и указывая на картину.

Чокнулись и выпили.

— Дай Богъ ему всякаго успѣха!—замѣтила молодая дѣвушка.—Знаете, — продолжала она, оглядывая висѣвшіе по стѣнамъ этюды и картины,—мнѣ очень жаль, что я не вижу одной изъ вашихъ картинъ...

— Какой?

— „Ромео и Джульетты". Мнѣ разсказывалъ о ней Гриценко, и я слышала, что вы продали ее Евгенію Николаевичу.

— Что-жъ, это можно устроить,—отвѣтилъ Симбирскій.— Евгеній не откажетъ дать мнѣ картину для выставки... а то еще проще: зайдемте къ нему вмѣстѣ и посмотримъ.

— А почемъ вы знаете, что такой визитъ не будетъ ему непріятенъ? Разумѣется, я говорю про себя, а не про васъ— вы для него, кажется, всегда persona grata, — улыбнулась Маргарита,—мы же вчера поговорили такъ круто, и я была настолько неуступчива, что едва ли Евгеній Николаевичъ сохранилъ обо мнѣ пріятное воспоминаніе.

— Развѣ это было ужъ такъ серьезно? Впрочемъ, я не засталъ вашего спора.

— Вы его даже прекратили своимъ приходомъ, но споръ былъ жаркій, и я имѣю основаніе думать, что разсердила Евгенія Николаевича.

— Ничего! При всемъ моемъ уваженіи къ Евгенію, я долженъ сказать, что у него слишкомъ деспотическія наклонности, и потому совсѣмъ недурно, если кто нибудь окажетъ ему сопротивленіе. Повѣрьте, что онъ вовсе не сердитъ на васъ и, еслибы зналъ, что въ эту минуту мы завтракаемъ вдвоемъ, то захотѣлъ бы быть третьимъ.

Едва успѣлъ художникъ договорить эти слова, какъ въ передней раздался звонокъ.

— Слышите! Можетъ быть, у Евгенія Николаевича оказалось второе зрѣніе и онъ пришелъ присоединиться къ намъ,— замѣтила Маргарита, которую чуть чуть передернуло отъ этого звонка, но она тотчасъ же оправилась. — Неужели я никогда не отдѣлаюсь отъ этихъ предразсудковъ?—досадливо подумала она.

Симбирскій прислушался къ голосу, заговорившему съ Василіемъ.

— Нѣтъ, это не Евгеній—это Максимовъ, одинъ изъ моихъ сотоварищей по искусству, — сказалъ онъ и, поспѣшно вставъ, накинулъ на картину, лежавшую на стулѣ, покрышку.— Не хочу никому показывать пока, — замѣтилъ Симбирскій и почти, въ ту же минуту въ мастерскую вошелъ новый посѣтитель.

Максимовъ былъ еще молодой человѣкъ, не многимъ старше Симбирскаго, на видъ же онъ показывалъ гораздо старше и его можно было принять чуть ли не за дядю перваго.

Максимовъ не былъ лишенъ таланта, но самъ не понималъ его, мучилъ себя и тянулся совсѣмъ не въ ту сторону, куда влекло его дарованіе.

У Максимова были всѣ задатки хорошаго пейзажиста, и когда онъ давалъ свободу своему таланту, то въ нѣкоторыхъ своихъ картинахъ поднимался до степени настоящей поэзіи. Особенно была извѣстна его „Лѣтняя ночь"—поэтическій пейзажъ съ яснымъ небомъ, освѣщенный слабымъ, таинственнымъ свѣтомъ поздней, идущей на ущербъ луны.

Отъ этой небольшой, но прелестной картины вѣяло такою поэтическою правдою, что никому не хотѣлось оторваться отъ нея, кромѣ самого художника, который не придавалъ ей никакого значенія.

Мечта Максимова была совѣмъ не пейзажъ, а историческій жанръ въ родѣ Симбирскаго, и онъ, вопреки благоразумію, стремился создать что-нибудь въ этомъ стилѣ, но ни фигуры, ни мускулатура, ни экспрессія лицъ ему не давались, картины были чуть не смѣшны, но Максимовъ свалилъ свое безсиліе создать что-нибудь выдающееся въ его любимомъ стилѣ на затруднительныя обстоятельства, мѣшавшія его таланту развиться какъ слѣдуетъ.

Отчасти въ этомъ онъ былъ правъ.

Максимова поставила въ затруднительное положеніе его неблагоразумно ранняя женитьба. Теперь забота о доставленіи средствъ къ жизни его семьѣ, отнимала отъ него много силъ и способностей. Ужъ не искусство, а деньги стали на первый планъ въ его существованіи, и Максимову часто приходилось работать во вредъ своему таланту и, все таки, онъ почти постоянно нуждался въ средствахъ и путался въ долгахъ.

Симбирскій любилъ Максимова и жалѣлъ его, хотя досадовалъ на то, что тотъ не понималъ своего положенія и самъ мѣшалъ себѣ, требуя отъ своего таланта того, чего тотъ не могъ дать.

Максимовъ часто занималъ у своего болѣе обезпеченнаго товарища, и Симбирскій давалъ легко, не требуя отдачи съ характеризовавшею его безкорыстностью.

Сегодня Максимовъ явился съ тою же цѣлью и былъ не совсѣмъ доволенъ, заставъ своего пріятеля не одного. Къ этому неудовольствію примѣшалось тоже и удивленіе, когда онъ узналъ, что гостемъ Симбирскаго была дама. У Симбирскаго не было романовъ, иначе это было бы извѣстно между его товарищами. Нѣкоторые, впрочемъ, навязывали ему въ интим-

ныя пріятельницы его хорошенькую натурщицу — Юленьку, но знавшіе художника ближе говорили, что это вздоръ, что Симбирскій неспособенъ влюбиться въ эту женщину только за ея красивое лицо и стройное тѣло, что ему надо что-нибудь болѣе соотвѣтствующее его собственному развитію.

— А, здравствуй! Какъ поживаешь? — привѣтливо поздоровался Симбирскій со своимъ пріятелемъ.

— Такъ себѣ... не важно, — угрюмо отвѣтилъ тотъ, неласково косясь на Маргариту.

Симбирскій представилъ ихъ другъ другу и предложилъ Максимову позавтракать, но тотъ съ досады отказался; тогда Симбирскій налилъ ему вина.

— Маргарита Викентьевна пришла посмотрѣть мою картину, планомъ которой я обязанъ ей,—заговорилъ Симбирскій, хорошо замѣтившій дурное настроеніе Максимова, но приписывая это его дикости.

Максимовъ оглянулся на закрытую картину.

— Это та, о которой ты говорилъ? Ужъ кончилъ?

Симбирскій кивнулъ головою.

— Счастливый ты человѣкъ! Тебѣ никто не мѣшаетъ, а я столько времени не могу кончить моего „Нерона съ Помпеею“. Покажи.

— Нѣтъ... знаешь, это мой маленькій секретъ... до выставки, конечно!—усмѣхнулся Симбирскій.

— Хочешь сразу поразить? Ладно, такъ и запишемъ, а все таки, я повторяю, что ты счастливый человѣкъ! Къ тебѣ даже наши поганые критики лучше относятся.

— Чѣмъ они тебѣ насолили, что ты такъ объ нихъ отзываешься?

— Чѣмъ? Да вотъ сегодня я встрѣтилъ Иванова, онъ и разругалъ мнѣ все и всѣхъ на чемъ свѣтъ стоитъ: и таланта-то у современныхъ художниковъ нѣтъ, и пишутъ-то они все одно и то же, и дорожатся-то! Попробовалъ бы онъ за гроши свой трудъ отдавать, когда охабка дѣтей и жена ѣсть просятъ!

— Ну, это можетъ быть вездѣ и собственно къ художеству отношенія не имѣетъ,—замѣтилъ Симбирскій.

— И ты туда-же, Митя! Живи аскетомъ, питайся воздухомъ и твори созданія, достойныя Рафаэля! Старая пѣсня! А спросилъ бы ты, что самъ Ивановъ беретъ за свои статьи? Не-

бось онъ въ мѣсяцъ заработаетъ больше, чѣмъ я въ годъ.

— Это возможно.

— То-то и есть. Вотъ вы тоже пишете,—обратился вдругъ Максимовъ къ Маргаритѣ,—заступитесь за насъ, художниковъ.

— Я не художественный критикъ, m-er Максимовъ, я для этого слишкомъ мало понимаю въ живописи, — улыбнулась Маргарита.

— А развѣ они, наши строгіе цѣнители и судьи, много понимаютъ? Большинство изъ нихъ едва ли знаютъ, какимъ концомъ кисти пишутъ!—желчно отвѣтилъ Максимовъ.—Наберутъ побольше техническихъ словъ, да подпустятъ тумана, все выбранятъ, чтобы по ихъ похвалѣ не узнали, что они дураки—вотъ критика и готова.

Максимовъ вдругъ остановился. Ему сдѣлалось досадно, что онъ говорилъ при этой незнакомой ему молодой женщинѣ такъ, какъ могъ говорить какой нибудь неудачникъ, не признанный геній. Максимовъ нахмурился, быстро допилъ свой стаканъ и, съ досады, вернувъ себѣ смѣлость, обратился къ Симбирскому.

— А я къ тебѣ, Митя, по дѣлу... пойдемъ-ка на два слова,—сказалъ онъ, вставая.

— Сейчасъ. Вы извините, Маргарита Викентьевна?—спросилъ Симбирскій.

— Ради Бога, не стѣсняйтесь.

Художники вышли въ сосѣднюю спальную Симбирскаго и, хотя они говорили тихо и Маргарита, конечно, не имѣла желанія подслушивать, все таки она поняла, о чемъ шла рѣчь. Переговоры были очень не продолжительны, затѣмъ звонко щелкнулъ замокъ и Симбирскій проговорилъ громче, чѣмъ до сихъ поръ:

— Рѣшительно все равно, когда хочешь.

Когда оба пріятеля вернулись въ мастерскую, то въ обращеніи Максимова сейчасъ же стала замѣтна перемѣна: онъ значительно повеселѣлъ и сдѣлался развязнѣе.

— А вѣдь я и въ самомъ дѣлѣ голоденъ,—неожиданно заявилъ онъ,—дай закусить.

— Давно бы такъ! Василій, еще приборъ!—крикнулъ Симбирскій.

Мало по малу Максимовъ разговорился и сдѣлался такимъ пріятнымъ собесѣдникомъ, что сотрапезники не замѣтили, какъ

шло время, и Маргарита вспомнила, что ей пора домой, только тогда, когда свѣтлая мастерская начала подергиваться сумракомъ короткаго, хотя и яснаго зимняго дня.

Маргарита вышла вмѣстѣ съ Максимовымъ.

Пока они спускались по крутой и темной лѣстницѣ, всегда возбуждавшей негодованіе Волынцева, художникъ спросилъ Маргариту, давно ли она познакомилась съ Симбирскимъ.

— Нѣтъ, недавно,—отвѣтила она.

— Значитъ, вы его мало знаете, а я знаю его давно и скажу вамъ, что это такой хорошій человѣкъ, какихъ мало. Талантъ онъ удивительный, но человѣкъ еще въ десять разъ лучшій, и это тѣмъ удивительнѣе, что онъ талантъ.

— А развѣ, по вашему, талантъ и хорошій человѣкъ не совмѣстимы?

— Во всякомъ случаѣ, очень рѣдко. Если вы знаете нѣсколькихъ болѣе или менѣе талантливыхъ людей, то вѣрно замѣчали, что они дѣлаются уже не людьми, а чѣмъ-то въ родѣ языческихъ божковъ, кумирчиками, которымъ простые смертные должны покланяться. И чѣмъ больше талантъ, чѣмъ больше слава, тѣмъ выше и неприступнѣе становится кумиръ. Можетъ быть они и не одни виноваты въ этомъ, а также ихъ поклонники, помогающіе имъ взобраться на такую высоту, но, все таки, они тяжелы и непріятны... А вотъ въ Митѣ этого нѣтъ, даромъ, что онъ талантъ рѣдкій, необыкновенный, исключительный! Его еще у насъ мало цѣнятъ.

Маргарита даже покраснѣла, до того была ей пріятна эта похвала Симбирскому.

— Я слышала, что между художниками существуетъ професіональное соперничество—судя по вашимъ словамъ, этого не подумаешь,—замѣтила она Максимову.

— Ну, мы съ Митею давно друзья, кромѣ того не я одинъ, а и большинство относятся къ нему иначе, чѣмъ къ другимъ. Онъ совсѣмъ особенный, такъ же какъ его картины. Вы сказали, что недавно съ нимъ познакомились, вотъ узнайте покороче и посудите сами. Другой разъ онъ такъ поступаетъ, что думается: не жилецъ онъ на этомъ свѣтѣ!—засмѣялся Максимовъ.—Право! Ну, до свиданья! Не поминайте лихомъ.

— За что же? Напротивъ, мнѣ было очень пріятно познакомиться,—сказала Маргарита, протягивая художнику руку.—Да онъ и самъ отличный малый!—подумалось ей.

— Наблюдаете, можетъ быть, художническую среду? вы, вѣдь, писательница... пожалуй, такъ и въ печать попадешь,— весело замѣтилъ Максимовъ.

— Что-жъ? Какъ вы берете свой матеріалъ, гдѣ найдете его, такъ и мы.

— Я ничего и не говорю противъ этого... Прощайте!

Маргарита пришла домой почти счастливая, но не сказала никому о своемъ визитѣ къ Симбирскому. Она знала, что, сдѣлавшись извѣстнымъ, ея поступокъ вызвалъ бы осужденіе, а потомъ разныя романическія предположенія—Маргаритѣ же совсѣмъ не хотѣлось этого.

Она не только не желала теперь романа съ Симбирскимъ, но даже думала, что если бы это было возможно, она разочаровалась бы.

Маргаритѣ казалось, что Симбирскій олицетворяетъ собою такъ долго отыскиваемый ею идеалъ, и она боялась прикосновенія грубой дѣйствительности, которая могла бы обнаружить, что этотъ новый идеалъ стоилъ не больше разрушенныхъ, старыхъ.

IX.

Маргарита начинала думать, что еще никогда она не бывала такъ мало дома и не веселилась такъ много, какъ въ эту зиму.

Кромѣ ея обычныхъ развлеченій: театровъ, концертовъ и выставокъ, Маргариту засыпали приглашеніями на семейные вечера разнаго рода. Веселились рѣшительно у всѣхъ ея знакомыхъ, и Маргарита принимала въ этомъ дѣятельное участіе.

Всѣ эти удовольствія оживлялись для нея двумя обстоятельствами: однимъ изъ нихъ была та симпатія, которую внушалъ ей Симбирскій, другимъ тотъ интересъ, который она сама внушала Волынцеву.

Немного времени прошло послѣ ихъ первой встрѣчи осенью, и скоро всѣмъ стало ясно, что извѣстный критикъ сталъ ухаживать за неизвѣстною писательницею.

Волынцеву было скучно: жизнь его была такъ обставлена, что въ матеріальномъ отношеніи ему не оставалось желать ничего болѣе. Та слава, которою онъ пользовался какъ кри-

тикъ и писатель, могла, если не вполнѣ, то значительно удовлетворять его самолюбіе; если что его еще не удовлетворяло, то это были именно его сердечныя дѣла.

Волынцевъ былъ еще молодъ и красивъ и онъ, какъ большинство ненавистниковъ женщинъ, не любилъ ихъ главнымъ образомъ за то, что онѣ занимали слишкомъ много мѣста въ его жизни.

Въ настоящее время Волынцевъ чувствовалъ себя неудовлетвореннымъ: съ Грушинскою онъ почти разошелся, не смотря на ея желаніе продолжать ихъ связь, грузныя прелести Клеопатры Петровны не привлекали его.

Маргарита понравилась Волынцеву своею довольно интересною наружностью и слегка пренебрежительною смѣлостью, съ которою она относилась къ представителямъ не прекрасной части рода человѣческаго. Волынцевъ понималъ, что Маргарита не способна растаять отъ нѣсколькихъ нѣжныхъ словъ и взглядовъ, что съ нею надо побиться, и это ему нравилось.

Въ глубинѣ души Волынцевъ прегадко относился къ женщинамъ, въ его взглядѣ на нихъ было нѣчто восточное, отзывавшееся кораномъ.

Въ сущности онъ допускалъ въ женщинахъ только два типа: рабы и работницы и женщины-игрушки для удовлетворенія чувственности и тщеславія.

Женскій талантъ Волынцевъ признавалъ только сценическій: актрисы, пѣвицы, танцовщицы; остальные таланты въ женщинѣ, по мнѣнію Евгенія Николаевича, были не болѣе какъ плохія копіи съ мужскихъ и не стоили того, чтобы къ нимъ относились серьезно.

Въ талантѣ Маргариты Волынцева раздражала именно та черта, что у ней онъ мало находилъ женскаго: смѣлый анализъ, сжатый и увѣренный слогъ, довольно дерзкая иронія и много искренней теплоты, безъ сентиментальности тамъ, гдѣ она, дѣйствительно, сочувствовала тому, о чемъ писала. Всѣмъ этимъ обладали не всѣ писатели, но хотя Волынцевъ и къ нимъ былъ исполненъ презрѣнія, женщина, обладавшая всѣмъ этимъ, положительно дѣйствовала ему на нервы.

Сама по себѣ Маргарита нравилась Волынцеву, онъ не прочь былъ отъ романа съ нею и принялся ухаживать, но иногда, посреди этого ухаживанья онъ вдругъ сбивался съ толку и начиналъ видѣть въ Маргаритѣ только противника,

несогласнаго съ его убѣжденіями. Тогда между ними возникалъ споръ, послѣ котораго Волынскій приходилъ въ себя и пугался, что, благодаря своей несдержанности, теряетъ расположеніе Маргариты, которое старался пріобрѣсть всѣми подходящими средствами. Обыкновенно послѣ такихъ вспышекъ Волынцевъ становился особенно внимателенъ.

Маргарита, конечно, замѣчала его ухаживаніе, оно ее даже занимало, не возбуждая волненія. Совсѣмъ иначе обстояло дѣло съ Симбирскимъ.

Этотъ послѣдній нисколько не ухаживалъ за Маргаритою. но относился къ ней такъ, какъ только можно было относиться къ самому лучшему товарищу. Онъ говорилъ съ нею много, охотно, откровенно, посвящалъ во всѣ свои планы и принималъ горячее участіе въ ея намѣреніяхъ.

Скоро Маргарита отдала бы всѣ любезности Волынцева за одну бесѣду съ Симбирскимъ, а между тѣмъ она отлично видѣла разницу во вниманіи, оказываемомъ ей обоими пріятелями: одинъ велъ себя по всѣмъ правиламъ искусства, другой держалъ себя такъ, точно не замѣчалъ, была ли Маргарита женщина или мужчина.

Иной разъ молодая дѣвушка задавалась вопросомъ: не лучше ли было бы для нея, если бы художникъ и критикъ помѣнялись ролями, но тотчасъ же рѣшала, что все къ лучшему.

Сколько бы Волынцевъ ни ухаживалъ, Маргарита знала, что всегда отнесется къ нему равнодушно и была спокойна, относительно Симбирскаго она не была такъ увѣрена и потому было лучше, что онъ не подавалъ никакого повода думать о себѣ что нибудь особенное. На безнадежную же страсть Маргарита не была способна.

Вскорѣ послѣ рождественскихъ праздниковъ состоялся любительскій спектакль съ благотворительною цѣлью, въ которомъ принималъ участіе Симбирскій. Онъ даже былъ однимъ изъ главныхъ распорядителей, такъ какъ благотворительная цѣль спектакля была не чужда художеству. Симбирскій предложилъ Маргаритѣ принять участіе въ спектаклѣ, и она, поколебавшись немного, согласилась.

Спектакль, по счастливой случайности, удался вообще и выдѣлился съ выгодной стороны отъ обычныхъ любительскихъ спектаклей довольно стройнымъ исполненіемъ всѣхъ ролей и

отсутствіемъ скуки, царящей обыкновенно на представленіяхъ не присяжныхъ артистовъ.

Со своей стороны, Маргарита играла такъ хорошо, что привлекла къ себѣ вниманіе. На сценѣ она казалась почти хорошенькою, костюмы были удачны, держалась она вполнѣ свободно, нисколько не смущаясь тѣмъ, что у ней были руки, осмысленно читала роль, а ея мимика оказалась тоже достаточно подвижной и выразительной.

Въ этотъ вечеръ Маргарита могла вполнѣ ознакомиться съ тѣмъ, что называется сценическимъ успѣхомъ.

Ей, какъ впрочемъ всѣмъ участвовавшимъ дамамъ, поднесли букетъ, но ее больше всѣхъ хвалили, говорили разныя пріятныя для ея самолюбія вещи, угощали, приглашали танцовать, когда, по окончаніи спектакля, начались танцы.

Въ числѣ зрителей былъ и Волынцевъ.

Въ этотъ вечеръ онъ, болѣе чѣмъ когда либо, почувствовалъ, что Маргарита ему очень нравится. Сегодня онъ видѣлъ въ ней только женщину, производившую на него пріятное впечатлѣніе, и совершенно забылъ о присутствіи въ ней непріятнаго ему человѣка.

Можетъ быть въ немъ заговорило и чувство ревности, видя какъ Маргариту хвалятъ и какъ она отвѣчаетъ на общее вниманіе одинаково весело и привѣтливо.

Волынцевъ не танцовалъ, но упорно искалъ случая поговорить вдвоемъ съ Маргаритою.

Наконецъ это ему удалось: они остались вмѣстѣ на диванѣ въ сосѣдней съ залою гостинной. По близости никого не было, по крайней мѣрѣ никого настолько знакомаго, кто бы могъ помѣшать имъ.

Волынцевъ началъ съ того, что высказалъ Маргаритѣ нѣсколько горячихъ похвалъ ея игрѣ.

— Вотъ сцена, это та сфера дѣятельности, въ которой женщина можетъ не только сравняться съ мужчиною, но и превзойти его,—закончилъ онъ.

— Жаль, что мой талантъ открылся немного поздно, а то я, можетъ быть, могла бы попробовать сценическую карьеру, не повезло ли бы мнѣ въ ней!—усмѣхнулась Маргарита.

— Вы шутите, но это очень возможное дѣло,—замѣтилъ ея собесѣдникъ.

— Вы забываете о моихъ лѣтахъ! Прежде чѣмъ я доби-

лась бы извѣстности, а съ нею и хорошаго заработка, я бы состарѣлась и разорилась на наряды, безъ которыхъ актрисѣ нельзя сдѣлать шага, и которые, при настоящихъ требованіяхъ, составляютъ какъ бы часть таланта,—отвѣтила Маргарита.

— Я увѣренъ, что если бы вы захотѣли попробовать счастья, то нашелся бы кто нибудь, готовый предложить вамъ необходимыя на это средства,—какъ-то медленно, точно несовсѣмъ свободно владѣя языкомъ, сказалъ Волынцевъ.

— Кто же былъ бы, по вашему, этимъ меценатомъ?—довольно разсѣянно и не придавая словамъ своего собесѣдника особаго значенія, спросила Маргарита.

Волынцевъ медлилъ отвѣтомъ, а молодая дѣвушка даже не ждала его, она смотрѣла въ дверь залы, гдѣ, между группами танцующихъ, ей нѣсколько разъ мелькнула фигура Симбирскаго, который точно искалъ кого-то, и Маргарита, догадываясь „кого“, только что хотѣла предложить Волынцеву пойти посмотрѣть на танцы, какъ онъ заговорилъ:

— А что бы вы сказали, если бы этотъ меценатъ былъ я?

— Вы?—удивилась Маргарита, оборачиваясь къ нему.

— Да,—подтвердилъ Волынцевъ и его тонъ, взглядъ и выраженіе лица досказали остальное.

По крайней мѣрѣ Маргарита поняла, въ чемъ было дѣло потому что покраснѣла и сдѣлала движеніе встать, но осталась: во всякомъ случаѣ, въ эту минуту она позабыла о Симбирскомъ.

Молчаніе между собесѣдниками продолжалось какихъ-нибудь нѣсколько секундъ, но обоимъ оно показалось очень продолжительнымъ. Первая заговорила Маргарита: ей надо было отвѣтить, тогда какъ Волынцеву нечего было прибавлять къ сказанному.

— Мнѣ кажется, я васъ вѣрно поняла, Евгеній Николаевичъ, и могу отвѣтить, не требуя, чтобы вы высказались болѣе рѣзко. Я бы могла отвѣтить вопросомъ: чѣмъ я подала поводъ къ такому предложенію? Наконецъ, изображая оскорбленную добродѣтель, молча встать и уйти, но все это годится для сцены, въ обыкновенной же жизни я терпѣть не могу театральныхъ представленій, поэтому предпочитаю просто сказать вамъ нѣсколько словъ...

Волынцевъ съ трудомъ перевелъ духъ. Ему было очень неловко въ эту минуту и, сквозь соблазнительный обликъ жен-

щины, которая ему нравилась, опять проглянулъ непріятный и циническій скептикъ, котораго онъ такъ не любилъ.

— Я слушаю,—неохотно проговорилъ онъ.

— Въ томъ, что вы мнѣ сказали, я васъ не виню, Евгеній Николаевичъ. Вы недовольны вашимъ семейнымъ счастьемъ ищете утѣшеній на сторонѣ и неудивительно, что пробуете получить ихъ тамъ, гдѣ вздумаете. Если вы меня не лучше поняли, то моя обстановка не говоритъ въ мою пользу: я уже недостаточно молода, чтобы уважать мою невинность и въ то же время недостаточно стара и некрасива, чтобы совсѣмъ не привлекать на себя вниманія. Кромѣ того я постоянно и вездѣ одна: у меня нѣтъ семьи, но много знакомыхъ и друзей, съ которыми я довольно коротка и, можетъ быть, позволяю себѣ иногда лишнее... очень понятно, что должно думать о такой дѣвушкѣ.

Волынцевъ сдѣлалъ движеніе съ цѣлью возразить, но Маргарита остановила его.

— Пожалуйста, не нужно отрицаній, я, все равно, не повѣрю имъ, а въ вашемъ желаніи сохранить внѣшній декорумъ я и не сомнѣваюсь. Вотъ вы и подумали... повторяю, очевидность противъ меня, и вы на основаніи ея правы...

— Нѣтъ, вы ошибаетесь, въ эту минуту я чувствую, что вполнѣ неправъ,—замѣтилъ Волынцевъ.

Маргарита не обратила вниманія на эти слова и продолжала:

— Всякій можетъ имѣть свои взгляды на нравственность, наконецъ, не имѣть ихъ вовсе, просто руководствуясь правиломъ: жить въ свое удовольствіе, но, не смотря на внѣшность, говорящую противъ этого, я имѣю слабость признавать мудрость пословицы, гласящей: „береги честь смолоду—въ старости не поднимешь“, а вы мнѣ не такъ дороги, чтобы ради васъ я кинула вызовъ общественному мнѣнію.

— Однимъ словомъ: мнѣ остается только просить васъ забыть этотъ несчастный разговоръ, — сказалъ Волынцевъ, вставая.

— Да, это будетъ лучше... Мы поняли другъ друга, и потому...

Маргарита вдругъ остановилась: въ дверяхъ залы появился Симбирскій. Онъ, наконецъ, нашелъ, что искалъ, и шелъ къ нимъ.

Волынцевъ взглянулъ на него, потомъ на Маргариту и тотчасъ уловилъ на ея лицѣ выраженіе невольнаго удовольствія, которое она напрасно старалась бы скрыть. Волынцевъ давно смутно догадывался о существованіи чего-то подобнаго, а теперь его подозрѣнія подтвердились. Непріятное чувство оскорбленнаго самолюбія, зависти и ревности больно укололо его.

Волынцевъ любилъ Симбирскаго, высоко ставилъ его талантъ и характеръ, но въ глубинѣ души считалъ его не особенно развитымъ. Ему стало досадно, что приходилось уступать мѣсто художнику, но показалась утѣшительною мысль, что тотъ со своими странными воззрѣніями на любовь и женщину навѣрно разочаруетъ Маргариту, и въ то же время захотѣлось дать ей почувствовать, что онъ замѣтилъ ея увлеченіе.

— Я не позволю себѣ сомнѣваться ни въ одномъ словѣ изъ того, что вы мнѣ сказали, но мнѣ кажется, это не единственный мотивъ, которымъ вы руководствовались,—замѣтилъ Волынцевъ, стараясь говорить возможно равнодушнѣе, но чувствуя, что это ему не удается и что лучше было бы промолчать.

— Я васъ не понимаю,—обратилась Маргарита.

— Неужели вы мнѣ отказываете даже въ такой ничтожной долѣ наблюдательности?—отвѣтилъ вопросомъ на вопросъ Волынцевъ, въ упоръ глядя не на Маргариту, а на подходившаго къ нимъ Симбирскаго.—Я только боюсь, чтобы вамъ не пришлось разочароваться,—добавилъ онъ съ улыбкою и, прежде чѣмъ смутившаяся на минуту Маргарита успѣла что-нибудь отвѣтить, Волынцевъ слегка поклонился и отошелъ, оставивъ свою собесѣдницу лицомъ къ лицу съ Симбирскимъ.

X.

Весною Симбирскій выставилъ „Отдыхъ кардинала-министра“ на выставкѣ, открывшейся съ благотворительною цѣлью.

Картина надѣлала шума.

„Кардинала-министра“ ходили смотрѣть и много о немъ толковали въ печати и разговорахъ. Неожиданный поворотъ въ направленіи талантливаго художника заинтересовалъ всѣхъ.

— Знаешь, я, должно быть, скоро умру, — смѣясь замѣтилъ Симбирскій Волынцеву.

— Это почему такъ?—удивился тотъ.

— Потому что обо мнѣ всѣ говорятъ только хорошее, а это бываетъ исключительно съ покойниками.

Волынцевъ улыбнулся на шутку своего друга, но какъ-то принужденно.

За послѣднее время между ними возникли натянутыя отношенія.

Оба это замѣчали, тяготились этимъ, но ничего не дѣлали, чтобы выяснить причины этого. Впрочемъ сдѣлать это было довольно затруднительно, слишкомъ ужъ много здѣсь замѣшалось такого, что неловко было назвать своимъ именемъ

Кромѣ того, что художнику и критику нравилась одна и та же женщина, было еще одно обстоятельство въ которомъ Волынцеву ни за что не хотѣлось бы сознаться. Онъ былъ по природѣ деспотиченъ и могъ искренно любить только тѣхъ, кто подчинялся этому деспотизму.

До сихъ поръ Симбирскій не то чтобы въ дѣйствительности подчинялся своему другу, но не заявлялъ своей самостоятельности.

Симбирскій съ нѣкоторымъ своимъ чудачествомъ нравился Волынцеву, онъ представлялся ему добрымъ малымъ, большимъ ребенкомъ, которому нуженъ опекунъ, но теперь ребенокъ вдругъ выросъ и неожиданно заявилъ права на самостоятельность.

„Отдыхъ кардинала-министра“ очевидно сталъ поворотнымъ пунктомъ для таланта художника: своею новою картиною онъ отвѣтилъ на всѣ представлявшіяся ему обвиненія и разбилъ ихъ въ прахъ.

Картина блестѣла всѣми достоинствами его прежнихъ произведеній, не имѣя ни одного изъ ихъ недостатковъ.

Блескъ кисти, техника, доходившая до щегольства, знаніе изображаемой эпохи, сжатый драматизмъ сюжета и полное отсутствіе всего, походившаго на умышленное притягиванье за нервы зрителя—все было на лицо.

О Симбирскомъ теперь говорили не какъ о какомъ-то талантливомъ выродкѣ, который скорѣй пугалъ, чѣмъ нравился своими способностями, а какъ о вполнѣ развившемся талантливомъ художникѣ.

Самъ Симбирскій отлично носилъ свой новый ореолъ признанной талантливости.

По прежнему простой, спокойный и веселый, онъ отвѣчалъ улыбкою на дѣлаемые ему комплименты, не цѣня ихъ выше настоящей стоимости и, не считая „Отдыха кардинала“ послѣднимъ словомъ своего таланта, подготовлялся къ новой работѣ.

Никогда еще, за всѣ 28-мь лѣтъ своей жизни Маргарита не была такъ близка къ тому, чтобы влюбиться.

Симбирскій до того олицетворялъ созданный ею для себя идеалъ, что Маргарита напрасно всматривалась въ него, ожидая, что вотъ-вотъ онъ скажетъ или сдѣлаетъ что-нибудь, что разрушитъ ея очарованіе, но Симбирскій, какъ нарочно, выходилъ цѣлъ и невредимъ изъ всѣхъ испытаній.

Минутами Маргаритѣ становилось почти страшно того, что она прозрѣвала въ себѣ, минутами же она чувствовала себя такою счастливою, какою никогда не бывала.

— Что изъ этого выйдетъ? Буду-ли я счастливѣе отъ того, что могу сказать, что нашла себѣ человѣка по сердцу и изъ этого ничего не вышло, или не лучше было бы, еслибъ ничего не вышло потому, что я не встрѣтила въ жизни никого лучше Гриценко или Волынцева?—думала Маргарита.

Теперь Волынцевъ былъ наружно вполнѣ равнодушенъ къ ней. Онъ навѣрное достигъ бы и настоящаго равнодушія, если бы не вниманіе къ Маргаритѣ Симбирскаго. Это не была ревность, а какая-то странная досада: Волынцевъ былъ убѣжденъ, что забудь Симбирскій про Маргариту, онъ тотчасъ послѣдуетъ этому примѣру, но Симбирскій, казалось, не думалъ оказать такую услугу своему пріятелю: онъ продолжалъ относиться къ Маргаритѣ съ замѣтною симпатіею.

— Очевидно, она ему нравится, — думалъ Волынцевъ, — что онъ ей нравится — это тоже не подлежитъ сомнѣнію... какъ же намѣрены они поступить? Разсчитываетъ-ли онъ на ней жениться? Можетъ быть, если онъ станетъ продолжать писать картины, подобныя двумъ послѣднимъ, то на ихъ сбытъ, а слѣдовательно, и на хорошій заработокъ можно разсчитывать, а все-таки, такой бракъ нелѣпость, и если они рѣшатся на него, то пожалѣютъ.

Симбирскій въ настоящее время писалъ портретъ Маргариты.

Однажды позднею весною, въ одинъ изъ ясныхъ и теплыхъ почти по лѣтнему дней, какими иногда въ апрѣлѣ мѣсяцѣ балуетъ петербургская весна его обитателей, Симбирскій

и Маргарита находились въ мастерской перваго. Портретъ былъ почти конченъ и лицо молодой дѣвушки смотрѣло съ темнаго фона холста, какъ живое.

Яркіе лучи солнца, сначала освѣщавшіе всю комнату, стали собираться въ одномъ изъ ея угловъ, оставляя остальное въ тѣни. Мало по малу и это освѣщенное пространство все суживалось, наконецъ, послѣдняя яркая искра догорѣла на краю золотой рамы одной изъ картинъ и потухла. Въ комнатѣ, освѣщенной теперь только розоватымъ отблескомъ зари, наступили сумерки.

Окна мастерской были открыты. Въ нихъ ничего не было видно, кромѣ яснаго неба, на которомъ таяли розовыя облачка и понемногу набѣгали вечернія тѣни. Теплый вѣтеръ потянулъ въ комнату и зашевелилъ краями бумаги, лежавшей на столѣ.

Симбирскій положилъ кисти и палитру.

— Становится темно,—замѣтилъ онъ.—Вамъ не холодно?

— О, нѣтъ!—отвѣтила Маргарита; она подумала, что ей пора теперь уходить, но вмѣсто того только встала и подошла къ окну.

— Какъ хорошо! Какой славный вечеръ!—проговорила она.

Маргарита слышала, что Симбирскій подошелъ вслѣдъ за нею, но стоялъ молча. Вдругъ одна его рука обняла талью Маргариты и потянула ее куда-то назадъ, къ себѣ. Сердце молодой дѣвушки дрогнуло какъ бы отъ испуга, но она не противилась и машинально опустилась на стоявшее у окна кресло.

Симбирскій всталъ на колѣни подлѣ.

Маргарита сдѣлала движеніе отстранить его, но ея рука, попавъ на голову художника, запуталась пальцами въ его кудрявыхъ волосахъ, и вмѣсто того вышла ласка. Симбрскій, не выпуская тальи Маргариты, свободной рукою взялъ эту руку и прильнулъ къ ней долгимъ, не отрывающимся поцѣлуемъ.

Все это продѣлалось въ молчаніи. Маргарита не сопротивлялась, она чувствовала себя въ эту минуту стоящею на наклонной плоскости, ей только не надо было дѣлать усилія чтобы удержаться, и она скользнетъ по ней; и чувство подсказывало Маргаритѣ, что скользнуть будетъ пріятно и что не стоитъ бороться съ одолѣвавшею ее истомою, но разсудокъ

говорилъ другое, напоминая, что потомъ явится позднее раскаяніе и изъ минутнаго увлеченія получатся двѣ испорченныя жизни... и Маргарита вѣрила разсудку.

Симбирскій все крѣпче и ближе прижимался къ ней и все цѣловалъ ея руки, но ужъ не молча, а называя Маргариту едва слышнымъ шопотомъ всевозможными ласкательными именами.

Маргарита со вздохомъ обернулась къ нему. Симбирскій, почувствовавъ ея движеніе, тоже поднялъ голову и ихъ глаза встрѣтились. Этотъ взглядъ какъ ножомъ рѣзнулъ по сердцу Маргариту: онъ былъ такъ счастливъ, и это счастье, которое она ему могла дать, ей приходилось отнимать отъ него.

— Перестаньте, Димитрій Всеволодовичъ! Что вы дѣлаете?— тихо сказала она.

Симбирскій улыбнулся.

— Вы видите...

Маргарита печально покачала головою.

— Не надо... это не хорошо... не годится...

— Отчего? Я люблю васъ и, мнѣ кажется, я имѣю право сказать вамъ это, потому что того чувства, какое къ вамъ испытываю, я не испытывалъ никогда, ни къ какой женщинѣ,— не безъ нѣкотораго самодовольнаго чувства сказалъ Симбирскій.

Онъ, дѣйствительно, могъ гордиться тѣмъ, что приносилъ Маргаритѣ: она была первая женщина, которую онъ любилъ, до сихъ поръ его единственною любовью было искусство.

До послѣдняго времени Симбирскій не могъ сказать, что владѣетъ имъ вполнѣ: онъ упорно любилъ и искалъ взаимности не податливой красавицы. Онъ отдалъ себя всего на это исканіе и ему некогда было думать о томъ, что существуетъ на свѣтѣ какая-то другая любовь.

Въ женщинахъ даже самыхъ привлекательныхъ, онъ видѣлъ только тѣло, изображеніе котораго живымъ и правдивымъ надо было покорить себѣ, да и въ большинствѣ случаевъ это было страдающее тѣло, одухотворенное только выраженіемъ экстаза или муки. Женщины на картинахъ Симбирскаго были или героини или мученицы, просто женщины не было ни одной. Въ первый разъ она появилась у него въ „Джульеттѣ“, но и тутъ сказывался еще какой-то болѣзнен-

ный колоритъ: прекрасная Капулетти казалась если не мученицею, то больною.

Въ „Кардиналѣ-министрѣ“ Симбирскій отрѣшился отъ своего перваго направленія, точно вдругъ догадавшись, что трагизмъ можетъ заключаться не въ однихъ исковерканныхъ мускулахъ и текущей крови; не хватало для его окончательнаго развитія только любви, и она пришла.

Симбирскій, видя на лицѣ Маргариты не нравившееся ему выраженіе, которое онъ принималъ за недовѣрчивость, захотѣлъ разсѣять это предубѣжденіе.

— Если вы сомнѣваетесь, если кто-нибудь наговорилъ вамъ про мою неспособность любить, то я покажу вамъ мой аттестатъ зрѣлости; можетъ быть его свидѣтельству вы повѣрите больше всего, что я могу вамъ сказать, — сказалъ художникъ.

— Какой аттестатъ зрѣлости?—съ недоумѣніемъ спросила Маргарита.

Симбирскій всталъ и подвинулъ къ окну мольбертъ съ картиною, которая, стоя въ темномъ углу, не могла привлечь вниманія. Ея содержаніе было несложно и не требовало поясненій: это была любовная сцена въ излюбленной художникомъ средневѣковой обстановкѣ и костюмахъ. Кто были этотъ молодой человѣкъ и женщина? Были они изъ числа прославленныхъ своими несчастіями и своею любовью любовниковъ давно прошедшихъ лѣтъ, какъ „Ромео и Джульетта“, „Паоло и Франческа“, „Гуго и Паризина“, или просто были никому неизвѣстная и мирно прожившая свой вѣкъ пара, но что они любили другъ друга — это было ясно. Маргаритѣ даже показалось, что Симбирскій придалъ ихъ лицамъ нѣкоторое сходство съ нею и самимъ собою. Она невольно заглядѣлась на картину. Въ ней сказывалась обычная смѣлость и оригинальность Симбирскаго, но это была первая его картина, проникнутая жизнерадостнымъ чувствомъ.

— Видите: этого нельзя было писать не любя,—шепнулъ художникъ, стоя сзади Маргариты. — Вѣрите вы мнѣ? — и, точно не сомнѣваясь въ отвѣтѣ, онъ опять привлекъ ее къ себѣ и приникъ долгимъ поцѣлуемъ, на этотъ разъ ужъ къ губамъ молодой дѣвушки.

Опять едва одолимое желаніе отдаться этимъ ласкамъ, отвѣтить на его любовь овладѣло Маргаритою. Симбирскій,

угадывая это, продолжалъ шептать свои горячія признанія...

Маргаритѣ показалось, что она теряетъ самообладаніе, но вдругъ, неожиданно для себя, сосредоточивъ всю свою силу, она освободилась изъ объятій Симбирскаго и отступила шага на два.

— Опомнитесь, вы съ ума сошли! проговорила она.

Художникъ даже покачнулся отъ внезапности этого отпора и въ первую минуту посмотрѣлъ на Маргариту съ тупымъ удивленіемъ: ему показалось, что въ комнатѣ точно заговорилъ кто-то третій, кого они до сихъ поръ не замѣчали, потомъ онъ пришелъ въ себя и поблѣднѣлъ.

— Что вы сказали! глухимъ, грубо прозвучавшимъ голосомъ спросилъ онъ.

Маргарита поняла, что теперь, когда между ними перервались преграды, раздѣлявшія ихъ какъ постороннихъ другъ другу людей, имъ надо высказаться до конца.

Она быстро отошла къ окну и, глядя на потемнѣвшее небо, а не на своего собесѣдника, заговорила:

— Димитрій Всеволодовичъ, я должна высказаться и попросить у васъ прощенья... Прежде всего, я нисколько не оскорблена произошедшимъ здѣсь сейчасъ. Я сама во всемъ виновата. Этого никогда бы не случилось, если бы я захотѣла остеречься и остеречь васъ.—Я не хотѣла... Мнѣ было пріятно, что вы меня любите... мнѣ казалось, что и я люблю васъ.

— Маргарита..

— Нѣтъ, нѣтъ, не подходите! Все это было очень нехорошо, потому что я—не люблю васъ! Маргаритѣ послышалось движеніе со стороны Симбирскаго, и она продолжала живѣе и настойчивѣе: Да, это правда, я не лгу. Если вы предложите мнѣ сдѣлаться вашею женою, я откажусь, этотъ бракъ будетъ несчастьемъ для насъ обоихъ, вашею любовницею я тоже не могу быть—я возненавидѣла бы васъ, еслибъ это случилось.. Я нравственный уродъ... Простите, я знаю, что очень виновата передъ вами.

— Маргарита, мнѣ кажется, вы клевещете на себя, тихо сказалъ Симбирскій, подходя къ молодой дѣвушкѣ: онъ былъ очень блѣденъ и его лицо нервно подергивалось волненіемъ.

Маргарита обернулась.

— Нѣтъ. Я бы сама хотѣла, чтобы это была клевета, но... ради всего на свѣтѣ, не вѣрьте, что я могу полюбить—это не-

правда, это фантазія... Моя любовь вся на бумагѣ. Это экспериментъ натуралиста, психолога, художника, кого хотите, но это не любовь женщины! Въ ея голосѣ звучало почти отчаяніе. Скажите скорѣй, что вы мнѣ повѣрили и что ваше увлеченіе скоро пройдетъ!

— Я не могу этого сказать, Маргарита, и не вѣрю вамъ. Можетъ быть вы такъ же требовательны къ свому чувству, какъ къ своему таланту, которымъ вѣчно недовольны. Но вы не сомнѣвайтесь — любовь придетъ! Позвольте мнѣ любить васъ.

Говоря это, Симбирскій совсѣмъ близко подошелъ къ Маргаритѣ и взялъ обѣ ея руки въ свои. Въ комнатѣ было почти темно, но глаза обоихъ собесѣдниковъ привыкли къ этому, и они хорошо видѣли лица другъ друга.

— Нѣтъ, это невозможно... я не люблю васъ! — почти рѣзко сказала Маргарита.

Она видѣла, какимъ недобрымъ блескомъ засвѣтились при этомъ отвѣтѣ глаза художника, но не отшатнулась, не вырвала отъ него своихъ рукъ.

— Я знаю, что поступила вмѣстѣ и нехорошо, и неблагоразумно... Еслибъ вы захотѣли воспользоваться ловушкою, которую я сама себѣ подставила, я бы даже не обвинила васъ и съумѣла бы принять всѣ послѣдствія моей неосторожности, но объ любви не можетъ быть и рѣчи. Я еще больше, чѣмъ васъ, обманывала себя, отыскивая въ себѣ проблески пробуждающагося чувства, но его нѣтъ... Дѣлайте, что хотите: мнѣ прибавлять больше нечего.

Симбирскій выпустилъ руки Маргариты.

— Въ такомъ случаѣ и мнѣ не остается ничего сказать вамъ, кромѣ: уходите! Надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что изъ нашего знакомства вы вынесли хоть то убѣжденіе, что на низость я не способенъ. Могу еще прибавить, что мое чувство не было минутнымъ увлеченіемъ, что мнѣ очень тяжело. Мы, очевидно, не поняли другъ друга! А затѣмъ: уходите! Прощайте!

XI.

Маргарита вышла на улицу, какъ во снѣ. То, что съ нею случилось, въ самомъ дѣлѣ походило на сонъ: поцѣлуи, объ-

ятія, страстныя рѣчи, а затѣмъ пробужденіе и никакихъ слѣдовъ происшедшаго: холодно въ сердцѣ, спокойно въ головѣ, и никто никогда не напомнитъ ей о случившимся... какъ есть сонъ!

Были у Маргариты даже минуты, когда ей хотѣлось вернуться, не смотря на то, что она знала, что такой поступокъ кончился бы для нея печально.

Теперь, когда Маргарита чувствовала себя въ безопасности и припоминала подробности пережитаго, по всему ея тѣлу, какъ бы откликнувшемуся на ея мысли, прошла странная и пріятная дрожь. Маргарита пожала плечами и пошла скорѣй.

На улицѣ было темно и горѣли фонари, но небо еще не совсѣмъ потемнѣло, кое гдѣ въ его ясной лазури начали проступать звѣзды. Было тепло и пріятно.

Маргарита только что хотѣла перейти улицу, какъ кто-то подошелъ къ ней и голосомъ, напоминавшимъ своимъ тономъ пискъ петрушки за ширмами, спросилъ:

— Откуда это вы, Маргарита Викентьевна?

Маргарита узнала Гриценко и поздоровалась съ нимъ, мысленно сожалѣя, что нелегкая свела его съ нею въ эту минуту.

Она съ секунду поколебалась, что отвѣтить, но вдругъ ей пришла мысль, что злословіе хотя и изобрѣтательно, но часто недальновидно и, пойдя ему навстрѣчу, можно, если не заставить умолкнуть, то ослабить, или навести на ложный слѣдъ.

— Я была у Димитрія Всеволодовича, — самымъ непринужденнымъ тономъ отвѣтила Маргарита, чутко прислушиваясь къ тону отвѣта Гриценко, готовая уловить малѣйшую подозрительную ноту

Но Гриценко вполнѣ разочаровалъ ея ожиданія.

— Я слышалъ, что Симбирскій пишетъ вашъ портретъ... правда это?

— Да, для этого я и ходила къ Димитрію Всевслодовичу.

— И удачно?

— Что удачно?

— Разумѣется, портретъ.

— Какъ все, что пишетъ Димитрій Всеволодовичъ.

— Интересно будетъ посмотрѣть. Такъ вы теперь отъ него?

— Да. Сначала онъ работалъ, а потомъ мы заболтались,— отвѣтила Маргарита. — Нѣтъ, положительно, онъ ничего не

подозрѣваетъ и относится къ моему посѣщенію Симбирскаго такъ, точно ничего не можетъ быть проще,—подумала она.—Но почему это? Симбирскій ли, я ли, или мы оба стоимъ внѣ подозрѣній? — и вдругъ Маргаритѣ, не смотря на неблагоразуміе такого желанія, захотѣлось узнать мнѣніе Гриценко относительно этого.

— Что же, Павелъ Ивановичъ, вамъ не кажутся романичными такіе tête à tête?—смѣясь спросила она.

— Между Димитріемъ Всеволодовичемъ Симбирскимъ и Маргаритою Викентьевною Орочаниновою? — напыщеннымъ тономъ переспросилъ тотъ.—Никогда!

— Почему же?

— Хотите знать? Я въ настоящую минуту не смѣюсь, а говорю вполнѣ серьезно: для какого-нибудь романа между вами—вы слишкомъ реальны, а онъ идеаленъ; вы никогда не сблизитесь, сколько бы ни бесѣдовали вмѣстѣ.

— А вѣдь онъ правъ! — промелькнуло въ головѣ Маргариты.—Вотъ хоть сегодня: мнѣ помѣшалъ увлечься окончательно мой реализмъ, потому что я не могла забыть о возможныхъ послѣдствіяхъ увлеченія, а ему помѣшалъ перейти извѣстныя границы его идеализмъ. Какой этотъ Гриценко наблюдательный и не глупый! — и Маргарита одобрительно посмотрѣла на своего спутника.

Тотъ какъ будто угадалъ ея мысли, потому что улыбнулся своею лукавою улыбкою, тотчасъ же отразившеюся въ его черныхъ, окруженныхъ морщинками глазахъ.

— Я думаю, вы согласны со мною, Маргарита Викентьевна, а вотъ и умные люди не могутъ иногда догадаться о такой простой вещи! Ужъ на что умница нашъ Евгеній Николаевичъ, а не понимаетъ, сердится и ревнуетъ васъ къ Митѣ... кстати, вы знаете, что Евгеній въ васъ влюбленъ?

— Полноте, Павелъ Ивановичъ, этого нѣтъ и не было!— возразила Маргарита, невольно краснѣя.

— Къ чему эта излишняя скромность? Я вѣдь знаю, что онъ остался при пиковомъ интересѣ... Только напрасно вы такъ сурово отнеслись къ бѣдному малому! Немного приласкали бы его, лучше бы было — все таки для васъ онъ человѣкъ небезполезный. Вѣдь это не то, что я! Я вамъ не нуженъ, странно было бы и съ моей стороны приставать къ вамъ съ какими-нибудь чувствами. Я не красивъ, не богатъ,

не вліятеленъ, развѣ смекалкой Богъ не обидѣлъ, да по французскому выраженію: j'ai la langue bien pendue, но это годится для того, чтобы весело провести вечеръ, вышить вмѣстѣ, а не любить человѣка... А нужные люди не то, Маргарита Викентьевна!

— Павелъ Ивановичъ, я не знаю, шутите вы или нѣтъ, но вы не вѣсть до чего договариваетесь! Какъ Димитрій Всеволодовичъ, такъ и Евгеній Николаевичъ для меня просто хорошіе, пріятные знакомые и больше ничего, и я не желаю мѣнять мои эти къ нимъ отношенія на другія,—отвѣтила Маргарита; ей стали непріятны намеки Гриценко.

По счастью, въ эту минуту они уже находились около дома Орочаниновыхъ.

— Вы не къ Сергѣю?—спросила Маргарита.

— Нѣтъ, мнѣ дальше.

— Въ такомъ случаѣ, прощайте.

Они разошлись, но Маргаритѣ еще долго вспоминалась неясная рѣчь и лукавое выраженіе лица Гриценко.

XII.

Въ первыхъ числахъ мая Симбирскій уѣхалъ на югъ, въ имѣнье своихъ знакомыхъ.

Передъ отъѣздомъ онъ прислалъ Маргаритѣ ея неоконченный портретъ и при немъ записку слѣдующаго содержанія:

„Я уѣзжаю надолго... Очень жаль, что мы раньше другъ друга не поняли... къ сожалѣнію, я не могу и не хочу увеличить число вашихъ друзей, а большаго вы сами не хотите. Если когда нибудь мое мнѣніе относительно этого перемѣнится, то мы опять увидимся... Боюсь, однако, что это случится не скоро. Желаю вамъ всего лучшаго. Прощайте!

Д. Симбирскій."

Когда Маргарита прочла это письмо, то первымъ ея ощущеніемъ было чувство облегченія и безопасности.

Какъ ни была она увѣрена въ себѣ, но все таки, если бы Симбирскій не отступилъ, а сталъ настаивать на своемъ, Маргарита не была вполнѣ убѣждена, что выдержитъ, но Симбирскій самъ позаботился обезопасить ее, поставивъ между ними

разстояніе въ нѣсколько сотъ верстъ. Такъ все кончилось легко и просто, почти само собою.

Стало быть, первое ощущеніе было пріятное, но оно не долго продолжалось: извѣстное дѣло, что нѣтъ розы безъ шиповъ.

Вслѣдъ за чувствомъ безопасности и облегченія послѣдовало ощущеніе скуки и разочарованія. Какъ всегда это случается, Маргарита только тогда сознала, какую крупную роль занялъ Симбирскій въ ея жизни, когда она его лишилась.

Еще оставаясь дома, Маргарита не такъ сильно чувствовала его отсутствіе, но когда ей случалось бывать тамъ, гдѣ она привыкла встрѣчать художника, ей становилось пусто и скучно.

Вниманіе другихъ казалось пустымъ и пошлымъ: тотъ духъ, который одушевлялъ все, исчезъ, и безъ него становилось минутами такъ грустно, что Маргарита была готова схватить перо и написать Симбирскому полное покаяніе въ своихъ прегрѣшеніяхъ, но сейчасъ же являлась остерегающая мысль:

— Вся эта тоска только блажь самолюбія и пустоты недостаточно заполненной жизни! Безъ него мнѣ скучно, но съ нимъ будетъ тяжело, потому что любить его, какъ онъ хочетъ, я не въ силахъ, а иначе нельзя. Жизнь вмѣстѣ безъ любви — это каторга! И при любви-то сколько надо терпѣть и прощать другъ другу, а безъ любви не можетъ быть и прощенья. Мы возненавидимъ одинъ другого еще до конца медоваго мѣсяца, а между тѣмъ, можетъ явиться ребенокъ... Нѣтъ, надо покориться своей участи и попытаться прожить безъ романовъ, какъ я жила до сихъ поръ!

И Маргарита крѣпилась, не писала Симбирскому, скучала по немъ и злилась на себя. Наконецъ, путемъ усилій надъ собою, занятій и развлеченій, она достигла того, что Симбирскій началъ мало по малу отступать для нея на второй планъ; кромѣ того въ это время произошелъ случай, повергшій Маргариту въ такое изумленіе, что она позабыла на нѣкоторое время все остальное.

Павелъ Ивановичъ Гриценко былъ человѣкъ вообще небогатый и, кромѣ того, благодаря своей широкой натурѣ, сильно запутавшійся въ долгахъ, но тѣмъ лѣтомъ это положеніе круто измѣнилось въ его пользу.

У Гриценко жила въ Москвѣ старуха тетка — женщина

одинокая и богатая, но совершенно позабывшая о своемъ племянникѣ, впрочемъ и тотъ вспоминалъ о ней не больше. Гриценко зналъ, что его родственница не важнаго о немъ мнѣнія, и ни на какія блага съ ея стороны не разсчитывалъ, но случилось такъ, что почтенная старушка умерла скоропостижно, безъ завѣщанія, и все ея движимое и недвижимое имущество, по закону, перешло Павлу Ивановичу, какъ ближайшему наслѣднику. Вслѣдствіе этого обстоятельства Гриценко сдѣлался не только достаточнымъ, но даже богатымъ человѣкомъ.

— Ну, теперь гуляй душа нашего Павла Ивановича!— смѣялся Сергѣй Сергѣевичъ Орочаниновъ.—Увидишь, Марго, какія штуки начнетъ онъ выдѣлывать! Спуститъ и эти деньги, какъ спустилъ свои.

Однако такой штуки, какую выкинулъ Гриценко, никто не ожидалъ, а Маргарита менѣе всѣхъ.

Вскорѣ послѣ своего возвращенія изъ Москвы Гриценко уговорилъ Орочанинова, Маргариту и еще нѣсколькихъ своихъ знакомыхъ поѣхать съ нимъ обѣдать на острова къ Фелисьену.

Обѣдъ очень удался и затянулся поздно.

Маргариту, какъ единственную даму, просто носили на рукахъ, но это не забавляло ее, какъ бывало прежде.

Маргарита старалась казаться веселою, но, въ сущности, ей не было весело. Все, что говорилось, казалось глупымъ, пить не хотѣлось, ѣсть тоже, минутами являлось рѣзкое ощущеніе скуки и даже раздраженія: то, что было, слишкомъ напоминало о томъ, чего не было. Можетъ быть, никогда еще отсутствующій Симбирскій не былъ такъ милъ и дорогъ Маргаритѣ, какъ въ этотъ вечеръ, среди веселой компаніи ея сотрапезниковъ.

Воспользовавшись минутою, когда общее вниманіе было привлечено чѣмъ-то другимъ, Маргарита потихоньку встала и подошла къ окну.

Оно было широко раскрыто на прозрачный сумракъ лѣтняго вечера. Рѣка, гладкая какъ стекло, отражала берега. Изъ Ливадіи доносились звуки оркестра, игравшаго вальсъ. Что-то почти мучительно защемило сердце молодой дѣвушки.

— Что дѣлать? Написать ему? Зачѣмъ? Затѣмъ, чтобы и онъ сидѣлъ въ этой пьяной компаніи? Для этого, право, не стоитъ.

— О чемъ вы задумались, Маргарита Викентьевна?—спросилъ подлѣ нея пискливый голосъ.

Маргарита оглянулась на Гриценко, и ее удивило серьезное, внимательное выраженіе его лица.

— Да такъ... сама хорошенько не знаю, о чемъ.

— Могу я вамъ сказать кое-что?

— Сдѣлайте одолженіе.

Гриценко оглянулся и, убѣдившись, что на нихъ не обращаютъ вниманія, придвинулся ближе къ Маргаритѣ и, понизивъ голосъ, сказалъ:

— Маргарита Викентьевна, не согласитесь ли вы... ну, да что тутъ! Вотъ все дѣло въ двухъ словахъ: я прошу вашей руки.—сказалъ онъ.

Маргарита посмотрѣла на говорившаго съ такимъ искреннимъ удивленіемъ, что тотъ невольно усмѣхнулся.

— Павелъ Ивановичъ, вѣрно ли я слышала: вы говорите, что хотите жениться на мнѣ?—спросила она.

— Развѣ это ужъ такая дикая мысль! улыбнулся Гриценко. Будьте увѣрены, что я говорю вамъ это въ состояніи полной вмѣняемости... Я не пьянъ... Что я не увлекаюсь и не составилъ о васъ ложнаго понятія, за это вамъ можетъ поручиться наше давнее знакомство. Васъ также не должно удивлять то, что, если вы мнѣ нравились, я молчалъ такъ долго... Это объясняется тѣмъ: что могъ я предложить вамъ? У меня до сихъ поръ не было, кромѣ долговъ, ни гроша, у васъ, за исключеніемъ долговъ, было немного больше... чѣмъ бы кончился такой бракъ! Теперь другое дѣло: у меня достаточно, и я предлагаю вамъ раздѣлить этотъ достатокъ. Вѣдь первая семейная добродѣтель это хорошія средства, съ ними можно устроить свой домашній очагъ очень недурно, а у меня эти средства есть. Согласитесь на мое предложеніе, Маргарита Викентьевна! Я знаю, что теперь, пожалуй, многія согласились бы забыть мое безпутство и пошли бы за меня, но я всѣмъ, кого знаю, предпочитаю васъ. Вы не кисейная барышня, за идеалами не гонитесь, сумѣете примириться съ нѣкоторыми моими недостатками, и мы заживемъ прекрасно.

— Извините меня, Павелъ Ивановичъ, но все это такъ странно, проговорила Маргарита.

Она, дѣйствительно, была поражена, почти была готова засмѣяться и въ то же время была тронута.

Гриценко тоже, хотя все посмѣивался, но минутами невольно сбивался на серьезный тонъ. Оба выскочили изъ своей обычной колеи, чувствовали себя неловко и странно и вмѣстѣ хорошо.

— Я не настаиваю на немедленномъ отвѣтѣ. Я знаю, что вы не влюблены въ меня... Ужъ и то хорошо, что не влюблены ни въ кого другого, продолжалъ Гриценко. „Правда ли это?“ подумалось тутъ Маргаритѣ, но она промолчала.

— Подумайте, а когда подумаете, то скажите, я подожду.

— Хорошо, Павелъ Ивановичъ... Во всякомъ случаѣ, спасибо вамъ! При обстоятельствахъ, такъ измѣнившихся въ вашу пользу, не многіе бы вспомнили старыхъ друзей, сказала она.

— И глупо сдѣлали бы, потому что не даромъ мудрость народная говоритъ: старый другъ—лучше новыхъ двухъ. Дайте ручку... милый вы человѣкъ, Маргарита Викентьевна... Марго! чуть слышно и улыбаясь лукаво-весело проговорилъ Гриценко, поднимая голову отъ руки Маргариты, которую цѣловалъ долго и горячо.

Она тоже улыбнулась, съ удивленіемъ чувствуя, что краснѣетъ, хотя до этого Гриценко цѣловалъ ей руки безчисленное число разъ. Можетъ быть Маргарита смутилась потому, что поняла теперь, что это не принадлежало къ числу обычныхъ дурачествъ Гриценко.

Маргарита вдругъ вспомнила переданный ей когда-то разсказъ про то, какъ разъ въ мужскомъ обществѣ въ разговорѣ о женщинахъ кто-то привелъ въ качествѣ несимпатичнаго типа ее, при чемъ Гриценко очень разсердился и чуть не пустилъ въ говорившаго попавшимся ему подъ руку подсвѣчникомъ.

Хотя тогда она и не обратила вниманія на пьяное рыцарство Гриценки, приписавъ его больше вліянію винныхъ паровъ, теперь оно предстало передъ нею въ другомъ освѣщеніи.

— А что, если... если въ самомъ дѣлѣ любитъ? пронеслось у ней въ головѣ.

Маргарита подняла глаза и пристально посмотрѣла въ лицо Гриценко.

Она встрѣтила его глаза, такіе черные, что въ нихъ нельзя было отличить зрачка. Эти глаза всегда смотрѣли такъ нахально и весело, но въ эту минуту Маргаритѣ показалось, что въ нихъ было что-то еще. Она колебалась и молчала, не зная, надо ли было прибавить что нибудь къ сказанному.

— Маргарита Викентьевна! Павелъ Ивановичъ! Куда вы это уединились и что за меланхолію разводите тамъ у окна? Идите сюда! послышался голосъ одного изъ веселыхъ сотрапезниковъ отъ стола.

— Пойдемте, Павелъ Ивановичъ, я обѣщаю вамъ, что хорошо подумаю о томъ, что вы мнѣ сказали, сказала Маргарита.

— Я буду ждать вашего отвѣта, сколько хотите, отвѣтилъ Гриценко.

Они подошли къ столу, и Маргарита опять заняла свое мѣсто рядомъ съ Орочаниновымъ. Тотъ взглянулъ на нее, и ему показалось въ выраженіи ея лица что-то особенное.

— О чемъ вы тамъ говорили? спросилъ онъ.

— Вотъ ужъ ни за что не угадаешь! усмѣхнулась Маргарита, поднося свой недопитый бокалъ къ губамъ.

— Серьезно?

— Хоть къ колдуну иди, такъ и тотъ едва ли скажетъ!

— Вотъ какъ! Это становится любопытнымъ! Ты разскажешь мнѣ потомъ.

— Не знаю, можно ли будетъ, секретъ принадлежитъ не мнѣ одной... впрочемъ, посмотримъ.

Маргарита, говоря это, взглянула на Гриценко. Онъ тоже сѣлъ и, подливая вина своимъ сосѣдямъ, что-то опять балагурилъ, но почувствовавъ взглядъ Маргариты, онъ взглянулъ на нее, улыбнулся и, потянувшись съ бутылкою шампанскаго къ ней черезъ столъ, сказалъ:

— Маргарита Викентьевна, пусть этотъ бокалъ внушитъ вамъ благую мысль.

Маргарита усмѣхнулась, чокнулась съ Гриценкой и выпила до дна.

— За нашу милую даму! За Маргариту Викентьевну! Ура! закричалъ Гриценко, и всѣ подхватили.

XIII.

Не смотря на первую нерѣшительность, Маргарита, давно увѣрившаяся въ скромности Сергѣя Сергѣевича, передала ему свой разговоръ съ Гриценко.

Сначала Орочаниновъ очень удивился.

— Не можетъ быть! вырвалось у него.

— Ну, вотъ, не выдумала же я! разсмѣялась Маргарита, нисколько не обидѣвшись на возраженіе.

— Правда, этого даже выдумать нельзя, слишкомъ невѣроятно. Онъ не былъ пьянъ?

— Нисколько.

— Въ такомъ случаѣ не знаю, что думать, и поздравляю съ побѣдою.

— И совѣтуешь принять предложеніе?

— Это ужъ ты слишкомъ много хочешь взвалить на мою совѣсть! засмѣялся Орочаниновъ.

На этомъ и кончился ихъ первый разговоръ о сватовствѣ Гриценко, но нѣсколько дней спустя Сергѣй Сергѣевичъ возобновилъ его.

Очевидно было, что онъ либо поговорилъ объ этомъ обстоятельствѣ съ самимъ Гриценко, либо почему нибудь другому перемѣнилъ мнѣніе, только онъ отнесся къ предложенію Павла Ивановича гораздо серьезнѣе, чѣмъ сначала.

— Какъ ни оборачивай дѣла, но очевидно Павелъ любитъ тебя, если рѣшился на предложеніе—онъ семейными добродѣтелями не страдаетъ и, если рискуетъ своею свободою, то это ради чего-нибудь, говорилъ Орочаниновъ.

— Такъ что ты допускаешь со стороны Гриценко возможность серьезной привязанности? спросила Маргарита, удивленная перемѣною его тона.

— Отчего же нѣтъ? Конечно! Что онъ за выродокъ такой?

— Выродокъ не выродокъ, но согласись, что, не желая сказать для нашего Павла Ивановича ничего оскорбительнаго, его прошлая репутація не внушаетъ довѣрія.

— Послушай, Марго, поговоримъ серьезно..

— Не имѣю ничего противъ.

— Согласись, что замужняя жизнь много лучше одинокой.

— Мы ужъ не разъ говорили на эту тему и ты знаешь, что я не замѣчаю этого „лучше“. Я видѣла семейную жизнь многихъ моихъ знакомыхъ и родственницъ и не нашла въ ней ничего соблазнительнаго. Въ моей холостой жизни я пользуюсь покоемъ и свободою, чего же еще? Одиночество всегда тяготило меня менѣе всякаго общества, съ лѣтами же мои потребности станутъ все уменьшаться: со временемъ мнѣ не нужно будетъ ни нарядовъ, ни веселья, былъ бы только свой уголъ, да необходимое!

— Положимъ, но для чего себя такъ ограничивать, когда въ этомъ нѣтъ нужды и можно жить иначе? Я увѣренъ, что Павелъ съ женитьбою измѣнился бы къ лучшему: ты повліяла бы на него въ желательномъ смыслѣ, и вы прекрасно прожили бы свой вѣкъ, замѣтилъ Орочаниновъ.

— Твоими устами да медъ пить! разсмѣялась Маргарита. Вышло, какъ по писаному, но надо помнить, что мы говоримъ о случаѣ изъ настоящей жизни, а не обсуждаемъ содержаніе романа! Я плохо вѣрю въ нравственное исправленіе человѣка, которому подъ-сорокъ лѣтъ, а въ свои педагогическія способности на такой неблагодарной почвѣ—еще меньше. Я увѣрена, что не успѣлъ бы кончиться нашъ медовый мѣсяцъ, а мы бы ужъ стѣснили и надоѣли бы другъ другу. Мы оба ужъ не влюбленные до потери разсудка одинъ въ другого юнцы, а два старые холостяка, у которыхъ давно выработались разныя привычки, которыя, можетъ быть, и смѣшны, да намъ-то дороги! Теперь мы этого не замѣчаемъ, потому что не живемъ вмѣстѣ, а когда мы станемъ не просто знакомыми, которые хотятъ—видятся, хотятъ—нѣтъ, а мужемъ съ женою, то и наши взаимныя требованія должны измѣниться. Теперь Павелъ Ивановичъ вполнѣ доволенъ, что я дама для него не стѣснительная, что онъ можетъ врать при мнѣ что хочетъ, приглашать меня съ нимъ выпить и я этимъ не возмущусь, но еслибъ я стала его женою, то мнѣ пришлось бы потребовать уничтоженія именно всего того, что составляетъ мою для него прелесть. Когда мужчина и женщина связаны такъ тѣсно, то надо непремѣнно, чтобы первый уважалъ послѣднюю, это даже важнѣе любви! Мало ли кому говорятъ, что ихъ любятъ, но уважаютъ-то немногихъ. Первая же попытка съ моей стороны заставить Павла Ивановича уважать себя потерпитъ фіаско. Я могу заставить его сдѣлать по моему, но это не будетъ уваженіемъ. Однимъ словомъ, наша близость станетъ намъ въ тягость. Характеры у насъ дурные и неуступчивые, каждый будетъ эгоистично думать о себѣ и очень мало о другомъ. Онъ будетъ продолжать кутить, а я буду дѣлать какъ разъ противоположное тому, чего онъ хочетъ.

— Ты мастерски описала свое семейное счастье! усмѣхнулся Орочаниновъ, но при какихъ же условіяхъ ты рѣшилась бы выйти замужъ?

— А вотъ при какихъ: если бы я до 25-ти лѣтъ успѣла

влюбиться въ кого нибудь до того, что почувствовала бы, что мнѣ жизнь не въ жизнь безъ этого человѣка, что какъ бы я ни была съ нимъ несчастна, безъ него я буду еще несчастнѣе. На такихъ условіяхъ можно рѣшиться, потому что тутъ перенесешь все, со всѣмъ примиришься и покоришься всему.

— Ну, а развѣ такая сильная привязанность невозможна послѣ 25-ти лѣтъ? спросилъ Орочаниновъ.

— По моему—нѣтъ. Въ четверть вѣка одинокой жизни слишкомъ сильно выработаешь въ себѣ свое милое „я“, и какъ бы страстно ни любилъ другого, себя, все-таки, ради этой любви не забудешь. Нѣтъ, я рѣшительно отстаиваю мой предѣльный возрастъ.

— Ты сама ужъ перешла его: ну что, если судьба зло подшутитъ и заставитъ тебя влюбиться теперь! засмѣялся Сергѣй Сергѣевичъ.

Маргарита тоже засмѣялась, но покачала головою.

— Этого не случится ужъ потому, что я недавно выдержала самое сильное искушеніе въ этомъ родѣ, и моя теорія выдержала испытаніе. Я чуть было не влюбилась, но совершенно излечилась разлукою, и теперь только въ сентиментальныя минуты вспоминаю о своемъ предметѣ.

— Вотъ какъ! Это ново. Кто же этотъ счастливецъ, съумѣвшій поколебать твое равнодушіе?

— Неужели ты не догадываешься! Кажется, было довольно замѣтно:—Симбирскій, отвѣтила Маргарита съ полнымъ самообладаніемъ.

Сергѣй Сергѣевичъ даже присвистнулъ.

— Вотъ оно что! Признаться сказать, я не думалъ! Бывало, какъ ни прислушиваешься къ вашимъ разговорамъ, только и слышишь, что толки объ искуствѣ, да тому подобныхъ прекрасныхъ вещахъ, о чувствахъ вы что-то не говорили.

— Да, говорили, дѣйствительно, мало, отвѣтила Маргарита, вспомнивъ свою сцену съ Симбирскимъ,—за то чувства было больше чѣмъ тамъ, гдѣ объ немъ толкуютъ безъ умолку.

— И чѣмъ же все кончилось?

— А какъ видишь—ничѣмъ. Онъ уѣхалъ—я осталась.

— И только? Вы не переписываетесь?

— Нѣтъ. Передъ отъѣздомъ онъ мнѣ прислалъ письмо, въ которомъ опредѣлялъ свой взглядъ на дѣло, но для меня это не годится.

— И что-же ты сдѣлала съ этимъ письмомъ?

— Какъ, что! Разорвала и бросила! удивилась Маргарита.

— О, Марго, ты—или камень безчувственный, или гораздо великодушнѣе, чѣмъ можно ожидать: какая женщина рветъ получаемыя ею любовныя письма? Она или хранитъ ихъ, какъ святыню въ потайномъ ящикѣ, или носитъ въ карманѣ, чтобы хвастаться своими побѣдами передъ подругами.

— А я не сдѣлала ни того, ни другого. Впрочемъ, у меня нѣтъ подругъ для хвастовства, а сентиментальности, не смотря на званіе старой дѣвы, я въ себѣ не поощряю. Я не могу любить Симбирскаго такъ, какъ онъ хочетъ, а тянуть любовную канитель, мучая человѣка, который любитъ меня гораздо больше, чѣмъ я его—больно некрасиво!

— Ну, развѣ это не великодушно и развѣ женщины обыкновенно разсуждаютъ такъ? Имъ бы только таскать за собою побольше поклонниковъ. А ты вполнѣ увѣрена, что эта исторія кончена?

— Какая исторія? не поняла Маргарита.

— Да твой романъ съ Симбирскимъ. Ты убѣждена, что онъ не можетъ возобновиться?

— Конечно... да наконецъ, развѣ ты ужъ такой плохой психологъ, что думаешь, что о такихъ вещахъ говорятъ, когда онѣ еще въ ходу? Когда женщина начинаетъ говорить о своей любви, то, значитъ, она ужъ кончилась.

— Стало быть, и Павлику абшидъ?

— Что дѣлать?

— Странная ты, Марго! Какъ же ты будешь жить?

— Такъ же, какъ до сихъ поръ. Я ужъ давно не столько живу сама, сколько смотрю на чужую жизнь. Это гораздо покойнѣе. Знаешь индѣйское правило: лучше стоять, чѣмъ ходить, сидѣть, чѣмъ стоять, лежать, чѣмъ сидѣть, спать, чѣмъ бодрствовать, а смерть лучше всего—нирвана.

— Ну, ужъ это... недовольный такимъ замѣчаніемъ всегда веселой Маргариты, проговорилъ Орочанинovъ.

— Не нравится? А по моему: почему нѣтъ? Только бы послѣ смерти ничего не было, кромѣ этой нирваны. Но, почему-то, благодаря ли нашему воспитанію, или тому, что это правда, въ полное небытіе послѣ смерти не такъ легко увѣровать, какъ кажется.

— Но вѣдь есть и были такіе невѣрующіе, замѣтилъ Орочаниновъ.

— А кто знаетъ, были или нѣтъ? Можно говорить, что не вѣришь, а все таки, это не будетъ правдою. Я думаю, что настоящее безвѣріе чуть ли не труднѣе встрѣтить, чѣмъ искреннюю вѣру. Почти всякій изъ представителей современной интеллигенціи можетъ сказать, что не вѣритъ въ адъ и рай, какими намъ рисуютъ ихъ религіозныя преданія, мы можемъ также представить смерть и разложеніе тѣла, но при томъ всякій чувствуетъ, что это еще не конецъ, что не все въ насъ умретъ, а какая-то самая существенная часть останется жить. Какъ? гдѣ? для чего? Этого мы не знаемъ и это-то и есть самое ужасное въ идеи смерти: если бы мы навѣрное знали, куда идемъ, то въ ней не было бы ничего страшнаго. Поэтому какъ истинный христіанинъ, вѣрующій въ соединеніе съ Богомъ, такъ и настоящій атеистъ, убѣжденный, что послѣ этой жизни нѣтъ и не можетъ быть ничего—равно не боятся смерти, потому что оба увѣрены, что знаютъ, что ихъ ждетъ. Тотъ же, кто не увѣренъ ни въ томъ, ни въ другомъ, не можетъ не бояться ея. Во всякомъ случаѣ, если идея о безсмертіи—обманъ, то тотъ, кто выдумалъ ее, хорошо зналъ натуру человѣка, его самолюбіе и страхъ небытія, по крайней мѣрѣ эта идея крѣпко привилась ко всѣмъ религіямъ, всѣхъ временъ и народовъ.

— Самое лучшее, совсѣмъ не думать о такихъ вещахъ, а жить, по возможности, какъ хочется, замѣтилъ Сергѣй Сергѣевичъ, когда Маргарита остановилась.

— И это и есть твое правило! усмѣхнулась она. Что же? Оно не хуже многихъ другихъ, а можетъ быть и лучше. Итакъ, да здравствуетъ способность не задумываться серьезно ни надъ какими вопросами, кромѣ тѣсно-житейскихъ! Будемъ пить, ѣсть и веселиться, сколько можемъ, не безпокоясь о смыслѣ таинственныхъ словъ, которыя неизвѣстная рука пишетъ на стѣнѣ передъ нами!

Орочанинову почудилась въ этомъ заключеніи насмѣшка—онъ нахмурился и не продолжалъ разговора.

XIV.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Кончились лѣто и осень—зима была ужъ старою гостьею.

Это было въ половинѣ святокъ, наканунѣ Новаго года. Маргарита была въ оперѣ одна. Зала театра была биткомъ набита публикою, желавшею пріятно убить время ожиданія полуночи и съ нею наступленія Новаго года. Два нижнихъ яруса ложъ, благодаря нарядамъ дамъ, имѣли особенно парадный видъ.

Маргарита была въ одномъ изъ первыхъ рядовъ креслъ. Послѣ театра она собиралась ѣхать ужинать къ Орочапиновымъ, но, какъ то иногда съ нею бывало, вопреки праздничному настроенію всего окружающаго, Маргаритѣ было невесело.

Всякій, кто не видѣлъ ее давно, могъ бы замѣтить въ Маргаритѣ значительную перемѣну. Предшествовавшая осень была для нея тяжелымъ временемъ: она много хворала и теперь еще была не совсѣмъ здорова, хотя возобновила свой обычный образъ жизни.

Выздоровленіе не принесло съ собою жизнерадостнаго настроенія. Маргарита все ощущала нравственную тяжесть, раздражительность и только иногда такъ любимое ею искусство, въ той или другой его формѣ, доставляло ей развлеченіе и возможность забыться.

Въ этотъ вечеръ шла симпатичная каждому русскому, какъ по музыкѣ, такъ и еще больше по содержанію, опера „Евгеній Онѣгинъ“, исполнявшаяся лучшими силами оперной труппы.

Маргарита мало по малу начала разсѣяваться, особенно послѣ того какъ артистъ, исполнявшій роль Ленскаго, прекрасно пропѣлъ арію передъ дуэлью .

Публика шумно требовала повторенія.

Пѣвецъ, можетъ быть, изъ нежеланія затягивать спектакль, согласился исполнить это требованіе скорѣй, чѣмъ можно было ожидать.

Маргарита, съ удовольствіемъ готовясь прослушать во второй разъ красивую арію, только что усѣлась поудобнѣе, какъ ощутила то странное безпокойство, которое испытываютъ, чув-

ствуя на себѣ чей-нибудь пристальный взглядъ: она машинально оглянулась и, дѣйствительно, убѣдилась, что на нее смотрятъ.

Совсѣмъ недалеко отъ Маргариты, черезъ проходъ она увидѣла хорошо знакомое ей лицо, но тоже такъ измѣнившееся, что она не сразу бы его узнала, если бы не этотъ пристальный взглядъ, выдававшій то, что она сама была узнана.

— Неужели это онъ? Симбирскій? Да, конечно, онъ... но какъ измѣнился! Боже! Что это было съ нимъ? думала Маргарита, глядя на это страшно осунувшееся лицо, съ ярко блестѣвшими глазами и нездоровымъ румянцемъ, пятнами выступавшимъ на скулѣ. Кромѣ того Симбирскій былъ коротко остриженъ и безъ бороды. Лицо, вслѣдствіе этихъ перемѣнъ, сдѣлалось совсѣмъ другимъ, стало еще моложе, но при этомъ поражало своимъ болѣзненнымъ видомъ. Форменная чахотка ясными чертами была написана на немъ.

Какъ зачарованная, почти съ испугомъ смотрѣла на него Маргарита, точно увидѣвъ въ этой модной, нарядной и веселой залѣ привидѣніе... да это и въ самомъ дѣлѣ былъ призракъ—призракъ смерти.

Симбирскій, замѣтивъ, что она его узнала, поклонился съ улыбкою, но затѣмъ, уловивъ, должно быть, испуганное выраженіе взгляда Маргариты, болѣзненно покраснѣлъ и отвернулся. Та тоже отвернулась, угадавъ причину движенія художника.

„Что день грядущій мнѣ готовитъ?
„Его мой взоръ напрасно ловитъ...

Тотъ же голосъ пѣлъ тотъ же мотивъ и слова, но Маргарита почти не слушала, всѣ ея мысли были заняты вопросомъ:—Господи, что это съ нимъ сдѣлалось?—и она съ нетерпѣніемъ ждала антракта, рѣшивъ, что сама подойдетъ къ Симбирскому, если онъ этого не сдѣлаетъ.

На конецъ занавѣсъ опустился послѣ выстрѣла, рѣшившаго судьбу Ленскаго, и Маргарита со вздохомъ облегченія встала съ мѣста, но Симбирскій предупредилъ ее — онъ ужъ былъ подлѣ.

— Здравствуйте, Димитрій Всеволодовичъ, — проговорила Маргарита, протягивая ему руку.

Симбирскій крѣпко стиснулъ ее, но Маргарита даже на

ощупь почувствовала, какъ исхудала его рука. Она взглянула въ лицо художника — на немъ при близкомъ разстояніи еще виднѣе было разрушеніе, произведенное болѣзнью, и ей стало жутко и больно на сердцѣ.

— Я замѣтилъ, что вы меня едва узнали,—замѣтилъ Симбирскій.—Да, болѣзнь не молодитъ и не краситъ.

— Вы были больны?—спросила Маргарита, чтобы сказать что-нибудь.

— Не только что былъ, но боленъ и теперь, и весь вопросъ заключается въ срокѣ, когда это кончится смертью.

Маргарита почувствовала, какъ отъ этихъ словъ холодъ прошелъ у ней по спинѣ.

— Это каждый можетъ сказать про себя: смерть всякаго— это только вопросъ времени,— сказала она.

— Вамъ хочется ободрить меня, — слегка улыбнулся художникъ,—но это ненужно, я не могу себя обманывать: на моихъ рукахъ умерла чахоткою сестра — это наслѣдственное.

Маргарита молчала, не зная, что возразить ему на это, она даже не смотрѣла на него и хорошо дѣлала, потому что въ глазахъ Симбирскаго появилось выраженіе, отъ котораго могло сжаться сердце.

— Вы тоже похудѣли и измѣнились,—замѣтилъ онъ.

— Объ этомъ не стоитъ говорить, я теперь здорова,— отвѣтила Маргарита, чувствуя себя какъ бы униженною этимъ обстоятельствомъ: ея болѣзнь показалась ей шуткою въ сравненіи съ тѣмъ, что было написано такими яркими и роковыми чертами на всей наружности Симбирскаго.

— Значитъ, мы оба дурно воспользовались своимъ временемъ,—замѣтилъ художникъ.

— Вы встрѣчаете гдѣ-нибудь Новый годъ? — спросила Маргарита, мѣняя разговоръ.

— Нѣтъ. Я вѣдь только вчера пріѣхалъ и совершенно случайно получилъ билетъ сюда: кто-то принесъ въ кассу продавать. Я еще не видѣлъ никого изъ знакомыхъ.

— Хотите поѣхать къ Сергѣю? Я послѣ театра отправляюсь туда, они будутъ очень рады вамъ.

Симбирскій съ минуту поколебался.

— Хорошо, поѣдемте... mercі за приглашеніе,—рѣшилъ онъ.

— Скажите: отчего вы вернулись сюда именно теперь,

зимою? Вѣдь это должно быть вамъ вредно,—продолжала Маргарита.

— Мнѣ не предстояло выбора. Дѣло въ томъ, что вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, о которыхъ теперь неудобно, да и неинтересно разсказывать, мои денежныя дѣла позапутались, и для того, чтобы привести ихъ въ порядокъ, требуется мое личное присутствіе. Да впрочемъ, зима здѣсь еще не худшее время года, и я очень радъ, что имѣлъ возможность пріѣхать.

— А много вы тамъ работали? — спросила Маргарита, вспомнивъ въ эту минуту свой портретъ, неоконченный художникомъ, и всю сцену въ мастерской, со времени которой не прошло еще и года, а между тѣмъ ей казалось, что съ тѣхъ поръ прошла цѣлая вѣчность.

— Да, довольно... Я даже къ пейзажу пристрастился, проходилъ на просторѣ и досугѣ ту школу, что французы называютъ école de plein air,—улыбнулся художникъ. — Если бы вы видѣли этюды, которые я привезъ оттуда, то не сказали бы, что отъ нихъ пахнетъ сыростью каземата, какъ говорилъ про нѣкоторыя мои прежнія картины нашъ общій знакомый Гриценко. Кстати, что онъ?

— Его теперь здѣсь нѣтъ: онъ получилъ отпускъ и поѣхалъ жуировать заграницу. Вы, можетъ быть, слышали, что Павелъ Ивановичъ получилъ крупное наслѣдство и можетъ считаться богатымъ человѣкомъ.

— Да, я это слышалъ. А что Волынцевъ?

— Онъ здѣсь и желченъ по прежнему. Развѣ вы съ нимъ не переписывались?—удивилась Маргарита.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ художникъ и затѣмъ прибавилъ какъ бы въ поясненіе:—сначала мнѣ не хотѣлось имѣть отсюда извѣстія, а потомъ я откладывалъ со дня на день, такъ и дотянулъ до тѣхъ поръ, пока самому не пришлось вернуться.

Въ первую минуту Маргарита чуть было не спросила: почему ему не хотѣлось имѣть извѣстія изъ Петербурга, но тотчасъ же поняла почему. Должно быть, Симбирскій хотѣлъ основательно позабыть то, что ему приходилось забыть, и вѣрно ему это удалось.

— Ну, а вы много пишете?—спросилъ художникъ.

— Какъ всегда, но ничего хорошаго не выходитъ, да и не можетъ выйти,—поморщилась Маргарита,—ужъ очень все

вокругъ пусто и холодно дѣлается, ничего не можешь извлечь, потому что все старо, знакомо, за-живо не беретъ... или самъ настолько состарѣлся душевно, что усталъ жить.

Симбирскій посмотрѣлъ на свою собесѣдницу очень внимательно.

— Да, это возможно,—проговорилъ онъ.—Именно устаешь жить... однако сейчасъ некогда развивать эту пессимистическую философію,—перебилъ себя Симбирскій, замѣтивъ капельмейстера, поднимавшагося на свое возвышенное мѣсто.

Опера окончилась своимъ порядкомъ и, наконецъ, съ послѣднимъ аккордомъ оркестра занавѣсъ опустился, закрывая отъ публики торжествующую добродѣтель Татьяны и побѣжденный порокъ Онѣгина. Поднялся обычный шумъ и восторженные апплодисменты верховъ, въ то время какъ партеръ спѣшно обращался въ бѣгство. Симбирскій подошелъ къ Маргаритѣ и они вышли вмѣстѣ.

— Такъ вы поѣдете со мною?—спросила она.

— Если вы ничего не имѣете противъ.

Погода была довольно мягкая, но сырая и непріятная: санный путь едва держался. Сначала оба случайные попутчика молчали. Симбирскій заговорилъ первый.

— Я очень радъ, что пріѣхалъ и увижу всѣхъ, кого здѣсь люблю... Я не знаю, стоитъ ли упоминать объ этомъ, но все равно! Я долженъ вамъ сказать, что имѣю теперь полное право назваться вашимъ другомъ. Вы помните, что я написалъ вамъ передъ отъѣздомъ?

— Да, помню,—отвѣтила Маргарита.

— Ну, вотъ я теперь другого мнѣнія и буду радъ, если вы позволите мнѣ быть въ числѣ вашихъ друзей... Когда я вспоминаю, какой я былъ безумецъ, то благодарю судьбу, что васъ удержалъ отвѣтить на мое увлеченіе какой-то добрый геній. Ну что, еслибы мы были связаны другъ съ другомъ, а это, т. е. моя болѣзнь, случилось бы? Я никогда не простилъ бы себѣ того, что испортилъ вамъ жизнь.

Маргарита молчала; ей было грустно и почти досадно, зачѣмъ онъ вздумалъ словами выражать то, что было и безъ того понятно.

— Ваша жизнь и такъ сложилась не на столько безоблачно, чтобы омрачать ее еще связью какого бы то ни было

рода съ больнымъ человѣкомъ. Это счастье, что вы не полю, били меня;—продолжалъ Симбирскій.

— Но я любила... даже и теперь люблю васъ гораздо больше, чѣмъ, можетъ быть, вы думаете,—сказала Маргарита-ей хотѣлось чтобы онъ понялъ, что ей больно отъ его признаній.

— Да, я это знаю, зналъ и тогда, но мнѣ не такой любви хотѣлось. Въ то время ваше расположеніе ко мнѣ бѣсило меня, я предпочелъ бы, чтобы его совсѣмъ не было! Теперь другое дѣло: теперь я готовъ сказать вамъ большое спасибо за дружбу и участіе—ихъ у меня не такъ ужъ много: въ сущности, вѣдь я страшно одинокъ. Конечно, это лучше въ виду того, что меня ожидаетъ... при настоящихъ обстоятельствахъ моя смерть не будетъ ни для кого огорченіемъ.

— Почемъ вы знаете?—спросила Маргарита.

Казалось, Симбирскій только теперь замѣтилъ что-то особенное въ ея тонѣ—онъ обернулся и пристально посмотрѣлъ въ лицо своей спутницы при свѣтѣ фонаря.

Чуть замѣтная, иронически грустная улыбка промелькнула у него на губахъ. Маргарита уловила это выраженіе и вопросительно посмотрѣла на художника.

Симбирскій быстро отвернулся и молчалъ.

— Вы хотѣли что-то сказать?—спросила Маргарита.

Художникъ помедлилъ отвѣтомъ.

— Да,—наконецъ сказалъ онъ,—но только мнѣ не хотѣлось, чтобы вы обидѣлись.

— Я не обижусь. Скажите, что такое?

— Я хотѣлъ сказать, Маргарита Викентьевна, что намъ не слѣдуетъ притворяться, что можетъ быть то, чего не можетъ быть.

— Я васъ не совсѣмъ понимаю.

— Постараюсь высказаться яснѣе. Скажите мнѣ откровенно: вѣдь если бы я не вылечился отъ своего увлеченія и повторилъ вамъ все, что сказалъ тогда, вы не могли бы и не захотѣли отвѣтить на мое чувство тѣмъ же.

— Нѣтъ,—отвѣтила Маргарита.

— Видите, значитъ я не ошибся. Для чего же теперь вы дѣлали какъ бы намеки на то, что могло бы быть иначе и вы любили бы меня? Это невеликодушно. Я вамъ сказалъ, что вылечился отъ своей болѣзни, и ручаюсь, что буду себя

держать согласно съ этимъ, ну а зачѣмъ же вамъ знать то, что я, дѣйствительно, думаю? Или это въ своемъ родѣ психологическій этюдъ en plein air?—слегка усмѣхнулся Симбирскій.—Въ такомъ случаѣ я не смѣю отрицать артистическаго права: de prendre son bien on où le trouve!

Маргаритѣ стало не совсѣмъ ловко отъ этого вопроса, поставленнаго такъ прямо.

Дѣйствительно, Симбирскій угадалъ и еще весьма деликатно не разобралъ дальше довольно эгоистическихъ побужденій Маргариты. Она не столько интересовалась какою бы то ни было психологіею, сколько скучала въ настоящее время и ради развлеченія не прочь была потянуть свои романическія отношенія къ художнику. Маргарита тотчасъ же упрекнула себя за это.

— Это все потому что я сама не умѣю любить, и мнѣ кажется, что другіе тоже не относятся серьезно къ чувству,— подумала она.—Очевидно, Симбирскій не таковъ и онъ вполнѣ правъ, говоря, что мнѣ не должно добираться до его настоящихъ ощущеній... это, въ самомъ дѣлѣ, не благородно.

Она молчала, между тѣмъ они ужъ повернули въ улицу, служившую цѣлью ихъ путешествія.

— Сердитесь?—тихо спросилъ Симбирскій.

— Я?—встрепенулась задумавшаяся Маргарита. — Нѣтъ. По какому праву стану я сердиться? Урокъ, который вы мнѣ дали, былъ вполнѣ заслуженъ. Да, это некрасивая, а иногда и жестокая привычка рыться въ чужой душѣ и своей собственной, отыскивая, на что всего сильнѣе откликнется чувство... Это было гадко съ моей стороны... Спасибо за урокъ—и простите.

Симбирскій взялъ руку Маргариты и крѣпко ее пожалъ: въ эту минуту, можетъ быть, онъ самъ былъ очень близокъ къ тому, чтобы вспомнить прежнее.

— Повѣрьте что, пока я живъ, у васъ не будетъ болѣе преданнаго друга,—сказалъ онъ. —Только не ищите оборотной стороны медали—это можетъ причинить страданье намъ обоимъ.

XV.

Въ началѣ марта Симбирскій устроилъ отдѣльную выставку своихъ картинъ. Устроилъ онъ ее очень просто, безъ всякихъ рекламъ, искусственнаго освѣщенія или декорацій, приспособ-

ленныхъ для большаго эффекта, тѣмъ не менѣе объ этой выставкѣ заговорили.

Причинъ для этого было нѣсколько: во первыхъ, это была первая самостоятельная выставка Симбирскаго, во вторыхъ, ходили слухи, что чуть ли эта выставка являлась не предсмертной, потому что художникъ былъ безнадежно боленъ; въ третьихъ, и картины заставляли сами по себѣ обращать на себя вниманіе разнообразіемъ своего содержанія и талантомъ исполненія. Своими новыми работами художникъ окончательно сбилъ съ толку критиковъ. Онъ, казалось, хотѣлъ доказать, что для него нѣтъ ничего невозможнаго и что въ глубинѣ своего таланта и въ упорномъ трудѣ онъ найдетъ рессурсы, о какихъ никому не грезилось.

— Чортъ побери! Глядя на эту выставку, можно подумать, что тутъ собраны работы нѣсколькихъ художниковъ, совершенно различныхъ по направленіямъ, но равныхъ по таланту,— говорилъ одинъ художественный критикъ, встрѣтившись на выставкѣ съ Волынцевымъ. — У него, кажется, есть всѣ достоинства и всѣ недостатки, онъ не подходитъ ни подъ какое направленіе, это какой-то enfant terrible...

— Et sublime,—договорилъ Волынцевъ.—Посмотрите, какая сила, какая правда, и вмѣстѣ съ тѣмъ красота и разнообразіе. Посмотрите, похожа ли эта мрачная сцена изъ среднихъ вѣковъ на эту залитую солнцемъ ниву въ Малороссіи.

— Про что же я вамъ и говорю! Передъ этимъ невольно теряешься. Тутъ есть тоже одинъ портретъ, который, по моему, чудо, хотя я не знаю оригинала и потому не могу судить о сходствѣ, но это само собою подразумѣвается.

Говоря это, критикъ подвелъ Волынцева къ портрету Маргариты. Симбирскій докончилъ его и, съ ея согласія, присоединилъ къ другимъ выставленнымъ произведеніямъ.

— Удивительно похожа!—невольно вырвалось у Волынцева при первомъ взглядѣ на портретъ.

— А вы знаете эту молодую особу?

— Какъ-же! Это Маргарита Викентьевна Орочанинова, нѣкоторымъ образомъ мой собратъ по перу.

— Вотъ какъ! Я бы не подумалъ, она слишкомъ интересна для женщины-писательницы.

Волынцевъ молча смотрѣлъ на портретъ Маргариты, и ему

казалось, что и она смотритъ на него своими красивыми и смѣлыми глазами. Этотъ взглядъ напомнилъ ему что-то.

— Вотъ вы говорите, что трудно разбирать Симбирскаго и его направленіе, а между тѣмъ кто-то не испугался этихъ трудностей. Читали вы статью о Симбирскомъ въ „Отголоскѣ“? По моему, написано очень оригинально и не безъ таланта.

— Да, но замѣтно, что это писалъ не настоящій знатокъ въ живописи.

— Весьма возможно. Статья даже подписана „одинъ изъ публики“, и авторъ самъ дѣлаетъ оговорку, что разбираетъ общее впечатлѣніе отъ картинъ Симбирскаго, не вдаваясь въ техническія подробности. Вы не догадываетесь, кто могъ это написать? Во всякомъ случаѣ—это человѣкъ привыкшій владѣть перомъ и литературно излагать свои мысли.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ критикъ.—Я самъ задавался вопросомъ: кто? и не могъ ни на кого подумать, слишкомъ свѣжо и оригинально, какъ и сами картины этого талантливаго enfant terrible.

— А я едва прочиталъ, какъ мнѣ пришла въ голову догадка, касательно автора этой статьи, и если я еще не вполнѣ увѣренъ, то это только потому, что, насколько мнѣ извѣстно, онъ раньше не дѣлалъ попытокъ въ этомъ родѣ,—раздумчиво проговорилъ Волынцевъ, опять взглядывая на портретъ Маргариты.

— Кто же это?—не безъ любопытства спросилъ его собесѣдникъ.

— Я не выдаю свою догадку за истину, но весьма возможно, что вотъ кто!—и Волынцевъ указалъ на портретъ.

— Эта особа?

— Да.

— Вы считаете ее настолько талантливою?

— Считаю. Это тоже въ нѣкоторомъ родѣ Симбирскій въ юбкѣ, хотя такая роль къ женщинѣ не совсѣмъ подходитъ,—отвѣтилъ Волынцевъ.

— Она знаетъ Симбирскаго?

— Даже большіе друзья.

— Не болѣе?—усмѣхнулся собесѣдникъ Волынцева, тоже внимательно разсматривавшій портретъ.

— Не думаю... Я ее знаю достаточно—это очень стран-

ная женщина, едва ли способная влюбиться въ кого бы то ни было... Нѣтъ, не думаю...

— Не смѣю спорить, но, признаюсь, не слишкомъ вѣрю въ дружбу между мужчиною и женщиною, да и вы также!— усмѣхнулся критикъ.

Волынцевъ отвѣтилъ тоже улыбкою, но это было потому, что такой отвѣтъ былъ для него легче и неопредѣленнѣе всякаго другого. Онъ, дѣйствительно, подозрѣвалъ любовь Маргариты къ Симбирскому и ревновалъ ее въ былое время къ тому. Теперь Волынцеву казалось, что онъ пережилъ и эту ревность и увлеченіе, и не хотѣлось тревожить прошлаго.

— До свиданія, мнѣ пора, — сказалъ онъ, подавая руку своему собесѣднику.—На дняхъ опять зайду, потому что здѣсь мало побывать одинъ разъ.

— Конечно. Вѣдь вы лично знакомы съ художникомъ, скажите же ему, что онъ необыкновененъ.

Волынцевъ вышелъ съ выставки, сѣлъ въ дожидавшійся его экипажъ и велѣлъ ѣхать на Васильевскій Островъ къ Симбирскому.

За послѣднее время оба пріятеля видѣлись рѣдко, они какъ-то отвыкли другъ отъ друга. Волынцеву казалось, что онъ охладѣлъ къ художнику. Этотъ послѣдній сталъ раздражать слишкомъ деспотическаго критика своею независимостью.

Во время отсутствія Симбирскаго изъ Петербурга они почти не переписывались, когда же свидѣлись, то Волынцевъ былъ пораженъ перемѣною, которую онъ нашелъ въ своемъ другѣ, и не могъ скрыть этого, такъ что Симбирскій даже улыбнулся.

— Что, хорошъ? Да, мой милый, умирать приходится;— сказалъ онъ очень спокойно .

Волынцевъ поспѣшилъ овладѣть собою и завѣрилъ, что Симбирскій вовсе не былъ такъ страшенъ, чтобы помышлять о смерти, какъ о чемъ-то очень близкомъ и неизбѣжномъ.

Художникъ покачалъ головою, но не сталъ настаивать на продолженіи этого разговора. Симбирскій успѣлъ замѣтить, что слишкомъ спокойное отношеніе къ смерти непріятно дѣйствуетъ на людей, напоминая имъ о ея неизбѣжности. Мысль о возможности смерти Симбирскаго особенно возмущала Волынцева теперь, когда онъ видѣлъ его картины. Ему казалось страшно обиднымъ, что такой крупный талантъ, не только

еще не уставшій или ослабѣвшій, но находившій въ себѣ все новые источники вдохновенія, долженъ исчезнуть, сдѣлаться ничѣмъ, оставивъ только послѣ себя нѣсколько произведеній, можетъ быть совсѣмъ не соотвѣтствующихъ его размѣрамъ и дающихъ о немъ слабое понятіе.

Кромѣ того Волынцевъ услышалъ на дняхъ кое-что о денежныхъ дѣлахъ Симбирскаго, что очень его встревожило, и онъ ѣхалъ къ художнику съ намѣреніемъ узнать, было-ли это правда или нѣтъ.

Волынцевъ засталъ Симбирскаго въ его мастерской. Онъ дѣлалъ карандашомъ набросокъ на большомъ листѣ бумаги; у ногъ его лежалъ Посейдонъ. Этотъ послѣдній всталъ при входѣ Волынцева и подошелъ къ нему, махая хвостомъ.

Симбирскій поднялъ голову и, улыбаясь, протянулъ руку своему гостю.

— А, это ты, очень радъ!—сказалъ онъ.

Волынцевъ внутренно вздрогнулъ, онъ не видѣлъ Симбирскаго болѣе недѣли и опять испугался при видѣ того, какой успѣхъ дѣлалъ ходъ его болѣзни. Художникъ становился чуть не прозрачнымъ, и эти горячія и влажныя руки, и кашель и, хотя Симбирскій поспѣшно спряталъ въ карманъ платокъ, Волынцевъ замѣтилъ на немъ кровь.

Критикъ сѣлъ, но положительно не зналъ, съ чего начать разговоръ; даже то, съ чѣмъ онъ сюда ѣхалъ и что казалось ему дорогою такимъ важнымъ, блѣднѣло передъ тѣмъ, что онъ теперь видѣлъ.

Между тѣмъ художникъ, машинально поласкавъ снова улегшагося у его ногъ Посейдона, опять принялся за свой рисунокъ и, казалось, не собирался помочь Волынцеву въ его затрудненіи.

Наконецъ тотъ заговорилъ.

— Я только что сейчасъ съ твоей выставки, сказалъ онъ.

— Да? Ну, какъ она поживаетъ? спросилъ Симбирскій.

— Судя по количеству посѣтителей—прекрасно. Я тамъ встрѣтилъ Викентьева и онъ просилъ меня передать тебѣ, что ты ни на что не похожъ, конечно, въ лучшемъ смыслѣ, постарался пошутить Волынцевъ. Симбирскій усмѣхнулся.

— Очень радъ слышать! А по твоему какъ?

Волынцевъ молчалъ.

— Что же ты? вопросительно взглянулъ на него художникъ. Или бранить не хочется?

Волынцевъ рѣшился.

— Знаешь, Митя, я бы могъ наговорить тебѣ про твои картины Богъ знаетъ сколько, но у меня теперь въ головѣ только одна мысль, которая страшно мучаетъ меня, и это: какъ жаль, что такой талантъ гибнетъ и самъ отрѣзываетъ себѣ путь къ спасенію, взволнованно проговорилъ онъ.

Симбирскій пристально посмотрѣлъ на него и положилъ карандашъ.

— Извини, но, хотя первая половина твоей фразы слишкомъ лестна для меня, все таки я ее понимаю, но окончаніе даже не понятно, сказалъ онъ.

— Но развѣ неправда, что ты потерялъ большую часть твоего состоянія за Максимовымъ и отказался отъ уплаты долга.

— Ну, хоть бы и такъ: что тутъ ужаснаго? Я съ голода не умру—на мой вѣкъ хватитъ, а наслѣдниковъ у меня никакихъ—упрекать за расточительность некому, и слава Богу! Максимову же возвратить мои деньги или нѣтъ, почти вопросъ жизни и смерти. У него семья: дѣти, жена. Въ томъ, что случилось, онъ не виноватъ—это было несчастіе, котораго предвидѣть было нельзя. У него есть еще кредиторы, расплатиться съ которыми ему необходимо, неужели мнѣ было настаивать и топить человѣка? Онъ самъ въ отчаяніи.

— Но вѣдь тебѣ тоже нужны деньги, ты здѣсь не можешь оставаться, тебѣ надо ѣхать на югъ, возразилъ Волынцевъ. Положимъ, еслибъ ты согласился взять у меня...

Симбирскій съ улыбкою покачалъ головою.

— Спасибо. Въ твоей готовности помочь мнѣ я никогда не сомнѣвался, но... мнѣ эта помощь не нужна и никуда я не поѣду.

— Ты же боленъ...

— И такою болѣзнью, которая не прощаетъ и отъ которой не избавишься никакою перемѣною мѣстъ. Самое большое, что можно сдѣлать—это украсть отъ нея нѣсколько лишнихъ мѣсяцевъ мучительнаго существованія, но для этого не стоитъ затруднять никого. Я помню, какъ сестра умирала, и знаю, что мнѣ спасенія нѣтъ. Я слабѣю со дня на день—придетъ весна, и я уйду.

Симбирскій закашлялся и остановился.

— Господи, какъ это тяжело! невольно вырвалось у Волынцева.

— Тяжело сознаніе, что умираешь, въ тѣ минуты, когда чувствуешь себя лучше, но тогда объ этомъ почти не думаешь; тогда же, когда дѣлается особенно скверно, сожалѣніе о жизни вытѣсняется желаніемъ не страдать больше, продолжалъ Симбирскій, справившись со своимъ кашлемъ.

Онъ отеръ платкомъ потъ, выступившій ему на лобъ и шею, и тяжело перевелъ духъ.

Волынцевъ смотрѣлъ на Симбирскаго съ тоскою; теперь и ему начала представляться съ печальною ясностью мысль, что помочь ничѣмъ нельзя.

— Я не жалѣю о жизни: ранняя смерть это, можетъ быть, такой подарокъ судьбы, который достаточно оцѣнить нельзя, тихо говорилъ Симбирскій, глядя прямо передъ собою, а не на своего собесѣдника;—умереть—не какое нибудь исключительное несчастіе, а общая участь. Скорѣй можно пожалѣть о тѣхъ, кто остается жить, потерявъ человѣка нужнаго для ихъ счастія и благосостоянія, да и то относительно... Помнишь, у Мюссе:

„Et puisqu'en traversant l'immortelle nature,

„L'homme n'a su trouver de science qui dure,

„Que de marcher toujours et toujours oublier. Все стирается, все забывается, и это прекрасно. Мнѣ кажется, я сдѣлалъ, что могъ: не зарывалъ въ землю мой талантъ, искалъ правды въ своемъ искусствѣ и, не кривя душой ради успѣха, высказывалъ ее такою, какою она мнѣ являлась. Если я ошибался, то неумышленно. Я былъ почти увѣренъ, что долго не проживу—у насъ въ семьѣ всѣ были недолговѣчны. Я послѣдній, и слава Богу! по крайней мѣрѣ обо мнѣ горевать некому. Моими единственными потомками остаются мои картины, пусть по нимъ и судятъ обо мнѣ. Судъ можетъ быть не безпристрастенъ, но вполнѣ несправедливымъ онъ не будетъ, потому что я жилъ только для искусства, и потому, кто пойметъ мои картины, тотъ пойметъ и всю мою жизнь—она не двоилась, какъ у многихъ, человѣкъ и художникъ были во мнѣ одно и то же...

— Кстати, ты читалъ отзывъ о тебѣ въ „Отголоскѣ?“ спросилъ Волынцевъ; ему хотѣлось перемѣнить разговоръ, дѣй-

ствовавшій ему на нервы тѣмъ спокойствіемъ, съ какимъ Симбирскій читалъ самъ себѣ эпитафію.

— Читалъ, улыбнулся тотъ, и эта улыбка показалась Волынцеву подтвержденіемъ его догадки.

— Ты знаешь автора? невольно спросилъ онъ.

— Знаю, только думаю, что долженъ сохранять его инкогнито.

— Это Орочанинова.

Художникъ кивнулъ головою. Оба помолчали.

— Скажи, если это не секретъ: въ какихъ ты съ нею отношеніяхъ? наконецъ спросилъ Волынцевъ, дѣлая этотъ вопросъ очень неохотно, въ увѣренности, что Симбирскій отвѣтитъ на него еще съ меньшимъ желаніемъ, но ему хотѣлось узнать.

— Въ самыхъ лучшихъ, коротко отвѣтилъ Симбирскій. Ему, дѣйствительно, не понравился вопросъ его пріятеля. Онъ зналъ презрительное отношеніе Волынцева къ женщинамъ, и ему стало досадно при мысли, что тотъ можетъ подумать что нибудь не хорошее о Маргаритѣ.

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь, но какого рода эти отношенія? Только дружескія или болѣе того?

Волынцевъ сознавалъ, что дѣлаетъ теперь безтактность, но что-то противъ воли заставляло его продолжать эти распросы.

— На это я могу сказать тебѣ только то, болѣзненно покраснѣлъ Симбирскій, что было время, когда я былъ влюбленъ въ Маргариту Викентьевну и высказалъ ей это... какъ отвѣтила она мнѣ, ты можешь судить по послѣдствіямъ. Случилось же все это прошлою весною до моего отъѣзда въ деревню. Тогда подобная развязка была мнѣ тяжела, но когда я подумаю, что было бы съ нами теперь, если бы Маргарита Викентьевна иначе отвѣтила на мое признаніе, то я благославляю такую счастливую случайность.

— Но, можетъ быть, тогда было бы иначе, замѣтилъ Волынцевъ.

— Ужъ не думаешь ли ты, что я умираю отъ любви? Слишкомъ сентиментально, мой милый...

— Я никогда не думалъ такого вздора! досадливо отвѣтилъ Волынцевъ.

XVI

Маргаритѣ жилось въ то время тяжелѣе обыкновеннаго. Ея талантъ, казалось, совсѣмъ ее покинулъ и сдѣлался источникомъ мученья. Маргаритѣ часто думалось, что она можетъ написать что-нибудь, но едва она садилась къ письменному столу, какъ тотчасъ убѣждалась, что это былъ только миражъ воображенія. Или то, что она хотѣла написать, было повтореніемъ стараго, или оказывалось совсѣмъ незначительнымъ, или это были отдѣльныя сцены и фразы, не связывавшіяся въ одно цѣлое.

Апатія и тяжелая нравственная и физическая усталость преслѣдовали Маргариту съ той минуты, какъ она просыпалась, до той, когда засыпала.

Маргарита перестала заботиться о своей наружности и никуда не ходила, кромѣ прогулокъ и посѣщеній Симбирскаго.

Маргарита бывала у него часто и не скрывала своихъ визитовъ, не безпокоясь о толкахъ. Между тѣмъ объ ея отношеніяхъ къ художнику ужъ говорили на разные лады, но Маргарита оставалась глуха ко всѣмъ намекамъ и продолжала бывать у Симбирскаго,—подлѣ умирающаго художника она забывала о себѣ и отдавалась этому чувству, не анализируя его источниковъ.

Они много говорили обо всемъ, что ихъ интересовало.

Иногда Маргарита читала вслухъ.

Симбирскому пришлось отказаться отъ работы масляными красками: долгое пребываніе передъ мольбертомъ слишкомъ утомляло его; за то всегда, когда онъ былъ въ силахъ, Симбирскій рисовалъ карандашемъ. Это можно было дѣлать, сидя въ покойномъ креслѣ у стола и даже лежа, когда подложенная подъ бумагу доска давала твердую опору.

Часть изъ выставленныхъ картинъ Симбирскаго была продана довольно выгодно, такъ что въ рукахъ художника собралась нѣкоторая сумма.

— Знаете что, Маргарита Викентьевна, сказалъ однажды этой послѣдней художникъ. Я хочу предложить вамъ одинъ планъ: эти деньги и все мое имущество и картины, которыя могутъ еще быть проданы, затѣмъ еще векселя Максимова,

по которымъ онъ рано или поздно уплатитъ, что тамъ ни говори Евгеній, все это годится на что нибудь...

— Какъ же вы хотите распорядиться вашимъ состояніемъ?—спросила Маргарита, замѣтивъ, что Симбирскій остановился.

— Очень просто, если вы только согласитесь помочь мнѣ. Вы должны знать, что я настоящій бобыль, что у меня нѣтъ на свѣтѣ никого, кто бы могъ заявить какое нибудь притязаніе на то, что я имѣю, слѣдовательно, я могу сдѣлать, что хочу, не рискуя никого обидѣть или поступить незаконно... Поэтому, я вотъ что надумалъ: кромѣ двухъ-трехъ бездѣлокъ, которыя попрошу раздать моимъ пріятелямъ, если вы согласны я сдѣлаю васъ своею наслѣдницею на двухъ условіяхъ: наградить хорошенько Василія и взять на пожизненное содержаніе Посейдона. Не отказывайтесь, я вѣдь вамъ не милліоны завѣщаю... Тутъ едва ли, съ цѣною тѣхъ картинъ, которыя навѣрное продадутся, наберется десятка три тысячъ... ну, при удачной продажѣ, немного болѣе. Что же касается векселей Максимова, то вѣдь это мертвый капиталъ, и вы, я знаю, не станете требовать уплаты, пока онъ самъ не вспомнитъ о ней. Не соглашайтесь, если кто нибудь будетъ вамъ совѣтовать поступить иначе—это мое третье условіе. То, что вы будете имѣть послѣ меня, поможетъ вамъ меньше задумываться надъ матеріальною стороною жизни. Пишите тогда рѣже, только когда у васъ явится неодолимое желаніе. Въ литературномъ трудѣ то и хорошо, что онъ не требуетъ постояннаго упражненія, чтобы не утратить привычки къ технической сторонѣ дѣла. Если то, что вы хотите написать, хорошо продумано и прочувствовано вами, то изложеніе ужъ не представляетъ труда, мысль опережаетъ перо... не надо только насиловать себя и все будетъ хорошо. Согласны вы съ этимъ?

— Вполнѣ, — тихо отвѣтила Маргарита, которой ясно представилась такъ хорошо ей знакомая, нервная каторга вѣчной работы ума и воображенія.

— Значитъ вы не отказываетесь отъ того, что я хочу вамъ дать?—спросилъ Симбирскій; говоря это, онъ взялъ Маргариту за руку.—Я васъ очень люблю, Маргарита,—онъ въ первый разъ опустилъ ея отечество, „какъ“, и самъ не знаю! Знаю только, что теперь у меня нѣтъ ни малѣйшаго желанія обратиться къ вамъ съ тѣми требованіями, какъ годъ назадъ...

мнѣ достаточно того, что вы здѣсь и что мы понимаемъ другъ друга. Мнѣ кажется, что и вы меня любите... немного!— мягко усмѣхнулся онъ.

Маргарита покраснѣла и слезы выступили ей на глаза. Она удержала руку Симбирскаго.

— Больше, чѣмъ, можетъ быть, вы думаете... мнѣ жаль, что раньше... тогда... этого не было,—проговорила она дрогнувшимъ голосомъ.

Онъ на минуту задумался, глядя прямо передъ собою блестящими и широко раскрытыми глазами.

— Вѣрно все къ лучшему, хотя въ то время я, конечно, былъ бы очень счастливъ вашею любовью. Мнѣ хотѣлось бы сдѣлать для васъ возможно больше, но, къ сожалѣнію, это невозможно. Вы даже еще не отвѣтили, принимаете ли мое наслѣдство?—спросилъ Симбирскій.

— Если вы этого хотите, то съ благодарностью, и постараюсь сдѣлать изъ него наилучшее употребленіе,—отвѣтила Маргарита.

— За исключеніемъ того, о чемъ я упоминалъ, я не хочу для него лучшаго примѣненія, какъ то, чтобы вамъ жилось при его помощи возможно легче,—сказалъ художникъ, цѣлуя руку Маргариты.

Она нагнулась къ нему.

— Можно?—спросилъ тогда, улыбаясь, Симбирскій и, не ожидая отвѣта, поцѣловалъ Маргариту прямо въ губы, въ первый разъ съ того времени, какъ такъ страстно цѣловалъ ее годъ тому назадъ.

* * *

Симбирскій умеръ въ концѣ весны.

Случилось это внезапно, рано утромъ, послѣ дня и ночи проведенныхъ имъ относительно хорошо, когда при немъ не было никого, кромѣ Посейдона, который со времени болѣзни художника почти не отходилъ отъ его кресла или постели, цѣлыми часами неподвижно глядя въ лицо хозяину своими печальными и умными глазами, выраженіе которыхъ яснѣе словъ говорило, что онъ вполнѣ понимаетъ смыслъ предстоящей имъ вѣчной разлуки.

Когда стали разбирать бумаги Симбирскаго, то въ нихъ

нашли законно оформленное завѣщаніе въ пользу Маргариты.

Это обстоятельство возбудило много толковъ и дало пищу досужимъ языкамъ; тѣмъ не менѣе Маргарита стала богаче, но едва ли счастливѣе.

Она рѣже прежняго веселится со своими друзьями, меньше занимается собою и, вообще, кажется серьезнѣе.

Всѣ желанія Симбирскаго Маргарита свято исполнила: векселя Максимова лежатъ въ бездѣйствіи въ потайномъ ящикѣ ея письменнаго стола, Василій получилъ хорошую награду и пристроенъ на новое мѣсто, страшно скучавшій Посейдонъ понемногу привыкъ къ новой хозяйкѣ и живется ему отлично.

Пишетъ Маргарита также рѣдко, и нѣкоторые благосклонные читатели и критики находятъ, что она стала писать при такихъ условіяхъ гораздо лучше. О своихъ отношеніяхъ къ Симбирскому и вообще о немъ Маргарита говоритъ очень неохотно, но хранитъ, какъ реликвію, его послѣдній, неоконченный рисунокъ.

КОНЕЦЪ.

В. Красильникова.

Очерки жизни студентовъ въ Петербургѣ.

I.

Каждый годъ въ концѣ лѣта, преимущественно въ началѣ августа, въ Петербургъ начинаетъ съѣзжаться наша учащаяся молодежь, окончившая курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Цѣль ихъ пріѣзда въ столицу желаніе поступить или въ университетъ или, главнымъ образомъ, въ одно изъ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, которыми такъ богата наша столица. Дѣйствительно, тутъ сгруппированы институты по всѣмъ отраслямъ техническаго дѣла: Инженеровъ Путей Сообщенія, Гражданскихъ Инженеровъ, Технологическій, Горный, Электротехническій и Лѣсной. Тогда какъ въ провинціи высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній слишкомъ мало, напр. въ Новой Александріи (Люблинской губерніи) Лѣсной и Сельскохозяйственный Институтъ, въ Москвѣ—Высшее Техническое Училище и Сельскохозяйственный институтъ (бывшая Петровская академія), въ Харьковѣ—Технологическій, въ Ригѣ—Политехническій. Вотъ и всѣ. Въ Петербургѣ кромѣ того еще есть Военно-Медицинская академія, Академія Художествъ и Филологическій Институтъ. Отсюда понятно, почему абитуріенты, желающіе посвятить себя изученію какого нибудь спеціальнаго дѣла, стремятся преимущественно въ Петербургъ, въ этотъ умственный центръ Россіи.

Чаще всего эти молодые провинціалы, называющіеся обыкновенно «абитуріентами», ютятся на квартирахъ по Забалканскому проспекту, въ Измайловскихъ ротахъ или на набережной Фонтанки, такъ какъ тутъ же находятся недалеко другъ отъ друга три института: Инженеровъ Путей Сообщенія, Гражданскихъ Инженеровъ и Технологическій.

Первые дни пріѣзда посвящаются обыкновенно осмотру Петербурга. За это время молодые люди успѣваютъ исходить его

вдоль и поперекъ, побывать и на взморьѣ, и въ Ботаническомъ саду, и въ Лѣсномъ; побываютъ они и въ увеселительномъ Зоологическомъ саду, и наконецъ, принимаются за учебники, выходя лишь изрѣдка прогуляться и подышать чистымъ воздухомъ.

Но вотъ наступаетъ вторая половина августа, когда начинаются экзамены, и абитуріенты заволновались. Въ бѣлыхъ фуражкахъ или въ мягкихъ поярковыхъ шляпахъ, либо въ котелкахъ, въ пестрыхъ лѣтнихъ пальто, измятыхъ и неуклюже сидящихъ, съ пачками книгъ подъ мышкой, пѣшкомъ, на конкахъ или на извозчикахъ они спѣшатъ куда-то, торопятся. Лица ихъ блѣдныя, сосредоточенныя, движенія порывистыя, нервныя. Загаръ съ лица уже успѣлъ сойти, и жизнерадостное настроеніе смѣнилось грустнымъ, тревожнымъ. И никого не радуетъ та лотерея, которая называется конкурснымъ экзаменомъ, никто не убѣжденъ вполнѣ, что онъ непремѣнно выиграетъ. Неизбѣжное сомнѣніе въ своихъ знаніяхъ, въ хорошемъ исходѣ экзаменовъ закрадывается въ сердце каждаго и занимаетъ тамъ большой уголъ.

Да и какъ не волноваться, какъ не сомнѣваться въ самомъ себѣ, въ своихъ силахъ, когда на одну свободную вакансію являются три, четыре, пять и болѣе конкурентовъ. Вотъ, напримѣръ, нѣкоторыя статистическія цифры, ясно говорящія сами за себя:

Въ 1894 году Въ институты.	Подано прошеній.	Допущено къ экзамену.	Принято.
Инженеровъ Путей Сообщенія .	797.	699.	145.
Гражданскихъ Инженеровъ . .	354.	304.	61.
Технологическій	617.	596.	144.
Горный	401.	380.	60.
Лѣсной	250.	235.	104.
Электротехническій	158.	110.	31.
Итого.	2577.	2324.	545.

Разность между числами 2577 и 545 = 2032. Но мы еще не можемъ сказать, что такое число абитуріентовъ осталось за флагомъ, такъ какъ многіе изъ нихъ, руководствуясь желаніемъ поступить въ какое-либо высшее учебное заведеніе, подаютъ прошенія заразъ въ нѣсколько институтовъ. Иные подаютъ въ два, другіе въ три и даже въ четыре института, хотя, конечно, есть много и такихъ, которые ограничиваются только однимъ институтомъ. Къ тому же въ числѣ неудачныхъ конкурентовъ есть лица, зачисленныя въ Петербургскій университетъ и державшія экзамены «между прочимъ» въ какое-нибудь спеціальное учебное заведеніе. И все-таки мы не ошибемся, если уменьшимъ цифру 2032 вдвое, и если

мы скажемъ, что каждый годъ въ Петербургѣ лишается высшаго спеціальнаго образованія болѣе тысячи человѣкъ.

На слѣдующій годъ изъ этой тысячи является лишь одна десятая часть, много двѣ десятыхъ, а остальныя 8 или 9 десятыхъ уже навсегда бросаютъ мысль о высшемъ образованіи и пристраиваются гдѣ нибудь, преимущественно же на государственной службѣ, писцами, конторщиками и т. п. Нѣкоторые же поступаютъ въ военныя училища.

А такъ какъ главный контингентъ для высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній доставляется реальными училищами, тогда какъ число кончившихъ курсъ въ гимназіяхъ среди конкурирующихъ весьма незначительно, то реалисты, главнымъ образомъ, и лишаются права продолжать свое образованіе.

Въ самомъ дѣлѣ, обратимся къ статистическимъ даннымъ, собраннымъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія объ учащихся въ Петербурскомъ и Харьковскомъ Технологическихъ институтахъ, въ Московскомъ Техническомъ и въ Ново-Александрійскомъ Лѣсномъ и Сельскохозяйственномъ институтѣ.

	реалистовъ.		классиковъ.	
Такъ въ 1893 году.	Держало экзаменъ.	Принято.	Держало экзаменъ.	Принято.
Въ Петербургскомъ Технологич.	298.	118.	86.	33
— Харьковскомъ Технолог. .	170.	137.	24.	17.
— Московскомъ Техническомъ	152.	98.	26.	17.
— Ново-Александрійскомъ . .	88.	46.	23.	14.
Итого . .	708.	399.	159.	81.

Но такъ какъ классики, не поступившіе въ высшія спеціальныя учебныя заведенія, всегда могутъ поступить въ какой-либо университетъ, то слѣдовательно всѣ они имѣютъ возможность продолжать свое образованіе. Лица-же, окончившія курсъ въ реальныхъ училищахъ, лишены этого преимущества, и въ данномъ случаѣ изъ числа 708—309 (почти половина) остались за бортомъ.

Что касается воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ, коммерческихъ училищъ и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній, то изъ нихъ на экзаменъ являются лишь очень немногіе. Кстати, можно замѣтить, что въ послѣднее время увеличивается число желающихъ получить высшее образованіе изъ лицъ, кончившихъ курсъ въ техническихъ училищахъ: Московскомъ Комисаровскомъ, Иркутскомъ промышленномъ, Лодзинскомъ высшемъ ремесленномъ, въ технической школѣ артиллерійскаго вѣдомства и проч.

Но не смотря на то, что значительное число лицъ получаетъ

отказъ въ пріемѣ, приливъ желающихъ получить высшее спеціальное образованіе съ каждымъ годомъ замѣтно увеличивается.

Напримѣръ, въ Петербургскій технологическій институтъ,

	Желало поступить.	Принято.
Въ 1892 г.	403 лица.	129.
Въ 1893 г.	545 „	163.
Въ 1894 г.	596 „	144.

Но число вакантныхъ мѣстъ (120 по штату) не увеличивается. И главнымъ мотивомъ отказа въ пріемѣ является недостатокъ спеціальныхъ средствъ и недостатокъ мѣстъ въ аудиторіяхъ и лабораторіяхъ.

«А между тѣмъ, какъ говоритъ Суворинъ («Новое Время» 1893 г. № 6294), мы затѣяли промышленную борьбу съ Европой, строимъ дорогу въ Сибирь, кричимъ о необходимости сдѣлать интенсивнымъ наше земледѣліе, ограничивая при этомъ до смѣшного русскихъ технологовъ и инженеровъ. Мнѣ скажутъ, пожалуй, что и теперь не всѣ техники находятъ себѣ мѣсто, но это будетъ чисто чиновничье соображеніе. Оттого они и думаютъ о «мѣстахъ», а не о дѣлѣ, что ихъ мало, что они со школьной скамейки, выдержавъ конкурсные экзамены на пять балловъ, предвкушаютъ уже сочный кусокъ государственнаго пирога и чувствуютъ себя свободными отъ конкуренціи. Я увѣренъ, что ни въ одномъ государствѣ не выкидываютъ за бортъ молодежь, желающую учиться прикладнымъ наукамъ. Тамъ конкуренція между инженерами и технологами, а не между кончившими реальныя училища. И если бы русское общество желало подумать, оно поняло бы, сколько маниловщины въ надеждахъ на развитіе естественныхъ богатствъ Россіи безъ техническихъ школъ и высшихъ спеціальныхъ институтовъ. И оно пожалѣло бы 1000*) человѣкъ своихъ дѣтей, которымъ отказываютъ въ правѣ...учиться».

Число тысяча, какъ мы уже замѣтили, это есть среднее, наиболѣе вѣроятное число лицъ, непоступившихъ ни въ одно изъ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній въ одномъ только Петербургѣ. Число же всѣхъ лицъ, лишаемыхъ въ Россіи высшаго образованія, ежегодно достигаетъ почти двухъ тысячъ.

Что же касается конкурсныхъ экзаменовъ, то они вовсе не удовлетворяютъ тѣмъ условіямъ, въ силу которыхъ существуютъ самые экзамены. Хорошій или дурной отвѣтъ экзаменующагося въ большинствѣ случаевъ является чистой случайностью. Вообще, можно сказать, что на экзаменѣ оцѣнивается не общее знаніе ученика, а

*) У Суворина ошибочно увеличено это число до 1800.

его отвѣтъ на заданный вопросъ. Два-три хорошихъ, подъ часъ удачныхъ отвѣта вполнѣ достаточно для хорошей отмѣтки, хотя бы знанія отвѣчающаго были самыя поверхностныя. И на оборотъ, никакое прекрасное, твердое знаніе теоріи не избавляетъ абитуріента отъ плохой отмѣтки, если только онъ не отвѣтитъ хотя бы на одинъ изъ всѣхъ заданныхъ ему вопросовъ, напримѣръ, если онъ не сдѣлаетъ какой нибудь задачи, рѣшаемой искуственнымъ способомъ, или даже, если и сдѣлаетъ задачу, но послѣ одной—двухъ неудачныхъ попытокъ.

Чтобы еще яснѣе представить, на какихъ пустякахъ иногда «проваливаются» экзаменующіеся, я приведу два-три примѣра, тѣмъ болѣе, что они не безъинтересны будутъ для нѣкоторыхъ читателей. Профессоръ, напримѣръ, задаетъ написать выраженіе $\sqrt[3]{-3}$, и спрашиваетъ: что это такое? Абитуріентъ, не задумываясь, отвѣчаетъ, что это *мнимое выраженіе*, совершенно забывая, что мнимымъ выраженіемъ въ алгебрѣ называется корень четной степени изъ отрицательнаго числа. И такой отвѣтъ влечетъ за собою плохую отмѣтку. А между тѣмъ, задайте этотъ же вопросъ любому классику или реалисту, и я увѣренъ, что 8 изъ 10 дадутъ тотъ же ошибочный отвѣтъ, хотя бы это были лучшіе по успѣхамъ. Или еще примѣръ: экзаменаторъ спрашиваетъ: — «когда выраженіе общаго вида $n(2n+1)(n+1)$ дѣлится на три?» Ученикъ отвѣчаетъ: — «когда сумма остатковъ дѣлится на три», потомъ, немного подумавши, поправляется:—«когда произведеніе остатковъ дѣлится на три». Но въ результатѣ за этотъ промахъ опять уменьшеніе отмѣтки. Третій примѣръ. Профессоръ заставляетъ написать n—ный членъ разложенія бинома по формулѣ Ньютона. Абитуріентъ пишетъ $n+$ первый членъ, такъ какъ въ книгѣ, по которой онъ училъ, за общій членъ принимается $n+1$, а не n-ный членъ.

И такихъ примѣровъ можно указать много, но мы ограничимся лишь сказаннымъ. Отсюда кажется очевиднымъ, отъ какихъ внѣшнихъ случайностей зависитъ успѣхъ экзаменующагося. Во время экзамена ученику нужно быть на сторожѣ, нужно слѣдить за каждымъ словомъ учителя и за каждымъ своимъ словомъ, нужно вдумываться въ вопросъ, сразу, какъ говорятъ, на лету схватить его, обдумать въ одно мгновеніе, и отвѣтить, нужно быть спокойнымъ, сосредоточеннымъ, а этого-то главнаго условія и недостаетъ многимъ, многимъ учащимся, успѣвшимъ уже расшатать свою первную систему за 7—8 лѣтъ школьной, сидячей и тяжелой жизни. Поэтому и состояніе экзаменующагося, обыкновенно, ненормальное.

Въ педагогическомъ мірѣ давно уже признана неудовлетворительность существующей системы экзаменовъ, хотя и продолжаютъ мириться съ нею въ силу устарѣвшихъ, закоренѣлыхъ традицій,

въ силу рутины, а также и въ силу того, что въ настоящее время еще не выработано болѣе лучшей, болѣе нормальной системы экзаменовъ. Все бы это еще ничего. Но вотъ вопросъ, какъ мириться съ такими обстоятельствами, съ такими возмутительными фактами, которые иногда, точно украдкой, появляются на страницахъ ежедневной петербургской прессы? Въ «Новомъ Времени», напримѣръ, Суворинъ пишетъ (1893 г. № 6314): «я заинтересовался конкурсными экзаменами въ петербургскіе высшіе спеціальные институты и собралъ о нихъ кое-какія свѣдѣнія. Но то, что я узналъ, убѣдило меня, что въ этомъ дѣлѣ у насъ что-то неладное. Судите сами: въ одномъ изъ лучшихъ техническихъ институтовъ было подано 300 прошеній при наличности 45 вакансій. То вѣдомство, которое управляетъ этимъ институтомъ, находитъ, что ему достаточно сорока инженеровъ въ годъ, чтобы пополнить составъ необходимыхъ ему агентовъ, а потому и не расширяетъ своихъ аудиторій и лабораторій. Происходитъ конкурсный экзаменъ. Мѣстъ всего 45, а положимъ, 50 молодыхъ людей выдержало испытаніе на круглую пятерку. Какъ провести демаркаціонную черту между званными и избранными? Пробовали завести отдѣльныя отмѣтки по каждому вопросу, которыхъ дается нѣсколько по каждому предмету, начали высчитывать сотыя доли балловъ. Но все это не помогаетъ, а по счастью, рекомендаціи власть имущихъ не имѣютъ утвердительной силы для начальства этого института, что замѣчается не вездѣ. Въ прошломъ году затрудненія институтскаго начальства разрѣшилъ экзаменаторъ по русскому языку, поставивъ по единицѣ за русское сочиненіе шестерымъ изъ экзаменовавшихся, имѣвшихъ высшій баллъ по всѣмъ остальнымъ предметамъ. Они сдѣлали какія-то ошибки, писали плохимъ стилемъ. Гимназіи и реальныя училища не съумѣли въ 8 лѣтъ научить ихъ родному языку, и по нашей логикѣ за это должны быть наказаны не нерадивые или неспособные педагоги, а ихъ воспитанники, юноши, очевидно, прилежные и способные, разъ они получили высшія отмѣтки по другимъ наукамъ. Эти юноши подали жалобы соотвѣтственному министру, который былъ человѣкъ энергичный и справедливый. Онъ взялъ на себя трудъ прочесть признанныя негодными сочиненія и приказалъ принять ихъ авторовъ въ институтъ на слѣдующій годъ, а не по разуму ретиваго экзаменатора замѣнить другимъ. Но тѣмъ не менѣе тотъ достигъ своей цѣли. Вмѣсто шестерыхъ знатоковъ математики были, благодаря ему, приняты шесть другихъ стилистовъ, и ихъ товарищи, можетъ быть, совершенно неосновательно, полагали, что эти стилисты были почему-то близки сердцу экзаменатора».

И такъ, слѣдовательно, оказывается, что счастье абитуріентовъ, кромѣ лотерейной случайности, зависитъ еще и отъ другихъ при-

чинъ, о которыхъ не всегда даже удобно упоминать. Не послѣднюю роль играетъ, какъ мы думаемъ, и протекція какой-нибудь тетушки, или какого-нибудь дяди. Все это, конечно, тоже ненормальный порядокъ вещей... Но будемъ надѣяться, что придетъ время, когда умственныя способности молодежи будутъ измѣряться не связями и протекціей, а личными качествами и достоинствами каждаго изъ молодыхъ людей.

II.

Но вотъ экзамены кончились. Неудачные конкуренты, испытавъ на себѣ всю тяжесть борьбы за право получить высшее спеціальное образованіе, цѣлыми группами съ невеселыми лицами и грустными думами покидаютъ столицу. У нѣкоторыхъ изъ нихъ есть еще надежда поступить куда-нибудь въ слѣдующемъ году, а многіе уже навсегда бросаютъ мысль о высшемъ образованіи, оглядываются вокругъ себя, сосредоточенно всматриваются въ новую обстановку жизни, совершенно незнакомую, ничего общаго не имѣющую съ обстановкой школьной жизни, и задумываются надъ труднымъ вопросомъ: — что же дѣлать теперь, и какъ быть? Средствъ къ существованію въ большинствѣ случаевъ не оказывается, и надъ этимъ прежде всего останавливается мысль.

Нѣкоторые же, не попавшіе въ конкурсъ, еще остаются недѣли на двѣ въ Петербургѣ и хлопочутъ о зачисленіи ихъ студентами или хотя бы даже вольнослушателями въ тотъ или другой институтъ сверхъ комплекта. Такъ, въ нынѣшнемъ 1894 году въ департаментъ министерства народнаго просвѣщенія поступило масса прошеній о пріемѣ въ Технологическій институтъ отъ лицъ, выдержавшихъ пріемныя испытанія въ институтъ, но не принятыхъ въ него за недостаткомъ вакансій и не поступившихъ ни въ какое другое высшее учебное заведеніе.

Въ большинствѣ случаевъ эти ходатайства остаются неудовлетворенными. Но и положеніе поступившихъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, тоже не изъ блестящихъ. Въ первые дни послѣ экзаменовъ они съ веселыми, радостными, иногда даже улыбающимися лицами, въ тѣхъ же пестрыхъ и неуклюжихъ лѣтнихъ пальто, но уже въ форменныхъ фуражкахъ, изучаютъ всѣ уголки столицы, знакомятся съ ней болѣе обстоятельно, посѣщаютъ Эрмитажъ, Академію художествъ, различные музеи, публичную библіотеку, а также увеселительные сады, портерныя и рестораны.

Дня черезъ два, черезъ три штатская одежда замѣняется студенческой формой, новенькой, блестящей, только-что съ иголочки. А нѣкоторые, болѣе нетерпѣливые, успѣваютъ одѣться по формѣ даже

въ первый день послѣ объявленія результатовъ экзаменовъ, такъ какъ, благодаря догадливости и расторопности портныхъ, разославшихъ заранѣе цѣлыя тысячи печатныхъ бланковъ всѣмъ абитуріентамъ, форменное студенческое платье, вчернѣ уже готовое, приготовляется въ теченіе какихъ-нибудь пяти-шести часовъ. Молодежь веселится, пользуясь свободнымъ временемъ, и иногда, не задумываясь, ставитъ ребромъ послѣднюю копѣйку, надѣясь получить необходимые для жизни рессурсы или изъ родительскаго дома, или своимъ трудомъ: репетиторскими уроками и другими подходящими занятіями. Многіе изъ нихъ еще не знаютъ самостоятельной трудовой жизни, еще не испытывали тяжелыхъ обстоятельствъ и потому все окружающее и все будущее кажется для нихъ въ розовомъ свѣтѣ. Но вотъ начинаются лекціи, начинается ежедневное хожденіе въ институтъ, каждый входитъ въ свою колею, словомъ, начинается обычная студенческая жизнь съ ея радостями и печалями.

Какъ же живутъ студенты? Подробный отвѣтъ на этотъ вопросъ и составляетъ нашу главную задачу. Мы разсмотримъ постепенно всѣ условія ихъ быта, обстановку, бюджетъ и пр., имѣя въ виду, главнымъ образомъ, петербургскихъ студентовъ, какъ университетскихъ, такъ и спеціальныхъ институтовъ, хотя при случаѣ будемъ указывать на нѣкоторыя условія быта провинціальныхъ студентовъ или слушательницъ педагогическихъ и родовспомогательныхъ курсовъ, иногда для сравненія, а иногда и для полнаго, болѣе отчетливаго представленія извѣстныхъ фактовъ.

III.

И прежде всего начнемъ съ обзора студенческихъ квартиръ. Эти послѣднія въ большинствѣ случаевъ представляютъ изъ себя меблированныя комнатки средней руки съ нищенски-формальной обстановкой, и съ пестрыми, сѣро-сизо-побѣжалыми обоями. Столъ, два или три стула, желѣзная кровать, этажерка, умывальникъ изъ ржаваго желѣза или просто фарфоровая чашка на некрашеномъ табуретѣ, иногда—въ видѣ роскоши—шатающійся комодъ, или съ торчащимъ изъ-подъ обивки остріемъ пружины и провалившійся протертый диванъ съ насѣкомыми,—вотъ обыкновенные аттрибуты студенческой кельи.

Цѣна такихъ комнатъ колеблется отъ 8 до 15 рублей, смотря по величинѣ, обстановкѣ, а также въ зависимости и отъ того обстоятельства, въ какомъ этажѣ находится комнатка. Такъ, напримѣръ, если за какую-нибудь комнатку въ первомъ или во второмъ этажѣ просятъ 15 р., то за ту же комнатку въ четвертомъ или въ пятомъ предлагаютъ уже 10—9 рублей.

Въ комнаткѣ, гдѣ кое-какъ можно помѣститься лишь одному, обыкновенно живутъ два человѣка. Сожительство по три, по четыре вмѣстѣ встрѣчается рѣдко, такъ какъ оно вредитъ сосредоточеннымъ занятіямъ. Даже сожительство вдвоемъ лишаетъ многихъ удобствъ; такъ, обыкновенно бываетъ, что гдѣ два соберутся, тамъ и третій, и четвертый являются въ видѣ нежданныхъ гостей, и время въ веселой бесѣдѣ проходитъ незамѣтно.

Вотъ что, напримѣръ, по этому поводу сообщаетъ одна изъ курсистокъ г. Е. Соловьеву, собравшему свѣдѣнія относительно бюджета учащейся молодежи («Русская Жизнь», 1893 г. № 10): «За квартиру плачу 3 р. 50 к., такъ какъ живемъ трое въ одной комнаткѣ. Это очень неудобно. Отъ знакомыхъ не отдѣлаешься. То ко мнѣ приходятъ, то къ подругамъ, и случается, что цѣлый день книги не раскроешь. Все за самоваромъ сидишь или разговоры разговариваешь, точно отъ нихъ прокъ какой. Оставаться въ одиночествѣ совсѣмъ нельзя, а другой разъ хочется никого не видѣть и не слышать».

Кромѣ того совмѣстная жизнь рѣдко обходится безъ крупныхъ разговоровъ, безъ непріятностей, иногда почти неизбѣжныхъ, что, конечно, находится въ зависимости отъ различія характеровъ. И если студенты соглашаются жить вдвоемъ, то главная причина этого—недостаточность средствъ къ существованію.

Квартиры обыкновенно нанимаются студентами вблизи того института, въ которомъ они учатся, но нѣкоторые, гоняясь за дешевизной и не стѣсняясь разстояніемъ, живутъ гдѣ-нибудь на окраинѣ города, версты за полторы или за двѣ отъ института. Предпочитаютъ обыкновенно жить въ семьѣ, гдѣ нѣтъ маленькихъ и, конечно, пискливыхъ дѣтей, мѣшающихъ серьезнымъ занятіямъ, а подчасъ даже раздражающихъ нервы сосредоточеннаго человѣка, старающагося углубиться въ свои собственныя мысли. Что касается общежитій, то они находятся не при всякомъ высшемъ учебномъ заведеніи. До настоящаго года существовалъ собственно одинъ интернатъ въ зданіи Лѣсного института. Это общежитіе заслуживаетъ нѣкоторой похвалы: комнаты въ немъ свѣтлыя, съ высокими потолками, просторныя. Въ каждой изъ нихъ помѣщается по три или по два студента. Всего въ интернатѣ можетъ помѣститься до ста пятидесяти человѣкъ. А такъ какъ въ Лѣсномъ институтѣ насчитывается болѣе двухсотъ пятидесяти студентовъ, то слѣдовательно, остальные принуждены ютиться гдѣ-нибудь по близости въ холодныхъ комнаткахъ деревянныхъ дачныхъ построекъ, или же на окраинѣ города, версты за три, за четыре отъ института, который находится за городомъ. Главный же недостатокъ интерната Лѣсного института, это отсутствіе студенческой столовой.

Въ настоящее время открыто еще два интерната, одинъ на углу Фонтанки и Забалканскаго проспекта для студентовъ института гражданскихъ инженеровъ на пятьдесятъ человѣкъ, другой на углу Средняго проспекта и 12 линіи Васильевскаго Острова, въ домѣ извѣстнаго благотворителя фонъ-Дервиза, для слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ. Помѣщеніе этого интерната занимаетъ почти весь пятый этажъ громаднаго дома. Вдоль широкаго коридора расположено до 40 отдѣльныхъ комнатъ въ одно и въ два окна. Комнаты высокія, свѣтлыя, вездѣ паркетъ, проведена вода; удобствъ и простора достаточно. Въ комнатахъ помѣщаются одна—двѣ курсистки. Видъ изъ квартиры обширный, ходьбы до курсовъ пять—семь минутъ. Единственное маленькое неудобство—это лѣстница въ 117 ступенекъ.

Кромѣ того строятся еще: интернатъ для студентовъ института инженеровъ путей сообщенія рядомъ съ названнымъ институтомъ, огромное четырехъэтажное зданіе, и общежитіе высшихъ женскихъ курсовъ (бестужевскихъ). Говорятъ, что въ первомъ общежитіе разсчитано на сто пятьдесятъ человѣкъ, причемъ плата будетъ самая незначительная въ виду большого капитала, оставшагося отъ суммы, ассигнованной на постройку; при интернатѣ будетъ и общая студенческая столовая. А во второмъ разсчитано на 100 слушательницъ съ платою по 50 рублей въ мѣсяцъ.

Послѣднему можно и не сочувствовать: лицо, имѣющее возможность платить въ мѣсяцъ 50 рублей, можетъ отлично устроиться и на частной квартирѣ. Нужно прежде позаботиться о бѣднякахъ, дать имъ теплый, свѣтлый и сухой уголъ, а не тѣмъ, за которыхъ позаботилась уже судьба.

При петербургскомъ же университетѣ, гдѣ къ началу 1894 года состояло 2634 студента, общежитія нѣтъ. Въ этомъ отношеніи Москва опередила сѣверную столицу. Тамъ имѣется два безплатныхъ общежитія извѣстныхъ московскихъ благотворителей купцовъ Ляпина и Лепешкина. Эти основатели студенческихъ общежитій руководствовались добрымъ чувствомъ оказать хоть какую-нибудь помощь нуждающимся студентамъ. Общежитіе Ляпина въ томъ видѣ, въ какомъ оно теперь существуетъ, дѣйствительно служитъ поддержкой для студентовъ въ тѣ минуты, когда они не имѣютъ никакихъ средствъ къ существованію. Въ немъ почти всегда есть свободныя мѣста. Но туда идутъ студенты въ случаѣ крайней необходимости, стараясь уйти при первой же возможности, имѣя въ карманѣ хотя незначительныя средства для найма квартиры. Причина этого та, что комнатки въ общежитіи тѣсныя, отдѣлены другъ отъ друга деревянными перегородками, для занятій не вполнѣ удобныя, да и содержатся неопрятно, пища тоже плохого качества. Кстати замѣ-

тимъ, что въ нынѣшнее лѣто зданіе ремонтировалось и къ осени приняло болѣе приличный видъ. Что же касается неопрятности, то это происходитъ отъ безпечности самихъ студентовъ, такъ какъ на ихъ обязанности лежитъ слѣдить за чистотой комнатъ. Наемъ же прислуги и доброкачественность пищи требуютъ большихъ расходовъ, которые не подъ силу одному благотворителю. А другихъ лицъ, которыя сочувствовали бы этому дѣлу, не находится.

Впрочемъ, не одинъ бѣднякъ скажетъ спасибо и за то, что дается ему даромъ, и что спасаетъ его въ трудныя минуты жизни.

Въ общежитіи Лепешкина совсѣмъ иное, тамъ все устроено и содержится хорошо, такъ что студенты, разъ поселившіеся тамъ, не желаютъ уже уходить, даже отказываются отъ предлагаемыхъ репетиторскихъ уроковъ, руководствуясь тѣмъ, что тогда имъ придется жить на частной квартирѣ, на наемъ которой и пойдутъ всѣ заработанныя деньги, да кромѣ того придется еще потерять много времени.

IV

Переходимъ теперь къ другому интересному вопросу: что ѣстъ петербургскій студентъ? И прежде всего остановимся на коротенькомъ, но очень интересномъ отчетѣ доктора А. И. Соловьева, читанномъ 3 декабря 1893 года въ засѣданіи членовъ II секціи русскаго общества охраненія народнаго здравія. Докторъ Соловьевъ собралъ интересныя данныя, по которымъ можно составить себѣ довольно ясное представленіе о томъ, какъ питается учащаяся молодежь въ Петербургѣ. Изъ 302 опрошенныхъ имъ лицъ, какъ оказывается, 62 обѣдаютъ въ семьяхъ, 51—у квартирныхъ хозяекъ, 10—въ нормальныхъ столовыхъ, 26—«гдѣ придется» и половина (153) въ кухмистерскихъ. Большинство (241 человѣкъ) получаютъ обѣды изъ двухъ блюдъ, 20 довольствуются однимъ блюдомъ, 17 получаютъ 3 блюда, обѣды изъ 4—5 блюдъ получаютъ два человѣка. Не всѣ обѣдающіе могутъ похвастаться тѣмъ, что они сыты, такихъ счастливцевъ всего около 80 процентовъ. Стоимость обѣда колеблется отъ 9 до 20 коп. Кромѣ обѣда значительная часть студентовъ (232) принимаютъ еще пищу въ видѣ булокъ за утреннимъ чаемъ, 39 человѣкъ закусываютъ, и 30 ничего не ѣдятъ по утрамъ. Вечеромъ отношеніе значительно мѣняется: 187 студентовъ ограничиваются булками съ чаемъ, 74 закусываютъ, 8 ужинаютъ, а 27 пьютъ чай безъ булокъ. Изъ числа всѣхъ опрошенныхъ лицъ—176 (58%) курятъ; спиртныхъ напитковъ не употребляютъ лишь 73 человѣка (24%).

Интересны также наблюденія докрора Соловьева относительно желудочныхъ заболѣваній у студентовъ.

Хроническими болями пищеварительныхъ органовъ страдаютъ 42 человѣка. Наибольшій процентъ такихъ больныхъ даютъ обѣдающіе «гдѣ придется», за ними слѣдуютъ обѣдающіе у хозяекъ и въ кухмистерскихъ, и, наконецъ, обѣдающіе въ семьѣ. На ненормальность пищеваренія и болѣзненныя ощущенія послѣ ѣды жалуются 141 человѣкъ (ж. «Образованіе», 1893 г. № 12). Вообще питаніе недостаточной учащейся молодежи въ Петербургѣ крайне неудовлетворительно. Напр., студентъ, получающій рублей 20 въ мѣсяцъ, не въ состояніи обѣдать въ хорошей кухмистерской, а вынужденъ избѣгать дешевыхъ столовыхъ, такъ какъ кушанье въ нихъ и нездорово и не всусно. Въ такихъ случаяхъ обыкновенно онъ питается по цѣлымъ мѣсяцамъ сыромъ и колбасой съ хлѣбомъ, да чаемъ раза три въ день.

А между тѣмъ вопросъ о студенческомъ питаніи можетъ быть разрѣшенъ удовлетворительно устройствомъ общедоступныхъ студенческихъ столовыхъ. Такъ Петербургскій Технологическій институтъ уже болѣе десяти лѣтъ имѣетъ свою собственную столовую, которою завѣдуютъ сами студенты, и въ которой за самую недорогую плату можно имѣть отличный и здоровый обѣдъ.

Вотъ, напримѣръ, прейскурантъ этой столовой.

Жаркое	15 коп.
Чашка бульону	5 »
Стаканъ молока	3 »
Стаканъ чаю	2 »

Къ сожалѣнію, въ настоящемъ году столовую эту временно закрыли съ цѣлью произвести нѣкоторыя видоизмѣненія. Такъ, ее хотятъ поставить въ непосредственный надзоръ комитета для пособія учащимся студентамъ, причемъ ближайшее завѣдываніе столовой будетъ поручено особому лицу, тогда какъ раньше ею завѣдывали сами студенты.

Въ другихъ высшихъ петербургскихъ учебныхъ заведеніяхъ своихъ столовыхъ нѣтъ. Институты: Горный, Путей Сообщенія, Гражданскихъ инженеровъ, Электротехническій, Лѣсной, а также Университетъ и Медицинская академія ихъ не имѣютъ.

А необходимость столовой хотя бы для университета, гдѣ болѣе двухъ съ половиною тысячъ студентовъ, и гдѣ, слѣдовательно, minimum одна тысяча нуждающихся, внѣ всякаго сомнѣнія. Дай Богъ, говоритъ «Русская Жизнь» (1893 г. № 79), чтобы лица, которыя стоятъ близко по своему положенію къ студенческой кор-

пораціи, обратили на эту сторону студенческой жизни искренніе и участливые взоры».

Что же касается различныхъ кухмистерскихъ, греческихъ, русскихъ, польскихъ и т. п. столовыхъ, то онѣ, какъ я уже замѣтилъ выше, не удовлетворяютъ даже самымъ основнымъ правиламъ гигіены.

Пища нездоровая, приготовлена неопрятно, грязно, зачастую съ какимъ-то удушливымъ специфическимъ запахомъ. Даже самая обстановка зачастую крайне мизерная, отвратительная.

Вотъ какъ, напримѣръ, описываетъ фельетонистъ «Петербургской Газеты» одну изъ такихъ столовыхъ («Пет. Газета» 1893 г. № 317): «Въ «цукернѣ» (польская столовая) на Михайловской улицѣ ни водки, ни пива не полагается, обѣдаютъ отъ 2 до 7 часовъ, а во все остальное время дня, утромъ и вечеромъ до 12 часовъ ночи, столовая превращается въ обыкновенную кофейню, гдѣ можно получать чай, кофе, шоколадъ, пирожное, булки. «Цукерня» не можетъ похвастаться особенной чистотой: скатерти здѣсь изъ числа тѣхъ, которыя Щедринъ охарактеризовалъ мѣткой фразой: «точно дитё сидѣло», салфетки подаются посѣтителямъ по возможности аккуратно сложенными, но за то уже утилизированными, по крайней мѣрѣ, двумя дюжинами ртовъ. Сервировка не блестящая. Супъ подается въ небольшихъ круглыхъ фаянсовыхъ мискахъ, жаркія прямо на обыкновенныхъ тарелкахъ, которыя и ставятся передъ посѣтителями. Ложки очень часто «желтоватыя» на выпуклыхъ мѣстахъ, вилки лучше вытирать самому, въ особенности между зубцами. «Цукерню» ежедневно посѣщаютъ до двухсотъ человѣкъ». Фельетонистъ позабылъ сказать еще слова два о самой пищѣ, и потому прибавимъ отъ себя, что пища «Цукерни» трудно переваримая. «Домашніе обѣды» также въ большинствѣ случаевъ являются неудовлетворительными, способными вызвать желудочныя заболѣванія.

И тѣмъ не менѣе, большинство студентовъ являются непремѣнными кліентами этихъ столовыхъ или «домашнихъ обѣдовъ», за неимѣніемъ, конечно, лучшихъ, доступныхъ по цѣнѣ.

Болѣе или менѣе удовлетворительными являются «нормальныя столовыя» Д. В. Каншина, но въ нихъ столуется лишь самое небольшое число студентовъ, такъ какъ эти столовыя находятся далеко отъ каждаго изъ высшихъ учебныхъ заведеній. Преимущественно же нормальныя столовыя посѣщаются среднимъ классомъ холостыхъ людей (приказчиками, чиновниками и пр.) и многими заѣзжими провинціалами. Но такъ какъ недавно открыто третье отдѣленіе нормальной столовой на Васильевскомъ Островѣ, посѣщаемое преимущественно студентами университета, Горнаго Инсти-

тута и слушательницами высшихъ женскихъ курсовъ, то мы и познакомымъ читателя съ уставомъ этихъ полезныхъ учрежденій.

Обѣды нормальныхъ столовыхъ разсчитаны для средняго здороваго человѣка, который утромъ и вечеромъ выпиваетъ по два стакана чая съ полуфунтомъ ситнаго хлѣба, прибавляя къ которымъ обѣдъ изъ трехъ блюдъ основного меню, получается вполнѣ достаточное питаніе для средняго здороваго организма. Обѣдающимъ предоставляется право присутствовать при приготовленіи обѣдовъ и дѣлать относительно приготовленія обѣдовъ и кушаній свои замѣчанія, опуская ихъ въ особый ящикъ, находящійся въ каждой столовой, ключъ отъ котораго находится у врача-инспектора.

Посѣтители имѣютъ право всегда требовать, чтобы имъ были показаны какъ кладовыя, такъ и кухня, чтобы они могли лично убѣдиться какъ въ доброкачественности припасовъ, такъ и въ опрятности приготовленія кушаній. Въ случаѣ же какихъ-либо сомнѣній въ отношеніи доброкачественности провизіи и т. п. можно обращаться къ врачу-инспектору, который въ извѣстные часы посѣщаетъ столовую. Для удобства обѣдающихъ въ столовыхъ поставлены вѣсы, на которыхъ желающіе могутъ взвѣшиваться, и въ конторѣ находится книга, въ которой желающіе, каждый на своей страницѣ, имѣетъ право записывать всѣ замѣтки, до ихъ питанія относящіяся.

Основныя меню обѣдовъ на цѣлый мѣсяцъ утверждены Обществомъ охраненія народнаго здравія. Обѣдъ стоитъ 40 коп., а по абонементу на недѣлю (7 обѣдовъ 2 р. 10 коп.)—30 коп. Желающіе вторично получить первое или второе блюдо, приплачиваютъ по 15 коп., а за третье по 10 коп. Супа же безъ мяса, а равно хлѣба и квасу подается безплатно каждому обѣдающему сколько онъ пожелаетъ. Кромѣ того при столовой имѣется буфетъ, гдѣ можно потребовать чай съ сахаромъ по 2 коп. за стаканъ, кофе съ молокомъ по 5 коп. за стаканъ, шоколадъ, молоко, пирожное и прочее.

Еще хорошо то, что на столахъ каждый день имѣются чистыя скатерти, а каждому обѣдающему выдается салфетка, которая сохраняется въ теченіе недѣли въ особомъ для того ящикѣ подъ опредѣленнымъ номеромъ, такъ что каждый обѣдающій пользуется только одинъ своей салфеткой, а не такъ, какъ въ «цукернѣ» и въ разныхъ кухмистерскихъ, гдѣ одна и та же салфетка утилизируется двумя дюжинами ртовъ.

Единственное неудобство нормальныхъ столовыхъ это то, что зачастую, при большомъ наплывѣ посѣтителей, приходится ждать второго или третьяго блюда чуть не цѣлый часъ. Есть впрочемъ и другіе недостатки, такъ напримѣръ, иногда подаютъ совершенно

остывшее жаркое, а иногда попадается мясо не свѣжее, особенно въ пирожкахъ. Но все-таки, говоря справедливо, нормальныя столовыя оставляютъ за собою далеко всякія кухмистерскія, греческія и русскія харчевни.

Заслуживаетъ вниманія также столовая при кулинарныхъ курсахъ на Казанской площади, но и она мало посѣщается студентами по своей отдаленности отъ высшихъ учебныхъ заведеній и студенческихъ квартиръ. Къ тому же и цѣна обѣда (15 р. въ мѣсяцъ) совсѣмъ не по студенческому карману. Есть еще столовыя Фонъ-Дервиза, посѣщаемыя преимущественно студентами Медицинской академіи и курсистками. Обѣдъ стоитъ 20 коп., но по качеству, а также и по количеству пищи, эти столовыя стоятъ ниже «нормальныхъ».

Нѣкоторые студенты получаютъ обѣдъ гдѣ-нибудь въ семействѣ вмѣсто платы за урокъ, а иные, какъ говорится, живутъ въ сухомятку, т. е. питаются только колбасой, хлѣбомъ и рѣдькой, и все это удовольствіе обходится въ 12—15 коп. въ день. На обѣдъ обыкновенно тратится въ мѣсяцъ 9 рублей.

Но однимъ обѣдомъ удовольствоваться, конечно, нельзя. Къ 9 рублямъ надо прибавить еще расходъ на чай, сахаръ, булки и, по словамъ одного изъ студентовъ, «на какую-нибудь колбасу, въ большей или меньшей степени приспособленную для человѣческаго желудка». Цифра этого послѣдняго расхода (т. е. на чай, сахаръ и проч.) различна, однако, по свѣдѣніямъ, собраннымъ г. Соловьевымъ («Русская Жизнь» 1893 г. № 11), ни въ какомъ случаѣ не бываетъ менѣе трехъ рублей. «И такъ, говорится тамъ же, скромное содержаніе обходится 12 р. въ мѣсяцъ. Очевидно, что далеко не каждый въ состояніи истратить такую сумму. Вѣдь иные получаютъ всего на все 15 р. въ мѣсяцъ. Что же дѣлаютъ они? Волей-неволей приходится ухищряться, и они ухищряются. Иные вмѣсто обѣда берутъ только завтракъ, онъ уже стоитъ не 30, а 20 коп. Иные берутъ обѣдъ на двоихъ, а иные извѣстную часть мѣсяца и совсѣмъ не обѣдаютъ, или обѣдаютъ у знакомыхъ. Но, очевидно, гигіена можетъ очень много возразить противъ подобнаго рода «ухищреній». Кстати, мы можемъ фактически подтвердить слова Е. Соловьева, говорящаго, что иные студенты извѣстную часть мѣсяца совсѣмъ не обѣдаютъ.

Мы знаемъ одного студента, учившагося въ институтѣ гражданскихъ инженеровъ. Онъ очень бѣдствовалъ, часто ему нечего было ѣсть, два раза былъ боленъ голоднымъ тифомъ, на лекціи обыкновенно не ходилъ, и вообще учился крайне плохо. Чтобы не чувствовать голода, онъ забивалъ въ ротъ уголъ подушки и, сжавъ

его зубами, лежалъ на кровати, дожидаясь, пока пройдетъ чувство голода.

Кое-какъ перейдя на четвертый курсъ, этотъ студентъ получилъ казенную стипендію, и такимъ образомъ, обезпеченный хотя немного отъ голода, окончилъ курсъ блестяще въ числѣ первыхъ. Мы знаемъ также и другого студента, учащагося теперь въ Технологическомъ институтѣ, человѣка съ большими способностями. Но къ сожалѣнію, онъ крайній бѣднякъ, еле-еле перебивающійся благодаря копѣечнымъ заработкамъ. Ему тоже почти по цѣлымъ мѣсяцамъ не приходится обѣдать, и онъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ довольствуется чаемъ съ хлѣбомъ. Насколько деморализуетъ силы такая скудная, полуголодная жизнь, можно судить по тому, что въ первое полугодіе этотъ студентъ оказываетъ прекрасные успѣхи, на репетиціяхъ получаетъ высшій балъ, потомъ вдругъ пропадаетъ всякая охота учиться, пропадаетъ всякая сила воли, и во второе полугодіе онъ совершенно теряетъ способность заниматься. И эти примѣры не единственные. Такъ, въ одномъ Технологическомъ институтѣ много есть такихъ бѣдняковъ, которые въ извѣстные дни питаются въ своей столовой только хлѣбомъ, за который ничего не приходится платить, или же занимаютъ иногда у товарищей по пяти копѣекъ, чтобы потребовать себѣ чашку бульону, причемъ этотъ маленькій долгъ никогда не уплачивается не въ силу, конечно, его незначительности, а въ силу невозможности уплатить хотя бы и такую сумму, какъ пять копѣекъ. И тѣмъ не менѣе товарищи, зная это, въ большинствѣ случаевъ стѣсняются отказать въ просимомъ, хотя и сами они, можетъ быть, обладаютъ скудными средствами. Существованіе подобныхъ явленій, существованіе такого бѣдственнаго, ничѣмъ не обезпеченнаго состоянія учащейся молодежи убѣждаетъ, конечно, всякаго въ томъ, что у насъ мало развита полезная общественная благотворительность.

У насъ много есть крупныхъ благотворителей и жертвователей, у насъ много есть лицъ, желающихъ завѣщать всѣ свои капиталы на какое-нибудь полезное общественное дѣло, но у нихъ нѣтъ руководящаго принципа, и въ большинствѣ случаевъ выборъ выпадаетъ на долю монастырей и преимущественно заграничныхъ, напр. въ старый Аѳонъ. Такихъ жертвователей насчитываются тысячи. Тогда какъ помощь учащимся крайне незначительная. Впрочемъ, мы еще будемъ имѣть возможность поговорить объ этомъ подробнѣе въ главѣ о стипендіяхъ. А теперь, главнымъ образомъ, остановимся на опредѣленіи бюджета учащейся молодежи.

V.

До сихъ поръ мы указали только на двѣ главныя статьи расхода: на квартиру и на обѣдъ. Но помимо этихъ расходовъ есть еще и другіе, такъ же необходимые, такъ же неизбѣжные, какъ и первые.

Сюда нужно отнести расходъ на чай, сахаръ, хлѣбъ, керосинъ, на стирку бѣлья, на табакъ и на другія мелочи обыденной жизни культурнаго человѣка (какъ-то, на мыло, ваксу, перья, бумагу, на конку и пр. и пр.), а также расходъ на удовольствія.

Объ одеждѣ мы не упоминаемъ, потому что студенты обыкновенно запасаются бѣльемъ изъ дому, а форма, разъ сдѣланная при поступленіи въ высшее учебное заведеніе, служитъ потомъ нѣсколько лѣтъ сряду, и если возобновляется въ силу необходимости, то опять-таки при болѣе или менѣе счастливыхъ обстоятельствахъ. При чемъ недостаточные студенты пріобрѣтаютъ себѣ форменную одежду обыкновенно подержанную въ Александровскомъ рынкѣ.

Единственное, что требуетъ постояннаго расхода, это обувь, пріобрѣтеніе ея или починка.

Составимъ теперь приблизительный бюджетъ студенческаго расхода въ его максимальныхъ и минимальныхъ величинахъ:

	Maximum.	Minimum.
Квартира	12 р.	5 р. — к.
Обѣдъ	12 »	9 » — »
Чай, сахаръ, хлѣбъ . . .	5 »	2 » — »
Керосинъ	1 »	— » 50 »
Стирка бѣлья	1 »	— » 50 »
Мелкіе расходы	5 »	2 » — »
Удовольствія	4 »	1 » — »
Итого . .	40 р.	20 р. — к.

Отсюда мы можемъ вывести среднюю цифру общаго мѣсячнаго расхода въ 30 рублей. Студентъ, располагающій такимъ капиталомъ, имѣетъ возможность занимать отдѣльную комнатку, всегда быть если и не сытымъ, то и не голоднымъ, и не ощущать ни въ чемъ крайней нужды. А при нѣкоторой экономіи можетъ удѣлить рубля 3 и на удовольствія, которыя хотя немного скрашиваютъ невеселую, однообразную студенческую жизнь. Удовольствія же студента составляютъ обыкновенно: театръ, новая книжка, два-три номера газеты, табакъ, пиво, билліардъ и пр. Какъ видите, удо-

вольствія скромныя, но тѣмъ не менѣе требующія расходы отъ 3 до 5 рублей, и болѣе, конечно.

При составленіи бюджета мы брали minimum и maximum опять-таки среднихъ расходовъ, т. е. не принимая во вниманіе расходовъ такихъ бѣдняковъ, которые ухищряются какъ-то прожить въ столицѣ и на 15 рублей въ мѣсяцъ. Не обращались мы также за свѣдѣніями и къ богатымъ людямъ. Вообще замѣтимъ, что мы описываемъ бытъ не лакированныхъ студентовъ, гранящихъ панели Невскаго проспекта, не паркетныхъ селадоновъ въ мундирѣ съ иголочки, на бѣлой подкладкѣ, съ новенькой шпажкой, въ блестящихъ свѣжестью перчаткахъ и въ офицерской шинели съ капюшономъ николаевскихъ временъ.

Нѣтъ, эти личности для насъ совершенно не представляютъ никакого интереса въ данномъ случаѣ, и ихъ жизнь не даетъ ровно никакого понятія о жизни студенческой вообще, о жизни тѣхъ, которыхъ мы видѣли въ холерныхъ баракахъ, въ народныхъ столовыхъ среди голодающихъ, на фабрикахъ, заводахъ и паровозахъ. Такихъ студентовъ тружениковъ легко узнать при встрѣчѣ и по наружному виду, они всегда задумчивы, всегда озабочены, всегда куда-то спѣшатъ, ихъ часто видишь также въ Императорской Публичной библіотекѣ все съ тѣмъ же озабоченнымъ лицомъ, все съ тѣмъ же пытливымъ, лихорадочнымъ взоромъ, торопливо пробѣгающимъ какія-нибудь лекціи страницу за страницей. Но возвратимся къ дѣлу. Какъ ни скроменъ составленный мною бюджетъ расходовъ, онъ однако превышаетъ средства многихъ лицъ изъ учащейся молодежи. Большинство же едва имѣютъ возможность сводить концы съ концами, и то при самомъ строгомъ и внимательномъ отношеніи къ каждой расходуемой копѣйкѣ.

«Что же удивительнаго, говоритъ авторъ статьи «Бюджетъ учащейся молодежи» («Русское Богатство» 1893 г. № 1), если многіе залѣзаютъ въ долги, видятъ себя вынужденными обращаться за пособіями въ спеціальныя благотворительныя учрежденія, или же живутъ впроголодь по цѣлымъ недѣлямъ, не видя ничего, кромѣ чая и хлѣба». Послѣднее, по заявленію Е. Соловьева, особенно справедливо въ отношеніи вольнослушательницъ нашихъ родовспомогательныхъ институтовъ.

Большой расходъ влечетъ за собою также пріобрѣтеніе учебныхъ пособій. Расходы эти иногда бываютъ такъ велики, что они не подъ силу студентамъ, располагающимъ лишь самыми скромными средствами.

Въ такихъ случаяхъ, два или три недостаточныхъ студента по взаимному соглашенію покупаютъ учебники въ складчину, одинъ пріобрѣтаетъ лишь часть необходимыхъ книгъ, а другой недостающія.

Но часто такое совмѣстное пользованіе учебниками бываетъ крайне неудобно, особенно во время экзаменовъ.

Нѣкоторые студенты, не имѣя книгъ, ходятъ заниматься въ Публичную библіотеку, но и здѣсь не всегда удается достать нужную книгу или лекціи, такъ какъ на два, три имѣющіеся въ библіотекѣ экземпляра подается до десяти и болѣе требованій.

Посѣтите, напримѣръ, когда нибудь вечеромъ Публичную библіотеку и вы увидите, какая масса студентовъ ходитъ туда заниматься, особенно же въ послѣдніе два мѣсяца (въ мартѣ и апрѣлѣ) передъ экзаменами.

Дороговизна учебниковъ объясняется отчасти тѣмъ, что они издаются обыкновенно въ ограниченномъ, очень небольшомъ количествѣ экземпляровъ, а также и тѣмъ, что многія, разъ изданныя лекціи распроданы. Напримѣръ, «Курсъ начертательной геометріи» Макарова, стоившій когда-то 6 рублей, теперь продается у букинистовъ за 18 и даже за 22 рубля.

А вотъ, для примѣра, расходъ на учебныя пособія, необходимыя каждому студенту перваго курса института Инженеровъ Путей Сообщенія:

Курсъ	Аналитической геометріи. Д. Граве . .	4 р.	— к.
»	Дифференціальнаго исчисленія. Д. Граве .	4 »	50 »
»	Начертательной геометріи. В. Курдюмова.	7 »	50 »
»	Химіи. Рихтера	2 »	50 »
»	Низшей геодезіи. Н. Богуславскаго . .	5 »	— »
»	Статики. Н. Богуславскаго	2 »	— »
»	Физики. Н. Гезехуса	2 »	75 »
Строительные матеріалы		3 »	— »
Введеніе въ теорет. механику. Д. Бобылева . .		2 »	50 »
Богословіе. Городцева		1 »	50 »
	Итого . . .	35 р.	25 к.

Кромѣ того необходимо имѣть: готовальню, треугольники, линейки, краски, карандаши, резину. Все это minimum обходится въ 15 рублей, при чемъ готовальня будетъ самаго плохого достоинства (лучшія готовальни стоятъ отъ 18 до 25 руб.). И такъ, общій расходъ на учебныя и чертежныя пособія обходится почти въ 50 рублей.

Не много, конечно, найдется такихъ студентовъ, которые могутъ свободно израсходовать такую сумму. Вѣдь на эти деньги можно просуществовать почти два мѣсяца.

Въ виду этого большинство студентовъ старается пріобрѣсти подержанныя книги у студентовъ же или у букинистовъ, хотя тутъ выгода не большая, такъ какъ такія книги продаются лишь съ незначительной уступкой противъ номинальной цѣны, напр. за $^4/_5$ или

3/4 и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ за полъ-цѣны. Такъ что во всякомъ случаѣ каждому студенту приходится израсходовать на учебныя пособія не менѣе 25 рублей, если только есть желаніе заниматься и послѣдовательно готовить прочитанныя лекціи. А такое желаніе исполнимо лишь тогда, когда имѣются подъ руками всѣ руководства и учебныя пособія.

VI.

Но откуда же студенты получаютъ средства къ существованію и какъ велики эти средства? на этотъ вопросъ мы намѣрены отвѣтить въ этой главѣ. Большинство студентовъ живутъ исключительно или пособіями изъ дому, или же уроками, а меньшинство стипендіями и уроками, или же только стипендіями.

Какъ велика цифра дохода каждаго изъ названныхъ источниковъ, опредѣлить, конечно, нельзя точно, но можно указать среднія числа. Помощь родныхъ и вообще родственниковъ крайне разнообразная. Одни получаютъ 50—75 руб. въ мѣсяцъ, другіе 30—50, но такихъ счастливыхъ очень немного среди студентовъ, гораздо болѣе получаютъ отъ 20 до 30 р. А мы уже видѣли, что на такую сумму въ Петербургѣ прожить можно, хотя и съ прижимкою.

Лицамъ, получающимъ изъ дому менѣе 20 руб., уже приходится позаботиться о пріобрѣтеніи недостающей суммы для средняго мѣсячнаго расхода. Но есть много и такихъ студентовъ (почти 45%), которые изъ дому ничего не получаютъ, а сами зарабатываютъ всѣ средства, необходимыя для болѣе или менѣе сноснаго существованія Помощь со стороны родственниковъ во многихъ случаяхъ ограничивается лишь первоначальнымъ капиталомъ въ 100—200 рублей, необходимыхъ на первыхъ порахъ каждому молодому человѣку, отправляющемуся въ столицу съ цѣлью поступить въ какое-либо высшее учебное заведеніе. Изъ этой суммы часть расходуется на дорогу, а остальное идетъ въ уплату за право ученія, за студенческую форму, за учебныя пособія и за квартиру въ первый мѣсяцъ по пріѣздѣ въ столицу.

Лица, окончившія курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и желающія продолжать свое образованіе, но не имѣющія и такого капитала, копятъ заранѣе, имѣя одинъ-два репетиторскихъ урока, или же остаются еще на годъ въ родномъ городѣ, пріискивая себѣ какое-нибудь опредѣленное занятіе. Такъ намъ лично извѣстны двѣ личности: одинъ молодой человѣкъ по окончаніи курса въ реальномъ училищѣ поступилъ въ сельскіе учителя, скопилъ за годъ болѣе ста рублей и въ настоящемъ году пріѣхалъ въ Петербургъ, другой же цѣлый годъ занимался репетиторскими уроками, зарабо-

талъ 150 рублей, и съ такими деньгами уже смѣло явился въ столицу, вполнѣ обезпеченный на первое время.

Но эти деньги быстро таютъ на первыхъ же порахъ, и дальнѣйшее существованіе поддерживается уже собственными силами.

Мы уже сказали, что главнымъ источникомъ дохода для большинства молодыхъ людей являются репетиторскіе уроки. Въ этомъ убѣдиться не трудно, стоитъ только просмотрѣть объявленія въ какой-нибудь распространенной петербургской газетѣ (напр. «Новое Время», «Новости», «Петербургская Газета» и пр.), гдѣ иногда цѣлые столбцы заполнены заявленіями студентовъ о желаніи имѣть урокъ или подходящія занятія. При томъ надо еще замѣтить, что подъ однимъ и тѣмъ же объявленіемъ скрывается 3—4 человѣка, печатавшихъ объявленіе въ складчину.

«Желаю имѣть урокъ за какую-угодно плату, или за столъ и квартиру». «Репетирую за 5 р. въ мѣсяцъ по всѣмъ предметамъ среднихъ учебныхъ заведеній. Разстояніемъ не стѣсняюсь». «Крайне нуждаюсь въ урокѣ, согласенъ на всякія условія».

Такія и подобныя объявленія встрѣчаются на каждомъ шагу, и каждому ясно говорятъ они о томъ безвыходномъ положеніи, въ которомъ находится учащаяся молодежь, о той крайней нуждѣ, которая заставляетъ соглашаться на всякія условія.

И все-таки, не смотря даже на подобное согласіе, на подобное самоотверженіе бѣдняка — получить урокъ крайне трудно. Громадное число конкурентовъ сильно понизило плату за урокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ повысило требованія.

Многіе изъ родителей, нуждающихся въ репетиторѣ, ищутъ послѣдняго для своихъ дѣтей не только какъ репетитора, но и какъ гувернера, умѣющаго говорить на иностранныхъ языкахъ, или какъ учителя музыки и рисованія, иногда же сверхъ всего этого требуются еще солидныя рекомендаціи. Правда, что при хорошемъ знакомствѣ иногда можно получить мѣсто репетитора за очень приличную плату: 25 и 30 рублей и даже болѣе въ мѣсяцъ за часовой ежедневный урокъ въ такихъ случаяхъ составляетъ обыкновенную таксу. Но это—счастливые, исключительные случаи.

Большинство же, чтобы заработать 20—30 руб., должны имѣть 2—3 урока, которые къ тому же сопряжены съ большою тратою времени. Вотъ, напримѣръ, вамъ образчикъ подобнаго хожденія по урокамъ. Одинъ изъ знакомыхъ намъ студентовъ живетъ на Васильевскомъ островѣ и имѣетъ два урока. На одинъ урокъ надо ходить на Петербургскую сторону на Гребецкую улицу, а оттуда на другой урокъ на Надеждинскую, и на переходъ такого разстоянія требуется ежедневно почти полтора часа туда и столько же обратно. А плата за урокъ самая незначительная: въ одномъ мѣстѣ

12 руб. за часовой урокъ съ гимназистомъ третьяго класса по всѣмъ предметамъ, въ другомъ 15 руб. за двухчасовой урокъ съ мальчикомъ и дѣвочкой. И такихъ примѣровъ много.

Большой подрывъ конкурренціи является также со стороны гимназистовъ. Многіе родители скорѣе возьмутъ въ репетиторы гимназиста, чѣмъ студента, руководствуясь тѣмъ, что перваго рекомендуетъ самъ директоръ гимназіи, тогда какъ послѣдній зачастую не имѣетъ вовсе никакихъ рекомендацій.

Какъ иногда безцеремонно обращаются сердобольные родители съ репетиторами при ихъ наймѣ, это характеризуетъ слѣдующій фактъ, сообщаемый однимъ студентомъ: «Прихожу недавно куда-то на Петербургскую сторону по объявленію и начинаемъ торговаться. Балакали, балакали съ хозяйкой и матерью трехъ младенцевъ, моихъ будущихъ учениковъ, только чувствую я все время, что впереди какой-то сюрпризъ готовится. Такъ оно въ дѣйствительности и оказалось. «Вы,—спрашиваетъ меня маменька,—по нѣмецки и по французски говорить умѣете?»—«Нѣтъ, говорю, не умѣю.»—«А музыку знаете?»—«Нѣтъ, не знаю.»—«Хотя бы начало самое, гаммы, что-ли.«—«И гаммъ не знаю, вообще къ фортепіано не прикасался.»—«Но можетъ быть поете?»—Меня взорвало. Вопросъ сводился къ тому, чтобы за столъ и квартиру заниматься съ тремя болванами чуть не по три часа ежедневно. И тутъ еще какіе-то французскіе да нѣмецкіе діалекты, да музыка, да пѣніе. Обидно! Я говорю:—«Сударыня, а вы танцамъ своихъ дѣтей обучать не располагаете?»—«Располагаю, говоритъ.—«Но и живопись вѣдь прекрасное искусство?» Сударыня разсердилась, а я всталъ и вышелъ». («Русское Богатство 1893 г. № 1»).

Съ своей стороны и авторъ этой статьи можетъ привести примѣръ изъ личныхъ воспоминаній. Приходитъ онъ по присланному адресу въ одно семейство. Представляются папаша и мамаша, напоминающая комнатную болонку. Начинается продолжительный разговоръ на тему: кто вы такой? откуда родомъ? давно ли учитесь въ Петербургѣ? Есть ли у васъ родители? и т. д., и т. д.

Наконецъ, послѣ почти часоваго распрашиванія о чужихъ семейныхъ и личныхъ дѣлахъ разговоръ переходитъ къ дѣлу.—«Мнѣ бы хотѣлось нанять опытнаго репетитора, говоритъ папаша, который бы занимался съ сыномъ, мальчикомъ одиннадцати лѣтъ, по всѣмъ предметамъ гимназическаго курса. Хорошо бы также пріучать его слухъ къ французскому языку и иногда разговаривать съ нимъ по французски. Урокъ, конечно, часовой. А вотъ моя супруга хочетъ еще, чтобы репетиторъ и съ дочкой немного занимался...»

— «Да, перебиваетъ его мамаша, это я уже сама поговорю насчетъ Лизы, она у меня умненькая, послушная дѣвочка, и у ней я

замѣтила особенную страсть къ рисованію, такъ что я хочу учить ее рисовать карандашемъ и красками...»—«Да, перебиваетъ папаша, зеще хотѣлъ сказать, что сынишка мой тоже рисуетъ, такъ вотъ и ему дѣлать кое-какія указанія, исправлять рисунки». «А вотъ Лизу, снова начинаетъ говорить мамаша, хорошо бы еще учить французскому языку, такъ на словахъ, чтобы она могла говорить хоть легкія фразы... Можетъ быть вы и музыку знаете?»—«Да, я немного знаю музыку, ноты разбираю безъ труда, когда-то дома учился играть на роялѣ цѣлыхъ два года».—«Вотъ и прекрасно, тогда вы можете Лизу учить и музыкѣ. Мы думаемъ къ Рождеству взять недорогое піанино на прокатъ. Лиза давно уже проситъ, чтобы учили ее музыкѣ. Такъ вы согласны на такія условія?»—«Да, согласенъ.»—«Сколько же вы хотите получать?»—«20 рублей». Мамаша при такомъ заявленіи сдѣлала глупую физіономію, а папаша саркастически засмѣялся дѣланнымъ смѣхомъ и сказалъ:—«Нѣтъ, молодой человѣкъ, это много, мы можемъ предложить 7 рублей и вечерній чай съ хлѣбомъ, только еще одно условіе: если ваши уроки дѣйствительно будутъ полезны, если вы не будете пропускать уроковъ, и если мой сынишка не будетъ получать неудовлетворительныхъ балловъ». Послѣ такихъ словъ бѣдному репетитору ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ молча раскланяться и уйти, что и поспѣшилъ онъ сдѣлать.

Вообще нужно замѣтить, что послѣднее условіе ставится родителями очень часто, и репетиторъ, такимъ образомъ, является отвѣтственнымъ лицомъ за лѣность дѣтей.

Что и говорить, это условіе крайне тяжелое, неисполнимое даже, потому что оно вовсе не зависитъ ни отъ вашихъ стараній, ни отъ вашей воли. А родители, между тѣмъ, ставя такое условіе, капризничаютъ, дѣлаютъ выговоры репетиторамъ за каждый дурной баллъ ученика, и все это кончается, обыкновенно, отказомъ отъ урока.

Явленіе это, крайне несимпатичное, часто парализуетъ всякую охоту заниматься репетиторскими уроками, портитъ хорошее расположеніе духа и часто служитъ даже нравственнымъ оскорбленіемъ личности репетитора, какъ человѣка, обезцѣнивая его трудъ. Существованіе же подобныхъ явленій объясняется легко тѣмъ обстоятельствомъ, что нанимателимѣютъ возможность пользоваться безвыходнымъ положеніемъ студентовъ бѣдняковъ, и, какъ показываютъ факты, дѣйствительно пользуются.

На этомъ же основаніи совершаются такъ называмые аукціоны, «Кто меньше?» которые, по описанію газеты «Русская Жизнь» (1893 г. № 102), производятся такимъ образомъ: «Наниматель объявляетъ въ газетахъ, что ищетъ учителя. Студенты бѣгутъ по указанному адресу. Наниматель записываетъ условія, на которыхъ каж-

дый изъ пришедшихъ можетъ взять урокъ, и отдаетъ его тому, кто согласится за меньшую плату. Другого резона у нанимателя, пожалуй, и нѣтъ: кого взять изъ пришедшихъ, если онъ никого изъ нихъ не знаетъ? Студенты сознаютъ своен евыгодное положеніе, но подъ давленіемъ нужды соглашаются на minimum вознагражденія и тѣмъ, понятно, еще болѣе сбиваютъ плату за уроки. Но печальнѣе всего то, что эксплоатація студенческаго труда иногда уже прямо обращается въ профессію. Такъ, напримѣръ, существуютъ такія школы, содержатели которыхъ набираютъ учениковъ, нанимаютъ студента-учителя за самую ничтожную плату и сами, ровно ничего не дѣлая, получаютъ значительные барыши. Въ одной намъ извѣстной школѣ студентъ занимался съ двѣнадцатью мальчиками отъ 9 часовъ утра и до 3 часовъ дня за столъ и комнату. Содержатель же получалъ отъ 5 до 10 р. въ мѣсяцъ съ ученика, стало быть рублей 40 въ мѣсяцъ чистаго барыша». Фактъ дѣйствительно возмутительный.

VII.

Одно изъ ненормальныхъ явленій составляетъ также то обстоятельство, что уроки иногда достаются не бѣднѣйшимъ, а болѣе счастливымъ.

Является, такимъ образомъ, возможность захвата уроковъ въ однѣ руки. Такъ, напримѣръ, нѣкоторые студенты, впрочемъ весьма немногіе, зарабатываютъ отъ 75 до 100 рублей въ мѣсяцъ, тогда какъ другой бѣднякъ довольствуется 7—10 рублями.

Вообще, студенты, желающіе получить хорошій урокъ, употребляютъ для этого всевозможныя дозволенныя средства: они пользуются и протекціей, и знакомствомъ, и въ газетахъ печатаютъ объявленія съ оговоркой, что владѣютъ языками, знаютъ музыку пѣніе. Болѣе наивные сообщаютъ о томъ, что окончили гимназію съ золотою медалью, или, что находятся на послѣднемъ курсѣ того или другого высшаго учебнаго заведенія.

Бываютъ между студентами и кандидаты правъ, т. е. лица, окончившія университетскій курсъ и поступившія въ одинъ изъ высшихъ спеціальныхъ институтовъ. Словомъ, всѣ показываютъ другъ передъ другомъ свои преимущества и привилегіи, которыя, къ слову сказать, болѣе доступны не самымъ нуждающимся, а лицамъ, такъ или иначе, обезпеченнымъ, даже состоятельнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какой-же бѣднякъ студентъ изъ какой-нибудь провинціальной глуши можетъ имѣть въ Петербургѣ связи, хорошее знакомство, рекомендаціи, кому изъ нихъ доступно знаніе музыки,

живописи, кто же изъ нихъ можетъ говорить свободно на иностранныхъ языкахъ?

Поэтому-то на долю бѣдняковъ и вообще несостоятельныхъ студентовъ выпадаютъ лишь одни грошевые уроки.

Чтобы урегулировать хотя немного правильность и справедливость въ полученіи репетиторскихъ уроковъ, «Общество для пособія нуждающимся студентамъ петербургскаго университета» открыло бюро для пріема заявленій отъ студентовъ, ищущихъ урокъ, и отъ лицъ, предлагающихъ занятія. По сообщенію профессора Н. И. Карѣева, состоящаго предсѣдателемъ названнаго общества, за 11 мѣсяцевъ существованія бюро, въ него поступило 617 заявленій отъ студентовъ, и отъ публики 168 требованій на урокъ. Соглашеній же всѣхъ состоялось 91. Какъ видно изъ этихъ цифръ, дѣятельность посредническаго бюро крайне неуспѣшная, и 526 нуждающихся студентовъ остались безъ помощи.

Причины этого, по мнѣнію газеты «Русская Жизнь» (1894 г. № 234), кстати замѣтимъ, возбудившей первоначальный вопросъ объ организаціи посредническаго бюро, слѣдующія:

Во-первыхъ, недовѣріе общества къ новому предпріятію, а во-вторыхъ, и то, что многіе родители предпочитаютъ обращаться къ директорамъ и учителямъ гимназій, гдѣ учатся ихъ дѣти, и нанимаютъ репетиторовъ по ихъ указаніямъ изъ числа гимназистовъ, не безъ затаенной мысли, что разъ они возьмутъ репетитора, рекомендованнаго директоромъ, то ихъ сынки ужъ не могутъ провалиться: «Помилуйте, нашъ Петръ Ивановичъ знакомъ съ директоромъ».

«Эти тайные замыслы, совершенно справедливо говоритъ авторъ данной замѣтки, какъ они ни наивны, играютъ, однако, большую роль въ выборѣ репетиторовъ для Пети и Васи, и бюро, которое не въ состояніи раздобыть необходимаго Петра Ивановича, знакомаго съ директоромъ, всегда будетъ сталкиваться съ недовѣріемъ и равнодушіемъ родителей, которыхъ житейская школа научила искать протекціи и нужнаго человѣка всюду безъ различія мѣста и обстоятельствъ».

Были, впрочемъ, и другія причины неудовлетворительной дѣятельности посредническаго бюро. Такъ, нѣкоторыхъ требованій студенты не могли выполнить; напримѣръ, требованія практическаго знанія иностранныхъ языковъ, или же предложенія въ отношеніи гонорара были крайне мизерны.

Впрочемъ, еще можно надѣяться, что общество не всегда будетъ такъ индифферентно относиться къ такому симпатичному по идеѣ учрежденію, какъ посредническое бюро для пріисканія занятій недостаточнымъ студентамъ.

VIII.

Хорошую помощь составляютъ также стипендіи, которыми пользуются преимущественно студенты старшихъ курсовъ. Есть много стипендій отъ различныхъ обществъ, учрежденій и даже частныхъ лицъ. Онѣ очень различны по величинѣ; такъ, есть стипендіи въ 10, 15, 20, 25, 30, и даже иногда въ 40 и 50 рублей въ мѣсяцъ, но чаще всего встрѣчаются цифры 20 или 25, которыя и можно принять за нормальныя.

При назначеніи стипендіи кому-нибудь, конечно, принимается во вниманіе его имущественное состояніе и успѣхи въ наукахъ хотя и не всегда.

Большинство стипендій дается или съ обязательствомъ прослужить за нихъ извѣстное число лѣтъ на государственной или общественной службѣ, или же въ видѣ займа, который уплачивается впослѣдствіи.

Первое условіе исполняется почти всегда. Второе же, исполненіе котораго лежитъ на совѣсти каждаго, пользовавшагося такими стипендіями, въ большинствѣ случаевъ забывается, такъ что приходится потомъ неоднократно напоминать должникамъ путемъ печати и даже требовать съ нихъ возврата займа болѣе или менѣе принудительнымъ способомъ.

Такъ, напримѣръ, поступило общество вспомоществованія студентамъ петербургскаго университета, которое въ настоящее время сильно нуждается въ средствахъ. Число членовъ его за десять лѣтъ уменьшилось почти вдвое, и поэтому нуждающіеся студенты нынѣ получаютъ ничтожное пособіе отъ 4 до 6 руб. въ мѣсяцъ. Между тѣмъ общество это уже роздало почти 266 тысячъ рублей. Сумма эта числится въ долгахъ за бывшими и окончившими курсъ студентами, громадное большинство которыхъ вовсе не заботится о возвращеніи взятыхъ нѣкогда ссудъ. Комитетъ общества по собиранію долговъ вычислилъ, что если бы должники вносили въ уплату только по одному рублю въ мѣсяцъ, то общество получило бы возможность увеличить выдаваемыя теперь студентамъ ссуды въ три раза. Въ виду этого въ концѣ прошлаго года комитетъ нашелъ себя вынужденнымъ напомнить путемъ печати своимъ должникамъ объ уплатѣ долговъ, обращаясь въ своемъ воззваніи къ ихъ совѣсти и заявляя, что если это не поможетъ, то комитетъ будетъ вынужденъ рѣшиться на крайнюю мѣру—опубликовать въ газетахъ имена должниковъ. («Недѣля» 1893 г. № 42).

Нельзя, конечно, выводить на основаніи такихъ фактовъ, что

въ нашемъ обществѣ недостаточно развито понятіе о нравственныхъ обязанностяхъ человѣка; нельзя также полагать, чтобы общество не знало, какъ велика бѣдность нашихъ студентовъ, сплошь и рядомъ не только затрудняющихся взносомъ платы за слушаніе лекцій, но и терпящихъ крайнюю нужду въ самомъ необходимомъ, такъ что даже весьма небольшая ссуда является для нихъ существенною помощью. Но все-таки останавливаешься въ недоумѣніи передъ тупымъ индифферентизмомъ тѣхъ лицъ, которыя не исполняютъ своихъ обязанностей, своихъ обѣщаній, и даже не хотятъ сознаться въ своемъ долгѣ.

Кстати, разсмотримъ здѣсь дѣятельность общества вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ петербургскаго университета, пользуясь его отчетомъ за 1893 годъ.

Изъ 10,441 руб., розданныхъ въ ссуду въ 1893 году комитетомъ означеннаго общества, 94% составляютъ ссуды въ пять рублей. Въ рѣдкихъ только случаяхъ выдаются ссуды въ 6, 10, 15, 25 и 50 р., а иногда наоборотъ и въ 3 рубля. Число лицъ, получившихъ ссуды, около 520, такъ что на каждое изъ нихъ приходится въ среднемъ около 20 руб. въ годъ, сумма крайне незначительная, а между тѣмъ просьбъ о ссудахъ поступало такъ много, что часто приходилось отказывать въ нихъ за недостаткомъ средствъ. Для уплаты за слушаніе лекцій комитетомъ выдано было въ прошломъ году 6685 р., причемъ и здѣсь по той же причинѣ пришлось много просьбъ совсѣмъ отклонить, а многія удовлетворить лишь отчасти, внося за просителя четвертую долю требуемой суммы.

Доходъ общества крайне незначительный: всѣ поступленія его въ 1893 году исчисляются въ 22½ тысячи руб., слагаясь преимущественно изъ пожертвованій и случайныхъ поступленій (7,887 р.), процентовъ на капиталы общества (2,634 р.), членскихъ взносовъ (3,535 р.) и возврата ссудъ (7,949 р.). Особеннаго вниманія заслуживаетъ послѣдняя сумма. Съ основанія общества (въ 1873 году) по 1-е января 1894 г. выдано въ ссуду всего 265,229 р.; изъ нихъ остается въ долгу почти 174 тысячи рублей. Часть этого долга, конечно, безвозвратна, такъ какъ нѣкоторые должники умерли, ничего не оставивъ послѣ себя, а часть еще подлежитъ возвращенію, хотя и не скоро, такъ какъ иные должники находятся въ бѣдственномъ или стѣсненномъ положеніи, другіе недавно вышли изъ университета и еще не успѣли собраться со средствами, чтобы начать уплату. Но есть между должниками много и такихъ, которые могли бы расплатиться съ обществомъ вполнѣ или отчасти, и не дѣлаютъ этого или по небрежности и забывчивости, или по недостаточному пониманію обязанности, на нихъ лежащей. Очевидно, что между этими послѣдними есть много нравственныхъ недоумковъ.

Въ спискѣ неисправныхъ должниковъ, составленномъ комитетомъ, избраннымъ для изысканія мѣръ къ болѣе успѣшному возврату долговъ, числится 2,747 лицъ, получавшихъ ссуды отъ 1873 по 1891 годъ.

О многихъ изъ нихъ коммиссія не имѣетъ точныхъ свѣдѣній и можетъ дѣйствовать на нихъ только путемъ газетныхъ и журнальныхъ объявленій, съ другими она входитъ въ письменныя сношенія, и только въ случаѣ полной безнадежности этихъ средствъ предъявляетъ къ нимъ требованія судебнымъ порядкомъ.

До 1-го января 1894 года, такихъ процессовъ было начато 97 на сумму 4,413 р., при чемъ всѣ лица, къ которымъ предъявили иски, имѣли, повидимому, болѣе или менѣе обезпеченное матеріальное положеніе. Между ними встрѣчались доктора, адвокаты, мировые судьи, судебные слѣдователи, податные инспектора, чиновники акцизные и таможенные, инспектора и преподаватели гимназіи, одинъ преподаватель университета, одинъ священникъ, два секретаря редакціи повременныхъ столичныхъ изданій, а также чиновники разныхъ министерствъ и высшихъ правительственныхъ учрежденій.

Въ процессахъ, такимъ образомъ, возникшихъ, часто встрѣчаются эпизоды весьма некрасиваго свойства. Одинъ изъ должниковъ служитъ секретаремъ редакціи одного столичнаго журнала. Послѣ обычныхъ четырехъ напоминаній, оставшихся безъ отвѣта, пришлось предъявить къ нему судебный искъ, получить исполнительный листъ и обратить вниманіе на жалованье должника, получаемое изъ редакціи. Но редакторъ, не отвергая службы у него должника, отвѣтилъ судебному приставу, что будто бы должникъ никакого жалованья отъ него не получаетъ. Коммисія лишена была возможности провѣрить этотъ невѣроятный фактъ, но если отвѣтъ редактора правиленъ, то тѣмъ менѣе понятнымъ является упорство должника, такъ какъ очевидно, что работая даромъ въ редакціи, онъ имѣетъ такъ называемыя личныя средства къ жизни и, слѣдовательно, могъ бы заплатить незначительный долгъ. Другой должникъ, нѣкто К. служитъ въ одномъ изъ высшихъ правительственныхъ учрежденій, получаетъ до 3,000 р. и долженъ обществу всего 220 р. При личномъ объясненіи съ повѣреннымъ общества онъ изъявилъ согласіе платить 10 р. въ мѣсяцъ, но обѣщанія своего не исполнилъ. Когда къ нему былъ предъявленъ судебный искъ, онъ исходатайствовалъ у мироваго судьи разсрочку платежа по 10 р. въ мѣсяцъ, но съ мая до декабря ни одного платежа отъ него не поступило. Тогда повѣренный получилъ исполнительный листъ и передалъ судебному приставу для взысканія съ жалованія должника. Тутъ только обнаружилось, что г. К. вносилъ въ уплату долга ежемѣсячно по 10 р. въ губернское казначейство въ депозиты мироваго судьи, но при

этомъ не только не счелъ нужнымъ увѣдомить о томъ комитетъ, но даже не предъявлялъ судьѣ квитанцію о взносѣ этихъ денегъ.

Въ отчетѣ общества встрѣчается такой фактъ. Какой-то профессоръ университета (медикъ) отвѣтилъ представителю комиссіи на его напоминаніе о студенческомъ долгѣ обществу слѣдующимъ письмомъ:—«Посылаю вамъ 10 рублей въ счетъ моего долга обществу и покорнѣйше прошу освободить меня отъ вашихъ дерзкихъ писемъ. Они неприличны; *) такъ не пишутъ въ порядочномъ обществѣ профессорамъ. Я самъ знаю, кому я долженъ, когда мнѣ есть возможность платить долги. Возможность эта часто бываетъ невозможной, такъ какъ я имѣю пять человѣкъ дѣтей, а жалованья получаю двѣ тысячи. Кстати, посылаю вамъ росписку отъ прочитанной лекціи въ пользу недостаточныхъ студентовъ, изъ которой вы увидите, что я уже расплатился съ русскимъ обществомъ вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ».

Приложенная росписка, дѣйствительно, удостовѣряла, что профессоръ гдѣ-то и когда-то прочиталъ публичную лекцію въ пользу недостаточныхъ студентовъ. Но нашлись и такихъ четыре должника общества, которые противопоставили его искамъ возраженіе о давности, прикрываясь формальностью именно въ такомъ дѣлѣ, гдѣ о ней не должно быть и рѣчи.

Сообщая о такихъ грустныхъ фактахъ, комиссія проситъ всѣхъ, кому попадется въ руки ея отчетъ, воздержаться отъ сообщенія излагаемыхъ въ отчетѣ фактовъ, и не ставить ихъ въ пассивъ всей нашей университетской интеллигенціи.

«Явленія эти, говоритъ комиссія, представляютъ лишь ничтожное исключеніе. Достаточно вспомнить, что изъ 8000 р. полученныхъ въ возвратъ ссуды въ 1893 г. лишь 540 р., т. е. едва 7% взыскано судебнымъ порядкомъ, а остальные 93% уплочены добровольно.

Дѣйствительно, грубые отвѣты и кляузническіе пріемы можно признать за исключеніе, но далеко не исключеніе самый фактъ невозвращенія ссуды.

Конечно,—говоритъ ж. «Вѣстникъ Европы» (1894 г. № 5), передавая содержаніе отчета общества,—мы не думаемъ ставить этихъ фактовъ въ пассивъ всей университетской интеллигенціи, мы не можемъ только не видѣть въ нихъ указаніе на то, что въ нашемъ обществѣ слишкомъ слабо еще развито сознаніе одной изъ важнѣйшихъ его обязанностей—обязанности помогать ищущимъ образованія, ищущимъ не смотря на всѣ преграды, среди самой неблагопріятной обстановки.

---

*) Дерзость и неприличіе, по мнѣнію этого профессора, заключается только въ томъ, что въ заголовкѣ на печатномъ бланкѣ не было переправлено напечатанное слово „господину такому-то“.

Прежде всего и больше всего эта обязанность лежитъ, конечно, на тѣхъ, которые сами воспользовались въ свои учебные годы поддержкой учрежденій, созданныхъ общественной инициативой. Они не вправѣ забывать, что фондъ, должниками котораго они состоятъ, принадлежитъ, собственно говоря, всей учащейся молодежи, нынѣшніе представители которой не должны страдать отъ беззаботности своихъ предшественниковъ.

Оправдать неисправность въ уплатѣ такого долга можетъ только совершенное отсутствіе средствъ, тѣмъ болѣе, что цифра каждаго отдѣльнаго долга вообще не велика, а общество согласно на всевозможныя условія, весьма удобныя для должниковъ. Будутъ ли уплачивать ему должники сразу или съ разсрочкой, будутъ ли вносить по 10 рублей или по рублю—оно на все согласно. Вопросъ здѣсь не во времени уплаты долга, а въ самой уплатѣ.

Отказъ же платить долгъ, и мотивировка этого отказа давностью—прямо говорятъ не въ пользу такихъ безсовѣстныхъ людей.

IX.

По этому же поводу въ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» недавно (1894 г. № 233) была помѣщена одна статейка, не безъинтересная для многихъ. Мы приводимъ ее почти дословно, полагая, что читатели наши еще не знакомы съ нею, и едва ли будутъ имѣть возможность когда-либо познакомиться.

Провинціальная газета, да къ тому же оффиціальный органъ читается лишь меньшинствомъ, и слѣдовательно, наше предположеніе болѣе, чѣмъ вѣроятное. Вотъ содержаніе этой статьи:

«Въ нашей газетѣ въ свое время было сообщено, что общество пособія недостаточнымъ студентамъ харьковскаго университета въ общемъ собраніи своихъ членовъ постановило обратиться къ должникамъ общества, не платящимъ своего долга, съ просьбою объ уплатѣ такового, и съ предупрежденіемъ, что къ тѣмъ изъ нихъ, которые къ 1 іюля настоящаго года не приступятъ къ погашенію долга, будетъ предъявленъ судебный искъ. Мотивомъ къ такому постановленію послужила крайняя неисправность весьма многихъ должниковъ общества, которые, взявъ у него ссуды съ обязательствомъ возвратить ихъ по поступленіи на службу, не погасили изъ нихъ ни копѣйки, не смотря на то, что нѣкоторые изъ должниковъ состоятъ на службѣ десятки лѣтъ. Такихъ неуплаченныхъ ссудъ накопились десятки тысячъ рублей, а въ то же время общество подчасъ настолько нуждается въ деньгахъ, что принуждено отказывать даже въ скромномъ пособіи студентамъ, находящимся въ крайней

нуждѣ. Исполняя вышеизложенное постановленіе общаго собранія, комитетъ общества разослалъ неисправнымъ должникамъ письма съ приложеніемъ литографированной выписи этого постановленія. Результаты этой мѣры оказались очень хорошими: съ мая мѣсяца по настоящее время возвращено долговъ на 6,500 руб. (половина этой суммы, согласно уставу, отчислена на основной капиталъ общества).

Всѣ должники, отъ которыхъ поступилъ возвратъ ссудъ, благодарятъ за напоминаніе и извиняются за поздній платежъ. Иные объясняютъ свою неисправность запамятованіемъ, иные — стѣсненнымъ матеріальнымъ положеніемъ, иные откровенно сознаются, что не платили вслѣдствіе русской привычки откладывать дѣло со дня на день. Нѣкоторые, ссылаясь на стѣсненныя обстоятельства, возвращаютъ часть ссуды и просятъ разрѣшенія погашать остальной долгъ періодически. Комитетъ никого изъ должниковъ не стѣсняетъ, соглашается на какія угодно разсрочки (нѣкоторые признаютъ возможнымъ уплачивать всего лишь по 5, даже по 4 рубля въ мѣсяцъ) и ни къ кому еще иска не предъявилъ. Тѣмъ болѣе удивительнымъ оказывается дерзкое и неприличное письмо, присланное однимъ изъ должниковъ общества вмѣстѣ со своимъ долгомъ въ 200 рублей, слѣдующаго содержанія:

«При семъ въ уплату состоящаго за мною долга обществу для пособія нуждающимся студентамъ Императорскаго харьковскаго университета посылаю боевому и задорному комитету такового же общества литографированную его «выпись» и двѣсти рублей на судебныя издержки по преданію суду всѣхъ, у кого денегъ нѣтъ и не будетъ 1 іюля 1894 года. Боже избави моихъ бѣдныхъ товарищей отъ сутяжничества съ нашимъ благотворительнымъ комитетомъ».

Нѣкоторая косноязычность этого письма и его гарнизонное остроуміе дѣлаютъ его трудно варимымъ. Но ясно, что авторъ считаетъ себя въ правѣ обидѣться и говорить дерзости комитету за то, что послѣдній воспользовался своимъ правомъ, и моральнымъ и юридическимъ, напомнить автору данное имъ много лѣтъ тому назадъ обязательство возвратить 200 рублей, полученные имъ въ трудныя минуты его жизни въ видѣ ссуды, съ предупрежденіемъ, что къ таковому возврату можно принудить и судомъ. Въ его глазахъ «боевымъ», «задорнымъ» и «сутяжническимъ» является тотъ самый комитетъ и то самое общество, которые отъ иныхъ должниковъ по двадцати лѣтъ ожидало добровольной уплаты. Авторъ письма не хочетъ понять, что общество добивается возврата должныхъ ему денегъ не изъ каприза, не изъ страсти къ «сутяжничеству», а для того, чтобы имѣть возможность помогать студентамъ-бѣднякамъ, которымъ иногда бываетъ нечего ѣсть, нечѣмъ платить за слушаніе лекцій, у которыхъ средства къ жизни ограничиваются «пятью

рублями въ мѣсяцъ, получаемыми изъ дому, плюсъ уроки, которыхъ въ настоящее время нѣтъ» (такъ характеризовали студенты рессурсы одного изъ своихъ товарищей, обратившагося недавно съ просьбой о помощи).

Къ чести бывшихъ воспитанниковъ нашего университета надо сказать, что изъ сотни писемъ, полученныхъ отъ должниковъ общества, вышеприведенное оказалось единственнымъ въ своемъ родѣ. Всѣ остальные должники, какъ сказано выше, только благодарятъ за напоминаніе и съ признательностью вспоминаютъ помощь, нѣкогда оказанную имъ обществомъ. Нѣкоторые, возвращая свой долгъ, присоединяютъ къ нему и пожертвованія, иногда довольно крупныя: такъ одинъ изъ должниковъ къ 90 руб. долга присоединилъ 110 р. пожертвованія при благодарственномъ письмѣ. Въ заключеніе не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести въ pendant къ вышеприведенному письму еще одно добродушно-веселое письмо, полученное комитетомъ отъ одного должника, саперная офицера.

Вотъ содержаніе этого письма:

«Я получаю, за всѣми обязательными вычетами, менѣе 500 руб. въ годъ и уплатить долгъ сразу не могу. Вотъ, когда въ военные инженеры выйду, тогда будетъ другое дѣло, а теперь посылаю обществу четыре (4) руб. и впредь ежемѣсячно буду высылать не менѣе четырехъ рублей, пока не выплачу своего студенческаго долга. А напоминаніе придумано ладно, а то безъ него, по слабости человѣческой, все откладываешь да откладываешь уплату».

«Не въ цѣляхъ скорѣйшаго полученія обществомъ долга, который и теперь авторомъ письма высылается исправно, а за его добродушіе и веселость отъ души желаемъ автору поскорѣе «выйти въ военные инженеры».

Мы съ цѣлью такъ долго останавливались на этихъ фактахъ, чтобы читатели наши могли составить себѣ ясное понятіе о томъ ненормальномъ явленіи, которое такъ бьетъ въ глаза, чтобы они сами могли убѣдиться въ законной необходимости исполнять свои нравственныя обязанности и свой долгъ, чтобы они, наконецъ могли знать, какъ относится наша пресса къ подобнымъ явленіямъ и какъ она караетъ печатнымъ словомъ всѣхъ нравственныхъ недоумковъ.

Общее мнѣніе прессы въ большинствѣ случаевъ принимается и усваивается интеллигентнымъ обществомъ. И мы желали бы, чтобы и то мнѣніе, которое высказала пресса по поводу разсматриваемаго нами вопроса, сдѣлалось мнѣніемъ каждаго нравственно развитого

человѣка. Это мнѣніе можетъ оспаривать только тотъ, у кого совѣсть заплѣсневѣла и покрылась тиной.

Только такой человѣкъ и можетъ отказаться отъ помощи учащейся молодежи, воспользовавшись самъ, какъ воръ, пособіемъ изъ того фонда, который всецѣло принадлежитъ той же учащейся молодежи.

X.

Кромѣ главныхъ вышеуказанныхъ статей студенческаго дохода, есть еще и другіе, хотя и незначительные источники. Сюда прежде всего относится переписка всевозможныхъ дѣловыхъ бумагъ. Трудъ этотъ самый тяжелый и самый невыгодный въ отношеніи гонорара, и студенты занимаются имъ лишь въ исключительныхъ, крайнихъ случаяхъ, бросая его при первой же возможности пріобрѣсти себѣ урокъ, хотя бы даже и «грошевый». Въ самомъ дѣлѣ, переписываніе какого-нибудь канцелярскаго «дѣла» требуетъ прежде всего усидчиваго и утомительнаго напряженія. Листъ бумаги, обыкновенно, можно переписать разборчивымъ почеркомъ въ полтора—два часа, и за него обыкновенно платятъ 20—25 коп. Слѣдовательно, чтобы заработать въ день хоть 60 коп., нужно сидѣть 5—6 часовъ не разгибая спины, тогда какъ тѣ-же 60 коп. можно заработать за часовой, или въ крайнемъ случаѣ за двухчасовой репетиторскій урокъ. Затѣмъ, кромѣ траты времени, здѣсь тратится еще энергія и притомъ въ гораздо большей степени, чѣмъ во время занятія съ ученикомъ, устаешь гораздо сильнѣе, и чувствуешь себя послѣ этого обыкновенно, разбитымъ, вялымъ, такъ что пропадаетъ всякая охота, даже всякая возможность заниматься послѣ переписыванія бумагъ какимъ-нибудь другимъ дѣломъ. Но бываютъ, конечно, такія тяжелыя обстоятельства въ жизни нѣкоторыхъ студентовъ, когда они согласны и на этотъ кропотливый трудъ, лишь бы заработать себѣ буквально на «хлѣбъ».

Къ счастью или къ несчастью, но все-таки это занятіе попадается рѣдко, такъ какъ всевозможныя пишущія машины, работающія втрое скорѣе человѣка, совершенно устраняютъ спросъ въ различныхъ переписчикахъ и «каллиграфахъ».

Кстати сообщимъ, что мы знаемъ студента, работающаго на Ремингтонѣ и получающаго въ одной частной конторѣ за этотъ трудъ отъ 1½ до 2 рублей ежедневно за нѣсколько часовъ занятія. И этотъ примѣръ, вѣроятно, не единственный. Вообще же желающихъ учиться работать на пишущей машинѣ среди студентовъ много. Иные студенты зарабатываютъ деньги литературными заня-

тіями, какъ-то: всевозможными компиляціями, переводами, отчетами о засѣданіяхъ различныхъ обществъ, а иногда и оригинальными произведеніями. Большую помощь при такихъ занятіяхъ приноситъ знаніе стенографіи. И есть нѣсколько студентовъ, хорошо владѣющихъ стенографіей.

Плата за литературную работу бываетъ различная. Но такая работа доступна не каждому. Тутъ нужна сноровка, умѣнье, а иногда и дарованіе.

Изданіе лекцій также является доходной статьей нѣкоторыхъ студентовъ.

И, наконецъ, въ видѣ исключенія уже, можно привести и такой примѣръ. Одинъ студентъ университета, не имѣя никакихъ средствъ къ существованію, хлопоталъ о казенной стипендіи, но вмѣсто нея получилъ только единовременное пособіе въ 50 рублей. Тогда онъ, проведя первый годъ своего студенчества въ крайне бѣдственномъ положеніи, на слѣдующій годъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ матерью и съ тремя стами рублей, вырученныхъ отъ продажи родной хаты. Наняли они квартиру въ нѣсколько комнатъ на Васильевскомъ Островѣ, отдавали затѣмъ ихъ въ наймы студентамъ и такимъ образомъ существовали. Но что это было за существованіе? — тяжело и говорить. Студенты, какъ обыкновенно это водится, денегъ часто не платили въ срокъ, иные и вовсе не могли заплатить сполна, квартира иногда пустовала, и случались дни, когда не на что было купить хлѣба.

Вотъ, если и не полная, то по крайней мѣрѣ болѣе или менѣе подробная картина жизни нашей учащейся молодежи.

Правда, мы больше останавливались на фактахъ, относящихся только къ петербургскимъ студентамъ, но едва-ли есть какая-либо большая разница въ положеніи студентовъ, живущихъ въ столицѣ и въ провинціи.

Такъ живутъ наши будущіе инженеры, техники, строители, лѣсничіе, электротехники, медики, педагоги, юристы; словомъ, всѣ наши будущіе общественные дѣятели, будущіе борцы за промышленную независимость Россіи, за умственное развитіе родины и, вообще, борцы за культуру и прогрессъ родного края.

Конечно, есть и пустоцвѣты среди этой сильной, энергичной молодежи, но меньшинство.

Прошли, конечно, уже тѣ времена, когда студенты имѣли общіе сапоги, общую шинель или даже «плащикъ», но все-таки и въ настоящее время положеніе ихъ крайне незавидное.

Остается теперь еще одинъ вопросъ: Есть-ли лица, которыя

сочувствуютъ бѣдственному положенію студентовъ, которыя оказываютъ имъ посильную помощь? Да, есть, отвѣтимъ мы, но такихъ лицъ десятки, а недостаточныхъ студентовъ тысячи, такъ какъ главный процентъ ихъ составляетъ пролетаріатъ, стремящійся освободиться отъ своего незавиднаго положенія и,—правду сказать,—весьма способный къ умственному труду.

Откуда же является помощь? и въ чемъ она выражается?

Вотъ нѣсколько газетныхъ замѣтокъ, которыя отвѣтятъ на этотъ вопросъ.

— Въ теченіе второй половины мая и іюня мѣсяцевъ сего (1894) года комитетомъ общества выдано: денежныхъ пособій 31 студенту, на сумму 563 р. 30 коп. и ссудъ подъ стипендіи на 1,055 руб. 44 коп., въ испытательныя коммиссіи внесено за 5 студентовъ 100 рублей. Пользовались даровыми обѣдами—520 человѣкъ.

— Въ четвергъ, 17 марта (1894 г.) въ залѣ городской думы читалось двѣ лекціи въ пользу нуждающихся студентовъ военно-медицинской академіи. Приватъ-доцентъ А. А. Липскій сообщалъ о здоровьѣ петербургскаго населенія, а приватъ-доцентъ М. Д. ванъ-Путеренъ—объ искусственномъ вскармливаніи дѣтей у различныхъ народовъ.

— Послѣдній концертъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ Горнаго института далъ чистаго дохода 5,386 руб., на 2,286 руб. больше, чѣмъ въ прошломъ году. Крупнѣйшую статью прихода представляла плата за почетные билеты. За 70 такихъ билетовъ выручено 1,400 руб.

— Профессоръ О. И. Пастернацкій опять пожертвовалъ въ общество для пособія нуждающимся студентамъ военно-медицинской академіи весь причитавшійся ему за полугодіе гонораръ за лекціи (326 руб. 63 коп.).

— Вдова т. с. В. О. Костарева пожертвовала московскому университету 2,000 руб. для взноса изъ процентовъ съ этого капитала платы за слушаніе лекцій за одного изъ бѣднѣйшихъ студентовъ юридическаго факультета, безъ различія исповѣданія, по усмотрѣнію правленія университета. На медицинскомъ факультетѣ того же университета учреждена стипендія изъ процентовъ съ капитала въ 6,000 руб., завѣщаннаго штабъ-ротм. М. И. Головинымъ.

— В. П. Кельхъ пожертвовала 23,000 руб. на стипендіи въ томскомъ университетѣ, а народный учитель В. А. Бѣлоголовый изъ Тянь-Цзина прислалъ 1,600 руб. на открытіе при томъ же университетѣ общества для вспомоществованія студентамъ.

— Инспекторъ студентовъ московскаго университета г. Добровъ сообщаетъ, что имъ были получены денежныя пожертвованія, боль-

шею частью отъ неизвѣстныхъ ему лицъ, на взносъ платы за студентовъ, подлежащихъ увольненію за невзносъ оной. Онъ считаетъ долгомъ увѣдомить неизвѣстныхъ ему жертвователей, что деньги эти употреблены по назначенію, и уволенныхъ этой категоріи студентовъ благодаря щедрымъ жертвователямъ въ настоящемъ полугодіи нѣтъ.

Достаточно и этихъ разнообразныхъ фактовъ, чтобы читатель видѣлъ, откуда и какая идетъ помощь. Концерты, публичныя лекціи и щедрыя пожертвованія изъ различныхъ уголковъ европейской и азіятской Россіи — вотъ тѣ средства, которыя хотя нѣкоторымъ изъ всей массы бѣдствующей учащейся молодежи даютъ право учиться, чтобы быть потомъ полезными гражданами родной земли...

А кто не помнитъ слѣдующее замѣчательное по оригинальности событіе, бывшее въ концѣ прошлаго года. Является въ канцелярію московскаго университета неизвѣстный господинъ и спрашиваетъ:— «Сколько студентовъ не внесли платы за слушаніе лекцій?» Сказали ему.—«Сколько же слѣдуетъ за всѣхъ ихъ внести?»—«Четыре тысячи восемьсотъ рублей!»—«Получите!» Вынулъ бумажникъ, отсчиталъ сказанную сумму, положилъ на столъ, поклонился и уѣхалъ.

Иногда помощь идетъ и отъ самихъ студентовъ, болѣе или менѣе обезпеченныхъ. Такъ, въ прошломъ году студенты Лѣсного института устроили складчину и внесли полугодовую плату (25 р.) за слушаніе лекцій за двухъ недостаточныхъ студентовъ.

На помощь студентамъ идетъ также и правительство, освобождая отъ платы за право ученія лучшихъ изъ недостаточныхъ студентовъ (о стипендіяхъ мы уже говорили раньше).

А теперь, прежде чѣмъ положить перо, мы считаемъ долгомъ выразить надежду, что тѣ, которые сочувствуютъ просвѣщенію и большему распространенію высшаго образованія, обратятъ свое вниманіе на бѣдственное положеніе учащейся молодежи.

Вызвать къ ней сочувствіе — было цѣлью нашей статьи. Но нужно ли договаривать, что сочувствіе безъ посильной матеріальной помощи—это тѣ же цвѣты безъ плодовъ, т. е. пустоцвѣтъ.

И. Подольскій.

Въ царствѣ Терпсихоры.

(Записки русской танцовщицы).

I.

Годы ученья.

— Mesdames, 10 минутъ осталось до молитвы!.. вставайте!..

Оглушительный звонокъ раздается по всему огромному дортуару, но старшія воспитанницы продолжаютъ невозмутимо спать или, вѣрнѣе, упрямо лежать, потому что звонокъ уже давно разбудилъ ихъ и не перестаетъ назойливо звенѣть у каждой кровати полусонныхъ лѣнивицъ.

— Mesdames, я иду сзывать на молитву!..

Звонокъ въ послѣдній разъ оглашаетъ спальню, и классная дама величественно выплываетъ въ коррид оръ; черезъ нѣсколько минутъ изъ столовой несется нестройное пѣніе маленькихъ воспитанницъ. Регентши нѣтъ—она еще изволитъ спать.

Во время молитвы, одна за другой, немытыя, непричесанныя, сонныя идутъ „старшія“. Съ послѣдними словами м о литвы раздается оглушительный хохотъ. Классная дама въ ужасѣ оборачивается...

Въ дверяхъ стоитъ одна изъ великовозрастныхъ воспитанницъ, красивая брюнетка съ большими сѣрыми глазами и молочно-бѣлымъ цвѣтомъ лица. Волосы ея распущены; они украшены небрежно надѣтымъ лавровымъ вѣнкомъ; пелеринка—на подобіе плаща—накинута на плечи, одно изъ которыхъ совсѣмъ обнажено; въ рукахъ у нея букетикъ изъ живыхъ цвѣтовъ. Воспитанница невозмутимо проходитъ всю столовую и садится на свое мѣсто. Увидавъ, что копѣечный

розанчикъ не поджаренъ, она дѣлаетъ строгій выговоръ маленькой, на обязанности которой лежитъ поджаривать каждое утро ея булки; за неисполненіе этого она наказывалась стояніемъ у печки. Появленіе начальницы ровно ничего не измѣняетъ: воспитанница была ея любимицей и за свою красоту пользовалась привиллегіями, недоступными некрасивымъ.

Вообще, начиная отъ начальницы и кончая ламповщикомъ, всѣ въ этомъ раю прелестныхъ пэри поклонялись только красотѣ; ни умъ, ни способности и дарованье, ни характеръ здѣсь не играли никакой роли. Напротивъ малѣйшій проблескъ мысли встрѣчалъ только насмѣшку.

Чѣмъ воспитанницы были глупѣе, тѣмъ онѣ были красивѣе... Нѣкоторыя положительно отличались феноменальной глупостью: напримѣръ, учитель ариѳметики спросилъ однажды одну очень хорошенькую блондинку:

— Сколько въ десятирублевкѣ пятирублевокъ?

И, послѣ долгаго, глубокомысленнаго раздумья, она отвѣчала:

— Пять...

Это была „почти“ выпускная и ей было около семнадцати лѣтъ.

Другая никакъ не могла запомнить, чьимъ сыномъ былъ Петръ Великій и, отвѣчая урокъ, неизмѣнно рапортовала:

— Петръ Великій, сынъ Іоанна Грознаго...

Третья настойчиво называла Ладожское озеро Чернымъ моремъ, а Аппенинскія горы искала въ Кавказскомъ хребетѣ.

Но всѣхъ примѣровъ не перечесть.

Красавицы цѣлыми днями слонялись по дортуарамъ, ничего не дѣлая, болтая между собой о поклонникахъ и ухаживателяхъ или о предстоящемъ выпускѣ; никогда не было рѣчи о томъ, какъ сложится жизнь, не было заботы о будущемъ, боязни этого неизвѣстнаго будущаго и вообще никакихъ сомнѣній. Этихъ красивыхъ куколокъ заботилъ только вопросъ, насколько роскошно будетъ выпускное платье и будетъ-ли взята родными на лѣто дача, гдѣ именно и какая? А откуда эти родные возьмутъ средства для роскошнаго платья и на наемъ дачи въ модномъ лѣтнемъ мѣстѣ—какое имъ дѣло?.. Развѣ онѣ знаютъ, развѣ имъ говорили, что тамъ, за ихъ высокими стѣнами есть холодъ, голодъ и нищета?.. Безумныя маменьки и шальные папеньки, возлагая надежды на красоту

своихъ дочерей, все время скрывали отъ нихъ, что втеченіе долгихъ лѣтъ ученія, пока ихъ Вѣрочки, Любочки и Танечки жили въ теплѣ и холѣ, они—отцы, матери, сестренки и братья—холодали, голодали и подчасъ терпѣли жестокую нужду. „Вѣрочка счастливая, Вѣрочка талантъ... а вы—будущіе сапожники и портнихи, — терпите... быть можетъ она и вамъ кинетъ когда-нибудь крошку со своего роскошнаго стола!..“ таковы были тайныя мысли счастливыхъ родителей „прелестныхъ пэри“.

И сестры и братья терпѣли, надѣясь на Вѣрочку, ожидая, что она когда-нибудь щедро заплатитъ имъ за ихъ долготерпѣніе...

Какъ они ей завидовали, когда имъ случалось увидѣть ее—нарядную и красивую — выпархивающею съ воздушной легкостью и граціей изъ казенной кареты! Какъ они жадно ловили ея взглядъ, ея улыбку, чтобы потомъ имѣть возможность съ гордостью сказать своимъ товарищамъ:

— А у меня сестра въ каретѣ ѣздитъ!

И эта сестра отворачивалась отъ нихъ, стыдясь своихъ ненарядныхъ братьевъ, неуклюжихъ сестеръ, непрезентабельныхъ родителей...

Ахъ, красота—это страшная сила! Потому страшная, что она стихійная... Какъ талантъ, она дается отъ Бога и съ съ нею нужно обращаться бережно и не злоупотреблять ея пагубной властью. Власть красоты—огромная власть: она можетъ поднять, какъ можетъ унизить; она приноситъ много радостей, но еще больше горя!..

Въ училищѣ красавица воспитанница, хорошѣя день ото дня, постепенно растеривала большую часть своихъ душевныхъ качествъ. Изъ тихой, любящей, покорной, застѣнчивой, неиспорченной дѣвочки, готовой на все хорошее, она быстро превращалась въ холодную, надменную и надутую „красавицу“, сознающую свою красоту и думающую только о себѣ и о своемъ личикѣ. А окружающіе ее, вмѣсто того, чтобъ развивать хорошіе и искоренять дурные инстинкты, дѣлали все, чтобы всячески заглушить то хорошее, что есть въ каждомъ ребенкѣ...

Приводилась дѣвочка восьми, девяти лѣтъ на смотръ. И чѣмъ красивѣе, чѣмъ нарядиѣе она была одѣта, тѣмъ больше имѣла шансовъ быть принятой,—сперва приходящей, а по-

томъ, если была ужъ очень хорошенькая или обладала огромной протекціей, принималась „въ казну“. Но для этого нужны были именно только эти два послѣднія условія: красота и протекція—два sine qua non. Ни прилежаніе, ни добрая нравственность, ни видимый талантъ не принимался во вниманіе, если не было красоты или протекціи. Весь этотъ тупоголовый ареопагъ, возсѣдающій на пріемномъ смотру, не всегда могъ сообразить, что, какъ изъ хорошенькой восьмилѣтней куколки черезъ десять лѣтъ могла выдти некрасивая дѣвушка, такъ и изъ некрасиваго подросточка могла выдти впослѣдствіи прехорошенькая корифейка, нелишенная таланта, и что зачатки такового разрабатываются прилежаньемъ, стараньемъ, выучкой и трудомъ.

И вотъ десяти, одиннадцати лѣтъ дѣвочка всякими правдами и неправдами попадаетъ наконецъ „въ казну“. Завѣтная мечта каждой маменьки! Да и какъ не мечтать объ этомъ? Дочь будетъ одѣта, обута, сыта и въ теплѣ, а въ будущемъ... Оно представляется передъ глазами маменьки такимъ радужнымъ! И не чуетъ бѣдное материнское сердце, что пройдутъ годы—и эта дѣвочка, которая теперь горько плачетъ при разлукѣ съ родными, будетъ потомъ стыдиться скромнаго стараго платья своей матери. Бываютъ конечно исключенія, но рѣдкія и преимущественно изъ тѣхъ воспитанницъ, которыя въ казну попадали въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, приблизительно лѣтъ около четырнадцати.

Разница между тѣми и другими громадная. Однѣ отвыкаютъ отъ здравой самостоятельной жизни и привыкаютъ къ роскоши. Другія—съ девяти лѣтъ начинаютъ уже жить самостоятельно. Вотъ, какой нибудь генеральшѣ Бутузовой понравилась шустрая или напротивъ тихая дѣвочка—дочь ея старшей горничной.

— Хочешь, Маша, я сдѣлаю твою Таню счастливой? вѣкъ за меня будешь Бога молить!...

И вотъ Таня милостями генеральши принята приходящей въ училище. Но генеральша вскорѣ забываетъ Таню; вѣдь она туда не одну ее опредѣлила: дочь кучера Алексѣя тамъ; племянница камердинера граф. С. тамъ; незаконная дочь генерала Т. и законная дочь генеральшиной подруги, полковницы изъ бѣдныхъ, тоже тамъ... И всѣ эти дѣти, вырванныя протекціей изъ лона родительскихъ семей, изъ тяжелыхъ соціальныхъ

условій, отданы на жертву красивой, изящной, но коварной Терпсихорѣ. Это дикіе цвѣтки, случайно скошенные косой съ некультурныхъ полей и искусственно пересаженные въ душную и растлѣвающую атмосферу теплицы; многіе изъ нихъ акклиматизируются въ этой атмосферѣ и принимаютъ окраску и запахъ настоящихъ культурныхъ цвѣтовъ; но опытный глазъ всегда съумѣетъ отличить тѣ темные инстинкты происхожденія, которые тяготѣютъ надъ этими искусственно взрощенными цвѣтами. Рѣдкіе изъ нихъ сохраняютъ еще свѣжесть полей и почти никого изъ нихъ не тянетъ вновь подъ открытое небо, на ширь и просторъ, въ прежнюю темную и бѣдную, но чистую обстановку, подъ ливень дождя, подъ лѣтній зной или осенній холодъ... Да и не все-ли равно, какъ погибнуть? Не все-ли равно, быть сорваннымъ стихійной бурей или задушеннымъ вредной атмосферой теплицы? Быть срѣзаннымъ тяжелой косой земледѣльца, снискивающаго въ тяжелой борьбѣ за существованіе свое пропитаніе, или быть сорваннымъ рукою садовника для украшенія какой-нибудь хоромины святого мецената? Люди вездѣ люди. И чѣмъ хуже быть жрицей Терпсихоры, чѣмъ женой изнывающаго подъ бременемъ нужды труженика?

Вотъ, рано утромъ, нѣсколько приходящихъ дѣвочекъ бѣгутъ въ училище, откуда нибудь съ Галерной Гавани, изъ подъ Александро-Невской лавры или съ Васильевскаго острова; къ 10 ч. утра онѣ должны быть уже на мѣстѣ, чтобы безъ отдыха простоять полтора часа „у палки“, выдѣлывая антраша. Сколько надо силы, безропотности и дѣтской надежды на что-то свѣтлое, на блестящее будущее, чтобъ переносить изъ года въ годъ подобную жизнь! Осенью въ грязь, зимою въ морозъ дѣвочка плетется, нѣсколько верстъ, иногда голодная, иногда больная, едва одѣтая, въ надеждѣ, что она въ концѣ концовъ обогрѣется и хотя нѣсколько часовъ проведетъ между нарядно одѣтыми воспитанницами; эти нѣсколько часовъ дадутъ ей хотя забвеніе о домашней нищетѣ. Иногда товарки ея, принесшія съ собой завтракъ, или казенная воспитанница дастъ и ей поѣсть. Въ четыре часа она опять идетъ обратно для того, чтобы наскоро съѣсть тарелку жидкаго супу, а вечеромъ плестись въ театръ; а оттуда опять домой, въ холодный подвалъ, на жесткую постель, въ безнадежно-унылую обста-

новку. И вотъ тогда только бѣдное, уставшее тѣльце ея отдыхаетъ отъ заботъ многотруднаго дня. Ничего, что ему жестко и холодно, оно такъ утомлено, что не чувствуетъ этихъ неудобствъ. А сны, золотые, чудные сны юности навѣваютъ ей сладкія грезы за ея долготерпѣніе и безропотность, суля въ будущемъ счастье... Сомнительное счастье скорѣе похоже на горе... Видитъ она себя во снѣ не приходящей, а воспитанницей; она чиста одѣта, сыта, ей тепло; вотъ она вышла изъ училища; имѣетъ свой кусокъ хлѣба (приходящая конечно не мечтаетъ о всемірной извѣстности); мать и сестренку она возьметъ изъ подвала, обогрѣетъ и одѣнетъ ихъ, и заживутъ онѣ тихо, хорошо и въ возможномъ довольствѣ. Иногда эти безпретензіонные сны сбываются, а иногда...

А вы думаете, эта десятилѣтняя дѣвочка не подмога въ домѣ? За свою вечернюю бѣготню въ театръ она получаетъ 50 к. И Боже мой, сколько радости, сколько надеждъ приноситъ этотъ полтинникъ въ семью! Если это торжество происходитъ въ очень бѣдной семьѣ, то на этотъ первый, заработанный дѣвочкой, полтинникъ чинятся сапожонки и ей самой и прочимъ членамъ семьи. Если-же въ болѣе достаточной, то за этотъ полтинникъ отецъ и мать покупаютъ мѣсто въ райкѣ и идутъ смотрѣть „первый дебютъ“ своей дочери въ какой-нибудь оперѣ вродѣ Іоанна Лейденскаго, гдѣ ихъ дѣтище выступаетъ во второй парѣ дѣвочекъ съ корзиночками цвѣтовъ, торжественно разбрасывая ихъ по сценѣ и усыпая ими путь Іоанна. Вѣрьте, что въ этотъ вечеръ въ театрѣ нѣтъ счастливѣе людей, какъ эти родители и эта дѣвочка.

Есть между приходящими и такія, которыя имѣютъ и теплыя шубки, завтракъ и сносный обѣдъ и даже... гривенникъ на конку! Но какъ-бы то ни было, и бѣдныя и богатыя (сравнительно), но всѣ онѣ дѣвочки безъ присмотра, брошенныя на произволъ судьбы съ десяти лѣтъ; всѣ онѣ бѣгаютъ по улицамъ или разъѣзжаютъ въ конкахъ совершенно однѣ Средства у ихъ родителей все-же столь ограничены, что гувернантокъ нанимать не изъ чего, самой матери провожать нельзя, она занята по хозяйству; дома вѣдь еще цѣлыхъ четверо, а отецъ зарабатываетъ гроши на семью. Дѣвочка „съ гривенникомъ на конку“ (туда и обратно) рѣдко пользуется правомъ ѣхать; ей болѣе улыбается перспектива купить на этотъ гривенникъ маковой халвы—дома эту роскошь вѣдь не часто

увидишь—и вотъ она бѣжитъ пѣшкомъ въ классъ. Иногда составляются коалиціи: собираются такихъ богачекъ нѣсколько и устраиваютъ складчину. Но перспектива полакомиться маковой халвой не можетъ преодолѣть физическихъ трудностей пути: все-таки лучше ѣхать по конкѣ, чѣмъ идти. И вотъ онѣ пускаются на хитрости: выждутъ, когда кондукторъ уйдетъ на верхъ, и прошмыгиваютъ въ вагонъ; двое садятся на мѣста, а другія двѣ на колѣни своимъ крошкамъ-товаркамъ; этотъ фокусъ иногда удавался и дѣвочки торжественно покупали на съэкономленный такой хитростью гривенникъ знаменитой маковой халвы и рагатъ-лукума. Когда же эта спекуляція не удавалась, то бѣдныя дѣвочки со слезами на глазахъ отдавали свои пятачки коварному и жестокому кондуктору. Бывало, что пассажиры, замѣчавшіе эти ухищренія, брали меньшую изъ проказницъ къ себѣ на руки и возвращали ей пятачекъ. Ради экономіи пускались и не на такія штуки: идутъ, напримѣръ, нѣсколько дѣвочекъ, направляясь къ конкѣ; вдругъ видятъ, ѣдетъ пустая казенная карета; у нихъ моментально является мысль сохранить двугривенный или четвертакъ и устроить на него въ училищѣ лукулловскій пиръ. Но какъ догнать карету? Положимъ, она ѣдетъ шагомъ, но по ту сторону улицы, которая ранней весной непроходима отъ грязи; однако долго думать нельзя: карета удаляется; дѣвочка побойчѣе рѣшается догнать ее: шагъ, и малютка по щиколодку въ грязи; остальныя, не смущаясь, слѣдуютъ за ней, крича и маша руками, Наконецъ останавливаютъ карету; кучеръ не можетъ понять, что надо отъ него этимъ грязнымъ фигуркамъ? Вмѣшивается городовой, крикъ, гамъ, сбирается народъ; кучеръ, добрый старикашка, уразумѣвъ, въ чемъ дѣло, соглашается подвезти замарашекъ. Въ результатѣ этихъ трудовъ и усилій у этихъ дѣвочекъ пиръ!...

Приходящія, какъ въ глазахъ высшаго начальства, такъ и въ глазахъ учителей и казенныхъ воспитанницъ, пользовались почти общимъ презрѣніемъ. Воспитанницамъ строго воспрещалось имѣть общеніе съ приходящими. Въ классѣ онѣ были отдѣлены, какъ овцы отъ козлищъ. И какъ-бы чудно ни танцовала приходящая, она никогда не получала того мѣста въ балетѣ, какое получала самая плохая казенная воспитанница. Исключеніемъ изъ этого правила были только дочери балетмейстеровъ и выдающихся актеровъ балета, т. е. танцовщиковъ.

Почему-то ни одна дочь балетмейстера и танцовщика не была воспитанницей и даже приходящей. Онѣ прямо дебютировали на сценѣ, получивъ полное воспитаніе внѣ стѣнъ училища.

Въ 18..-хъ г. новый инспекторъ училища сильно подтянулъ учителей и учащихся и во всѣхъ отношеніяхъ упорядочилъ училище. Но что онъ могъ сдѣлать одинъ противъ цѣлой толпы и укоренившихся традицій? До него только воспитанницы переходили изъ класса въ классъ, а приходящія сидѣли вплоть до выпуска въ одномъ и томъ-же классѣ, хотя первыя почти не умѣли писать, а вторыя въ большинствѣ случаевъ хорошо были обучены дома. Онъ же далъ приходящимъ нѣкоторыя права гражданства и уравнилъ ихъ по мѣрѣ возможности съ правами воспитанницъ.

Безчеловѣчное обращеніе съ приходящими доходило до того, что одну изъ нихъ выпустили безъ жалованья, безъ всякихъ объясненій, не предупредивъ даже родителей, чтобъ они ранѣе могли взять дѣвочку и отдать ее хотя бы въ ученье къ портнихѣ. Нѣтъ, ее продержали до 18 лѣтъ, не давъ ей никакого образованія, не выучивъ даже правильно писать, не приготовивъ ни къ какому ремеслу, вышвырнули на панель, прямо на торную дорогу. Есть-ли этому названіе и можетъ-ли найтись оправданіе у этихъ господъ, власть имѣющихъ, которымъ поручена судьба подростающаго поколѣнія, которымъ ввѣрена забота о „малыхъ сихъ“, силою несчастно сложившихся обстоятельствъ попавшихъ въ это мрачное преддверіе царства Терпсихоры?...

Но о приходящихъ довольно. Картины описанія ихъ быта грустныя, удручающія. Картины! Быть можетъ бытъ казенныхъ воспитанницъ дастъ намъ возможность писать менѣе мрачными красками.

День воспитанницъ начинался въ 8 ч. у маленькихъ, въ $8^{1}/_{2}$ час. у среднихъ, и въ 9 у старшихъ. Маленькими назывались всѣ вновь поступившія воспитанницы до 14 лѣтъ включительно. Средними—отъ 14 до 16 л.; остальныя большими; старшими назывались только выпускныя и дежурныя.

Дежурными выбирались опять-таки красивѣйшія или тѣ, которыя пользовались благосклоннымъ расположеніемъ начальницы, женщины мало образованной, попавшей на это мѣсто

благодаря пронырству, низкопоклонничеству и умѣнью подслужиться, кому надо. Алчность начальницы доходила до того, что она брала съ воспитанницъ все: золото, серебро, матерію и даже хозяйственные припасы, какъ-то: масло, сливки, варенье и пр. Можно судить поэтому о справедливости ея отношеній къ воспитанницамъ. И къ тому-же это была одна изъ тѣхъ прожорливыхъ акулъ, которой все было мало. Если родители какой-нибудь воспитанницы послѣ нѣсколькихъ годовъ добровольной дани уставали посылать подарки, или въ концѣ концовъ возмущались такой безцеремонностью, то смѣло можно было ставить крестъ на карьерѣ дѣвочки. Были и такія, которыя, видя, какъ ихъ дочь быстро идетъ вверхъ, и думая, что она уже крѣпко стоитъ на высотѣ, прекращали дани, но вскорѣ имъ приходилось каяться. Такимъ образомъ дежурство, награды, поѣздки въ театръ — все зависѣло не отъ того, что воспитанница получала хорошіе баллы, а отъ того, что маменька или тетенька принесетъ три фунта масла, якобы присланнаго изъ деревни.

Утро воспитанницъ было описано вначалѣ; положимъ, не каждое утро являлись красавицы съ лавровыми вѣнками на чудныхъ головкахъ, но за то часто случалось, что онѣ продолжали безмятежно спать вплоть до самаго урока танцевъ.

Танцовальные классы назначались съ десяти до двѣнадцати часовъ утра, послѣ чего бывалъ завтракъ. „Классовъ“ было три и каждый носилъ названіе своего учителя. Въ каждомъ классѣ полагалось сидѣть обязательно не менѣе двухъ лѣтъ, а болѣе — вплоть до выпуска. Въ видѣ награды давались платья трехъ цвѣтовъ: сѣрое, розовое и бѣлое. Но платья давались не столько за дѣйствительные успѣхи, сколько за выслугу лѣтъ. Сидитъ, сидитъ воспитанница въ одномъ классѣ, скоро ей надо ужъ выходить, а она все въ сѣромъ. Ну, пошипитъ начальница: „нельзя, какъ-же, выпускная, совѣстно, хорошаго поведенія, челки не носитъ въ угоду начальству, ничего, что скверно дѣлаетъ антраша, важность какая“! Смотришь, а воспитанница и въ розовомъ—ничего, что все время тройки въ журналѣ стоятъ. Бѣлое платье получалось только въ третьемъ классѣ, хотя-бы ученица второго превзошла успѣхами всѣхъ третьеклассныхъ, но она тогда только получала бѣлое платье, когда переходила въ третій и тамъ протанцовывала не менѣе года. Случалось, что всѣми признанная пер-

вая ученица второго класса въ третьемъ моментально превращалась въ бездарность и изъ талантливой, много обѣщающей, въ круглое ничтожество, и наоборотъ.

Отъ двѣнадцати до двухъ былъ завтракъ и воспитанницы садились по классамъ, чаще-же всего сидѣли въ дортуарахъ, которые тоже дѣлились по возрастамъ. У маленькихъ, впрочемъ, не было своего опредѣленнаго мѣста кромѣ кроватей. Среднія—двѣнадцать человѣкъ помѣщались въ небольшой комнатѣ; каждая имѣла свой шкафъ, куда вѣшались платья, и ящикъ, куда складывалось все остальное. Эта комната носила общее названіе „умывальной“, хотя тамъ никто никогда не мылся.

Старшія помѣщались въ большой свѣтлой комнатѣ съ венеціанскимъ окномъ, выходящимъ на улицу; комната называлась „пансіонерской“.

Переходъ изъ „умывальной“ въ „пансіонерскую“ разрѣшался тоже за выслугу лѣтъ или по особому расположенію начальницы, а иногда, если воспитанница съумѣла „подъѣхать“ къ старшимъ, то и съ ихъ милостиваго разрѣшенія. Мечтой каждой воспитанницы, конечно, было какъ можно скорѣй попасть въ „умывальную“, а потомъ въ „пансіонерскую“. Льготы съ переходомъ изъ одной въ другую увеличивались. Въ „умывальной“ можно было вставать на полчаса позже и часомъ позже ложиться спать; прически тоже измѣнялись: вмѣсто распущенныхъ двухъ косъ волосы укладывались вокругъ головы и пр. Словомъ, допускались всевозможныя послабленія. „Пансіонерская“ же давала воспитанницамъ полный просторъ. Онѣ дѣлали, что хотѣли, ложились и вставали, когда хотѣли, прически носили какія вздумается. Съ переходомъ сюда, книги бросались окончательно, т. е. собственно научныя книги, впрочемъ и романы читались туго. Одна изъ воспитанницъ читала „Анну Каренину“ весь выпускной годъ, да такъ и не кончила.

Впрочемъ, съ поступленіемъ новаго инспектора воспитанницъ заставляли усиленно заниматься. Каждой весной бывали экзамены по всѣмъ предметамъ. Но когда эта реформа была только введена, нужно было видѣть, что дѣлалось на первомъ экзаменѣ. Воспитанницы одна за другой падали въ обморокъ, съ ними дѣлалась истерика, а нѣкоторыя прямо говорили въ глаза учителямъ и экзаменаторамъ, что никогда ничему не учились и что подобный экзаменъ смѣшонъ и глупъ.

Инспекторъ съ этимъ на первое время видимо согласился и только съ слѣдующаго зимняго сезона началъ строго слѣдить за научными занятіями воспитанницъ. Было перемѣнено нѣсколько учителей, а оставшихся принудили относиться серьезнѣе, чѣмъ они это дѣлали до сихъ поръ. Если училище теперь и достигло нѣкоторой высоты, порядочности и благоустройства и если воспитанницы и воспитанники получаютъ теперь нѣкоторый образовательный цензъ, то всему этому обязаны всецѣло новому инспектору. Онъ положилъ первый камень процвѣтанію училища.

Чѣмъ напримѣръ кормили прежде воспитанницъ? Утромъ давался сбитень въ жестяныхъ кружкахъ съ кусочкомъ булки. За завтракомъ какая-нибудь каша и только хорошія танцовщицы получали бифштексъ. За обѣдомъ супъ довольно двусмысленнаго состава и каша. Вечеромъ опять сбитень.

Столъ не накрывался скатертью и вся посуда была жестяная, какъ будто здѣсь жили арестанты или сумашедшіе. О салфеткахъ конечно не было и помину.

Новый инспекторъ привелъ все въ болѣе приличный видъ: появилась бѣлая скатерть и салфетки; пріобрѣли фаянсовую посуду, вмѣсто оловянныхъ ложекъ, ножей и вилокъ, заблистало серебро. Утромъ стали давать горячій чай со свѣжими булками и горячій завтракъ для всѣхъ одинаково хорошій. Обѣдъ состоялъ изъ трехъ блюдъ. Онъ сталъ на столько хорошъ, что какъ инспекторъ, такъ и начальница брали тотъ-же обѣдъ, что и воспитанницы. Почти каждый день инспекторъ приходилъ самъ и спрашивалъ, довольны-ли обѣдомъ? Если иногда въ пирожное попадало скверное яйцо, поваръ получалъ строгій выговоръ, а воспитанницы вознаграждались фруктами отъ самого инспектора.

На ужинъ подавали холодный кусокъ мяса, булки, масло и чай.

Вообще отношеніе инспектора къ воспитанницамъ было чисто отеческое. Онъ зналъ каждую въ лицо, любилъ и заботился о нихъ, какъ заботится не всякій даже отецъ. Прежде воспитанницы съ поступленіемъ въ казну рѣзко прекращали общеніе съ роднымъ домомъ. Онъ-же понялъ, что ребенку какъ ни худо быть можетъ дома, все же родной домъ не то, что казенныя стѣны. Дѣвочекъ стали пускать очень часто домой. Маленькихъ чаще, большихъ, т. е. выпускныхъ—рѣже.

На лѣто отпускались всѣ, кромѣ тѣхъ, которыхъ родители или родственники сами отказывались брать домой.

Правъ-ли онъ былъ, сдѣлавъ такое послабленіе? Не знаю. Думаю скорѣе, что правъ; онъ хотѣлъ сдѣлать доброе дѣло, сблизить воспитанницъ съ домомъ, дать имъ возможность увидѣть и внѣшнюю сторону жизненной медали. Не его вина, если нѣкоторыя злоупотребили его довѣрчивостью.

Впрочемъ вѣдь и въ закрытыхъ стѣнахъ случались иногда вещи, которыя возмущали нравственность.

Во всякомъ случаѣ тѣ изъ воспитанницъ, которыя были въ училищѣ при новомъ инспекторѣ, могутъ только благодарить судьбу и вспоминать объ этомъ времени, какъ о самыхъ лучшихъ дняхъ своей юности.

Въ два часа начинались классы: два урока, по часу каждый. Не смотря на всю строгость, воспитанницъ трудно было заставить относиться добросовѣстно къ урокамъ: слишкомъ ужъ въѣлась въ нихъ распущенность и мечтательность. „Къ чему мнѣ знать, гдѣ такая-то гора, такой-то городъ? Вотъ выйду, поѣду сама, все на мѣстѣ увижу. А не удастся, такъ и такъ безъ знанія рѣкъ и горъ протанцую съ успѣхомъ pas de deux или pas chinois.“

Вотъ урокъ русской словесности. Два часа, но классъ почти пустъ; въ аудиторіи кромѣ двухъ-трехъ воспитанницъ, никого нѣтъ, да и тѣ заняты не предстоящимъ урокомъ, а одна вяжетъ, другая читаетъ какое-то письмо, а третья, расхаживая по классу съ тетрадкой въ рукахъ, учитъ роль „Маріи Стюартъ“ къ предстоящему спектаклю, на домашней, т. е. училищной сценѣ.

Проходитъ пять, десять минутъ, учителя нѣтъ. Классная дама, думая, что его не будетъ, не собираетъ воспитанницъ и, безмятежно сидя у дежурнаго стола, вяжетъ. Еще пять минутъ, и является наконецъ учитель, расписывается въ книгѣ, беретъ журналъ и направляется въ классъ. Дама начинаетъ оглушительно звонить. Но воспитанницы не являются. Учитель сидитъ и ждетъ съ усмѣшкой на лицѣ; онъ изъ старыхъ и привыкъ не къ такимъ еще продѣлкамъ воспитанницъ. Наконецъ начинаютъ появляться одна за другой воспитанницы, дѣлаютъ не то реверансъ, не то просто киваютъ головой (вообще жестъ неопредѣленный) и усаживаются на свои мѣста.

Рты у всѣхъ набиты съѣстнымъ, глаза немного блестятъ, онѣ хихикаютъ.

Учитель ждетъ, когда всѣ прожуютъ; наконецъ понемногу успокаиваются. Онъ обращается къ одной изъ близь-сидящихъ къ нему воспитанницъ и спрашиваетъ:

— Чьи сегодня именины?

— Не имянины, а рожденіе Лиды Красовой...

Легкое фырканье.

— Отлично, попрошу m-lle Красову отвѣтить урокъ.

— Я вчера танцовала и не успѣла приготовить. Къ слѣдующему уроку приготовлю.

— Попрошу m-lle Шрадеръ отвѣчать.

— У меня болятъ зубы.

Наконецъ учитель останавливается на одной изъ воспитанницъ, которая почти всегда отвѣчала за всѣхъ; учитель выслушиваетъ, улыбается, раскланивается и уходитъ.

Другому, только не успѣлъ онъ появиться, какъ уже объявляли, что весь классъ не могъ приготовить урока, потому что всѣ эти дни были репетиціи новому балету.

Что репетиціи и участіе въ спектакляхъ отнимали много времени у воспитанницъ, это дѣйствительно вѣрно, но все-же это была только отговорка; во первыхъ, усиленныя репетиціи бывали лишь вначалѣ сезона и, по приказанію инспектора А. П.. воспитанницъ требовали какъ можно рѣже. А въ спектакляхъ онъ позволилъ только участвовать въ балетныхъ, такъ что при желаніи конечно можно было найти время и для приготовленія уроковъ.

Въ четыре часа подавали обѣдъ; въ столовую шли попарно и за столы разсаживались опять по рангамъ: старшія на первыхъ мѣстахъ; за каждымъ столомъ одна изъ старшихъ разливала супъ. Привиллегіей сидѣть ближе къ „разливающей“ пользовались любимицы. Старшая брала съ блюда лучшій кусокъ себѣ; вторая лучшая порція всегда попадала ближайшимъ, а сидящія въ концѣ стола получали то, что оставалось.

Послѣобѣденное время до вечерняго чая, который подавался въ 9 час., проводилось воспитанницами „свободно“. Обыкновенно собиралось нѣсколько воспитанницъ вмѣстѣ, выбирали какой-нибудь классъ или комнату и садились или за работу, или за чтеніе, нѣкоторыя, особенно усердныя, учились и по вечерамъ танцамъ.

Разъ въ недѣлю бывали уроки бальнымъ танцамъ и тогда въ помѣщеніе воспитанницъ приходили воспитанники. Какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ съ утра въ этотъ день начиналась форменная чистка „всей личности". И хотя воспитанницы всегда ходили очень опрятно и даже кокетливо одѣтыми, но въ этотъ день особенно заботились о своей внѣшности, два раза мылись, причесывались, придумывали вычурные передники и пелеринки, душились, завивались.

Такъ какъ общеніе между воспитанницами и воспитанниками было частое, то конечно не обходилось безъ романовъ, хотя въ общемъ эти романы прекращались тутъ-же, въ стѣнахъ училища, не переходя въ жизнь по выпускѣ. Если воспитанникъ и воспитанница были одного выпуска, то по выходѣ изъ училища въ первое время ихъ какъ будто еще что-то связывало; бывшій воспитанникъ мечталъ, что его Сашенька или Машенька будетъ его женой, что они вмѣстѣ будутъ продолжать совершенствоваться, вмѣстѣ пройдутъ свой артистическій путь. Воспитанники въ нравственномъ отношеніи, вообще говоря, стоятъ куда выше воспитанницъ.

Трудно понять, какъ при однихъ и тѣхъ-же условіяхъ воспитанія, одни выходятъ хорошими, сердечными людьми, а другія топчутъ въ грязь, разбиваютъ и свои и чужіе идеалы ради одного только поклоненія золотому тельцу. Не говорю, конечно, объ исключеніяхъ; какъ тутъ, такъ и тамъ исключенія эти есть. Но если между воспитанницами трудно встрѣтить будущую хорошую жену и мать, то между воспитанниками еще труднѣе найти будущаго хорошаго семьянина... Положимъ, большинство изъ нихъ по выходѣ спивается. Но этому есть свое оправданіе: воспитанница по выходѣ почти всегда попадаетъ въ общество, стоящее выше ея и которое даетъ ей нѣкоторый лоскъ, извѣстный тонъ и пр. А воспитанникъ, наоборотъ, почти всегда, за весьма рѣдкимъ исключеніемъ, попадаетъ въ низшіе слои общества. Къ тому-же они очень рано женятся. На вопросъ, почему они всѣ такъ рано спѣшатъ жениться? вотъ что отвѣтилъ одинъ изъ нихъ: „что-жъ такъ-то маяться по свѣту! жалованіе я получаю какое тамъ ни на есть; жену прокормить могу. А за то знаешь, что есть свой домъ, свой уголъ, своя забота. Жалованіе-то получишь, знаешь, что дома его надо, ну въ трактиръ и не понесешь. Ку-

тить тоже женатому-то нельзя. А холостой—одно безобразіе, одинъ соблазнъ."

И онъ правъ, большинство придерживающихся другого взгляда принадлежитъ къ холостымъ.

Но свою первую, школьную любовь воспитанникъ никогда не топталъ, не стыдился ея. Воспитанница-же понемногу начинала стыдиться своего предмета; все рѣже и рѣже отвѣчала на его поклоны и наконецъ совсѣмъ забывала въ вихрѣ свѣтской жизни.

А между тѣмъ эта-же воспитанница сколько перенесла изъ-за него въ стѣнахъ училища! — Начальство всегда узнавало „романъ", перехватывало переписку, и воспитанница цѣлую недѣлю должна была проходить въ позорномъ тиковомъ платьѣ. Но это наказаніе не утишало ихъ любви, напротивъ, послѣ этого случая на первой-же репетиціи, не смотря на то, что за ними слѣдили, влюбленные успѣвали сойтись и поклясться въ вѣчной любви; она клялась, что сейчасъ-же послѣ выпуска будетъ его женой; „положимъ", разсуждала она, „ты будешь получать жалованіе меньше, чѣмъ я, за мной сильно ухаживаетъ балетмейстеръ и еще „одинъ", который имѣетъ сильный вѣсъ у начальника... немного вотъ эта исторія съ письмами теперь испортитъ дѣло... Съ балетмейстеромъ еще ничего, ему все равно, съ нимъ лишній разъ пококетничай и онъ доволенъ, а вотъ тотъ, другой, его трудно провести и отъ него многое зависитъ... мнѣ только тогда и дадутъ большое жалованье, если я стану женой того... Ну, да до этого еще цѣлая зима, какъ-нибудь устроимся"... щебечетъ хорошенькая дѣвушка. А онъ стоитъ, смотритъ, любуется на свою красавицу и не предчувствуетъ, что пройдетъ годъ, и эти-же рѣчи, только еще горячѣе, еще страстнѣе польются изъ этого коварнаго ротика, и ихъ будетъ слушать другой. И какой холодной насмѣшкой засвѣтятся черезъ годъ эти большіе сѣрые глаза при видѣ его маленькой, не эффектной фигурки! Случаи-же, когда воспитанникъ и воспитанница исполняли свои клятвы, такъ рѣдки, что ихъ можно сосчитать по пальцамъ: разъ, два и обчелся.

Воспитанницы заводили „интрижки" не съ одними воспитанниками, не говоря объ учителяхъ; этимъ было принято заниматься отъ скуки: все же есть передъ кѣмъ лишній разъ пококетничать; у каждой воспитанницы былъ одинъ поклон-

никъ внѣ училища, какой-нибудь лицеистъ, или офицеръ, или даже гимназистъ-классикъ; послѣдній, впрочемъ, считался однимъ изъ „жалкихъ“ и обыкновенно тщательно скрывался воспитанницей. Остальные-же, въ особенности пажи и офицеры, пользовались страшнымъ успѣхомъ и та воспитанница, за которой ухаживалъ пажъ, сильно гордилась передъ другой, имѣющей поклонникомъ классика. Воспитанники, какъ-бы предчувствуя, что пажи и пр. впослѣдствіи будутъ сильными ихъ соперниками, очень ихъ не долюбливали. Съ классиками-же дружили, ибо тѣ писали имъ сочиненія и даже стихи, которые воспитанники посылали своимъ общимъ съ авторомъ предметамъ. Воспитанники такъ оберегали воспитанницъ отъ военнаго элемента, что устроили запрещеніе послѣднимъ посѣщать церковь, тогда какъ классики ходили ко всѣмъ службамъ. Не смотря на бдительный надзоръ, воспитанницы ухитрялись вести переписку и съ поклонниками внѣ училища. Всѣ письма, получаемыя воспитанницами, прочитывались раньше начальницей, а потомъ уже передавались воспитанницѣ. Но нѣкоторыя пользовались ея довѣріемъ и получали письма нераспечатанными. Обыкновенно такимъ довѣріемъ пользовались или ея личныя любимицы, или такія, которыхъ она считала столь некрасивыми, что не допускала возможности получать предосудительныя письма. Но однажды подобное довѣріе было обмануто. Самая хорошенькая изъ воспитанницъ получила письмо отъ цѣлой партіи юныхъ поклонниковъ; въ этомъ письмѣ просили передать поклонъ другой воспитанницѣ. Письмо это по желанію судьбы, но безъ желанія начальницы, попало къ инспектору; онъ его распечаталъ и прочелъ; ужасу и удивленію его не было границъ; за разъясненіемъ онъ обратился къ начальницѣ; та сказала, что ничего вѣдать не вѣдаетъ, что это первое письмо, которое воспитанница Л. получила въ училищѣ (та ихъ получала несмѣтное количество) и что вѣроятно это продѣлки той воспитанницы Т., которой передаютъ поклонъ, что та часто получаетъ (ту она ненавидѣла и ея письма отдавала ей распечатанными) и сама вѣроятно пишетъ; воспитанница-же Л. ни въ чемъ не виновата, переписки ни съ кѣмъ не ведетъ и т. д., словомъ, нашла массу оправдательныхъ отговорокъ. Вслѣдъ затѣмъ она потребовала строгаго наказанія воспитанницѣ Т.—по крайней мѣрѣ исключенія изъ училища. Что-же дѣлаетъ инспекторъ? Онъ зоветъ къ себѣ

воспитанницу Т., уже выпускную, и говоритъ съ ней, какъ-бы говорилъ отецъ со своею дочерью. Она уже не маленькая, понимаетъ, что прилично, что нѣтъ; что подобное поведеніе кладетъ пятно не на одну ее, но и на все училище; до сихъ поръ онъ считалъ ее одной изъ серьезныхъ воспитанницъ, не способной на такой дѣтски-неприличный поступокъ, и не смотря на всѣ доводы начальницы, что она одна во всемъ виновата, что она ведетъ переписку съ молодыми людьми, онъ до тѣхъ поръ не убѣдится въ этомъ, пока она сама не подтвердитъ. Но только правды, одной правды онъ требуетъ, какова-бы она ни была. Наказанія не будетъ никакого. У него были грозные, испытующіе глаза; была-ли воспитанница дѣйствительно невинна или же у ней хватило смѣлости отвѣтить ложью, но она сказала:

— Нѣтъ, я невинна...

А. П. еще разъ на нее посмотрѣлъ и сказалъ:

— Я вамъ вѣрю.

И больше отъ него никогда никто не слышалъ объ этой исторіи ни слова, и воспитанницы уже болѣе писемъ не получали. Была-ли воспитанница виновна или нѣтъ, не знаю. Но поступокъ А. П. долженъ былъ достигнуть хорошихъ результатовъ. Онъ не захотѣлъ наказывать исключеніемъ за такой ребяческій проступокъ; онъ зналъ, что его безусловное довѣріе не допуститъ впередъ повториться подобному случаю и что раскаяніе долго будетъ жить въ сердцѣ виновной. Если-же Т. была дѣйствительно невинна? Тогда онъ сотворилъ хорошій, справедливый судъ, и навѣрно воспитанница навсегда осталась благодарна ему всей душой.

Но если А. П. умѣлъ миловать, онъ умѣлъ и наказывать.

Опишу одинъ случай, за который воспитанницы были жестоко наказаны.

Не взлюбили онѣ одну классную даму, нѣкую В. К. — особенно среднія и старшія; маленькія-же не смѣли выражать своей непріязни. Не взлюбили ее за то, что она была педантически исправна: не давала старшимъ валяться въ кровати; среднихъ гнала рано изъ умывальной и т. д. Вотъ воспитанницы и рѣшились устроить ей „бенефисъ“, т. е. не давать спать всю ночь. Въ день ея дежурства всѣ, даже старшія, легли спать особенно рано, около 11 часовъ онѣ были уже въ кроватяхъ. Только что В. К. устроилась въ постели (она

спала въ общей спальнѣ), какъ вдругъ въ дальнемъ концѣ спальни, на половинѣ большихъ, заиграла маленькая игрушечная шарманка. Классная дама въ полномъ недоумѣніи поднимаетъ голову. Шарманка продолжаетъ очень весело наигрывать. Маленькія воспитанницы начинаютъ просыпаться и хихикать.

— Mesdames, я прошу прекратить музыку. Вы маленькихъ разбудили.

Шарманка продолжаетъ заливаться. Дама встаетъ и идетъ искать, чтобы конфисковать нарушительницу ночной тишины. Но только что она приближается, музыка умолкаетъ или переходитъ въ противуположный конецъ спальни. Маленькія проснулись; въ дортуарѣ гвалтъ и хохотъ, дама мечется отъ одной кровати къ другой; наконецъ въ полномъ изнеможеніи и съ перекошеннымъ отъ злобы лицомъ ложится, закрывается подушками и видимо желаетъ посмотрѣть, до чего могутъ дойти воспитанницы. Онѣ-же, доведя даму до „бѣлаго каленія“, стали понемногу затихать и скоро спальня погрузилась въ тихій сонъ. Не думали воспитанницы, что разозленная дама, не спавшая всю ночь, этого дѣла безъ разслѣдованія не оставитъ и во что бы то ни стало найдетъ зачинщицу, эту милую веселую музыкантшу. Проспавши всю ночь довольно безмятежно, воспитанницы встали утромъ ранѣе обыкновеннаго; всѣмъ было какъ-будто немного не по себѣ. На молитву собрались аккуратно. Во время чая В. К. обращается ко всѣмъ со словами:

— Mesdames, я прошу васъ сказать мнѣ, кто вчера придумалъ игру на шарманкѣ и кто ее исполнялъ?

Воспитанницы молчатъ.

— Я этого дѣла такъ не оставлю и сейчасъ иду къ начальницѣ. Подобныя дерзости безнаказанными оставаться не могутъ. И такъ вы не скажете, кто игралъ?..

Молчаніе.

Черезъ нѣсколько минутъ является начальница. Классная дама разсказываетъ ей всю исторію. На начальницу разсказъ не производитъ никакого впечатлѣнія, и она съ кислой миной совѣтуетъ воспитанницамъ извиниться.

Воспитанницы молчатъ.

Дама сдаетъ дежурство и уходитъ. Воспитанницы торжествуютъ, думая, что ловко отомстили несимпатичной дамѣ и остались за это даже безъ выговора.

Утро прошло благополучно; но вотъ между первымъ и вторымъ урокомъ по заламъ, мелко сѣменя, летитъ начальница съ испуганнымъ лицомъ и объявляетъ воспитанницамъ, что сейчасъ будетъ инспекторъ, что вся исторія ему извѣстна и что воспитанницамъ остается только выдать музыкантшу.

Музыкантшей же была самая любимая воспитанница инспектора, круглая сирота, очень талантливая, хорошенькая и страшный сорванецъ. Всѣ воспитанницы тоже ее очень любили. И если-бы она созналась, то кромѣ выговора вѣроятно ничего и не было-бы. Къ чести ея надо сознаться, что она порывалась это сдѣлать не разъ. Но старшія строго ей это запретили, сказавъ:

— Мы тебя не выдадимъ, а ты молчи.

Что руководило ими въ данномъ случаѣ—не знаю. Скорѣе всего онѣ слышали, что во многихъ учебныхъ заведеніяхъ устраиваются подобныя стачки, и что если стоять твердо другъ за друга, то начальство ничего не подѣлаетъ. Вотъ и имъ вздумалось такъ поиграть, но онѣ ошиблись и были жестоко наказаны всѣ такъ, что впредь потеряли охоту шутить съ А. П.

Онъ влетѣлъ въ классъ какъ ураганъ, всѣ среднія и старшія быстро были собраны, и какъ только онѣ взглянули въ лицо А. П., то быстро увидѣли, что зашли далеко въ своей шуткѣ.

Рѣдко имъ приходилось видѣть его такимъ суровымъ.

— Мнѣ В. К. разсказала всю возмутительную сцену, которую вы себѣ позволили разыграть вчера съ ней и послѣ которой даже не пожелали извиниться. Теперь я пришелъ требовать, чтобы вы сейчасъ мнѣ сказали, кто игралъ?

Воспитанницы продолжали упорно молчать.

— Пять минутъ даю на размышленіе, по прошествіи которыхъ вы увидите, что если я съ вами былъ добръ и ласковъ, то могу быть и строгимъ.

Онъ вынулъ часы, открылъ ихъ и съ часами въ рукахъ ждалъ, что его баловницы образумятся и сознаются.

Но онѣ молчали.

Въ классѣ было такъ тихо, что слышно было тиканье часовъ.

— Пять минутъ прошло; я сдѣлалъ все, вы не хотѣли меня понять; теперь слушайте.

Онъ закрылъ часы, спряталъ ихъ въ карманъ.

— Выпуска не будетъ!

Воспитанницы дрогнули.

Онъ продолжалъ:

— Въ отпускъ никого, никогда! И тиковое платье по жребію вплоть до тѣхъ поръ, пока не сознаетесь!!

И не взглянувъ ни на кого, быстрыми шагами вышелъ изъ класса. Воспитанницы, точно громомъ пришибленныя, стояли на мѣстахъ; потомъ, молча же, разошлись по классамъ. Учителя были поражены серьезнымъ видомъ ученицъ; онѣ, молча, сидѣли на своихъ мѣстахъ; ни обычныхъ пересмѣиваній, ни шопота, ничего... Особенно поразила воспитанницъ угроза быть не выпущенными, хотя это касалось только выпускныхъ; и перспектива лишенія отпуска тоже не улыбалась; къ тому же подходили и праздники. Тиковое же платье совсѣмъ не смущало, во первыхъ придется его носить всѣмъ по очереди, во вторыхъ можно и его надѣть очень кокетливо, а въ третьихъ всѣ вѣдь знаютъ, за что оно дано. Воспитанницы все продолжали думать, что вѣдь въ сущности ничего преступнаго онѣ не сдѣлали. Но въ тиковомъ платьѣ пришлось ходить не многимъ и не долго, только двумъ, и при томъ самымъ примѣрнымъ воспитанницамъ; на слѣдующее утро виновница всей этой кутерьмы созналась инспектору. Не вынесла дѣвочка унылаго вида своихъ подругъ. Инспекторъ же не могъ долго сердиться на свою любимицу, она только одинъ день походила въ тиковомъ платьѣ, потомъ была прощена. Но въ отпускъ, дѣйствительно, ни одна не была отпущена; и Рождество и Пасху воспитанницы провели въ училищѣ. А надъ выпускными долго тяготѣлъ страхъ, что ихъ, дѣйствительно, не выпустятъ. И только въ первый день Рождества, въ видѣ праздничнаго подарка, инспекторъ пришелъ къ воспитанницамъ, поздравилъ ихъ и сказалъ, что онъ ихъ прощаетъ и выпускъ будетъ; но домой все-таки никого изъ большихъ не пустилъ. Выпускнымъ оставалось то утѣшеніе, что онѣ послѣдніе праздники проводятъ въ училищѣ. Уже послѣ Рождества начинаются усиленныя приготовленія къ выпуску; идутъ разговоры объ этомъ съ родителями, толкуютъ о платьяхъ, шляпкахъ, зонтикахъ и пр., о предположеніяхъ, на какое жалованье кого выпустятъ. Между выпускными—ссоры изъ за оклада, одна увѣряетъ другую, что ужъ она-то никогда не будетъ танцовать въ кордебалетѣ, ско-

рѣй съ голоду умретъ. Другая упрекаетъ подругу въ кокетствѣ съ такимъ-то изъ учителей, третья увѣряетъ, что если бы такая-то не давала всѣмъ взятокъ, развѣ бы она была въ бѣломъ платьѣ? и т. д. Однимъ словомъ, интриги, подкапываніе другъ подъ друга, начинаются еще въ стѣнахъ училища и развиваются до чудовищныхъ размѣровъ при вступленіи въ труппу. Если иногда воспитанница остается равнодушна ко всѣмъ происканъ подругъ, то ея родныя маменьки, тетеньки обиваютъ пороги учителей танцевъ, начальниковъ и пр., выпрашивая у нихъ протекціи.

Послѣ Пасхи выпускная воспитанница начинаетъ изрѣдка отпускаться домой на цѣлый день для покупокъ, примѣрокъ и пр. По возвращеніи начинаются безконечные разсказы остающимся подругамъ; тѣ слушаютъ съ разгорѣвшимися щеками, съ бьющимся сердцемъ и замираютъ при мысли, что еще годъ, и онѣ будутъ тоже такъ приходить и въ свою очередь разсказывать остающимся. Обыкновенно воспитанницы двухъ разныхъ выпусковъ дружнѣе между собой, чѣмъ воспитанницы одного выпуска.

Это объясняется тѣмъ, что остающаяся не конкурентка для выпуска, хотя въ будущемъ она можетъ стать и выше ея. Вотъ за нѣсколько дней до выпуска, не разставаясь ни на одну минуту, ходятъ двѣ воспитанницы, одна остается еще на годъ, другая, счастливая, выходитъ теперь. Но отчего онѣ такъ грустны, нѣтъ-нѣтъ и слеза набѣжитъ, то у той, то у другой на глаза? Черезъ день выпускъ, Троицынъ, традиціонный день выпуска. Радоваться бы надо, а отчего же эти двѣ дѣвушки, обнявшись, въ свѣтлую майскую ночь сидятъ однѣ въ залѣ и заливаются горючими слезами? Дружны онѣ уже давно, съ самаго вступленія въ казну, любятъ другъ друга горячо и теперь тяжело разставаться. Одна уйдетъ, будетъ свободна, веселиться; найдется ли у нея время вспомнить, что тамъ, въ училищѣ, въ четырехъ стѣнахъ, остался другъ, который ее любитъ, тоскуетъ по ней! А другая остается въ этихъ противныхъ зеленыхъ стѣнахъ, другія воспитанницы добьются ея дружбы, украдутъ ея любовь. Дѣвушки даютъ другъ другу слово не измѣняться, не забывать ни для кого чувства дружбы. И какъ бы предчувствуя, что не всегда жизнь складывается, какъ кто хочетъ, а какъ судьба хочетъ, дѣвушки тѣснѣе прижимаютъ другъ друга къ сердцу, слезы обильнѣе

текутъ. Чистыя, хорошія слезы! польются ли еще онѣ въ будущей жизни такія же чистыя или ихъ отравятъ горечь, грязь будничной жизни?.. Наконецъ наступилъ давно желанный день выпуска, день свободы. Выпускныя въ послѣдній разъ идутъ въ форменныхъ платьяхъ въ церковь. Все торжественно, церковь убрана цвѣтами, масса родныхъ, знакомыхъ, всѣ нарядны. Послѣ обѣдни воспитанницы, родные, учителя, собираются въ большой залѣ и здѣсь читаютъ выпускнымъ, сколько кому назначается жалованія. Это до дня выпуска содержится въ строгой тайнѣ. Конечно не обходится безъ разочарованій, иногда и слезъ, но въ общемъ настроеніе слишкомъ радостное и не позволяетъ отдаваться меркантильнымъ размышленіямъ. Послѣ чтенія выпускныхъ поздравляютъ, начальнику дѣлаютъ общій поклонъ и всѣ воспитанницы бѣгутъ переодѣваться, выпущенныя снимаютъ навсегда постылое платье и наряжаются въ хорошенькое модное платьице. Остающіяся спѣшатъ хотя на время сбросить казенное платье и надѣть свое. Черезъ какія-нибудь 20 минутъ стѣны училища остаются пустыми. Однѣхъ онѣ больше никогда не увидятъ, а почемъ знать, быть можетъ, пройдутъ года, и какъ пожалѣютъ убѣгающія фигурки эти постылыя зеленыя стѣны, на которыя теперь они не кинули и прощальнаго взгляда, какъ, быть можетъ, захотятъ онѣ вернуться къ нимъ, какъ пожалѣютъ о своей торопливости. Да, не одна, я думаю, а всѣ по прошествіи многихъ лѣтъ захотятъ вернуть и юность и эту школьную жизнь. Сколько бы въ ней ни было горечи, непріятностей, все это было песчинкой въ морѣ въ сравненіи съ тѣми житейскими волнами, съ которыми приходится бороться всю жизнь безъ надежды на „выпускъ“.

Вѣра Балетоманова.

„Забытыя слова“.

Это не шепотъ морскаго прибоя,
Это не пѣніе сказочной птицы!..
Старыхъ рѣчей не слыхалъ ужъ давно я,
Пѣсенъ свободы изъ плѣна темницы.

Это весна пробужденнаго духа
Вторглася въ царство бушующей вьюги;
Старыя рѣчи коснулися слуха.
Эй, просыпайтесь заснувшіе, други!

Все, что дремало такъ долго подъ спудомъ,
Все, что казалось навѣки отпѣтымъ,
Все воскресаетъ невѣдомымъ чудомъ,
Вмѣстѣ съ зарею объятое свѣтомъ.

Рѣчи забытыя звукомъ набата
Насъ призываютъ къ дорогѣ спасенья.
Сномъ безпокойнымъ все было объято;
Время настало теперь пробужденья.

Холодомъ жизни, дыханьемъ могилы
Насъ лишь до время, какъ льдомъ, оковало.
Эй, пробудитесь, заснувшія силы,
Сколько въ васъ ни было... много ли... мало!..

Р. Соловьевъ.

Земельный кредитъ.

III.

Изъ числа германскихъ кредитныхъ учрежденій, основанныхъ на принципѣ взаимности, заслуживаетъ особеннаго вниманія *Виртембергская кредитная компанія* (Würtembergischer Kreditverein).

Эта компанія была основана въ 1825 году и уставъ ея былъ пересмотрѣнъ въ 1831 и въ 1845 гг. Сначала компанія распространяла свои дѣйствія на Виртембергъ, Баварію, Баденъ и Гогенцоллернъ, но затѣмъ, вслѣдствіе понесенныхъ убытковъ отъ такого развитія операцій, ограничила раіонъ своихъ дѣйствій исключительно королевствомъ Виртембергскимъ. Кромѣ первоначальнаго большого расширенія границъ дѣятельности, многіе недостатки самаго устройства Виртембергской компаніи препятствовали успѣхамъ ея развитія.

Кредитъ былъ открытъ для всѣхъ землевладѣльцевъ, какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ, какъ для дворянъ, такъ и крестьянъ безъ всякаго различія состоянія, и этимъ Виртембергскій земельный кредитъ существенно отличается отъ подобныхъ же учрежденій сѣверной Германіи, гдѣ крестьяне или вовсе не допускаются, или же имѣнія ихъ принимаются съ низшею оцѣнкою, сравнительно съ имѣніями дворянъ.

Виртембергская компанія не выдаетъ заемщикамъ закладныхъ листовъ, какъ то дѣлаютъ прусскіе институты, а сама обращается къ капиталистамъ, занимаетъ у нихъ суммы для своихъ кліентовъ и этимъ, несомнѣнно, достигаетъ значительнаго пониженія заемнаго процента. Вмѣстѣ съ тѣмъ, операціи компаніи сопряжены съ величайшею сложностью, которая нерѣдко обращается въ тягость для ея членовъ, хотя, по общему отзыву, ни одно кредитное учрежденіе въ Германіи не управляется съ большею бережливостью и добросовѣстностью.

Въ началѣ размѣръ процентовъ устанавливался каждый разъ по взаимному соглашенію между капиталистами и компаніею, но

затѣмъ былъ назначенъ одинъ опредѣленный процентъ, который предлагался капиталистамъ, желающимъ сдѣлать ссуды компаніи. Размѣръ процентовъ зависитъ отъ условій денежнаго рынка и былъ въ началѣ 3 проц., а затѣмъ возвышенъ до 3½ и 4 проц. Облигаціи компаніи постоянно котировались на биржѣ съ значительной преміей (до 12 проц.), такъ какъ онѣ раздроблены на мелкія суммы отъ 1000 до 100 флориновъ.

Ссуды выдаются въ размѣрахъ половинной стоимости имѣній по оцѣнкѣ, причемъ сумма ежегоднаго дохода съ имѣнія должна равняться, по крайней мѣрѣ, 1½ суммы ежегодной ренты, уплачиваемой по облигаціямъ. Ссуды выдаются не менѣе 2000 флор. Послѣ государственныхъ податей, взысканія компаніи имѣютъ право преимущественнаго удовлетворенія предъ другими взысканіями, обезпеченными имѣніями.

Ипотечная часть устроена и содержится въ Виртембергѣ въ величайшемъ порядкѣ. Всѣ имѣнія описаны и окадастрованы; въ каждомъ мѣстномъ управленіи находятся полные инвентари и въ нихъ вписываются, по требованію частныхъ лицъ, всѣ происшедшія перемѣны: переходъ имѣнія отъ одного владѣльца къ другому, долги и запрещенія, которыя лежатъ на имѣніи, и т. п. Выписка изъ этихъ книгъ, выдаваемая безплатно, служитъ достаточнымъ документомъ для всякихъ правъ и претензій.

Въ случаѣ неисправности въ платежахъ, допускается для заемщиковъ два года отсрочки, по истеченіи которыхъ компанія приступаетъ ко взысканію недоимки съ имѣнія, или къ продажѣ его. Въ послѣднемъ случаѣ взысканіе производится быстро, въ теченіе 6 недѣль. Для обезпеченія исправнаго платежа процентовъ по облигаціямъ, на случай неисправности заемщиковъ, была сначала устроена круговая отвѣтственность заемщиковъ, но затѣмъ, круговая отвѣтственность была замѣнена резервнымъ фондомъ который образуется посредствомъ особаго ежегоднаго сбора съ заемщиковъ и путемъ отчисленія извѣстныхъ прибылей компаніи.

Погашеніе облигацій производится тиражами изъ суммъ, образующихся въ кассѣ компаніи изъ процентовъ, вносимыхъ заемщиками на погашеніе. Каждый владѣлецъ облигацій имѣетъ право на предъявленіе ея для уплаты ему всего капитала, но это право заключается лишь въ правѣ на преимущественное предъ прочими облигаціями участіе въ тиражѣ, размѣры котораго пропорціональны наличному капиталу погашенія компаніи. Если этого капитала достаточно для оплаты всѣхъ предъявленныхъ облигацій, то тиражъ не имѣетъ мѣста и всѣ такія облигаціи выкупаются сполна по номинальной цѣнѣ. Затѣмъ, облигаціи, оставшіяся не-

выкупленными по одному тиражу, получаютъ преимущество въ слѣдующемъ и т. д.

Такъ какъ минимумъ ссудъ опредѣленъ въ 4300 франковъ, то членами и заемщиками компаніи могутъ быть владѣльцы имѣній, оцѣненныхъ не менѣе 9000 фр. и приносящихъ ежегоднаго дохода не менѣе 350 фр. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ допускаются исключенія: когда является убѣжденіе въ прочности залога, ссуды могутъ выдаваться и въ размѣрѣ 2250 фр. подъ имѣнія, оцѣненныя въ 4500 фр., а также, въ случаяхъ ручательства въ исправности должника цѣлыхъ крестьянскихъ обществъ, могутъ быть выдаваемы ссуды до 1075 фр. подъ земли, оцѣненныя въ 2150 фр.

Кромѣ процента погашенія и другихъ расходовъ платятъ заемщики $3^1/_2$ проц. роста, а при возвышеніи процентовъ по облигаціямъ до $4^1/_2$ проц. На расходы по управленію взималось $^1/_2$ проц., но постоянныя жалобы вынудили компанію понизить этотъ процентъ. Кромѣ того, компанія требуетъ отъ своихъ заемщиковъ взноса процентовъ каждые 6 мѣсяцевъ, уплачивая сама вкладчикамъ только разъ въ годъ, и такимъ образомъ пользуется еще процентами, накопляющимися въ теченіе 6 мѣсяцевъ на эти платежи заемщиковъ. Кромѣ того, заемщики должны, при первомъ своемъ шестимѣсячномъ взносѣ, уплатить сверхъ того проценты, причитающіеся за $1^1/_2$ мѣсяца впередъ въ видѣ обезпеченія на случай неисправности; изъ этого аванса образуется также капиталъ, процентами съ котораго компанія пользуется въ теченіе всего періода залога. Погасительный процентъ различенъ, смотря по сроку, на который заключенъ заемъ; наименьшее погашеніе = 1 проц. и тогда капиталъ погашается въ 48 лѣтъ; самый короткій срокъ 10 лѣтъ. Но и по истеченіи срока погашенія, заемщикъ обязанъ производить взносы процентовъ еще въ теченіи 2-хъ лѣтъ для образованія резервнаго фонда. Наконецъ, заемщики обязаны, при заключеніи займа, внести единовременно на обзаведеніе компаніи $4^1/_6$ проц. съ занятой суммы и потому на каждые 100 флориновъ они получаютъ только 96, а проценты платятъ по разсчету на 100 фл. Если заемщикъ пожелаетъ до срока погасить капитальный долгъ, то долженъ внести 10 проц. сверхъ своего долга.

Вотъ главнѣйшія основанія кредитныхъ операцій Вюртембергской компаніи. Механизмъ этихъ финансовыхъ операцій чрезвычайно усложненъ; такой сложности не представляетъ ни одно германское учрежденіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, казалось бы, что компанія должна болѣе дѣйствовать въ интересахъ заемщиковъ и не обременять ихъ излишними поборами, такъ какъ по уставу заем-

щикамъ принадлежатъ всѣ капиталы, накопившіеся изъ разныхъ прибавочныхъ взысканій и доходовъ.

Изъ Виртембергской компаніи ссуды выдаются только подъ залогъ недвижимостей, преимущественно пахатныхъ земель. Вообще подъ постройки выдается не болѣе $^{1}/_{4}$ стоимости, но въ большихъ городахъ и одни строенія могутъ служить обезпеченіемъ. При залогѣ фабрикъ принимаются во вниманіе только постройки. Лѣса принимаются въ залогъ только отъ общинъ.

Компанія имѣетъ право ускоренной процедуры по взысканію недоимокъ съ залога и заемщикъ письменно обязуется не возбуждать въ этомъ случаѣ никакихъ исковъ и споровъ противъ компаніи. Для покрытія недоимокъ, компанія имѣетъ право заключать займы въ банкахъ за счетъ неисправныхъ заемщиковъ. Это правило весьма стѣснительно для должниковъ. Заемщикъ можетъ во всякое время до срока погасить свой долгъ путемъ взноса всего неуплаченнаго капитальнаго долга облигаціями компаніи. безъ предварительнаго о томъ увѣдомленія, или наличными деньгами, но не иначе какъ съ объявленіемъ за 6 мѣсяцевъ, и заемщикъ можетъ также во всякое время требовать сокращенія срока погашенія принятіемъ на себя обязанности уплачивать большій размѣръ погасительныхъ ежегодныхъ процентовъ. Равнымъ образомъ, заемщикъ можетъ просить о продолженіи срока залога, т. е. о дозволеніи вносить меньшій размѣръ ежегоднаго погасительнаго процента.

Всѣ заемщики считаются членами компаніи и имъ принадлежитъ исключительное право управленія ея дѣлами. Три раза въ годъ созываются общія собранія всѣхъ членовъ. Правленіе выбирается на три года по большинству голосовъ. Правленіе состоитъ изъ 5 членовъ, которые могутъ быть и не членами компаніи. Можно участвовать въ собраніяхъ по довѣренности, но никто не можетъ имѣть болѣе двухъ голосовъ. Всѣ члены компаніи имѣютъ право собственности, пропорціонально заключеннымъ ими займамъ, на резервный фондъ, который составляется изъ $4^{1}/_{2}$ проц., вносимыхъ заемщиками при заключеніи займа, сборовъ въ $^{1}/_{2}$ проц., взимаемыхъ на управленіе, процентовъ на эти суммы и другіе поборы, о которыхъ мы упомянули выше. Всякій заемщикъ, сполна погасившій свой капитальный долгъ, получаетъ свидѣтельство на принадлежащую ему часть резервнаго фонда; это свидѣтельство представляетъ собою какъ бы облигацію на предъявителя и приноситъ $2^{1}/_{2}$ проц. Резервный фондъ является источникомъ разныхъ усложненій, которыхъ нѣтъ въ другихъ компаніяхъ, гдѣ этотъ фондъ составляется исключительно для покрытія недоимокъ.

При правленіи состоитъ особый судебный комитетъ, имъ из-

бранный. Правительство имѣетъ своимъ представителемъ чиновника, наблюдающаго только за точнымъ соблюденіемъ устава. Этимъ ограничивается всякое вмѣшательство правительства въ дѣла компаніи, которая, сравнительно съ другими подобными учрежденіями, пользуется большою независимостью.

Въ Саксоніи существуютъ два учрежденія поземельнаго кредита, основанныхъ на началахъ взаимности: а) *дворянская кредитная компанія въ Лейпцигѣ* (Der erdländische ritterschaftliche Kreditverein) и б) *сословный ипотечный банкъ въ Бауценѣ* (Dielandstandische Hypotheken-Bank der Konig. sächsischen Ober-Lausitz).

Дворянская компанія въ Лейпцигѣ была основана въ 1844 году главнымъ образомъ для открытія кредита крупнымъ дворянскимъ имѣніямъ. Слѣдуетъ замѣтить, что въ Саксоніи всѣ имѣнія раздѣляются на дворянскія и крестьянскія, но тотъ или другой характеръ сообщается имѣнію не его владѣльцемъ; имѣнія могутъ быть пріобрѣтаемы всѣми, и дворянское имѣніе, купленное крестьяниномъ, сохраняетъ всѣ свои преимущества и сообщаетъ ихъ своему пріобрѣтателю. Видимо, что экономическія условія жизни новѣйшаго времени вынудили и Германію подчинить свое законодательство требованіямъ промышленнаго духа, но не всѣ еще германскія государства рѣшились вовсе разстаться съ нѣкоторыми остатками сословныхъ расчлененій, такъ глубоко пустившими корни въ исторію и понятія Германіи. Не смотря на свое дворянское происхожденіе, Лейпцигская компанія допускаетъ также займы подъ залогъ крестьянскихъ имѣній, приносящихъ не менѣе 333 талеровъ чистаго дохода.

Наименьшая сумма ссуды составляетъ 1000 талеровъ, ссуды выдаются въ размѣрѣ 50 проц. стоимости по оцѣнкѣ. Основаніемъ оцѣнки принята таксація поземельной подати. Платежъ заемщика складывается изъ извѣстнаго процента, уплачиваемаго компаніею по выпущеннымъ для каждой ссуды закладнымъ листамъ, изъ извѣстнаго процента на расходы управленія и процента погасительнаго капитала. Эти платежи вносятся заемщиками по полугодно за 3 мѣсяца впередъ до уплаты процентовъ по закладнымъ листамъ.

Закладные листы выдаются на предъявителя стоимостью отъ 500 до 25 талеровъ. Проценты уплачиваемые по закладнымъ листамъ различны въ зависимости отъ даннаго состоянія денежнаго рынка, и потому закладные листы выпускаются серіями въ извѣстномъ количествѣ листовъ, вслѣдствіе поступившихъ требованій на ссуды. Съ 1850 года начался ежегодный тиражъ закладныхъ листовъ, погашаемыхъ на счетъ погасительнаго фонда. Каждая серія листовъ имѣетъ свой особый погасительный и резервный

фондъ, пропорціонально наличности котораго и производится тиражъ и выкупъ. Хотя каждая серія составляетъ одно цѣлое и недоимки сначала пополняются изъ резервнаго фонда той же серіи, но въ случаѣ надобности могутъ быть переводимы наличныя суммы и изъ одной серіи въ другую. Отвѣтственность за исправность платежа по всѣмъ выпущеннымъ компаніею листамъ является общею.

Изъ всей суммы получаемыхъ компаніею прибылей $^2/_3$ отчисляются въ погасительный фондъ и $^1/_3$ въ резервный, до тѣхъ поръ пока резервный капиталъ не составитъ 5 проц. на весь выданный въ ссуду капиталъ; послѣ того всѣ погасительные проценты и вообще всякія прибыли, также какъ и проценты, нарастающіе на резервный фондъ, поступаютъ въ погасительный капиталъ. Резервный капиталъ предназначается преимущественно на случай неисправности заемщика въ платежахъ. На капиталы резервнаго фонда пріобрѣтаются государственныя бумаги и собственные закладные листы компаніи; изъ этого фонда могутъ быть также производимы операціи эсконта или учета закладныхъ листовъ, находящихся въ обращеніи. Въ первый годъ было выпущено закладныхъ листовъ на 789.200 талер., и уже въ 1853 г. было въ залогѣ 139 имѣній, въ томъ числѣ 77 дворянскихъ и 62 крестьянскихъ, всего на сумму 2.000.800 талеровъ. Заемщики уплачиваютъ ежегодно по $3^1/_3$ проц. роста и $^1/_2$ проц. на погашеніе и расходы управленія. Управленіе обходится весьма дешево, всего въ 3000 талеровъ.

Всѣ заемщики состоятъ членами компаніи и ими избирается правленіе въ числѣ 8 директоровъ и предсѣдателя, избираемаго директорами изъ числа членовъ компаніи. Каждый годъ выбываютъ по очереди 3 директора, которые могутъ быть вновь избираемы. При правленіи состоитъ синдикъ, назначенный правленіемъ изъ юристовъ; всѣ чиновники канцеляріи опредѣляются также правленіемъ. Канцеляріею завѣдуетъ повѣренный компаніи. Правленіе распоряжается всѣми дѣлами и операціями компаніи и отвѣчаетъ за соблюденіе въ точности устава. Оцѣнка каждаго имѣнія производится сначала директорами округа, въ которомъ оно находится, и потомъ утверждается правленіемъ. Общее собраніе созывается разъ въ годъ, каждый членъ долженъ участвовать лично. Нѣсколько владѣльцевъ одного и того же имѣнія избираютъ отъ себя одного уполномоченнаго. Женщины и несовершеннолѣтніе также назначаютъ уполномоченныхъ. Общее собраніе контролируетъ дѣйствія правленія и провѣряетъ отчеты. Всѣ дѣла рѣшаются абсолютнымъ большинствомъ голосовъ; члены уплачивающіе по ссудамъ до 200 талер. пользуются однимъ голосомъ,—до 400

талер.—2 голоса, до 600 т.—3, до 1200—4 и болѣе 1200 тал.—5 гол. Всякій споръ между общимъ собраніемъ и правленіемъ рѣшается третейскимъ судомъ, который рѣшаетъ дѣла безапелляціонно.

Сословный ипотечный банкъ въ Бауценѣ былъ основанъ въ 1844 году сословіями Верхней Лузаціи на тѣхъ же основаніяхъ какъ и Лейпцигскій банкъ, но въ состоятельности его ручаются мѣстныя сословія, представители которыхъ потому и производятъ надъ нимъ контроль. Погашеніе облигацій производится по мѣрѣ накопленія резервнаго фонда. Ссуды выдаются въ размѣрѣ половины стоимости имѣній по оцѣнкѣ, основанной на нормальной подати. Для полученія стоимости имѣнія чистый доходъ умножается на 25. Всѣ землевладѣльцы, пользующіеся какими либо крестьянскими повинностями, изъятыми изъ общаго выкупа, могутъ ихъ на половину закладывать въ банкѣ. Банкъ выдаетъ ссуды не менѣе 100 тал. одному лицу. Такимъ образомъ этотъ банкъ главнымъ образомъ имѣетъ ввиду интересы мелкихъ собственниковъ.

Заемщики вносятъ ежегодно, кромѣ процентовъ ½ проц. на составленіе резервнаго фонда. Погашеніе извѣстными ежегодными взносами не было установлено, а должники могли во всякое время вносить всякую сумму въ уплату капитала.

Операціи этого банка вначалѣ были весьма неудачны. Къ концу 1847 г. онъ выпустилъ облигацій на 744.880 талеровъ, истратилъ большія суммы на управленіе и долженъ былъ прекратить свои операціи, вслѣдствіе прекращенія требованій на ссуды.

Въ 1850 г. банкъ былъ преобразованъ; главная цѣль преобразованія заключалась въ оживленіи его операцій и въ приспособленіи къ ипотечному кредиту другихъ кредитныхъ операцій. Банкъ получилъ право выпускать кромѣ облигацій циркуляціонные банковые безпроцентные билеты, обезпеченные всякій разъ на одну треть звонкою монетою въ кассѣ. Дѣйствія банка были распространены на всю Саксонію и при немъ была открыта сберегательная касса, которая принимаетъ депозиты и открываетъ текущіе счета вкладчикамъ. Кромѣ того Лузацкій банкъ выдаетъ ссуды подъ государственные фонды и облигаціи разныхъ корпорацій и публичныхъ учрежденій. Лузацкія сословія предоставили банку капиталъ въ 500.000 талеровъ въ постоянное пользованіе 3½ проц. Всѣ выпущенныя банкомъ кредитныя бумаги не должны превосходить стоимость недвижимыхъ имуществъ, заложенныхъ въ банкѣ. Банкноты и билеты не могутъ превосходить ⅕ этой цифры и подлежатъ постоянному размѣну въ кассѣ банка. Процентъ по ссудамъ можетъ быть различенъ.

Изъ чистой прибыли за каждый годъ по сведеніи счетовъ $^2/_8$ этой прибыли поступаетъ въ пользу директоровъ и служащихъ, $^3/_8$—въ пользу провинціальной кассы и $^3/_8$—въ капиталъ банка. Облигаціи выпускаются стоимостью не ниже 10 талеровъ, а банкноты—не ниже 5 тал.

Со времени таковаго преобразованія операціи Лузацкаго банка сильно оживились, но поземельному кредиту онъ мало оказалъ услугъ ввиду отсутствія прочно организованной системы погашенія обязательными ежегодными взносами. Большая часть кредитныхъ операцій этого банка не имѣютъ ничего общаго съ ипотечнымъ кредитомъ.

Кромѣ указанныхъ учрежденій въ Саксоніи существуетъ банкъ поземельныхъ доходовъ, открытый для выкупа крестьянскихъ повинностей и земель.

Въ великихъ герцогствахъ Мекленбургъ-Шверинскомъ и Мекленбургъ-Стрелицкомъ существуетъ *дворянское кредитное общество* (Ritterschaflicher Kredit-Verein) совершенно подобное прусскимъ, основанное ранѣе другихъ въ Германіи въ XVIII столѣтіи. Въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія уставъ его былъ пересмотрѣнъ и затѣмъ вновь преобразованъ въ 1840 г. Назначеніе этого кредитнаго общества—служить только дворянскимъ или рыцарскимъ имѣніямъ, происхожденіе которыхъ относится ко временамъ феодальнымъ. Мекленбургское общество, одно изъ самыхъ старыхъ учрежденій земельнаго кредита, состоитъ изъ владѣльцевъ заложенныхъ въ немъ дворянскихъ имѣній, связанныхъ круговою порукою за всѣ обязательства общества передъ его кредиторами. Общество выдаетъ ссуды въ размѣрѣ половинной стоимости имѣній закладными листами или наличными деньгами. По закладнымъ листамъ уплачивалось сначала $3^1/_2$ проц., а впослѣдствіе опредѣленіе процента предоставлено самому обществу въ зависимости отъ состоянія денежнаго рынка; обыкновенно уплачивается 3 проц. Каждый членъ можетъ во всякое время выйти изъ общества, уплативъ сполна весь лежащій на его имѣніи капитальный долгъ закладными листами, о чемъ обязанъ общество предувѣдомить за 8 недѣль. Но если на обществѣ лежатъ долги, то, кромѣ уплаты капитальнаго долга, заемщикъ при выходѣ изъ общества обязанъ внести соотвѣтствующую часть долга.

Дѣлами общества завѣдуютъ: а) 3 директора (по одному отъ каждаго округа), б) главная дирекція (изъ 3 членовъ), в) ревизіонная коммиссія, г) синдикъ и д) общее собраніе членовъ. Всѣ главныя должностныя лица избираются общимъ собраніемъ и утверждаются правительствомъ. Въ общемъ собраніи каждый членъ имѣетъ только одинъ голосъ. Черезъ 8 дней по окончаніи не-

доимки общество можетъ производить взысканіе недоимки съ имѣнія черезъ мѣстный судъ; взысканіе приводится въ исполненіе не позднѣе 3 дней. Закладные листы поступаютъ въ тиражъ 2 раза въ годъ по мѣрѣ накопленія погасательнаго фонда, образующагося изъ платежей, вносимыхъ ежегодно заемщиками.

При выдачѣ ссуды изъ общества уплачиваются заемщикамъ расходы по выдачѣ свидѣтельствъ изъ ипотечныхъ книгъ государства и ½ проц. съ капитальной суммы въ резервный фондъ, Погасительные взносы варіируютъ отъ ¼ проц. до 5 проц. капитала, отъ желанія заемщика зависитъ избрать тотъ или другой срокъ погашенія. На расходы управленія уплачивается заемщиками по полугодно ⅛ проц.

Въ курф. Гессенъ-Кассельскомъ мы встрѣчаемъ любопытное учрежденіе — *земскую кредитную кассу* (Landes-Kredit-Kasse), учрежденную въ 1832 году для выкупа крестьянскихъ повинностей, гнетъ которыхъ былъ здѣсь особенно чувствителенъ. Эта касса блестяще выполнила свою задачу и потому заслуживаетъ нашего полнаго вниманія.

Земская кредитная касса находится въ г. Касселѣ, учреждена правительствомъ и состоитъ подъ наблюденіемъ министровъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ и собранія государственныхъ сословій, которое избираетъ постоянный комитетъ для контроля надъ операціями кассы и одного изъ ея директоровъ. Для производства операцій касса заключаетъ займы въ депозитныхъ и сберегательныхъ кассахъ, у разныхъ корпорацій, правительства и частныхъ лицъ съ уплатою процентовъ не свыше 3½. Всѣ сберегательныя кассы отдаютъ свои капиталы изъ 3 проц. Государственное казначейство выдаетъ во всякое время подъ облигаціи кассы капиталы изъ 3½ проц. Кромѣ того кредитъ кассы обезпеченъ всѣмъ достояніемъ государства, которое отвѣтствуетъ за всѣ обязательства. Касса выдаетъ ссуды не только для выкупа крестьянскихъ повинностей, но и вообще подъ залогъ недвижимыхъ имѣній не менѣе 100 талеровъ каждый разъ по 4 проц. на продолжительные сроки и по 4½ проц. на срокъ менѣе года; для выкупа повинностей ссуды выдавались изъ 3½ и до 2 проц. Касса выпускаетъ облигаціи именныя и на предъявителя стоимостью отъ 50—1000 талер. и для своихъ дѣлъ можетъ употреблять безвозмездно всѣхъ чиновниковъ министерства финансовъ. Всѣ платежи въ кассу отъ заемщиковъ поступаютъ черезъ сборщиковъ податей наравнѣ съ послѣдними. Въ случаѣ недоимокъ, сборщикъ черезъ двѣ недѣли обязанъ повѣстить должника и въ случаѣ неисправности черезъ слѣдующія двѣ недѣли недоимки взыскиваются съ него въ порядкѣ взысканія недоимокъ по государственнымъ по-

датямъ. Ссуды могутъ быть возвращаемы единовременно въ теченіи года или могутъ быть уплачиваемы ежегодными погасительными взносами. Срокъ и процентъ погашенія зависитъ отъ желанія заемщика, но процентъ погашенія не долженъ быть ниже ½ проц. Вообще касса должна была оказывать предпочтеніе мелкимъ ссудамъ передъ крупными и главнымъ образомъ выдавать ссуды для выкупа повинностей. Казна отдаетъ кассѣ всѣ капиталы, выручаемые отъ продажи государственныхъ имуществъ, отъ оброчныхъ статей, отъ разныхъ сборовъ и доходовъ съ казенныхъ земель и проч.

Касса обязана возвращать занятые капиталы по востребованію Вообще касса обязана производить обмѣнъ облигацій черезъ 6 мѣсяцевъ по предъявленіи, сберегательныя же кассы удовлетворяются ею черезъ 4 недѣли. Не смотря на то, что въ періодъ времени послѣ 1848 г. были нѣкоторыя замѣшательства и вклады въ кассу обращались нѣсколько тише, но затрудненія этого тревожнаго времени были побѣждены съ успѣхомъ и касса съ точностью выполнила всѣ свои обязательства и оказала несомнѣнныя услуги странѣ. Всѣ повинности денежныя и натуральныя при помощи земской кассы давно выкуплены въ Гессенъ-Касселѣ, т.-е. помѣщики ею окончательно удовлетворены. Съ 1832 г. по 1848 г. касса выдала подъ недвижимыя имущества до 9 милл. талеровъ и нѣсколько менѣе этой суммы на выкупъ крестьянскихъ повинностей. Закономъ о выкупѣ были опредѣлены различные размѣры процентовъ для различныхъ категорій повинностей, обязательныхъ какъ для крестьянъ, такъ и для помѣщиковъ. Такъ къ 1848 году на выкупъ барщины было выдано 933,804 тал. изъ 2% и 273,745 тал. изъ 3%. На выкупъ десятины изъ 3% выдано 3.321.895 тал. и изъ 3½%—1.137,225 тал. На выкупъ разныхъ повинностей изъ изъ ¼% выдано 1.276,118 тал. и изъ 3%—712,360 тал. На выкупъ выгоновъ, пастбищъ и пр. изъ 3¾ выдано—132,478 тал.; на постройку общинами училищъ изъ 3½%—483,201 тал. Всего выдано въ 1848 году ссудъ разныхъ категорій на 17.586,536 тал.

Благодаря гарантіи правительства облигаціи кассы пользовались большимъ довѣріемъ публики, такъ что котировались нерѣдко съ преміею въ 2% и до 1849 г. не падали ниже нарицательной цѣны. Касса никогда не нуждалась во вкладахъ, но часто была принуждена отказывать въ пріемѣ. Выкупъ повинностей шелъ на столько блистательно, что процентъ по этого рода ссудамъ былъ пониженъ до 1½%. Хотя по самымъ свойствамъ своего первоначальнаго назначенія Кассельская касса и не соотвѣтствуетъ всѣмъ промышленнымъ условіямъ свободныхъ и частныхъ кредитныхъ сдѣлокъ, но во всякомъ случаѣ по организаціи земельнаго кредита эта касса стоитъ въ ряду лучшихъ учрежденій этого рода.

По важности своихъ операцій заслуживаетъ особеннаго вниманія *Ганноверское учрежденіе земельнаго кредита* (Hannowerische Landes-creditanstalt).

Ганноверъ, какъ извѣстно, принадлежитъ къ тѣмъ государствамъ Германіи, гдѣ феодальная система пустила глубокіе корни и гдѣ крестьяне были обложены множествомъ разныхъ повинностей въ пользу дворянства. Путемъ выкупа всѣ эти повинности постепенно исчезли въ Германіи и крестьянскія земли сдѣлались такими же свободными, какъ и дворянскія.

Ганноверское учрежденіе земельнаго кредита возникло съ спеціальною цѣлью выкупа крестьянскихъ повинностей и только впослѣдствіи въ 1842 г. было распространено вообще на всякія операціи земельнаго кредита.

Еще въ началѣ 30-хъ годовъ была заявлена представителями сословій въ Ганноверѣ необходимость основанія съ содѣйствіемъ правительства кредитнаго учрежденія для выкупа повинностей. Хотя законъ и предоставлялъ крестьянамъ право выкупа, но такой выкупъ посредствомъ единовременныхъ взносовъ помѣщикамъ былъ недоступенъ крестьянамъ, а между тѣмъ окончательная развязка феодальныхъ отношеній и совершенное освобожденіе обязанныхъ повинностями крестьянъ были одинаково необходимы для успѣховъ хозяйства и крестьянъ и помѣщиковъ. Дѣло выкупа такимъ образомъ оказалось невозможнымъ предоставить частной иниціативѣ; было необходимо вмѣшательство правительства. До окончательнаго учрежденія выкупа въ Ганноверѣ прошло много времени, и только въ 1841 г. было открыто кредитное учрежденіе съ главною цѣлью выкупа повинностей всякаго рода, обременявшихъ крестьянскія земли, натуральныхъ, денежныхъ и работъ или барщины, преимущественно же десятины, признававшейся особенно тягостной для крестьянъ. Въ то же время правительство пожелало, чтобы учрежденіе это не ограничилось только операціями выкупа повинностей, но производило бы операціи по выдачѣ ссудъ подъ залогъ земель и для другихъ цѣлей. На первое время ссуды выдавались лишь подъ залогъ крестьянскихъ дворовъ (Bauerhöfen), оцѣненныхъ не менѣе 5,000 талеровъ. Потомъ право на ссуды для иныхъ цѣлей, нежели выкупъ, было понижено сперва на 100 тал. чистаго дохода и потомъ даже на 60 тал. Наконецъ, 18-го іюня 1842 года ганноверское учрежденіе для выкупа крестьянскихъ повинностей было окончательно преобразовано въ *учрежденіе земельнаго кредита вообще*, а узаконеніями 1844, 1846 и 1848 годовъ по желанію сословій были сдѣланы нѣкоторыя облегченія для заемщиковъ.

Ганноверское учрежденіе земельнаго кредита основано на томъ же началѣ, какъ и всѣ подобныя германскія учрежденія, но только

это не корпорація землевладѣльцевъ, а правительственное учрежденіе, хотя и имѣющее свою самостоятельность. Оно выдаетъ ссуды для выкупа земельныхъ повинностей всякаго рода и для всякихъ иныхъ цѣлей, преимущественно для погашенія старыхъ ипотечныхъ долговъ. Цѣлыя общины, городскія, сельскія, приходскія и всѣ признанныя закономъ корпораціи могутъ получать ссуды подъ залогъ своихъ имуществъ. Ссуды общинамъ могутъ равняться $^2/_3$ цѣны залога. Недоимки съ общинъ взыскиваются административнымъ порядкомъ черезъ мѣстныхъ властей, наблюдающихъ за сборомъ податей. Ссуды выдаются не ниже 200 талеровъ. Заемщики могутъ четыре раза въ году вносить разныя суммы въ счетъ уплаты впередъ своихъ долговъ, но не менѣе каждый разъ 25 талеровъ. Заемщики платятъ ежегодно $4^1/_4$ проц. съ занятаго капитала, изъ коихъ погашаются проценты, выплачиваемые заимодателямъ кредитнаго учрежденія до $3^1/_2$ проц., $^1/_4$ проц. на управленіе и резервный фондъ и $^1/_2$ проц. на погашеніе капитала. Но въ 1848 г. это исчисленіе было измѣнено. Накопленіе резервнаго фонда прекращено (освободилось $^1/_{12}$ проц.); процентъ на расходы управленія исчисляется уже не на весь занятый капиталъ, а только на остающійся непогашеннымъ остатокъ, и затѣмъ все что остается свободнымъ изъ $4^1/_4$ проц. вносимыхъ заемщиками, поступаетъ въ погашеніе капитальнаго долга. Такое исчисленіе значительно сокращаетъ сроки залога, увеличивая ежегодно погасительный фондъ. Заемщики всегда могутъ сократить сроки залога путемъ уплаты большихъ процентовъ въ погасительный фондъ.

Проценты, уплачиваемые Ганноверскимъ кредитнымъ учрежденіемъ, зависятъ отъ даннаго состоянія денежнаго рынка. Сообразно съ уменьшеніемъ процента на занятый капиталъ оно можетъ уменьшить проценты, уплачиваемые его заемщиками.

При ежегодномъ взносѣ $4^1/_4$ проц. ссуда погашается въ 55 лѣтъ.

» » » $4^1/_2$ » » » » 46 »
» » » $4^3/_4$ » » » » 41 годъ.
» » » 5 » » » » 36 лѣтъ.

Въ случаѣ неисправности заемщика въ платежахъ на образовавшуюся недоимку на каждый талеръ насчитывается пени серебромъ грошъ.

Для производства операцій Ганноверское кредитное учрежденіе выпускаетъ закладные листы именные и на предъявителя на разныя суммы не ниже 50 тал. и не выше 5,000 тал. въ размѣрѣ ссудъ, выдаваемыхъ учрежденіемъ. Резервный фондъ пополняется остатками отъ расходовъ управленія, пенями и всякими прибылями, въ числѣ которыхъ самыя значительныя отъ взноса заемщиками платежами два раза въ годъ, тогда какъ проценты по закладнымъ

листамъ уплачиваются лишь одинъ разъ въ годъ. Казна гарантировала учрежденію до 500,000 талеровъ, къ которымъ оно всегда можетъ прибѣгнуть для удовлетворенія своихъ вкладчиковъ, и государственное казначейство по требованію кредитнаго учрежденія предоставляетъ авансы до 100,000 тал. изъ 3 проц.

Заемщики получаютъ ссуды наличными деньгами; владѣльцы закладныхъ листовъ имѣютъ право требовать уплату по нимъ изъ кассы учрежденія, заявивъ о томъ за 6 мѣсяцевъ впередъ; тѣмъ же самымъ правомъ пользуется и кредитное учрежденіе при погашеніи закладныхъ листовъ или при возвратѣ вкладовъ.

Завѣдываніе Ганноверскимъ кредитнымъ учрежденіемъ принадлежитъ министру внутреннихъ дѣлъ, который назначаетъ 3-хъ дворянъ, составляющихъ правленіе. Изъ сказаннаго явствуетъ, что Ганноверское учрежденіе земельнаго кредита есть правительственное учрежденіе.

Если мы обратимся къ результатамъ операцій этого кредитнаго учрежденія, то мы должны признать, что оно вполнѣ удовлетворило тѣмъ цѣлямъ, для которыхъ оно было учреждено. Уже съ перваго года своего существованія (1841 г.) ссуды выданныя для выкупа десятины (Zehntablösungen) были весьма значительны. Въ слѣдующемъ году выданныя ссуды достигли самой высшей цифры, какая ежегодно была въ теченіи всего времени существованія учрежденія, а именно въ этомъ году было выдано ссудъ до 1½ милл. талеровъ. Въ 3 и 4 году ссуды нѣсколько уменьшились, но не далеко отстали отъ этой цифры. Съ 5-го года цифра ссудъ ежегодно понижается. Причину этого слѣдуетъ искать не въ ослабленіи дѣйствій учрежденія, а въ постепенномъ исчезновеніи повинностей, къ выкупу которыхъ оно главнымъ образомъ было предназначено и которыя тотчасъ съ открытія его дѣйствій всѣ обратились къ выкупу.

Еще до открытія дѣйствій Ганноверскаго кредитнаго учрежденія обязанные повинностями крестьяне обращались къ выкупу путемъ частныхъ займовъ у постороннихъ лицъ или путемъ заключенія извѣстныхъ сдѣлокъ съ самимъ помѣщикомъ. Ганноверское учрежденіе земельнаго кредита мало-по-малу переводило на себя эти долги къ очевидной выгодѣ крестьянъ, которые этимъ путемъ могли воспользоваться болѣе продолжительными сроками кредита и погашенія.

Ссуды для иныхъ цѣлей, нежели выкупъ повинностей, также постоянно возрастали, особенно увеличились ссуды съ того времени, когда было разрѣшено выдавать ссуды общинамъ и подъ общественныя имущества. Не мало способствовало увеличенію ссуды дозволеніе уплачивать досрочно всякія суммы въ погашеніе капитальнаго долга. Эта льгота на практикѣ оказалась весьма благопріятною для

интересовъ заемщиковъ, не стѣсняя ихъ свободно распорядиться операціями своего хозяйства къ погашенію долговъ въ тотъ или другой срокъ, какой окажется для нихъ болѣе удобнымъ, подъ вліяніемъ часто измѣняющихся домашнихъ обстоятельствъ. Даже небогатые крестьяне стали прибѣгать къ кредиту, не только для выкупа своихъ повинностей, но и для раздѣловъ имущества по наслѣдству, для округленія своихъ владѣній и проч. Въ такихъ случаяхъ заемщикамъ нѣтъ надобности, чтобы сдѣлать оборотъ по хозяйству, прибѣгать къ слишкомъ долгосрочнымъ погашеніямъ. Дѣйствительно въ Ганноверскомъ, земельномъ кредитномъ учрежденіи весьма много встрѣчается займовъ съ условіемъ весьма высокихъ ежегодныхъ платежей отъ 5 проц. до 10 проц. на болѣе короткіе сроки погашенія капитала.

Ссуды общинамъ городскимъ и сельскимъ постоянно возростаютъ, особенно для содѣйствія общественнымъ сооруженіямъ и постройкамъ.

Обращаясь къ другой сторонѣ операцій Ганноверскаго кредитнаго учрежденія, ко вкладамъ или капиталамъ, которые учрежденіе само занимаетъ для производства операцій, мы должны замѣтить, что съ самаго начала своей дѣятельности оно получило значительное пособіе отъ казны, ссудившей ему всѣ суммы, которыя оно получало отъ выкупа десятины и другихъ повинностей въ государственныхъ имуществахъ. Для этого послѣдняго выкупа была учреждена особая выкупная касса. Всѣ суммы, полученныя отъ выкупа крестьянскихъ земель въ монастырскихъ имѣніяхъ, поступили также въ распоряженіе кредитнаго учрежденія. Всѣ суммы были выданы заимообразно изъ 3 проц. Но скоро кредитное учрежденіе стало пользоваться довѣріемъ частныхъ лицъ и ему стояли предлагать капиталы изъ $3^1/_2$ проц. Облигаціи учрежденія скоро стали выше пари. Скоро учрежденіе продавало свои $3^1/_2$ проц. облигаціи выше пари на одинъ и 2 проц. и даже возвратило государственному казначейству болѣе милліона талеровъ въ счетъ его ссуды. Въ 1849 году оно стало выпускать облигаціи по 3 проц. и уплатило государственному казначейству $^1/_2$ милл. талеровъ. Затѣмъ ганноверское учрежденіе земельнаго кредита начало обходиться безъ подкрѣпленія изъ казенныхъ источниковъ и дѣйствуетъ единственно какъ посредникъ между земельною собственностью и частными свободными капиталами.

Всѣ вклады или облигаціи учрежденія размѣниваются въ кассѣ и всегда могутъ быть возвращаемы. Это условіе постояннаго размѣна и возврата вкладовъ значительно содѣйствуетъ возвышенію курса ганноверскихъ облигацій. Ганноверское кредитное учрежденіе принимаетъ также депозиты или капиталы для храненія и въ зависи-

мости отъ продолжительности сроковъ по нимъ уплачивается отъ 2 проц. и болѣе. Судебныя мѣста, по закону, обязаны отдавать ему на храненіе капиталы, на которые налагается арестъ. Резервный фондъ къ 1850 г. составлялъ 55,000 талеровъ и съ тѣхъ поръ значительно возросъ. Вообще недоимки были незначительны и взыскиваются съ большою строгостью; къ публичной продажѣ имѣній и даже крестьянскихъ прибѣгаютъ часто, причемъ долги переводятся на покупщиковъ.

Нынѣ всѣ долги государственному казначейству погашены, такъ что оно ничего не стоило казнѣ, хотя и основано при ея содѣйствіи. Такое положеніе дѣлъ ганноверскаго земельнаго кредита зависитъ не только отъ его организаціи, но также вообще отъ успѣховъ народнаго хозяйства и развитія благосостоянія въ Ганноверѣ, отъ возрастанія народнаго капитала, развитія раціональнаго хозяйства и постояннаго выгоднаго сбыта сельско-хозяйственныхъ произведеній, возвышавшихъ цѣну самыхъ имѣній.

Кромѣ указаннаго учрежденія земельнаго кредита существуютъ въ Ганноверѣ еще слѣдующія мѣстныя учрежденія:

1) Дворянская кредитная компанія (Der Ritterschaftliche Creditverein).

2) Дворянская кредитная комиссія въ Каленбургѣ, Грубенгагенѣ и Гильдесгеймѣ.

и 3) Дворянская кредитная комиссія въ Бременѣ, Ведернѣ и Гадельнѣ.

Всѣ эти компаніи основаны на однихъ и тѣхъ же началахъ: заемщики дѣлаются членами и отвѣтствуютъ за всѣ долги, заключенные компаніею. Кредитъ въ нихъ организованъ на подобіи земельнаго кредита въ Пруссіи. Въ видахъ сокращенія расходовъ по управленію неоднократно подымался вопросъ о слитіи всѣхъ компаній въ одно учрежденіе земельнаго кредита, но провинціальныя учрежденія не желали жертвовать своей самостоятельностью и всегда противились такому сліянію.

Въ заключеніе относительно кредитныхъ учрежденій Германіи, основанныхъ на принципѣ взаимности въ примѣненіи къ ипотечному земельному кредиту, слѣдуетъ признать, что Германія единственная страна, гдѣ этотъ принципъ далъ дѣйствительно блестящіе результаты. Всѣхъ такихъ обществъ въ Германіи 22, не считая Central Landschaft für die Preussischen Staten, не выдающаго ссудъ, а занимающагося лишь реализаціей закладныхъ листовъ, выпускаемыхъ обществами. Въ 1887 г. было всего выпущено въ обращеніе закладныхъ листовъ на сумму около 2 милліардовъ марокъ, въ томъ числѣ 3 проц. закладныхъ листовъ было на 12.982,450 марокъ, $3^1/_2$ проц. листовъ—1.297.489,017 марокъ, 4 проц.—523.964,248 и $4^1/_2$

проц.—31.540,500 марокъ. Сообразно съ этимъ заемщики уплачиваютъ по выданнымъ ссудамъ съ погашеніемъ 4, 4½ и 5 проц.

IV.

Въ настоящей главѣ мы обратимся къ разслѣдованію организаціи земельныхъ банковъ въ Германіи.

Въ Баваріи преобладаетъ сравнительно съ другими частями Германіи крупная земельная собственность. Недостатокъ кредита въ сельскомъ хозяйствѣ чувствовался здѣсь съ давнихъ поръ, такъ какъ имѣнія были отягощены долгами на крайне невыгодныхъ условіяхъ. Въ 1834 г. былъ утвержденъ уставъ *баварскаго ипотечнаго и учетнаго банка* (Bayerische Hypotheken und Wechselbank zu München), сдѣлавшагося самымъ замѣчательнымъ акціонернымъ банкомъ нашего времени.

Этотъ банкъ представляется собственностью частной компаніи на акціяхъ. Первоначальный складочный капиталъ былъ 10 милліоновъ гульденовъ съ правомъ увеличить свой капиталъ въ акціяхъ до 20 милл. гульденовъ. Право учрежденія банка было даровано компаніи на 99 лѣтъ. Капиталы разныхъ правительственныхъ и присутственныхъ мѣстъ должны быть отдаваемы на храненіе въ банкъ и его конторы, а банкъ обязался уплачивать по этимъ вкладамъ проценты. Банкъ получилъ право выпускать въ обращеніе банковые билеты (Banknoten) на предъявителя въ размѣрѣ $^4/_{10}$ основнаго капитала. На $^3/_4$ суммы выпущенныхъ билетовъ банкъ долженъ всегда имѣть вдвое большую сумму выданныхъ имъ ипотечныхъ ссудъ, а остальная $^1/_4$ должна быть обезпечена рубль за рубль наличностью кассы въ звонкой монетѣ. Билеты банка принимаются при всѣхъ платежахъ въ казну по нарицательной цѣнѣ. Банкъ не обязанъ принимать къ исполненію никакихъ частныхъ и казенныхъ претензій на своихъ вкладчиковъ или вообще лицъ, которыхъ деньги или какія-либо цѣнности находятся въ его распоряженіи. Въ то же время банкъ имѣетъ право непосредственно, безъ всякаго особеннаго разрѣшенія, обращать взысканія всякихъ суммъ, должныхъ ему его вкладчиками, на находящіеся въ банкѣ вклады ихъ. Во всѣхъ дѣлахъ банка не допускается никакого различія между казною и частными лицами: первая подлежитъ тѣмъ же правиламъ отвѣтственности передъ банкомъ, какъ всякое частное лицо.

Существенная часть его операцій составляютъ ссуды подъ залогъ недвижимой собственности. Большая часть основнаго капитала затрачивается въ ипотечныхъ помѣщеніяхъ. Правленіе обязано заботиться, чтобы до $^3/_5$ основнаго капитала было постоянно въ ипотечныхъ ссудахъ; остальная часть капитала предназначается для другихъ

операцій банка. Спекуляція вообще запрещена банку, а также воспрещено ему принимать вклады иностранными облигаціями. Банкъ выдаетъ ссуды подъ залогъ всякой приносящей доходы недвижимой собственности, находящейся въ предѣлахъ баварскаго королевства. Ссуды выдаются въ размѣрѣ половинной стоимости залоговъ не менѣе 500 гульденовъ и только подъ первую ипотеку. Подданные королевства баварскаго могутъ закладывать въ банкъ свои имѣнія, находящіяся и въ другихъ частяхъ Германіи, если законы достаточно обезпечиваютъ сохранность залоговъ и быстроту взысканія долговъ.

Каждый желающій получить ссуду подъ свое имѣніе обязанъ представить, вмѣстѣ съ другими документами, оцѣнку имѣнія, произведенную на основаніи существующихъ для того правилъ, и закладной актъ на имѣніе, заключенный въ подлежащемъ присутственномъ мѣстѣ. Заемщикъ обязуется письменно признавать за основаніе своихъ отношеній къ банку только правила, заключающіяся въ уставѣ банка, и предоставляетъ, безъ всякаго съ своей стороны прекословія, въ случаѣ неисправности, черезъ 14 дней послѣ назначенныхъ для него сроковъ платежей въ банкъ, обратить взысканіе установленнымъ порядкомъ на заложенное имѣніе. Банкъ имѣетъ право обратить взысканіе слѣдуемыхъ ему денегъ по своему усмотрѣнію на каждую часть заложеннаго имущества, не стѣсняясь въ этомъ отношеніи никакимъ порядкомъ постепенности, установленнымъ вообще для ипотечныхъ долговъ, и неисправный должникъ не можетъ ни въ какомъ случаѣ оспаривать избраннаго банкомъ способа взысканія. Въ случаѣ неудовольствія, онъ можетъ дѣлать возраженія только лицамъ, производящимъ взысканіе, на самомъ мѣстѣ взысканія, не имѣя никакого права его пріостановить. Заемщикъ отказывается прибѣгать къ какимъ бы то ни было обложеніямъ и льготамъ, даруемымъ закономъ и правительствомъ частнымъ должникамъ. Далѣе банкъ выговариваетъ себѣ право требовать, при всякомъ поврежденіи заложеннаго имущества, возврата всего выданнаго въ ссуду капитала въ 6-ти мѣсячный срокъ. Наконецъ, если бы заемщикъ банка встрѣтилъ надобность, послѣ полученія ссуды изъ банка, въ новомъ займѣ подъ то же имущество отъ постороннихъ лицъ, то онъ обязывается сперва, для обезпеченія исправности своей передъ банкомъ, записать 1/10 часть банковаго долга еще разъ въ ипотечную книгу въ разрядъ долговъ второй ипотеки. Всѣ указанныя обязательства со стороны заемщика записываются въ ипотечную книгу. Нельзя не сказать, что такія условія ссуды изъ баварскаго банка до крайности суровы и едва-ли необходимы во всемъ своемъ объемѣ для состоятельности его операцій.

Для погашенія ипотечныхъ долговъ устроена въ баварскомъ банкѣ строгая система ежегодныхъ процентныхъ взносовъ (animités) со

стороны заемщиковъ въ счетъ занятыхъ капиталовъ. Ежегодное погашеніе капитальнаго долга обязательно для всѣхъ заемщиковъ, но они могутъ во всякое время вносить и сверхъ слѣдуемыхъ съ нихъ платежей деньги въ уплату своихъ долговъ, или даже уплатить весь капиталъ. При всякомъ добровольномъ взносѣ въ счетъ уплаты капитала дѣлается пропорціональная сбавка ежегодныхъ процентовъ. На обязательное погашеніе вносится обыкновенно 1 проц. и никакъ не менѣе ½ проц. Ежегодные платежи вносятся въ банкъ по полугодно. Такимъ образомъ по исчисленіямъ принятымъ въ банкѣ каждый долгъ погашается сполна: въ 61½ лѣтъ при ежегодномъ взносѣ въ 4½ проц., въ 43 года при взносѣ 5 проц.; въ 34½ года—при 5½ проц. и въ 29 лѣтъ при 6 проц. Въ указанныхъ взносахъ заключается собственно процентъ роста и погашенія. Расходы на управленіе исчисляются только при 61½ и 43 лѣтнихъ ссудахъ; при болѣе короткихъ срокахъ погашенія они вовсе не взыскиваются.

Погашенную часть капитальнаго долга заемщикъ всегда можетъ вновь получить въ ссуду. Въ видѣ исключенія при особенно благопріятныхъ условіяхъ состоятельности заложеннаго имущества допускаются банками ссуды на вѣчныя времена изъ 5 проц. безъ всякаго погашенія. Въ такомъ случаѣ съ банкомъ заключается особое условіе, остающееся неизмѣнно на имѣніи, при всѣхъ его будущихъ владѣльцахъ. Такіе непрерывные долги могутъ быть погашены единовременнымъ возвратомъ всего капитала.

Кромѣ ссуды подъ недвижимыя имущества, Баварскій банкъ производитъ и слѣдующія операціи:

1) Банкъ дисконтируетъ: а) всякія баварскія государственныя кредитныя бумаги, по которымъ полученіе обратно капитала или размѣнъ на звонкую монету не превосходитъ шести-мѣсячнаго срока со дня учета; б) коммерческіе векселя, срокъ уплаты по коимъ не превосходитъ 3 и 2 мѣсяцевъ со дня учета, в) векселя съ одною подписью (соло-векселя) принимаются къ учету съ закладомъ товаровъ, драгоцѣнныхъ вещей изъ камней, золота и серебра и государственныхъ кредитныхъ бумагъ, обращающихся на биржахъ въ Мюнхенѣ и Нюренбергѣ.

2) Банкъ выдаетъ ссуды подъ залогъ баварскихъ государственныхъ кредитныхъ бумагъ и своихъ собственныхъ акцій, золота и еребра не болѣе какъ на 90 дневный срокъ.

3) Банкъ держитъ открытые счеты (compte courant, giro geschäft) для мѣстныхъ купеческихъ домовъ и своихъ акціонеровъ.

4) Принимаетъ въ депозитъ всякія бумаги, документы, деньги и драгоцѣнныя вещи, со взиманіемъ съ депозитовъ извѣстнаго процента за храненіе.

и 5) Застрахованіе жизни и пожизненныхъ доходовъ, на осно-

ваніяхъ, утвержденныхъ правительствомъ и застрахованіе отъ огня.

Во главѣ банка стоятъ: дирекція и правленіе. Представителемъ всѣхъ акціонеровъ и ихъ интересовъ передъ дирекціей и правленіемъ служитъ особый постоянный комитетъ. Правительство съ своей стороны назначаетъ особаго чиновника для постояннаго наблюденія за операціями банка, 60 самыхъ значительныхъ акціонеровъ образуютъ собою постоянный банковый комитетъ, который избираетъ изъ своей среды членовъ дирекціи. Директоры выбываютъ по очередно и замѣщаются новыми членами комитета. Дирекція назначаетъ ежегодно изъ своей среды двухъ завѣдующихъ дѣлами или главныхъ директоровъ банка. Отъ дирекціи зависитъ общее направленіе всѣхъ операцій банка и руководство для каждой отрасли его дѣятельности. она устанавливаетъ всѣ общія правила операцій банка, обязанности должностныхъ лицъ и провинціальныхъ конторъ банка, ревизуетъ кассы, опредѣляетъ взносы складочнаго капитала по акціямъ, размѣръ дивиденда по акціямъ сверхъ обязательныхъ 3 проц. ежегодно выдаваемыхъ акціонерамъ, опредѣляетъ процентъ учета, процентъ ссуды и проч., назначаетъ должностныхъ лицъ и экспертовъ. Всѣ члены дирекціи исправляютъ свою обязанность безвозмездно. Правленіе банка состоитъ изъ главнаго директора и старшихъ чиновниковъ всѣхъ отдѣльныхъ отраслей дѣятельности банка. Вся исполнительная часть лежитъ на правленіи. Всѣ члены правленія, также какъ и прочія должностныя лица, получаютъ жалованье. Правленіе два раза въ годъ сводитъ счеты и представляетъ ихъ дирекціи и банковому комитету. Два раза въ годъ выводится балансъ и чистая прибыль. Изъ чистой прибыли выдается обязательный процентъ (3 проц.) акціонерамъ, затѣмъ 1/4 чистой прибыли отдѣляется въ запасный капиталъ и наконецъ остатокъ распредѣляется въ пользу акціонеровъ. Когда запасный капиталъ составляетъ 7 1/2 проц. на весь основной капиталъ, то вся чистая прибыль выдается акціонерамъ. При дирекціи находится особый юрисконсультъ для судебныхъ вопросовъ.

Изъ изложеннаго порядка управленія баварскаго банка видно, что оно находится исключительно въ рукахъ крупныхъ акціонеровъ, и потому большая часть акціонеровъ навсегда отстранены отъ всякаго не только участія въ управленіи, но даже контроля надъ дѣйствіями дирекціи.

Мы видѣли, что фондомъ для ипотечныхъ ссудъ въ баварскомъ банкѣ независимо отъ складочнаго капитала, служатъ депозиты и посторонніе вклады, преміи страхователей и главнымъ образомъ циркуляціонные билеты, которые банкъ можетъ выпустить до 8 милл. гульденовъ. Возможность выпуска собственныхъ, безпроцентныхъ билетовъ подъ залогъ имѣній даетъ особенный просторъ дѣйствіямъ

банка и, конечно, сопряжена съ чрезвычайными прибылями для банка.

Изъ разсмотрѣнія отчетовъ за первые 23 года дѣятельности баварскаго банка видно, что обороты по ипотечнымъ ссудамъ были весьма значительны (болѣе 17 милл. гульд.), при чемъ число заемщиковъ съ каждымъ годомъ увеличивается. Возростаніе ссудъ весьма естественно, такъ какъ банкъ съ развитіемъ своихъ операцій постепенно развивалъ свою ссудную дѣятельность, Что касается состава ссудъ, то мы находимъ рѣшительное преобладаніе мелкихъ капиталовъ (отъ 50—300) надъ крупными (болѣе 3000 гульд.). Самое большее количество ссудъ приходится на капиталы отъ 50—1000 гульд.

Составъ заемщиковъ съ открытія дѣйствій банка по 1855 г. былъ слѣдующій:

1. Общины	101	ссуда	на сумму	498.730	гульд.
2. Монастыри и благотв. духовныя учрежденія (Stiftungen)	19	»	»	511.300	»
3. Церкви (Pfarrien) . . .	57	»	»	116.305	»
4. Корпораціи	13	»	»	78.700	»
5. Дворяне	185	»	»	5.951.380	»
6. Залогъ домовъ въ большихъ городахъ . . .	363	»	»	1.643.350	»
7. Фабричн. заведенія .	37	»	»	884.500	»
8. Разные промышленники и ремесленники	2643	»	»	6.608.150	»
9. Крест.-землепашцы .	8.073	»	»	11.449.055	»
А всего (1836—1855 г.)				27.741.970	гульд.

Такимъ образомъ самое значительное количество ссудъ и по числу заемщиковъ и по объему капиталовъ принадлежитъ двумъ послѣднимъ категоріямъ промышленныхъ людей и крестьянъ, слѣдовательно большая часть капиталовъ баварскаго банка затрачены въ землю и сельское хозяйство и непричастны спекуляціи.

Изъ отчетовъ видно, что основной капитклъ банка достигъ своихъ крайнихъ предѣловъ, назначенныхъ ему по уставу въ 20 милл. гульд., уже въ 1852 году. Къ этому времени и выпускъ билетовъ также достигъ своего maximuma, опредѣленнаго въ законѣ. Въ движеніи по дисконту мы замѣчаемъ колебанія, которыя до 1848 г. вращаются около одной цифры 7 милл. гульд. Въ революціонный періодъ дисконтъ быстро падаетъ и еще быстрѣе подымается съ возстановленіемъ дѣлъ въ Европѣ, послѣ революціонного застоя промышленности. Въ то же время капиталъ, затраченный въ ипотечныхъ ссудахъ, не только давно достигъ узаконенныхъ $^3/_5$ основнаго капитала, но далеко превышаетъ эту пропорцію. Послѣ 6 лѣтъ сво-

его существованія, въ 1840 году почти весь основной капиталъ компаніи былъ затраченъ въ ипотечныхъ ссудахъ, а съ 1846 г. капиталъ въ ипотечныхъ ссудахъ превышаетъ основной до 1852 г. Прибыли отъ ипотечныхъ операцій далеко превышаютъ прибыли отъ всѣхъ другихъ операцій. Въ 1852 г. основной капиталъ былъ доведенъ до 20 милл. гульд., вѣроятно, въ виду усилившихся послѣ революціоннаго періода требованій на ссуды, которыя, дѣйствительно, возростали до 1854 г. Но съ 1854 г. капиталъ, затраченный въ ипотечныхъ ссудахъ уже постоянно менѣе основнаго капитала. Самые высокіе дивиденды по баварскому банку были въ 1854, 1855 и 1856 годахъ а именно $6^1/_2$% $6^4/_5$% и $7^4/_5$ проц. Въ этомъ періодѣ основной капиталъ преобладаетъ надъ капиталомъ затраченнымъ въ ипотечныхъ ссудахъ, а поземельный кредитъ вообще уже отступаетъ въ этомъ періодѣ на второй планъ и чрезвычайно усиливается учетъ и другія банковыя операціи, которыя только и могли дать такіе дивиденды, совершенно недоступные для земельнаго кредита.

Съ 1856 г. въ баварскомъ банкѣ сдѣланы многія важныя преобразованія. Банкъ совершенно закрылъ систему погашенія ежегодными процентными взносами. Обороты банка съ этого времени направлены къ инымъ промышленнымъ и коммерческимъ интересамъ нежели земельный кредитъ, который прежде преобладалъ въ его операціяхъ. Вмѣстѣ съ указанными преобразованіями сдѣлано въ баварскомъ банкѣ съ разрѣшенія правительства расширеніе коммерческаго кредита, допущены къ учету коммерческія и кредитныя бумаги въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, чѣмъ прежде. Соединеніе обоего рода кредитовъ ипотечнаго и коммерческаго и дружное совокупное развитіе того и другого въ одномъ учрежденіи, вѣроятно, сдѣлалось затруднительнымъ, тѣмъ болѣе замѣтнымъ посреди всеобщаго коммерческаго и промышленнаго оживленія Германіи въ послѣднее время.

Нассаускій банкъ (Nassauische Landesbank) былъ преобразованъ изъ прежней кредитной кассы (Landescredit casse), существовавшей съ 1840 г. Эта касса выдавала ссуды подъ залогъ недвижимыхъ имѣній отдѣльнымъ лицамъ и общинамъ, а также занималась выкупомъ крестьянскихъ повинностей, текущими счетами по коммерческимъ дѣламъ и пріемомъ вкладовъ на храненіе. Для такихъ операцій касса располагала: а) выпускомъ банковыхъ билетовъ, б) займами у банкировъ съ выдачею имъ облигацій, в) въ срочныхъ займахъ у разныхъ лицъ и г) въ вспоможеніяхъ изъ кассъ казенныхъ учрежденій. Какъ правительственное учрежденіе, касса должна была преимущественно содѣйствовать финансовымъ операціямъ правительства и его разнымъ предпріятіямъ. Долгосроч-

ныя ссуды производились съ постепеннымъ погашеніемъ процентными взносами. Въ выкупныхъ операціяхъ касса требовала предварительнаго соглашенія между крестьянами и помѣщиками и потомъ, удовлетворивъ послѣднихъ, становилась на мѣсто ихъ и погашала, въ опредѣленные сроки, капитализированныя повинности разложеніемъ платежей на крестьянъ.

Въ 1849 г. Нассауская касса была преобразована въ національный банкъ, обнимающій собою всѣ отрасли коммерческаго кредита. Въ то же время онъ поступилъ въ распоряженіе капиталистовъ, которые сдѣлались его акціонерами и завѣдуютъ его управленіемъ подъ надзоромъ правительства. Операціи по выдачѣ ипотечныхъ ссудъ, однако, продолжаются. Выкупъ повинностей былъ сдѣланъ обязательнымъ и банкъ получилъ разрѣшеніе выпускать для того 4-хъ проц. облигаціи съ постепеннымъ погашеніемъ капитала. Вмѣстѣ съ тѣмъ банкъ получилъ право на выпускъ до 1 милл. гульден. билетовъ съ узаконеннымъ курсомъ.

Впослѣдствіе Нассаускій банкъ гораздо болѣе сталъ расширять свои коммерческія операціи и ссуды правительству. Ипотечный все болѣе отступаетъ на второй планъ, хотя этотъ банкъ оказалъ ипотечному кредиту не малую услугу.

Въ Гессенъ-Дармштадскомъ великомъ герцогствѣ есть земскій банкъ (Renten Anstalt) *рентное учрежденіе*, но его операціи не обширны, такъ какъ взимаемый по ссудамъ процентъ высокъ, а компанія съ своей стороны предпочитаетъ пускать свои капиталы въ оборотъ по другимъ операціямъ. Многіе другіе банки производятъ ипотечныя операціи при весьма разнообразныхъ формахъ своего устройства, но какъ побочную отрасль. Чисто ипотечныя учрежденія представляются болѣе или менѣе въ тѣхъ нормахъ, которыя нами указаны.

Въ настоящее время въ Германіи акціонерныхъ земельныхъ банковъ всего 29. Выдаютъ они ссуды преимущественно подъ залогъ городской недвижимости, въ меньшей степени оказываютъ кредитъ землевладѣнію и, притомъ, преимущественно крупному, и затѣмъ выдаютъ ссуды общинамъ и городамъ безъ ипотечныхъ обезпеченій. Въ 1890 г. всего было въ обращеніи закладныхъ листовъ этихъ банковъ на сумму болѣе 3 милліардовъ марокъ, главнѣйшую часть которой составляли 4 проц. закладные листы на сумму 1.658.000.000 марокъ и 3½ проц. листы на 1.266.000.000 марокъ.

Операціи германскихъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ имѣютъ ту невыгодную для нихъ сторону, что ссуды ихъ не имѣютъ преимущественнаго обезпеченія въ первой ипотекѣ, а въ случаѣ несостоятельности заемщика претензіи банковъ по ссудамъ поступаютъ въ конкурсную массу. Вслѣдствіе этого закладные листы этихъ бан-

ковъ долгое время не пользовались довѣріемъ публики и реализація ихъ и до сихъ поръ стоитъ большихъ расходовъ. Банки принимаютъ на себя эти хлопоты, взимая большую коммиссію съ заемщика, которому ссуда, обязательно, по уставу выдается наличными деньгами. Кромѣ того закладные листы выпускаются на болѣе короткіе сроки, сравнительно съ Landschaften, что въ свою очередь увеличиваетъ платежи на погашеніе.

IV.

Къ категоріи учрежденій земельнаго кредита, основанныхъ на началахъ товарищества землевладѣльцевъ, принадлежитъ *сословный ипотечный банкъ въ Галиціи* (Galizische standische Hypotheken-Bank) главное учрежденіе земельнаго кредита въ Австріи.

Ипотечная часть въ Австріи находится въ большомъ порядкѣ; особыя книги или регистры, заведенныя въ присутственныхъ мѣстахъ, содержатъ въ себѣ подробное и точное описаніе всѣхъ недвижимыхъ имуществъ и обозначеніе всѣхъ состоящихъ на нихъ долговъ. Къ сожалѣнію, процентъ, по которому заключаются займы подъ имѣнія, въ Австріи весьма высокъ сравнительно съ другими странами, хотя правительство и употребляло разныя мѣры къ содѣйствію нуждамъ земледѣлія, занимающаго важное мѣсто въ народной дѣятельности Австріи.

Галиційское товарищество основано въ 1841 году по вызову собранія представителей мѣстныхъ сословій; оно устроено и дѣйствуетъ во всемъ на тѣхъ же основаніяхъ, какія приняты прусскими учрежденіями, а потому мы здѣсь вкратцѣ укажемъ только на нѣкоторыя особенности.

Галиційскій сословный банкъ состоитъ изъ землевладѣльцевъ-заемщиковъ. Онъ выдаетъ закладные листы, обращаетъ ихъ продажею въ деньги, получаетъ проценты и погасительные платежи заемщиковъ, уплачиваетъ проценты по закладнымъ листамъ и ежегодно выкупаетъ, за счетъ погасительнаго фонда, листы изъ обращенія. Его кредитъ обезпеченъ ручательствомъ всѣхъ мѣстныхъ галиційскихъ сословій, но эта гарантія болѣе нравственная, чѣмъ экономическая. Самый меньшій размѣръ ссудъ составляетъ 1000 флориновъ. Долги лежатъ на самомъ имѣніи, а не на владѣльцахъ; всякій пріобрѣтатель имѣнія, заложеннаго въ компаніи, тѣмъ самымъ дѣлается ея членомъ. Владѣлецъ закладного листа (Pfandbrief) не имѣетъ права требовать уплаты капитала, но компанія можетъ всегда его выкупить по номинальной цѣнѣ, объявивъ о семъ за 6 мѣсяцевъ впередъ. Выкупъ производится по тарифу. Закладные листы выпускаются различной стоимости отъ 100—10.000 флор.

Банкъ уплачиваетъ по листамъ ежегодно 4 проц. въ два срока. Каждый закладной листъ снабженъ купонами для полученія процентовъ въ теченіи 10 лѣтъ. Каждый владѣлецъ, желающій получить ссуду, подписываетъ особый закладной актъ, выдаваемый имъ компаніи на свое имѣніе. Но облигаціи, выпущенныя компаніею, не носятъ на себѣ названія имѣнія, подъ которое выпущены, а обезпечиваются всею совокупностью ссуды и залоговъ.

Каждый заемщикъ уплачиваетъ банку: а) проценты роста на капиталъ, б) на погашеніе 1 проц. в) на расходы управленія 1/4 проц. и г) единовременно 3 проц. при заключеніи займа для составленія запаснаго фонда. При этой системѣ погашенія долгъ уплачивается въ 41 годъ.

Банкъ принимаетъ впередъ всякіе платежи и во всякое время, списывая соотвѣтствующую часть долга. Когда погашена 1/4 всего капитальнаго долга, то заемщикъ можетъ просить о разсрочкѣ остающихся 3/4 долга на такой періодъ, какъ если бы этотъ заемъ былъ вновь имъ заключенъ. Это послѣднее правило очень важно по тѣмъ облегченіямъ, которыя оно предоставляетъ землевладѣльцамъ.

Галиційскій банкъ выдаетъ вообще ссуды только подъ имѣнія, свободныя отъ всякихъ долговъ, т. е. подъ первую ипотеку, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ банкъ можетъ выдавать ссуды и подъ имѣнія, уже заложенныя.

Всѣми дѣлами банка завѣдуетъ комитетъ; недовольные его дѣйствіями могутъ искать удовлетворенія административнымъ или судебнымъ порядкомъ. При всякой неисправности со стороны банка въ платежѣ процентовъ по закладнымъ листамъ на него могутъ быть подаваемы жалобы въ Лембергскій судъ и владѣлецъ можетъ требовать наложенія запрещенія на одно изъ имѣній, заложенныхъ въ банкѣ.

Кромѣ собственныхъ капиталовъ банкъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи пособіе отъ галиційскихъ сословій (Landstände): 1) остатки отъ формированія императорскихъ улановъ и 2) нѣкоторую долю капитала, собраннаго для обезпеченія народнаго продовольствія. Всѣ капиталы и сбереженія городскихъ кассъ, корпорацій, благотворительныхъ заведеній и проч. должны быть обращаемы въ закладные листы банка. Наконецъ, галиційскія сословія обязались всегда открывать кредитъ банку изъ своихъ общественныхъ сборовъ.

Не смотря на многія достоинства галиційскаго банка и услуги, оказанныя имъ мѣстному сельскому хозяйству, онъ не удовлетворяетъ потребности въ кредитѣ всѣхъ австрійскихъ земель. Для содѣйствія земледѣлію въ 1856 году было открыто *ипотечное отдѣленіе* при *Вѣнскомъ привиллегированномъ національномъ банкѣ*.

Это учрежденіе весьма мало удовлетворяетъ потребностямъ и

цѣлямъ поземельнаго кредита. Система постепеннаго погашенія путемъ ежегодныхъ взносовъ совершенно исключена изъ плана операцій ипотечнаго отдѣленія. Отдѣленіе это выдаетъ ссуды подъ имѣнія на неопредѣленное время деньгами или закладными листами. Процентъ ссудъ очень высокъ и составляетъ 5 проц. Самыя стѣснительныя правила наблюденія за неприкосновенностью залоговъ и немедленнаго наложенія на нихъ ареста въ случаѣ малѣйшихъ ущербовъ въ имѣніяхъ предоставлены отдѣленію и даютъ поводъ къ злоупотребленіямъ и произволу. Впрочемъ дѣятельность вѣнскаго банка по земельному кредиту была всегда крайне ничтожною; онъ слишкомъ обремененъ финансовыми операціями и затрудненіями казны, для вспомоществованія которой онъ собственно и былъ созданъ.

Банки, введенные въ Австро-Венгріи по образцу германскихъ Landschaften не получили тамъ до сихъ поръ серьезнаго развитія и значенія, а потому о нихъ мы не будемъ распространяться. Въ настоящее время землевладѣнію оказываютъ кредитъ: 1) австро-венгерскій государственный акціонерный эмиссіонный банкъ и 2) акціонерные земельные банки, между которыми главное мѣсто занимаетъ Oesterreichische Bodencredit Anstalt, устроенный по образцу Crédit foncier de France.

Австро-венгерскій банкъ выдаетъ землевладѣльцамъ ссуды на 41 и 50 лѣтъ изъ $5^1/_4$ и $5^1/_2$ проц. съ погашеніемъ, выпуская закладные листы по 4 проц. и $4^1/_2$ проц. Но по уставу онъ не имѣетъ права выпускать закладныхъ листовъ болѣе какъ на 150.000.000 гульденовъ, а въ дѣйствительности, въ виду своихъ функцій центральнаго эммиссіоннаго государственнаго банка, не переходитъ и 100.000.000 гульденовъ, такъ что значеніе его какъ банка земельнаго совершенно ничтожно.

Кредитъ изъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ обходится землевладѣльцамъ отъ 6 до 7 проц. годовыхъ и дороже съ погашеніемъ, смотря по тому, какіе закладные листы выпущены, съ преміями или безъ оныхъ. Комиссія въ пользу банковъ была первоначально опредѣлена въ 1 проц. въ годъ, а послѣ 1887 года понижена до $^3/_4$ проц. годовыхъ.

Вообще надо признать, что земельный кредитъ въ Австро-Венгріи принадлежитъ къ числу самыхъ дорогихъ.

А. Клоппенбургъ.

Чеченская Медея.

(РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ШАМИЛЯ).

На днѣ глубокаго ущелья, образуемаго небольшой, но довольно бурной рѣчкой Акхъ, между двумя рядами угрюмыхъ, обрывистыхъ скалъ, пріютился небольшой аулъ Харочой. Не вдалекѣ отъ аула, на высокой, острой, точно лезвіе меча, скалѣ гордо возвышалась, теперь полуразрушенная, пирамидальная башня, сложенная изъ громаднаго дикаго камня.

Въ давно прошедшія времена, башня эта, какъ гласитъ легенда, была построена гордыми братьями изъ воинственнаго племени Эрбый. Братья эти извѣстны въ народѣ тѣмъ, что имъ удалось найти источникъ живой воды, выпивъ которую, они могли существовать до воскресенія мертвыхъ; но выпить этой воды братьямъ не удалось, потому что мать ихъ, не зная свойствъ воды и случайно найдя ее въ сосудѣ, выпила, а остальную вылила во дворъ. За это сыновья бросили мать и разбрелись по разнымъ землямъ; мать-же до сихъ поръ ходитъ по бѣлу свѣту, отыскивая своихъ сыновей, и не умретъ до конца вѣка.

Надъ ауломъ, на громадной высотѣ тянется узкая дорога, вырубленная съ страшными усиліями и опасностью въ скалахъ. Дорога эта ведетъ въ крѣпость Ведено, бывшую резеденцію страшнаго для русскихъ Шамиля.

Во время кавказской войны, въ аулѣ Харочой не далеко отъ башни жилъ богатый и знатный чеченецъ Чангорой, считавшій себя потомкомъ Эрбый. Семейство Чангороя состояло изъ трехъ сыновей, храбрыхъ и смѣлыхъ джигитовъ, готовыхъ во всякое время захватить и убить русскаго солдата, и одной дочери, прекрасной Эртэ, прославившейся своей красотой по всей Чечнѣ и Дагестану. Старикъ Чангорой былъ страстный фанатикъ и непримиримый врагъ русскихъ. При видѣ рус-

скихъ и даже только при воспоминаніи о нихъ глаза его наливались кровью, рука крѣпко сжимала оружіе, а изъ гортани вылетали звуки, напоминающіе рычаніе тигра. Въ эти минуты онъ былъ безпощаденъ и неумолимъ. Свой фанатизмъ, свою ненависть къ русскимъ и преданность Шамилю Чангорой внушилъ и сыновьямъ, также какъ передалъ имъ характерныя особенности своего племени—двуличность и лживость. Чангорой былъ очень суровъ, гордъ и требовалъ отъ своихъ сыновей безусловнаго повиновенія и почтенія, любви же особенной къ нимъ не чувствовалъ, онъ любилъ только себя. Что касается до остальныхъ членовъ его семьи, т. е. до жены и дочери, то къ нимъ онъ относился болѣе чѣмъ равнодушно; на жену смотрѣлъ, какъ на рабыню, иногда снисходительно, а большею частею съ брезгливостью и презрѣніемъ. Дочь для него была рабочей силой, пока не выросла, а затѣмъ товаромъ, который онъ хотѣлъ продать какъ можно дороже и выгоднѣе; ко всему, что не касалось его семьи и его самого, онъ относился враждебно, съ ненавистью, былъ страшно самолюбивъ и мстителенъ.

Всю свою жизнь Чангорой провелъ въ томъ, что придумывалъ разныя казни русскимъ; ловкій, отважный, хорошо и мѣтко стрѣляющій, онъ часто со своими джигитами-сыновьями неожиданно наскакивалъ изъ за густаго лѣса или изъ за скалъ на отдыхающія русскія войска и производилъ тамъ страшное смятеніе; случалось часто, что они уводили русскихъ солдатъ въ плѣнъ и тогда уже плѣнникамъ не было пощады. Чангорой былъ жестокъ до самозабвенія и, напавъ на ненавистнаго ему русскаго, готовъ былъ терзать свою жертву до безконечности, наслаждаясь ея муками и стонами.

Между чеченцами онъ слылъ за самаго богатого, но никто не зналъ, сколько у него денегъ и гдѣ хранятся. Чеченцы вообще очень скрытны и прячутъ свое добро такъ, что самые близкіе родные, даже наслѣдники не знаютъ этого завѣтнаго мѣста. Чангорой былъ преданнымъ другомъ и довѣреннымъ лицомъ Шамиля, который поручалъ ему закапывать свои богатства; объ этихъ закопанныхъ кладахъ еще до сихъ поръ существуютъ преданія, и многіе льстятъ себя надеждой когда нибудь напасть на одинъ изъ кладовъ.

Въ описываемое время вся Чечня была занята русскими войсками и мало по малу покорена; не сдавалась только одна

крѣпость Гунибъ, твердо и непоколебима стоявшая на неприступной скалѣ. Въ этой крѣпости засѣлъ непобѣдимый фанатикъ Шамиль съ самыми преданными и отчаянными храбрецами. Шамиль, благодаря своему ученію о святости и обязательности войны съ невѣрными, которому чеченцы отдались съ сильнымъ увлеченіемъ, крѣпко захватилъ въ свои руки власть и велъ отчаянную, упорную борьбу съ русскими. Война эта велась со всѣми пріемами дикихъ, жестокихъ варваровъ, нападающихъ не открыто, а отдѣльными шайками въ самые неожиданные моменты для русскихъ.

Особенной смѣлостью и кровожадностью въ этихъ нападеніяхъ отличалась шайка Чангороя и его сыновей. Какъ только наступалъ вечеръ, Чангорой садился на коня и въ сопровожденіи сыновей отправлялся въ непроходимые для русскихъ войскъ лѣса, выслѣживать своихъ враговъ.

Былъ тихій лѣтній вечеръ, солнце давно спряталось за мрачныя скалы, угрюмо смотрѣвшія на борьбу своихъ дикихъ сыновъ съ пришлыми русскими. Кое гдѣ въ сакляхъ мелькали огоньки, но тотчасъ-же исчезали. Въ аулѣ была тишина, изрѣдка нарушаемая лаемъ собакъ или пронзительнымъ, гортаннымъ крикомъ чеченца, служащимъ какимъ нибудь сигналомъ. Въ обширной, богато убранной коврами и оружіемъ саклѣ Чангороя шли тихіе, но быстрые сборы на ночную прогулку. Самъ Чангорой, высокій, сѣдой, со взглядомъ неукротимаго сокола старикъ, былъ уже въ полномъ вооруженіи и ждалъ только, чтобы жена подвела ему коня и подала стремя. Три сильныхъ и рослыхъ джигита-сына на скоро доканчивали свою трапезу.

— Ну, скоро вы тамъ! раздался суровый голосъ отца, не зачѣмъ такъ усердно набивать свой животъ, сытый человѣкъ не можетъ быть храбрымъ и жестокимъ воиномъ. Кончайте скорѣй, нечего терять времени, насъ ждутъ.

Съ этими словами Чангорой осмотрѣлъ еще разъ свою винтовку и вышелъ изъ сакли во дворъ, гдѣ жена держала осѣдланную въ дорогое, расшитое серебромъ, сѣдло лошадь и молча съ почтеніемъ подала ему стремя. Вслѣдъ за отцемъ вскочили на коней сыновья и, по положенному обычаю, слѣдовали за нимъ, два старшіе сына по бокамъ отца, а младшій сзади, составляя какъ бы охранную стражу.

Проводивъ мужа и сыновей, старуха заперла ворота и во-

шла въ саклю, гдѣ ея дочь, смуглая, стройная красавица Эртэ, убирала посуду и остатки трапезы послѣ своихъ братьевъ.

— Что, Эртэ, не приходилъ еще твой молочный братъ? спросила старуха у дочери. Онъ опоздалъ сегодня во-время пригнать нашихъ козъ и коровъ.—Не случилось ли съ нимъ бѣды какой!...

— Да, я думала уже объ этомъ, отвѣчала дѣвушка, и все ждала, когда отецъ съ братьями уѣдутъ изъ дома, чтобы пойти провѣдать его.

— Какъ же ты пойдешъ теперь одна? испугалась старуха, вѣдь тебя можетъ схватить кто нибудь изъ русскихъ солдатъ!

— Ну, русскимъ некогда заниматься кражей дѣвушекъ, это дѣло нашихъ бездѣльниковъ-джигитовъ, отвѣчала Эртэ. Я пойду, мама, и не безпокойся обо мнѣ, я съумѣю защитить себя,—указала она на пистолетъ, висѣвшій у ней за масивнымъ серебрянымъ поясомъ.

— Охъ, и чего ты родилась дѣвкой! былъ бы изъ тебя хорошій парень-джигитъ и доля твоя была-бы счастливѣе, чѣмъ теперь, грустно проговорила мать, смотря вслѣдъ уходящей дѣвушкѣ.

Эртэ быстро прошла дворъ и легкими, свободными шагами стала взбираться на скалу, гдѣ стояла башня. Не успѣла она пройти половины скалы, какъ отъ башни отдѣлилась темная фигура и тихо направилась къ ней.

— Эртэ! Эртэ! ты это? раздался въ тишинѣ мужской голосъ. Что ты такъ поздно?

— Нельзя было раньше придти, также тихо отвѣчала дѣвушка. Отецъ все не уѣзжалъ изъ дома, я уже и то обманула мать, что иду къ своему молочному брату, пастуху Карною, узнать о нашихъ козахъ и коровахъ; она будетъ ждать меня; намъ надо скоро разстаться.

— Ну, нѣтъ, моя дорогая Эртэ, я не выпущу тебя такъ скоро, сказалъ мужчина и, схвативъ въ свои объятья дѣвушку, потащилъ ее къ башнѣ, покрывая страстными поцѣлуями.

— Послушай, милый, тихо и грустно заговорила Эртэ, когда они, успокоившись послѣ перваго порыва страстныхъ ласкъ, сидѣли, тѣсно прижавшись другъ къ другу, за громаднымъ выступомъ башни. Я прошу, я умоляю тебя, не ходи больше сюда на свиданіе со мной. Всякій разъ, когда я жду тебя, сердце мое обливается кровью. Я боюсь за тебя,

дрожу за твою жизнь! Вѣдь здѣсь на каждомъ шагу тебя ждетъ смерть. Ты не знаешь, на что способны наши чеченцы и какъ они ненавидятъ всѣхъ русскихъ.

— Знаю, знаю, моя звѣздочка, твои чеченцы съ удовольствіемъ сдерутъ съ меня кожу и отрѣжутъ мою буйную головушку, весело отвѣчалъ возлюбленный Эртэ, но я такъ люблю тебя и такъ жажду всегда тебя видѣть, что никакіе чеченцы испугать меня не могутъ. Да и чего бояться? вѣдь все равно, если суждено мнѣ быть убитому чеченцами, они убьютъ меня, какъ-бы я ни прятался; такъ ужъ лучше пусть убиваютъ здѣсь, ради прекрасныхъ глазъ моей Эртэ.

И онъ со страстью принялся цѣловать черные глаза и волнистыя кудри дѣвушки.

— Ахъ, милый, милый!—тихо отстранилась Эртэ,—ты все смѣешься, да шутишь, а того не знаешь, что твоя Эртэ ни днемъ, ни ночью не знаетъ покоя и все боится за своего друга. Не знаешь ты, что давно уже твою Эртэ сватаетъ богатый князь, и только благодаря теперешней войнѣ отложены переговоры о свадьбѣ. Не знаешь того, что отецъ мой вмѣстѣ съ братьями поклялся на Коранѣ, въ присутствіи Шамиля, каждый день, пока продолжается война, убивать по нѣсколько человѣкъ русскихъ, брать ихъ въ плѣнъ и мучить. И онъ держитъ эту клятву!—прибавила она, испуганно озираясь по сторонамъ.—А что будетъ, когда онъ узнаетъ, что его дочь любитъ русскаго офицера? Вѣдь онъ на куски разорветъ тебя и меня!

— Значитъ, мы умремъ вмѣстѣ! развѣ тебѣ это не пріятно?—нѣжно спросилъ офицеръ, снова привлекая къ себѣ дѣвушку.

Въ это время, не вдалекѣ отъ башни, раздался пронзительный свистъ и послышалось мычаніе коровы. Эртэ быстро вскочила на ноги, а офицеръ вскинулъ на руку винтовку, приготовляясь стрѣлять.

— Успокойся, милый, не стрѣляй. Это Карной, я узнала его свистъ, — произнесла Эртэ, всматриваясь въ даль. Мы съ нимъ условились, что онъ предупредитъ меня, когда нужно будетъ возвращаться домой. Если-бы не Карной, то мнѣ не удалось бы сегодня видѣть тебя, мое солнце,—нѣжно прибавила она.—Я просила Карноя подольше не возвращаться сегодня съ нашими коровами и козами, чтобы я могла сказать

матери, что пойду искать его. Теперь намъ надо разстаться съ тобой, я вернусь домой вмѣстѣ съ Карноемъ, и мы скажемъ матери, что долго искали пропавшую козу. Ну, прощай, мой дорогой, мой возлюбленный, не приходи больше сюда; не рискуй своей жизнью и помни свою Эртэ! Я сама найду случай придти къ тебѣ.

Послѣ долгихъ объятій, поцѣлуевъ и клятвъ влюбленные разстались. Эртэ съ легкостью птицы спустилась внизъ, гдѣ ее ожидалъ вѣрный Карной въ обществѣ козъ и коровъ, а русскій офицеръ поползъ, цѣпляясь за кусты и камни, вверхъ, по скалѣ, гдѣ въ темнотѣ, точно бѣлая лента, виднѣлась дорога, на которой кое-гдѣ свѣтились сторожевые огни русскихъ аванпостовъ.

II.

Эртэ встрѣтилась съ молодымъ русскимъ офицеромъ Нечаевымъ недѣли три тому назадъ, не вдалекѣ отъ башни, около холоднаго, чистаго горнаго ручья, куда она каждое утро ходила съ кувшиномъ за водой; здѣсь же она часто купалась, или мыла овечью шерсть.

Погруженная въ тщательное мытье шерсти, Эртэ не замѣтила, какъ къ ней подошелъ офицеръ, переодѣтый чеченцемъ, и долгое время съ восторгомъ смотрѣлъ на ея молодое, свѣжее лицо и маленькія ручки, проворно перебирающія спутанную шерсть. Увидавъ его совсѣмъ близко около себя, она испуганно вскрикнула и уронила шерсть въ быстрый потокъ. Офицеръ ловко подхватилъ шерсть и подалъ сконфуженной дѣвушкѣ, заговоривъ съ ней по чеченски. При звукѣ родного языка, Эртэ съ удивленіемъ подняла на него глаза и стала внимательно разсматривать его наружность. По виду и разговору онъ совсѣмъ не былъ похожъ на чеченца, но говорилъ по чеченски очень правильно.

Мало-по-малу между ними завязался разговоръ, и Эртэ узнала, что офицеръ былъ русскій, но нарочно переодѣлся чеченцемъ, чтобы свободнѣе ходить по окрестностямъ; что онъ знаетъ чеченскій языкъ еще съ дѣтства, такъ-какъ родился на Кавказѣ и у него была нянька чеченка, которая его научила говорить по чеченски, и любить чеченскихъ женщинъ, особенно молоденькихъ, красивыхъ, какъ его собесѣдница.

Незамѣтно Эртэ проговорила съ офицеромъ около двухъ часовъ, а вернувшись домой, почувствовала, что сердце ея на всегда отдано русскому красавцу. Съ тѣхъ поръ они видѣлись каждый день, то утромъ у ручья, то вечеромъ у башни. Чеченцы не сдавались, а русскія войска не могли покинуть эти горы, не покоривъ ихъ; пользуясь этимъ, влюбленные наслаждались своимъ счастьемъ, не смотря на страшную опасность, ежеминутно грозившую имъ. Въ тайну своей любви Эртэ посвятила своего молочнаго брата и друга дѣтства, бѣднаго пастуха Карноя.

Карной былъ тремя годами старше Эртэ, и все свое дѣтство, до смерти матери провелъ въ домѣ Чангороя. Онъ страстно любилъ Эртэ и готовъ былъ для нея въ огонь и воду. По смерти матери, Чангорой сдѣлалъ его пастухомъ своего стада, благодаря чему Карной имѣлъ кусокъ хлѣба. Карной былъ настоящій сынъ природы, крѣпкій, сильный и здоровый. Вмѣсто умершаго отца его воспитала природа, а бурное журчаніе горныхъ ключей и шумъ первобытнаго лѣса замѣнили ему ласки нѣжной матери. Людей онъ зналъ мало, а любилъ только одну Эртэ. Часто, забравшись со своими козами туда, гдѣ свиваютъ себѣ гнѣзда орлы и откуда видны всѣ горы, лѣса, ручьи и озера, Карной ложился на спину и, устремивъ глаза въ безконечную синеву неба, мечталъ объ Эртэ, представляя ее своей будущей женой. Онъ вспоминалъ легенды, которыми его мать забавляла Эртэ, и воображалъ себя богатыремъ, который побѣждаетъ всѣ препятствія, убиваетъ змѣя, другихъ богатырей и похищаетъ себѣ въ жены красавицу Эртэ, уноситъ ее въ свою любимую пещеру близъ озера Эзель-амъ; отыскиваетъ и отрываетъ клады и наслаждается всѣми благами жизни, въ этой таинственной пещерѣ, которую никто, кромѣ него и Эртэ, не знаетъ.

Такъ мечталъ бѣдный Карной, лежа въ поднебесной высотѣ, надъ ползающими внизу облаками, и съ наслажденіемъ упиваясь чудпымъ горнымъ воздухомъ и своей фантазіей. Но едва онъ спускался внизъ и приходилъ въ аулъ, дѣйствительность грубо убивала мечты. Онъ ясно видѣлъ, что для него Эртэ недосягаемая звѣзда, что она дочь богатаго, знатнаго Чангороя, руку которой будутъ оспаривать между собою самые важные князья, а онъ бѣдный пастухъ, у котораго нѣтъ ни кола, ни двора. Въ такія минуты глубокая грусть напол-

няла сердце Карноя, тогда онъ далъ себѣ клятву быть всегда другомъ и защитникомъ Эртэ, посвятить всю свою жизнь для ея счастья.

Скоро его дружба пригодилась Эртэ. Черезъ два дня послѣ свиданія Эртэ съ Нечаевымъ, рано утромъ Карной прибѣжалъ къ Эртэ, чтобы сообщить ей важное открытіе, сдѣланное имъ. Улучивъ минуту, когда они остались вдвоемъ, Карной шепнулъ ей:

— Приходи сегодня къ башнѣ, я покажу тебѣ что-то—и собравъ козъ и коровъ, погналъ ихъ въ горы.

Эртэ черезъ нѣсколько минутъ послѣдовала за нимъ. Карной ждалъ ее, спрятавшись за густымъ кустомъ терновника, и, сдѣлавъ ей знакъ идти за нимъ, сталъ пробираться между колючимъ кустарникомъ, переплетеннымъ вьющимися растеніями; пройдя нѣсколько шаговъ, онъ остановился у подножія отвѣсной скалы, которая преграждала дальнѣйшій путь. Мѣсто было совершенно дикое, едва проходимое, сюда врядъ-ли рѣшится кто-нибудь пробраться, да и не зачѣмъ было.

— Что же ты хотѣлъ показать мнѣ?—съ любопытствомъ спросила Эртэ.

— А вотъ смотри сюда.

Карной, осторожно раздвинувъ вѣтви кустовъ, указалъ ей глубокую яму, вырытую подъ самой скалой и совершенно скрытую кустами и камнями.

— Кто же вырылъ эту яму и для чего? — спросила Эртэ.

— Вырыла ее лисица, которую я вчера хотѣлъ убить, а она убѣжала сюда,—отвѣчалъ Карной,—благодаря этой лисицѣ, я нашелъ подземный ходъ въ башню, куда мы столько разъ хотѣли пробраться съ тобой, да двери ея всегда заперты и завалены камнями, а ключъ хранится у твоего отца. Теперь мы попадемъ въ башню безъ ключа и можетъ быть отыщемъ зарытый тамъ братьями Эрбый кладъ, или источникъ живой воды.

— Почему же ты думаешь, Карной, что эта яма ведетъ въ башню?

— Потому что я уже былъ тамъ, — съ торжествомъ заявилъ Карной.

— Былъ въ башнѣ? когда, какъ?

— Вчера, когда я пошелъ за лисицей, она юркнула сюда, я рѣшился спуститься за ней слѣдомъ и поползъ,—разсказы-

валъ Карной,—сначала было трудно ползти, а главное очень темно и низко, потомъ мои глаза привыкли къ темнотѣ, и я замѣтилъ, что проходъ былъ не такъ низокъ и что это не лисій ходъ, а просто узкая пещера подъ землей, ведущая прямо въ башню, изъ трещины которой виднѣлся свѣтъ. Я направился по этому свѣту, онъ привелъ меня къ грудѣ камней и земли; разобравъ ихъ, я очутился въ нижней комнатѣ башни. Хочешь, я поведу тебя туда?

— Конечно хочу,—живо отвѣчала Эртэ,—только какъ же мы пойдемъ въ темнотѣ?

— Ничего, держись за меня, не бойся, теперь я знаю дорогу,—успокоилъ ее Карной и полѣзъ въ яму.

Эртэ, держась за его черкеску, послѣдовала за нимъ. Такъ проползли они молча въ темнотѣ нѣсколько шаговъ.

— Теперь можешь встать и пойдемъ смѣлѣе, — сказалъ Карной.

Скоро они увидѣли узкій проходъ, пройдя который, очутились въ башнѣ. Это была большая круглая комната съ земляннымъ поломъ, съ сѣрыми покрытыми плѣсенью и мохомъ стѣнами, съ какимъ-то могильнымъ запахомъ и скуднымъ освѣщеніемъ.

— Ничего здѣсь хорошаго нѣтъ,—разочарованно замѣтила Эртэ, обойдя башню и внимательно осмотрѣвъ ее со всѣхъ сторонъ.

— Конечно, здѣсь скверно,—согласился Карной, — но за то сюда можно будетъ спрятаться, или кого-нибудь спрятать и ужъ никто не найдетъ. А еще, пожалуй, можно будетъ найти кладъ, и тогда я изъ бѣднаго пастуха превращусь въ страшнаго богача.

— Отъ души желаю тебѣ найти этотъ кладъ, — проговорила Эртэ, выходя изъ башни,—но не хотѣла бы я здѣсь прятаться, или прятать кого-нибудь.

Говоря эти слова, Эртэ не думала, что не далѣе, какъ въ слѣдующій же день ей придется снова вернуться въ эту башню и при самыхъ ужасныхъ для нея обстоятельствахъ.

Въ тотъ же вечеръ Чангорой таинственно и долго совѣщался со своими сыновьями, но какъ ни старалась Эртэ, прислуживая имъ, уловить что-нибудь изъ ихъ разговора, ей удалось услышать только два слова: „Шамиль“ и „золото“. Окончивъ переговоры, отецъ закрылся буркой и сѣлъ на лошадь;

тутъ Эртэ замѣтила, что у него спрятаны подъ буркой два туго набитые мѣшка. Чангорой, въ сопровожденіи сыновей, отправился по узкой, винтовой дорогѣ, ведущей къ озеру Эзель-амъ. Въ тѣ времена близь этого озера находился небольшой поселокъ, населенный преимущественно бѣглыми русскими солдатами, которымъ очень покровительствовалъ Шамиль, ограждая ихъ отъ варварскаго своеволія чеченцевъ. Жители поселка оказывали за это Шамилю разныя услуги, они всѣ занимались ремеслами, кузнечествомъ, слесарнымъ, оружейнымъ и другими, въ которыхъ нуждались туземцы. Къ этому-то поселку направился Чангорой. Прибывъ туда, онъ велѣлъ своимъ сыновьямъ ждать его въ селеніи и по условленному крику спѣшить къ нему, а самъ направился къ небольшой рыбачьей хаткѣ и, вызвавъ оттуда двухъ солдатъ, отправился съ ними къ озеру. Солдаты не разъ уже исполняли черезъ Чангороя приказанія Шамиля, а потому безпрекословно послѣдовали за нимъ. Дойдя до озера, Чангорой выбралъ пустынное мѣсто и, оглядѣвъ его зоркимъ, орлинымъ взглядомъ, приказалъ солдатамъ рыть двѣ громадныхъ ямы. Солдаты молча принялись за работу, а Чангорой невозмутимо слѣдилъ за ними. Когда ямы были готовы, Чангорой положилъ въ одну изъ нихъ два мѣшка и велѣлъ солдатамъ засыпать яму и хорошенько сравнять ее, потомъ, приказавъ одному изъ солдатъ остаться около ямы, онъ позвалъ другого въ сторону и въ одно мгновенье ловкимъ взмахомъ острой шашки снялъ съ него голову. Покончить такимъ же образомъ съ другимъ было для Чангороя еще проще и легче. Уложивъ этихъ необходимыхъ свидѣтелей зарытаго клада, Чангорой равнодушно бросилъ ихъ трупы въ другую яму и началъ быстро заваливать ее землей и камнями. Окончивъ работу, онъ громко произнесъ: „теперь кромѣ меня и Шамиля никто не узнаетъ, гдѣ зарыто наше сокровище“, и пошелъ на дорогу.

Но Чангорой жестоко ошибался, думая, что никто не видѣлъ, какъ онъ зарывалъ деньги и убивалъ своихъ помощниковъ. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ мѣста преступленія, въ пещерѣ, совершенно закрытой громаднымъ камнемъ, упавшимъ со скалы въ озеро и загородившимъ входъ въ пещеру со стороны земли, сидѣлъ Карной, внѣ себя отъ ужаса слѣдя за этой страшной сценой, при слабомъ мерцаніи звѣздъ. Карной очень любилъ озеро Эзель-амъ и часто проводилъ здѣсь въ пещерѣ

цѣлыя ночи, любуясь блѣдно-зелеными водами, искрящимися при серебристыхъ лучахъ луны или разливающими золото при восходѣ и закатѣ солнца. Озеро Эзель-амъ живописно расположено въ разсѣлинѣ горнаго хребта на высотѣ шести съ половиною тысячъ футовъ. Вокругъ озера, на далекомъ разстояніи, тянутся безконечныя, голыя и угрюмыя скалы, то нагроможденныя одна на другую въ самыя причудливыя и разнообразныя группы, то одиноко торчащіе громадные камни въ видѣ исполинскихъ памятниковъ друидовъ, гигантскія крѣпости и башни. Всѣ эти горныя массы поражаютъ, угнетаютъ и подавляютъ человѣка своимъ безжизненнымъ угрюмымъ величіемъ. Все голо, сѣро и мрачно. Нѣтъ ни одного деревца, ни одного кустика; но за то, обогнувъ нѣсколько скалъ, переваливъ черезъ множество хребтовъ, высохшихъ ручьевъ и балокъ, нападаешь на поразительное и чарующее видѣніе. Угрюмыя, однообразныя скалы вдругъ исчезаютъ, прячутся и передъ вами неожиданно является чистое и прозрачное, какъ изумрудъ, озеро, окаймленное густой зеленью кустарниковъ и камышей, за которыми подымаются скалы, но уже не такія равнодушныя, не такія безжизненныя и дикія. На нихъ видна жизнь, растительность; въ расщелинахъ и трещинахъ растутъ папоротники, каприфоль, плющъ, хмѣль и разныя другія вьющіяся растенія, висящія надъ пропастями въ видѣ легкой, зеленой драпировки. Кругомъ тишина, спокойствіе. Надъ озеромъ яркое синее небо. И въ этомъ-то чудномъ уголкѣ совершилось такое равнодушное и коварное убійство.

— Однако, что такое задумалъ старый шайтанъ, — подумалъ Карной, придя въ себя, — надо будетъ прослѣдить за нимъ,—и онъ съ быстротой и ловкостью ящерицы поползъ по слѣдамъ Чангороя. Между тѣмъ, спокойный и довольный окончаніемъ своего дѣла, Чангорой быстрыми шагами миновалъ селеніе, не заходя въ него, и пройдя довольно значительную часть дороги, пронзительно закричалъ. Протяжный, заунывный крикъ отчетливо пронесся въ ночной тишинѣ и вскорѣ на дорогѣ показались три всадника съ запасною лошадью, на которую тотчасъ же вскочилъ Чангорой.

— Теперь домой мимо башни, а завтра чуть свѣтъ къ Шамилю, онъ требуетъ, будетъ жаркая битва,—донеслось до притаившагося за камнями Карноя.

— Ну, такъ и я побѣгу къ башнѣ, а то, какъ бы они не

застали тамъ Эртэ или ея безстрашнаго офицера. Надо предупредить ихъ,—прошепталъ Карной и пустился бѣгомъ по кратчайшей дорогѣ къ башнѣ.

Остановившись въ нѣсколькихъ шагахъ отъ башни, Карной осторожно раздвинулъ кусты, насторожилъ глаза и уши, внимательно всматриваясь и вслушиваясь въ безмолвную ночную тьму. Вскорѣ до его тонкаго слуха долетѣли какіе-то неясные звуки, будто заглушенные стоны и вопли, потомъ шопотъ нѣсколькихъ голосовъ, шумъ борьбы и наконецъ гортанный звукъ разъяреннаго тигра. Этотъ крикъ заставилъ вздрогнуть Карноя. Онъ тотчасъ узналъ его. Такъ кричалъ всегда Чангорой, когда видѣлъ русскихъ и собирался учинить съ ними судъ и расправу.

— Поймалъ значитъ,—мелькнуло въ головѣ Карноя,—но кого?

Онъ безшумно поползъ къ башнѣ и увидѣлъ, какъ три человѣка держали одного, отчаянно боровшагося и старающагося высвободиться, а четвертый отпиралъ тяжелую дверь башни. Голосъ пойманнаго человѣка доносился хрипло, глухо, видно было, что ему закрывали ротъ, скоро онъ совсѣмъ замолкъ и тогда Карной явственно услышалъ голосъ Чангороя, отворявшаго дверь.

— Несите сюда эту русскую собаку, пусть она подохнетъ здѣсь отъ голода и жажды, а если жизнь будетъ еще держаться въ немъ, когда я возвращусь отъ Шамиля, то клянусь Аллахомъ, я постараюсь продлить его муки.

Съ этими словами массивная дверь съ шумомъ захлопнулась за несчастнымъ плѣнникомъ; четыре человѣка, заперевъ ее тяжелымъ замкомъ, завалили еще камнями и отправились домой.

Пораженный Карной долго не могъ придти въ себя отъ всего видѣннаго и слышаннаго имъ въ эту ночь. Онъ не сомнѣвался, что заключенный въ башню плѣнникъ былъ никто иной, какъ русскій офицеръ, возлюбленный Эртэ.

— Попался, такъ и пусть умретъ; Эртэ ничего не узнаетъ, потоскуетъ, поплачетъ, а потомъ забудетъ его и, можетъ, полюбитъ меня, — невольно мечталъ Карной, но потомъ добрыя чувства, а главное его преданная и безкорыстная любовь къ Эртэ одержали верхъ, и онъ рѣшилъ пробраться къ плѣннику черезъ найденный имъ подземный ходъ, освободить его отъ

веревокъ, утѣшить и дать надежду на спасеніе, а тамъ постараться дѣйствительно спасти его. Не долго думая, онъ вытащилъ изъ кармана кусокъ кремня, осмоленную веревку и отправился къ скалѣ, около которой была яма, ведущая въ подземный проходъ. Спуститься въ яму и добраться до башни было для Карноя дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. Добывъ изъ кремня огонь, онъ зажегъ веревку и, отваливъ камни, проползъ въ башню. Въ башнѣ царствовалъ мракъ и безмолвіе. Осмотрѣвшись кругомъ, Карной осторожно направился къ входной двери и скоро наткнулся на лежащаго на полу человѣка; нагнувшись къ нему и приблизивъ къ его лицу свѣтъ, Карной убѣдился, что онъ не ошибся: безчувственный плѣнникъ былъ Нечаевъ, въ самомъ жалкомъ и безпомощномъ видѣ; одежда его была вся изорвана и окровавлена, ротъ завязанъ, руки и ноги связаны кожаными поясами.

Карной снялъ съ него башлыкъ, вытащилъ ножъ, разрѣзалъ ремни и быстро освободилъ плѣнника, потомъ, положивъ его безчувственную голову на камень, сталъ ждать, когда онъ очнется и будетъ въ состояніи выслушать его. Въ то же время въ головѣ Карноя составлялся цѣлый планъ спасенія плѣнника. Исполненію этого плана очень помогало отсутствіе Чангороя и его сыновей.

— Надо будетъ узнать,—думалъ Карной,—надолго ли они уѣдутъ и тогда его провести черезъ подземный ходъ къ скалѣ, а тамъ съ помощью веревки втащить его на скалу, посадить на лошадь и проводить одному мнѣ извѣстной тропинкой до русскаго лагеря. А потомъ сказать Эртэ обо всемъ!..

Въ это время плѣнникъ глубоко вздохнулъ, открылъ глаза. Карной наклонился къ нему и спросилъ, какъ онъ себя чувствуетъ.

— Гдѣ я?—вмѣсто отвѣта спросилъ Нечаевъ, съ недоумѣніемъ осматривая мрачную и холодную башню.

Карной разсказалъ ему все, что видѣлъ, и объяснилъ, гдѣ онъ находится и что его ожидаетъ.

— Умереть голодной смертью!—ужаснулся Нечаевъ,—нѣтъ, лучше я сейчасъ же размозжу себѣ голову объ этотъ камень!— и онъ быстро вскочилъ на ноги.

— Постой!—спокойно удержалъ его Карной,—я могу спасти тебя, только надо выждать и быть очень осторожнымъ. Можешь ты идти и сѣсть на лошадь?

— О, конечно, могу! – радостно воскликнулъ Нечаевъ.— Они не ранили меня, хотя сильно помяли и отобрали оружіе.

— Я дамъ тебѣ оружіе и лошадь, выведу изъ башни и покажу дорогу,—сурово объявилъ Карной.

— Какъ мнѣ благодарить тебя!—взволнованно произнесъ Нечаевъ, протягивая ему руку.

— Я дѣлаю это не для тебя, а для Эртэ,—отвѣчалъ Карной, отталкивая руку Нечаева.—Я принесу тебѣ воду и чурекъ; тебѣ надо подкрѣпиться и быть сильнымъ; завтра вечеромъ ты будешь свободенъ,—и Карной оставилъ изумленнаго Нечаева въ башнѣ.

III.

Солнце еще не показалось изъ за горъ. Ущелье погружено въ мракъ и холодъ. По горамъ ползали тяжелыя бѣлыя облака, посылая холодную влагу и совершенно скрывая ущелья, скалы, весь аулъ и башню. Аулъ еще не просыпался; даже вѣчно лающія собаки смолкли. Все притихло. Такая тишина природы всегда предшествуетъ торжественному восходу солнца. Около сакли Чангороя, въ строеніи, гдѣ помѣщались коровы и козы, а также ихъ пастухъ Карной, слышался тихій шепотъ. Чангорой съ сыновьями только что покинулъ домъ; старуха, проводивъ мужа и сыновей, легла спать, а Эртэ, всю ночь не спавшая, съ сердцемъ чующимъ бѣду, съ головой полной самыхъ страшныхъ предположеній, ходила, какъ мрачная тѣнь, по саклѣ, въ которой спали ея братья, прислушиваясь ко всякому шороху. Вдругъ ей подъ ноги попался какой-то твердый предметъ, она нагнулась взглянуть на него и вскрикнула отъ ужаса, узнавъ кобуръ изъ краснаго сафьяна, расшитый серебрянымъ позументомъ; этотъ кобуръ она подарила своему милому и еще вчера, прощаясь съ нимъ у башни, видѣла его, осматривая, вложенъ ли зарядъ въ пистолетъ Нечаева.

— Какъ могъ попасть сюда этотъ чахолъ?—внѣ себя отъ страха спрашивала Эртэ.—Потерять его онъ не могъ. Значитъ, его отняли, а отнять могли только убивъ его!

Эртэ замерла на мѣстѣ отъ этихъ ужасныхъ предположеній, потомъ, схвативъ чахолъ, она побѣжала къ своему другу Карною. Заслышавъ легкіе шаги Эртэ, утомленный ночными тревогами Карной быстро вскочилъ ей на встрѣчу.

— О, Карной, мой другъ, мой братъ! Онъ убитъ! Его убилъ мой отецъ, мои братья! Убитъ изъ за меня. О, зачѣмъ я не могу сейчасъ отомстить имъ за него?—дико вскрикнула, безумно рыдая, Эртэ.

— Откуда ты знаешь, что они уже убили его?

— Мое сердце мнѣ подсказало это сегодня ночью. А теперь я нашла вотъ это, въ комнатѣ моихъ братьевъ, — показала она ему кобуръ.

— Да, это ты вышивала для него, я его узнаю,—грустно промолвилъ Карной, съ жалостью смотря на искаженное горемъ лицо Эртэ.—Но это еще не значитъ, что онъ убитъ, онъ живъ и мы найдемъ его.

— Да благословитъ тебя Аллахъ за эти слова!—съ глубокимъ чувствомъ произнесла Эртэ.—И если ты поможешь мнѣ убѣдиться въ томъ, что онъ живъ, я буду вѣчно благодарна тебѣ и заплачу тебѣ за это преданностью всей моей жизни.

Отъ ласковыхъ, задушевныхъ словъ Эртэ, при видѣ ея мукъ и тоски, сердце Карноя совершенно размякло, и онъ былъ не въ силахъ скрывать то, что зналъ о Нечаевѣ. Поднявъ ее съ земли и усадивъ на камень, онъ началъ разсказывать свои ночныя похожденія. Эртэ съ жаднымъ любопытствомъ ловила каждое его слово. Но когда Карной дошелъ до того мѣста, какъ Нечаева заперли въ башнѣ, она, съ силой оттолкнувъ его, вскочила на ноги и закричала такимъ неистовымъ голосомъ, въ которомъ вылились всѣ ея муки, страданія и вся надежда.

— Онъ живъ! Онъ въ башнѣ! А ты разсказываешь мнѣ ненужныя сказки! О какихъ-то кладахъ, убитыхъ солдатахъ! Скорѣй бѣжимъ къ нему! Я хочу его видѣть! Хочу спасти его, или умереть вмѣстѣ съ нимъ!

Эртэ рванулась къ выходу.

— Эртэ, постой!—глухо крикнулъ Карной,—онъ голоденъ, возьми чурекъ и сосудъ съ водой. Я подожду тебя.

Эртэ, какъ на крыльяхъ, помчалась въ саклю и черезъ мигъ съ чурекомъ и водой неслась къ башнѣ, едва виднѣющейся изъ за густого тумана. Карной съ трудомъ поспѣвалъ за ней. Доведя ее подземнымъ ходомъ до башни, онъ сѣлъ на груду камней, не желая быть свидѣтелемъ ихъ нѣжной встрѣчи, но до его ревниваго слуха все-таки долетали звуки страстныхъ поцѣлуевъ, нѣжный, взволнованный голосъ Эртэ, и

сердце его мучительно сжималось, а въ головѣ опять шевелились нехорошія мысли. Наконецъ громкій голосъ Эртэ заставилъ Карноя подняться и пролѣзть въ башню. Эртэ, счастливая, съ сверкающими глазами, нѣжно прижимала къ себѣ Нечаева, не обращая вниманія на бѣднаго Карноя.

— Слушай, мой дорогой братъ,—начала она,—я обязана тебѣ всѣмъ счастіемъ, всѣмъ блаженствомъ, которыя я пережила сейчасъ, и нѣтъ въ мірѣ сокровищъ, которыми я могла бы отблагодарить тебя. Но я знаю, что высшая для тебя награда, сдѣлать меня счастливой, а потому еще разъ обращаюсь къ тебѣ съ просьбой: помоги мнѣ спасти его и бѣжать съ нимъ.

— Какъ? ты хочешь бросить свой домъ! и бѣжать!—беззвучно произнесъ Карной и ему показалось, что башня рушится и онъ проваливается подъ землю.

— Конечно, бѣжать съ нимъ!—страстно произнесла Эртэ и еще сильнѣй прижалась къ Нечаеву.—Неужели ты думаешь, что я разстанусь съ нимъ когда нибудь?.. Что я останусь въ домѣ ненавистнаго мнѣ теперь отца и братьевъ?.. Да, я осталась бы, но только для того, чтобы своими руками задушить ихъ, и отомстить за тѣ мученія, которыя перенесъ мой возлюбленный.

Глаза Эртэ при этомъ сверкнули такой неукротимой злобой, а въ голосѣ послышалось нѣчто дикое, нечеловѣческое, такъ что Нечаевъ содрогнулся и невольно отшатнулся отъ дѣвушки.

— Я придумала все,—продолжала Эрте.—Ты сейчасъ пойдешь въ нашъ домъ, тамъ всѣ спятъ, возьмешь оружіе и одежды моихъ братьевъ, одну для меня, другую для моего возлюбленнаго, пока все это спрячешь а вечеромъ принесешь сюда, потомъ приготовишь двухъ лошадей и приведешь на вершину той скалы, гдѣ кончается проходъ; съ этой же скалы ты спустишь намъ внизъ толстую веревку, я тебѣ дамъ такую; по этой веревкѣ мы взберемся на скалу, сядемъ на лошадей, я вмѣстѣ съ нимъ, а ты одинъ и поскачемъ въ твою пещеру на озеро; тамъ мы пока укроемся отъ преслѣдованія, а потомъ видно будетъ, что дѣлать. Понялъ? Теперь иди, а я приду домой вслѣдъ за тобой, чтобы не возбудить подозрѣнія матери, а вечеромъ буду здѣсь около моего возлюбленнаго, чтобы спасти его и никогда не разлучаться съ нимъ.

Молча, какъ потерянный, вышелъ Карной изъ башни. Сердце его разрывалось отъ ревности, но онъ и не думалъ сопротивляться желанію Эртэ и сдѣлалъ все такъ, какъ она велѣла: оружія и одежду оставилъ подъ кустомъ у ямы, а самъ отправился на скалу и съ помощью кольевъ и громадныхъ камней укрѣпилъ на ней веревку; потомъ взялъ изъ табуна двухъ лучшихъ коней, привелъ ихъ къ этому мѣсту и сталъ ожидать вечера. Надо было спустить веревку и втащить бѣглецевъ на скалу до восхода луны, чтобы никто не замѣтилъ ихъ побѣга. Эртэ, пробывъ цѣлый день около матери, съ наступленіемъ вечера незамѣтно исчезла. Она переодѣлась въ черкеску своего брата, заткнула за поясъ кинжалъ и пистолетъ, за плечами привѣсила винтовку, а газыри наполнила патронами; затѣмъ осторожно провела Нечаева изъ башни къ скалѣ. Тамъ она протяжно вскрикнула и на ея крикъ послѣдовалъ такой же протяжный свистъ; это былъ условный свистъ Карноя. Веревка была спущена. Нечаевъ и Эртэ скоро очутились на скалѣ и, быстро вскочивъ на коней, помчались къ озеру. Впереди ѣхалъ Карной, показывая дорогу, а за нимъ, крѣпко обхвативъ стройный станъ Эртэ, скакалъ Нечаевъ. Бѣглецы проскакали значительную часть дороги, какъ вдругъ услышали за собой быстрый топотъ лошадей и гиканье чеченцевъ. Оглянувшись назадъ, Карной увидѣлъ трехъ человѣкъ, скакавшихъ во весь духъ по ихъ слѣдамъ. Раздался выстрѣлъ, за нимъ другой, третій, пули со свистомъ упали около лошади Карноя, онъ выхватилъ винтовку и въ свою очередь послалъ двѣ пули преслѣдователямъ, ловко уложивъ одного изъ нихъ. Нечаевъ сдѣлалъ тоже самое съ другимъ, но въ томъ же моментъ рука его опустилась и онъ всѣмъ тѣломъ навалился на сидящую впереди него Эртэ.

— Карной!—крикнула Эртэ,—бери его скорѣй и скачи съ нимъ въ пещеру, а я сама расправлюсь съ оставшимся разбойникомъ! у меня есть для него пуля.

Карной подъѣхалъ къ ней и, подхвативъ раненаго Нечаева, понесся къ озеру, а Эртэ, повернувъ лошадь, поскакала на встрѣчу къ врагу.

— Ну,—закричала она, поднимая винтовку,—если ты не трусъ, то подъѣзжай ко мнѣ и будемъ драться, на жизнь или смерть.

Всадникъ подъѣхалъ и между ними завязалась ожесточенная борьба, пули летали мимо, никого не задѣвая. Наконецъ всадникъ бросилъ ружье, подскочилъ къ Эртэ и, схвативъ ее за горло, началъ душить. Эртэ отчаянно защищалась, но во время этой борьбы папаха слетѣла съ ея головы и чудныя шелковыя кудри разсыпались по плечамъ; показавшаяся изъ за горъ луна освѣтила Эртэ.

— Ты обезчестишь меня на всю жизнь, заставивъ бороться съ женщиной!—закричалъ со злобой противникъ Эртэ,—но я все таки отомстилъ тебѣ, убивъ твоего похитителя.

При свѣтѣ луны и при звукахъ этого голоса, Эртэ узнала своего старшаго брата. Злоба, месть и страхъ за жизнь любимаго существа совершенно омрачили ея разсудокъ, горячая кровь отца заговорила въ ней и, выхвативъ пистолетъ, не помня себя, она направилась къ брату.

— А, ты считаешь безчестіемъ борьбу съ женщиной!— прошипѣла она,—такъ умри-же отъ ея руки—и она въ упоръ выстрѣлила въ него. Братъ, глухо вскрикнувъ, опрокинулся навзничь, а она, не оглядываясь назадъ, помчалась къ озеру.

Преслѣдованіе бѣглецовъ объясняется очень просто. Чангорой, отправившись къ своему повелителю—Шамилю, всю дорогу думалъ о русскомъ плѣнникѣ: онъ досадовалъ на себя, что, поддавшись своей страсти, по долгу мучить попавшуюся ему въ руки жертву, не убилъ его тотчасъ.

— А что если онъ былъ свидѣтелемъ того, какъ я зарывалъ кладъ,—думалъ онъ угрюмо.—И теперь какъ нибудь спасется и похититъ его. Надо бы вернуться и убить его.

Но вернуться Чангорой не могъ, Шамиль ждалъ его, а такъ какъ плѣнникъ не давалъ ему покоя, то онъ послалъ своего старшаго сына, приказавъ ему пойти въ башню убить плѣнника и немедленно возвратиться назадъ. Взявъ отъ отца ключъ, сынъ поскакалъ назадъ и, не заѣзжая домой, направился къ башнѣ... Каково же было его удивленіе, когда башня, послѣ тщательнаго осмотра, оказалась пустой! Никакихъ слѣдовъ побѣга не было. Обойдя и ощупавъ всѣ стѣны, сынъ Чангороя замѣтилъ внизу одной стѣны отверстіе; просунувъ туда руку, онъ почувствовалъ пустоту. Эртэ, убѣгая, забыла заложить проходъ камнями. Тогда онъ вспомнилъ, что въ башнѣ всегда бывали подземные ходы и полѣзъ въ отверстіе, доползъ до выхода и уперся въ скалу, на которой еще болталась веревка.

теперь ему стало все ясно. Онъ, не теряя времени, поскакалъ въ аулъ, взялъ двухъ джигитовъ, всегда готовыхъ совершить грабежъ или убійство, перемѣнилъ лошадь и поскакалъ за бѣглецами.

IV.

Нѣсколько дней уже скрывалась Эртэ съ раненымъ Нечаевымъ въ пещерѣ, близъ озера. Рана оказалась ничтожной; Нечаевъ лишился чувствъ больше отъ слабости, пробывъ цѣлыя сутки въ сырой и темной башнѣ.

Карной, привезя его въ пещеру, уложилъ на груду сухихъ листьевъ и мха, за чѣмъ съ помощью прискакавшей Эртэ осмотрѣлъ и перевязалъ его раны. Устроивъ ихъ въ пещерѣ, Карной незамѣтно провелъ лошадей въ табунъ и также незамѣтно вернулся въ аулъ, стараясь скрыть свое участіе въ спасеніи плѣнника и между прочимъ собирая свѣдѣнія объ Чангороѣ и его сыновьяхъ. Кромѣ того ему нужно было позаботиться о томъ, чтобы доставить пищу скрывающимся любовникамъ. Все это Карной продѣлалъ съ замѣчательной ловкостью и осторожностью. Каждый день, рано утромъ онъ пригонялъ двухъ козъ къ пещерѣ и приносилъ чурекъ. Эртэ, надоивъ молока, поила имъ Нечаева, а Карной сообщалъ новости о битвахъ русскихъ и чеченцевъ. Отецъ Эртэ еще не возвращался.

Дни проходили. Нечаевъ, подъ вліяніемъ любви и ухода Эртэ, быстро поправлялся, а сама Эртэ разцвѣла и еще болѣе похорошѣла отъ счастья. Они рѣшили, что, какъ только окончится война, Эртэ приметъ христіанство и сдѣлается его женой. Эти дни, проведенные ими на лонѣ природы, вдали отъ всѣхъ, среди поэзіи и красоты изумруднаго озера, были настоящимъ блаженствомъ для Эртэ; она хотѣла, чтобы эта жизнь продолжалась вѣчно. Но вотъ однажды явился Карной и объявилъ имъ, что была страшная битва, въ которой погибло много чеченскихъ храбрецевъ, что мюриды объявили Шамилю, чтобы онъ сдался и сложилъ оружіе. Послѣ такого извѣстія Нечаевъ не могъ болѣе скрываться и рѣшилъ явиться въ полкъ чтобы вмѣстѣ съ другими участвовать во взятіи Гуниба.

Надававъ Эртэ всевозможныхъ клятвъ и обѣтовъ, Нечаевъ нѣжно простился съ ней и отправился въ крѣпость Ведень, гдѣ сосредоточились русскія боевыя силы. Эртэ, не смѣя вернуться домой, осталась въ пещерѣ, съ томленіемъ и страхомъ

ожидая своего возлюбленнаго. Карной являлся къ ней каждый день и приносилъ вѣсти. Однажды онъ пришелъ очень разстроенный и грустный. Эртэ, замѣтивъ это, испугалась, думая, что убитъ Нечаевъ.

— Что случилось, говори скорѣе?—пристала она къ нему, блѣдная какъ смерть.

— Шамиль сдался, — грустно сказалъ Карной, — а твой отецъ и братья убиты. Много чеченцевъ погибло.

— А русскіе? А онъ? что знаешь про него? Говори, не скрывай!—перебила Эртэ, равнодушно пропуская извѣстія о смерти отца и братьевъ.—Живъ-ли онъ, мой возлюбленный?

— Конечно, онъ живъ и скоро возметъ тебя отсюда, и не увижу я тебя больше,—чуть не плача говорилъ Карной.

— О, только бы скорѣй отсюда! — страстно восклицала Эртэ.

Но прошло много дней. Чечня окончательно была покорена. Шамиль отдалъ свою шашку главнокомандующему, князю Барятинскому, и былъ отправленъ въ Петербургъ для представленія Государю. Войска расположились на болѣе продолжительное время въ завоеванныхъ крѣпостяхъ и аулахъ, а Нечаевъ все не являлся.

Приближалась осень. Оставаться въ пещерѣ Эртэ больше не могла, и Карной уговорилъ ее вернуться къ бѣдной, убитой горемъ матери. Послѣ упорнаго отказа Эртэ согласилась.

— Хорошо, я буду ждать его тамъ, пока онъ не пріѣдетъ, или я не услышу о его смерти. Но горе ему, если онъ забылъ меня, забылъ свои обѣщанія! Я клянусь тебѣ кровью убитаго мною брата, что я буду его женой, или его убійцей!—торжественно произнесла она, мрачно сверкая глазами.

Отсутствіе Эртэ въ аулѣ никого не удивило, всѣ думали, что она была въ плѣну у русскихъ. Прошла осень, пришла зима. Эртэ все еще ждала своего милаго; но сердце ея чуяло тревогу. Карной тоже ждалъ, и въ его сердцѣ, напротивъ, шевелилась надежда.

— Русскій забылъ ее и никогда не воротится сюда, — радостно думалъ онъ, — Эртэ увидитъ, что его любовь не стоитъ тѣхъ жертвъ, которыя она принесла ему. Возненавидитъ его, и можетъ быть позволитъ мнѣ утѣшить ее. Тогда я откопаю кладъ Шамиля; буду богатъ и увезу Эртэ далеко, далеко!

Увлекаемый своими мечтами, Карной усердно собиралъ

слухи о Нечаевѣ. Подъ предлогомъ продажи яицъ и масла, онъ ходилъ изъ одной штабъ-квартиры въ другую, заводилъ знакомства съ офицерскими деньщиками, у которыхъ выспрашивалъ о Нечаевѣ. Такимъ образомъ ему удалось, послѣ долгихъ странствованій, напасть на мѣсто жительства Нечаева. Узнавъ, что полкъ, въ которомъ онъ служитъ, стоитъ въ крѣпостѣ Г..., Карной задумалъ отправиться туда и убѣдиться своими глазами въ вѣрности собранныхъ свѣдѣній. Взявъ съ собой кувшинъ масла и кошелку яицъ, Карной отправился въ путь. Прибывъ въ Г..., онъ долго шатался по базару, лавкамъ, а потомъ сталъ заглядывать во всѣ квартиры офицеровъ и наконецъ набрелъ на квартирку ротнаго командира Нечаева. Придя въ кухню, онъ началъ предлагать масло и яйца деньщику, а деньщикъ вызвалъ барыню, и тутъ же Карной узналъ о женитьбѣ Нечаева. Продавъ очень дешево масло и пообѣщавъ барынѣ привезти въ скоромъ времени еще, Карной поспѣшилъ съ этой новостью къ Эртэ.

Трудно описать бѣшенство, горе и отчаяніе Эртэ при сообщеніи Карноя.

— Женился! Забылъ меня! Забылъ все, что я для него сдѣлала!—задыхаясь отъ злобы, кричала она.—Хорошо же, я напомню ему о себѣ! Идемъ къ нему сейчасъ же! Веди меня туда!..

— Что ты хочешь, Эртэ?—испугался Карной при видѣ ея исказившагося лица и грозныхъ глазъ. — Зачѣмъ тебѣ идти туда?

— Зачѣмъ идти?.. Развѣ ты забылъ мою клятву? Я клялась, что буду его женой, или убійцей, ну, теперь я хочу исполнить эту клятву. Идемъ!—повелительно приказала она.— Сѣдлай коней, я сейчасъ переодѣнусь джигитомъ и соберу все, что мнѣ надо. Я покажу измѣннику, какъ держать клятву!.. Я спасла ему жизнь, погубивъ своего брата, теперь я возьму эту жизнь и отомщу за кровь брата и за свою поруганную честь. Жизнь за жизнь и кровь за кровь!..

Карной не могъ противиться власти ея голоса и взгляда; онъ безпрекословно повиновался ей и черезъ полчаса они мчались по дорогѣ въ Г... Проѣхавъ безъ отдыха цѣлыя сутки, они къ ночи слѣдующаго дня прибыли въ крѣпость.

— Ну, вези меня къ дому измѣнника, я хочу посмотрѣть въ послѣдній разъ на его лживое лицо,—сурово заявила Эртэ.

Карной направился въ улицу, гдѣ жилъ Нечаевъ, и спрыгнувъ съ лошади, показалъ Эртэ на низенькій, сложенный изъ сосновыхъ брусьевъ и крытый соломой домикъ; сквозь щели ставень легко можно было разсмотрѣть внутренность дома. На улицѣ было темно и тихо. Шелъ дождь. Эртэ спустилась на землю и отдала лошадь Карною, приказавъ ему отойти подальше и предупредить ее въ случаѣ опасности, а сама подошла къ окну и жадно припала къ щели ставни. Ей представилась мирная картина счастливой супружеской жизни: Нечаевъ сидѣлъ на тахтѣ, нѣжно обнявъ одной рукой молоденькую жену, а другой держалъ книгу, которую читалъ вслухъ; взглядъ молодой женщины, полный любви, былъ устремленъ на лицо мужа. Дикая злоба и ревность сжали сердце Эртэ.

— Ага, вотъ для кого ты бросилъ меня,—стиснувъ зубы, прошипѣла она.—Не долго же вы будете наслаждаться вашей любовью. Эта ночь будетъ вашей послѣдней ночью, а эта комната будетъ вашей могилой!..

Эртэ, не сознавая времени, простояла нѣсколько часовъ у окна, дождавшись пока маленькій домикъ погрузился во мракъ, а его обитатели заснули безмятежнымъ сномъ. Тогда она вытащила изъ кармана заранѣе приготовленную шерсть, облитую смолой, и заткнувъ ее между сосновыми брусьями дома и подъ низкую соломенную крышу, съ адской улыбкой торжества принялась поджигать ее. Сухое дерево вспыхнуло сразу. Пламя, раздуваемое вѣтромъ, охватило домъ со всѣхъ сторонъ, загородивъ всѣ выходы.

Крѣпко уснувшій Нечаевъ замѣтилъ пожаръ только тогда, когда пламя уже ворвалось въ комнату, а огненные языки лизали стѣны и потолокъ. Внѣ себя отъ ужаса онъ вскочилъ съ постели, схватилъ на руки жену и бросился съ ней къ окну; но тутъ его ждала новая опасность: блѣдная, какъ смерть, съ горящими глазами и кинжаломъ въ рукѣ, за окномъ стояла Эртэ. Нечаевъ инстинктивно отскочилъ назадъ вглубь комнаты и, задыхаясь отъ жара и дыма, бросился къ двери; въ это время раздался злобный, не человѣческій хохотъ и гнѣвный голосъ громко прокричалъ: „проклятіе измѣннику“.

Вслѣдъ за тѣмъ, съ страшнымъ грохотомъ и трескомъ рухнулъ потолокъ, и маленькій домикъ былъ уничтоженъ яростнымъ огненнымъ потокомъ, поглотившимъ убійцу и ея жертвъ.

На мѣсто пожара прибыла цѣлая команда солдатъ съ вед-

рами и бочками, но спасти ничего не могли. Только на другое утро подъ грудою пепла и камня нашли три обгорѣлыхъ человѣческихъ трупа, надъ которыми, качаясь изъ стороны въ сторону и безсмысленно бормоча, сидѣлъ чеченецъ. Его схватили, разспрашивали, но ничего не могли добиться. Онъ твердилъ только три слова: Эртэ, кладъ, месть. И съ глупымъ хохотомъ показывалъ на трупы.

Этотъ чеченецъ былъ Карной. Онъ долго ждалъ Эртэ и при видѣ устроеннаго ею ужаснаго зрѣлища бросилъ лошадей и кинулся спасти Эртэ; но было поздно. Пламя мгновенно поглотило ее. Съ тѣхъ поръ разсудокъ не возвращался къ Карною, онъ вернулся въ свои горы и одиноко бродилъ около озера, отыскивая кладъ и призывая умершую Эртэ.

Надежда Терская.

* * *

Въ весенній вечеръ розовый
Я съ любушкой желанною
Аллеей шелъ березовой,
Росой дышалъ медвяною;
Плѣнялся соловьиною
Разсыпчатой руладою:
Но грустью безпричинною
Томился и досадою...
Вставали невидимкою
Предчувствія тоскливыя,
И крыли мрачной дымкою
Мечты мои счастливыя.
Пугалъ благоухающій
Лѣсъ сыростью опасною,
И вечеръ догорающій
Пророчилъ ночь ненастную.
И вдругъ въ кустахъ орѣшника,
Сквозь трель соловки дивную,
Я фавна-пересмѣшника
Свирѣль узналъ противную.
Свисталъ онъ ложь позорную:
Близка бѣда нежданная —
Грозитъ измѣной черною
Мнѣ любушка желанная!...

Н. К. Никифоровъ.

МОДНАЯ ТЕОРІЯ.

(По поводу полемики объ экономическомъ матеріализмѣ).

Grau, teurer Frend, ist alle Theorie,
Und grün des Lebens goldner Baum.
Теорія суха,
А жизни дерево прекрасно и цвѣтуще
Гете, Фаустъ.

I.

Кто хоть сколько нибудь знакомъ съ исторіею русской литературы и общества, тому извѣстно, конечно, то страстное увлеченіе, съ какимъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ въ кружкахъ московской молодежи изучали философію Гегеля. Философія, наука наукъ, должна была дать юношамъ полное откровеніе, полную истину. «Люди, любившіе другъ друга,—по свидѣтельству современника,—расходились на цѣлыя недѣли, не согласившись въ опредѣленіи «перехватывающаго духа», принимая за обиды мнѣнія объ «абсолютной личности» и о ея «по себѣ бытіи». Всѣ ничтожнѣйшія брошюры, выходившія въ Берлинѣ и другихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ нѣмецкой философіи, гдѣ только упоминалось о Гегелѣ, выписывались, зачитывались до дыръ, до пятенъ, до паденія листовъ въ нѣсколько дней». Истину хотѣли взять съ бою, не подозрѣвая еще, что она дается тернистымъ и медленнымъ путемъ положительнаго знанія. И тогда думали, что истина уже постигнута, что поднята завѣса, скрывающая ее. Въ «Рудинѣ» находимъ живыя страницы, передающія тогдашнее настроеніе. Упиваясь рѣчами иного Рудина, популяризатора Гегеля, юноши во-очію видѣли, какъ стройный порядокъ водворялся во всемъ, что они знали, тѣмъ болѣе, что знали они въ сущности не много. «Все разбросанное вдругъ соединялось, складывалось, выростало передъ нами точно зданіе, все свѣтлѣло, духъ вѣялъ всюду... Ничего не оставалось безсмысленнымъ, случайнымъ: во всемъ высказывалась разумная необходимость и красота, все получало значеніе ясное и въ то же время таинственное, каждое

отдѣльное явленіе жизни звучало аккордомъ, и мы сами, съ какимъ-то священнымъ ужасомъ благоговѣнія, со сладкимъ сердечнымъ трепетомъ, чувствовали себя какъ бы живыми сосудами вѣчной истины, орудіями ея, призванными къ чему-то великому»...

Но прошло нѣсколько лѣтъ и Гегель, какъ ни стройна, какъ ни всеобъемлюща была его философія, сталъ быстро терять свое обаяніе: оно не могло устоять предъ живыми вѣяніями жизни, не вмѣщавшейся въ навязываемыя ей рамки, и предъ положительными знаніями, которыми обогащались мало по малу поклонники метафизики.

Съ увлеченіемъ гегелевскою философіею мы сравнили бы теперешнее увлеченіе такъ называемымъ экономическимъ матеріализмомъ, увлеченіе, захватывающее, насколько намъ приходилось наблюдать, какъ и въ тридцатые годы, преимущественно нашу молодежь, особенно въ провинціи. Сходство усиливается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что экономическій матеріализмъ, своимъ догматическимъ видомъ близкій къ догматической метафизикѣ Гегеля, близокъ къ ней и по своему происхожденію. Писатель, впервые высказавшій эту гипотезу, причисляется къ такъ называемой лѣвой школѣ послѣдователей Гегеля.

Экономическій матеріализмъ нѣкоторые сторонники его смѣло сравниваютъ, по перевороту, производимому имъ въ исторической наукѣ и соціологіи, съ теоріею Дарвина, произведшею переворотъ въ естествознаніи. Гипотеза эта гласитъ, что настоящая, прошедшая и будущая исторія человѣчества есть въ существѣ своемъ ни что иное, какъ смѣна общественныхъ способовъ производства. Защитники экономическаго матеріализма изъ гегеліанцевъ добавляютъ еще, что это смѣна діалектическая, т. е. совершающаяся по тремъ ступенямъ всякаго развитія: тезисъ, антитезисъ и синтезисъ. О явленіяхъ иного порядка, не экономическихъ, о религіозныхъ представленіяхъ, о правовыхъ отношеніяхъ, о нравственно-философскихъ теоріяхъ и т. д., экономическій матеріализмъ утверждаетъ, что всѣ эти явленія—лишь слѣдствія экономическихъ отношеній: религія, право, мораль, философія—надстройки надъ единымъ все опредѣляющимъ экономическимъ базисомъ.

Около вопросовъ, которые возбуждаетъ такое воззрѣніе, и идетъ полемика, частью только отразившаяся въ печати. Тутъ сплетаются вопросы и практическаго и теоретическаго интереса: о судьбахъ капитализма въ Россіи, о задачахъ интеллигенціи, о роли личности въ исторіи и т. д. и т. д. Къ сожалѣнію, какъ это часто у насъ бываетъ, когда рѣчь касается вопросовъ очень ужъ животрепещущихъ, противникамъ не удается договориться

до конца, и это печальное «независящее» обстоятельство весьма затемняетъ полемику. Въ особенно невыгодномъ положеніи находятся защитники экономическаго матеріализма, называющіе себя «марксистами», т. е. послѣдователями К. Маркса, автора «Капитала» и гипотезы, о которой идетъ рѣчь. Въ печати взгляды ихъ, наиболѣе тѣсно связанные съ насущными вопросами русской жизни, передаются преимущественно ихъ противниками. Изъ статей г. Н. К. Михайловскаго въ «Р. Б.» видно, что онъ полемизируетъ почти исключительно съ людьми, развивавшими свои воззрѣнія въ частной съ нимъ перепискѣ. Вслѣдствіе этого «марксисты» могутъ претендовать на то, что мысли ихъ намѣренно искажаются, могутъ обвинять противниковъ въ томъ, что тѣ пользуются дурною литературною обработкою получаемыхъ ими писемъ съ цѣлію вышучиванія, совершенно неумѣстнаго. Въ этомъ отношеніи особенно дружны были нападки на статью Н. К. Михайловскаго, помѣщенную въ январской книгѣ «Рус. Бог.», на игру словами, которую онъ позволяетъ себѣ здѣсь, кто «настоящіе», кто «не-настоящіе» марксисты, и т. п.

Говоря далѣе объ экономическихъ матеріалистахъ, мы будемъ имѣть въ виду главнымъ образомъ именно марксистовъ, какъ наиболѣе обширную группу защитниковъ модной теоріи. Самъ же по себѣ экономическій матеріализмъ прекрасно уживается съ самыми различными воззрѣніями. Одинъ изъ защитниковъ его—итальянецъ Лоріа—рѣшительный противникъ политико-экономическихъ воззрѣній Маркса, а нѣкто Сениговъ, въ брошюрѣ о народномъ воззрѣніи на дѣятельность Іоанна Грознаго, заявляя себя сторонникомъ экономизма въ исторіи, находитъ, что народъ воспѣвалъ грознаго царя «съ экономической точки зрѣнія», какъ носителя основныхъ началъ самодержавія, православія и народности. Уже это разнообразіе основныхъ мнѣній людей, которые одинаково признаютъ экономическій факторъ въ жизни человѣчества факторомъ рѣшительно заслоняющимъ всѣ другіе, невольно заставляетъ отнестись критически къ экономическому матеріализму: въ немъ чувствуется чуждая дѣйствительной жизни схематичность.

Въ полемикѣ противъ экономическаго матеріализма было указано, что самъ К. Марксъ вовсе не придавалъ безусловнаго значенія высказанному имъ взгляду на первенствующее значеніе въ жизни человѣчества экономическихъ отношеній. Къ марксистамъ была справедливо приложена извѣстная поговорка, что они—plus royalistes que le roi même. Далѣе на конкретныхъ примѣрахъ старались показать, что гипотеза экономическаго матеріализма не въ силахъ такъ просто объяснять всѣхъ историческихъ явле-

ній, какъ претендуетъ. Указывали, что въ основѣ экономическаго матеріализма лежала голая схематическая гегелевская формула діалектическаго развитія явленій. Г. Михайловскій даже посвятилъ опроверженію этой формулы вторую статью свою почти цѣликомъ. Возраженія г. Михайловскаго, дѣйствительно, весьма вѣски, и конечно разбиваютъ экономическій матеріализмъ, поскольку послѣдній связанъ съ гегелевскою формулою, но связь-то эта носитъ характеръ преимущественно формальный, такъ что и возраженія приняли тотъ же характеръ.

Попытку перенести споръ на болѣе широкую и плодотворную почву сдѣлалъ недавно проф. Н. Карѣевъ. Въ «Вѣстн. Европы» (7, 8 и 9 книжки) помѣщена обширная статья его: «Экономическій матеріализмъ въ исторіи». Здѣсь читатель найдетъ обстоятельный обзоръ сочиненій (иностранныхъ и русскихъ), высказывающихся за экономическій матеріализмъ. Отстаивая права въ исторіи психологическаго идеализма, проф. Карѣевъ признаетъ относительную цѣнность экономическаго матеріализма, но вооружается противъ исключительности его и противъ ничѣмъ не обоснованнаго догматизма, съ которымъ онъ провозглашается. Экономическій матеріализмъ преимущественно лишь *высказывается* различными историками и публицистами, но не *доказывается*, и проф. Карѣевъ на рядѣ примѣровъ выставляетъ на видъ тѣ натяжки, къ которымъ прибѣгаютъ экономическіе матеріалисты, чтобъ сохранить при изученіи исторіи свою историко-философскую концепцію въ цѣлости, и поправки, которыми они иногда совершенно уничтожаютъ свою же теорію, если дѣйствительно добиваются истины. Мы съ своей стороны хотѣли бы еще болѣе подчеркнуть догматизмъ этого воззрѣнія, принимаемаго его адептами на вѣру, совершенно также какъ въ тридцатые годы принимали догматическія утвержденія Гегеля о всеобъемлющей саморазвивающейся идеѣ. Въ своемъ обзорѣ сочиненій, защищающихъ экономическій матеріализмъ, проф. Карѣевъ сравнительно мало мѣста отводитъ анализу того, какъ же явилось это догматическое вѣроученіе, и лишь въ самой первой главѣ статьи, и затѣмъ говоря о Марксѣ и Энгельсѣ, указываетъ на связь экономическаго матеріализма съ общимъ направленіемъ мысли въ ту эпоху, когда онъ возникалъ, и на научность этого направленія. Намъ кажется, что споръ объ экономическомъ матеріализмѣ должно бы перенести именно на эту почву, потому что считаемъ экономическій матеріализмъ. особенно въ его наиболѣе нетерпимой формѣ «марксизма», гипотезою, корни которой всецѣло скрыты здѣсь, въ болѣе широкой области того философскаго

міровоззрѣнія, что смѣнило собою безпочвенный гегелевскій идеализмъ.

II.

Полемика объ экономическомъ матеріализмѣ, или вѣрнѣе, о марксизмѣ, имѣетъ двѣ рѣзко отличныхъ стороны подобно самой книгѣ К. Маркса, собственно и создавшей споръ. Ихъ надо разграничить прежде всего.

Критическая сторона—главное содержаніе «Капитала». Глубокій анализъ современныхъ экономическихъ отношеній, трудовая теорія цѣнности, развитая строго логически и съ огромнымъ запасомъ свѣдѣній,—вотъ что составляетъ великую и безусловную заслугу автора. Въ отношеніи этой критической стороны изслѣдованія о капиталѣ, споръ можетъ идти только на строго фактической, вполнѣ опредѣленной почвѣ. Вслѣдствіе этого противники трудовой теоріи предпочитаютъ совершенно уклоняться отъ обсужденія ея и отъ полемики съ критикомъ «вульгарной» политической экономіи. Вообще же современная экономическая наука, въ лицѣ ея наиболѣе видныхъ представителей, все болѣе склоняется къ признанію трудовой теоріи. Случается даже, что ученые обѣими руками черпаютъ изъ изслѣдованія о капиталѣ, не находя нужнымъ признаваться въ солидарности съ произведеніемъ, за которымъ еще не признана патентованная цеховая научность.

Въ интересующей насъ полемикѣ эта критическая часть изслѣдованія осталась въ сторонѣ, какъ оно и слѣдуетъ быть. Собственно «экономическому матеріализму» посвящено въ книгѣ К. Маркса двѣ-три страницы въ заключеніи (объ историческихъ явленіяхъ, опредѣляемыхъ развитіемъ капитализма), да разбросанныя тамъ и сямъ отдѣльныя замѣчанія въ томъ же смыслѣ. Взгляды, здѣсь высказанные, получили дальнѣйшую обработку у Ф. Энгельса, у К. Каутскаго и у другихъ сторонниковъ той же политико-экономической доктрины. На взглядъ ихъ, критическая часть «Капитала» и эти догматически брошенныя мнѣнія неразрывно связаны другъ съ другомъ. Пониманіе исторіи съ экономически-матеріалистической точки зрѣнія усердно пропагандируется въ Германіи рядомъ съ популяризаціей критическихъ взглядовъ Маркса на капиталистическій строй. Съ точки зрѣнія партійной борьбы это вполнѣ понятно, такъ какъ лишній разъ напоминаетъ о громадной важности экономическихъ отношеній, существенно опредѣляющихъ соціальный вопросъ. Но мы уже упо-

мянули, что за экономическій матеріализмъ высказываются представители самыхъ разнообразныхъ мнѣній. Одно это показываетъ, что гипотеза, высказанная Марксомъ, не составляетъ необходимаго слѣдствія его критическихъ взглядовъ.

Въ полемикѣ съ марксистами на это совершенно ошибочное мнѣніе, будто экономическій матеріализмъ и критическая теорія Маркса необходимо связаны другъ съ другомъ, слѣдуетъ обратить особенное вниманіе. Легко понять, какъ могъ возникнуть такой взглядъ. Въ Германіи эпигоны Маркса склонны были принять догматически высказанное имъ частью потому, что ученики всегда склонны вѣрить всякому слову учителя, частью по соображеніямъ партійной борьбы. У насъ—экономическій матеріализмъ увлекаетъ по большей части тѣхъ, кто ослѣпленъ блескомъ критическаго изслѣдованія, составляющаго славу Маркса. Дѣйствительно, одолѣвши затруднительную, нѣсколько отвлеченную форму изложенія первой главы, читатель чувствуетъ себя уже въ полной власти автора. Умъ читателя, особенно мало подготовленнаго, подавленъ ясностью мысли автора, строгостью логическихъ его доказательствъ, богатѣйшимъ фактическимъ матеріаломъ, собраннымъ въ книгѣ. При этомъ нѣтъ ничего легче, какъ всецѣло покориться авторитету писателя, такъ безпощадно разрушающаго другіе авторитеты. Не много есть книгъ, которыя такъ всецѣло захватывали бы читателя, отдающагося ей, какъ именно эта. Слѣдя за цѣпью подавляющихъ доказательствъ, къ концу сочиненія—при первоначальномъ знакомствѣ съ нимъ—невольно начинаешь смотрѣть на всѣ жизненныя явленія глазами автора, перестаешь критически отличать необходимо связанное съ его аргументами отъ того, что связано съ ними лишь случайно. Логически убѣдившись въ справедливости анализа, который сдѣланъ авторомъ, легко повѣрить на слово тому, что мимоходомъ было высказано, но нисколько не обосновано и вовсе не составляетъ слѣдствія экономической теоріи, признаваемой за справедливую.

Въ самомъ дѣлѣ, тому, кто не привыкъ jurare in verba magistri, даже страннымъ представляется, какъ можно считать связь между критическою частью изслѣдованія Маркса и между высказаннымъ имъ экономическимъ матеріализмомъ безусловно необходимою. Вѣдь экономическій матеріализмъ относится къ явленіямъ, о которыхъ и рѣчи никакой не могло быть при анализѣ экономическихъ отношеній. Изслѣдователь подошелъ къ послѣднимъ, вооруженный строго-научнымъ представленіемъ: «изъ ничего, не можетъ ничего и родиться». Мистическій и фетишистскій характеръ экономическихъ отношеній, приданный имъ «вульгарною»

политическою экономіею, интересовавшеюся не столько истиной, сколько оправданіемъ буржуазіи, не выдержалъ приложенія строго научнаго метода и разоблачился, какъ замаскированное присвоеніе прибавочной стоимости. Но отъ этого вывода до экономическаго матеріализма еще цѣлая пропасть. Мы цѣликомъ признаемъ трудовую теорію цѣнности, но не видимъ возможности обосновать экономическій матеріализмъ исключительно на ней одной, просто потому, что область, къ которой его примѣняютъ, шире области, гдѣ трудовая теорія имѣетъ свой смыслъ и значеніе. Въ анализъ сущности экономическихъ отношеній не входитъ ни коимъ родомъ анализъ элементовъ напр. религіи. Анализъ товара не показалъ, чтобъ въ самомъ товарѣ, какъ таковомъ, присутствовало какое то спеціальное—на нашъ взглядъ тоже мистическое—свойство придавать опредѣленную окраску напр. правовымъ отношеніямъ. Очевидно, слѣдовательно, что когда писатель начиналъ судить вообще о религіи, правѣ, философіи, морали и т. д. и однимъ почеркомъ пера свелъ ихъ къ экономическому базису, въ умѣ его заранѣе готовы были также представленія нѣсколько иного характера, чѣмъ то научное представленіе, которое единственно дало ему возможность проанализировать современный экономическій строй. На этотъ плюсъ и надо обратить вниманіе. Благодаря ему писатель и сдѣлалъ рѣшительный скачокъ отъ политической экономіи къ экономическаму матеріализму. Попытка разбить экономическій матеріализмъ, стоя на экономической же почвѣ, была бы поэтому вполнѣ несостоятельна, но не потому, что трудовая теорія справедлива (слѣд. и экономическій матеріализмъ—какъ говорятъ марксисты), а потому что экономическій матеріализмъ не исчерпывается тѣмъ или инымъ рѣшеніемъ вопроса о сущности экономическаго строя. Онъ претендуетъ отвѣтить на вопросъ, что такое общественный строй вообще и какъ совершаются измѣненія его въ исторіи.

Изслѣдованіе о капиталѣ установило, что способъ производства есть общественная категорія, т. е. жизненное явленіе, не независимое отъ условій времени и мѣста, а тѣсно связанное съ ними. Вопросъ въ томъ, есть ли эта категорія — главная и всеобъемлющая, или же лишь одна изъ категорій, изъ которыхъ въ ихъ совокупности слагается цѣлое общество? Экономическій матеріализмъ рѣшительно отвѣчаетъ, что она есть главная, и всѣ другія: религія, наука, мораль и т. д., лишь производныя; онѣ могутъ быть всецѣло поняты и объяснены лишь чрезъ нее, онѣ суть надстройки, экономическія же отношенія — опредѣляющій ихъ базисъ. Очевидно, что такое пониманіе общественной жизни

вытекаетъ не изъ пониманія экономическихъ отношеній, а изъ чего-то другого.

Чтобъ разобраться въ происхожденіи теоріи, необходимо, слѣдовательно, заглянуть въ общее міровоззрѣніе создателя или создателей ея: здѣсь мы найдемъ, кромѣ строго-научнаго взгляда, примѣненнаго къ анализу экономическихъ отношеній, и побочные элементы, имѣющіе нынѣ лишь историческій интересъ и послужившіе опорою для созданія историко-философской концепціи общества.

Конечно, К. Марксъ склоненъ былъ преувеличить значеніе экономическихъ отношеній просто потому, что они составляли главный и любимый предметъ его изслѣдованій. Подобнымъ же образомъ, напр., Золя пытался въ романѣ вездѣ провести поразившую его идею наслѣдственности. Но склонность во всемъ видѣть прежде всего экономическую сторону явленій сама по себѣ не могла бы повести къ созданію цѣлой связной теоріи, еслибъ для нея не было опоры въ общемъ міровоззрѣніи писателя и его преемниковъ, въ міровоззрѣніи, проникнутомъ чисто матеріалистическими общими представленіями.

На всемъ «Капиталѣ» лежитъ печать гегеліанства. Но само по себѣ гегеліанство не имѣло рѣшающаго значенія въ созданіи новой теоріи общества и исторической жизни. Гораздо важнѣе, что К. Марксъ примыкаетъ къ такъ называемой лѣвой сторонѣ гегеліанцевъ. Возникнувъ въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, эта группа, въ лицѣ ея наиболѣе видныхъ представителей (Фейербахъ и Штраусъ), нечувствительно слилась къ шестидесятымъ годамъ съ философскою матеріалистическою школою.

Послѣдняя торжествовала на развалинахъ метафизическаго идеализма и ссылалась въ своихъ построеніяхъ — также во многомъ догматическихъ — на естествознаніе, дѣлавшее въ тѣ годы громадные шаги впередъ. Историческою, общественною и научною заслугою тогдашняго матеріализма (напр., Бюхнеровскаго, который у насъ проповѣдывали Базаровы) была законная реакція противъ безпочвеннаго идеализма, особенно противъ такихъ теченій мысли, которыя ставили произвольныя преграды человѣческой пытливости. Естествознанію, которое въ эту эпоху на всегда отрѣшилось отъ метафизики, матеріализмъ оказалъ особенно цѣнныя услуги. Онъ же оказалъ цѣнную услугу и политической экономіи, когда изслѣдователь капиталистическаго строя примѣнилъ къ этому строю естественно-научный объективный методъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ философскій матеріализмъ стремился давать такія обобщенія, на которыя положительная наука вовсе не уполномочивала. У Гегеля чистая идея, составляющая сущ-

ность міра явленій и развивающаяся по тройственному діалектическому закону, была, конечно, нисколько не доказательнымъ и не очевиднымъ мистическимъ допущеніемъ. Но такой же произвольный мистическій характеръ наиболѣе прямолинейные матеріалисты придавали матеріи. Достаточно напомнить боевыя догматическія положенія матеріалистовъ: «человѣкъ есть то, что онъ ѣстъ», мозгъ производитъ мысль точно также, какъ печень — желчь», «порокъ и добродѣтель такіе же продукты, какъ, напр., купоросъ или сахаръ» и т. д. Если мы обратимся къ представителямъ естествознанія, дѣйствительно оставившимъ слѣдъ въ наукѣ своими трудами и глубокимъ пониманіемъ средствъ и задачъ ея, то увидимъ, что они, напримѣръ, недавно скончавшійся Гельмгольцъ, одинаково враждебны къ метафизическимъ ни на чемъ не основаннымъ обобщеніямъ, дѣлаютъ ли такія обобщенія метафизики-идеалисты или метафизики-матеріалисты.

Но произвольныя метафизическія построенія матеріалистической доктрины оставили свой слѣдъ на міровоззрѣніи автора «Капитала». Нѣкоторыя основныя допущенія философскаго матеріализма онъ принялъ, какъ безусловно вѣрныя, и мы можемъ легко представить себѣ, какъ изъ этихъ допущеній, принятыхъ на вѣру и эпигонами Маркса, выросла правильная логически цѣпь умозаключеній, завершившаяся идеею экономическаго матеріализма, причемъ самый анализъ экономическихъ отношеній оставался совершенно въ сторонѣ.

Человѣкъ весь познается въ матеріи,—говоритъ метафизикъ-матеріалистъ:—Та сторона его существа, которую называютъ духовною, можетъ быть цѣликомъ сведена на физико-химическія и физіологическія явленія и цѣликомъ можетъ быть познана при посредствѣ матеріальной природы человѣка; послѣдняя есть зерно, а область психологическихъ явленій оказывается какъ бы скорлупою.

Общество составляется изъ личностей,—продолжаетъ разсуждать нашъ метафизикъ, — и всецѣло подчинено тому же закону всеобщей причинности явленій, какому подчиненъ и единичный человѣкъ, не имѣющій свободной воли и движимый своими потребностями, которыя лишь продуктъ его матеріальной природы Если послѣдняя есть сущность человѣка, то сущностью, зерномъ общества точно также можетъ быть лишь матеріальная природа общества, потому что общество лишь сумма личностей. Въ чемъ же выражается матеріальная природа общества? Конечно въ томъ, какъ удовлетворяются потребности личностей, составившихъ общество. А разнообразныя экономическія отношенія и имѣютъ въ виду удовлетвореніе потребностей. Значитъ, экономическія

отношенія и представляютъ собою матеріальную природу общества, а все остальное уже продукты ихъ. Какъ мысль и чувство единичнаго человѣка, по представленію метафизика-матеріалиста, лишь продукты матеріи и механическихъ силъ ей присущихъ, точно также такія общественныя явленія, какъ религія, право, искусство и такъ далѣе, продукты матеріальной стороны общества. Они—скорлупа или надстройки на экономическомъ базисѣ.

Кстати сказать, это выраженіе «надстройка», чрезвычайно любимое экономическими матеріалистами, такъ и проникнуто чисто механическимъ представленіемъ объ обществѣ, какъ механично и матеріалистическое представленіе объ единичномъ человѣкѣ.

Экономическій матеріализмъ высказанъ былъ какъ разъ въ пору наибольшей славы матеріалистической философіи, и связь этой историко-философской концепціи съ общимъ первенствующимъ теченіемъ той эпохи мы считаемъ несомнѣнною. Разъ признавъ, что экономическій матеріализмъ не вытекаетъ непосредственно изъ критическихъ взглядовъ Маркса, другой причины для объясненія, какъ возникъ этотъ нетерпимый взглядъ, нельзя кажется отыскать, кромѣ философскаго матеріализма. Молчаливо соглашаясь съ метафизическими допущеніями общей матеріалистической доктрины, эпигоны Маркса, доводящіе экономическій матеріализмъ до абсурда, разсуждали или могли разсуждать совершенно такъ, какъ мы выше пытались изобразить ходъ мыслей воображаемаго метафизика-матеріалиста.

Цѣпь умозаключеній его совершенно правильна, невѣрны лишь основныя посылки, догматически высказанныя положенія. Вся система вслѣдствіе этого получаетъ также догматическій и крайне нетерпимый характеръ: экономическіе матеріалисты по большей части относятся съ крайнимъ пренебреженіемъ къ мнѣніямъ другихъ историковъ. Въ вышеупомянутой статьѣ проф. Карѣева читатель найдетъ указанія на этотъ счетъ. Въ одной изъ своихъ рѣчей Гельмгольцъ мѣтко указываетъ, что нетерпимость въ подобныхъ случаяхъ дѣло понятное. «Характеристическая черта школъ,—говоритъ знаменитый ученый (собственно о школахъ въ медицинѣ, но слова его примѣнимы и шире), — которыя воздвигаютъ свою систему на гипотезахъ, принятыхъ на вѣру, какъ догматы,—есть нетерпимость. Кто работаетъ на прочномъ основаніи, охотно готовъ признать свою ошибку; онъ при этомъ теряетъ ровно настолько, насколько ошибся. Но если исходный пунктъ изслѣдователя — гипотеза, которая является данною безспорнымъ авторитетомъ или избрана только потому, что изслѣдователь желалъ бы, чтобъ она оказалась истинною, въ такомъ случаѣ малѣйшая царапина можетъ до основанія разрушить все зданіе,

построенное изслѣдователемъ. Убѣжденнымъ сторонникамъ такого зданія по неволѣ приходится приписывать каждой части его ту же непогрѣшимость, что и цѣлому; всякій противникъ невольно представляется имъ либо глупцомъ, либо негодяемъ, и полемика идетъ тѣмъ болѣе страстно и тѣмъ болѣе на личной почвѣ, чѣмъ ненадежнѣе защищаемая позиція».

III.

Положительная наука чуждается ничѣмъ не обоснованной смѣлости метафизическихъ предположеній. Она желаетъ выработать болѣе высокую точку зрѣнія, чѣмъ точки зрѣнія однобокаго идеализма или столь же утрированнаго матеріализма. Она стремится во всѣхъ областяхъ своихъ къ синтезу, къ объединенію умственныхъ теченій, часто противорѣчившихъ другъ другу, и рѣшительно враждебна къ одностороннему искусственно-теоретическому отношенію къ жизни. Гете вложилъ въ уста Мефистофеля, соблазняющаго ученика перспективою стать врачемъ, любимцемъ женщинъ, слова, взятыя нами эпиграфомъ:

Grau, teurer Freund, ist alle Theorie
Und grün des Lebens goldner Baum.
Теорія суха,
А жизни дерево прекрасно и цвѣтуще.

Слова эти въ «Фаустѣ» имѣютъ ироническій оттѣнокъ. Поэтъ не желалъ представить въ нихъ протестъ положительной науки противъ искусственныхъ метафизическихъ системъ во имя живой дѣйствительности, которая всегда шире этихъ системъ. Тѣмъ не менѣе такой смыслъ не совсѣмъ чуждъ духу «Фауста», новому духу изслѣдованія, который не можетъ помириться съ оторванностью отъ жизни, сухостью и мертвенностью науки въ ея метафизическомъ періодѣ.

Научныя теченія нашихъ дней, конечно, идутъ въ разрѣзъ остаткамъ метафизики, пріютившимся и скрытымъ въ такой теоріи какъ экономическій матеріализмъ. Теперь перестаютъ спорить о человѣкѣ и о мірѣ, что въ нихъ зерно, а что скорлупа, есть ли это зерно—душа (идея), или тѣло (матерія). Снова приходятъ (напр., Вундтъ въ изслѣдованіи о душѣ человѣка и животныхъ) къ тому рѣшенію проблемы, которое было предложено Спинозою и такъ прекрасно выражено у Гете:

Natur ist weder Kern, noch Schale:
Alles ist sie auf einem Male,

т. е. «природа ни зерно, ни шелуха, она сразу — все». Подобно тому, какъ голый матеріализмъ безвозвратно палъ въ сферѣ индивидуальной психологіи, такъ же онъ палъ и въ сферѣ этической и соціальной, гдѣ долго господствовалъ въ видѣ фаталистическаго всеобщаго детерминизма. Права и роль дѣятельной личности въ историческомъ процессѣ были отодвинуты куда-то на задній планъ. Эта тенденція, упрощеніе дѣйствительности, проникла даже въ беллетристику, и натурализмъ Золя, ученика Тэна, былъ литературнымъ отраженіемъ философскаго узко-матеріалистическаго детерминизма, упрощавшаго людей до того, что они превращались въ какіе то живые механизмы. Нынѣ реакція этому направленію сказалась съ достаточною ясностью: синтетическое примирительное направленіе этики и новѣйшихъ представленій объ обществѣ получило рѣшительный перевѣсъ; назовемъ хоть Фуилье, Гюйо, Эспинаса. Выдвинутъ былъ инстинктъ альтруизма, общественности, который матеріалистическое міровоззрѣніе во что бы то ни стало пыталось отождествить съ эгоизмомъ; вмѣстѣ съ этимъ падало и механическое представленіе объ обществѣ, и общественно-дѣятельная критическая личность (которую экономическій матеріализмъ въ его безусловной формѣ марксизма совершенно игнорируетъ) снова возстановляется въ общемъ сознаніи въ ея правахъ.

Можно, конечно, оспаривать справедливость этихъ выводовъ изъ современныхъ научныхъ теченій. Поклонникъ Бюхнера, если гдѣ нибудь сохранился еще столь рѣдкій экземпляръ, можетъ, конечно, находить, что философскій матеріализмъ рѣшаетъ всѣ вопросы куда скорѣе и проще, чѣмъ осторожныя синтетическія попытки современныхъ психологовъ, моралистовъ и соціалоговъ. Но для людей, сколько нибудь знакомыхъ съ истинно-научнымъ методомъ изслѣдованія, самая простота и стройность иной теоріи кажутся подозрительными, потому что вся исторія науки показываетъ, что внезапныя вспышки генія, сразу освѣщающія весь міръ, всегда несостоятельны, если геній не опирается на реальныя основанія и изученіе.

Вообще, соблазнительная простота экономическаго матеріализма напоминаетъ другія, столь же соблазнительныя гипотезы, оказывавшіяся очень скоро несостоятельными, и болѣе всего ту, отпрыскомъ которой мы его считаемъ, матеріалистическую философскую доктрину.

Въ своемъ чистомъ видѣ, послѣдняя никѣмъ теперь не защищается у насъ. Спрашивается, почему же оказалъ извѣстную власть надъ умами экономическій матеріализмъ? Какъ реакція исключительному психологическому идеализму, въ историческихъ

изученіяхъ онъ сыгралъ извѣстную полезную роль, напоминая про экономическую жизнь народовъ, о которой забывали иногда историки. Какъ на одно еще достоинство его можно, пожалуй, указать, что онъ привлекаетъ вниманіе общества къ чрезвычайно важнымъ экономическимъ вопросамъ. Но въ своей исключительности и соблазнительной простотѣ, которой мы приписываемъ долю теперешняго его успѣха, онъ вреденъ тѣмъ, что даетъ готовые отвѣты тамъ, гдѣ нужно еще сыскать ихъ, вреденъ своею догматичностью и схематичностью, забивающими умъ, вмѣсто того, чтобы развивать его, вреденъ своею метафизическою, частью замаскированною стороною.

Эта метафизическая сторона экономическаго матеріализма, отраженіе философскаго матеріализма, первенствовавшаго у насъ въ шестидесятые годы, кажется, болѣе всего и была причиною оживленія симпатій къ старой теоріи, которая стала вдругъ модною. Вѣянія шестидесятыхъ годовъ до сихъ поръ не утратили у насъ своего значенія. Особенно провинція до сихъ поръ переживаетъ то, что въ столицахъ высказывалось лѣтъ тридцать назадъ, и часто усваиваетъ то, что давно утратило всякій смыслъ: иной разъ съ удивленіемъ встрѣтишь вдругъ какого нибудь яраго отрицателя эстетики, по Писареву, или такого сторонника общиннаго землевладѣнія, который защищаетъ его вслѣдъ за Чернышевскимъ, по гегелевской діалектической формулѣ. Шестидесятые годы подвергли пересмотру чуть ли не всѣ стороны русской жизни, вырабатывая принципы новой жизни; раціоналистическая и матеріалистическая тенденціи были при этомъ отличнымъ боевымъ орудіемъ. Движеніе закончилось, обмелѣло, заглохло, но содержаніе его и до сихъ поръ не утратило ни интереса, ни значенія для современной русской дѣйствительности. Но форма движенія, средства критическаго анализа теперь не могутъ уже носить тотъ характеръ, какой былъ свойственъ шестидесятымъ годамъ.

На бѣду, съ теченіемъ времени простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ становилась все затруднительнѣе, и непосредственные преемники публицистики шестидесятыхъ годовъ очутились въ положеніи чрезвычайно ложномъ. Шестидесятые годы и вѣрность традиціямъ ихъ стали у насъ символомъ просвѣщенной мысли. Между тѣмъ названные преемники мало по малу оставляли свои прежнія позиціи: идеи Вундта, Фуилье, Гюйо, Эспинаса, нынѣ господствующія, ужъ очень далеки, напр., отъ несложныхъ рѣшеній всѣхъ вопросовъ, какія давались въ шестидесятые годы. Къ сожалѣнію, представители современной публицистики не видѣли возможности, или не считали нужнымъ — указывать на это обстоятельство. Авторитетъ шестидесятыхъ годовъ поддерживался

ими цѣликомъ и это приводило и приводитъ многихъ въ рѣшительное заблужденіе.

Естественная смѣна одной системы міровоззрѣнія другою, болѣе удовлетворяющею требованіямъ научности, была такимъ образомъ безъ нужды осложнена. Наша публицистика не достаточно до сихъ поръ разграничивала, въ своемъ преклоненіи предъ шестидесятыми годами, содержаніе великой моральной и общественной проповѣди шестидесятыхъ годовъ отъ внѣшней и временной формы, въ которую она отливалась. И эта форма въ глазахъ многихъ простодушныхъ людей рѣшительно заслоняетъ собою содержаніе. Утрированная матеріалистическая доктрина часто усваивается нашею наивною публикою, давая почву развитію симпатій къ такой теоріи, какъ экономическій матеріализмъ, появившійся именно въ шестидесятые годы.

Эти симпатіи, кажется, лишній разъ показываютъ, какъ настоятельно необходимъ пересмотръ завѣщаннаго намъ шестидесятыми годами. Писатель, ранѣе другихъ принявшійся за такой пересмотръ, высказался со своимъ идеалистическимъ воззрѣніемъ такъ странно, что произвелъ еще большую путаницу; мы говоримъ о г. Волынскомъ. Необходимо высказаться болѣе толково, какія стороны воззрѣній до сихъ поръ усердно читаемыхъ шестидесятниковъ не утратили своего дѣйственнаго значенія и для нашего времени и до сихъ поръ должны быть поддерживаемы, какъ плодотворныя въ общественномъ смыслѣ традиціи, и какія стороны должно тщательно отдѣлять, какъ временныя увлеченія и ошибки.

Полемика объ экономическомъ матеріализмѣ, по нашему мнѣнію, потому и имѣетъ живой интересъ, что показала живучесть въ читающей публикѣ такихъ пристрастій, которыя въ ней вовсе нежелательны; пристрастія эти свидѣтельствуютъ о поверхностности ея мнѣній, о томъ, что она мыслитъ только формально и жадно готова увлечься всякою смѣлою гипотезою, потворствующею ея застарѣлымъ привычкамъ мыслить по готовому шаблону. Полемика эта, въ сущности, говоритъ объ умственной отсталости читающей публики, потому что самый предметъ спора, въ сущности, исчерпанъ тѣмъ, что общая матеріалистическая доктрина уже потеряла кредитъ, чего эта публика какъ будто и не замѣтила. Во всякомъ случаѣ очень желательно, чтобъ этотъ запоздалый споръ, который ведется преимущественно между публицистикою и читателями, повелъ къ давно ожидаемому выясненію, кто изъ публицистовъ и чего держится теперь, чрезъ тридцать лѣтъ послѣ шестидесятыхъ годовъ.

Ч. Вѣтринскій.

ПО ПУСТЫНѢ АРАВІЙСКОЙ.

(Путевыя замѣтки и впечатлѣнія Пьера Лоти).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Гдѣ они, мои фантастическіе спутники, носившіеся со мною и по цвѣтущимъ полямъ Магреба, усѣяннымъ царскими кудрями, и по Мароккскимъ долинамъ?... Пусть они, и только одни они, и теперь сопровождаютъ меня въ глубокую пустыню Аравіи.

Но пусть они заранѣе знаютъ, что въ описаніи этомъ не найдутъ ни страшныхъ приключеній, ни необыкновенной охоты, ни открытій, ни опасностей; въ ней будетъ одно только продолжительное путешествіе шагомъ, на верблюдахъ, по безконечной розовой пустынѣ...

Потомъ, въ концѣ длиннаго пути предстанетъ нашимъ взорамъ Іерусалимъ, или по крайней мѣрѣ его величественная тѣнь...

I.

Оазисъ Моисея, 22 февраля 1894 г.

Дано сіе покорнымъ рабомъ всемилостиваго Бога сеидомъ Омаромъ, сыномъ Эдрисса, другу его Пьеру Лоти для представленія начальникамъ всѣхъ Аравійскихъ племенъ, для оказанія ему всякой помощи во время путешествія его по Аравіи, такъ какъ онъ почитаетъ исламизмъ и одушевленъ лучшими чувствами къ нашей религіи.

Я буду благодаренъ всѣмъ, кто окажетъ ему почтеніе и содѣйствіе по его заслугамъ.

Писано нами, 10 шабана 1311.

Омаръ, сынъ Эдрисса, Эсъ Сенусси Эль Осни.

Я перечитываю, сидя въ палаткѣ, въ которой поселился часъ тому назадъ, это письмо, служащее мнѣ пропускомъ во враждебныя племена. Въ концѣ страницы таинственными буквами написано сокровенное молитвенное воззваніе секты Сенусси, пріютившейся въ

Магребѣ и представителемъ которой въ восточной Аравіи состоитъ сеидъ.

Говоря правду, я вовсе не вѣрю опасностямъ пути и не онѣ привлекли меня сюда, чтобы увидать еще разъ святой Іерусалимъ въ этотъ вѣкъ безвѣрія; мнѣ хотѣлось подойти къ нему старыми заброшенными путями и, въ одиночествѣ собравшись съ мыслями, подготовить къ этому умъ мой.

Мнѣ предложили на выборъ нѣсколько песчаныхъ дорогъ.

Самая легкая и краткая изъ нихъ, такъ называемая *малая пустыня*, черезъ Эль-Арихъ и по берегамъ Египетскаго залива; но она уже такъ избита, такъ много праздныхъ людей изъ Англіи и Америки изъ года въ годъ проходятъ ею, съ большимъ комфортомъ и подъ охраною спеціальныхъ агентовъ.

Другая, менѣе знакомая, черезъ Синай и Накель.

Наконецъ самая длинная — черезъ Синай, Акаба и пустыню Пѣтры; эту-то я и выбралъ, потому что путеводители мои старались отклонить меня отъ нея. Дорога эта, вообще мало удобная, въ настоящее время, съ возмущенія Идумейскихъ племенъ, считается въ Египтѣ непроходимою и уже десять лѣтъ на нее не ступала нога европейца. Какъ на опаснаго преслѣдователя каравановъ мнѣ указывали на ней на шейха Пѣтры, который теперь не подчинялся никакому регулярному управленію, и именно личность его, болѣе самой страны, привлекала меня. Онъ, между прочимъ, такъ же какъ почти всѣ начальники Идумеи и Геджаза, перешелъ въ секту сенусситовъ; вѣроятно, для него одного только мнѣ и пригодится письмо сеида Омара, такое напыщенное и не гармонирующее съ настоящей обстановкой, съ бедуинами моего конвоя, такими раболѣпными и бывшими первымъ разочарованіемъ моимъ во время путешествія.

Сама по себѣ пустыня, при самомъ вступленіи въ нее, сразу представляется въ настоящемъ своемъ видѣ. Величіе ея такъ господствуетъ надъ всѣмъ, дѣлаетъ и все окружающее какъ бы большимъ, и въ виду ея забывается самое ничтожество людское.

Пустыня необыкновенно быстро завладѣла нами, окутавъ своей тишиной и безмолвіемъ!.. Вчера еще утромъ мы были въ Каирѣ, который кишитъ туристами и гдѣ та же жизнь, что и во всѣхъ щегольскихъ зимнихъ станціяхъ. Еще вчера вечеромъ мы были въ Суэцѣ, уже болѣе уединенномъ, въ маленькомъ первобытномъ отелѣ, гдѣ уже ощущается близость колоніи и песку. А сегодня, простившись съ послѣдними видѣнными нами европейцами, мы приплыли съ попутнымъ вѣтромъ на эту сторону Краснаго моря и очутились одни на пустынномъ берегу. Съ наступленіемъ вечера не стало ни души...

Между прочимъ, изъ-за тощихъ пальмъ Моисеева оазиса, темнымъ пятномъ лежавшаго на необозримомъ пескѣ пустыни, на насъ смотрѣли и вскорѣ приблизились съ верблюдами непріятной наружности бедуины.

Подходя къ намъ, вожаки улыбались, и мы поняли, что они были изъ числа нашихъ проводниковъ и что животныя назначались для нашихъ услугъ. Бедуины были вооружены кинжалами и длинными желѣзными тесаками; высохшее тѣло ихъ, на подобіе мумій, виднѣлось сквозь дыры лохмотьевъ, которымъ трудно было бы подыскать названіе, какіе-то обрывки козьихъ шкуръ или бурнусовъ; они дрожали отъ свѣжаго вечерняго вѣтра и улыбаясь выставляли длинные зубы.

Черезъ полчаса они привели насъ въ оазисъ *Моисеева фонтана*, составляющій начальный пунктъ дороги въ пустыню, и тамъ подъ тощими пальмами были уже разставлены палатки, высланныя изъ Каира за два дня до нашего выхода оттуда. Переводчикъ и слуги наши, всѣ сирійскіе арабы, ожидали насъ тамъ, и всѣ эти двадцать вожаковъ съ двадцатью верблюдами, расположенные вокругъ лагеря, представляли грязную картину дикой нищеты, и животныя и люди лежали вмѣстѣ на пескѣ, гдѣ навозъ перемѣшивался со всей остальной грязью.

По сосѣдству съ нами расположился другой караванъ, многочисленнѣе, но и скромнѣе нашего: тамъ въ такомъ же безпорядкѣ лежали на пескѣ: богомольцы изъ Россіи, священники, крестьяне, старыя, измученныя усталостью женщины; всѣ эти люди, одушевленные горячей вѣрой, возвращались изъ Синая, послѣ множества знойныхъ дней и холодныхъ ночей, проведенныхъ въ пустынѣ; многихъ изъ нихъ мучилъ сухой кашель; лица всѣхъ были крайне истощены.

И вотъ, мгновенно образовалась вокругъ насъ безконечная пустота, сумрачная пустыня, по которой носился сильный холодный вѣтеръ; пустыня окрашенная въ какой-то неопредѣленный мертвый цвѣтъ, разстилалась подъ сводами еще болѣе мрачнаго неба, которое, казалось, готово было раздавить ее своею тяжестью.

При видѣ этой картины, насъ охватилъ ужасъ одиночества и овладѣло страстное, безотчетное, чисто физическое желаніе бѣжать туда, еще дальше, проникнуть еще глубже въ манившую насъ безпредѣльную даль...

И дѣйствительно, съ печальнаго песчанаго холма, на который мы взобрались, пустыня представлялась еще обширнѣе и надъ нею спускался послѣдній остатокъ дневнаго свѣта, сквозившаго изъ-за надвигавшагося на нее ночного сумрака...

Все это вмѣстѣ съ холоднымъ вѣтромъ вдругъ навѣяло на насъ

такую тоску, такой страхъ передъ привлекавшей насъ пустотой, что мы стали жалѣть о томъ, что пришли сюда; страстный порывъ смѣнился желаніемъ бѣжать, подобнымъ инстиктивному страху, какой заставляетъ животное отступать при видѣ мѣста, гдѣ витаетъ смерть.

Затѣмъ, очутившись въ палаткѣ, защищенные отъ вѣтра, при свѣтѣ, вкушая первый обѣдъ кочующихъ народовъ, мы снова повеселѣли и стали свыкаться съ окружавшимъ насъ сумракомъ.

Потомъ насъ забавляло переодѣванье въ арабскіе костюмы, которые для двухъ моихъ спутниковъ были новостью. Правда, особенной необходимости въ этомъ переодѣваньи не было, особенно въ первой части Синайской пустыни, гдѣ уже перебывало столько европейцевъ; но арабскій костюмъ представляется болѣе удобнымъ при дневномъ зноѣ, такъ же какъ при ночномъ холодѣ, и несомнѣнно болѣе живописенъ для путешествія на верблюдахъ. Притомъ европейскій костюмъ былъ-бы анахронизмомъ на пустынномъ фонѣ Аравіи, и, если не для себя, то для спутниковъ своихъ, приходится переодѣваться.

И такъ, мы на много дней избавились отъ западныхъ костюмовъ и, кромѣ того что почувствовали себя свободнѣе, можетъ быть, даже красивѣе стали въ длинныхъ бурнусахъ и вуаляхъ, похожіе на аравійскихъ шейховъ. Мы съ великимъ нетерпѣніемъ ожидали на утро своего выступленія.

II.

Послѣ того Моисей вывелъ Израильтянъ изъ Краснаго моря и они пошли къ пустынѣ Сюръ; проходивъ по пустынѣ три дня, они не нашли воды.
(Исходъ, XV, 22).

Пятница, 23-го февраля.

Съ запасомъ Нильской воды въ боченкахъ и козьихъ мѣхахъ, мы шли по пустынѣ Сюръ, по безконечнымъ безводнымъ пескамъ, придерживаясь тѣхъ неясныхъ слѣдовъ человѣческихъ и звѣриныхъ ногъ, которыя цѣлыми вѣками протоптали то, что называется въ пустынѣ дорогою. Вдали колеблется однообразный горизонтъ; пески усѣяны сѣроватыми камешками; все сѣро, сѣро-розово или сѣро-желто. Кое-гдѣ попадается блѣдно-зеленое растеніе съ едва замѣтнымъ чернымъ цвѣткомъ, и верблюды протягиваютъ къ нему свои длинныя шеи.

Въ воздухѣ зной. Изрѣдка появляется надежда, что крошечное

облачко, бѣгущее по небу, вотъ-вотъ остановится надъ вашей головой, но оно уже пробѣжало, не задѣвъ васъ. Уходятъ эти маленькія безполезныя тѣни облаковъ, освѣжая собою одни камни или побѣлѣвшія старыя кости.

Безполезны также и густыя облака, собравшіяся теперь въ исходѣ яркаго утра, надъ мертвыми горами, спуская свою таинственную прохладную тѣнь туда, гдѣ ничего нѣтъ. Они сгущаются все болѣе и болѣе, окутывая собою безжизненную даль; теперь насъ окружаетъ что-то какъ бы отвлеченное и перемѣнчивое; песокъ, по которому мы ступаемъ, со всѣхъ сторонъ сливается съ небомъ, спускающимся все ниже и становящимся все мрачнѣе, и наконецъ самое солнце тускнѣетъ, какъ бы готовое погаснуть. Мѣстами только сквозь облака пробьется свѣтъ и озаритъ на мгновеніе обнаженную верхушку горы или песчаный холмъ, сверкающій, точно серебромъ, слюдою.

Во время полуденнаго отдыха, вьючные наши верблюды уходятъ, какъ принято въ караванахъ, впередъ съ багажемъ и палатками, такъ что по прибытіи въ лагерь ночью, мы находимъ уже все готовымъ.

Къ концу дня мы идемъ почти въ полномъ безмолвіи и мало по малу умъ нашъ усыпляется отъ монотоннаго, однообразнаго покачиванія на огромномъ, неутомимомъ животномъ, которое безъ остановки переступаетъ длинными ногами. На первомъ планѣ всего сѣраго, представляющагося нашимъ отягченнымъ дремотою глазамъ, мы видимъ только очертанія его шеи сѣраго и желтаго цвѣта, одинаковаго съ пескомъ, и затылокъ его мохнатой головы, похожей на голову маленькаго льва, украшенный бѣлыми раковинами и голубымъ бисеромъ съ подвѣсками изъ черной шерсти.

Подъ вечеръ мы вступаемъ въ мѣстность, усѣянную на невидимое пространство тощей шильной травой, дрокомъ, представляющей нѣчто въ родѣ жалкаго безконечнаго сада; поднявшійся вѣтеръ покрываетъ его мелкой песочной пылью.

Вѣтеръ, ничѣмъ не сдерживаемый, становится все сильнѣе. При меркнущемъ свѣтѣ всѣ предметы виднѣются сквозь желтое облако мертвенно прозрачное. Показавшіяся вдали палатки представляются намъ гораздо большими посреди обнаженной пустыни; въ этой массѣ песку, при свѣтѣ заходящаго солнца онѣ принимаютъ размѣры пирамидъ, а вьючные верблюды, блуждающіе вокругъ нихъ и жующіе дрокъ, кажутся животными-гигантами, готовыми проглотить самыя деревья.

При сильномъ вѣтрѣ, который волнуетъ наши палатки точно паруса на кораблѣ, мы останавливаемся здѣсь на ночь, чтобы гдѣ нибудь остановиться въ этой безконечной пустынѣ.

III.

Суббота, 24-го февраля.

До двухъ часовъ утра вѣтеръ безъостановочно безпокоилъ нашъ маленькій лагерь, такой уединенный въ пустомъ пространствѣ. Палатки наши шумятъ точно паруса, легкая постель покачивается какъ на морѣ во время качки, а верблюды въ одинъ голосъ кричатъ, точно животныя въ звѣринцѣ. Невольно приходитъ на мысль, какъ ничтоженъ оказался бы нашъ кочевой полотняный домъ передъ ночными хищниками и вообще при всякой случайности, возможной въ пустынѣ: при такомъ шумѣ въ ночной темнотѣ на васъ опустятся чьи то руки, лезвіе ножа коснется вашего горла, а вы и не слышали ничьихъ шаговъ, также какъ ваши спутники ничего не услышатъ и не заподозрятъ въ сосѣднихъ палаткахъ.

Утромъ погода стихла и, выйдя изъ палатки, мы увидѣли совершенно ясное небо; все, казавшееся вечеромъ чѣмъ то необыкновеннымъ, приняло натуральные размѣры и видъ, и верблюды, и песокъ, и тощіе дроки; все ясно, все какъ бы застыло подъ вліяніемъ слишкомъ сильнаго свѣта, а вдали еще вырисовываются слегка египетскія горы надъ голубою скатертью Краснаго моря.

Все утро тотъ же однообразный путь среди полнаго безмолвія на спинѣ верблюда, какъ бы на качалкѣ. Дроки попадаются рѣже. Мѣстами растетъ странный безъ зелени песчаный цвѣтокъ, желтовато-оливковый.

Вокругъ ни одного живого существа, ни животнаго, ни птицы, ни насѣкомаго; даже мухъ, этихъ всемірныхъ обитательницъ, здѣсь нѣтъ. Въ противоположность приморскимъ пустынямъ, которыя изобилуютъ жизнью, здѣсь безплодіе и смерть. Это безмолвіе и безжизненность какъ бы опьяняютъ васъ, между тѣмъ какъ вы дышете здоровымъ, незараженнымъ воздухомъ, дѣвственнымъ какъ до начала творенія.

Соляце поднимается, палитъ и освѣщаетъ все еще болѣе чуднымъ бѣлымъ сіяніемъ. На землѣ попадаются одни мелкіе черные камешки или сверкаетъ слюда; растенія же болѣе никакого.

Дорога между тѣмъ становится тяжелой, почти гористой; дресва и камни, совершенно безполезные, ни на что не пригодные, лежатъ, неизвѣстно для кого, очень причудливыми грудами и остаются, конечно, цѣлые вѣка въ той же неподвижности, томъ же безмолвіи и при томъ же чудномъ освѣщеніи. Ослѣпительный блескъ солнца заставляетъ васъ невольно на нѣсколько минутъ закрывать глаза. Ко-

гда же вы откроете ихъ, горизонтъ представляется чернымъ кругомъ, пересѣкающимъ солнечное сіяніе, тогда какъ мѣсто, на которомъ вы стоите, остается поразительно бѣлымъ и на немъ движутся по сверкающимъ блесткамъ слюды тѣни громадныхъ животныхъ при неизмѣнномъ вѣчномъ покачиваніи.

Къ вечеру мы приближались къ мѣсту, покрытому высокими вершинами. Въ печальный часъ когда зимнее солнце чрезмѣрно удлиняетъ наши тѣни, посреди огромнаго круга песку и камней, гдѣ мы находимся, горы эти предстали намъ во всемъ блескѣ роскошныхъ цвѣтовъ, снизу радужныя, верхушки красныя,—все это чудно выдѣлялось на чистомъ голубомъ небѣ.

Тѣни предметовъ, самыхъ мельчайшихъ камешковъ, удлиннялись все болѣе, а наши собственныя казались почти безконечными; верблюды, казалось, были точно на ходуляхъ и походили на апокалиптическихъ животныхъ съ длинными какъ у ибиса ногами.

Однако наступила уже ночь и мы не видимъ нашего лагеря. Сегодня переходъ кажется намъ безконечнымъ.

Ночь наступила, не смотря на то, что горы еще освѣщены красноватымъ, точно огненнымъ, свѣтомъ. А мы, совершенно безжизненные, теряемся во мракѣ страшныхъ долинъ, гдѣ верблюды наши, не видя ничего передъ собою, какъ бы жалуются, переминаясь съ ноги на ногу и не находя имъ мѣста. Куда же скрылись въ этотъ вечеръ наши палатки? Нашъ путеводитель самъ, кажется, растерялся и нами овладѣваетъ смутная тревога.

Наконецъ-то, при поворотѣ за холмъ, мы увидали желтоватый свѣтъ. Это бедуины наши идутъ къ намъ на встрѣчу съ фонарями. На этотъ разъ они устроили лагерь въ избранномъ мѣстѣ, около скалъ, которыя являлись какъ бы нѣкоторой защитой отъ ночныхъ случайностей, и при такой обстановкѣ ощущается какъ бы близость дома, и освѣщенныя палатки, украшенныя разноцвѣтными восточными коврами, производятъ впечатлѣніе маленькихъ кочевыхъ дворцовъ.

Между прочимъ поднялся опять, какъ наканунѣ, холодный вѣтеръ, который, повидимому, долженъ подниматься каждый вечеръ, и онъ какъ бы составляетъ дыханіе пустыни. Снова волнуется отъ него наша палатка.

Изъ скалъ, казавшихся сначала нашими защитниками, показались нѣсколько незнакомыхъ лицъ, черныхъ съ бѣлыми зубами, и стали бродить вокругъ нашихъ огней.

IV.

Воскресенье, 25 февраля.

Съ восходомъ солнца, лагерь нашъ пробуждается, движется и готовится къ выступленію. Надъ скалами, стѣнами воздвигавшимися позади насъ, стоитъ бѣлая луна и смотритъ на наши сборы своимъ блѣднымъ, потухшимъ въ голубомъ небѣ, взоромъ.

Сначала, до самаго полдня, пустыня усѣяна черными камешками, какъ бы обсыпана углемъ и камешки эти блестятъ на горячемъ солнцѣ, такъ что на мучимаго жаждою путника производятъ впечатлѣніе влаги. Черная пустыня, съ постоянными переливами, тянется цѣлые часы; мѣстами ее пестритъ селитра или соль. Не слышно ни пѣнія, не видно ни малѣйшаго полета, никакого движенія. Но эту величественную тишину нарушаетъ только непрерывный, однообразный, какъ бы подъ сурдинкой, стукъ копытъ нашихъ неспѣша движущихся верблюдовъ...

Къ полудню мы попадаемъ въ менѣе мертвенное пространство. На берегу чего-то, что должно было изображать высохшее русло источника, ростутъ безцвѣтные тамаринды, блѣдные дроки съ бѣлыми цвѣточками, и даже двѣ высокія пальмы. Сѣренькая ласточка испуганно пролетѣла мимо насъ, а передъ слезящимися глазами верблюдовъ запорхали мухи. Тутъ замѣтна какъ бы проба жизни. Двѣ большія черныя птицы, хозяева этого мѣста, развернули крылья и оглашаютъ воздухъ своимъ крикомъ.

Наши конвойные бедуины, завидя пальмы, почуяли воду подъ ихъ бѣдной тѣнью и повели туда животныхъ. Дѣйствительно, въ песчаной впадинѣ оказалось немного воды, и верблюды съ радостнымъ мычаніемъ старались, по два и по три разомъ, окунуть туда свои морды.

А дальше снова пустыня, еще суше, еще безплоднѣе. Мы все удаляемся отъ Краснаго моря, оно со вчерашняго дня уже скрылось изъ вида, и мы все дальше углубляемся въ гористыя мѣста пустыни. Сколько до вечера предстояло намъ пройти мрачныхъ долинъ, большихъ печальныхъ пространствъ! А верблюды все идутъ и идутъ тѣмъ же медленнымъ, усыпляющимъ шагомъ; они почти самостоятельно, безъ указанія, ступаютъ по тропинкамъ, пробитымъ изъ года въ годъ подобными имъ животными, все въ одномъ направленіи, по дорогѣ, единственно проходимой въ Синайской Аравіи.

Подъ вечеръ мы встрѣтили трехъ женщинъ, закрытыхъ непроницаемыми вуалями; онѣ ѣхали на молодыхъ верблюдахъ. Минуту спустя мальчикъ совершенно бронзоваго цвѣта, повидимому, озабо-

ченный ихъ побѣгомъ, направляется по тому же направленію, гдѣ скрылись женщины. На верблюдѣ его навѣшаны украшенія изъ раковинъ и бахрома съ желудями изъ черной шерсти, которая развѣвается по вѣтру.

По мѣрѣ приближенія вечера горы возвышаются передъ нами, а долины все пустѣютъ. Горы глиняныя, песчаныя и изъ бѣлаго камня, груды дѣвственныхъ веществъ, случайно набросанныхъ тамъ съ начала міросданія, ни разу не тронутыхъ рукой человѣка, медленно размываемыхъ дождями, такъ же медленно уничтожаемыхъ солнцемъ. Онѣ имѣютъ самыя причудливыя формы; можно подумать, что рука человѣческая сортировала ихъ, группировала въ болѣе или менѣе подходящемъ порядкѣ: на протяженіи мили горы эти представляютъ нагроможденные одинъ на другой конусы, какъ бы съ умышленной симетріей; дальше, верхушки сглаживаются и изображаютъ рядъ циклопическихъ столовъ; потомъ—главы и куполы, точно остатки исчезнувшихъ городовъ. Глядя на все это, теряешься въ догадкахъ относительно безполезности этихъ причудливыхъ формъ; онѣ проходятъ передъ вами среди мертвенной тишины, при томъ же неумолимо яркомъ свѣтѣ, съ тѣми же блестками слюды, которыми сверкаетъ пустыня, точно нарядный мундиръ.

Время отъ времени который нибудь изъ вожаковъ запоетъ и пробудитъ васъ отъ дремоты или думы. Пѣніе его можно назвать скорѣе рядомъ безконечно грустныхъ возгласовъ, въ которыхъ безпрестанно слышится страшное имя Аллаха. Голосъ пѣвца раздается почти грознымъ эхомъ и пробуждаетъ уснувшую долину.

Вечеромъ, когда таинственная мгла спускается на однихъ насъ посреди пустыни, мы расположились лагеремъ въ большомъ, неимѣющемъ еще названія, печальномъ пространствѣ, сплошь покрытомъ сѣроватой глиной, окруженномъ стѣною гигантскихъ скалъ. Воды нѣтъ; но на два или три дня у насъ еще достанетъ Нильской воды, а на завтра вечеромъ шейхъ обѣщаетъ привести насъ къ ручью.

Какъ только лагерь устроился и верблюдовъ развьючили, они разбрелись на поиски дроковъ, а арабы за сухими вѣтвями для костра; въ длинныхъ своихъ платьяхъ, они походятъ на колдуній, собирающихъ травы для чародѣйствъ. И такъ, на одну ночь нашъ маленькій кочевой городокъ оживилъ это пустынное мѣсто, для того чтобы завтра въ немъ снова царила смерть.

Мѣстность становится все грандіознѣе, по мѣрѣ того какъ меркнетъ солнце, освѣщая послѣдними лучами огромное пространство, въ которомъ царствуетъ полный хаосъ, точно послѣ того, какъ

тамъ провалился городъ и на мѣстѣ его образовались разсѣлины и пещеры, все перевернулось вверхъ дномъ. И все это вмѣстѣ, и верблюды, и бедуины, такъ же какъ самая почва, пепельные или ярко сѣрые, образуютъ вѣчный фонъ, неопредѣленный и необыкновенно теплый, на который пустыня распространяетъ свой фантасмагорическій свѣтъ.

Вотъ наступаетъ волшебный часъ заката; на отдаленныхъ вершинахъ украдкой появляются роскошные фіолетовые и красные огоньки; все какъ бы горитъ...

Солнце уже закатилось; но хотя все потемнѣло, все таки огонекъ, какъ бы не желая потухнуть, свѣтится изъ подъ пепельносѣрыхъ предметовъ... Но вдругъ по всему будто пробѣжала дрожь и мгновенно наступилъ неизбѣжный вечерній холодъ пустыни.

Съ наступленіемъ ночи, когда звѣзды загорятся въ неизмѣримомъ пространствѣ неба и бедуины, по обыкновенію, усядутся вокругъ костра изъ сухихъ вѣтвей, двѣнадцать человѣкъ изъ нихъ отдѣляются отъ общей группы, становятся передъ нашими палатками вокругъ одного, который играетъ на волынкѣ, и затягиваютъ хоромъ пѣсню. Въ тактъ медленному темпу, указываемому музыкантомъ, они покачиваютъ головами и поютъ. Пѣсня старинная и заунывная, вѣроятно, изъ тѣхъ, что пѣлись во время странствованія Моисея по пустынѣ. Пѣсня эта тяжелѣе самаго безмолвія, музыка бедуина безсознательно переходитъ въ стонъ и какъ бы теряется въ воздухѣ, непривычномъ къ шуму и жаждущемъ звуковъ такъ же сильно, какъ здѣшніе пески жаждутъ росы...

V.

Понедѣльникъ, 26 февраля.

Каждое утро мы встрѣчаемъ въ новыхъ мѣстахъ пустыни. Выходить изъ палатки и очутиться въ сіяніи чуднаго яснаго утра; расправить руки и всѣ члены на свѣжемъ чистомъ воздухѣ; растянуть на пескѣ чалму и завернуться въ ея бѣлыя волны; упиваться свѣтомъ и пространствомъ; при пробужденіи ощущать одно только опьяняющее сознаніе, что дышешь и живешь... вотъ наша жизнь въ пустынѣ.

А тамъ опять путешествіе, взобравшись высоко-высоко на вѣчно движущагося верблюда, который вплоть до самой ночи не измѣнитъ своей иноходи. Идти мечтая, все идти, идти, имѣя передъ глазами косматую голову украшенную раковинами и длинную шею животнаго, которое дыханіемъ своимъ разсѣкаетъ воздухъ, точно носъ корабля воду. Видѣть проходящія мимо васъ одну за другой пусты-

ни; прислушиваться къ тишинѣ и ничего не слышать, ни пѣнія птички, ни жужжанія мухи, потому только, что вокругъ васъ нѣтъ живаго существа...

Послѣ холоднаго разсвѣта, солнце мгновенно начинаетъ палить своими лучами. Первые четыре часа пути по направленію къ востоку—самые жаркіе изъ всего дня. Затѣмъ, мы выбираемъ въ полдень любое мѣсто и, наскоро поставивъ палатку, отдыхаемъ; между тѣмъ насъ догоняетъ другой караванъ, болѣе тяжелый, съ бедуинами и вьючными верблюдами; они проходятъ съ дикими радостными криками и исчезаютъ, опередивъ насъ въ пространствѣ. А черезъ другіе четыре часа перехода, мы приходимъ на ночлегъ въ мѣсто всегда новое для насъ. Тутъ ужъ играетъ роль чисто физическая радость увидать свою палатку, передъ которой кроткое животное высаживаетъ насъ, опустившись на колѣна.

Это утро мы начинаемъ въ жаркихъ долинахъ, между удушливыми горами. Солнце пасмурно; оно точно спустилось съ неба, чтобы омрачить насъ. Усталые глаза слѣдятъ за тѣнью верблюдовъ, отражающейся на пескѣ и, какъ всегда бываетъ, когда взоръ оторвется отъ земли и обратится къ отдаленнымъ горамъ, онѣ кажутся черными по контрасту съ сверкающимъ передъ глазами пескомъ.

Къ полудню мы уже очень высоко, во внутренней пустынѣ Синайскаго полуострова; тутъ открываются новыя мѣста и впечатлѣніе пустыни становится еще тягостнѣе отъ сознанія ея необъятности.

Пустыня представляетъ почти страшное великолѣпіе... Въ прозрачной дали, которая кажется гораздо глубже обыкновенной зеленой дали, сцѣпляются и громоздятся одна на другую горы, нетронутыя съ самаго начала творенія ни одной рукой человѣческой и потому остающіяся вѣчно неизмѣнными. На первомъ планѣ онѣ почти красны; поднимаясь далѣе къ небу, переходятъ въ чудесный фіолетовый цвѣтъ, который по мѣрѣ отдаленія переходитъ изъ голубого въ темно-синій. И все пусто, безмолвно, мертво. Въ этомъ прелесть не подвергающихся измѣненію странъ, гдѣ не существуетъ мимолетныхъ приманокъ; въ этомъ прелесть почти вѣчной матеріи, не подвергающейся превратностямъ жизни; геологическая прелесть начала мірозданія...

Вечеромъ мы увидали съ отдаленной возвышенности безграничную долину, каменистую и песчаную, покрытую тощимъ желтымъ дрокомъ. Она залита свѣтомъ, палима знойными лучами, и нашъ лагерь, расположенный тамъ, съ своими неимовѣрно маленькими

палатками, кажется жилищемъ пигмеевъ посреди ослѣпительной пустыни.

Закатъ въ этотъ вечеръ былъ такой, какого мы ни разу не видали! Никогда еще столько золота не было разлито для насъ однихъ вокругъ нашего одинокаго лагеря. Золото блеститъ на головахъ, ногахъ и шеяхъ нашихъ верблюдовъ, вышедшихъ на обычную вечернюю прогулку; они всѣ залиты золотомъ и тѣни ихъ, какъ всегда, странно вытянулись на пустынномъ горизонтѣ. И долина вся въ золотѣ, дроки—сплошной золотой хворостъ...

Затѣмъ наступила ясная, безмолвная ночь...

Въ эту минуту нами овладѣваетъ почти священный ужасъ при мысли о томъ, чтобы удалиться отъ лагеря и потерять его изъ вида; отдѣлиться даже отъ этой горсти живыхъ существъ, заблудившихся посреди мертваго пространства, и остаться совершенно одному въ ночной пустотѣ. Не такъ далеко какъ въ другомъ мѣстѣ, менѣе недоступныя, звѣзды блестятъ въ космической безднѣ и въ этой пустынѣ, неподвижной и не имѣющей времени, откуда мы смотримъ на нихъ, кажется, что мы легче можемъ постигнуть все непостижимое; является даже такая иллюзія, будто самъ участвуешь въ ихъ безстрастномъ, звѣздномъ бытіи...

VI.

Выйдя изъ Рефидима, они подошли къ пустынѣ Синайской и расположились тамъ лагеремъ. (Исходъ, XIX, 2).

Вторникъ, 27 февраля.

Уже пятый день безъ воды. Но у насъ еще есть запасъ Нильской.

Все утро шли по вчерашней долинѣ, гдѣ дрокъ смѣнился болѣе рѣдкими растеніями, свѣтло зеленаго цвѣта, въ родѣ терновыхъ шариковъ, которые могутъ уколоть ногу какъ иглы сѣна.

Намъ попадаются большіе черные камни, которые стоймя торчатъ на пескѣ, точно человѣкъ. Сначала они стоятъ въ одиночку, далѣе ихъ все болѣе и они все выше; потомъ, по мѣрѣ того какъ мы подвигаемся, они принимаютъ форму башенъ и крѣпостей; въ концѣ концевъ идутъ сплошной стѣной, образуютъ корридоры, что-то въ родѣ улицъ какого нибудь циклопическаго разрушеннаго города, и мы проходимъ между ихъ мрачныхъ стѣнъ.

Полуденный отдыхъ состоялся именно въ одной изъ этихъ страшныхъ долинъ...

Пока мы спали тамъ, растянувшись на коврахъ, въ камняхъ вдругъ раздались дикіе возгласы. Это наши стражи, вожаки и верблюды даютъ о себѣ знать, проходя мимо насъ; ихъ караванъ самый медленный; онъ каждое утро идетъ за нами и во время полуденнаго отдыха опережаетъ насъ и встрѣчаетъ при остановкѣ на ночь. Животныя и люди имѣютъ обыкновеніе, проходя, привѣтствовать насъ своими криками, а сегодня голоса ихъ раздаются еще громче, эхо еще сильнѣе въ разсѣлинахъ скалъ, которыя дрожатъ какъ мертвый лѣсъ.

До Могреба мы идемъ узкими извилистыми долинами; но стѣны ихъ мѣняются въ цвѣтѣ и самой натурѣ; тутъ онѣ розовыя гранитныя съ широкими каймами голубого или зеленаго гранита.

Природа также не такъ печальна; попадаются деревья, первыя впродолженіи пятидневнаго пути. Это очень жалкія деревца въ родѣ колючихъ мимозъ, какія есть въ Сахарѣ, Сенегалѣ и Обокѣ; по случаю весны они зазеленѣли блѣдными, едва замѣтными листиками. На землѣ встрѣчаются нѣсколько бѣлыхъ цвѣточковъ, очень маленькихъ, между кусками мелкаго гранита.

При поворотѣ этихъ долинъ, мы встрѣтили двухъ прелестныхъ малютокъ бедуиновъ, брата съ сестрой: они смотрѣли на насъ со страхомъ въ темныхъ бархатныхъ глазахъ. Они говорятъ намъ, что въ горахъ расположился лагерь; въ самомъ дѣлѣ, мы услышали вдали лай собакъ, возвѣщавшихъ наше присутствіе. Вскорѣ мы увидали стадо овецъ, которое пасли бедуинки, одѣтыя въ черное и закрытыя вуалемъ.

Старый шейхъ нашихъ вожаковъ проситъ меня отпустить его до утра въ лагерь, гдѣ у него сыновья.

Мы проходимъ мѣстность «мирской горы» и тутъ пустыня благоухаетъ; мелкія растенія, которыя топчутъ ногами верблюды, распространяютъ чудный незнакомый запахъ.

Почва этихъ безконечныхъ переходовъ все болѣе и болѣе замѣтно возвышается къ центральной площади, и будетъ возвышаться еще впродолженіе двухъ дней, пока не достигнетъ высоты 2000 метровъ, на которой мы увидимъ Синайскій монастырь.

Въ мѣстности, гдѣ мы теперь находимся, еще не прекратились геологическія волненія; еще недавно навѣрно тутъ обрушились горы, разсыпались по землѣ съ шумомъ, подобнымъ свѣтопреставленію гигантскія развалины съ совершенно свѣжими расщелинами свидѣтельствуютъ о вчерашнемъ крушеніи. Мы продолжаемъ подниматься по обваламъ розоваго и голубаго гранита, по камнямъ

большей частью растреснутымъ до самаго основанія и готовымъ, повидимому, къ будущему крушенію.

На ночь мы устроились между угрюмыми и страшными валами краснаго гранита, въ высокой долинѣ, уже пропитанной ледянымъ воздухомъ.

VII.

На третье утро былъ громъ и молнія и на горѣ густое облако, изъ котораго слышался сильный звукъ трубы, напугавшій народъ въ лагерѣ. (Исходъ, XIX, 16).

Среда, 28 февраля.

Посреди ночи насъ разбудилъ громъ, сильный и страшный здѣсь, въ звучной, полной эхо пустынѣ. Вѣтеръ колышетъ наши полотняные дома и готовъ поднять ихъ на воздухъ; верблюды мычатъ подъ неожиданнымъ проливнымъ дождемъ.

Вѣтеръ для кочующихъ народовъ еще опаснѣе дождя. Надо вставать, укрѣплять камнями колья вокругъ палатокъ, которыя надуваются какъ паруса, вздымаются и ревутъ, а затѣмъ ждать и быть готовымъ къ тому, чтобы остаться безъ крова во время холоднаго наводненія: безпомощное положеніе безконечно малыхъ существъ въ борьбѣ съ могущественными высшими силами...

Въ злополучной долинѣ, освѣщаемой безпрерывной молніей, царитъ невообразимый ужасъ; ее какъ бы потрясаетъ до самаго основанія съ трескомъ или глухимъ шумомъ; кажется, она дрожитъ, разверзается, рушится...

Потомъ удары стали удаляться и слышались уже рѣже, какъ будто они исходили изъ нѣдръ какой-то глубокой пещеры, на днѣ далекой пропасти, гдѣ переворачивался и катался земной шаръ...

Наконецъ стихло...

Понемногу спокойствіе возвращается къ намъ, и мы засыпаемъ.

Когда при наступленіи тихаго утра, при восходѣ солнца, я открылъ мою палатку, ко мнѣ ворвался цѣлый потокъ аромата, такой сильный, будто у моей двери разбили цѣлый сосудъ съ духами. И вся эта печальная гранитная долина благоухаетъ, точно восточный храмъ. Мелкія блѣдныя растеньица, страдающія отъ засухи, ожили подъ благодатнымъ ночнымъ дождемъ и теперь разливаютъ ароматъ безчисленныхъ курильницъ; воздухъ какъ-бы напоенъ ладономъ, мелиссой, геранью и миррой...

Прежде всего я любуюсь пустынной долиной, такой странной и чудесной при блескѣ утренняго солнца, которое освѣщаетъ верхушки краснаго гранита на фонѣ темныхъ разодранныхъ облаковъ-стремящихся на сѣверъ. Тамъ наверху еще продолжается волненіе а внизу уже совершенно спокойно.

Потомъ я обращаю глаза на землю, отъ которой поднимается благоуханіе, она покрыта бѣлыми зернышками, точно градинками послѣ ливня...

VIII.

> Когда роса пропала, на поверхности пустыни, на землѣ оказалось что-то мелкое и круглое, точно изморозь (Исходъ, XVI, 14).

То, что вѣтеръ и дождь пригналъ къ намъ и чуть не кучами нагромоздилъ передъ нашими палатками, похоже на манну... я подобралъ нѣсколько этихъ мелкихъ и круглыхъ бѣлыхъ зеренъ, они очень жестки, имѣютъ отчасти вкусъ пшеницы; это высохшіе плоды низенькаго колючаго растенія, которое покрываетъ здѣсь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ горы.

Собирая манну, я прикасался къ землѣ и на рукахъ моихъ надолго сохранился чудесный запахъ.

IX.

Все утро мы шли по безконечнымъ однообразнымъ долинамъ, въ стѣнахъ краснаго гранита, поднимаясь едва замѣтными тропинками къ великому Синаю, гдѣ мы будемъ завтра. Долины расширяются, а горы становятся выше; все дѣлается болѣе грандіознымъ посреди перемѣнчивыхъ и темныхъ тучъ; впереди, сквозь громадный просвѣтъ разступившихся камней, мы начали замѣчать еще выше покрытыя снѣгомъ вершины, сверкавшія на темномъ фонѣ неба. Со стороны Синая поднялся холодный вѣтеръ и началъ бить насъ колючимъ дождемъ, снѣгомъ, изморозью; верблюды кричатъ и дрожатъ отъ холода; наши легкія одежды изъ бѣлой шерстяной матеріи, тонкіе арабскіе башмаки—все насквозь промочено, и сами мы дрожимъ, стиснувъ зубы, сложивъ неподвижно руки, смертельно озябшіе.

Во время затишья, мы устраиваемъ полуденную палатку въ защищенномъ мѣстѣ, въ родѣ гранитнаго оврага; бедуины разводятъ огонь изъ ароматическихъ вѣтокъ; пламя отъ нихъ сильное и мы усаживаемся кругомъ въ совершенномъ безпорядкѣ, всѣ побуждае-

мые однимъ желаніемъ—согрѣться и не страдать болѣе. Съ обнаженными черными членами, въ мѣховыхъ лохмотьяхъ, съ головами дикарей, съ обезьяньими манерами, бедуины похожи на доисторическихъ людей вокругъ первобытнаго костра.

Когда мы встали, чтобы отправиться въ путь, на коврѣ, гдѣ мы сидѣли, оказались большіе зеленые скорпіоны; очевидно они также хотѣли погрѣться. Бедуины бросаютъ ихъ въ огонь, гдѣ они корчатся и сгораютъ.

Послѣ полудня мы замѣтили перемѣну въ цвѣтѣ и свойствѣ камней; гранитъ безцвѣтнѣе и хрупче. Небо мрачно, въ воздухѣ холодъ; мы проходимъ цѣлый рядъ песчаныхъ долинъ, перерѣзанныхъ скалами верблюжьяго цвѣта. Нѣтъ болѣе острыхъ верхушекъ и свѣжихъ разсѣлинъ, которыя мы привыкли видѣть впродолженіи двухъ дней; тутъ, напротивъ, цѣлыя груды полированныхъ камней, имѣющихъ странныя очертанія звѣрей, точно собраніе уродовъ, толстокожихъ животныхъ, саламандръ, личинокъ, или собраніе членовъ въ зародышѣ, хоботовъ, рукъ, спаянныхъ вмѣстѣ. При мрачныхъ поворотахъ въ этихъ ущельяхъ встрѣчаются неясныя головы слоновъ или сфинксовъ, поставленныя въ видѣ башенокъ на этихъ фигурахъ, и это какъ-бы усиливаетъ печальную картину. Нужны были цѣлыя тысячелѣтія непрерывнаго покоя, при солнцѣ и дождѣ, чтобы высѣчь и отполировать эту коллекцію безпокойныхъ для глаза предметовъ. И все та же тишина, и все ни души. Попалось нѣсколько птичекъ одного цвѣта съ камнями и чешуйчатыхъ, какъ крокодилъ, ящерицъ. Солнце попрежнему пасмурно и низко; оно еще усиливаетъ чувство безконечной тоски и время отъ времени на насъ падаютъ снѣгъ или градъ.

На высотѣ почти тысячи метровъ, мы расположились лагеремъ въ зимнемъ сумракѣ посреди скалъ, производящихъ кошмаръ, при входѣ въ широкую долину, со всѣхъ сторонъ закрытую стѣнами, точно кучей мертвыхъ уродовъ.

Посреди этихъ большихъ ископаемыхъ животныхъ бедуины ищутъ убѣжища и зажигаютъ огни, подъ ихъ лапами, головами, животомъ, сильно полированными. Солнце свинцоваго цвѣта заходитъ. Однако оно блѣднымъ свѣтомъ еще освѣщаетъ предметы настолько, чтобы имѣть понятіе о дали этой закрытой пустыни и разсмотрѣть все, что есть въ ней ужаснаго. А снѣгъ все падаетъ и падаетъ на нашъ погибшій лагерь.

Въ такомъ положеніи мы чувствуемъ, что не совсѣмъ люди пустыни, не смотря на прелесть кочевой жизни въ хорошую погоду;

человѣкъ каменныхъ домовъ, образовавшійся въ насъ самихъ, смутно страдаетъ отъ того, что не имѣетъ крыши, стѣнъ и отъ сознанія что ихъ нигдѣ въ окружности этой мрачной пустыни и найти нельзя..

X.

> Тогда гора Синай вся покрылась дымомъ, потому что Предвѣчный сошелъ на нее въ огнѣ; и огонь его взымался какъ бы изъ большой печи, и вся гора сильно дрожала. (Исходъ, XIX, 18).

Четвергъ, 1-е марта.

Утромъ, когда мы снимаемъ лагерь, солнце уже не такъ низко и снѣгъ прошелъ; но густыя облака стоятъ неподвижно противъ гранитныхъ великановъ, которые разомъ поднимаются со всѣхъ сторонъ надъ грудами окаменѣлыхъ животныхъ и присутствія которыхъ мы не подозрѣвали за темнотою.

Мы продолжаемъ подниматься по ущельямъ страшнаго вида, въ родѣ песчаныхъ коридоровъ, между стѣнъ, которыя становились все выше и мрачнѣе. Фигуры сѣрыхъ животныхъ остались у насъ позади, и теперь мы вступаемъ въ страну бураго гранита со страшными, прямо стоящими, фигурами. Становится холоднѣе и воздухъ болѣе звученъ. Во время полуденнаго отдыха, когда проходятъ наши бедуины, голоса ихъ раздаются точно фуга большого органа въ громадномъ соборѣ. Встрѣчаются закрытыя, черныя пустыни, въ которыхъ тамъ и сямъ сверкаетъ снѣгъ.

Съ каждымъ часомъ все становится гигантскихъ размѣровъ, а къ вечеру, наконецъ, мы увидали высокіе валы и нѣсколько кипарисовъ Синайскаго монастыря.

Увы! Какъ безмолвна, жалка и холодна эта святая гора, одно имя которой еще издали казалось свѣтомъ! Очень далеко, конечно, время, когда Господь сошелъ на нее въ огнѣ при страшныхъ трубныхъ звукахъ; прошло все это, она пуста теперь какъ небо и наши нынѣшнія души; въ ней сохранились только застывшіе кумиры, которымъ люди скоро перестанутъ вѣрить...

Наши палатки уже поставлены тамъ, на развалинахъ старыхъ стѣнъ, въ лощинѣ горы бушуетъ вѣтеръ, а на бѣлой пеленѣ разложенъ багажъ; бѣдный нашъ лагерь представляетъ жалкую безпорядочную картину при этомъ шквалѣ, готовомъ сорвать его, и при снѣгѣ, обратившемся въ цѣлую бурю. Дрожа отъ холода, въ намокшихъ бурнусахъ, мы слѣзаемъ съ животныхъ, которыя страдаютъ и

жмутся; ихъ безпокоитъ и бѣлый сумракъ, и вѣтеръ, который пронизываетъ ихъ, и эти слишкомъ высокія горы...

Дѣйствительно, кажется совершенно невозможнымъ провести при такихъ условіяхъ ночь, и я посылаю съ слугою настоятелю монастыря рекомендательное письмо отъ Каирскаго патріарха, представляю ему наше плачевное состояніе, и прошу разрѣшенія расположиться лагеремъ гдѣ нибудь поближе, противъ монастырскихъ стѣнъ, чтобы защититься отъ бури.

Отвѣтъ мы скоро получили черезъ молодаго отца въ черномъ одѣяніи, который говорилъ немного по французски; болѣе близкаго мѣста для лагеря нѣтъ, говорилъ онъ, въ ущельи, гдѣ стоитъ монастырь, не могла бы помѣститься и одна палатка, такъ узко пространство между скалами и валами. Но если мы желаемъ, можемъ ночевать въ монастырѣ и даже оставаться тамъ сколько угодно.

Мы принимаемъ предложеніе, удерживаемъ монаха, чтобы онъ поужиналъ съ нами. Садимся за столъ, а бедуины наши сбрасываютъ снѣгъ, который, накопляясь надъ нашими головами, представлялъ опасную для нихъ тяжесть.

Но вотъ къ намъ въ испугѣ вбѣгаетъ братъ привратникъ, съ большимъ фонаремъ въ рукахъ и ключами: «Никогда еще, сказалъ онъ по гречески, монастырскія ворота не оставались такъ долго отворенными!» По особенной милости, насъ ожидали до этого часа, и мы должны или отправиться немедленно, или остаться въ лагерѣ при такой ужасной погодѣ.

Побросавъ все, мы поспѣшили уйти. Фонари освѣщали намъ путь, но мы должны были держать обѣими руками разлетавшіеся отъ вѣтра бурнусы. По щиколодку въ снѣгу, мы карабкались по гранитнымъ обломкамъ.

Минутъ двадцать мы поднимались, безпрестанно скользя по снѣгу и притомъ босые, такъ какъ растеряли туфли.

Наконецъ, передъ нами показалась стѣна и въ ней очень низенькая, вся обшитая желѣзомъ дверь. Мы вошли въ нее, а далѣе слѣдовали еще двѣ маленькія, подобныя первой, двери, скрывавшія сводчатый корридоръ, ведущій къ оградѣ. Двери затворились за нами съ большимъ шумомъ.

Мы вошли. Вся обстановка, не исключая нашихъ костюмовъ, совершенно средневѣковая и напоминала собою какое нибудь ночное появленіе сарациновъ въ старинномъ замкѣ...

Поднимаемся еще по гранитнымъ, плохо высѣченнымъ ступенькамъ, на нѣсколько готовыхъ обрушиться лѣстницъ, во внутренность этой крѣпости, гдѣ нагромождены одинъ на другой арабскіе домики. Намъ придется жить на самомъ верху въ постройкѣ, пред-

ставляющей собою нѣчто въ родѣ гостинницы для богомольцевъ; комнатки, бѣдныя и первобытныя, всѣ выходятъ на длинный балконъ съ покривившимися перилами.

Гостепріимные монахи въ черномъ платьѣ и съ длинными какъ у женщинъ волосами спѣшатъ подкрѣпить насъ теплымъ кофе и согрѣть разведенными въ двухъ металлическихъ вазахъ углями. На всемъ тутъ, въ этомъ монастырѣ, насчитывающемъ полтора тысячелѣтія, лежитъ отпечатокъ бѣдности и восточнаго упадка. Комнаты наши, всѣ одинакія, напоминаютъ самые бѣдные турецкіе дома: стѣны бѣлой извести, потолокъ и окна некрашеннаго, почернѣвшаго отъ времени дерева, широкіе диваны, покрытые старымъ ситцемъ съ поблекшими цвѣтами. Въ каждой комнатѣ на стѣнѣ виситъ простая икона въ бѣлой деревянной рамкѣ съ горящей передъ ней лампадой.

На очень жесткіе диваны, вѣроятно, дававшіе пріютъ множеству богомольцевъ, постилаютъ простыни, одѣяла, жесткія какъ картонъ, и мы укладываемся, счастливые что нашли пріютъ; прислушиваясь къ вѣтру и снѣгу бушующимъ въ пустынѣ, мы думаемъ о нашихъ покинутыхъ палаткахъ, о несчастныхъ бедуинахъ, о бѣдныхъ верблюдахъ, которыхъ некуда было пріютить.

Засыпая, я разсматриваю надписи, которыми испещрена штукатурка на стѣнахъ, имена богомольцевъ, приходившихъ сюда со всѣхъ концовъ свѣта. Тутъ были русскія, греческія, арабскія имена и одно французское: «Принцъ де Бово, 1866».

По немногу вѣтеръ стихаетъ и глубокая тишина наступаетъ вмѣстѣ съ ночью въ этомъ «жилищѣ мира»...

XI.

Лампадка погасла въ ту минуту, когда меня разбудилъ звонъ, призывавшій къ утрени.

Потомъ я опять забылся и уже не помнилъ ничего до тѣхъ поръ, пока въ окно мое не ворвался лучъ солнца.

Отворивъ дверь, я на минуту былъ пораженъ странной обстановкой незнакомаго мнѣ мѣста. Фантастическіе предметы, видѣнные нами вчера при вечернемъ мракѣ, теперь совершенно ясно, во всей своей дѣйствительности предстали моимъ глазамъ; при дневномъ свѣтѣ я увидалъ, что они всѣ какъ-то невѣроятно нагромождены одинъ на другой, точно склеены, безъ всякой перспективы, до такой степени чиста атмосфера, и при этомъ такъ безмолвны, какъ будто умерли отъ своей тысячелѣтней старости. Византійская церковь, мечеть, домики, монастыри; множество лѣстницъ, галерей, арокъ, спускающихся къ пропасти; все это, въ миніатюрѣ распо-

ложено на самомъ незначительномъ пространствѣ, окружено оградами въ 30 футовъ вышины и прикрѣплено къ гиганту - Синаю. Длинная веранда, на которую выходятъ наши кельи, также составляетъ часть этихъ неимѣющихъ лѣтъ, покривившихся построекъ; однѣ изъ нихъ почти развалились и приняли первоначальный цвѣтъ краснаго гранита, другія совсѣмъ бѣлыя, расписанныя по гніющему дереву восточной живописью. Вдыхая необыкновенно чистый воздухъ, чувствуешь, что находишься на огромной высотѣ, а между тѣмъ со всѣхъ сторонъ запертъ какъ бы на днѣ колодца; всѣ высочайшія вершины Синая поднимаются далеко въ воздухѣ, къ самому небу, точно титаническія стѣны, выточенныя изъ краснаго сплошнаго гранита, цвѣта крови, безъ одного пятнышка, безъ малѣйшей тѣни; онѣ такъ высоки и вертикальны, что наводятъ страхъ и производятъ головокруженіе.

Небольшой кусочекъ неба, который остается видимымъ, необыкновенно чистаго голубаго цвѣта и солнце восхитительно освѣщаетъ его.

Сверкающій снѣгъ осыпаетъ всѣ предметы своей серебряной пылью, точно бѣлымъ бархатомъ покрываетъ верхнія части старыхъ стѣнъ; тамъ и сямъ выдѣляетъ бѣлой полосой выдающіяся части гранита, которыя можно видѣть, высоко поднявъ голову по направленію ослѣпительнаго зенита.

И все таже необыкновенная тишина окутываетъ этотъ призракъ монастыря, древность котораго еще замѣтнѣе при солнцѣ и сверкающемъ снѣгѣ. Чувствуешь, что именно здѣсь это «жилище мира», окруженное со всѣхъ сторонъ пустынею.

Мы прогуливаемся по нашей верандѣ, залитой солнцемъ, разодѣтые какъ Аладинъ, такъ какъ, изъ почтенія къ монахамъ, мы потребовали изъ лагеря наши лучшія азіатскія шелковыя одежды. Намъ кажется, что костюмы наши прелестныхъ цвѣтовъ производятъ большой эффектъ на фонѣ бѣлой извести и краснаго гранита. Но смотрѣть на насъ некому.

Время отъ времени который нибудь изъ монаховъ, сѣдой, въ черномъ одѣяніи, поднимется или спустится по одной изъ маленькихъ лѣстницъ этого лабиринта, войдетъ подъ какой-нибудь сводъ и безшумно скроется въ кельи. И снова—мертвая тишина...

Впрочемъ, любезный отецъ Даніилъ, раздѣлившій наканунѣ нашу трапезу въ палаткѣ, пришелъ къ намъ и предложилъ спуститься въ церковь, расположенную подъ помѣщеніемъ для богомольцевъ. Мы пошли за нимъ черезъ множество корридоровъ, лѣстницъ, сводчатыхъ переходовъ, въ которыхъ падалъ каплями таявшій снѣгъ. Все покривилось, стерлось, есть двери арабскаго или кофтскаго стиля

рѣзныя и мозаичныя; попадаются арабскія, греческія и сирійскія надписи; новѣйшимъ изъ нихъ все таки нѣсколько столѣтій...

Въ одномъ углубленіи, куда мы попали, находилась церковь. Черезъ двойную кедроваго дерева дверь, которой было уже 1300 лѣтъ, мы вступили въ это удивительное, единственное въ своемъ родѣ мѣсто, котораго, благодаря его расположенію въ пустынѣ, не коснулась ни революція, ни грабежи, ни какія передѣлки рукъ человѣческихъ; оно осталось почти въ томъ видѣ, какъ было при воздвигшемъ его императорѣ Юстиніанѣ.

Прежде всего васъ ослѣпляетъ и поражаетъ множество люстръ, серебряныхъ, спускающихся сверху лампадъ надъ мозаичными полами; онѣ представляютъ собою какъ бы второй, висячій блестящій сводъ.

Потомъ васъ еще болѣе нежели богатство поражаетъ почти дикая древность этого святилища. Это замѣчательно сохранившіеся останки древнихъ временъ: тутъ вы чувствуете, какъ невольно васъ захватываетъ трогательное, простое и вмѣстѣ великолѣпное прошлое, до того отдаленное и вмѣстѣ близкое, что волнуетъ умъ...

Массивныя колонны состоятъ изъ неправильныхъ капителей; стѣны покрыты византійской живописью и позолотой, мраморной мозаикой, выцвѣтшимъ шитьемъ и потертой парчей. Вся внутренность храма византійскаго, почти арабскаго стиля, съ слишкомъ большимъ количествомъ украшеній, а завѣса, закрывающая алтарь, изъ великолѣпной персидской вышитой матеріи, какую носили въ прежнія времена султаны.

Черезъ боковую, очень низкую, дверь мы вступаемъ въ еще болѣе поразительное мѣсто, скрытое завѣсою. Здѣсь сводъ изъ золотой мозаики какъ у св. Софіи, но нетронутый, безцѣнный останокъ, который сохранила пустыня. Скинія, сѣдалища для епископовъ— все тонкой мраморной работы; матеріи, почти неизвѣстнаго стиля, безподобнаго шитья. Есть двѣ ризы, церковнаго, чеканнаго серебра, подаренныя нѣкогда Россіею для иконы св. Екатерины; на обѣихъ святая, въ золотомъ одѣяніи украшенномъ бирюзою, рубинами и изумрудомъ, изображена лежащею на серебряномъ изголовьи восхитительной работы, напоминающей китайскую шелковую ткань. Само собою понятно какія крѣпкія стѣны нужны, чтобы охранить такія сокровища. На мраморныхъ перегородкахъ развѣшаны множество серебряныхъ и золотыхъ съ драгоцѣнными камнями иконъ. На аналояхъ лежатъ, оправленныя въ золото съ драгоцѣнными камнями, евангеліе и рукописи на пергаментѣ, которымъ по тысячѣ и тысячѣ двѣсти лѣтъ...

XII.

И Господь сказалъ: Не приближайся сюда, сними обувь съ ногъ своихъ, ибо мѣсто, гдѣ ты стоишь, свято. (Исходъ, III, 5).

За скиніей находится самое священное мѣсто, склепъ «Неопалимая купина», куда монахи привели насъ маленькими, еще болѣе низкими, дверями, посреди полумрака пещеры. Насъ остановили гдѣ то въ родѣ сѣней, устланныхъ мягкими какъ бархатъ восточными коврами, и попросили снять туфли, такъ какъ, согласно правилу, выраженному въ «Исходѣ», въ это святилище можно входить только босыми ногами. Переступивъ порогъ его, мы очутились въ настоящемъ VI столѣтіи, посреди первобытныхъ чудесъ отошедшаго въ вѣчность времени.

Мѣсто совершенно темное, всѣ украшенія изъ стариннаго голубоватозеленаго фаянса и золотой мозаики, которыя скрываются подъ украшенными золотомъ и камнями иконами, подъ множествомъ серебряныхъ и золотыхъ лампадъ, спускающихся съ потолка. На насъ смотрятъ суровые лики святыхъ въ алыхъ одеждахъ; лица обрисовываются блестящими вѣнками. Мы точно предвидѣли эти взгляды ихъ и для нихъ облеклись въ изысканныя восточныя одежды; въ самомъ дѣлѣ, съ нашей стороны было бы профанаціей дивнаго разносторонняго искусства, которое мы увидѣли передъ собою, если бы мы явились въ это чудное мѣсто въ жалкихъ костюмахъ нашего ничтожнаго и нечистаго вѣка. Никогда еще и нигдѣ мы не ощущали въ такой полной мѣрѣ воздѣйствія прошедшаго. Цѣлыя поколѣнія, народы и царства протекли какъ потокъ, съ тѣхъ поръ какъ всѣ эти маленькія драгоцѣнныя вещи стоятъ тутъ на одномъ мѣстѣ, блистая все тѣмъ же, очень медленно блекнущимъ свѣтомъ. И самый сопровождающій насъ монахъ, съ его длинными рыжими волосами, спускающимися по плечамъ и съ блѣдной красотой аскета, долженъ во всемъ походить на фанатиковъ прежняго времени и понятія его должны совершенно расходиться съ нашими. Даже и само неясное отраженіе солнца, пробивающееся въ единственное, съуживающееся въ глубинѣ стѣны окно и рисующее точно призрачный кругъ на иконахъ, кажется какъ бы отблескомъ времени, бывшаго тысячу лѣтъ тому назадъ...

Въ глубинѣ склепа устроенъ родъ ложи, выложенной по полу серебромъ, съ горящими лампадами; въ этомъ мѣстѣ, согласно преданію, ангелъ Божій явился Моисею изъ горящаго куста.

XIII.

Есть еще и другія часовни, въ которыя насъ ведутъ маленькими лѣстницами и сводами; узкія, мрачныя, таинственныя, часовенки эти пріютились тамъ и сямъ по уголкамъ стараго лабиринта, между бѣдными кельями и пещерами. Во всѣхъ ихъ удивительныя древнія вещи, которыя должны скоро превратиться въ прахъ.

Есть также библіотеки, величиною съ корабельную каюту; въ нихъ скрываются единственныя, нигдѣ болѣе не имѣющіяся сочиненія. Въ одной сирійскія рукописи, въ другой—греческія, современныя Византіи, старые выше всякой оцѣнки пергаменты, терпѣливой рукой раскрашенные въ тиши какихъ-нибудь дворцовъ или монастырей, книги писанныя собственноручно святымъ Василіемъ или святымъ Іоанномъ, евангелія переписанныя императоромъ Ѳеодосіемъ. Пыль гложетъ всѣ эти сокровища изъ года въ годъ; а снѣгъ, тающій на крышахъ, рисуетъ на нихъ черныя пятна, пробиваясь, какъ сегодня, сквозь гніющій потолокъ.

Выйдя изъ холодной, сырой атмосферы монастырей и часовень, мы отправляемся гулять вокругъ оградъ, по высокимъ выбѣленнымъ известью террасамъ, гдѣ сверкаетъ и палитъ солнце Аравіи, не смотря на пронизывающій вѣтеръ и близость снѣга. Съ высоты взоръ вашъ проникаетъ въ красныя гранитныя пропасти, на днѣ которыхъ, въ холодной тѣни, собралась сотня бедуиновъ въ черныхъ лохмотьяхъ, пришедшихъ въ это мѣсто изъ дальнихъ пустынь; ихъ привела сюда предстоящая сейчасъ раздача хлѣба, которая производится три раза въ недѣлю. Никогда монахи не допустятъ бедуина переступить порогъ монастыря изъ опасенія, вѣроятно, чтобы они не увидѣли ихъ сокровища. Но два брата низшаго чина стоятъ въ одной изъ сторожекъ надъ обрывомъ, назначеніе которыхъ, въ то время когда двери никогда не отворялись, состояло въ томъ, чтобы поднимать богомольцевъ въ корзинахъ. Братья эти, при наступленіи часа для раздачи милостыни, спускаютъ на блокѣ веревку, а бедуины бросаются къ ней, каждый привязываетъ какую-нибудь одежду и вся эта куча тряпья поднимается снова вверхъ. Потомъ монахъ, поднимая наудачу одинъ изъ лоскутовъ, держа его надъ пропастью, спрашиваетъ:

— Чей это бурнусъ?

— Мой! отвѣчаетъ голосъ снизу.

— Сколько васъ въ семьѣ?

— Семь!

Тогда въ бурнусъ завертывается семь хлѣбовъ и съ высоты тридцати футъ бросаютъ его внизъ... И такъ до конца, пока не удовлетворятъ всѣхъ голодныхъ.

Бѣдные эти люди съ дикими головами и алчнымъ взоромъ, вѣроятно, считаютъ насъ, разъодѣтыхъ въ шелкъ, какими-нибудь принцами изъ «Тысячи и одной ночи». Но эти гостепріимныя стоны не на долго отдѣлили насъ отъ нихъ. Мы понимаемъ, что палатки наши и багажъ, оставленные въ пустынѣ, слишкомъ предоставлены въ распоряженіе бедуиновъ и очень скоро то же будетъ съ нами, когда мы снова начнемъ кочевую жизнь въ мѣстности еще менѣе извѣстной и менѣе безопасной.

Именно здѣсь и сегодня мы должны принять окончательное рѣшеніе относительно перехода нашего по пустынѣ Пе́тра.

По этому поводу у насъ возникаютъ продолжительныя совѣщанія съ нашимъ путеводителемъ, съ конвойными арабами и благоразумными монахами,—цѣлое Вавилонское смѣшеніе языковъ, такъ какъ слышится рѣчь греческая, арабская, турецкая, французская и англійская. Переговоры затрудняются воспрещеніемъ бедуинамъ входа въ монастырь; и такъ наши совѣщаются внизу, между грудъ красныхъ скалъ, сидя въ кружокъ на гранитѣ, и всякій разъ, когда приходится спросить ихъ мнѣнія или передать новую мысль, надо по четверо спускаться по маленькимъ ветхимъ лѣстницамъ и проходить тройными дверями ограды.

Наконецъ рѣшеніе наше принято: самый надежный изъ бедуиновъ отправится вечеромъ на лучшемъ изъ верблюдовъ къ непокорному шейху, передастъ ему письмо отъ сеида Омара, другое отъ одного святаго хаджи изъ Мекки и третье отъ меня лично съ запросомъ, разрѣшитъ ли онъ намъ пройти, какой потребуетъ выкупъ и сколько дней продержитъ у себя.

Мы уполномочили кромѣ того нашего бедуина передать, что просимъ письменнаго отвѣта, подписаннаго самимъ шейхомъ и скрѣпленнаго его печатью, что мы ожидаемъ отвѣта въ монастырѣ, что, если онъ будетъ не удовлетворителенъ, мы возвратимся въ Суэцъ, не входя въ Аравійскую пустыню, и отправимся въ Іерусалимъ моремъ. Но послѣдніе пункты одна хитрость и ложь, такъ какъ черезъ три дня мы отправимся изъ монастыря на встрѣчу нашему посланцу, которому нужно шесть дней и семь ночей на два конца, и будемъ ожидать его въ условленномъ мѣстѣ, на три перехода отсюда, при скрещиваніи двухъ долинъ, изъ которыхъ одна идетъ на Пе́тра, другая на Накель. Если отвѣтъ получится не-

пріятный или посланный не возвратится, мы перерѣжемъ наискось оазисъ Накель и обойдемъ владѣнія великаго шейха, такъ что онъ и не узнаетъ о нашемъ проходѣ.

И такъ, мы лишніе три дня будемъ гостями мрачнаго монастыря, который думали покинуть завтра утромъ. Принявъ такое рѣшеніе, мы предались спокойному ожиданію въ этомъ «убѣжищѣ мира», дающемъ намъ пріютъ еще на многіе часы.

Пользуясь послѣдними лучами солнца, мы отправляемся блуждать по самымъ высокимъ оградамъ. Еще только четыре часа, а солнце уже скрывается за страшными гранитными глыбами, загораживающими небо; эти чудовищные экраны, возвышающіеся и обрисованные надъ нашими головами, съ такой поразительной отчетливостью владычествуютъ надъ всѣмъ и, кажется, готовы все раздавить.

Солнце, мгновенно закрытое одной изъ этихъ головокружительныхъ зубчатыхъ скалъ, померкло для насъ, и мы окутаны холодной тѣнью, тогда какъ еще долго будетъ освѣщена такая же, но противоположная зубчатая вершина, огненно-краснаго цвѣта, вырисовывающаяся на голубомъ фонѣ неба, которую мы ясно видимъ изъ окружающаго насъ мрака.

Отецъ Даніилъ, окончивъ свои религіозныя обязанности, приглашаетъ насъ осмотрѣть сады, и мы снова спускаемся въ этотъ будто бы колодезь, какимъ представляется намъ монастырь. Становится все холоднѣе; приходится закутываться и держать обѣими руками наши бурнусы отъ порывовъ вѣтра.

Сады, которые удалось кое-какъ развести на безплодныхъ горахъ, состоятъ изъ нѣсколькихъ террасъ, окруженныхъ также стѣнами, но не укрѣпленными. Очевидно, во время осады ихъ бросили бы. Въ нихъ растутъ кипарисы, оливки, виноградъ, нѣсколько лимонныхъ деревьевъ съ пожелтѣвшими отъ града и снѣга листьями. Подъ старыми деревьями устроено огороженное печальное мѣсто, которое монахъ обозначилъ словомъ «умерщвленіе»: это общинное кладбище, на которомъ въ разбросъ покоятся тѣла людей съ неизвѣстными никому именами. Здѣсь мы уже въ совершенномъ сумракѣ, тогда какъ грозныя гранитныя скалы надъ нашими головами еще освѣщены солнцемъ. Холодно такъ, что приходится уйти.

Прежде чѣмъ пройти огромныя ограды, мы останавливаемся взглянуть на первую изъ маленькихъ низкихъ дверей, надъ которой выступаетъ каменная будочка; изъ нихъ на осаждающихъ по-

ливаютъ кипящее масло и воду; надъ дверью двѣ мраморныя доски съ надписью на одной по гречески, на другой по сирійски, что монастырь построенъ въ 550 году, въ царствованіе императора Юстиніана.

Мы возвратились въ монастырь, да и пора, двери должны быть заперты до сумерекъ. Пока мы взбираемся опять по маленькимъ лѣстницамъ, отецъ разсказываетъ намъ объ осадахъ, которыя выдержалъ монастырь со стороны сарациновъ, приходившихъ съ сѣвера и востока, и бедуиновъ, нападавшихъ съ цѣлью овладѣть сокровищами. Обратившись совсѣмъ въ средневѣковыхъ людей, мы взбираемся какъ можно выше, чтобы посмотрѣть на удалявшагося посланца нашего.

Затѣмъ наступаетъ ночь и съ нею новая тишина.

Мы возвращаемся въ свои бѣдныя комнатки, гдѣ слабый свѣтъ лампадъ передъ иконами колеблется отъ холоднаго дуновенія вѣтра.

XIV.

Суббота, 3 марта.

Опять ледяной вѣтеръ при ясномъ небѣ. Снѣгъ понемногу таетъ въ скважинахъ краснаго гранита.

Въ комнаткахъ нашихъ смертельный холодъ, потому что вѣтеръ сквозитъ во всѣ скважины, и мы предпочитаемъ лучше бродить по террасамъ, корридорамъ и лѣстницамъ, ведущимъ въ маленькія древнія часовни. Тишина необыкновенная; чувствуешь себя будто въ развалинахъ, среди мертвецовъ. А вслѣдствіе того, что некрополь этотъ расположенъ на высотѣ двухъ тысячъ метровъ, гдѣ нѣтъ ни человѣка, ни животнаго, то и воздухъ, можно сказать, нетронутый, почти дѣвственный по своей чистотѣ.

Изрѣдка только пройдутъ безмолвно и безшумно нѣсколько монаховъ, надъ нами или внизу, и тѣ спѣшатъ какъ можно скорѣе скользнуть въ крошечную, какъ кошачья норка, дверцу и скрытыя за красной глиняной стѣной. Старцы эти, съ длинными сѣдыми волосами, похожи на троглодитовъ, пробирающихся въ свои норы, въ глубинѣ пещеръ.

Кошки также, по нашему примѣру, беззвучно шныряютъ по крышамъ, пользуются случаемъ погрѣться на солнцѣ, которое скоро скроется за страшными гранитными высотами.

Какая ужасная пустота, мертвенная тишина при тяжеломъ сознаніи, что со всѣхъ сторонъ вы окружены безконечной пустыней.

Въ опредѣленные часы дня и вечера раздается: пан... пан... пан... пан!.. Это монахъ, взобравшись на колокольню, мѣрно, въ тактъ выстукиваетъ деревяннымъ молоткомъ по висящей на верху доскѣ, вырубленной, вѣроятно, изъ какого нибудь дерева временъ греческихъ императоровъ. Такой способъ призыва къ молитвѣ введенъ въ церквахъ первыхъ вѣковъ, съ тѣхъ поръ какъ тираны сарацины воспретили колокольный звонъ. Звукъ дерева о дерево получается сухой, заунывный, какъ стукъ костей; удары, то раздѣльные по одному, то по два вмѣстѣ, то медленные, то быстрые, смотря по неизмѣннымъ, болѣе тысячи лѣтъ заведеннымъ правиламъ, раздаются точно волшебный говоръ посвященныхъ въ тайну этихъ звуковъ.

При этомъ призывномъ звукѣ монахи выползаютъ изъ своихъ келій, снизу, сверху, изо всѣхъ норокъ, скрывающихся за стѣнами, покрытыми обваливающейся глиной; ихъ не менѣе двадцати, всѣ съ длинными сѣдыми волосами на головѣ и такими же бородами, въ длинномъ черномъ одѣяніи; старцы подходятъ къ лѣстницѣ, ведущей въ церковь, переступаютъ удивительныя двери кедроваго дерева и медленнымъ шагомъ входятъ въ безцѣнное святилище.

По вечерамъ, подобно плѣнникамъ старинной цитадели, мы стоимъ на томъ углу высокой ограды, съ котораго только и можно видѣть самую отдаленную точку пустыни, черезъ просвѣтъ между высокими гранитными стѣнами. Оттуда мы видимъ надвигающіяся на насъ густыя снѣговыя тучи; онѣ бѣгутъ быстро, гонимыя сильнымъ вѣтромъ, и омрачаютъ небо.

Это часъ заката, и крѣпостныя ворота запираются, отдаляя насъ отъ всего окружающаго.

Потомъ монахи приходятъ сказать, что утромъ, послѣ литургіи, выступитъ караванъ въ небольшой портъ Торъ, который можетъ захватить наши письма въ міръ живыхъ.

XV.

Воскресенье, 4 марта.

Мы уже свыклись съ «убѣжищемъ мира», съ этимъ лабиринтомъ крошечныхъ построекъ, подымающихся вверхъ и опускающихся и какъ будто умышленно такъ перепутанныхъ между собою.

Теперь мы свободнѣе стали разбираться и понимать эту путаницу и уразумѣли, наконецъ, что находимся въ квадратѣ отъ 70 до 80 метровъ, нѣчто въ родѣ глубокаго колодезя, съ оградами,

способными выдерживать осады и спорить съ самимъ временемъ, а въ серединѣ этого квадрата стоитъ чудная рака-церковь.

Между оградами и церковью набросанъ второй рядъ маленькихъ построекъ изъ глины, дерева, гипса, что-то похожее на восточную деревушку, построенную на крошечномъ пространствѣ и населенную безсловесными старцами, хранителями тысячелѣтней святыни. Время отъ времени глиняные домики, стоящіе около несокрушимой церкви, обваливаются и ихъ возобновляютъ тѣмъ же первобытнымъ способомъ, какъ они были воздвигнуты раньше. Единственную особенность этихъ построекъ составляетъ ихъ древность и грубая внѣшность; нѣкоторыя, впрочемъ, отличаются, одна, напримѣръ, дверью прекрасной работы съ мозаикой изъ кедра или слоновой кости, другая—рѣзнымъ окномъ, во вкусѣ сарацинъ, изъ мрамора дивной арабской рѣзьбы.

Въ эту ночь вѣтеръ страшно свисталъ и была снѣжная буря; къ разсвѣту стихло и воскресный колокольный звонъ, вмѣстѣ съ деревяннымъ молотомъ, призываетъ монаховъ на молитву уже среди полнаго безмолвія природы. Яркое, теплое солнце Аравіи весело врывается въ нашу дверь на веранду.

Въ саду поетъ пѣтухъ и собака лаетъ; чувствуется жизнь въ этихъ звукахъ, дрожащихъ въ воздухѣ и раздающихся чуднымъ эхо въ гигантскихъ гранитныхъ стѣнахъ. Въ размягченномъ, разогрѣтомъ воздухѣ витаетъ прелесть весны, ненужной здѣсь и несообразной съ этимъ жилищемъ призраковъ. Почти тепло, несмотря на снѣгъ, который еще держится въ тѣнистыхъ мѣстахъ.

Послѣ литургіи отецъ Даніилъ пришелъ къ намъ; онъ изучилъ французскій языкъ въ два мѣсяца, по самоучителю, и говоритъ совершенно по дѣтски; прежде чѣмъ сказать фразу, про себя, скороговоркой, спрягаетъ глаголы. Онъ принесъ показать намъ свѣжую шкуру пантеры и, прежде нежели объяснить происхожденіе ея, проспрягалъ глаголъ «ѣсть», послѣ чего мы узнали, что верблюдъ съѣлъ эту маленькую пантеру. Говорятъ, ихъ много въ той мѣстности, куда мы направляемся.

Сегодня, по случаю воскресенья, церковь, изъ которой только что вышли монахи, особенно наполнена благоуханіемъ ладона, еще носящимся сѣрыми облачками между колоннъ. Тамъ мы находимъ брата, съ прекраснымъ восковымъ лицемъ и длинными бѣлокурыми вьющимися волосами, который раньше отворялъ намъ дверь въ склепъ.

Онъ былъ одинъ изъ немногихъ попадающихъ въ монастырь молодыхъ людей.

Медленнымъ, свойственнымъ духовнымъ лицамъ, движеніемъ, онъ зажигаетъ огонь въ серебряныхъ лампадахъ. Блѣдность его и взоръ фанатика внушаютъ почти священный страхъ, до такой степени, на золотомъ фонѣ, на которомъ лежитъ вѣковая печать времени, онъ похожъ на византійской работы, будто бы ожившее, изображеніе Христа.

Чудное, величественное и лучезарное лицо аскета, осѣненное великолѣпными разсыпающимися кудрями!.. Сходство становится все ярче, и вы уже готовы думать, что это не одушевленная икона, а самъ Христосъ, исполняющій обязанности простаго смертнаго въ такой древней обстановкѣ, которая только способствуетъ иллюзіи.

Этотъ молодой человѣкъ-братъ одинъ изъ низшихъ чиновъ церкви; на его обязанности лежитъ уборка храма и освѣщеніе его. Онъ же, съ большимъ терпѣніемъ, показываетъ намъ святилище, приподнимаетъ, чтобы мы могли осмотрѣть, покрышки изъ старинной парчи, подъ которыми скрываются мозаичныя, серебряныя и золотыя иконы. Въ скиніи онъ открываетъ, по указанію отца Даніила, двѣ большія серебряныя раки, присланныя когда то русскимъ императоромъ. Въ нихъ хранятся церковныя украшенія, матеріи XII и XIII вѣка, сосуды и кресты старинной работы. Изъ третьей раки простаго мрамора онъ вынимаетъ два массивныхъ чеканнаго серебра ящика съ болѣе древними святынями. Въ одномъ изсохшая и почернѣвшая рука святой Екатерины, положенная, въ кольцахъ и браслетахъ, на шелковой подушкѣ. Въ другомъ—голова святой въ коронѣ изъ драгоцѣнныхъ камней. Мощи эти, обложенныя ватой, издаютъ запахъ свойственный мумiямъ... Показавъ намъ святыни эти, ихъ снова закрываютъ и, вѣроятно, на многіе годы; тяжелая мраморная крышка опускается и поверхъ ея накидываютъ великолѣпную розовую парчу.

Когда молодой монахъ наклоняется расправить складки матеріи и волосы его касаются чудной шелковой ткани, покрывающей нѣчто похожее на гробъ, вамъ снова представляется въ этой фигурѣ какъ бы божественный могильщикъ...

До выступленія въ пустыню намъ хочется еще взглянуть на ковчегъ Неопалимой Купины, и мы въ послѣдній разъ входимъ туда босыми ногами, волоча по ковру свои бѣлыя одежды.

Все тутъ въ томъ же видѣ, какъ было вчера и тысячу лѣтъ назадъ. По прежнему сквозь крошечное, точно отверстіе въ аграфѣ

окошечко, проникаетъ свѣтъ и падаетъ на серебряныя украшенія стѣнъ. Святые и мученики все также смотрятъ изъ подъ своихъ сверкающихъ золотомъ и камнями вѣнцовъ. На нашъ взглядъ, бѣлокурый красавецъ монахъ теперь уже совершенно похожъ на Христа; въ простомъ черномъ одѣяніи, посреди окружающихъ васъ богатствъ, Онъ живетъ и движется; присутствіе Его даже и не удивляетъ васъ, такъ оно естественно въ этой рамкѣ первыхъ вѣковъ, воскрешающей передъ вами тѣни святыхъ.,.

Другое мѣсто призраковъ — полутемная зала, прилегающая къ библіотекѣ греческихъ пергаментовъ, гдѣ хранятся евангелія, писанныя императоромъ Ѳеодосіемъ. Тутъ работаютъ монахи и посѣтители. Зала эта, по мавритански освѣщаемая аркообразными отверстіями, выходитъ на небольшой внутренній дворъ; въ ней стоитъ восхитительный мраморный фонтанъ, а мебель составляютъ средневѣковыя кресла формы X. По стѣнамъ портреты святыхъ и епископовъ первобытной живописи. Другими дверями отсюда входятъ въ маленькія часовенки, освѣщенныя лампадами; дневной свѣтъ не проникаетъ въ эти таинственные уголки смерти, наполненные странными святынями древнихъ временъ. На всемъ лежитъ печать непоправимаго упадка; все такъ миніатюрно, сжато, все какъ бы задыхается въ крошечномъ пространствѣ, стиснутое высокими, готовыми раздавить оградами, — а растаявшій снѣгъ капля за каплей падаетъ съ потолка, точно въ пещерѣ.

Солнце между тѣмъ все болѣе грѣетъ. Сегодня, дѣйствительно, чувствуется надъ монастыремъ воскресная тишина и отдыхъ. Съ крышъ по немногу исчезаетъ напавшій за ночь снѣгъ; кошки выбрались и ищутъ сухого мѣстечка; съ ними гуляетъ столѣтній сѣдой старикъ монахъ, уже не подчиняющійся общей дисциплинѣ; онъ шепчетъ молитву, перебирая четки.

Внизу, у подошвы высокой ограды, въ садахъ ощущается близость восточной весны; сѣрые оливки, золотые лимоны, усыпанныя бѣлыми цвѣточками миндальныя деревья и грушевыя усѣянныя розовымъ цвѣтомъ, вырисовываются на фонѣ краснаго зубчатаго гранита, замѣняющаго тутъ небо, которое скрывается такъ высоко, что забываешь о немъ... Такая странная, совсѣмъ особенная здѣсь весна, которая приходитъ сюда для одного только этого искусственнаго сада и кладбища, усаженнаго деревьями; больше же ей дѣлать нечего, нечего освѣжать и оживлять въ этихъ безконечныхъ пескахъ и мертвыхъ камняхъ...

Мы живемъ здѣсь послѣдній день и при закатѣ солнца, по обыкновенію, взбираемся на ту террасу, откуда видна дальнѣйшая точка горизонта. На этотъ разъ нами руководитъ желаніе увидать, что ожидаетъ насъ въ той мѣстности, куда мы направимся завтра; мы убѣдились, что небо тамъ ясно, спокойно, значитъ пока намъ не предстоитъ грозы и бури.

Присутствіемъ своимъ мы внесли жизнь въ одну часть монастыря. Монахи-аскеты могли предложить намъ только пріютъ, но не пищу, потому они разрѣшили впустить нашихъ служителей-сирійцевъ и принести дорожные запасы.

Въ этотъ вечеръ особенно они заняты стряпней и жарятъ ягненка, купленнаго у нижнихъ бедуиновъ, такъ какъ отецъ Даніилъ и отецъ экономъ будутъ ужинать съ нами на прощанье, которое, вѣроятно, будетъ вѣчнымъ...

XVI.

Понедѣльникъ, 5 марта.

Монахи еще спали послѣ ночной службы, когда мы раннимъ утромъ спустились по монастырскимъ лѣстницамъ и, конечно, въ послѣдній разъ за нами затворилась тройная желѣзная дверь времени Императора Юстиніана.

Вѣтра ни малѣйшаго; снѣгъ еще напоминаетъ о себѣ тонкимъ слоемъ на землѣ и ближайшихъ предметахъ. Чудная прохладная, ясная погода.

Пройдя множество гранитныхъ, красныхъ и бѣлыхъ, насыпей, черезъ четверть часа мы пришли къ мѣсту расположенія нашего лагеря и услышали оттуда страшный шумъ. Палатки и весь багажъ нашъ валяется на землѣ, верблюды блуждаютъ вокругъ и тутъ же кучка въ пятьдесятъ человѣкъ бедуиновъ кричатъ въ одинъ голосъ.

Сегодня, направляясь въ другую сторону, мы должны перемѣнить шейха и составъ конвоя, потому возникаетъ неизбѣжный споръ между остающимися и тѣми, которыхъ мы возьмемъ съ собою.

Къ тому же, новый шейхъ привелъ, вмѣсто двадцати верблюдовъ, которыхъ мы требовали, тридцать пять и хочетъ, чтобы мы оставили ихъ, для его, конечно, выгоды. Но это дѣло нашего путеводителя-переводчика. Чтобы сохранить свое достоинство въ пустынѣ, мы не должны вмѣшиваться въ споръ, а можемъ только слушать его.

Мы находимся точно въ какой горной воронкѣ, въ которую на-

чинаетъ спускаться утреннее солнце. Вокругъ и совсѣмъ близко около насъ мертвые, красные, гранитные гиганты громоздятся на чисто голубое небо.

Почва здѣсь особенная, розовой гранитной пыли, усыпанная голубыми камешками и бѣлымъ инеемъ. Само собою понятно, что деревьевъ и зелени нѣтъ, и никогда не было. На этой совершенно особеннаго цвѣта почвѣ очень живописенъ нашъ разноцвѣтный багажъ, особенно ковры и одѣяла пестрыхъ рисунковъ и мѣшки, которые надѣваются на верблюдовъ, украшенные вышивкою съ бѣлыми чешуйками и подвѣсками изъ черной шерсти—большая роскошь у кочевыхъ народовъ.

Разгоряченные бедуины страшно жестикулируютъ, размахивая бронзоваго цвѣта длинными голыми руками изъ-подъ рваныхъ бурнусовъ. Поверхъ лохмотьевъ или звѣриныхъ шкуръ у нихъ блеститъ начищенная мѣдь трубокъ, старыхъ ружей, много убившихъ на своемъ вѣку, и старыхъ тесаковъ, перерѣзавшихъ не мало мяса...

Окружающій насъ изсохшій гранитъ такъ звученъ, что намъ представляется, будто вездѣ, и надъ нами, на различныхъ высотахъ нагроможденныхъ одинъ на другой красныхъ, доходящихъ до неба камней стоитъ тотъ же гулъ.

Минутами крики становятся страшны, жесты угрожающіе; въ отдѣльныхъ групахъ спорящіе берутся по двое за головы, что означаетъ клятву.

Наконецъ, они какъ будто стихли, начинаютъ навьючивать верблюдовъ, и мы видимъ возможность скоро двинуться въ путь. Но шумъ начинается съ другой стороны, и наша надежда рушилась.

Случается, что двое или трое для отдыха отходятъ въ сторону, мгновенно стихаютъ, посидятъ, покурятъ изъ своихъ длинныхъ трубокъ и, освѣжившись, возвращаются къ товарищамъ, чтобы начать новый крикъ.

Отецъ Даніилъ и отецъ экономъ выходятъ проститься съ нами. Они принимаютъ участіе въ спорѣ, становясь на нашу сторону, и ихъ повидимому слушаютъ почтительно, какъ жертвователей хлѣба на бѣднѣйшія племена.

Благодаря ихъ вмѣшательству, споръ кончается, послѣ шума продолжавшагося часъ съ четвертью. Все устроилось и у насъ остаются только двадцать верблюдовъ. Мы садимся на нихъ и отъѣздъ состоялся.

По причинѣ продолжительнаго спора намъ пришлось выступить всѣмъ вмѣстѣ, не отправивъ впередъ нашего багажа. Къ намъ присоединяются и пятнадцать не взятыхъ нами верблюдовъ, они идутъ домой. Вожаки ихъ не сердятся на насъ, болтаютъ и поютъ.

По немногу мы спустились съ Синайскихъ высотъ и вступили въ благодатное тепло. Подъ вечеръ опять попали въ песчаную пустыню съ мелкими душистыми цвѣтами.

На закатѣ мы остановились между жидкими растеньицами съ чудеснымъ запахомъ; теперь передъ нами безграничное пространство вмѣсто холоднаго краснаго гранита, давившаго насъ своею тяжестью впродолженіи четырехъ дней. Издали Синай принялъ свои большіе размѣры; безмолвно вздымаетъ онъ надъ горами снѣжную голову.

Для насъ чисто физическимъ наслажденіемъ было перемѣнить на болѣе легкія бѣлыя шерстяныя покрывала, и мы, почувствовавъ себя свободнѣе, расхаживали вокругъ палатокъ и разсматривали новыя лица нашихъ бедуиновъ, которые были еще мрачнѣе, еще болѣе дики и истощены голодомъ.

Въ звѣздную ночь песокъ получаетъ тотъ мягкій желтый оттѣнокъ, на фонѣ котораго верблюды наши представляются темными пятнами. Бедуины садятся вокругъ костра и, окутанные бѣлымъ ароматическимъ дымомъ, затягиваютъ свою заунывную пѣсню подъ ноющіе звуки волынки.

XVII.

Вторникъ, 6 марта.

Утромъ мы выходимъ изъ палатокъ; по песку виднѣется бѣлая изморозь, также на душистыхъ травахъ, на миртѣ, полыни и иссопѣ. Долина опять того-же неопредѣленнаго, какъ было днемъ, цвѣта; а на горизонтѣ вырисовывается вся зубчатая гранитная цѣпь Синая, чуднаго розоваго цвѣта. Смотря на эту дивную картину, представляешь себѣ какой-то феерическій міръ, ничего общаго съ нашимъ не имѣющій, который держится въ воздухѣ независимо отъ неба. Полотно нашихъ палатокъ блеститъ ледяными кристаллами.

Въ другомъ мѣстѣ, на сѣверѣ, отъ такого холода пришлось бы очень страдать въ легкой, какъ наша, одеждѣ; а здѣсь, при массѣ свѣта, морозъ, совсѣмъ неправдоподобный въ этой мѣстности, едва ощутителенъ, воздухъ же такъ сухъ и живителенъ, что придаетъ силы все переносить.

Въ это утро вокругъ насъ снова сильный шумъ. Бедуины, сопровождавшіе насъ, но не принятые нами, не рѣшаются уйти, не получивъ ничего, и требуютъ отъ счастливцевъ, отправляющихся съ нами, часть того, что мы дали имъ. Поднявшійся споръ опять за-

держалъ нашъ выходъ. Но теперь ссора уже не такъ серьезна, какъ наканунѣ; кажется, бедуины спорятъ для того больше, чтобы покричать, чтобы огласить воздухъ, ради потребности кричать, подобно верблюдамъ, которые считаютъ своей обязанностью привѣтствовать восходъ солнца дикимъ ревомъ... Великолѣпный утренній свѣтъ озаряетъ эту первобытную сцену, возвышаетъ этихъ людей въ грязныхъ лохмотьяхъ, облагораживаетъ ихъ жесты и облекаетъ какъ боговъ невидимыми чудными одеждами...

Цѣлые часы идемъ по долинамъ, подъ жгучимъ солнцемъ и при ледяномъ вѣтрѣ, попирая ногами душистыя травы.

Пустыня, однообразная какъ море, и перемѣнчива какъ оно Третьяго дня были гигантскіе граниты; вчера сплошные пески, а сегодня жерновые камни, приготовляющіе намъ все новые сюрпризы, никогда невиданныя картины. Передъ нами открывается мрачный лабиринтъ долинъ изъ этихъ камней, желтоватыхъ или бѣлыхъ; края ихъ, какъ бы наслоенные горизонтально, производятъ впечатлѣніе стѣнъ съ правильными, сдѣланными руками человѣческими, сидѣньями. Кажется, будто ходишь въ стѣнахъ разрушеннаго города, по гигантскимъ улицамъ, въ развалинахъ дворцовъ и цитаделей. Постройки, съ нагроможденными одна на другую грядами, становятся все выше, все необъятнѣе, принимаютъ формы пирамидъ, храмовъ, колоннадъ или одинокихъ башенъ. И надъ всѣмъ, всюду царитъ смерть, страшная, безмолвная, все держащая въ своей власти...

Время отъ времени вожаки поютъ свою монотонную пѣсню, переходящую незамѣтно въ плачъ. И опять голоса ихъ раздаются эхомъ въ этомъ мірѣ изсохшихъ камней, разсѣкаютъ воздухъ долгими, неожиданными звуками.

Господствующія здѣсь ароматическія растенія почти безцвѣтны, немного зеленѣе сосѣднихъ камней; они имѣютъ запахъ яблокъ ранетъ, но сильнѣе и острѣе. Газели, вѣроятно, очень издалека приходятъ лакомиться этимъ растеніемъ, судя по слѣдамъ оставленнымъ ими на пескѣ. Не успѣли мы разсмотрѣть эти слѣды, на большомъ одинъ отъ другого разстояніи, прыжками, какъ увидали самихъ газелей; легкія какъ вѣтеръ, онѣ показались на верхушкѣ одного изъ волшебныхъ валовъ и мгновенно скрылись въ ослѣпительной бѣлой дали...

При пробужденіи послѣ полуденнаго отдыха на сильно душистомъ пескѣ, закутавъ головы въ бурнусы, мы почувствовали горькую тоску отъ этой пустыни, которую до сегодня почти не знали.

Тоска наша ростетъ, пока верблюды продолжаютъ покачивать насъ на своихъ спинахъ, а долины становятся все страшнѣе, картины развалинъ все угрюмѣе и уже слишкомъ велики. Тяжелое чувство, овладѣвшее нами, трудно опредѣлить; это что-то похожее на тоску по родинѣ, вѣроятно, сожалѣніе о потерянной здѣсь веснѣ, которая въ другой странѣ блещетъ зеленью и цвѣтами. Здѣсь ничего, никогда... это какой-то проклятый уголъ земли, который хотѣлъ-бы остаться неизвѣстнымъ и куда человѣку незачѣмъ идти... И, находясь въ распоряженіи ведущихъ насъ бедуиновъ, мы углубляемся все дальше, все дальше, въ эту неизвѣстную даль, которая все темнѣетъ не смотря на солнце и гдѣ, кажется, безмолвно нарождаются все новые замыслы разрушенія...

Но наступаетъ вечеръ, волшебный вечеръ—и мы опять очарованы. Въ небѣ загорѣлась восхитительная полоса, сначала розовая, оранжевая, потомъ зеленая; поднимается она вокругъ нашего лагеря къ потухшему и уснувшему зениту и, при видѣ этой картины, кажется, уснули всѣ злые замыслы и страхи.

Это тотъ чудный неопредѣленный часъ, ни дня, ни ночи, когда зажигаются у насъ огни и вздымаютъ къ первымъ звѣздамъ свой бѣлый дымъ, когда развьюченные и разсѣдланные верблюды жуютъ тощій хворостъ и душистыя вѣтви. Это часъ, когда бедуины садятся въ кружокъ и начинаютъ разсказывать и пѣть; часъ отдыха и мечтаній, восхитительный въ кочевой жизни...

XVIII.

Среда, 7-го марта.

По мѣрѣ удаленія нашего отъ Синая по дорогѣ къ заливу Акаба, солнце все жарче и вѣтеръ все теплѣе.

Все утро, по вчерашнему, идемъ титаническими развалинами оградъ, храмовъ и дворцовъ... Дожди, обвалы и пр. должны были добрыя тысячелѣтія самымъ медленнымъ образомъ работать для того, чтобы обнажить твердыя жилы, вовсе уничтожить болѣе мягкія, рыть, высѣкать, крошить, притомъ по правиламъ искусства и симметріи, чтобы создать этотъ страшный и непостижимый призракъ города, по которому мы уже сдѣлали двадцать лье и все еще не видимъ конца.

Къ вечеру пустыня становится на видимое пространство черноватой и вмѣстѣ съ нею всѣ ближайшіе предметы — горы, пески; исчезли даже самыя блѣдныя растенія; отчаяніе полное и несо-

мнѣнное торжество смерти. И на все спускается такое тяжелое, угрюмое солнце, которое, кажется, создано для того только, чтобы убивать все, предварительно засушивъ его. Мы еще ничего такого страшнаго не видали: кажется, будто сгораешь и задыхаешься въ этомъ пеклѣ и темнотѣ, куда сверху собрался, чтобы погаснуть, весь запасъ свѣта; тамъ чувствуешь себя точно въ отжившемъ мірѣ, гдѣ выжжено все живое, и который никогда не освѣжитъ роса... Въ такомъ настроеніи, смутная тревога за завтрашній день переходитъ въ тоску и почти страхъ.

Вечеромъ мы приходимъ въ «Долину фонтана», гдѣ должны расположиться лагеремъ. Это первый встрѣченный нами оазисъ; онъ кажется намъ очарованнымъ мѣстомъ, когда неожиданно выступаетъ между двумя горами. Долина закрыта, обнесена гранитомъ еще краснѣе синайскаго. Въ глубинѣ ея возвышается точно храмъ, или индійская пагода, какая-то странная геологическая фигура, гигантская правильной формы пирамида, съ колоколенками и башенками, почти симметрично прикрѣпленными по бокамъ. Въ основаніи она такого густого краснаго цвѣта, точно выкрашена кровью, а вершина все блѣднѣетъ и переходитъ въ желтый цвѣтъ сѣры.

На густомъ красномъ фонѣ этихъ скалъ выдѣляются букеты почти голубого цвѣта пальмъ. Тутъ растутъ и тамарины, и камыши, а по каменьямъ журчитъ вода! Верблюды радостно кричатъ, почуявъ влагу, и спѣшатъ окунуть въ нее разгоряченныя головы. И сами мы, послѣ столькихъ дней мрачныхъ видѣній, внезапно опьяненные видомъ этого рая, весело устраиваемся лагеремъ въ кроваваго цвѣта скалахъ, посреди голубой зелени.

Здѣсь назначено наше свиданіе съ посланнымъ къ Магомету-Яль, хозяину пустыни Пѣтра. Онъ долженъ былъ придти раньше насъ. Мы будемъ ждать его дня два и, если онъ не вернется, придется идти черезъ оазисъ Накель. Бедуины наши, однако, не собираются дальше, безъ нашего поощренія, во владѣнія великаго разбойника.

XIX.

Четвергъ, 8-го марта.

Гдѣ найти слова, чтобы достойно описать чудную Долину Фонтана, этотъ рай, скрытый въ гранитныхъ скалахъ пустыни?

Великолѣпнымъ яснымъ утромъ я хожу на удачу по прелестному оазису, на которомъ мы дня на два построили нашъ полотняный городокъ. Въ самой глубокой впадинѣ долины, весело течетъ

ясная, свѣжая вода въ бассейнѣ розоваго гранита, точно отполированнаго искусственнымъ образомъ; тутъ нѣтъ ни одного растенія, ни водоросли; дно у него такое прозрачное, точно въ искусственно сдѣланномъ умывальникѣ для какихъ-нибудь султаншъ или гурій. Драгоцѣнная влага бѣжитъ, то скрываясь въ розовыхъ изгибахъ бассейна, то по своей естественной дорогѣ въ песчаномъ ложѣ, гдѣ растетъ камышъ, тамарины и великолѣпныя пальмы вздымаютъ свои голубые султаны.

Невольно любуешься, проходя, этими дикими садами. Вдругъ этотъ райскій уголокъ скрывается отъ вашихъ взоровъ за гранитными высокими стѣнами, и нѣсколько времени не видно ничего кромѣ блестящихъ камней, пока снова не выступитъ передъ вами та же волшебная картина съ такой же рощей. Небо, какъ и слѣдуетъ быть въ Эдемѣ, чисто какъ кристалъ. Птицы распѣваютъ въ пальмахъ, стрекозы подпрыгиваютъ, сидя на тростникѣ; солнечные лучи, несмотря на многоэтажныя скалы, пробиваются въ отверстія ихъ и играютъ на колеблющейся поверхности воды.

Я останавливаюсь, чтобы выкупаться въ глубокомъ бассейнѣ, похожемъ на пышный царскій саркофагъ; поднявъ глаза, я увидалъ стоящихъ на высокой крутизнѣ большихъ допотопной формы животныя; склонивъ головы и вытянувъ шею надъ берегомъ, они смотрѣли на меня какъ на стараго знакомаго; это наши верблюды размышляютъ, какъ бы спуститься къ живительной водѣ.

По оазису вездѣ можно ходить въ легкихъ туфляхъ и даже босикомъ; гранитъ такъ гладокъ, что имъ не оцарапаешь ноги. Если почва песчана, то песокъ мягокъ какъ бархатъ, на которомъ слѣды человѣческихъ ногъ перемѣшиваются со слѣдами пантеръ и газелей. Въ этой мѣстности, не знакомой ни съ дождями, ни съ пылью и дымомъ, одежда не грязнится, можно гдѣ угодно ходить и лежать на сухой и чистой почвѣ, не запачкавъ бѣлаго покрывала, защищающаго васъ и отъ зноя и отъ холода.

Въ этомъ нетронутомъ оазисѣ, со всѣхъ сторонъ окруженномъ и охраняемомъ мертвой пустыней, царствуетъ какая-то особенная, ему одному свойственная, тишина. Здѣсь мы безъ особеннаго нетерпѣнія проводимъ долгіе часы ожиданія.

Единственное, что доставило намъ минуту безпокойства впродолженіи дня—это большая змѣя, показавшаяся изъ-за пальмы. Бедуины, точно они не тѣми же глазами видѣли ее, какъ мы, увѣряютъ, что у нея двѣ головы, что навѣрно это Баркиль, царь змѣй,

котораго надо непремѣнно убить. И они начинаютъ понапрасну швырять камнями въ прелестныя пальмы.

XX.

Пятница, 9 марта.

Вчера мы рѣшили не ожидать нашего посланца, вѣроятно, пропавшаго, сегодня же выступить и, несмотря ни на что, отважиться проникнуть въ пустыню Пѣтра.

Но сегодня, еще до разсвѣта, я услышалъ сильное хлопанье въ ладоши около моей палатки, у самой головы, — такимъ образомъ принято будить караванъ,—и веселый голосъ нашего проводника-переводчика, кричавшаго по турецки:—Bizum adem gueldi!—(онъ пришелъ, нашъ человѣкъ! Съ хорошимъ письмомъ отъ великаго шейха!)

Я отвѣчаю: «войдите ко мнѣ, покажите скорѣе это хорошее письмо». И онъ входитъ, предшествуемый высокимъ параднымъ фонаремъ, держа въ рукахъ пакетъ съ печатью Могоммеда-Яль.

Послѣ арабскихъ привѣтствій, шейхъ Пѣтра желаетъ намъ добраго пути, сообщаетъ, что выйдетъ на встрѣчу намъ въ Акаба, приведетъ конвой съ верблюдами и обязуется продержать насъ не болѣе двѣнадцати дней въ своихъ владѣніяхъ и доставить въ Палестину. Письмо его заканчивается такъ: «Во имя Аллаха, который—все, но не во имя султана Стамбула, который—ничто.—Могоммедъ-Яль».

Мы хотя и веселѣе собираемся въ путь, но все таки съ сожалѣніемъ о такомъ очаровательномъ при утреннемъ сіяніи мѣстѣ: котораго никто изъ насъ никогда не увидитъ.

Пока сѣдлали верблюдовъ, мы пошли выкупаться въ розовомъ бассейнѣ и по дорогѣ увидѣли на пескѣ свѣжіе слѣды ночной драмы: острыя копыта газелей и когти пантеръ. Долина Фонтана, такой тихій оазисъ днемъ, ночью служитъ мѣстомъ схватки животныхъ, подстерегающихъ другъ друга и издалека собирающихся сюда къ единственному здѣсь источнику...

Выйдя изъ этой долины, впродолженіи часовъ двухъ, мы идемъ среди хаоса, происшедшаго какъ бы отъ бывшаго вчера потопа, еще не все успѣло обрушиться, горы еще продолжаютъ обваливаться, долины едва еще открываются. Груды камней, висящихъ надъ нашими головами, грозятъ новымъ и близкимъ крушеніемъ;

все уцѣлѣвшее еще въ воздухѣ кажется такимъ непрочнымъ, только случайно задержавшимся во время всеобщаго крушенія, что достаточно, кажется, тронуть одинъ камешекъ, для того, чтобы все снова посыпалось, увлекая за собою камни одинъ за другимъ. И какъ странно видѣть всѣ эти предметы такими безмолвными и неподвижными, послѣ того какъ они только что заставили дрожать пустыню и наполнили ее всѣми ужасами страшной бури.

Впрочемъ, намъ уже приходилось описывать другія мѣстности, подобныя этой, бывшія въ передѣлѣ у смерти. Такимъ-то образомъ сгораетъ и уничтожается вся Аравія, не имѣющая ни земли, ни растительности и составляющая одну сплошную массу высохшихъ костей. Время отъ времени горы эти обрушиваются; далѣе, работою цѣлыхъ вѣковъ онѣ превращаются въ песокъ, который поднимается къ Красному морю, уносимый вѣтрами и зимними дождями.

Мы рѣшаемъ идти пѣшкомъ этими колючими обломками горъ и пустить верблюдовъ впередъ. Извѣстно, что иногда одно сильное сотрясеніе или простое пѣніе можетъ произвести изверженіе лавы; такъ и здѣсь, шествіе наше гуськомъ и покачиваніе верблюдовъ способно вызвать обвалъ камней...

Выйдя изъ этой, еще не пришедшей въ спокойное состояніе мѣстности, охотно вступаешь въ однообразную тихую пустыню.

Когда большая пустыня измѣняетъ свою окраску, то почти всегда вся разомъ; горы, почва, растенія, все мѣняется одновременно и принимаетъ новый неопредѣленный цвѣтъ.

Итакъ, теперь мы вступаемъ, и останемся до вечера въ царствѣ матово-сѣраго, какъ бы обсыпаннаго пепломъ съ яркими каштановыми жилками.

Это начало цѣпи Джебель-Ти, куда мы вступимъ завтра, темныя ущелья съ стѣнами все болѣе и болѣе высокими и уродливыми. Встрѣчаются сжатыя долины, съ мрачными ущельями, печальныя до крайности; другія очень широкія, болѣе грандіозныя въ самой печали своей; онѣ наводятъ тихую грусть и мысль о безпробудномъ снѣ и о концѣ всего...

Сѣрыя и высокія вершины, и камни, и тощія обнаженныя растенія. Поднялся вѣтеръ, взмелъ вихремъ тяжелый песокъ, похожій на пепелъ, покрылъ имъ всѣ предметы, а по небу между тѣмъ бѣгутъ такія же сѣрыя облака и какъ безумныя летятъ на западъ.

Во время полуденнаго отдыха, въ ущельи скалъ, мы располагаемся на коврахъ, кажущихся еще болѣе блестящими на сѣромъ фонѣ; къ намъ прилетаютъ двѣ трясогузки и безъ зазрѣнія совѣсти собираютъ хлѣбныя крошки.

Горы все выше, а небо все неспокойнѣе; на нѣкоторыхъ поворотахъ, вѣтеръ дуетъ съ страшной яростью.

Къ удивленію нашему, мы нашли нѣсколько фіолетовыхъ цвѣточковъ, похожихъ на аврикулу (oreilles-d'ours).

Подъ вечеръ, между высочайшими горами пепельнаго цвѣта, въ самой мрачной долинѣ, встрѣтили кочевое семейство: мужчина и женщина—онъ сильно вооруженный, оба полунагіе, и трое дѣтей; меньшой, трехъ или четырехъ лѣтъ, путешествуетъ верхомъ на плечѣ матери съ закрытымъ лицомъ, прелестный ребенокъ съ длинными черными волосами, развѣвающимися по вѣтру. У верблюда ихъ есть маленькій, который неистово скачетъ около матери. Овцы тоже съ дѣтьми. Цѣлая компанія странниковъ, помогающихъ одинъ другому и заботящихся во что бы ни стало о размноженіи, о пересозданіи жизни, не смотря на противодѣйствіе мертвой почвы. Они идутъ, можетъ быть, очень издалека и не знаютъ, гдѣ искать лучшаго. Мужчина—отецъ, по обыкновенію, поклонился намъ, но не безъ нѣкотораго страха, и спросилъ, откуда мы идемъ; убѣдившись, что мы, не смотря на нашу многочисленность, не имѣемъ никакихъ наступательныхъ намѣреній, задаетъ жизненный вопросъ: «Нашли ли вы воды?» Мы отвѣчаемъ: «Да, идите въ Долину Фонтана, столько то часовъ ходу къ западу». И мы теряемъ ихъ изъ вида при поворотѣ въ сѣрый лабиринтъ.

Все пепелъ и пепелъ. Мы положительно не выходимъ изъ царства всего сѣраго, разсыпчатаго.

Лагерь устраиваемъ въ маленькой, ничего не имѣющей долинѣ, гдѣ темно еще до заката, потому что она заперта со всѣхъ сторонъ вертикальными горами, въ тысячу метровъ вышиною, которыя похожи просто на громадные пепельные столбы. Узкая долина, въ которую мы вступили сегодня и будемъ проходить завтра—двѣ глубокія разсѣлины, выходящія въ туманную даль. Теперь мы у подошвы высочайшей точки того Джебель-Ти, черезъ который должны пройти по дорогѣ въ другую пустыню...

Есть нѣсколько очень маленькихъ деревцовъ, еще безъ листьевъ, такъ какъ печальная весна не спѣша пробирается во мракъ этихъ горъ; тутъ растутъ колючія, захирѣвшія мимозы, какія мы уже встрѣчали раньше. Воды нѣтъ.

Однако, мы нашли два или три семейства бедуиновъ, по сосѣдству съ нами, въ черныхъ палаткахъ; видъ этого лагеря заставилъ насъ на время подумать, что это мѣсто обитаемо; до того мы привыкли быть одни. Овцы съ своими дѣтенышами, жующія неизвѣстно какія ароматическія травы, возвращаются въ свою овчарню, подъ предводительствомъ маленькихъ дѣвочекъ.

Какимъ страннымъ представляется это время отдыха въ такомъ

необыкновенномъ мѣстѣ, и доносящійся до насъ звукъ пастушеской волынки заставляетъ содрогаться какъ бы отъ воспоминанія о болѣе первобытномъ времени.

Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ, между нами и сосѣдями установилась дружба. Одна маленькая дѣвочка осмѣлилась даже войти въ мою палатку и предложить молока отъ своихъ овецъ. Она очень мила, глаза большіе, въ нихъ виденъ нѣкоторый испугъ и удивленіе; палатка, освѣщенная свѣчами и сверху до низу украшенная пестрымъ шитьемъ, вѣроятно, превосходитъ все, что ея дѣтское воображеніе дикарки могло вмѣстить въ головѣ о земныхъ красотахъ.

Наступила ночь. Надъ высокой пепельной стѣной, закрывающей половину неба, появляется тонкое, точно черточка ногтя, очертаніе это первая луна Рамазана, почти священная на землѣ Ислама она указываетъ въ этотъ вечеръ начало мѣсяца поста и молитвы.

XXI.

Суббота, 10 марта.

Когда нашъ путеводитель будитъ насъ хлопаньемъ въ ладоши, намъ кажется, что день еще не наступилъ, потому что мы находимся въ густой тѣни многоэтажной горы; но солнце уже поднялось за пепельной завѣсой и блеститъ на мрачныхъ противуположныхъ верхушкахъ.

Мы отправляемся въ пятичасовое странствованіе по ущелью Джебель-Ти.

Вчерашній пепелъ кончился; начался цѣлый міръ розоваго гранита, пересѣкающаго тамъ и сямъ ряды голубаго. Мы идемъ посреди полумрака и тишины святилища, по естественнымъ коридорамъ, похожимъ на внутреннюю часть храма, увеличенную до сверхъестественныхъ размѣровъ, производящихъ головокруженіе и внушающихъ почти страхъ. Въ этихъ ущельяхъ, которыя появились вѣроятно въ самое начало колебанія земли, безчисленными волнами образовалась великолѣпная почва изъ осыпавшихся вершинъ; всѣ обломки уравнялись и превратились въ очень, очень мелкій розовый и болѣе блестящій, нежели морской, песокъ. Можно сказать, тутъ цѣлыя рѣки песку, гладкія и спокойныя, въ которыя погрузились и замерли всѣ столбы, поддерживающіе чудовищныя стѣны.

Такія мѣста, до которыхъ не коснулся ни человѣкъ, ни природа, необходимы для того, чтобы мы, такіе ничтожные и озабоченные самыми большими мелочами, могли постигнуть, что такое

должно было быть начало свѣта, со всѣми ослѣпительно-величественными ужасами первозданія.

Опять никакой растительности. Все вокругъ насъ розовое, подернутое блѣдноголубымъ, и даже полутѣнь, какъ бы подземная, которая окутываетъ собою верхнія гранитныя скалы, приняла розоватый оттѣнокъ.

Есть аллеи совершенно прямыя и другія съ крупными угловатыми поворотами. Иногда кажется, что коридоръ этотъ кончился, а онъ только вдался еще глубже въ гору и продолжается такимъ же новымъ. Конечно, тишина мертвая, звучность такая, что малѣйшій шелестъ бурнуса или легкій шепотъ кажутся значительно сильнѣе.

При поворотѣ одного изъ этихъ коридоровъ, встрѣчаемъ переселяющееся кочевое племя. Въ полусвѣтѣ мы видимъ все послѣдовательными, будто выходящими изъ скалъ, группами. Верблюды на ходу обтряхиваются и ворчатъ.

Мужчины, показавшіеся первыми, сильно вооруженные, дикіе, въ лохмотьяхъ, обмѣниваются съ нами дружескимъ поклономъ; каждый прикасается по три раза къ своей груди, къ губамъ, къ маковкѣ, а потомъ, по два—ко лбу одинъ другаго, пожимаютъ руки и дѣлаютъ что-то похожее на воздушный поцѣлуй. Послѣ привѣтствій, у вновь прибывшихъ появляется пріятная и вмѣстѣ кроткая, точно дѣтская улыбка, обнаруживающая бѣлые зубы и, успокоенные, они уходятъ друзьями.

За ними слѣдуютъ верблюдицы; потомъ ихъ дѣтеныши съ мордочками, похожими на овечьи; они то отбѣгаютъ въ сторону, то скачутъ, завидя насъ; на верблюдицахъ сидятъ старики съ бѣлыми волосами на головѣ и такими же бородами.

Далѣе женщины; онѣ идутъ легкой, безшумной походкой, таинственно задрапированныя, какъ привидѣнія, въ черныя ткани; подходя къ намъ, онѣ поднимаютъ на насъ глаза, которые изъ за едва приподнятыхъ покрывалъ сверкаютъ будто чернымъ блескомъ. Есть между ними грудныя дѣти; эти помѣщаются вмѣстѣ съ новорожденными щенятами въ корзинкахъ, на молодыхъ ослахъ.

Наконецъ старшія дѣти замыкаютъ шествіе, мальчики, дѣвочки, прелестныя по своей гибкости и взгляду; они, съ помощью пастушьихъ собакъ, гонятъ испуганное, блеящее стадо козъ съ дѣтенышами.

Одежды мужчинъ и женщинъ черныя; черныя какъ смоль и козы съ длинными висячими ушами. Въ полумракѣ глубокихъ ущелій, на розовомъ фонѣ, толпа эта похожа на шествіе черныхъ фигурантовъ; большія животныя идутъ въ перевалку, люди — величествен-

ной и легкой поступью, а стадо—какъ ему вздумается, то скачетъ, то упрямо остановится на одномъ мѣстѣ, образуя одну сплошную массу черной шерсти... Пока движется эта процессія, обычная тишина смѣнилась глухимъ шумомъ шаговъ по песку и голосами, сдерживаемыми опущенными на лицо покрывалами. Верблюды время отъ времени присоединяютъ къ общему шуму свой горловой крикъ, похожій въ этихъ дрожащихъ звучныхъ стѣнахъ на отдаленный слабый громъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ОСЕННІЙ СОНЕТЪ.

Еще вчера въ саду деревья зеленѣли,
Знакомая семья развѣсистыхъ березъ,
А нынче не узнать, заразъ всѣ пожелтѣли.
Должно-быть, въ эту ночь ударилъ ихъ морозъ.

По вѣтру носятся и кружатся безъ цѣли
Листы опавшіе, остатки лѣтнихъ грезъ,
Напоминая, какъ они не разъ шумѣли,
Когда касались ихъ порывы бурь и грозъ.

Мнѣ грустно, точно другъ, измученный страстями,
Тревоги жизни всей въ ночь переживъ одну,
Стоитъ передо мной съ потухшими очами.
И нѣтъ его кудрей—я вижу сѣдину;

И вѣтви голыя чернѣютъ лишь надъ нами,
Гдѣ радостно съ тобой встрѣчали мы весну.

С. Р.

Панька и Манька.

Разсказъ.

I.

Панька и Манька были издавна закадычными пріятелями, которыхъ, какъ говорится, „ и водой не разольешь“.

Панькѣ шелъ уже девятый годъ, и потому онъ считалъ себя большимъ, взрослымъ; Манькѣ только что минуло 7 лѣтъ, и когда она съ гордостью объявила своему другу, что „вотъ и она теперь уже не маленькая, слава Богу“, то Панька, не задумываясь, отвѣтилъ ей: „ты-то? нѣтъ, матушка, покуда тебѣ пятнадцати годовъ не стукнетъ, все-то ты маленькая будешь, дѣвочка еще! А тогда—ну, извѣстно, люди невѣстой будутъ звать, значитъ и вправду большая“.

Манька вскинула на него свои черные, какъ угольки, глаза, и съ разстановкой отвѣчала:

— Ну, что же? если ты такъ говоришь — вѣдь ты тоже умный— значитъ подождемъ, пока пятнадцать минетъ, не долго ужъ осталось... А невѣстой я ничьей не буду, Панька, вотъ-те крестъ!.. Если и выйду замужъ, такъ только за тебя: мнѣ другого никого не надо, хоть самый раскрасивый будь человѣкъ, или офицеръ—и за того не пойду ни въ жисть! такъ ты и знай, Панька мой милый!—и дѣвочка опять любовно посмотрѣла на своего друга и защитника.

Была-ли какая-нибудь родня у моихъ маленькихъ героевъ? спроситъ, можетъ быть, читатель. Увы! я долженъ признаться, что никакой родни ни у того, ни у другого не оказывалось вовсе.

Панька потерялъ отца, столяра-бѣдняка, всю жизнь перебивавшагося „съ хлѣба на квасъ“, когда ему было только три года. Съ того времени мальчикъ остался круглымъ сиро-

тою, „всѣмъ чужой на Божьемъ свѣтѣ“, какъ говорила пріютившая ребенка старуха „Дорониха“, имѣвшая въ городѣ, на выѣздѣ, крошечный, но все-таки свой собственный и нигдѣ не заложенный домикъ. Старуха промышляла тѣмъ, что пекла бублики и крендели, которые и продавала съ небольшимъ барышомъ, въ разноску по знакомымъ домамъ. Торговля эта, хотя и не бойко шла, все же давала ей возможность безбѣдно существовать, и прилично одѣваться.

— Слава Создателю! не могу Бога гнѣвить, родные,— объявляла Дорониха интересовавшимся, успѣшно-ли идутъ ея торговыя операціи:—голодная не сиживала, и Богу въ лампадку на масло есть, и на свѣчку въ церковь всегда найдется грошикъ,—поясняла она степень своей безбѣдности.

Вотъ къ этой-то старухѣ и водворенъ былъ на жительство Панька, въ самый день похоронъ его отца, послѣ того какъ Дорониха, знавшая столяра въ теченіи многихъ лѣтъ, возвратилась съ кладбища.—Она взяла мальченку на руки, погладила его русую головку своей жесткой ладонью и не то сердясь, не то любовно сказала ему:

— Ну, что Панька, тятька-то ау! въ землю легъ, почтенный; вотъ ты теперь, какъ перстикъ, совсѣмъ одинъ остался, безродный значитъ. Что же теперь ѣсть-то станешь, а? вѣдь не ѣмши и собака съ голоду помираетъ... какъ же быть съ тобой, малышъ? ума не приложу. Пойдемъ ко мнѣ жить, Панька?—закончила она свою рѣчь.

Мальчикъ ничего не отвѣтилъ на такое предложеніе, но уткнулъ голову ей въ грудь и громко вдругъ заплакалъ.

— Чего ты, чего, младенчикъ?—спрашивала удивленная и растроганная старушенція.—Ну, не плачь, никто какъ Богъ-Саваофъ, его святая воля!.. Вотъ домой придемъ, картошкой тебя горячей накормлю, въ печкѣ стоитъ, въ чугункѣ. Я сегодня рано печку топила по случаю похоронъ“...

Старуха вздохнула о чемъ-то, пристально взглянула на сосѣднюю церковь, возвышавшуюся изъ-за низенькихъ домиковъ „кладбищенской слободки“, и набожно перекрестилась. Потомъ, продолжая гладить мальчика по головѣ и крѣпко прижимая его къ себѣ, точно изъ боязни—не отнялъ-бы кто, она торопливыми шагами направилась къ своему домику. Съ этого дня мальчикъ безотлучно находился у старухи Доронихи, въ теченіи слишкомъ трехъ лѣтъ, пролетѣвшихъ для него не-

замѣтно, благодаря ласкамъ и любви пріютившей сироту женщины. Но вотъ, когда Панька уже замѣтно подросъ, не картавилъ и зналъ наизустъ „Богородицу“ и „Отче нашъ“, старуха его воспитательница, въ одинъ далеко не прекрасный день, не пошла съ бубликами по домамъ, объявивъ Панькѣ, что ей „что-то недужится“. А вечеромъ того же дня, удивленный и оробѣвшій мальчикъ навзрыдъ плакалъ, уткнувъ голову въ колѣни мертвой „бабушки“, какъ онъ называлъ свою благодѣтельницу, пѣстовавшую его точно родная мать. Наплакавшись вволю и видя, что бабушка—какъ онъ ни звалъ ее, и даже тормошилъ за руки—все не откликается на его зовъ, а руки ея совсѣмъ холодныя, „какъ льдушки“, мальчикъ встряхнулъ головой и, выбѣжавъ изъ дому, опрометью пустился къ знакомой ему теткѣ Степанидѣ, большой пріятельницѣ покойной, которая поэтому часто бывала у ней. Долго дергалъ Панька за туго отворявшуюся дверь и колотилъ въ нее кулаченками; наконецъ, за дверью послышался голосъ Степаниды:

— Кто тамъ?

— Это я, тетенька!—бойко отвѣтилъ шестилѣтній мальчикъ.—Отворяй скорѣе: бабушка померла, кажись.

Старуха отворила дверь и впустила ребенка въ горницу.

— Померла, говоришь?—переспросила она.—Да какъ же это такъ? вчерась вѣдь еще мы съ нею на улицѣ повстрѣчались и ничего-то она про болѣсть не говорила,—недоумѣвала Степанида, набожно крестясь.

Когда мальчикъ разсказалъ обстоятельно ей все, „тетенька“ неторопливо одѣлась, взяла палку, безъ которой никогда не выходила изъ дому, боясь собакъ, которыя когда-то крѣпко ее искусали, и, кликнувъ свою „кресенку“ Танюшу, дѣвочку лѣтъ двѣнадцати, отправилась съ ней и Панькой въ Доронихинъ домъ.

Фактъ, сообщенный мальчикомъ, былъ вѣренъ: старуха, дѣйствительно, перестала жить. Явилась, какъ водится, полиція, описали все несложное имущество, движимое и недвижимое, при чемъ въ опись перваго не попалъ любимый котъ покойницы „Сѣрка“, заблагоразсудившій улизнуть на это время изъ комнатъ на огородъ, гдѣ, забившись въ гряды, онъ долго жалобно мяукалъ. Не попалъ, конечно, въ опись и Панька, съ интересомъ смотрѣвшій на незнакомыхъ ему людей, что-то

говорившихъ и что-то писавшихъ на бѣлыхъ листахъ бумаги. Когда, по окончаніи всей процедуры „описи имущества мѣщанки Евпраксіи Антиповой Алексѣевой, вдовы унтеръ-офицера Дорофѣя Алексѣева“, помощникъ пристава собирался уже уходить изъ дому, то на Паньку напала такая смѣлость, что онъ дернулъ его за рукавъ и смѣло спросилъ, силясь встать „на цыпочки“:

— А я-то какъ же буду, дяденька? Вѣдь я у нея живу.

Онъ показалъ на тѣло покойницы, лежавшей уже прибранною на столѣ, въ переднемъ углу.

Полицейскій чиновникъ опѣшилъ. Взглянувъ на своего писаря и находившихся въ горницѣ разныхъ сердобольныхъ кумушекъ, любительницъ ходить по тѣмъ домамъ, гдѣ есть „упокойнички“, хотя бы и совершенно имъ незнакомые, онъ спросилъ у мальчугана:

— Да ты кто же самъ-то будешь, пріятель? Родня она тебѣ была что ли, Дорониха?..

Тутъ затараторили кумушки; обстоятельно, въ нѣсколько голосовъ разомъ, сообщали онѣ помощнику пристава біографическія данныя объ Панькѣ; онѣ объяснили, что мальчикъ этотъ былъ чужой, „взятъ со стороны Евпраксіей Антиповной—царствіе ей небесное! И только прожилъ у нея года съ три никакъ“, въ качествѣ пріемыша. Чиновникъ затруднялся, не зная чѣмъ и какъ рѣшить участь мальчика, и, для очистки совѣсти, спросилъ у женщинъ, не захочетъ ли которая-нибудь изъ нихъ взять мальчика къ себѣ „для ради души спасенья“?..

Поднялись толки. Чиновникъ терпѣливо ожидалъ, чѣмъ кончатся дебаты кумышекъ, но, не видя большого толку, энергично плюнулъ въ уголъ, проговоривъ вполголоса: „тьфу вы, сороки несуразныя!“ и досталъ изъ кармана жилетки серебряный двугривенный.

— На тебѣ, мальчикъ, на орѣхи отъ меня. Рости умникомъ...

Мальчикъ, которому было дано „на орѣхи“, поцѣловалъ рукавъ дяденькинаго сюртука и, сказавъ ему „спасибо“, отошелъ въ сторону.

Помощникъ пристава, принявъ на плечи пальто отъ услужливаго городоваго, высморкался, вздохнулъ протяжно, проговорилъ точно про себя: „Господи, Господи!“ и, не глядя на окружающихъ, шумно вышелъ изъ домика.

Оставшіяся въ комнатѣ женщины долго еще вели между собою бесѣду, кто о своихъ житейскихъ дѣлахъ, кто о покойницѣ, и перебирая, кому достанется ея имѣніе, и кто будетъ хоронить ее, „полиція, али кто изъ сродственниковъ, можетъ, найдется?..“ Время, между тѣмъ, шло. Мальчикъ все стоялъ у стола, на которомъ лежала дорогая для него „бабушка“ съ важнымъ выраженіемъ на застывшемъ, спокойномъ лицѣ, съ плотно сложенными на груди, сморщенными руками. Порою ему казалось, что въ комнатѣ не люди разговариваютъ, а точно мухи жужжатъ, столпившись кучей. Наконецъ его одолѣла дремота, колѣни стали подгибаться и ребенокъ уснулъ тутъ же на полу, сразу, какъ умѣютъ засыпать только одни дѣти. Никто изъ присутствовавшихъ, въ пылу разговора, казалось, не замѣтилъ свернувшагося на полу калачикомъ маленькаго человѣка. И только, когда собраніе, всласть наговорившись, начало расходиться,—та же тетка Степанида, пришедшая первою съ Панькой, по его зову, въ домъ покойницы, замѣтила, что мальчикъ уснулъ; осторожно она разбудила его и сказала сонному Панькѣ:

— Пойдемъ, малецъ! Негоже тебѣ тутъ оставаться одному: еще испугаешься пожалуй! Да и покормить тебя теперь некому...

Мальчикъ машинально повиновался, нахлобучилъ на голову свой картузикъ, и сказалъ новой покровительницѣ:

— Ну, тетка Степанида, идти, такъ идемъ... Мнѣ спать смерть какъ хочется!..

Тетка пошла къ себѣ и увела мальчика, вмѣстѣ съ своей крестницей.

II.

Когда окончился, наконецъ, срокъ вызова наслѣдниковъ къ оставшемуся послѣ Алексѣевой имуществу, владѣльцемъ его оказался племянникъ ея, старьевщикъ Безпаловъ, жившій въ другомъ городѣ. Старьевщикъ пріѣхалъ оттуда, и былъ формально введенъ во владѣніе домомъ. Это былъ грубый, еще не старый человѣкъ, лѣтъ подъ пятьдесятъ, угрюмый и несообщительный, какъ говорится, „видѣвшій виды на своемъ вѣку“. Онъ тщательно осмотрѣлъ такъ неожиданно достав-

шійся ему домикъ Алексѣевой, постучалъ даже въ стѣны, сперва тросточкой, потомъ кулакомъ, прислушиваясь въ тоже время къ гулу удара, чтобы убѣдиться въ прочности ихъ, и крѣпко потопалъ ногами по половицамъ.

— Ничего, постоитъ еще!—рѣшилъ онъ, улыбаясь, и тогда же задумалъ переѣхать въ этотъ домъ изъ своего роднаго города.

Когда Безпаловъ, спустя недѣли двѣ, водворился въ домикѣ полнымъ хозяиномъ, онъ прежде всего собственноручно прибилъ на столбъ у воротъ жестяную дощечку, съ надписью: *„Собственный домъ мѣщанина Никиты Иванова Безпалова, 2-го участка“*. Затѣмъ, въ одно прекрасное утро, Безпаловъ заперъ входную дверь на крючекъ, спустивъ предварительно съ цѣпи привезенную съ собою собаку Шарика, и съ помощью своего работника, также пріѣхавшаго съ нимъ „съ родной стороны“, принялся за подробный осмотръ движимаго имущества покойной старухи. Въ одномъ изъ красныхъ, обитыхъ потемнѣвшею отъ времени жестью, сундуковъ, стоявшихъ въ углахъ бывшей спальни покойницы, оказался на днѣ сундука свертокъ изъ газетной бумаги, продолговатой формы, который былъ тщательно перевязанъ сахарной бичевкою. Взвѣсивъ его предварительно, для чего-то, на рукѣ, старьевщикъ развязалъ веревку и сказалъ работнику:

— Нутка, Гаврила, посмотримъ, что тутъ за апробація упрятана?

Когда содержимое свертка высыпано было на столъ, глаза Безпалова широко раскрылись и на лицѣ его выразилось необычайное изумленіе. Тутъ находились, въ отдѣльныхъ бумажкахъ, нѣсколько Николаевскихъ серебряныхъ рублей, старинные серебряные же пятачки, сложенные стопочкой, какой-то Екатерининскій мѣдный пятакъ, чуть не съ четверть фунта вѣсомъ, и пять пятирублевыхъ кредитокъ, тщательно сложенныхъ вчетверо, каждая отдѣльно и перевязанныхъ черной шелчинкой. Далѣе нашелся крестикъ, золотой съ эмалью, крошечная шелковая ладонка и записка на лоскуткѣ толстой сѣрой бумаги, крупнымъ почеркомъ написанная рукой покойницы. Въ этой запискѣ сообщалась просьба тому лицу, которому достанется имущество владѣлицы, послѣ ея смерти „передать всѣ эти вещи, находящіяся въ сверткѣ, пріемышу моему Панькѣ, въ цѣлости и полной сохранности“. Слѣдовала подробная

опись вещамъ, заключавшаяся словами: „вотъ и все, что я ему скопить, по грѣхамъ своимъ, успѣла. И прошу я, въ успокоеніе моей собственной души, наслѣдника своего исполнить эту мою волю безотговорочно и въ точности, и мальчика чтобы не обидѣть, но все ему въ цѣлости передать. Пусть меня сирота, грѣшную старуху, добрымъ словомъ помянетъ".

Прочитавъ записку, Безпаловъ крѣпко задумался, и нехорошая улыбка появилась на его тонкихъ губахъ. Онъ уперся руками объ столъ, на которомъ разложены были вещи, завѣщанныя Панькѣ, и сталъ насвистывать. Но вотъ улыбка начала понемногу исчезать, и сморщенныя брови расходиться; старьевщикъ встряхнулъ головой, какъ будто отгоняя отъ себя надоѣдливаго комара или муху, съ разстановкой, цѣдя слова сквозь зубы, сказалъ своему работнику Гаврилѣ:

— А что, парень? видно и въ правду надо будетъ все это Панькѣ отдать, какъ въ запискѣ, вишь ты, указано. Только, гдѣ же мы его отыщемъ, братъ, съ тобой? что за птица такая Панька?.. У покойницы дѣтей, кажись, не было, развѣ грѣхъ какой со стороны?.. Да, вѣдь вотъ она его пріемышемъ называетъ, сиротой... Спросить развѣ у кого изъ сосѣдей?.."

По наведеннымъ справкамъ оказалось, что эта „птица", какъ назвалъ его старьевщикъ Безпаловъ—онъ же и „Панька-сирота"—проживалъ, ничего не вѣдая, у тетки Степаниды, помогая ей чѣмъ могъ со своей силенкой, по дому.—Безпаловъ отрядизъ работника къ этой особѣ, наказавъ ей „непремѣнно придти самой и мальчика Паньку съ собой захватить". По приходѣ ихъ, Безпаловъ поздоровался съ обоими гостями—старухой и мальчикомъ, и, внимательно оглядѣвъ Паньку, торжественно вручилъ ему свертокъ съ наслѣдствомъ, а записку дарительницы прочиталъ вслухъ и заставилъ Степаниду, хотя та была и неграмотна, просмотрѣть опись.

— Все цѣло, матушка моя, сама удостовѣрься!—сказалъ онъ, пощелкивая двумя пальцами по описи,—и передается по волѣ покойницы тетиньки, въ успокой ея души, какъ вотъ тутъ сказано. А ты, мальчикъ — послѣдовало обращеніе къ Панькѣ, молча стоявшему возлѣ Степаниды — благодари, да Богу, мотри, чаще за нее молись, за тетиньку то есть, хотя она тебѣ и чужая была, а все таки, вишь, тебя не забыла. Поди чай, глупышъ, ты и отродясь эстолько денегъ не видывалъ?.. Ну, пусть до твоего совершеннолѣтства, пока въ

полный разумъ не придешь, у тетки твои капиталы сохраняются; а выростешь—тогда, дастъ Богъ, и свою торговлю откроешь. Свой, понимаешь, капиталъ будетъ, не въ люди идти занимать. Это, братецъ, статья не послѣдняя: на свои ли любезныя дѣло заводить будешь, али просить у кого придется и проценты на занятую деньгу отдавать...

Выслушавъ эту рацею, мальчикъ, менѣе всего думавшій въ то время о томъ—выгоднѣе-ли „на свои торговать или въ въ людяхъ занимать“, поблагодарилъ какъ умѣлъ „дяденьку“, при чемъ тетка Степанида совѣтовала ему „ниже поклониться дяденькѣ, вишь онъ добрый какой, а отъ поклона голова не отвалится“,—и, какъ-бы въ доказательство такой истины, старуха низко, почти въ поясъ, наклонила Панькину голову, крѣпко ухвативъ его затылокъ двумя пальцами. — Мальчикъ даже покраснѣлъ отъ такого усерднаго поклона, встряхнулъ головой и пробормоталъ, глядя на Безпалова:

— Очень даже благодарны, дяденька, и покорнѣйше васъ благодаримъ, то есь, за все...

Затѣмъ тетка Степанида и мальчикъ были отпущены съ миромъ во свояси.

Такимъ образомъ Панька сталъ обладателемъ извѣстнаго состоянія, которое судьба такъ неожиданно послала ему въ даръ. Тетка Степанида созвала домашній консиліумъ и на немъ, по долгомъ обсужденіи, было рѣшено,—продать серебряныя монеты, оставивъ только одинъ рублевикъ, серебряный пятачекъ и мѣдный пятакъ, а вырученную отъ продажи монетъ сумму, вмѣстѣ съ двадцатью пятью рублями кредитокъ, положить на Панькино имя въ сберегательную кассу, для приращенія изъ процентовъ: „пусть копятся деньги, пока онъ растетъ“. Крестикъ же съ ладонкой былъ повѣшенъ на шею Панькѣ, съ крѣпкимъ наказомъ—„молиться утромъ и вечеромъ за бабушку“.

Время, между тѣмъ, шло да шло, и Панькѣ стукнуло уже семь лѣтъ; ребенокъ видимо росъ „на славу“ и сдѣлался очень красивымъ, крѣпкимъ и стройнымъ мальчуганомъ. Онъ шутя, урывками, выучился грамотѣ у сосѣда тетки Степаниды и близкаго ея пріятеля, отставнаго канцеляриста Подшивалова, который благодушно взялся учить мальчика безъ всякой платы, такъ какъ, живя на покоѣ, имѣлъ много свободнаго времени, ибо занимался исключительно ловлей разныхъ пѣв-

чихъ птицъ, какъ любитель, но излишнихъ продавалъ и на сторону, пользуясь поэтому широкой извѣстностью въ городѣ между школьниками и уличными мальчиками, чрезъ посредство которыхъ онъ велъ торговлю птицами, сбывая также въ трактиры и пивныя лавки разныхъ клестовъ, синицъ, чижиковъ, щегловъ и снѣгирей. У него-то Панька обучился, кромѣ грамоты, свистѣть какъ щеглы и синицы, „пѣть чижикомъ“ и передразнивать дроздовъ. Большое удовольствіе доставило Панькѣ предложеніе учителя сопровождать его на птичную ловлю. И часто впослѣдствіи, старый съ малымъ раннимъ утромъ уходили далеко за городъ, за пернатой добычей, водившейся въ окрестныхъ рощахъ. Панька, важно шествуя впереди, несъ разныя западни, ловушки и прочія птицеловныя снасти, и весело мурлыкалъ на ходу какую нибудь пѣсенку, отщипывая маленькіе кусочки чернаго хлѣба, находившагося у него за пазухой, и отправляя ихъ „швыркомъ“ въ ротъ. Такой ранній аппетитъ очень удивлялъ канцеляриста, не ѣвшаго ничего по утрамъ до чая, какъ бы поздно ему не приходилось пить его. Поэтому птицеловъ часто замѣчалъ мальчику:

— Безо времени ты ѣшь, Панька!.. На все, братецъ, надо пору знать; вотъ наловимъ птицъ ужо, тогда и поѣлъ бы, другъ ты мой любезный; а то вѣдь ты походя ѣшь, какъ воробей точно: это не годится!

Панька слушалъ и, какъ котъ въ крыловской баснѣ, невозмутимо продолжалъ свою скудную трапезу.

Когда такія прогулки за городъ стали учащаться, хозяйка Паньки, Степанида, сочла своимъ долгомъ замѣтить сосѣду:

— Избалуешь ты у меня мальца, Аристархъ Иванычъ, еще бродяжить съ измальства пріучишь, пожалуй. Одно баловство это, по моему, выходитъ, вотъ тебѣ мой сказъ какой!

Но птицеловъ любитель успокаивалъ обыкновенно тетку Степаниду, доказывая, что въ этомъ занятіи никакого худа нѣтъ. Вѣдь не голубей же я его учу по крышамъ гонять, какъ наши городскіе дуболомы дѣлаютъ,—говорилъ Аристархъ Ивановичъ, отражая укоры старухи въ баловствѣ мальчика.

Уроки Панькины шли, между тѣмъ, своимъ чередомъ, и, не имѣвшій почти своихъ тетрадокъ, Панька исписывалъ съ учебной книжки мѣломъ весь полъ и стѣны въ Степанидиномъ домикѣ, къ немалому и искреннему ея огорченію.

— Вишь моду какую взялъ, пострѣлъ негодный!—ворчала старуха, стирая ежедневно мокрой тряпкой его писанія, которыя незамѣтно вновь появлялись на тѣхъ-же мѣстахъ на слѣдующій день.—Писатель тоже выискался!.. Мы вотъ грамотѣ и не учены, да вѣкъ свой безъ нужды, благодаря Создателю, доживаемъ!.. А коли ежели надобно тебѣ писать, такъ учитель-то твой безпутый долженъ бы доску тебѣ грифельную купить, либо бумаги листъ. А то—на, поди, что выдумаютъ еще: по стѣнамъ писать. Вы съ нимъ-бы, съ птицеловомъ со своимъ, лучше бы ужъ въ такомъ разѣ, на заборахъ писали уроки-то свои; ходили бы изъ улицы въ улицу, да и расписывали бы на заборахъ, пока васъ за эфто самое въ полицію бы приставъ не забралъ,—пресерьезно предлагала Степанида, усердно вытирая упражненія Паньки въ русской грамотѣ.

Ни мало не смущаясь такими выговорами и замѣчаніями, Панька продолжалъ ретиво, безъ конца, писать на полу и на стѣнахъ, розыскивая кусочки мѣлу, какъ бы далеко ни припрятывала ихъ Степанида, не рѣшавшаяся вовсе уничтожить эти кусочки; за неимѣніемъ же мѣла, мальчикъ обходился углемъ, присоединивъ за послѣднее время къ письмоводству также и рисунки. Между послѣдними, чаще встрѣчались начерченные углемъ птицы и солдаты съ ружьями, смѣнявшіеся иногда церквями съ высокими колокольнями. Раздраженная такимъ упорствомъ, тетка Степанида объявила однажды Панькѣ, что „ужъ если рисовать, такъ ты либо рисуй мѣломъ, потому его легче стирать мнѣ, дурашка, либо тетрадку особую изготовь, и карандашикъ въ лавкѣ за двѣ копѣйки купи; вотъ тебѣ и деньги, пачкулька противный! только избавь ты меня, ради истиннаго Бога, отъ своего стѣннаго писанья и заведи себѣ, для этой живописи самой, особливую тетрадь!“

Послѣ такого категорическаго требованія, Панькѣ пришлось дѣйствительно обратиться къ учителю съ просьбой снабдить его „тетрадочкой, чтобы въ ней рисовать можно было; а карандашикъ тетенька обѣщала купить“, говорилъ мальчикъ Подшивалову, предварительно пояснивъ ему, какъ бранится „тетенька Степанида“ за постоянно возобновляемые рисунки мѣломъ и углемъ на стѣнахъ ихъ жилища. Аристархъ Ивановичъ только разсмѣялся въ отвѣтъ, покряхтѣлъ и сказалъ, что тетрадка будетъ сдѣлана, но съ единственнымъ условіемъ:

зря въ ней не чертить разныхъ глупостей, а рисовать по одной страничкѣ на день.

— Вотъ я ужо посмотрю твою пачкотню, Павелъ, и коли ты дѣйствительно способность къ этому имѣешь, то мы и „школу рисовальную“ достанемъ въ такомъ родѣ, чтобы по правиламъ тебя рисованью обучать.

Спокойное теченіе Панькиной жизни было прервано неожиданнымъ событіемъ, оказавшимъ серьезное вліяніе на всю его послѣдующую жизнь: Панька пріобрѣлъ себѣ вѣрнаго друга, въ лицѣ дѣвочки Маньки.

III.

Первая ихъ встрѣча произошла такъ: разъ лѣтомъ мальчикъ, въ горячій іюльскій день, побѣжалъ на рѣку купаться, отпросясь у „тетеньки Степаниды“.—Подходя къ рѣкѣ, Панька заслышалъ шумъ. Спорили о чемъ-то человѣкъ пять ребятишекъ, плотно обступивъ кого-то у самаго берега рѣки. Изъ любопытства, Панька подошелъ къ нимъ поближе. Оказалось, что какая-то крошечная дѣвочка, съ длинной косой, закрученной на затылкѣ, отбивалась руками и ногами отъ наступавшихъ на нее мальчишекъ, считавшихъ себя кровно ею обиженными. Изъ разговора мальчиковъ Панька уразумѣлъ наконецъ, что эта дѣвочка пришла сюда полоскать маленькую кучку бѣлья, тутъ-же лежавшаго на землѣ. Мальчики не допустили ее до этого, требуя, чтобы она шла въ другое мѣсто: „здѣсь нельзя вашему брату, дѣвченкамъ, быть, потому—наше мѣсто!“ утверждали они; когда же дѣвочка, не соглашаясь съ такимъ доводомъ, обругала ихъ дураками и хотѣла приняться за полосканье своихъ тряпичекъ, то мальчики обступили ее вплотную и стали щипать и толкать въ воду. Дѣвочка начала громко кричать. Панька пожалѣлъ незнакомую дѣвочку и счелъ своимъ долгомъ вступиться за нее.

— Вы чего-же это пристали къ ней, пострѣлята?—крикнулъ онъ ребятишкамъ, какъ большой, и сжалъ кулаченки, ставъ въ оборонительную позицію.

Компанія опѣшила отъ такого непрошеннаго вмѣшательства

незнакомаго мальчика, а дѣвочка ободрилась, увидя неожиданнаго защитника, и стала протискиваться къ нему. Видя, что мальчики продолжаютъ ее толкать, то въ бокъ, то въ спину, Панька заблагоразсудилъ открыть и самъ непріязненныя дѣйствія и, не говоря ни слова, далъ здоровую тукманку старшему изъ мальчиковъ, который, видимо, былъ коноводомъ, и закричалъ остальнымъ:

— Тронь-ка кто нибудь ее еще, такъ я и скулы сворочу сейчасъ. Вотъ ей Богу!

Какъ всегда водится въ такихъ случаяхъ, мальчишки сразу оставили свою жертву и накинулись на ея защитника.

— А, такъ ты вотъ какой!—кричали они,—за паршивыхъ дѣвчонокъ заступаешься! Ахъ ты, дьяволенокъ окаянный! мы и сами тебѣ рожу живо на сторону своротимъ, да всѣ волосья выдеремъ!

Буяны неистово потрясали кулаками, стараясь перекричать другъ друга, но почему-то не рѣшались отъ словъ перейти къ дѣлу, какъ будто боясь смѣлаго мальчика. Панька-же, все со сжатыми кулаками, крикнулъ дѣвочкѣ:

— Иди сюда, ты, синица!

Та, хотя и не поняла сперва, что такой зовъ обращенъ былъ къ ней, все же выдвинулась изъ-за мальчиковъ и близко подошла къ своему избавителю. Польщенный успѣхомъ своихъ угрозъ, Панька взялъ ее за руку и сказалъ:

— Ну, пойдемъ, я сведу тебя домой!.. говори—гдѣ живешь?—И отступая съ поля брани, но необорачиваясь, новые пріятели удалились отъ задорныхъ, но трусливыхъ ребятишекъ. Когда они отошли уже шаговъ на двадцать отъ рѣки, въ нихъ полетѣлъ узелокъ съ бѣльемъ, оставленный дѣвочкой, и въ придачу къ нему горсти мокраго песку, при чемъ мальчикъ, получившій отъ Паньки толчокъ, крикнулъ ему: „эй, ты, паскудышъ, бабій заступникъ! получай приданое своей невѣсты!..“

Панька молча нагнулся и поднялъ узелокъ. Затѣмъ, видя, что и ихъ не думаютъ преслѣдовать, тихонько пошли они въ гору. Дѣвочка, обрадованная тѣмъ, что ей такъ благополучно удалось ускользнуть отъ буяновъ, не знала, какъ благодарить своего спутника, а Панька серьезно увѣрялъ ее, что „это ничего, вѣдь они же не побили меня, глупая! А ты впередъ и взаболь не лѣзь, гдѣ нашъ братъ, мужчина, находится; не

твоя это компанія, ну—и ступай мимо! помни же, смотри!"—заключилъ онъ свое нравоученіе.

Спрошенная, какъ ее зовутъ и гдѣ ея квартира, дѣвочка отвѣчала, что зовутъ ее Манькой—всѣ такъ кличутъ—а живетъ она на Вознесенской улицѣ, у дьячихи Марковны.

— Кто же ты ей будешь? — продолжалъ распрашивать мальчикъ свою новую знакомую.—Сродни что-ли, или такъ?.. да ты говори, не бойся,—добавилъ онъ, видя, что дѣвочка удивленно смотритъ на него.

Манька усмѣхнулась и мелькомъ, сбоку, взглянула на своего спутника.

— Бояться? да съ чего же мнѣ бояться-то? вѣдь ты не волкъ, али лихой человѣкъ. Марковна говоритъ, что только волковъ, да вѣдьмедей бояться надоть... да и тѣ въ лѣсахъ, поди, больше живутъ. А Марковнѣ я не родня: чужая совсѣмъ; у ней своя дочка есть, да замужемъ, за дьякономъ въ селѣ. А сама-то Марковна вдова, значитъ, мужъ ея померши; она меня такъ къ себѣ взяла, съ воли. Мать твоя—это про мою матку говоритъ—была прачка, да осенью на рѣкѣ простудилась, и въ больницѣ горячкой померла, а я тебя, говоритъ, жалѣючи несмысленую, къ себѣ взяла, какъ за мѣсто своево ребенка... Только я маменьки своей не помню вовсе, какая она такая была... А у тебя мамка есть?—вдругъ закончила дѣвочка свой разсказъ, обращаясь къ внимательно слушавшему ее мальчику.

— У меня-то?—сказалъ Панька—и отрицательно покачалъ головой; нѣтъ, и у меня никого нѣту — ни отца, ни матери. Я у тетки Степаниды за работника живу, а допрежь того—у бабушки Доронихи жилъ, да она, не знаю съ чего, тоже взяла да и померла...

Бесѣдуя такимъ образомъ, новые знакомые вышли на Вознесенскую улицу.

— Гдѣ же вашъ домъ? — спросилъ Панька, оглядываясь по сторонамъ.

— А вонъ, вонъ тамъ впереди! — указала пальцемъ дѣвочка, видимо обрадованная, что попадетъ, наконецъ, домой цѣлая и невредимая. „Видишь,—говорила она,—фонарь стоитъ, а домъ въ три окошка; ну, этотъ самый и есть, тутъ мы и живемъ, голубчикъ. Спасибо тебѣ, прощай!..

Дѣвочка кивнула головой и хотѣла уже удалиться. но Панька ее остановилъ, дернувъ за рукавъ.

— Да ты куда же, стрекоза?—спросилъ онъ. Коли съ рѣки вмѣстѣ шли, такъ я тебя и на домъ предоставлю. Чево торопишься, развѣ соскучала со мною?

— Нѣ, родненькой, ей-Богу, а только боюсь я—не заругала бы Марковна, что долго проходила, да вотъ, вишь, и бѣлье ейное неполоскано осталось... А какъ тебя еще увидитъ,—скажетъ: „это ты съ парнишкомъ, вѣрно; пробѣгала, въ гулючки играючи, замѣсто дѣла“... — право, скажетъ! вѣдь она, страсть, какая строгая, ну только меня еще не бивала ни разочка, развѣ за ухо малость потреплетъ, какъ ежели сшалю.

— Вишь, что выдумала, стрекоза! — ворчалъ онъ вполголоса: съ парнишкомъ пробѣгала!—да развѣ я парень?—ишь, что выдумала! Я твоей старухѣ все доподлинно разскажу—не съѣстъ, чай, меня за это. Скажу, какъ тебя мальчишки щипать стали, да толкались, а я и выручилъ. Неужто-жъ она не повѣритъ? — вѣдь намъ врать не велика тоже корысть! а ты, глупая, ну-ка: „съ парнишкомъ въ гулючки“!..

Они поровнялись съ домомъ. Мальчикъ смѣло вошелъ въ калитку и, по указанію Маньки, поднялся на крыльцо. Когда старуха Марковна, выйдя къ нимъ самолично на кухню, выслушала повѣствованіе мальчугана, то дѣйствительно, и браниться даже не стала, а напротивъ, поблагодарила Паньку за его заступничество и вынесла ему въ награду большой, копѣечный крендель.

— Намъ не надо, благодаримъ, у самихъ есть,—гордо отвѣтилъ Панька, тряся головой и отказываясь отъ гостинца. Прощайте, тетенька, мнѣ домой пора идти! — сказалъ онъ и вышелъ на дворъ. Манька послѣдовала за нимъ.

— Приходи когда въ праздникъ, Паня! ласково шепнула она мальчику, глядя ему прямо въ глаза. Хоть около вечеренъ, эдакъ, часа въ четыре, али пораньше. Марковна завсегда къ вечернѣ ходитъ, а потомъ мы чай съ ней пьемъ...

Мальчику, видимо, лестно было ея приглашеніе и онъ отвѣтилъ: „ладно, приду ужо какъ-нибудь!“

IV.

Съ этого времени, т. е. со дня встрѣчи съ дѣвочкой, Панька сталъ неузнаваемъ. Хотя уроки его у птицелова-чиновника шли своимъ чередомъ, и стѣны въ домѣ Степаниды расписывались по прежнему, когда у него нехватало тетради, но мальчикъ сталъ часто о чемъ-то крѣпко задумываться. Это обстоятельство замѣчено было и теткой Степанидой. Она разспрашивала Паньку, что съ нимъ случилось, предполагая, не боленъ-ли онъ; но мальчикъ хотя и увѣрялъ ее въ противномъ, однако, задумывался по-прежнему. Его не тянуло, какъ бывало, на ловлю птицъ, или съ удочкой, въ компаніи съ Аристархомъ Иванычемъ, который тоже замѣтилъ, наконецъ, что ученикъ его нѣтъ-нѣтъ, да и задумается вдругъ среди урока и пристально смотритъ, повидимому, безцѣльно въ окно.

— Что съ тобой, Паня? чего ты задумчивый такой сталъ?— спрашивалъ его Подшиваловъ. Не обидѣлъ-ли ужъ кто тебя, друже? а, скажи-ка мнѣ?..

Панька, при такихъ распросахъ, отдѣлывался тѣмъ, что принимался увѣрять своего ментора, будто все это ему только кажется, что обижать его никто не думалъ, да и кто же меня обидитъ? заключалъ мальчикъ свои оправданія.

Со дня встрѣчи его съ Машкой у рѣки прошла недѣля. Былъ полдень воскресенья. Панька отпросился у своей „тетеньки“ къ товарищамъ, говоря, что вернется къ пяти часамъ. Старуха охотно отпустила его, думая, что мальчикъ лучше разсѣется на сторонѣ.

— Ступай, Панюшка, Христосъ съ тобой, гуляй на здоровье!—напутствовала его благодушная старуха и даже, что случалось очень рѣдко, не болѣе трехъ-четырехъ разъ въ году, дала ему гривенникъ „на гостинцы“.

— Спасибо, тетенька! поблагодарилъ Панька, взялъ монетку и, завязавъ ее въ кончикъ платка, ушелъ изъ дома.

Съ такимъ капиталомъ въ карманѣ, Панька заявился къ знакомой ему торговкѣ на базарѣ. Взглянувъ на ея лотокъ со сластями, онъ купилъ „сѣмечекъ“ на двѣ копѣйки, на три взялъ леденцовъ, а пятачекъ потребовалъ сдачи. Сдѣлавъ эту покупку, мальчикъ отправился на Вознесенскую улицу, къ

Манькиному жилищу. Но противъ условленнаго времени—трехъ часовъ, было еще рано, и мальчикъ, отбѣжавъ отъ ихъ дома, пришелъ къ тощему палисаднику на противоположномъ углу улицы, и, отъ нечего дѣлать, сталъ высвистывать на разные лады, опершись на рѣшетку палисадника. Фигура маленькаго свистуна была замѣчена въ окно домика, стоявшаго за садикомъ, отступя сажени двѣ отъ фасада улицы. Окно отворилось и оттуда выглянулъ усатый мужчина, лицо котораго густо обросло черными волосами почти до самыхъ глазъ. Усачъ внимательно оглянулъ мальчугана, продолжавшаго свистѣть какъ ни въ чемъ не бывало, и спросилъ его хриплымъ басомъ:

— Мальчикъ, а мальчикъ! ты чего же это, шельмецъ, свистѣть здѣсь вздумалъ? Тебѣ говорятъ! — крикнулъ онъ болѣе строго, видя, что мальчикъ не слушаетъ его.

— А тутъ и думать нечего, господинъ!—спокойно отвѣтствовалъ Панька.—Захотѣлось посвистать, вотъ и свищу...

— А, такъ тебѣ захотѣлось, ты говоришь, грубіянъ эдакой! погоди-же, скотина, я тебѣ по своему посвищу!—пригрозилъ усачъ и поднялся, намѣреваясь выдти на улицу.

Мальчикъ улыбнулся, громко свистнулъ еще разъ, уже не по птичьи, и раскатился такой звонкой трелью, что у него у самого зазвенѣло въ ушахъ. Потомъ быстро отошелъ отъ палисадника и направился въ противоположный конецъ улицы. Усачъ выглянулъ межъ тѣмъ изъ калитки и, не видя маленькаго свистуна, погрозилъ въ пространство громаднымъ кулачищемъ, громко высказывая сожалѣніе, что „мерзавецъ ускользнулъ“. Затѣмъ запустилъ указательный палецъ въ огромный грушевидный носъ, и, глубокомысленно посмотрѣвъ на облака, убрался во свояси.

А Панька былъ уже далеко отъ этого домика и шелъ, поглядывая въ окна попадавшихся на пути зданій. Такъ прошло съ полчаса. Наконецъ мальчикъ повернулъ назадъ и, подпрыгивая на ходу, замурлыкалъ пѣсенку о томъ, какъ проживалъ у бабушки сѣренькій козликъ.

Манька уже поджидала его на дворѣ, такъ какъ она замѣтила мальчика еще тогда, когда онъ проходилъ недавно мимо ихъ дома.

— Ну, здравствуй, здравствуй!—ласково заговорила дѣвочка, съ посвѣтлѣвшимъ отъ радости лицомъ; схвативъ его за

руку, она потащила его въ домъ. — А я ужъ думала, Паня мой хорошій, что ты такъ и не придешь. Вѣдь сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, посчитай-ка, я все о тебѣ вспоминала, каждый день: „забылъ, думаю, что посулился придти“,—анъ вотъ ты и пришелъ!—весело щебетала Манька, усаживаясь рядомъ со своимъ гостемъ на простыхъ, не крашеныхъ табуреткахъ въ кухнѣ дьячики.

— Чѣмъ-же мнѣ тебя, голубчикъ, угощать?—спрашивала она, и, неожиданно для собесѣдника, встала и крѣпко обняла его, обвивъ худенькими рученками шею мальчика. — Милый, милый, спасибо, что пришелъ!—шептала она, точно захлебываясь отъ восторга, что видитъ наконецъ своего друга.

— Мнѣ угощеньевъ не требуется, дѣвчура!—наставительно отвѣтилъ ей мальчикъ, тихонько отводя ея руки; я самъ тебѣ гостинцевъ принесъ; на—получай! Онъ вынулъ изъ кармана свертокъ съ подсолнышками и леденцы въ бумажкахъ, и положилъ ей въ руку.

— Ишь ты какой! — удивилась Манька, ежась и потягиваясь отъ удовольствія, точно котенокъ,—даже гостинца принесъ, значитъ тоже думалъ обо мнѣ. Ну, спасибо, голубчикъ! Дѣвочка развернула два леденца и одинъ передала Панькѣ примолвивъ: „съѣшь, коли любишь“,—а другой взяла себѣ.— Вотъ,—продолжала она, помолчавъ не много,—я и сама узнаю сейчасъ, любишь-ли? Она развернула бумажку, которая была снята съ ея леденца, и протянула ему.

— Читай, что написано!

Панька звонко разсмѣялся такому неожиданному приказанію, но взялъ бумажку и громко прочелъ бывшую на ней надпись: *„судьба послала вамъ истиннаго друга, который, отдавъ вамъ свое сердце, привязанъ къ вамъ всей душой“*.

— Неужто не врешь?—вскричала обрадованная дѣвочка, всплеснувъ руками. — Развѣ и вправду это самое написано, или ты изъ себя сочинилъ?..

— Читай сама, коли не вѣришь!..

— Да я не умѣю!—грустно замѣтила Манька.—Ну, да все равно, я покажу теткѣ — та прочтетъ. И ужъ если правда, что ты вычиталъ сейчасъ, значитъ и въ самомъ дѣлѣ меня любишь, жизненочекъ ты мой!.. я котика своего такъ зову— пояснила она—онъ мой любимчикъ былъ, а теперь ужъ ты будешь, Паня...

Такъ весело бесѣдовали ребятишки, и время летѣло незамѣтно. Наконецъ Панька поднялся и сталъ прощаться, какъ взрослый, протянувъ руку дѣвочкѣ.

— Когда же опять придешь?—спрашивала она, провожая его до калитки.—Приходи скорѣе, а то я скучать буду, если опять долго не придешь...

— А ты сама приходи въ нашу улицу—вотъ и увидимся! посовѣтовалъ ей мальчикъ и подробно объяснилъ, гдѣ живетъ.

Дѣвочка обѣщала и друзья разстались.

Панька нѣсколько разъ оборачивался, идя по улицѣ, въ надеждѣ увидѣть у калитки Маньку, но ея не было. Проводивъ его, веселая дѣвочка убѣжала въ домъ.

V.

Черезъ полчала Марковна возвратилась изъ церкви, и на столѣ у ней весело шумѣлъ пузатый, начищенный самоваръ. Сама хозяйка помѣщалась за столомъ, покрытымъ чистой салфеткой, и что-то вязала, медленно перебирая громадными спицами. Въ углу, противъ оконъ, громко и мѣрно чикали старинные часы съ длиннымъ маятникомъ и большими гирями на цѣпочкахъ, не уступавшихъ по размѣрамъ якорнымъ цѣпямъ на баркахъ. На окнахъ стояли горшки съ неизбѣжной геранью и фукціей въ цвѣту, а на стѣнахъ красовались виды какихъ-то двухъ монастырей, въ черныхъ рамахъ подъ стекломъ и три олеографическихъ преміи разныхъ журналовъ. Правый передній уголъ сплошь былъ занятъ множествомъ образовъ въ окладахъ, кіотахъ и безъ нихъ, которые висѣли направо и налѣво, и передъ каждымъ изъ нихъ помѣщалось по лампадкѣ. Наканунѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней, а также во время раннихъ обѣденъ въ самые праздники, всѣ эти лампады затеплялись и тогда въ маленькой комнатѣ становилось также свѣтло и душно, какъ въ церкви въ христовскую заутреню. У самаго большого образа, находившагося посрединѣ, въ углу, лампадка и стаканчикъ были синяго стекла, а снизу привѣшено было фарфоровое, золоченое яицо, съ голубымъ бантикомъ внизу. Сверху образа торчалъ пучокъ засохшей вербы, густо покрытой паутиной. На правой отъ входа стѣнѣ висѣли: зеркало, засиженное мухами, портретъ красками

покойнаго мужа хозяйки, дьячка Іакова Невредженнаго, который изображенъ былъ въ подрясникѣ, съ заплетенными косичками и такъ называемой „козлиной бородкой“, правая рука дьячка покоилась на книгѣ въ кожаномъ переплетѣ съ мѣдными застежками, на корешкѣ которой была надпись славянскими буквами „Апостолъ“. Внизу портрета, какъ разъ на лѣвомъ рукавѣ изображеннаго лица виднѣлась подпись живописца: „писалъ Скосыревъ Андрей въ 1859 году“. У той-же стѣны помѣщался комодъ корельской березы въ три ящика, покрытый бѣлой вязаной салфеткой. На комодѣ стояла дешевенькая лампа съ бѣлымъ фарфоровымъ абажуромъ и гипсовая статуетка какого-то архіерея въ монашескомъ клобукѣ. У противоположной стѣны стояла горка со стекляннымъ верхомъ, на полкахъ которой красовалась разнообразная чайная посуда, вазы для варенья и чайныя и столовыя ложки; тамъ-же виднѣлись три засохшихъ просфоры. На возсѣдавшей у стола Марковнѣ были большія круглыя очки, въ мѣдной оправѣ; по временамъ она поднимала ихъ на лобъ и пристально смотрѣла по сторонамъ, щуря выцвѣтшіе, тусклые глаза; затѣмъ старуха стягивала кожу на лбу и очки сами собой опускались на свое мѣсто, осѣдлывая большой, сморщенный носъ.

— Чтой-то ты, дѣвушка, чаю не пьешь?—спросила Марковна Маньку, которая стояла у окна и барабанила пальцами по стеклу.—Вишь и самоваръ у насъ шумѣть перестаетъ...

Дѣвочка обернулась къ старухѣ.

— Мнѣ что-то не хочется, Акулина Марковна,—отвѣтила она, но все-таки присѣла къ столу.

— Съ чего не хочется, глупая: пей!—Она налила чашку и придвинула къ дѣвочкѣ, а сама опять принялась за свое вязанье.

Манька не спѣша выпила чай и принялась мыть посуду, закрывъ самоваръ. Старуха продолжала вязать, громко вздыхая по временамъ. Въ комнатѣ воцарилась тишина, среди которой часы чикали, казалось, громче обыкновеннаго. Такъ прошло съ часъ. Старуха протяжно зѣвнула, трижды перекрестила ротъ и сложила вязанье. Вставъ изъ-за стола, она пристально взглянула на свою питомицу, которая, низко склонясь надъ столомъ, прилежно подрубала своими тоненькими, маленькими пальчиками какую-то скатерть, пришпиливъ ее къ столовой салфеткѣ.

— Не устала еще?—отрывисто спросила Марковна.

— Нѣтъ, отвѣчала Манька, вскидывая на хозяйку свои черные, лучистые глаза съ длинными, красивыми рѣсницами.

— То-то. А я свою работу, дѣвонька, покончила; пока что, пойти, развѣ, въ огородъ?—и старуха медленно вышла изъ комнаты.

Манька вынула изъ кармана своего платьица конфектный билетикъ, прочитанный Панькой, и стала смотрѣть на печатныя строчки, смыслъ которыхъ былъ невѣдомъ для нея. „Вышло-то вѣдь какъ хорошо, размышляла дѣвочка, будто и въ правду объ насъ: „истиннаго друга послала судьба, привязаннаго къ вамъ всей душой“ — вспомнила она содержаніе надписи. Чудно, право, чудно!.. это вѣдь, Панька, значитъ, мой другъ“. Манька еще разъ повернула узенькую полоску бумаги, разгладила ее на столѣ и спрятала въ карманъ, продолжая мечтать о дорогомъ для нея мальчикѣ.

А Панька, веселый и оживленный, возвратился домой, къ теткѣ Степанидѣ, уже успѣвшей тѣмъ временемъ сладко вздремнуть. Радостно обнялъ ее мальчикъ и громко запѣлъ. Степанида, видимо обрадованная перемѣной, происшедшей съ ея любимцемъ, погладила его по головѣ и предложила поужинать.

— Ладно, тетенька, давай, родная, поужинаемъ: мнѣ и въ самомъ дѣлѣ поѣсть захотѣлось, сказалъ мальчикъ. Крестница старухи, хорошенькая Таня, накрыла на столъ и обитатели маленькаго домика мирно принялись за скромную трапезу.

VI.

Не разъ уже впослѣдствіи навѣщалъ Панька свою подругу, даже и въ присутствіи самой Марковны, которой онъ понравился съ самаго начала, и поэтому старуха не препятствовала свиданіямъ маленькихъ друзей. А Паньку все тянуло и тянуло неудержимо въ домикъ дьячихи, и онъ считалъ безполезно потерянною ту недѣлю, въ которую ему почему-либо не удавалось побывать въ гостяхъ у своей Маньки.

Занятія у чиновника-птицелова Подшивалова Панька продолжалъ, однако, по прежнему. Учитель началъ объяснять ему географію по старому учебнику начала пятидесятыхъ годовъ,

радуясь, что Панька отлично запоминаетъ все разсказанное и прочитанное, и проситъ „идти дальше по книжкѣ“. Отъ географіи они перешли къ исторіи, начавъ съ древней русской. Любознательный мальчикъ жадно заслушивался своего учителя, когда тотъ разсказывалъ ему про набѣги Святослава со своей лихой дружиной и подвиги Олега, Ольги и Владиміра. Даже во время птичьей ловли, Панька неотступно просилъ Аристарха Иваныча разсказать ему что-нибудь новенькое изъ далекой старины, и послѣ уроковъ, когда мальчикъ оставался дома одинъ, долго-долго ему казалось, что вокругъ него стоитъ стонъ сѣчи Святославовой дружины съ дикими печенѣгами, или что онъ самъ, собственною персоной, идетъ въ дружинѣ великаго князя Владиміра, краснаго солнышка русской земли... Не вызываемый никѣмъ, Панька по собственному почину принимался передавать „своими словами“ разсказы учителя тетушкѣ Степанидѣ и ея крестницѣ Танѣ, также интересовавшейся повѣствованіями мальчика о давно минувшихъ временахъ.

Между тѣмъ надъ головами нашихъ героевъ собиралась туча. Въ городъ Н. еще весною, въ концѣ мая, пріѣхала изъ столицы, провести лѣто у себя въ подгородной усадьбѣ, нѣкая богатая барыня-благотворительница, Елена Владиміровна Зацѣпина. Какъ-то случайно, выходя изъ мануфактурнаго магазина въ гостинномъ дворѣ, гдѣ эта барыня забирала разные ситцы и сарпинки для прислуги и „своихъ бѣдныхъ“, она встрѣтила нашего Паньку, въ упоръ смотрѣвшаго, стоя по срединѣ улицы, на незнакомую ему и разодѣтую „по послѣдней модѣ“ барыню.

— Ишь ты, что сорока вырядилась!—выговорилъ Панька вполголоса, не думая о томъ, что его могутъ услышать. Слышала-ли Зацѣпина это нелестное для себя замѣчаніе мальчугана, или нѣтъ — осталось неизвѣстнымъ, но она, видимо, заинтересовалась, въ свою очередь, Панькой и, приблизясь къ нему, ласково спросила:

— Какъ васъ зовутъ, мальчикъ?

— А вамъ на что же?—вопросомъ отвѣтилъ онъ.

— Мнѣ? — она прищурила глаза — узнать интересно. Я васъ,—неожиданно для самой себя, придумала барыня,—хотѣла попросить помочь мнѣ донести вотъ это!—сказала она,—указывая на свертокъ, бывшій у ней въ рукахъ. Остальное мнѣ

пришлютъ изъ магазина на домъ, пояснила она для чего-то, а это я съ собой взяла.

Панька угрюмо молчалъ, не рѣшаясь оказать просимой услуги.

— Что же вы, развѣ не хотите мнѣ помочь, мой милый? продолжала Зацѣпина, укоризненно качая головой.

— Отчего не донести?—рѣшился, наконецъ, отвѣтить Панька, донести можно, да только вы, поди, далеко живете? Мнѣ не свободно идти, если далеко, свое дѣло есть...

— Скажите пожалуйста: у него „дѣла“!—весело разсмѣялась нарядная барыня. Это мнѣ начинаетъ нравиться!.. Ну, если не секретъ, скажите же мнѣ, какія у васъ дѣла, мальчикъ, да кстати, скажите же, наконецъ, какъ васъ зовутъ?..

— А ежели смѣяться будете, такъ я и вовсе не понесу, заявилъ сконфуженный Панька и хотѣлъ уже возвратить взятый имъ свертокъ, но барыня замолчала и скорыми шагами пошла впередъ, опираясь на зонтикъ и волоча свой шлейфъ по пыльному тротуару. Мальчикъ нехотя послѣдовалъ за ней.

Пройдя нѣсколько улицъ, барыня вдругъ обернулась и, остановясь, опять спросила Паньку:

— Какъ же звать васъ, мальчикъ? Неужели вы такъ и не хотите сказать мнѣ свое имя и фамилію?..

— Ишь пристала,—подумалъ Панька, сердито взглядывая изъ подлобья на госпожу. И чего ей отъ меня надобно? вотъ чудная-то, право! однако отвѣтилъ:

— Зовутъ меня Панькой, Павломъ то-есть, а фамиліи у меня нѣтъ никакой...

Барыня удовольствовалась объясненіемъ и, какъ бы про себя, сказала: „Панька! какое хорошенькое у него имя Панька! точно Паинька, не слыхала я этого раньше никогда“...

Безъ дальнѣйшихъ приключеній, молча дошли они до усадьбы Зацѣпиной, находившейся отъ города въ полутора верстахъ. Мальчикъ, не говоря ни слова, отдалъ барынѣ свертокъ, когда они приблизились къ воротамъ „чистаго двора“, и хотѣлъ уже уходить, но Зацѣпина остановила его.

— Послушайте, послушайте, мой другъ!—заговорила она,— неужели вы такъ и уходите, даже не простясь со мною? Позвольте же мнѣ, въ такомъ случаѣ, хотя поблагодарить васъ за труды, — добавила она, вынувъ изъ портмоне нѣсколько серебряныхъ монетъ, и протянула ихъ Панькѣ.

— Мнѣ не нужно! покачалъ мальчикъ головой; какіе тутъ труды, просто прогулка, вотъ и все! — я не за деньги несъ!.. Прощайте, барыня, будьте здоровы!..

Онъ приподнялъ свой картузикъ и быстро зашагалъ по дорогѣ къ городу. Барыня такъ и осталась съ протянутой рукой, удивленная и раздосадованная отказомъ мальчика получить плату за свой трудъ.

Эта встрѣча имѣла роковыя послѣдствія для нашего героя. Не прошло и недѣли, какъ та же барыня, неизвѣстно, какимъ образомъ, розыскавшая жилище Паньки, постучалась въ калитку дома Степаниды, и когда ей отворила крестница старухи, Таня, миловидная дѣвушка, съ карими глазами и роскошной русой косой, то незнакомка спросила у нея, „не здѣсь ли живетъ мальчикъ Паня?“

— Панька? живетъ, здѣсь и живетъ,—утвердительно отвѣтила Таня, улыбаясь и обнаруживъ прелестные, мелкіе зубки.— А вамъ на что же его, сударыня?.

— Такъ, нужно!—Барыня поднялась на крыльцо во дворѣ и вошла въ домъ.

Панька оказался дома. Онъ сидѣлъ въ большой комнатѣ у окна и читалъ книгу, взятую его учителемъ изъ публичной городской библіотеки и данную для прочтенія мальчику.

— Ахъ, вотъ онъ самый и есть!—обрадовалась Зацѣпина, увидѣвъ его.—Здравствуйте, Паня, здоровы ли вы?—спрашивала его Елена Владиміровна, садясь безъ церемоніи на ближайшій стулъ.—Вы, вѣроятно не ожидали, мой милый, что я васъ розыщу? а, признайтесь, что не ожидали?—Она вынула лорнетъ и оглядывала мальчика почти въ упоръ, щуря свои красивые глаза.

Панька, дѣйствительно, былъ не мало удивленъ неожиданнымъ появленіемъ барыни, которая и тогда почему-то не совсѣмъ понравилась ему, а теперь еще вздумала зачѣмъ-то его розыскивать. Онъ всталъ, молча ей поклонился и вопросительно смотрѣлъ на непрошенную гостью.

— Вы, я знаю, думаете теперь про меня, — продолжала Зацѣпина:—„Что это ей вздумалось къ намъ придти?“ вѣдь правда? угадала я, или нѣтъ? ну, признайтесь же, голубчикъ, по правдѣ, я прошу васъ!..

— Конечно, я не зналъ, что вы придете сюда!—спокойно

отвѣтилъ, наконецъ, мальчикъ, придя въ себя. — Развѣ я опять вамъ понадобился?..

Зацѣпина улыбнулась.—А если и такъ?—спросила она,—надѣюсь, вы не претензіи на меня за это. У меня и въ самомъ дѣлѣ есть къ вамъ дѣло. Хотите вы выслушать меня, нелюбезный хозяинъ?..

— Мы здѣсь не хозяева,—сказалъ ей Панька,—я только живу здѣсь, а домъ не нашъ—теткинъ...

— Это для меня безразлично. Я къ тому говорю, что вы, видимо, не рады моему приходу, хотя, можетъ быть, и желаете это скрыть!—натянуто смѣялась Елена Владиміровна и принялась осматривать комнату. Въ глаза ей бросились рисунки мѣломъ и углемъ на нештукатуренной стѣнѣ, произведенія Панькиной фантазіи.

— Кто это рисуетъ, моя милая?—спросила Зацѣпина, обращаясь на этотъ разъ къ Танѣ, молча присутствовавшей при разговорѣ незнакомой барыни.

— Рисуетъ кто? а это вотъ онъ, Панька рисовалъ.

— Вотъ какъ! Да вы, ей-Богу, талантливый мальчикъ,—удивлялась она, разсматривая рисунки, начерченные въ нѣсколько рядовъ, какъ-бы ярусами, на стѣнѣ.—Кто же училъ васъ рисовать, мой милый? Сами выучились, а? это еще больше дѣлаетъ вамъ чести, увѣряю васъ.

Панька молча выслушалъ эти похвалы, не поддаваясь на ласковое обращеніе съ нимъ красивой барыни.

Бесѣду ихъ прервала сама Степанида, появившаяся въ дверяхъ и съ изумленіемъ смотрѣвшая на незнакомку, разговаривавшую съ ея питомцемъ. Зацѣпина замѣтила ее.

— Здравствуйте, матушка! Вѣрно вы-то и есть хозяйка этого дома? — спросила она старуху, отвѣсившую ей низкій поклонъ.

— Мы самые,—подтвердила Степанида, степенно поджимая губы.—А вы что же, сударыня, по дѣлу къ намъ развѣ?..

— Я? нѣтъ. Видите ли, мнѣ вашъ жилецъ, вотъ онъ,—показала она взглядомъ на Паньку, почему-то улыбнувшагося въ это время,—оказалъ мнѣ недавно услугу: помогъ мнѣ, да такъ и ушелъ, не захотѣлъ даже, чтобы я поблагодарила его за это,—разсказывала Зацѣпина внимательно слушавшей ее Степанидѣ, которой Панька тогда же, въ день встрѣчи съ Зацѣпиной, разсказалъ объ этомъ.

— Ну-съ, такъ что же?—рѣшилась спросить Степанида.

— Вотъ я и вздумала его сама розыскать, вашего воспитанника... Онъ вѣдь воспитанникъ вашъ, если не ошибаюсь?

Старуха кивнула головой.

— Какъ-же: мой, мой, это вѣрно. Только... вотъ одно мнѣ не въ домекъ: на что же онъ вамъ теперь понадобился?—недовѣрчиво, точно боясь чего-то, спросила Степанида.

— О, успокойтесь!—поспѣшила завѣрить барыня, понявъ, что старуха опасается ее,—я никакого вреда не сдѣлаю ему! онъ просто понравился мнѣ очень, вашъ мальчикъ. Не могли я быть ему полезной чѣмъ-нибудь, чтобы отплатить услугой за услугу, если онъ, гордецъ, не захотѣлъ взять тогда отъ меня на гостинцы?—Она засмѣялась, переведя глаза на угрюмо молчавшаго Паньку.

— Вреды-то ему и не за что, кажись бы, дѣлать, матушка барыня!—отвѣтила Степанида,—сирота вѣдь онъ, ни отца, ни матери! А коли добро хотите сдѣлать мальцу, такъ спасибо на томъ, хоша и не вѣсть какую услугу онъ вамъ оказалъ, что вещи ваши до дому донесъ. Что же вы именно надумать изволили?..

— Видите ли,—помолчавъ, отвѣтила Елена Владиміровна,—не хочетъ ли онъ, вашъ Паня, чтобы я его помѣстила куда нибудь въ учебное заведеніе! Здѣсь онъ пропадетъ безъ пользы для общества, не получивъ образованія; а между тѣмъ у него и талантъ къ тому же есть: вотъ онъ, оказывается, и рисовать большой любитель.

— Это вы не про пачкотню ли евоную говорите, сударыня? Такъ, смѣю вамъ сказать, вздоръ это одинъ только, баловство, то есть. Стѣны мнѣ только мараетъ зря! Я ужъ не разъ ему и выговаривала, признаться, за это писанье,—не то шутя, не то серьезно жаловалась старуха.—А вы говорите—таланъ!.. Не великъ таланъ стѣны углемъ пачкать, да какихъ-то чертей мазать, прости Господи!..

Однако, въ концѣ концовъ, визитъ Зацѣпиной такъ и окончился ничѣмъ, къ великой ея досадѣ,—такъ какъ она вообразила, что Паня очень талантливый мальчикъ, и что она, Елена Владиміровна Зацѣпина, окажетъ большую услугу обществу, выведя такого мальчика въ люди. Но, несмотря на всѣ ея, казалось бы, крайне выгодныя предложенія, Степанида не пожелала отпустить мальчика въ Петербургъ; она, дѣйствитель-

но, очень привыкла къ нему и, несмотря на частую свою воркотню, любила его, какъ родного сына.

VII

Дѣло, однако, не остановилось на этомъ визитѣ. Зацѣпина была слишкомъ настойчива, чтобы такъ скоро отступиться отъ осуществленія задуманнаго ею „спасенія“ мальчика отъ окружающей его среды. Она недоумѣвала только, почему такъ крѣпко обороняла его хозяйка маленькаго домика, по всей видимости, женщина бѣдная, которая, по мнѣнію Зацѣпиной, казалось, должна была бы радоваться возможности сбыть „лишній ротъ“ на чужія руки... „А его-то самого что же удерживаетъ дома?“ размышляла благотворительница. „Неужели?!. О, нѣтъ! быть не можетъ: это было бы крайне смѣшно въ его годы! Неужели онъ влюбленъ въ эту русую дѣвушку, Таню, отворявшую мнѣ дверь? Ну, да, конечно; какъ это сразу не пришло мнѣ въ голову... вотъ поэтому-то онъ и не хочетъ покидать свою старую покровительницу. Это ясно, какъ день! Влюбленъ, влюбленъ разумѣется, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія!“ рѣшила барыня, и тогда же задумала дѣйствовать по другому плану. Проживавшая у нея на правахъ экономки нѣкая Аполлинарія Осиповна Птицына вскорѣ же была командирована Еленой Владиміровной въ домъ Степаниды, съ спеціальной цѣлью попросить хозяйку дома отпустить къ ней ненадолго крестницу ея Таню. Немало удивились обитатели маленькаго домика, когда госпожа Птицына изложила имъ свою миссію.

— И пристала же къ намъ эта барыня, прости Господи, какъ банный листъ!—съ досадою воскликнула Степанида.— Теперь ужъ не тебя ли, Танюша, задумала къ себѣ перезывать?..

Долго еще сердито ворчала старуха, уйдя за перегородку въ свою спальню, но, въ концѣ концовъ, рѣшилась отпустить къ барынѣ свою крестницу, наказавъ ей только, строго-настрого, не мѣшкать, и сейчасъ же возвращаться домой, когда узнаетъ, зачѣмъ понадобилась она барынѣ-чудачкѣ. Танюша скорехонько одѣлась и отправились къ Зацѣпиной вмѣстѣ съ ея экономкой.

Дѣвушку провели къ Еленѣ Владиміровнѣ, сидѣвшей на балконѣ съ французскимъ романомъ въ рукахъ.

— Здравствуйте, моя милая!—привѣтливо отвѣтила она на поклонъ Тани.—Я очень рада, что вы пришли сюда, моя голубушка. Садитесь пожалуйста! — приглашала она, указывая конфузившейся дѣвушкѣ рукою на мягкій плетеный стулъ возлѣ себя.

— Ничего-съ, сударыня, мы и постоимъ!—скромно отвѣтила Таня.

— Нѣтъ, зачѣмъ же стоять? Такъ неловко и разговаривать.. садитесь же, я говорю, не стѣсняйтесь.

Дѣвушка повиновалась.

— Я, видите ли,—продолжала Зацѣпина, — хотѣла васъ повидать затѣмъ, чтобы узнать, во первыхъ, не передумала ли ваша крестная мать свое рѣшеніе относительно Пани, и во вторыхъ...

Она нѣсколько замялась.

— Во вторыхъ, я лично отъ васъ самой хотѣла бы узнать, что за причина такого рѣзкаго отказа со стороны вашей „крестной“ на мое предложеніе?.. Повѣрьте, что кромѣ пользы и искренняго желанія добра мальчику я ничего не хочу. За что же мнѣ не вѣрятъ?.. Какъ, наконецъ, смотритъ на это самъ Паня? Не говорилъ ли онъ вамъ что-нибудь послѣ нашего свиданья? Скажите мнѣ, душенька, по правдѣ.

Таня, все время внимательно слушавшая вопросы хозяйки, подтвердила ей, что Степанида не перемѣнила своего рѣшенія, отпустить мальчика не хочетъ, да и самъ онъ очень желаетъ остаться у нихъ... „Вотъ ей Богу-съ, правда!“ даже побожилась дѣвушка. Елена Владиміровна не удовольствовалась, однако, такимъ объясненіемъ. Помолчавъ, она снова принялась распрашивать Таню, въ надеждѣ выпытать то, что—какъ казалось ей, по крайней мѣрѣ—дѣвушка скрываетъ отъ нея.

— Послушайте, милое мое дитя,—говорила Зацѣпина,—мнѣ интересно, наконецъ, знать ваше собственное мнѣніе объ этомъ дѣлѣ. Скажите откровенно, сами вы, если бы предложить вамъ, согласились ли бы вы поѣхать со мною, напримѣръ, хоть въ Петербургъ?..

Таня улыбнулась и сказала, что она, конечно, согласилась бы, но вѣдь не ее зовутъ, а Паньку.

Такой отвѣтъ, видимо, понравился Зацѣпиной.

— Ну, вотъ видите,—сказала она,—значитъ вамъ нравится то, что я предлагаю. Слѣдовательно вы умная дѣвочка и довѣряете мнѣ, Таня; почему же вашъ товарищъ не хочетъ согласиться на мою просьбу?..

— Я не знаю,—отвѣчала дѣвушка:—это его дѣло.

— Не знаете, да? Ну, такъ вотъ что: вы мнѣ сдѣлаете большое, большое удовольствіе, моя голубушка, если уговорите упрямца ѣхать со мною и поступить въ школу. Поймите, душа моя, вѣдь онъ тогда хоть въ люди выйдетъ, „человѣкомъ“ сдѣлается, чѣмъ прозябать въ этой глуши. Право же, мнѣ кажется почему-то, что онъ послушается вашего совѣта. Вѣдь вы друзья, конечно, съ нимъ?..

— Да что же-съ? Ссориться не ссоримся, ладно живемъ,— просто отвѣчала Таня,—онъ меня не обижаетъ, а я—его. Извѣстно, только поспоримъ развѣ когда, изъ за пустяковъ больше, а то—нѣтъ, мирно, говорю, живемъ... Только онъ, знаете, чудной такой, этотъ Панька,—разговорилась дѣвушка.—У него съ уличными мальчиками дружбы нѣтъ, не то что что. Другіе вонъ у насъ, въ городѣ, мальчишки, всѣ до единаго, почитай, озорники: либо каменьями въ прохожихъ кидаются, а нѣтъ—такъ землей, да пескомъ въ глаза запустятъ, особливо если женщинѣ, или старухѣ какой, которая имъ больше подъ силу; кинутъ, да сами и разбѣгутся въ стороны. А то, такъ кошекъ начнутъ травить, собакъ это на нихъ узыкаютъ, либо въ окна по вечерамъ станутъ стучать въ незнакомыхъ домахъ, а нѣтъ—въ звонокъ шибко-нашибко дернутъ, ну, извѣстно, выскочатъ изъ дому хозяева или прислуга, перепугаются, а они еще крикнутъ что есть мочи: „пожаръ!“ да и удерутъ сейчасъ же, чтобы не изловили. Извѣстно—баловники! Ну, а нашъ Панька не водится съ ними. Онъ либо книжки читаетъ, а нѣтъ—такъ птицъ ловятъ съ чиновникомъ тутъ съ однимъ. Тоже смѣшной такой старикъ! Научилъ его, Паньку-то нашего, изъ картона домики дѣлать, игрушечные,—ну, вотъ этимъ и забавляются себѣ всласть. А озоровать онъ не любитъ, Панька; врать нечего—не баловной мальчикъ. За это его и маменька крестная любитъ; ей даже изъ божественнаго почитываетъ, когда попроситъ; она „смерть“ у насъ это любитъ, какъ божественное что читаютъ...

Барыня со вниманіемъ слушала повѣствованіе Тани и порой улыбалась.

— Очень ужъ смѣшно вы про мальчиковъ разсказываете!— замѣтила она.—Да, такъ по вашимъ словамъ выходитъ, что Паня смирный, не буянъ, а умница. Вотъ и мнѣ, Танечка, онъ за это полюбился, и какъ же, право, жалко будетъ, если мнѣ такъ и не удастся его въ люди вывести. Право, досадно! Ну, да я увѣрена, что вы его уговорите. Я за это вамъ большое спасибо скажу, моя милая, и пришлю вамъ изъ Петербурга хорошенькое платье съ отдѣлкой. Вѣдь вы, конечно, любите наряды? Не правда ли?.. Вы и сами такая хорошенькая, да молоденькая!

Обѣщавъ ласковой барынѣ оказать посильное содѣйствіе къ уговору Паньки, дѣвушка подумала, что вотъ ужъ много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ она здѣсь, и поэтому, помня наказъ Степаниды, поднялась со стула и простилась съ Еленой Владиміровной, которая сунула ей въ руку бумажку, промолвивъ: „это вамъ на гостинцы!“ и взяла съ нея обѣщаніе придти сюда еще разъ, чтобы принести отвѣтъ.

Но, прошла еще недѣля, и, увы! Таня сообщила Зацѣпиной, положительный отказъ Пани ѣхать съ ней куда-либо.

— Уговаривала я его не разъ, милая барыня!—говорила она,—куда—и слышать не хочетъ! „Поѣзжай, говоритъ, сама, коли тебѣ охота, а я не хочу, вотъ тебѣ и весь сказъ отъ меня. Больше не приставай, а нѣтъ—побью!“ Право, такъ и сказалъ, конечно, пристрастить хотѣлъ, а драться-то онъ не станетъ. Я ужъ и рѣчи, признаться, послѣ того съ нимъ не заводила объ этомъ, а то еще, взаболь, разсердится, думаю, либо маменька крестная узнаетъ, что пристаю къ нему—тогда и мнѣ отъ нея попадетъ пожалуй... Ужъ вы извините, сударыня, что не смогла вамъ угодить, было моихъ стараньевъ, да все не въ прокъ. Уперся—и только, одно твердитъ: „не хочу“, больше и словъ нѣту никакихъ...

Казалось, другая на мѣстѣ Зацѣпиной оставила бы наконецъ мальчика въ покоѣ, не добиваясь насильно оказать ему благодѣяніе. Но Зацѣпина твердо дала себѣ слово—добиться своего, несмотря ни на какія препятствія. Планъ атаки снова былъ измѣненъ. Она обратилась за помощью къ знакомому ей уѣздному исправнику. Разсказавъ ему свои неудачныя попытки „устроить“ полюбившагося ей мальчика, госпожа Зацѣпина выразила надежду, что авось онъ, обязательный всегда и для всѣхъ monsieur Терентьевъ, постарается и ей оказать свое

содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ, уговоривъ глупую, выжившую изъ ума старуху отдать ей мальчика. Исправникъ, заинтересованный личностью Паньки, обрисованнаго ему Еленой Владиміровной какими-то розовыми красками, обѣщалъ. Въ ближайшій же праздничный день, онъ, по военному, не долго думая, вызвалъ Степаниду въ полицейское управленіе чрезъ полицейскаго служителя, напугавшаго старуху своимъ появленіемъ въ домѣ, не видавшемъ въ своихъ стѣнахъ полицейской власти. Когда Степанида, не на шутку встревоженная, явилась къ исправнику, онъ спросилъ ее:

— У тебя, почтенная, живетъ мальчикъ по имени Павелъ?

— У меня, батюшка, у меня!—послѣдовалъ отвѣтъ.

— Что же онъ тебѣ родня какая, или такъ? Есть у него родители?..

— Нѣтъ, никого нѣту: круглый сирота, ваше благородіе!

— Сирота, говоришь?—такъ что же тебѣ въ немъ, старая корга? Почему ты не хочешь отдать его на воспитаніе барынѣ тутъ одной, госпожѣ Зацѣпиной, моей знакомой, которая хочетъ его взять къ себѣ и опредѣлить въ учебное заведеніе. Говори, почему?..

Исправникъ, въ сущности очень добрый человѣкъ, постарался сдѣлать сердитое лицо.

— Да какъ же я отдамъ его, ваше благородіе?—въ свою очередь спросила Степанида.—Развѣ это собака, что: „на вотъ! взялъ да и отдалъ. Владѣй, дескать, на здоровье!“ Онъ вѣдь у меня давно ужъ проживаетъ, обиды отъ него никому нѣтъ, а обучить—такъ и безъ вашей барыни, дастъ Богъ, сами обучимъ; онъ грамотѣ и безъ того хорошо знаетъ, да сверхъ того четыре, никакъ, науки по разнымъ книжкамъ произошелъ съ учителемъ своимъ: первое законъ Божій, второе — исторію, третье—географію, четвертое — рехметику! высчитывала старуха.

Исправникъ пристально, но уже не сердясь, смотрѣлъ на упиравшуюся по своему, невзрачную женщину, глаза которой заискрились, и которая, видимо, готова была, какъ говорится, „грудью“ отстаивать свободу своего дорогого воспитанника.

— Все это глупости однѣ, старуха! — сказалъ наконецъ господинъ Терентьевъ.—Ну, чему, скажи на милость, онъ у тебя, старой корги, можетъ выучиться путному, да и когда

еще?—вѣдь ты посмотри на себя: не сегодня-завтра помрешь, тогда что съ нимъ будетъ, а?..

— Что это вы, батюшка, ваше благородіе, живого человѣка хоронить, прости Господи, удумали? сочла долгомъ обидѣться Степанида.—„Умру, вишь, скоро!“ въ животѣ и смерти Богъ одинъ воленъ, ваше благородіе, вотъ что! а я чужой вѣкъ, кажись, ничей еще не заѣла пока... Не во гнѣвъ буди вамъ сказано, батюшка, коли Богъ захочетъ, такъ можетъ и вы попережь меня помереть изволите, не смотря, что моложе меня. Это вѣдь, такое ужъ дѣло, что кажиному человѣку, всей твари земной, отъ Бога конецъ написанъ: какъ Онъ, батюшка, повелитъ — такъ и будетъ. Ну, а коли мнѣ и всамъ дѣлѣ помереть скоро суждено, такъ вѣдь свѣтъ не безъ добрыхъ людей: не дадутъ, чай, крещеные погибнуть мальцу; да и я оставлю ему кое-что, ему да кресенкѣ своей... А барыня ваша, чтобъ ей пусто было, пусть ужъ лучше въ другомъ мѣстѣ поищетъ охотниковъ дѣтей ей въ науку отдавать, коли Богъ своно ребенка ей не далъ!..“ — закончила старуха и низко поклонилась исправнику, намѣреваясь уходить, и какъ ни бился Иванъ Ивановичъ Терентьевъ, какъ ни уговаривалъ и даже стращалъ, по полицейской привычкѣ, Степаниду, желая исполнить просьбу Зацѣпиной, старуха продолжала стоять на своемъ, твердя одно, что мальчикъ никому не мѣшаетъ, живетъ смирно, и отдавать его „въ люди“ она не намѣрена. — „Ежели-же есть такой законъ, ваше благородіе, чтобы силкомъ отнимать дѣтей чужимъ людямъ, такъ берите его, а добромъ я его ни въ жисть не отдамъ, хоть вы озолотите меня сейчасъ съ ногъ до головы!“—энергично заключила Степанида свою бесѣду съ исправникомъ.

Такъ и пришлось отпустить упрямую старуху, не добившись никакого толку, къ немалой досадѣ исправника, уже предвкушавшаго было, до прихода Степаниды, горячія выраженія благодарности со стороны красивой барыни, въ случаѣ исполненія ея просьбы, а теперь не на шутку затруднившагося, какъ сообщить госпожѣ Зацѣпиной,—которую онъ очень уважалъ, зная къ тому же и связи ея въ столицѣ,—о неудачѣ своей миссіи.

Вѣроятно, всюду встрѣчаемый постоянный отпоръ ея намѣреній облагодѣтельствовать мальчика заставилъ бы, наконецъ, Зацѣпину покончить съ этимъ дѣломъ; но къ несчастію

нашего мальчика героя, въ это самое время произошло, повидимому, ничтожное событіе, результатъ котораго имѣлъ для Пани крайне печальный исходъ.

Былъ уже августъ въ началѣ, и Елена Владиміровна начала уже подумывать объ отъѣздѣ въ Петербургъ. Но, въ одно прекрасное утро, около полудня, къ ней явилась самолично Степанида, въ сопровожденіи своей крестницы Тани, указавшей ей усадьбу Зацѣпиной.

Когда барынѣ доложили, кто хочетъ ее видѣть, то она немедленно вышла въ переднюю и поздоровалась со Степанидой какъ со старой знакомой, въ полной увѣренности, что, та, вѣроятно, передумавъ, пришла сказать, что согласна отдать ей своего мальчика.

— Я къ вамъ, сударыня!—начала Степанида. — Скажите на милость, есть въ васъ Богъ, али крестъ на вороту?..

Барыня опѣшила.

— Что такое?—протянула она;—что вы сказали, любезная, я не поняла даже; въ своемъ-ли вы умѣ, почтенная?..

Глаза Зацѣпиной сверкнули гнѣвомъ.

— Я-то въ своемъ умѣ, — продолжала неустрашимо старуха;—слава Богу, пока помѣшанной добрые люди не считали! А вамъ такъ вотъ, видно, блажить охота, отъ бездѣлья, либо съ жиру...

— Вонъ, сейчасъ вонъ изъ моего дома, грубіянка!—вскричала Зацѣпина внѣ себя, топнувъ ногой. — Это еще что за дерзости такія? вы ужь не пьяны-ли, матушка моя?..

— Пьяна?!.—засмѣялась Степанида;—да, пьяна вѣрно, да только не съ вина, а съ горя.—Куда вы мальчика моего дѣвали? видно онъ вамъ, сударыня, какъ бѣльмо на глазу, помѣшалъ... Жили мы до вашихъ посѣщеньевъ тихо, смирно, безъ печали, и никому обиды не было отъ насъ. Нѣть, вѣдь, наказалъ, видно, Богъ за грѣхи, что васъ нанесло... „Отдай, да отдай мнѣ ребенка“,—выдумали что! — Даже исправнику пожалились, чтобы онъ меня припугнулъ,—не сдамся-ли, дескать, какъ нибудь. Да нѣтъ, вѣдь нынче, слава Создателю, не прежнія времена, не крѣпостные ваши! — Не удалось добромъ, такъ хитростью свое взять надумали: на-ка тебѣ! мальчика, какъ вещь какую, али щенка, украли у меня! Вторыя сутки какъ пропалъ, и слѣда нѣтъ нигдѣ: точно въ воду канулъ!..

— Пропалъ, вы сказали?—переспросила Зацѣпина, видимо удивленная и пораженная такимъ извѣстіемъ. Давно-ли же это случилось, разсказывайте скорѣй! Я рѣшительно ничего не знала объ этомъ, завѣряю васъ честью!—торопливо говорила она Степанидѣ, опускаясь на стулъ.

Старуха недовѣрчиво посмотрѣла на барыню, не зная, вѣрить ей, или нѣтъ? Но когда Елена Владиміровна еще разъ повторила, что ей ничего не было извѣстно объ исчезновеніи мальчика и даже поеожилась,—то Степанида сдалась наконецъ и, со слезами на глазахъ, повѣдала, что „вчера еще, рано утромъ, Паня ушелъ изъ дому, сказавъ, что пойдетъ къ своему учителю, Подшивалову, ловить съ нимъ птицъ, и вотъ, съ тѣхъ поръ, объ немъ ни слуху, ни духу.—Ужъ я и къ учителю-то ходила, но тамъ Панька вовсе и не бывалъ, „съ недѣлю, почитай, какъ не приходилъ“, говоритъ учитель. И у сосѣдей спрашивала, и въ монастырь ходила, за пять верстъ отсюда, куда раза два Панька со мной хаживалъ раньше, и тамъ нѣтъ его. Наконецъ—всяко вѣдь въ голову придетъ—и по рѣкѣ-то вдоль берега, далеко, далеко прошла, нѣтъ-ли гдѣ: думаю, можетъ, съ удочкой забавлялся, да грѣхомъ въ воду и упалъ. Такъ нѣтъ вѣдь: и слѣдочка никакого невидно, али одеженки какой; ничѣмъ ничего!.. Господи, Господи, ужъ и плакала же я это время, страсть какъ! Не повѣрите, сударыня—пуще сына родного жаль мнѣ Паньку; вѣдь и онъ, сердечный, меня любилъ за то, что я его, почитай, съ пеленокъ выпестовала!—сокрушалась старуха и горячія слезы текли по ея сморщеннымъ щекамъ.—Таня только вздыхала, молча присутствуя при разсказѣ своей „крестной“. Сначала, заслышавъ ссору ея съ барыней, дѣвушка не на шутку перепугалась, но затѣмъ, когда дѣло разъяснилось, она участливо слушала, очевидно, уже не въ первый разъ, повѣтствованіе старухи о томъ, какъ она повсюду разыскивала своего пропавшаго любимца.

Когда Степанида окончила, наконецъ, свой разсказъ и, безпомощно разведя руками, сказала, что не придумаетъ теперь что и дѣлать, — барыня задумалась и еще разъ переспросила какъ именно и давно-ли пропалъ полюбившійся ей Панька. Затѣмъ она подала совѣтъ старухѣ, какія мѣры слѣдуетъ принять еще къ розыску мальчика, и отпустила ее домой.

VIII.

Въ городѣ была ярмарка. На запасной площади, которая большею частью „стояла пустопорожней“ и только иногда, въ зимнее время, по базарнымъ днямъ, занималась непомѣщавшимися на другихъ двухъ площадяхъ возами съ сѣномъ, дровами, картофелемъ и прочими продуктами, привозимыми на продажу подгородными крестьянами, — теперь было выстроено по одной сторонѣ, въ рядъ, нѣсколько досчатыхъ балагановъ, карусель, двѣ пивныя, двѣ пирожныя и пышечныя лавки, рядомъ съ которыми помѣщалась „закусочная“, вся уставленная внутри столами и скамейками, окруженными свѣже-срубленными елками. Противоположная балаганамъ сторона занята была тремя десятками небольшихъ балаганчиковъ—навѣсовъ, въ которыхъ городскія бабы торговали такъ-называемой „бакалеей:“ пряниками, орѣхами, леденцами, стручками, подсолнечниками, пастилой, шепталой и тому подобнымъ добромъ; далѣе по той же линіи помѣщались крендельщики, торговцы косами и желѣзными издѣліями, лавки съ сапогами и башмаками, фуражечная лавка, „покупка и продажа разныхъ книгъ“, какъ гласила вывѣска, и три или четыре лавки съ „краснымъ товаромъ“. У балагановъ же ютились мороженщики, торговцы баварскимъ и клюквеннымъ квасомъ, спичками и папиросами, и два мужичка: одинъ — съ птичками, вынимавшими желающимъ „за пятачекъ счастье“, а другой показывалъ панораму-раекъ, съ платою по три копѣйки со зрителя; раекъ этотъ всегда былъ окруженъ мальчишками, мастеровыми, горничными и солдатами „мѣстной команды“; вся эта веселая публика лущила на пропалую „сѣмячки“ и поощряла одобрительными возгласами и раскатистымъ дружнымъ смѣхомъ повѣствованіе „раешника“. Такая же толпа, еще гуще, съ прибавленіемъ деревенскихъ бабъ, дѣвушекъ и крестьянъ вообще, цѣлыми часами выстаивала передъ балаганомъ съ „Петрушкой“. У этого балагана, раскрашеннаго въ синій цвѣтъ и содержимаго какимъ-то не то нѣмцемъ, не то евреемъ и венгерцемъ, надъ входомъ была устроена галлерея съ лѣсенкой, для „комическаго выхода всей труппы“, повторявшагося чрезъ каждый часъ; въ промежутки же, между „выходами“, когда въ бала-

ганѣ шло представленіе, толпу потѣшалъ „Петрушка“ своими разсказами. Труппа состояла изъ двухъ взрослыхъ, дюжихъ гимнастовъ, четырехъ мальчиковъ въ трико тѣлеснаго цвѣта, трехъ гимнастокъ-дѣвицъ: брюнетки, русой и рыжей, съ толстыми икрами и подмалеванными щеками; затѣмъ слѣдовали: „Петрушка“, кассирша съ подвязанной щекой и кожаной сумкой черезъ плечо, соединявшая съ этой должностью еще и должность шарманщицы; два „зазывальщика“, изъ которыхъ одинъ бритый и смуглый, смахивалъ на цыгана, другой же кудрявый, тонкій и высокій, съ веселымъ лицомъ и голубыми глазами, былъ нѣмецъ, но почему-то съ мѣдной серьгой въ ухѣ. Труппу завершалъ самъ хозяинъ, толстый, на короткихъ ногахъ, сутуловатый мужчина, неизвѣстной національности, лѣтъ 45-ти, съ глазами на выкатѣ, точно кто его треснулъ сейчасъ по затылку или онъ подавился, съ бритыми щеками, отливавшими синевой, и горбатымъ носомъ фіолетоваго цвѣта. Хозяинъ вѣчно курилъ дешевую сигару, и, когда представленія шли хорошо, зрителей было много, а, слѣдовательно, въ кассѣ водились деньги, — то посылалъ каждую четверть часа одного изъ зазывальщиковъ въ пивную „за парой пива“; тотъ приносилъ бутылки и ставилъ ихъ на попорченную шарманку, помѣщавшуюся у входа, возлѣ столика съ кассой и билетами. Тутъ же, на виду „почтеннѣйшей публики“, Карлъ Ивановичъ — такъ звали всѣ хозяина — наливалъ пѣнистое пиво и, стаканъ за стаканомъ опрокидывалъ въ ротъ, оставляя послѣдніе полстакана зазывальщику, за его труды по доставкѣ. Послѣ шести или восьми выпитыхъ имъ бутылокъ, слѣдовалъ часовой антрактъ, посвящаемый Карломъ Ивановичемъ на приносимый изъ ближайшаго трактира обѣдъ съ водкою, послѣ котораго, вплоть до окончанія представленій, т. е. до 11 часовъ вечера, пивопитіе продолжалось уже безъ перерыва, такъ какъ этотъ напитокъ, очевидно, замѣнялъ Карлу Ивановичу чай, кофе и разные прохладительные напитки. Содержатель балагана, зная свой ненасытный аппетитъ по этой части, передъ начатіемъ ярмарки, вошелъ съ однимъ изъ мѣстныхъ портерщиковъ, открывшимъ пивныя лавки, въ соглашеніе, выразившееся уступкою ему цѣлыхъ двадцати процентовъ противъ розничной продажи съ той суммы, на которую будетъ забрано пива за всю ярмарку. У этого Карла Ивановича дѣла шли лучше всѣхъ содержателей увеселительныхъ балагановъ, не

исключая и карусельщиковъ, и вообще онъ, какъ шли слухи, давно уже зарабатывалъ на разныхъ ярмаркахъ „хорошую деньгу“. Мѣстная публика, большинство которой составляло простонародье, такъ и „валила валомъ“ въ балаганъ, забирая у кассирши карточные билетики. За входъ бралось двояко: первыя мѣста, со скамейками, шли по двугривенному, за вторыя, гдѣ надо было стоять, взималось по гривеннику, а съ выпившихъ слегка бралось вечерами подешевле, „дѣти и нижніе чины“ платили половину, а полицейскіе служители, ихъ жены и знакомыя „дамы“, проводимыя подъ видомъ „сестеръ“, пользовались безплатнымъ входомъ какъ на дневныя, такъ и на вечернія представленія. Шарманка начинала скрипѣть и визжать, громко звучали затѣмъ всѣмъ знакомые мотивы, зазывальщикъ бралъ веревочку отъ висѣвшаго тутъ же порядочныхъ размѣровъ колокола и неистово позвякивалъ имъ минуты двѣ-три, провозглашая съ перерывами, осипшимъ съ усталости и вина голосомъ: „пожалуйте, господа кавалеры, дамы и дѣвицы!—Сейчасъ начинается! разнообразная программа, интересныя представленія, фокусы и высшая гимнастика, пѣсни, куплеты и комедіи, трагическія интермедіи, пантомимы и, въ заключеніе, апоѳеозъ, съ бенгальскимъ освѣщеніемъ всей труппы“...

Когда зазывальщикъ оканчивалъ свою рѣчь, слѣдовали три короткихъ, отрывистыхъ удара въ колоколъ, какъ послѣдній звонокъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ передъ отходомъ поѣзда, и происходилъ выходъ труппы на галлерею; когда же дѣло заканчивалось и тамъ и начинались представленія, наступала очередь „Петрушки“, потѣшавшаго изъ своей норы до слезъ невзыскательную, добродушную публику, „надрывавшую животики“ отъ его присказокъ, шутокъ и прибаутокъ. Передъ самымъ началомъ представленія, хозяинъ прерывалъ пивопитіе и собственной персоной поднимался наверхъ, причемъ жидкая лѣстница трещала подъ нимъ. Онъ, все съ сигарой въ рукѣ, становился рядомъ съ „Петрушкой“, выходившимъ также на балконъ, и приказывалъ ему:

— Приглашай почтенную публику оказать намъ честь посѣщеніемъ нашего балагана; скажи: „У кого есть деньги,—идите, господа, къ намъ, а у кого денегъ нѣтъ —ступайте по домамъ“...

„Петрушка“, скорчивъ „рожу“, отвѣчалъ: „слушаю-съ“! и

дѣлалъ вольный переводъ: „Господа дѣвицы, госпожи кавалеры, мусью и мадамы! У кого денегъ нѣтъ—пожалуйте къ намъ, а у кого деньги есть—идите по кабакамъ! а вы, мальчишки, чего даромъ стоите? — всѣ глаза проглядите! Эй, живѣй, времени не теряйте, скорѣй за балаганъ ступайте: доску отдерите, да даромъ и смотрите! Въ самомъ дѣлѣ!—чего эдакому пузану, какъ нашъ хозяинъ, деньги за входъ платить, да съ билетомъ входить! У него и такъ денегъ много, насѣяна цѣлая дорога. Даже амбары биткомъ набиты битымъ стекломъ! право! человѣкъ онъ богатый, да къ тому же тароватый; очень деликатный и въ обращеніи пріятный: кто безъ билета войдетъ, того вѣжливо за шиворотокъ возьметъ, ласково такъ по спинѣ потреплетъ и за волосья легонько поцѣплетъ. А потомъ, смотришь, кончилъ: нѣтъ! возьметъ, да и повредитъ портретъ, физіономію значитъ. Ну, послѣ такого обращенія, и ходитъ человѣкъ безъ стѣсненія: либо безъ глазу, либо безъ носу, безъ рукъ—такой и дѣвицамъ понравится не вдругъ!.. Постепенно...

— Ой, братцы! — начиналъ балаганщикъ другимъ тономъ: не горюйте, на землю не плюйте, лучше давайте смѣяться! Кто богатъ, тотъ еще не хватъ, а безъ денегъ—нигдѣ не ходенекъ! Съ толстымъ карманомъ, какъ съ турецкимъ барабаномъ:—ткнулъ ножомъ—карманъ, какъ барабанъ, распоролся, а богачъ на ножикъ напоролся. Ну и хоронятъ, да на колокольнѣ звонятъ. Ау! прощай, братъ, до свиданья! было наживать деньгу старанье—анъ, смотришь, вотъ и наказанье!.. Впередъ знай-де науку! Разгонить, ребята, мою скуку: нѣтъ-ли у кого вина полштофа, а нѣтъ—такъ стащи, гдѣ лежитъ плохо. Сюда принеси, да мнѣ, голубчикъ, и поднеси! Не бойся, никому не скажу и въ полицію не засажу“!..

Слушатели покатывались отъ смѣха и толпа валила въ балаганъ цѣлый день, до поздняго вечера.

— Клюетъ, хозяинъ, рыбка! кричалъ „Петрушка“ Карлу Иванычу: ты не ходи очень прытко; чаще на небо взглядывай, не пойдетъ-ли дождь, загадывай! а то живо непогода разгонитъ толпу крещенаго народа! Ну, мы тогда и останемся съ носомъ, а ты насъ станешь кормить щами съ купоросомъ, такими, что вылей на собаку, такъ шерсть долой полезетъ, да кашей изъ присловья для пущаго здоровья! — потѣшалъ публику неунывающій россіянинъ.

IX.

Въ этотъ балаганъ попалъ случайно Панька. Ему очень понравилось „представленіе“ и, въ одинъ изъ антрактовъ, онъ разговорился съ красивымъ, смуглымъ мальчикомъ-гимнастомъ.

— Слушай, ты,—спрашивалъ Панька мальчика;—скажи мнѣ, пожалуйста, трудно, поди, небось, обучаться всѣмъ этимъ штукамъ, которыя вы продѣлываете?..

— Нисколько-то не трудно!—отвѣчалъ шустрый мальчикъ, встряхивая волосами, подстриженными въ скобку. „Это только спервоначалу трудно бываетъ, какъ обучать начнутъ; а потомъ — ничего, точно ты и вѣкъ цѣлый все это продѣлывалъ. Вамъ, извѣстно, и десятой доли не сдѣлать, потому — не въ привычку...

— Ну, а обучаютъ-то какъ же, разскажи? Поди, чай, всѣ кости захрустятъ, какъ тебя выгибать начнутъ въ разныя стороны? Плакалъ вѣдь ты, я думаю, какъ тебя вотъ самого-то обучали...

— Извѣстно, плакалъ, потому, больно. Ну, а потомъ ничего,—твердилъ свое мальчикъ,—привыкъ. Вотъ, хочешь, я на головѣ кругомъ всего балагана пройду? а тебѣ и встать-то нельзя эдакимъ манеромъ: сразу свалишься! на все умѣнье надо, любезный... Али теперь взять, пирамиду сдѣлать; мы то очень просто можемъ, въ одинъ секунъ, и какъ заберешься къ нему на плечи, а на тебя еще мальчикъ поменьше встанетъ, такъ вотъ и начнемъ взадъ да впередъ двигаться, что твои солдаты на ученьѣ. Очень даже просто!—увѣрялъ мальчикъ профана въ головоломномъ искусствѣ акробатовъ.

Паньку сильно заинтересовали эти разсказы и онъ уговорилъ мальчика позволить ему присутствовать завтра утромъ на обычной репетиціи.

— Только вотъ что,—просилъ Панька,—говоришь, рано начинается у васъ? такъ мнѣ бы не проспать, паренекъ?

— Не проспишь, небось!—успокаивалъ его мальчикъ.—А нѣтъ, такъ ночуй, лучше, у насъ, вотъ и все! Ужо, погоди, я пойду спрошу у дяденьки Осипа, позволитъ-ли?..

Мальчикъ ушелъ, и, переговоривъ съ большимъ „гимнастомъ-атлетомъ“, „дяденькой Осипомъ“, принесъ отвѣтъ, что

тотъ позволилъ „мальчику съ воли“ переночевать у нихъ въ балаганѣ. Новые пріятели, Панька и Миша—такъ звали мальчика—напились вмѣстѣ чаю и затѣмъ улеглись рядомъ на узенькой парусинной койкѣ, подвѣшенной къ потолку въ заднемъ отдѣленіи балагана, раздѣленномъ досчатой перегородкой: въ одной половинѣ помѣщались мужчины, въ другой—кассирша и дѣвицы-гимнастки. Для экономіи мѣста, кровати были устроены въ два яруса: внизу на полу, и вверху, подвѣшенныя къ потолку; чтобы влѣзать туда, подставлена была лѣсенка. Панька, уже лежа, спрашивалъ Мишу, давно ли онъ поступилъ въ „трушу“, откуда самъ родомъ, есть ли у него родные и гдѣ именно. Миша, охотникъ поговорить съ „вольными людьми“,—какъ они называли публику,—разсказалъ ему, что у этого хозяина онъ живетъ уже третій годъ и получаетъ по тридцати пяти рублей въ годъ, на хозяйскомъ содержаніи; часть денегъ отсылаетъ къ матери, домой, а остальныя тратитъ на себя. Родни у него, кромѣ матери, есть еще два брата: одинъ крестьянствомъ занимается въ деревнѣ, а другой въ городѣ, у купца, на мельницѣ живетъ и жалованье большое получаетъ.

—Жить мнѣ у хозяина не худо,—повѣствовалъ Миша:—обиды мы отъ него, маленькіе, не видимъ, развѣ сшалимъ когда; ну, тогда, извѣстно, за волосья отдеретъ, а нѣтъ, такъ пинка дастъ здороваго... А то—ничего! Старшихъ, тѣхъ больше строжитъ, потому—водку пить ужъ больно горазды!.. пьяные, почитай, кажинный день ходятъ... Очень ужъ они къ вину этому самому привержены: которое на свои выпьютъ, а больше публика ихъ угощаетъ, особливо купцы. Какъ ежели понравится ему какая штука изъ программы, такъ онъ готовъ тебя водкой или виномъ по горло залить, и самъ съ тобой пьетъ... Даже и нашему брату, случается, поднесутъ тогда, что полегче, и деньгами тоже дарятъ, ежели который полюбился имъ гимнастъ. Вотъ, въ прошломъ годѣ, въ В. былъ у насъ изъ трушы одинъ, Савельемъ Никифоровымъ звали. Очень ужъ его купцы тамошніе любили!.. А все за безобразіе: онъ и гимнастомъ и клоуномъ въ одно время состоялъ. Такъ купца русскаго заграницей однажды тоже представлялъ, что онъ тамотка выдѣлываетъ, значитъ. Въ лучшемъ видѣ выходило, занятно такъ! Публика глядитъ да до смертушки хохочетъ, точно жеребцы стоялые грохочутъ, такъ и надрываются... хлопать устанутъ, такъ зонтиками да

палками стучать зачнутъ: очень ужъ имъ эта штука, купцамъ, полюбилась; самихъ, значитъ, ихъ же, въ полной натурѣ представлялъ. А Никифоровъ то потѣшается, съ легкимъ сердцемъ! „Але, провале!“ говоритъ это французамъ тамъ, али нѣмцамъ (наши же мужики иностранцевъ представляли), смотря — въ какой землѣ дѣйствіе происходитъ. У насъ говоритъ, въ Россіи, много лучше вашего будетъ; потому, мы правдой больше живемъ, да въ Бога вѣруемъ, а вы, говоритъ, и въ чертей вѣрить, господа, перестали! Даже, до чего, говоритъ, дошли, что нечисть всякую—лягушекъ жрете! Драку-ли взять къ примѣру: нашъ братъ, русскій, на чистоту наровитъ дѣйствовать, по чистой совѣсти: въ морду—такъ въ морду, чтобы раскровянить всю, какъ есть начисто, а нѣтъ—такъ въ бокъ саданетъ, только охнешь и небо тебѣ съ овчинку покажется! А у васъ, говоритъ, что? дуель все больше; только глупость одна, чтобы значитъ, на шпагахъ фертикуляцію дѣлать али въ пистолеты, по всѣмъ правиламъ. А по нашему, какія ужъ тутъ правила: бацъ, говоритъ, подъ микитки—и вся недолга!.. Ну и все, значитъ, такое, въ томъ же родѣ имъ разсказываетъ. Тѣ, извѣстно, слушаютъ, рты разинувши, да хохочутъ знай себѣ, какъ жеребцы стоялые! Одного купца, помню, такъ даже водой отпаивали въ тѣ поры, до того осатанѣлъ смѣявшись. Потомъ еще этотъ же Никифоровъ самый дѣвицъ представлялъ, изъ вольнаго которыя поведенія. Одѣнется въ женское платье съ турнюрчикомъ, въ шляпку, перчатки на руки натянетъ и зонтикъ возьметъ—ну, словомъ, все какъ слѣдуетъ быть и пойдетъ комедію ломать, точно и въ самомъ дѣлѣ дѣвица, а не мужикъ, даже голосъ такой у него тоненькій сдѣлается, и все иностранныя слова въ разговоръ пущаетъ. А на послѣдки, передъ тѣмъ какъ намъ изъ В., значитъ, уѣзжать, что же еще, братецъ ты мой, онъ придумалъ? съ купцами бороться началъ! право... Да не то, чтобы въ шутку или слегка, тамъ, что-ли, а просто въ серьезъ, по заправдашнему. Только ужъ тутъ онъ частнымъ манеромъ дѣйствовалъ, не на сценѣ... Ежели его поборютъ—онъ значитъ, должонъ тогда всякую гадость отъ гостей пить; водки налютъ ему, пива, меду, горчицы наболтаютъ, перцу, да все это въ одну миску, и изволь пить; хочешь не хочешь, хоть тресни. А ежели онъ поборетъ—ну, тогда двадцать пять цалковыхъ ему купецъ плати, за то что вздулъ его же, да водки поставь еще въ

добавокъ, сколько по уговору было. Вмѣстѣ и лакать это винище станутъ, какъ борьба у нихъ покончится...

И долго бы еще разсказывалъ Миша похожденія членовъ труппы, но старшій гимнастъ Осипъ прикрикнулъ на него:

— Эй, ты, Михайла! Спать, такъ спи! а нѣтъ — всклочу сейчасъ! Завтра проспи только у меня, смотри, такъ я тебѣ такого фернапиксу пропишу, что своихъ не узнаешь, любезный!..

Мальчики замолчали и, погодя немного, уснули крѣпкимъ сномъ.

По утру, въ шесть часовъ, Миша разбудилъ своего новаго пріятеля. Мальчики умылись и, напившись чаю, при чемъ Миша подѣлился своей порціей ситника, пошли на репетицію.

Панька съ большимъ вниманіемъ присматривался къ новымъ для него „головоломнымъ штукамъ“ и фокусамъ, которые выдѣлывали „артисты“, члены труппы. Потомъ началась репетиція „второго отдѣленія“ сегодняшней программы, въ которомъ, между прочимъ, гимнастки исполняли „выразительныя русскія пѣсни“. Въ числѣ номеровъ этихъ пѣсень была извѣстная „Наталья“, съ отворяющимися воротами, затѣмъ слѣдовала „Конфетка леденистая“ съ новыми куплетами, „Куманечекъ, побывай у меня“, „Эта Грунюшка игрунья“, „Стрѣлочекъ“ и, наконецъ, „въ заключеніе спектакля“—„Ахъ вы, сѣни мои, сѣни“!“...

Когда репетиція кончилась, Миша спросилъ Паньку:

— Ну, что, понравилось тебѣ, паренекъ?

— Ай, да какъ еще!—отвѣчалъ радостно мальчикъ.—Спасибо тебѣ, Миша голубчикъ, спасибо, родной!..

Друзья пошли опять въ свой уголокъ, усѣлись рядомъ на Мишиной постелѣ и послѣдній снова началъ свои „интересные“ разсказы о былой жизни балагана.

Такъ, незамѣтно для нихъ, прошло время до начала „представленія“. Миша оставилъ своего друга, предварительно отведя его въ укромное мѣстечко сбоку „сцены“, откуда Панька могъ хорошо видѣть всю „программу“. По окончаніи всѣхъ дневныхъ представленій, былъ ежедневно перерывъ часа на два, употребляемый труппою на отдыхъ и ѣду. Миша и Панька вмѣстѣ пообѣдали и затѣмъ пили чай; когда же окончилось и „вечернее представленіе“, уставшій болѣе противъ обыкновеннаго, Миша, на этотъ разъ, безъ всякихъ повѣствованій

какъ было наканунѣ, завалился на свою постельку, прочитавъ только наскоро „Отче нашъ“ и „Богородицу“, что онъ дѣлалъ ежедневно по утрамъ и вечеромъ, ложась спать, исполняя этимъ, какъ онъ объяснилъ Панькѣ, завѣтъ своей матери, передъ тѣмъ какъ она отпускала его изъ дома. Панька тоже только про себя, почему то конфузясь своего товарища, прочиталъ свои молитвы, какимъ выучила его „тетушка Степанида“, и мальчики улеглись опять рядомъ, какъ вчера, и заснули крѣпкимъ, дѣтскимъ сномъ.

Когда утромъ гимнастъ Осипъ разбудилъ Мишу въ шесть часовъ, то проснулся и Панька.

— Ты, малецъ, лежи! — сказалъ ему гимнастъ, — поспи еще, коли есть охота. Вѣдь ты „съ воли“, значитъ, тебѣ можно и не вставать.

Панька остался лежать, но, какъ ни старался онъ заснуть еще, — разъ проснувшись, не могъ уже долѣе спать. Въ это время ему неожиданно пришло въ голову, что вотъ уже третій день, какъ онъ ушелъ изъ дому и его, по всей вѣроятности, ищутъ теперь вездѣ и тетушка Степанида и ея крестница, Таня.

— Что же это я надѣлалъ? — подумалъ Панька, — какъ-бы протрезвившись, и вскочилъ съ кровати. Онъ рѣшился сегодня же непремѣнно, послѣ утренняго представленія, распроститься со своимъ пріятелемъ и бѣжать, скорѣе бѣжать домой, чтобы успокоить свою старуху. — Богъ знаетъ что, небось, подумали про меня, — разсуждалъ про себя Панька, — да, вѣдь, и то сказать, всяко подумать можно: шутка-ли, третій день, какъ я изъ дому пропалъ, точно въ воду канулъ!..

Когда представленіе окончилось и Миша пришелъ къ Панькѣ, послѣдній дѣйствительно открылся ему, что хочетъ сегодня идти домой, но, на прощанье, просилъ Мишу, чтобы онъ позволилъ ему поломаться самому разочекъ на трапеціи.

— Ужь больно занятно, какъ вы всѣ тамъ кувыркаетесь! — говорилъ Панька. — Позволь пожалуйста, миляга, — упрашивалъ онъ Мишу, — я вѣдь не долго, только заберусь туда на вершинку, сяду на качель и покачаюсь немножко подъ потолкомъ, а потомъ и назадъ сейчасъ слѣзу, внизъ...

— Отчего не позволить? — отвѣчалъ Миша, сдаваясь на просьбы своего пріятеля. — Покачайся на здоровье. Можно... а только, ежели ты вдругъ да сверзишься оттуда, внизъ тор-

машками?.. Бѣда вѣдь тогда мнѣ будетъ, братецъ мой... Самъ-то расшибешься, гляди, да и мнѣ отъ хозяина здорово влетитъ!—Ты,—скажетъ,—шельмецъ, позволилъ,—ты и отвѣчай!.. Что же я тогда скажу ему, Панька, самъ посуди?..

— Не слечу, миленькій, вотъ те Христосъ, не слечу! — увѣрялъ его Панька.—Я вѣдь съ осторожкой качаться тамъ стану. Слава Богу, не маленькій: понимаю и самъ тоже, что расшибиться можно, коли ежели сорвешься вдругъ оттуда...

— Ну, инъ быть по твоему, Павелъ,— рѣшилъ наконецъ Миша. Такъ и быть, пущу тебя на трапецію, только вотъ чайку, давай, попьемъ...

— Вотъ такъ спасибо, Мишенька, спасибо тебѣ, голубчикъ!—обрадовался Панька и сталъ обнимать маленькаго гимнаста.

Когда наши пріятели напились чаю, Миша взялъ Паньку за руку и шепнулъ ему: „идти, такъ пойдемъ сейчасъ, пока хозяина нѣтъ, а то поздно будетъ: либо хозяинъ увидитъ, либо дяденька Осипъ Иванычъ. Мнѣ, знаешь, какъ шею накостыляетъ онъ за это самое, только держись, парень!..

Разговаривая между собою, мальчики потихоньку проскользнули на сцену. Миша показалъ Панькѣ, какъ взобраться на самую верхнюю трапецію, подвѣшенную подъ парусиннымъ потолкомъ балагана. Панька живо взобрался по боковой веревкѣ, такъ какъ отлично умѣлъ и раньше лазать по деревьямъ, во время своихъ экскурсій съ Подшиваловымъ, и ловко перебрался на трапецію, на которой и сталъ раскачиваться, къ великому своему удовольствію.

Прошло нѣсколько минутъ.

— Ну, будетъ!—закричалъ ему снизу Миша, смотрѣвшій на акробатическія упражненія своего пріятеля. Будетъ, говорю: слѣзай!.. а то еще придетъ кто нибудь.

— Погоди, голубчикъ, Мишенька, чуточку, — вотъ еще покачаюсь!—упрашивалъ его Панька.—Вотъ только перевернусь разочекъ, какъ вы дѣлаете...

X.

Въ это самое время Осипу понадобился зачѣмъ-то Миша, и онъ, не найдя мальчика въ его помѣщеніи, вздумалъ заглянуть на сцену.—Безпремѣнно они тамъ!—размышлялъ гим-

настъ. Негдѣ больше имъ и быть. Это, вѣрно, онъ, паршивецъ, новаго мальчика туда повелъ, да свои штуки ему и показываетъ... Онъ потихоньку отворилъ дверку на сцену и увидѣлъ раскачивавшагося, дѣйствительно, на трапеціи, только не Мишку паршивца, а этого самаго „новаго мальчика“, котораго предполагалъ застать въ качествѣ зрителя, но отдюдь не дѣйствующимъ лицомъ.

— Кто вамъ позволилъ, мерзавцы вы эдакіе!—загремѣлъ Осипъ Иванычъ.—Я тебя ищу, Мишка-подлецъ, а они вонъ куда забрались, паршивцы окаянные...

Но тутъ произошло нѣчто совершенно неожиданное и ужасное: испуганный внезапнымъ окрикомъ Осипа, Панька выпустилъ изъ рукъ веревки, за которыя держался, и сразмаху полетѣлъ внизъ головой. Онъ грузно ударился грудью объ полъ, прежде чѣмъ растерявшійся Осипъ успѣлъ подхватить его. На полу не было даже ковровъ, которые изъ экономіи убирались обыкновенно до представленій. Послышался жалобный стонъ расшибшагося мальчика и кровь струею хлынула у него изъ горла...

— Господи, Господи, да что же это такое?! — не своимъ голосомъ закричалъ Миша, блѣдный какъ полотно, и бросился къ лежавшему на полу мальчику, еще за минуту передъ тѣмъ такому веселому и жизнерадостному, а теперь лежавшему „пластомъ“ съ посинѣвшимъ лицомъ и расширившимся отъ ужаса глазами.

Съ нѣмою мольбою посмотрѣлъ Панька на наклонившихся къ нему Мишу и Осипа. Первый плакалъ навзрыдъ, укоряя себя, что допустилъ неопытнаго мальчика взобраться на трапецію; Осипъ же только разводилъ въ отчаяніи руками, охая и причитая на всѣ лады, вмѣсто того, чтобы хоть чѣмъ-нибудь помочь несчастному.

— Миша... голубчикъ... подними меня... смерть моя видно приходитъ, — съ усиліемъ проговорилъ наконецъ Панька и вновь застоналъ. Тогда только Миша пришелъ въ себя и началъ энергично распоряжаться.

— Осипъ Ивановичъ! давайте скорѣе воды, а нѣтъ такъ льду несите!.. Да попросите Карла Иваныча, чтобы за дохтуромъ скорѣе послалъ... Я свои хоть деньги заплачу, только-бы скорѣе...

— Паня милый, Панюшка!—говорилъ любовно Миша, на-

клоняясь низко къ несчастному мальчику, которому онъ поднялъ голову и поддерживалъ ее руками.—Скажи, родименькій, живъ ты или нѣтъ?—спрашивалъ онъ, смотря въ закрытые глаза Паньки и осторожно вытирая платкомъ съ его лица кровь, которая почти перестала течь изъ горла. На блѣдномъ лицѣ Паньки было написано страданіе, губы крѣпко сжаты, грудь тихо, едва замѣтно поднималась.

Прибѣжалъ хозяинъ; вернулся и Осипъ, съ большимъ кускомъ льду въ глиняной мискѣ, который онъ досталъ изъ пивной лавки на ярмаркѣ, и сталъ прикладывать ледъ къ головѣ Паньки.

Мальчикъ открылъ глаза и вполголоса проговорилъ: ради Бога, домой меня!.. пожалуйста домой... къ тетушкѣ Степанидѣ... снесите...

Черезъ полчаса явился докторъ, молодой человѣкъ, съ бородкой клиномъ, въ золотыхъ очкахъ, съ добродушной улыбкой на открытомъ, симпатичномъ лицѣ съ умными, карими глазами.

Панька лежалъ уже на Мишиной постели; Карлъ Иванычъ, не на шутку перепугавшійся, давалъ больному съ чайной ложечки ледъ маленькими кусочками, такъ какъ мальчикъ слабымъ голосомъ повторялъ:

— Горитъ, горитъ внутри у меня, дайте ледку проглонуть, кормильцы мои...

Докторъ протеръ очки, откашлялся, пристально взглянулъ на мальчика и, взявъ за руку, приникъ къ его груди. Окружающіе затихли. Только и слышно было хрипѣніе бѣднаго мальчика.

Докторъ приподнялся, вздохнулъ и, осторожно наложивъ руку свою на грудь Паньки, началъ мягко ощупывать ее, спрашивая: „здѣсь больно?.. а здѣсь?.. нѣтъ?.. ну, а тутъ, вотъ ниже“? Панька застоналъ. Докторъ покачалъ головою и, отойдя съ хозяиномъ балагана въ сторону, тихо сказалъ ему:

— Дѣло плохо, батенька! вся грудь разбита и сотрясеніе мозга... Врядъ-ли до утра, бѣдняга, проживетъ! А все-таки здѣсь его оставлять нельзя, надо въ больницу везти...

— Что же, господинъ докторъ, какъ лучше, такъ и сдѣлайте. Въ больницу, такъ въ больницу, только бы польза была, я за все заплатитъ съ моимъ удовольствіемъ. Помогите, пожалуйста, господинъ врачъ! — говорилъ Карлъ Ивановичъ, широко отдувая бритыя щеки и жестикулируя руками.—Жаль,

очень жаль бѣдный мальчикъ! — только самъ онъ виноватъ, зачѣмъ лазилъ?.. дѣло незнакомый ему, онъ не изъ моя, докторъ, трупа, „съ воли“ приходилъ, вотъ къ этому мальчикъ въ гости — показалъ Карлъ Ивановичъ пальцемъ на Мишу, робко прижавшагося къ изголовью кровати и чутко вслушивавшагося въ разговоръ доктора съ хозяиномъ.

Осипъ Ивановичъ, которому хозяинъ шепнулъ что-то, живо побѣжалъ за извозчикомъ для перевозки больного, обѣщаясь заявить о происшествіи и въ полицію. Докторъ раскланялся съ хозяиномъ и собрался уходить, еще разъ повторивъ, чтобы мальчика скорѣе везли въ больницу.

— Крови онъ много потерялъ, слабъ ужъ очень!.. Врядъ ли вынесетъ,—говорилъ докторъ Карлу Ивановичу, провожавшему его къ выходу изъ балагана. Онъ подошелъ къ извозчичьей пролеткѣ и хотѣлъ уже садиться, какъ кто-то осторожно дернулъ его сзади за рукавъ. Докторъ обернулся.

— Господинъ докторъ, постойте на минуточку одну, ради Бога!..—говорилъ Миша, поднявъ голову и смотря прямо въ глаза доктору, точно хотѣлъ прочесть его мысли. Скажите пожалуйста по правдѣ: выживетъ Панька, или помретъ?

Въ глазахъ мальчика виднѣлись крупныя слезы.

— Панька? А кто это такой? — спросилъ докторъ.—А,— догадался онъ,—это мальчикъ, вѣрно, который расшибся?.. Ну, такъ я, по правдѣ, долженъ вамъ сказать, дружокъ, что дѣло его швахъ. Очень ужъ сильно расшибся и комплекціи, къ тому же, не особенно крѣпкой... Что же онъ, пріятель вамъ что ли, знакомый?.. Жалко вамъ его, я вижу?..

— Ужъ и какъ же жаль, баринъ миленькій!—заговорилъ, опечаленный его словами, Миша. — Мы съ нимъ только дня три какъ сошлись, къ намъ съ воли самъ пришелъ охотой въ балаганъ, изъ любопытства значитъ. А меня, баринъ, совѣсть шибко мучаетъ—потому, вѣдь это я ему позволилъ на трапецію влѣзть, съ которой онъ сорвался... Отъ хозяина потихоньку мы это продѣлали, вотъ Богъ меня и наказалъ! Жаль его сердечнаго, просто такъ жаль, что и сказать не могу!..—и Миша снова громко, по дѣтски, заплакалъ, утирая слезы кулакомъ. Докторъ участливо посмотрѣлъ на мальчугана.

— Ну, не горюй, мальчикъ!—сказалъ онъ Мишѣ,—можетъ быть твой Панька и поправится, Богъ дастъ. Я все сдѣлаю, что только могу...

Обрадованный Миша крѣпко схватилъ доктора за пальто и сталъ цѣловать его руку, прежде чѣмъ тотъ успѣлъ ее вырвать.

— Спасибо вамъ, докторъ, голубчикъ вы мой!—бормоталъ повеселѣвшій мальчикъ.—Спасите вы его пожалуйста, я за васъ Богу молиться стану, если Панька выживетъ.

Докторъ погладилъ его по головѣ и, сунувъ мальчику нѣсколько серебряныхъ монетъ въ руку, сѣлъ въ пролетку и уѣхалъ, торопясь въ больницу, куда должны были отвезти Паньку.

Когда дано было знать въ полицію о происшествіи въ балаганѣ, туда явился приставъ, тотъ самый, который много лѣтъ тому назадъ производилъ опись имущества старухи Доронихи, у которой тогда проживалъ крошечный Павликъ.

— Гдѣ же мальчикъ, который у васъ расшибся?—спрашивалъ приставъ одного изъ гимнастовъ, войдя въ балаганъ.

— Въ больницу увезли-съ, ваше благородіе!—отвѣтилъ ему рослый дѣтина, одѣтый въ трико.

Приставъ распросилъ, какъ было дѣло и кто свидѣтели, записалъ все на четвертушкѣ бумаги и направился въ больницу.

Тамъ, во второй палатѣ отъ входа, въ которой преимущественно помѣщали малолѣтнихъ больныхъ, на крайней кровати съ лѣвой стороны лежалъ несчастный Панька, съ выпростанными поверхъ одѣяла руками. Черные волосы разметались въ безпорядкѣ по подушкѣ; голова была высоко запрокинута назадъ и славные его глаза, большіе такіе, которые Манька называла, бывало, угольками, горѣли лихорадочнымъ блескомъ. На блѣдномъ, красивомъ лицѣ мальчика, какъ говорится, „кровинки не было“; онъ тяжело и прерывисто дышалъ, по временамъ слегка простанывая. На столикѣ возлѣ кровати стояли разныя стклянки; въ ногахъ, на табуретѣ, лежалъ тазъ съ мелко нарубленнымъ льдомъ. Грудь Паньки была только что забинтована и, когда онъ кашлялъ, нѣсколько капель ярко красной крови выступало у него на губахъ.

Въ палатѣ шелъ негромкій разговоръ о вновь принесенномъ больномъ. Всѣ уже знали здѣсь, что этотъ мальчикъ расшибся, упавъ въ балаганѣ съ трапеціи.

По просьбѣ Паньки,—когда онъ нѣсколько пришелъ въ себя послѣ перевозки его съ ярмарки въ больницу,—дали знать

объ немъ „тетушкѣ Степанидѣ“. Старуха, обрадовавшаяся сперва, когда знакомый городовой сообщилъ ей, что Панька наконецъ нашелся, замерла отъ ужаса, узнавъ, при какихъ грустныхъ обстоятельствахъ отыскался ея дорогой мальчикъ. Она опрометью бросилась въ больницу и, когда увидѣла наконецъ своего любимца, неподвижно лежавшаго на больничной койкѣ, дико взвизгнула и разрыдалась на всю палату.

— Паня, родной мой голубчикъ, красное солнышко!—причитала обезумѣвшая отъ горя женщина, печально смотря на Паньку, который повернулъ голову въ ея сторону и позвалъ:

— Тетенька... милая!..

— Что тебѣ, свѣтикъ мой, радость ты моя ненаглядная? Проговори ты мнѣ, Панюшка, хоть словечко одно!..—умоляла она мальчика.—Разскажи, соколикъ ясный, какъ съ тобой бѣда эдакая приключилась, родименькой ты мой?..

Но тутъ ее перебилъ больничный служитель, отставной солдатъ съ бритымъ подбородкомъ.

— Брось, тетка, перестань!.. Видишь — ему до себя бы только, и разговаривать много нельзя: дохтуръ запретилъ. Нутро все отбито у него, а ты еще пуще будешь его воемъ своимъ тревожишь. „Жалко“, говоришь? Что же дѣлать? Воля Божья, ау! Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ, тетушка!—уговаривалъ плачущую Степаниду больничный служитель.

— Тетенька!—опять тихо позвалъ ее Панька.

— Что тебѣ, болѣзный, что тебѣ, касатикъ мой?—обратилась къ нему нѣсколько успокоившаяся старуха.

— Тяжело мнѣ,—выговорилъ мальчикъ,—всю грудушку разбилъ... это меня, видно, Богъ наказалъ; потому, не спросясь тебя изъ дому убѣжалъ тогда... Вотъ и сдѣлалось... Отъ барыни этой думалъ сокрыться, которая въ Питеръ звала... уѣдетъ, думалъ, безъ меня, какъ не найдетъ дома, а я и останусь здѣсь... А вотъ вышло что... Не жить мнѣ, вѣрно. Помру я, тетенька, безпремѣнно помру...

Панька замолчалъ и закрылъ глаза. Грудь его тяжело поднималась.

— Что ты, Богово дитятко!—принялась утѣшать его Степанида, утирая платкомъ катившіяся изъ глазъ слезы.—Христосъ съ тобой, желанный, спаси тебя Матерь Божія, архангелы святые!.. Не помрешь ты, мой батюшка, родимый ты мой!

Дохтуръ, Богъ дастъ, выпользуетъ живой рукой... Опять вмѣстѣ жить станемъ...

— Нѣ, тетушка! Чуетъ сердце мое, что не выправиться мнѣ—упорно твердилъ свое мальчикъ, любовно глядя на сморщенное и красное отъ слезъ лицо Степаниды.

Прошло нѣсколько минутъ въ томительномъ молчаніи.

— Тетечка, милая,—позвалъ опять Панька, тише прежняго.

— Что тебѣ, касатикъ?—старуха низко наклонилась къ нему и стала морщинистой рукой тихонько гладить голову своего ненагляднаго любимца.

— Попа бы мнѣ позвала,—сказалъ, наконецъ, мальчикъ.—Да съ Манькой бы проститься; знаешь ту дѣвочку?.. Вотъ съ ей бы, да съ Танюшей тоже, ну и съ Аристархъ Иванычемъ бы... только вѣдь они у меня и есть, да ты еще, тетенька милая, больше никого... Ты имѣнье-то мое, что отъ бабушки Доронихи осталось, поровну раздѣли между Манькой и Танюшкой... пущай поминаютъ, какъ помру!—пресерьезно наказывалъ мальчикъ.—А меня прости, тетенька, ежели чѣмъ огорчилъ когда...

Больничный служитель, бывшій безмолвнымъ свидѣтелемъ этой сцены, незамѣтно сморгнулъ навернувшуюся слезу и знакомъ поманилъ Степаниду въ сторону.

— Бѣги, тетка, скорѣй за попомъ,—шепнулъ онъ ей,—ненадеженъ малецъ, развѣ не видишь, что конецъ ему приходитъ?...

— Сейчасъ, кормилецъ, сейчасъ, живо слетаю,—встрепенулась Степанида и, тихонько ступая по полу, вышла изъ палаты.

У бѣднаго Паньки начался бредъ.

— Аристархъ Иванычъ, а Аристархъ Иванычъ! — скороговоркой произносилъ мальчикъ. Идемте-же за клестами! вы даве обѣщались... тамъ, за рощей, у ручья, много ихъ... я самъ видѣлъ ономнясь... Манька, Манька! ты когда же опять къ намъ придешь?—спрашивалъ онъ, въ бреду, свою подругу дѣтства.—Приходи, смотри, не обмани-же! мы съ тобой за малиной въ лѣсъ пойдемъ, я отпрошусь у тетушки Степаниды безпремѣнно... только тебя то отпустятъ-ли, смотри?.. „Пустятъ“, говоришь?—ну, ладно. Приходи же, Манька, я ждать буду!.. только барынѣ той не сказывай, питерской... опять звать съ

собой учнетъ... надоѣла она мнѣ!—Поѣзжайте со мной,—говоритъ,—худо, вѣдь, здѣсь вамъ жить, я вижу... А чего худого?—нисколько... Совсѣмъ напротивъ, и тебя я, Манька, смерть какъ люблю, даромъ, что ты, точно синица, все скачешь!..—говорилъ въ забытьѣ бѣдный мальчикъ.

Изъ корридора вошелъ фельшеръ, приземистый малый, лѣтъ 35-ти, съ заспанными глазами и всклокоченной головой. Приблизясь къ Панькиной кровати, онъ молча поглядѣлъ на него и кивнулъ головой.

— Кончается!—проговорилъ фельдшеръ, обращаясь къ палатному служителю. Finita la comedia!..

Всѣ, находившіеся въ палатѣ, какъ-то разомъ затихли. Въ горлѣ у умирающаго мальчика заигралъ „колоколецъ...“

Въ палату вошла сидѣлка въ коричневомъ платьѣ, съ бѣлымъ передникомъ.

— Павелъ Петровичъ!—обратилась она къ фельдшеру,—тамъ, въ пріемной, мальчикъ какой-то изъ балагана пришелъ. Говоритъ, что спровѣдать хочетъ этого вотъ самаго, что расшибся у нихъ тамъ.—Она указала рукой на Паньку.—Можно, что-ли, пустить?..

— Пускай идетъ, — отвѣтилъ фельдшеръ. — Теперь все равно: конецъ ему!..

Сидѣлка ушла и черезъ минуту возвратилась съ нашимъ знакомцемъ Мишей. Мальчуганъ держалъ въ рукахъ свой картузъ, тихонько ступалъ по бѣлой „дорожкѣ“ на полу палаты и боязливо осматривался по сторонамъ. Видимо, Миша первый разъ попалъ въ больницу.

Увидѣвъ Паньку съ закрытыми глазами, Миша шопотомъ спросилъ служителя:

– Спитъ онъ, дяденька?

— Тише ты, не помѣшай,—отвѣтилъ служитель, едва шевеля губами.—Видишь—кончаться сталъ...

Миша весь задрожалъ отъ этихъ словъ. Онъ все еще надѣялся, что его пріятель будетъ живъ. Кромѣ того мальчику впервые довелось видѣть умирающаго.

Между тѣмъ, Панька весь какъ-то вздрогнулъ вдругъ, замѣтно потянулся кверху и пересталъ дышать. Смерть сдѣлала свое дѣло.

Сердобольный служитель подошелъ къ кровати, громко вздохнулъ и медленно, трижды перекрестилъ Паньку.

— Царство ему небесное!—сказалъ съ чувствомъ солдатъ Ѳома.—Настрадался малецъ. Не слаще было бы, еслибъ и выздоровѣлъ: калѣкой на всю бы жизнь остался... Такъ-то, Павелъ Петровичъ! кому видно какая судьба, не минуешь ее, почтенный...

— Вѣрно,—отвѣтилъ фельдшеръ, и распорядился, чтобы тѣло бѣднаго Паньки несли въ покойницкую, помѣщавшуюся на обширномъ больничномъ дворѣ, въ отдѣльномъ флигелѣ, рядомъ съ часовней.

Велико было горе Степаниды, когда она, возвратясь въ больницу вмѣстѣ съ крестницей своей Таней и Манькой, узнала, что Панька уже скончался безъ нея. Священникъ, приглашенный старухою для напутствія мальчика и пришедшій раньше ея, тоже не засталъ его въ живыхъ.

Манька плакала горькими слезами о потерѣ своего маленькаго друга. Она долго цѣловала его голову, глаза, руки, припавъ къ холодному тѣлу, лежавшему на широкой, крашеной скамейкѣ въ покойницкой. На другое утро Паню, уже положеннаго въ бѣлый, обитый глазетомъ гробъ, купленный старухою, перенесли въ больничную часовню, а на третій день его отпѣвали за ранней обѣдней, въ кладбищенской церкви. Мирно покоился мальчикъ, весь обложенный живыми цвѣтами, которые онъ такъ любилъ. Объ этомъ позаботились всѣ вмѣстѣ: и „тетушка Степанида“, и Манька, и Таня и Аристархъ Ивановичъ, присутствовавшіе при отпѣваніи. Дымъ отъ ладана густыми клубами ходилъ по церкви во время панихиды, а лицо Пани было такое спокойное, точно мальчикъ заснулъ. Манька понуро стояла сзади гроба, усердно молилась и свѣча въ ея рукѣ все время дрожала отъ судорожныхъ, сдерживаемыхъ рыданій оспротѣвшей дѣвочки, потерявшей въ Панѣ друга своего, защитника, покровителя и учителя. Когда вынесли гробъ на рукахъ изъ церкви, солнце обдало его своими лучами, ласково блеснувшими въ послѣдній разъ по лицу мирно покоившагося отрока. На могилѣ Пани былъ поставленъ большой, крашенный бѣлою краскою, съ синими ободками, крестъ, съ надписью на немъ: „Здѣсь покоится тѣло отрока Павла, скончавшагося волею Божьею 25 августа 188* г. Житія его было 10 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ. Упокой, Господи,

душу его въ селеніяхъ праведныхъ". А на другой сторонѣ, «*Блаженни чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ*». Послѣдняя надпись была сдѣлана по настоянію и распоряженію учителя Пани, чиновника Подшивалова.

Съ тѣхъ поръ, каждый годъ два раза: 29 іюня и въ годину смерти Пани, опрятно одѣтая, миловидная дѣвушка—это была Манька—приносила вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ и оставляла его на мѣстѣ „вѣчнаго упокоенія" дорогаго для нея и такъ рано погибшаго мальчика. Тамъ, на могильномъ холмикѣ, обсаженномъ кустами жимолости, сирени и шиповника, заботливо посаженными ея же руками въ годъ Паниной кончины и тѣсно окружившими какъ маленькую скамейку, такъ и высившійся надъ могилой изъ дерна бѣлый крестъ съ знакомою намъ надписью, она всегда встрѣчала старуху Степаниду, горячо и со слезами молившуюся за упокой души своего любимца. Старуха часто повторяла дѣвушкѣ, когда онѣ шли вмѣстѣ изъ кладбищенской церкви къ Паниной могилкѣ, что теперь „пора-бы и ея старымъ, грѣшнымъ костямъ лечь на покой, рядомъ съ ненаглядным Панюшкой, чтобы ему, родному, не скучно было лежать одному". А птички, весело чирикавшія на сосѣднихъ кустахъ и деревьяхъ утопавшаго въ зелени и полевыхъ цвѣтахъ кладбища, какъ бы протестуя противъ такого мнѣнія, отвѣчали Степанидѣ, что вовсе тутъ не скучно Панѣ, когда онѣ цѣлыми днями поютъ надъ его холмикомъ свои звонкія, неумолчно веселыя пѣсни.

Н. С. Б—ровскій.

Гігіена и комфортъ.

Въ настоящее время комфортъ занялъ такое выдающееся мѣсто въ жизни цивилизованныхъ людей, что многіе изъ нихъ всю свою дѣятельность направляютъ на добываніе денегъ съ цѣлью доставить себѣ какъ можно болѣе удобствъ, съ цѣлью устроить свою жизнь какъ можно комфортабельнѣе.

Это всеобщее стремленіе къ комфорту до того увлекаетъ современныхъ людей, что въ жертву ему приносится и время, и способности, и здоровье. Очень часто цивилизованный человѣкъ выбираетъ себѣ спеціальность, сообразуясь не со своими природными способностями и склонностями, но съ тѣмъ доходомъ, который она ему можетъ принести. Очень часто современный цивилизованный человѣкъ употребляетъ все свое время на добываніе денегъ, которыя затрачиваетъ на комфортъ. Нерѣдно непосильная дѣятельность или дѣятельность безъ удовлетворенія своихъ естественныхъ наклонностей отнимаетъ у современнаго человѣка здоровье и энергію, и онъ доканчиваетъ свою жизнь въ жалкомъ равнодушіи не только къ общественному, но и къ своему собственному благу, гибнетъ для общества «безсмысленной жертвой комфорта», какъ сказалъ нашъ великій поэтъ Некрасовъ. Онъ же далъ намъ вѣрное изображеніе этихъ жертвъ въ слѣдующемъ стихотвореніи:

Зналъ я юношу: въ немъ сочетались
Дарованье, ученость и умъ,
Сочиненья его покупались,
А одно даже сдѣлало шумъ.
Но, къ несчастію, былъ онъ помѣшанъ
На комфортѣ—столичный недугъ,—
Каждый часъ его жизни былъ взвѣшенъ,
Вѣчно было ему недосугъ.
Чтобъ приставить кушетку къ камину,
Чтобъ друзей угощать за столомъ,
Онъ по мѣсяцу, сгорбивши спину,
Изнывалъ за постылымъ трудомъ.
Знаю самъ, говорилъ онъ частенько,
Что на лучшее дѣло гожусь,

Но устроюсь сперва хорошенько,
А потомъ и серьезно займусь.
Суетился, спѣшилъ, торопился,
Въ день по нѣсколько лекцій читалъ,
Секретарствовалъ гдѣ-то, учился
Въ тоже время, статейки писалъ.—
Такъ трудясь неразборчиво, жадно,
Раздробившись на тысячу дѣлъ,
Ничего онъ не сдѣлалъ изрядно,
Да и самъ-то пожить не успѣлъ,
Не потѣшилъ ни Бога, ни чорта,
Не увлекся ничѣмъ никогда
И безсмысленной жертвой комфорта
Палъ подъ игомъ пустаго труда.

Вотъ истинное изображеніе многихъ современныхъ цивилизованныхъ людей, которые всѣмъ жертвуютъ для комфорта! Они за все берутся и все могутъ, лишь бы за это имъ давали деньги. Какъ дѣло дѣлается, какой толкъ выходитъ изъ ихъ труда, насколько онъ способствуетъ ихъ природнымъ склонностямъ и пріобрѣтеннымъ знаніямъ, объ этомъ они не думаютъ. Главная цѣль всей ихъ дѣятельности — добываніе денегъ для доставленія себѣ комфорта.

Въ виду такой выдающейся роли, какую играетъ комфортъ въ жизни современныхъ цивилизованныхъ людей, не мѣшаетъ взглянуть на комфортъ съ точки зрѣнія гигіены.

Задача гигіены—устранить причины, разрушающія здоровье человѣка, и сохранить ему долговѣчность. Задача комфорта — доставить ему наивозможныя удобства. Насколько можно согласовать то и другое?

Прежде всего надо замѣтить, что очень часто въ публикѣ комфортъ и роскошь признаются синонимами, но такое представленіе о комфортѣ невѣрно. Роскошь часто вовсе не доставляетъ намъ никакого комфорта. Роскошное платье можетъ стѣснять наши движенія, сжимать наши члены и такимъ образомъ доставлять намъ неудобства. Роскошная мебель не всегда бываетъ удобна для сидѣнья. Въ раззолоченныхъ и пышныхъ палатахъ, содержащихъ множество роскошно убранныхъ комнатъ, можетъ находиться неудобная мебель, можетъ не быть водопровода и ватерклозета, которые представляютъ необходимую принадлежность комфортабельнаго жилища.

То, что въ настоящее время подразумѣваютъ подъ комфортомъ, не всегда доставляетъ намъ возможность сохранить свое здоровье. Въ комфортабельно устроенномъ жилищѣ почти всегда встрѣчается недостатокъ дневнаго свѣта. Необходимой принадлежностью такого жилища считаются тяжелыя занавѣси, не пропускающія днев-

наго свѣта. Въ комфортабельномъ жилищѣ очень часто окна такъ закрываются роскошными и непроницаемыми для свѣта занавѣсями, что въ немъ господствуетъ полумракъ.

Трудно объяснить, почему люди, живущіе въ комфортабельныхъ жилищахъ, предпочитаютъ полумракъ свѣту. Точно они почему-то боятся дневнаго свѣта, скрываются отъ него. А между тѣмъ изъ гигіеническихъ соображеній надо поступать совершенно наоборотъ.

Солнечный свѣтъ дѣйствуетъ благотворно на весь нашъ организмъ и усиливаетъ его жизненныя отправленія. Наблюденіе показываетъ, что подъ вліяніемъ солнечнаго свѣта усиливается обмѣнъ веществъ въ нашемъ тѣлѣ, нами поглощается больше кислорода и выдѣляется больше углекислоты, нежели въ темнотѣ. Подъ вліяніемъ солнечнаго свѣта наша нервная возбудимость усиливается и протоплазма сильнѣе сокращается. Лѣтомъ, когда у насъ дни бываютъ длиннѣе и мы больше подвергаемся вліянію солнечнаго свѣта, мы всегда бываемъ живѣе и чувствуемъ себя бодрѣе, нежели зимой, когда длинныя ночи лишаютъ насъ дневного свѣта. Большую живость южныхъ народовъ мы должны приписать въ значительной степени вліянію болѣе яркаго солнечнаго свѣта. Кромѣ того, мы постоянно видимъ, что люди, превращающіе ночь въ день, спящіе днемъ и бодрствующіе ночью, всегда отличаются блѣдностью, малокровіемъ и вялостью.

Наблюденія показываютъ также, что подъ вліяніемъ солнечнаго свѣта ростъ молодыхъ организмовъ совершается гораздо быстрѣе, нежели въ темнотѣ. Если взять головастиковъ и оставить однихъ рости въ совершенной темнотѣ, а другихъ при дневномъ свѣтѣ, то послѣдніе превратятся въ лягушекъ быстрѣе, нежели первые.

Хорошее освѣщеніе комнатъ дневнымъ свѣтомъ необходимо и для сохраненія нашего зрѣнія въ нормальномъ состояніи. Если мы занимаемся чтеніемъ или работой въ полумракѣ, то можемъ такимъ образомъ испортить свое зрѣніе и нажить разныя глазныя болѣзни.

Хорошее освѣщеніе комнатъ дневнымъ свѣтомъ необходимо также для поддержанія чистоты всей нашей домашней обстановки. Только при дневномъ свѣтѣ мы можемъ разсмотрѣть всю грязь и пыль, которыя накопляются въ нашихъ комнатахъ, и устранить ихъ. Въ полутемныхъ комнатахъ мы очень часто найдемъ много пыли, грязи, а также и разныхъ насѣкомыхъ: клоповъ, пауковъ, таракановъ.

Различные болѣзнетворные зародыши также боятся солнечнаго свѣта. Замѣчено, что солнечный свѣтъ убиваетъ многихъ изъ нихъ.

Слѣдовательно, впуская въ комнаты достаточное количество дневнаго свѣта, мы этимъ ассенизируемъ, оздоровляемъ наше жилище.

Такимъ образомъ все говоритъ за то, что мы должны впускать въ наши комнаты какъ можно больше солнечнаго свѣта, такъ какъ онъ есть источникъ жизни и здоровья. Мы должны это дѣлать для сохраненія здоровья взрослыхъ, а еще болѣе для сохраненія здоровья дѣтей, которыя только подъ вліяніемъ солнечнаго свѣта выростутъ сильными, энергичными и способными къ борьбѣ за существованіе.

Въ этомъ отношеніи гигіена идетъ въ разрѣзъ съ тѣмъ, что обыкновенно подразумѣвается подъ комфортомъ. Гигіена говоритъ: свѣту, побольше свѣту, который необходимъ для нашей жизни, нашего здоровья и нашей дѣятельности. А комфортъ предпочитаетъ полумракъ, который оказываетъ вредное вліяніе на наши жизненныя отправленія. Согласно съ требованіями гигіены мы должны употреблять только прозрачныя занавѣси, которыя свободно пропускаютъ дневной свѣтъ въ наши комнаты, или такія, которыя закрываютъ только ничтожную часть окна. А комфортъ предпочитаетъ тяжелыя занавѣси изъ дорогой матеріи, закрывающія чуть-ли не все окно и оставляющія только незначительный источникъ свѣта.

Такъ какъ подъ комфортомъ мы должны собственно подразумѣвать удобство, то въ этомъ случаѣ очень трудно сказать, почему полумракъ считается комфортомъ, когда хорошее освѣщеніе комнатъ во многихъ отношеніяхъ для насъ представляетъ гораздо больше удобствъ.

Полумракъ можетъ представлять для насъ нѣкоторое удобство въ томъ отношеніи, что онъ даетъ намъ возможность скрыть свое лицо, измятое безпорядочно проведенной ночью или тронутое годами, и нашъ не свѣжій костюмъ. Полумракъ намъ необходимъ также въ томъ случаѣ, если у насъ существуетъ свѣтобоязнь, которая появляется при нѣкоторыхъ глазныхъ болѣзняхъ. Но во всякомъ случаѣ свѣтъ представляетъ для насъ гораздо больше удобствъ. Поэтому комфортабельнымъ жилищемъ слѣдовало бы считать такое, въ которое солнечный свѣтъ безпрепятственно проникаетъ въ большомъ количествѣ, а не такое, въ которомъ, благодаря присутствію непроницаемыхъ для свѣта занавѣсей, господствуетъ полумракъ.

Повидимому, здѣсь существуетъ лишь смѣшеніе понятій, и въ будущемъ подъ комфортабельнымъ жилищемъ будетъ подразумѣваться хорошо освѣщенное, такъ что комфортъ и гигіена въ этомъ случаѣ не будутъ противорѣчить другъ другу.

Подъ комфортабельнымъ жилищемъ вообще подразумѣваютъ такое, въ которомъ заключается множество большихъ комнатъ.

Чуть-ли не для каждаго шага обитателей нужна отдѣльная комната: нужна отдѣльная комната для сна, нужна уборная, кабинетъ, гостиная, и часто не одна, столовая, буфетъ, зала, иногда ихъ нѣсколько и т. д.

Въ этомъ отношеніи требованія гигіены болѣе скромны, нежели требованія комфорта. Обращая вниманіе на величину жилища, гигіена прежде всего смотритъ на количество воздуха, которое приходится на каждаго человѣка.

При условіи, что въ квартирѣ устроена хорошая вентиляція и воздухъ обмѣнивается три раза въ часъ, для взрослаго человѣка достаточно $3^1/_2$ куб. саж., а для ребенка десяти лѣтъ около $1^1/_2$ куб. саженъ.

Предположимъ, что семья состоитъ изъ отца, матери и троихъ дѣтей до десяти лѣтъ. При условіи хорошей вентиляціи для нихъ будетъ достаточно $11^1/_2$ куб. саж. воздуха. Въ квартирѣ такихъ размѣровъ не можетъ содержаться очень много комнатъ.

Кромѣ кубическаго содержанія воздуха, гигіена обращаетъ также вниманіе и на то, какое употребленіе дѣлается изъ комнатъ. Для сохраненія здоровья не все равно, если въ одной и той же комнатѣ спятъ, готовятъ кушанье, ѣдятъ, моются, оставляютъ грязное платье и обувь. Гигіена можетъ только одобрить, если для всего этого существуютъ отдѣльныя комнаты. Это нужно въ виду сохраненія чистоты воздуха и чистоты всей домашней обстановки. Съ точки зрѣнія нашего здоровья гораздо выгоднѣе имѣть нѣсколько небольшихъ комнатъ, нежели одну огромную, въ которой и живутъ, и спятъ, и ѣдятъ, и готовятъ кушанье.

Съ гигіенической точки зрѣнія для насъ выгодно имѣть кухню. Приготавливая пищу въ отдѣльной комнатѣ, мы такимъ образомъ сохраняемъ чистоту другихъ комнатъ и предупреждаемъ прониканіе въ нихъ различныхъ кухонныхъ запаховъ.

Съ гигіенической точки зрѣнія для насъ выгодно имѣть переднюю, гдѣ мы можемъ оставить всю грязь, приносимую нами съ улицы, и такимъ образомъ сохранить чистоту въ другихъ комнатахъ. По той же причинѣ для насъ выгодно имѣть отдѣльную столовую.

Изъ нравственныхъ соображеній гигіена требуетъ также, чтобы дѣти имѣли отдѣльную спальную комнату, а родители отдѣльную.

Необходимо также имѣть и отдѣльную комнату для ванны.

Такимъ образомъ для семьи, состоящей изъ пяти человѣкъ, безъ прислуги, необходимо имѣть двѣ спальни, столовую, кухню, прихожую и ванну. Гигіена ничего не имѣетъ также и противъ того, чтобы въ квартирѣ была пріемная комната для гостей, такъ какъ это поддерживаетъ чистоту другихъ комнатъ, и кабинетъ, если кто-

нибудь изъ членовъ семьи занимается умственнымъ трудомъ дома.

Размѣръ всѣхъ этихъ чистыхъ комнатъ можетъ быть приблизительно таковъ, какъ это было указано выше, и такое скромное жилище, при условіи хорошей вентиляціи, гигіена найдетъ совершенно достаточнымъ по объему для сохраненія нашего здоровья. Но едва ли кто назоветъ такое жилище комфортабельнымъ, такъ какъ въ понятіе о комфортѣ входитъ представленіе и объ изобиліи большихъ комнатъ.

Но въ этихъ обширныхъ и комфортабельныхъ палатахъ, благодаря отсутствію хорошей вентиляціи, очень часто не бываетъ такого чистаго воздуха, какой намъ необходимъ для сохраненія нашего здоровья. Изслѣдованія Бубнова къ Москвѣ показали, что въ частныхъ, съ виду очень благоустроенныхъ квартирахъ, количество углекислоты достигаетъ 2—3% на 1000 частей воздуха, тогда какъ предѣломъ считается 0,7, самое большее 1,0 на 1000. Въ этомъ случаѣ оправдываются слова одного гигіениста, который сказалъ, что въ раззолоченныхъ палатахъ есть все, кромѣ чистаго воздуха, составляющаго самый необходимый элементъ нашего здоровья.

Необходимой принадлежностью комфортабельнаго жилища считается большое количество разнообразной мягкой мебели, пушистые ковры и тяжелыя драпри. И въ этомъ случаѣ комфортъ и гигіена не совсѣмъ согласны между собою.

Обыкновенно мягкая мебель въ высшей степени рѣдко выколачивается и чистится. Поэтому въ ней всегда скопляется масса всякой пыли, а вмѣстѣ съ тѣмъ и микроорганизмовъ, среди которыхъ могутъ находиться и болѣзнетворные. Гигіена можетъ примириться съ мягкой мебелью только при условіи, что она будетъ выколачиваться хоть разъ въ недѣлю и каждый день тщательно чиститься и вытираться. Только въ такомъ случаѣ ее можно содержать въ надлежащей чистотѣ. Но въ комфортабельномъ жилищѣ обыкновенно бываетъ много комнатъ и много мебели. Чтобы содержать все это въ тщательной чистотѣ, требуется много труда и времени, требуется много прислуги. Обыкновенно въ комфортабельномъ жилищѣ прислуги бываетъ достаточное количество, такъ что всѣ комнаты можно было бы содержать въ тщательной чистотѣ. Но этого почти никогда не бываетъ, такъ какъ прислуга слишкомъ невѣжественна для того, чтобы сознавать важность сохраненія здоровья, да едва ли и имѣетъ какое нибудь понятіе о гигіенѣ. Она чистоту поддерживаетъ только для вида. Кое какъ сотретъ пыль, подмететъ полъ, а тамъ какъ угодно. Чтобы часто выбивать ковры, мебель, ужъ это извините. По ея мнѣнію, это излишняя роскошь, и достаточно, если это будетъ дѣлаться раза два въ годъ. Полумракъ, обыкновенно господствующій въ такихъ жилищахъ,

благопріятствуетъ лѣности и невѣжеству прислуги, и въ этомъ комфортабельномъ жилищѣ, гдѣ, повидимому, собраны всевозможныя удобства, мы не найдемъ чистоты, которая составляетъ необходимую принадлежность здороваго жилища. Всякій знаетъ, какое облако пыли всегда образуется при выбиваніи мягкой мебели разъ въ годъ. То же самое слѣдуетъ сказать и относительно пушистыхъ ковровъ и тяжелыхъ драпри, которые выколачиваются далеко не такъ часто, какъ это необходимо для поддержанія надлежащей чистоты. Вообще, еслибы освѣтить хорошенько многія комфортабельныя жилища и осмотрѣть внимательно всѣ предметы, находящіеся въ нихъ, мы навѣрное увидѣли бы тамъ столько грязи и пыли, сколько не встрѣтимъ въ болѣе скромномъ жилищѣ, содержимомъ въ надлежащей чистотѣ.

Мягкая мебель и пушистые ковры доставляютъ намъ извѣстныя удобства. Намъ такъ тепло и уютно сидѣть въ мягкомъ креслѣ и прятать ноги въ пушистый коверъ. Наше тѣло нѣжится и намъ жаль съ ними разстаться. Но мягкая мебель и пушистые ковры слишкомъ насъ изнѣживаютъ и, пользуясь ими, мы особенно должны остерегаться простуды.

Когда мы пригрѣемся въ мягкомъ креслѣ и прячемъ ноги въ пушистомъ коврѣ, то намъ тепло и кровь притекаетъ въ значительномъ количествѣ къ поверхности нашего тѣла. Кожные сосуды расширяются и наше тѣло пріобрѣтаетъ способность отдавать много тепла окружающей насъ атмосферѣ. Если послѣ того мы выйдемъ въ легкомъ платьѣ на дворъ, то съ поверхности нашего тѣла выдѣляется очень много тепла и мы рискуемъ схватить бронхитъ и даже воспаленіе легкихъ. Надо очень закалить свое тѣло и пріучить его къ различнымъ перемѣнамъ температуры, чтобы избѣжать вреднаго вліянія мягкой мебели и пушистыхъ ковровъ. Послѣдніе изнѣживаютъ наше тѣло и оно становится менѣе стойкимъ и способнымъ переносить вредное вліяніе нашего суроваго климата.

Изнѣженность людей, увлеченныхъ комфортомъ, часто доходитъ до обломовщины. Они готовы цѣлый день сидѣть, утопая въ мягкомъ креслѣ, и боятся малѣйшаго дуновенія свѣжаго вѣтра. Эту изнѣженность Гончаровъ очень рельефно выставилъ въ своемъ Обломовѣ.

Въ халатѣ Обломовъ видѣлъ тьму неоцѣненныхъ достоинствъ. Онъ чувствуетъ себя въ немъ въ высшей степени комфортабельно. Въ халатѣ ему свободно и спокойно. Изнѣженный Обломовъ чуть ли не цѣлый день проводитъ въ постели, которая равномѣрностью своей температуры и удобствомъ положенія приковывала его къ себѣ, и онъ боится малѣйшаго холода. «Не подходите, не подходите: вы съ холода!» говоритъ онъ всякому посѣтителю.

Сколько обитателей комфортабельныхъ жилищъ, привыкнувъ изнѣженно покоиться въ удобномъ креслѣ, также боятся холода, какъ Обломовъ, и также лѣниво принимаются за дѣло, какъ онъ! Имъ жаль разстаться со своей нѣгой.

Мягкая обстановка не только разслабляетъ наше тѣло, но отнимаетъ у насъ и охоту къ дѣятельности, изнѣживаетъ насъ въ умственномъ и физическомъ отношеніи. Она пріучаетъ насъ къ лѣни во всѣхъ отношеніяхъ.

Люди дѣятельные и энергичные въ большинствѣ случаевъ избѣгаютъ такой изнѣживающей обстановки. Въ ихъ кабинетѣ мы не найдемъ такихъ мягкихъ турецкихъ диванов, на которыхъ какъ сядешь, такъ и заснешь. Тамъ мы не найдемъ и мягкихъ глубокихъ креселъ, которыя предрасполагаютъ къ мечтательной полудремотѣ. Вся ихъ обстановка болѣе проста и въ ней мало комфорта, такъ какъ ихъ дѣятельная натура въ немъ не нуждается. Что это не одни слова, намъ доказываетъ жизнь нашего великаго Петра, домашняя обстановка котораго была въ высшей степени проста, и жизнь нашего великаго писателя Льва Толстого, скромная обстановка кабинета котораго не одинъ разъ описывалась его посѣтителями. Оба они сдѣлали не мало на своемъ вѣку и оба избѣгали разслабляющаго вліянія мягкой обстановки. Восточные народы, которые отличаются сильной умственной и физической лѣнью, особенно любятъ эти мягкіе предметы. Турецкіе диваны и персидскіе ковры перешли къ намъ съ востока.

Если взглянуть на убранство комнатъ съ гигіенической точки зрѣнія, то намъ придется отдать предпочтеніе простой соломенной мебели и отсутствію мягкихъ ковровъ. Такая обстановка будетъ гораздо гигіеничнѣе. Въ простой соломенной мебели не можетъ накопиться столько грязи и пыли, какъ въ мягкой, и мы можемъ поддерживать чистоту окружающей насъ обстановки безъ особеннаго труда.

При употребленіи соломенной мебели и при отсутствіи пушистыхъ ковровъ, мы менѣе рискуемъ простудиться, нежели въ противномъ случаѣ, менѣе изнѣживаемся и становимся болѣе способными къ энергичной дѣятельности.

Въ этомъ отношеніи трудно согласить комфортъ и гигіену, и намъ приходится еще разъ сказать, что комфортъ не всегда бываетъ гигіеничень и способенъ сохранить наше здоровье. А между тѣмъ сколько силъ, здоровья и времени уходитъ на устройство комфорта, сколько хлопотъ и заботъ! Иной чуть-ли не всю свою душу отдаетъ, чтобы устроить свою квартиру какъ можно антигигіеничнѣе. Иванъ Ильичъ, переселяясь изъ провинціи въ Петербургъ,

обратилъ свое главное вниманіе на устройство квартиры и въ воображеніи постоянно видѣлъ, какъ она будетъ убрана.

«Глядя на гостинную, еще неоконченную, онъ уже видѣлъ каминъ, экранъ, этажерку и эти стульчики разбросанные, эти блюда и тарелки по стѣнамъ и бронзы, когда всѣ они останутся по мѣстамъ».

«Въ засѣданіяхъ у него бывали минуты разсѣянности; онъ задумывался о томъ, какіе карнизы на гардины, прямые или подобранные». Онъ самъ все перестанавливалъ и развѣшивалъ. Главное вниманіе имъ было обращено на то, чтобы было какъ у всѣхъ: штофы, черное дерево, цвѣты, ковры, бронза. Ему и въ голову не приходила мысль, насколько у всѣхъ все устроено сообразно съ требованіями гигіены, насколько легко все это поддерживать въ надлежащей чистотѣ, сколько грязи накопилось въ коврахъ и въ мягкой мебели его знакомыхъ и сколько накопится ея у него, благодаря недостатку и невѣжеству слугъ. Объ этомъ онъ не думалъ. Онъ думалъ только о томъ, чтобы у него было, какъ у всѣхъ.

Необходимой принадлежностью комфортабельной жизни считается поварской столъ. Современный цивилизованный человѣкъ настолько избалованъ изобиліемъ съѣстныхъ продуктовъ, что онъ уже не довольствуется простыми блюдами и приправой хорошаго аппетита. Онъ всегда бываетъ настолько сытъ, что для того, чтобы ѣсть, ему нужны средства, возбуждающія аппетитъ: различныя пряности и вкусовыя вещества. Онъ старается приготовить свою пищу какъ можно вкуснѣе, такъ какъ вслѣдствіе постоянной пресыщенности онъ утратилъ самую лучшую приправу—аппетитъ.

Гигіена до извѣстной степени согласна съ тѣмъ, чтобы употребляемая нами пища была вкусна, и допускаетъ разнообразіе блюдъ и приправу изъ различныхъ веществъ, такъ какъ вкусное блюдо съѣдается нами съ большимъ удовольствіемъ, нежели безвкусное. Но она во всякомъ случаѣ отдаетъ предпочтеніе блюду просто приготовленному, питательному, сдѣланному изъ свѣжей провизіи, передъ поварскимъ, которое не отличается такими качесевами. Очень часто поварское блюдо отличается однимъ только достоинствомъ — хорошимъ вкусомъ, не имѣя другихъ достоинствъ хорошей пищи. Очень часто поварское кушанье готовится далеко не изъ свѣжей провизіи, и мы не замѣчаемъ этого благодаря различнымъ пріемамъ и обилію вкусовыхъ веществъ, при помощи которыхъ повара фальсифицируютъ различныя пищевыя вещества и такимъ образомъ уничтожаютъ признаки, по которымъ мы узнаемъ порчу провизіи. Очень часто поварское блюдо не содержитъ въ себѣ того количества питательныхъ веществъ, какое мы въ немъ предполагаемъ. Мнѣ пришлось разъ слышать отъ одного довольно извѣстнаго повара, что изъ одного рябчика можно приготовить столько же котлетъ, сколько

изъ одной курицы. Зная величину курицы и рябчика, мы можемъ сообразить, сколько булки надо положить въ рябчиковыя котлеты, чтобы ихъ количество сравнялось съ куриными, и какова будетъ питательность первыхъ. Поэтому, употребляя поварское блюдо, мы не всегда можемъ быть увѣрены, что его питательность такова, какъ это можно думать, судя по взятой провизіи.

Очень часто поварское кушанье бываетъ плохо проварено, прожарено и неряшливо приготовлено. Этимъ причинамъ въ связи съ двумя вышеупомянутыми: фальсифицированной свѣжестью и фальсифицированной питательностью, мы должны приписать то обстоятельство, что люди, обѣдающіе по кухмистерскимъ, гдѣ готовятъ главнымъ образомъ повара, въ огромномъ большинствѣ случаевъ наживаютъ себѣ желудочно-кишечный катарръ.

Гигіена высказывается противъ такого способа питанія и предпочитаетъ не поварское, питательное, приготовленное изъ свѣжей провизіи, доваренное и дожаренное блюдо съ приправой хорошаго аппетита, такъ какъ этотъ способъ питанія лучше всего удовлетворяетъ потребности нашего организма и сохраненію нашихъ силъ и здоровья.

Слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ комфортъ не вполнѣ согласенъ съ гигіеной. Комфортъ предпочитаетъ поварское блюдо, обращая вниманіе, главнымъ образомъ, на его вкусъ и внѣшнее изящество и мало принимая во вниманіе его питательность, свѣжесть провизіи и чистоплотность. А гигіена принимаетъ во вниманіе вкусъ и изящество съ оговоркой, что всѣ остальныя условія должны быть непремѣнно соблюдены. Комфортъ смотритъ на блюдо исключительно съ точки зрѣнія того удовольствія, которое намъ доставляетъ его вкусъ и внѣшній видъ. А гигіена обращаетъ вниманіе и на внутреннія свойства употребляемой нами пищи, такъ какъ она знаетъ, что одними вкусовыми веществами и внѣшнимъ изяществомъ нельзя вознаградить всѣхъ потерь нашего организма и сохранить здоровье. Она не отвергаетъ и вкуса и изящества, такъ какъ они скрашиваютъ нашъ обѣдъ съ эстетической стороны. Но она не ставитъ послѣднихъ свойствъ на первый планъ, какъ это дѣлаетъ комфортъ.

Такъ какъ гигіена вторгается въ нашу жизнь всюду, то ей представляется задача, какъ согласовать комфортъ съ сохраненіемъ нашего здоровья, какъ устроить комфортабельное жилище, въ которомъ будетъ хотя и немного комнатъ, но въ этихъ комнатахъ будетъ устроена хорошая вентиляція и господствовать образцовая чистота; въ которомъ будетъ находиться удобная и вмѣстѣ съ тѣмъ легко содержимая въ чистотѣ мебель, не изнѣживающая нашъ организмъ. Гигіена должна также научить насъ предпочитать простое и питательное блюдо съ приправой хорошаго аппетита раз-

нымъ раздражающимъ нашъ вкусъ веществамъ, которыя насъ только обманываютъ а не питаютъ.

Вообще гигіенѣ предстоитъ обширная задача передѣлать нашу жизненную обстановку сообразно съ требованіями нашего организма и съ цѣлью сохраненія нашего здоровья. Очень можетъ быть, что многое, кажущееся необходимой принадлежностью комфортабельной жизни, будетъ отвергнуто гигіеной, какъ безполезное осложненіе. По всей вѣроятности, согласно съ требованіями гигіены, наша жизненная обстановка будетъ гораздо проще, и отъ многихъ вещей, которыя теперь считаются необходимыми для комфорта, мы откажемся и такимъ образомъ избавимъ себя отъ многаго, что отравляетъ жизнь современныхъ цивилизованныхъ людей. Гигіеническія соображенія должны будутъ взять верхъ надъ стремленіемъ къ комфорту, и наши потребности будутъ гораздо скромнѣе, нежели теперь.

Удовлетвореніе болѣе скромныхъ потребностей и сознаніе, что многія вещи, которыя въ настоящее время признаются необходимой принадлежностью комфорта, вовсе не имѣютъ такого важнаго значенія для нашей жизни и здоровья, чтобы стоило на нихъ тратить физическія и духовныя силы, должны благотворно повліять на здоровье всего цивилизованнаго общества. Руководствуясь сознаніемъ, что гигіена не всегда одобряетъ то, что принято считать за необходимую принадлежность комфорта, многіе направятъ свою дѣятельность не на исключительное добываніе денегъ, но болѣе разумно. Руководствуясь больше гигіеной, а не комфортомъ, и вслѣдствіе этого болѣе скромными потребностями, будущій человѣкъ въ выборѣ своей дѣятельности будетъ больше сообразоваться со своими природными наклонностями, а не съ доходами. Такой выборъ практической дѣятельности несомнѣнно повліяетъ благотворно на здоровье человѣка и на производительность его труда. Трудъ, къ которому мы чувствуемъ природную склонность, дѣлается какъ будто самъ собой и не требуетъ отъ насъ такихъ усилій, какъ нелюбимый подневольный трудъ, который совершается нами исключительно изъ-за денегъ съ проклятіями и скрежетомъ зубовнымъ. Первый трудъ сохраняетъ наше духовное и физическое здоровье, а второй разрушаетъ ихъ. Поэтому въ будущемъ, когда гигіена займетъ болѣе важное мѣсто въ нашей жизни, вѣроятно гораздо меньше людей будетъ гибнуть безсмысленной жертвой комфорта.

Такъ какъ огромное большинство людей желаетъ жить какъ можно дольше и счастливѣе и будущіе люди навѣрное будутъ цѣнить здоровье гораздо больше, нежели настоящіе, то надо думать, что гигіена подчинитъ себѣ комфортъ и послѣдній будетъ сообразоваться съ первой.

Женщина-врачъ **М. Покровская.**

Кальвинистическія тенденціи въ нашей современной публицистикѣ.

(Замѣтка).

«Der Blutdurstige Geist regieret bei den Calvinisten; die führen solche Lehren und Principia, dadurch man angefrischet wird um der Lehr willen mit Feuer und Schwerd gegen die Leute zu verfahren, wie so wol ihre Schrifften, als die Exempla selb helt und klar beweisen».

D. Hoê. Unvermeidt. Rettung.

Въ статьѣ «Что противъ принципа творческой свободы нашлись возразить защитники свободы хаотической?» г. В. Розановъ *) высказываетъ ту мысль, что, если внѣшняя разрушительная сила примѣняется уже въ человѣчествѣ, то пусть она примѣняется въ дѣлѣ высшаго человѣческаго блага, въ дѣлѣ вѣры. «Борьба, высшимъ невѣдѣніемъ обусловленная, двухъ встрѣтившихся вѣръ, *одна и выносима для человѣка*, и опредѣлена волею, скрывшею отъ насъ концы, — безъ сомнѣнія за высшую неискоренимую грѣховность нашу; *опредѣлена, какъ и болѣзнь, и смерть—все, отъ чего отвращается человѣкъ и что для него неотвратимо.*

Жертвовать можетъ человѣкъ только за великое; это великое для него—вѣра; итакъ, въ формахъ тѣхъ-ли, какія есть, или, за ихъ безчеловѣчіемъ, въ иныхъ, онъ можетъ и будетъ бороться только за предметы вѣры»...**) Другими словами, если уже неизбѣжна война, то пусть будетъ эта война—религіозная.

Неудивительно, что противу г. Розанова возстали не только и не столько его принципіальные противники, сколько сторонники его публицистическаго міровоззрѣнія.

По крайней мѣрѣ, статьи послѣднихъ гораздо энергичнѣе и по мысли и по выраженію, нежели статьи, хотя бы, настоящаго главы

---

*) «Р. В.» 1894, VII.

**) Стр. 218.

либерализма г. Владиміра Соловьева. Послѣдній заподозрилъ *искренность* г. В. Розанова, г. Левъ Тихомировъ заподозрилъ *христіанство* г. В. Розанова. Я говорю: это неудивительно. Мысль г. Розанова, именно — нерелигіозна, неправославна, и оскорбить она должна была, прежде всего, тѣхъ, кто именно признавалъ себя въ публицистикѣ блюстителемъ православія. Такъ и вышло. Г. Л. Тихомировъ въ послѣдней книжкѣ «Русскаго Обозрѣнія» отвѣтилъ г. В. Розанову—нѣсколько туманно и неотчетливо, правда, какъ имѣетъ вообще обыкновеніе писать, но, въ сущности, весьма резонно и справедливо. Вѣра, полагалъ г. Тихомировъ, не есть *сознаніе*, а есть *откровеніе*. Она исходитъ *не отъ человѣка, а отъ Бога* и подлежитъ стало-быть въ своемъ бытіи и дѣйствіи *сверхъ-человѣческимъ* законамъ; это послѣднее должно, между прочимъ, означать и то, что всякое внѣшнее принужденіе человѣка къ религіозному вѣрованію—абсолютно несостоятельно, несостоятельно потому, именно, что вѣра внѣдряется въ душу человѣческую не людьми и не по-людски, а Богомъ и по-божески. Такова, насколько я могъ понять, мысль г. Л. Тихомірова. Не скажу, что-бы, съ логической точки зрѣнія, она была безукоризненна. Напротивъ, такъ, какъ формулирована, она подаетъ поводъ къ крупнымъ недоразумѣніямъ, но противу идей г. В. Розанова имѣетъ, все-же, и силу и значеніе. Въ аргументаціи г. Тихомірова неправиленъ, по моему, тотъ доводъ, что вѣра, какъ исходящее отъ Бога откровеніе, подлежитъ сверхъ-человѣческимъ законамъ бытія и дѣйствія. Это не ясно, но это и не вѣрно. Принявъ настоящую аргументацію г. Льва Тихомірова, придется заключить, что религіозная война и физически-насилующая церковная дѣятельность—незаконны, несостоятельны, но вполнѣ законна за то война идейная и физически-насилующая дѣятельность школы и ученыхъ обществъ, такъ какъ идеи—содержаніе науки и школы—подлежатъ логическимъ и человѣческимъ законамъ существованія. Вотъ заблужденіе, въ которое впадаемъ, согласившись съ основнымъ пунктомъ аргументаціи г. Л. Тихомірова. А то, что данный выводъ—именно заблужденіе, я постараюсь доказать черезъ иное опроверженіе Розановскаго положенія.

Г. В. Розановъ долженъ-бы умѣть различать самобытныя области въ дѣятельности человѣка; онъ долженъ-бы не смѣшивать законы, управляющіе физической, правовой, нравственной, интеллектуальной и религіозной жизнью человѣка.

Начало *физическаго* бытія есть *сила*, и *политическое* существованіе человѣка, которое представляетъ собою только расширеніе и укрѣпленіе его физической жизни,—опирается на это-же начало. Можно категорично утверждать, что—*какъ долго человѣчество будетъ жить, облекаясь въ форму политическихъ организмовъ, такъ*

домо оно будетъ жить физической силой и физическимъ принужденіемъ. Только сентиментально-хаотическая мысль можетъ себѣ представить грядущее съ всеобщимъ умиротвореніемъ человѣчества. Только она. Но насколько и нѣтъ и не будетъ политическаго организма, основаннаго на иномъ центральномъ началѣ, нежели физическая сила, *настолько и нѣтъ никакой другой области человѣческаго творчества, въ которомъ принципъ силы или принужденія получалъ-бы смыслъ и законность.* Исключеніе дѣлается для юридической жизни—этого конгломерата элементовъ физическаго, нравственнаго и интеллектуальнаго бытія.

Начало физическаго существованія—сила—ничтожно въ своемъ значеніи и для нравственнаго, и для интеллектуальнаго, и для религіознаго существованія: *физическая сила создаетъ политическое могущество, но сдѣлать кого-либо нравственнымъ, убѣжденнымъ во что-нибудь, вѣрующимъ она, очевидно, не можетъ.*

И насколько въ политической жизни примѣненіе физической силы *отвѣчаетъ* природѣ вещей, настолько примѣненіе ея въ нравственной, религіозной и интеллектуальной жизни *противорѣчитъ* природѣ вещей.

Въ заключеніе можно будетъ еще посовѣтовать г. Розанову ознакомиться съ содержаніемъ письма бл. Августина: «de moderate coercendis haereticis», гдѣ сказано, между прочимъ:

Haereses et scandala futura praedicta sunt, ut inter inimicos erudiamur, ac sic et fides et dilectio nostra possit esse probatior.

Ѳедоръ Шперкъ.

Сентябрь 94

КРИТИКА

ЗАБЫТЫЙ ПОЭТЪ-РЕАЛИСТЪ.

(Евгеній Абрамовичъ Баратынскій. 1800—1844).

Наслаждайтесь: все проходитъ!
То благой, то строгій къ намъ,
Своенравно рокъ приводитъ
Насъ къ утѣхамъ и къ бѣдамъ...

——

Воспѣваетъ простодушный
Онъ любовь и красоту,
И науки, имъ ослушной,
Пустоту и суету:
Мимолетныя страданья
Легкомыслiемъ цѣля,
Лучше, смертный, въ дни незнанья,
Радость чувствуетъ земля!

Баратынскій.

I.

29-го іюня исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со дня кончины Евгенія Абрамовича Баратынскаго, одного изъ тѣхъ поэтовъ, которые, съ Пушкинымъ во главѣ, внезапно блеснули яркимъ созвѣздіемъ на горизонтѣ нашей зарождавшейся литературы. Какъ личности съ несомнѣнными дарованіями, эти поэты, не исключая самого Пушкина, подвергались самымъ разнообразнымъ сужденіямъ, отъ восторженно-хвалительныхъ до яростно-порицательныхъ. Такое разнообразіе сужденій зависѣло, съ одной стороны, отъ разнообразія точекъ зрѣнія, примѣнявшихся къ упомянутымъ поэтамъ, а съ другой—отъ характера тѣхъ вліяній, которыя съ такою быстротою мѣнялись въ нашей критикѣ отъ начала нынѣшняго столѣтія и до послѣдняго времени.

Этотъ фактъ не долженъ смущать читателей. Литературная критика есть дѣло жизненное: какъ сама жизнь кишитъ, такъ

и критика, для полноты своихъ сужденій, должна отличаться разнообразіемъ приговоровъ и точекъ зрѣнія. Къ тому же такое разнообразіе имѣетъ свою полезную сторону: благодаря ему, читатели самыхъ противоположныхъ типовъ имѣютъ возможность составить себѣ о литературномъ явленіи наиболѣе полное или наиболѣе пріятное мнѣніе.

Давая на страницахъ „Новаго Слова“ очеркъ поэтическаго творчества Баратынскаго, я не имѣю въ виду навязать читателю свое мнѣніе, какъ нѣчто непогрѣшимое. Въ моей статьѣ читатель не найдетъ такъ называемой „исторической“ критики, которая обыкновенно примѣняется къ литературнымъ явленіямъ минувшихъ періодовъ. Предоставляя историческую точку зрѣнія записнымъ ученымъ, я съ своей стороны попытаюсь опредѣлить основныя черты поэзіи Баратынскаго и дать имъ оцѣнку, руководствуясь не доскональнымъ изученіемъ фактовъ біографическихъ, соціально-политическихъ, нравственныхъ и т. д., которыми обусловливалось творчество Баратынскаго, а собственнымъ чувствомъ и собственными идеалами...

Баратынскій, какъ поэтъ, вызвалъ еще при жизни нѣсколько отзывовъ, изъ которыхъ одинъ, безусловно-сочувственный, принадлежитъ Пушкину, два несочувственныхъ—Бѣлинскому. Послѣ смерти Баратынскаго появился четвертый отзывъ, принадлежавшій перу Плетнева. Отзывъ Плетнева, симпатизировавшаго вообще дарованію Баратынскаго, носитъ характеръ того критическаго типа, который можно назвать объективнымъ. Избѣгая оцѣнки произведенія съ точекъ зрѣнія формально-эстетической или существенно-эстетической, эта критика отмежевываетъ себѣ безобиднѣйшую на свѣтѣ задачу—найти и указать господствующія черты въ личности поэта или въ его произведеніяхъ. Совсѣмъ другого рода критическія статьи Бѣлинскаго. Бѣлинскій, какъ извѣстно, былъ человѣкъ убѣжденія, хотя его убѣжденія измѣнялись подъ разнообразными историческими вліяніями. Убѣжденность не позволяла Бѣлинскому оглядывать литературныя явленія съ холодныхъ олимпійскихъ высотъ. Въ свою критику онъ всегда вносилъ свѣтъ своихъ идеаловъ, и потому его критика была въ полномъ смыслѣ слова оцѣнкой произведенія. Разбирая произведеніе, Бѣлинскій въ то же время указывалъ, въ чемъ, по его мнѣнію, заключается истина, въ чемъ—благо. Вотъ почему въ своей

статьѣ о Баратынскомъ я долженъ буду останавливать вниманіе читателей на мнѣніяхъ Бѣлинскаго.

Совсѣмъ по другой причинѣ я коснусь и отзыва Пушкина. Пушкинъ—нашъ первоклассный художникъ, одаренный къ тому же проницательнымъ критическимъ чутьемъ. Принимая въ соображеніе эти данныя, я не нахожу никакой возможности обойти и тотъ отзывъ о Баратынскомъ, какой данъ былъ Пушкинымъ. Надѣюсь, читатели не посѣтуютъ на меня за мои экскурсіи въ область стародавней критики...

II.

Уже въ 1822 г., т. е. въ самомъ началѣ литературной дѣятельности Баратынскаго, Пушкинъ въ письмѣ къ кн. Вяземскому пишетъ: „Но каковъ Баратынскій? Признайся, что онъ превзойдетъ и Парни, и Батюшкова, если впредь зашагаетъ, какъ шагалъ до сихъ поръ. Вѣдь 23 года счастливцу! Оставимъ всѣ ему эротическое поприще и кинемся каждый въ свою сторону, а то спасенья нѣтъ“... Въ 1824 г. по поводу стихотворенія Баратынскаго „Признаніе“ Пушкинъ пишетъ въ письмѣ своемъ къ А. А. Бестужеву: „Баратынскій—прелесть и чудо. „Признаніе“—совершенство! Послѣ него никогда не стану печатать своихъ элегій“... Въ 1826 г. Пушкинъ въ письмѣ къ Дельвигу разсыпается въ похвалахъ поэмѣ Баратынскаго „Эда“ и т. д. Въ 1827 г. Пушкинъ по поводу перваго изданія стихотвореній Баратынскаго набрасываетъ программу цѣлой статьи о немъ. Наконецъ, въ 1831 г. нашъ поэтъ пишетъ самую статью, которая, впрочемъ, впервые появляется въ печати только въ посмертномъ изданіи его сочиненій.

Вотъ основныя положенія этой программы и этой статьи:

„Истинный вкусъ не въ томъ состоитъ, что въ безотчетномъ отверженіи dédaigne такое-то слово, такой-то оборотъ, но въ чувствѣ соразмѣрности цѣлаго и сообразности частей“.

„Первыя произведенія Баратынскаго обратили на него вниманіе. Знатоки съ удивленіемъ увидѣли въ первыхъ опытахъ зрѣлость и стройность необыкновенную“.

„Сіе преждевременное развитіе всѣхъ поэтическихъ способностей, можетъ быть, зависѣло отъ обстоятельствъ, но уже предрекло намъ то, что нынѣ выполнено столь блистательнымъ образомъ“.

„Баратынскій принадлежитъ къ числу отличныхъ нашихъ поэтовъ. Онъ у насъ оригиналенъ—ибо мыслитъ. Онъ былъ бы оригиналенъ и вездѣ, ибо мыслитъ по своему, правильно и независимо, между тѣмъ какъ чувствуетъ сильно и глубоко. Гармонія его стиховъ, свѣжесть слога, живость и точность выраженія должны поразить всякаго, хотя нѣсколько одареннаго вкусомъ, чувствомъ".

Послѣднія, болѣе зрѣлыя и совершенныя произведенія Баратынскаго, по свидѣтельству Пушкина, не имѣли въ публикѣ столь блестящаго успѣха, какъ первыя. Пушкинъ указываетъ три причины, которыми обусловливалось такое равнодушіе публики.

„Первою должно почесть самое сіе совершенствованіе, самую зрѣлость его произведеній. Понятія, чувства 18-ти лѣтняго поэта еще близки и сродны всякому; молодые читатели понимаютъ его, и съ восхищеніемъ въ его произведеніяхъ узнаютъ свои собственныя чувства и мысли, выраженныя ясно, живо и гармонически. Но лѣта идутъ—юный поэтъ мужаетъ, талантъ его растетъ, понятія становятся выше, чувства измѣняются—пѣсни его уже не тѣ, а читатели все тѣ же и развѣ только холоднѣе сердцемъ и равнодушнѣе къ поэзіи жизни. Поэтъ отдѣляется отъ нихъ и мало по малу уединяется совершенно. Онъ творитъ для самого себя, и если изрѣдка еще обнародываетъ свои произведенія, то встрѣчаетъ холодность, невниманіе и находитъ отголосокъ своимъ звукамъ только въ сердцахъ нѣкоторыхъ поклонниковъ поэзіи, какъ онъ, уединенныхъ".

„Вторая причина есть отсутствіе критики и общаго мнѣнія. У насъ литература не есть потребность народная. Писатели получаютъ извѣстность посторонними обстоятельствами, публика мало ими занимается; классъ читателей ограниченъ, и имъ управляютъ журналы, которые судятъ о литературѣ какъ о политической экономіи, о политической экономіи какъ о музыкѣ, т. е. наобумъ, по наслышкѣ, безъ основательныхъ правилъ и свѣдѣній, а большею частью по личнымъ разсчетамъ. Будучи предметомъ ихъ неблагосклонности, Баратынскій никогда за себя не вступался, не отвѣчалъ ни на одну журнальную статью. Правда, что довольно трудно оправдываться тамъ, гдѣ не было обвиненія, и что, съ другой стороны, довольно легко презирать ребяческую злость и площадныя на-

смѣшки—тѣмъ не менѣе, ихъ приговоры имѣютъ рѣшительное вліяніе".

„Третья причина—эпиграммы Баратынскаго; сіи мастерскія, образныя эпиграммы не щадили правителей русскаго Парнаса. Поэтъ нашъ не только никогда не нисходилъ къ журнальной полемикѣ и не любилъ состязаться съ нашими аристархами, несмотря на необыкновенную силу своей діалектики, но и не могъ удержаться, чтобы сильно не выразить иногда своего мнѣнія въ этихъ маленькихъ сатирахъ, столь забавныхъ и язвительныхъ. Не смѣемъ упрекать его за нихъ. Слишкомъ было-бы жаль, если бы онѣ не существовали".

„Сія безпечность о судьбѣ своихъ произведеній, сіе неизмѣнное равнодушіе къ успѣху и похваламъ, не только въ отношеніи къ журналистамъ, но и въ отношеніи къ публикѣ, очень замѣчательны. Никогда не старался онъ малодушно угождать господствующему вкусу и требованіемъ мгновенной моды, никогда не прибѣгалъ къ шарлатанству, преувеличенію (exagération) для произведенія большаго эффекта, никогда не пренебрегалъ трудами неблагодарными, рѣдко замѣчаемыми, трудами отдѣлки и отчетливости. Никогда не тащился онъ по пятамъ свой вѣкъ увлекающаго генія, подбирая имъ оброненные колосья: онъ шелъ своею дорогою одинъ и независимъ. Время ему занять степень, ему принадлежащую, и стать подлѣ Жуковскаго и выше пѣвца Пенатовъ и Тавриды *)"...

Таковы основныя положенія отзыва Пушкина о Баратынскомъ. Въ той же статьѣ есть еще болѣе подробные отзывы о двухъ поэмахъ Баратынскаго—о „Балѣ" и „Эдѣ".

III.

Обозрѣвая сдѣланныя выписки, мы должны придти къ слѣдующему.

Пушкинъ прежде всего вооружается противъ того наивнаго критическаго метода, который царилъ въ его время. Тогдашніе критики при оцѣнкѣ поэтическихъ произведеній главнымъ образомъ заботились о правильности и чистотѣ слога. Если слогъ произведенія отличался чистотой и правильностью, произведеніе удостоивалось громкихъ похвалъ, хотя бы по своему содержанію оно представляло наборъ фразъ. Но Боже упаси,

*) Батюшкова.

если даровитый авторъ въ произведеніи, отличающемся серьезностью содержанія, отступитъ отъ рутинныхъ правилъ слога: его произведеніе, хотя бы оно представляло глубокое явленіе въ области искусства, безповоротно забраковывалось мудрыми аристархами того времени.

Находя такую критику недостаточной, Пушкинъ указываетъ другую, основанную на чувствѣ „соразмѣрности цѣлаго и сообразности частей“, т. е. критику формально-эстетическую, на основаніи которой преимущественно подобаетъ судить поэтическія произведенія. Но въ своей характеристикѣ Баратынскаго Пушкинъ не ограничивается указаніями на „стройность“ и „соразмѣрность“ его произведеній. Не менѣе вниманія обращено имъ и на отличительныя черты Баратынскаго, какъ поэта. Главною его особенностью Пушкинъ почитаетъ оригинальность, выражающуюся въ своеобразной правильной мысли и въ глубокомъ, живомъ чувствѣ. Къ сожалѣнію, Пушкинъ только намѣтилъ эти черты поэзіи Баратынскаго, не давъ имъ никакого опредѣленнаго развитія, вслѣдствіе чего его характеристика является довольно спорной.

„Баратынскій у насъ оригиналенъ — ибо мыслитъ“. Насъ прежде всего поражаетъ причинная связь, которую Пушкинъ устанавливаетъ между мышленіемъ и оригинальностью: Баратынскій мыслитъ и потому онъ оригиналенъ. Но развѣ есть такіе поэты, которые не мыслятъ и которыхъ на этомъ основаніи нельзя признать оригинальными*).

„Баратынскій мыслитъ правильно и независимо, между тѣмъ какъ чувствуетъ сильно и глубоко“. Здѣсь мы опять должны выразить свое недоумѣніе. Пушкинъ какъ будто бы противополагаетъ правильное и независимое мышленіе сильному и глубокому чувству; Пушкинъ какъ будто бы думаетъ, что поэтъ, правильно и независимо мыслящій, не можетъ испытывать сильныхъ и глубокихъ чувствъ, и потому сочетаніе правильной, независимой мысли и сильнаго, глубокаго чувства, замѣчаемое въ Баратынскомъ, заслуживаетъ глубокаго изумленія.

Самыя выраженія, которыя употребляетъ Пушкинъ, столь эластичны, что могутъ быть примѣнены не только къ Баратынскому, но и къ какому угодно другому поэту. Для примѣра возьмемъ хотя бы Л. Толстого. Развѣ о Толстомъ нельзя ска-

*) Разумѣю поэтовъ талантливыхъ, потому что о бездарностяхъ не можетъ быть и рѣчи.

зать, что „онъ у насъ оригиналенъ—ибо мыслитъ. Онъ былъ бы оригиналенъ и вездѣ, ибо мыслитъ по своему, правильно и независимо, между тѣмъ какъ чувствуетъ сильно и глубоко“? Приложите къ Толстому всѣ эти эпитеты: оригинальность, правильная и независимая мысль, сильное и глубокое чувство, и вы подумаете, что они придуманы Пушкинымъ именно для Толстого. Но то же самое можно сказать и о Достоевскомъ. И возьмите какого угодно поэта: о каждомъ изъ нихъ можно сказать то, что Пушкинъ говоритъ о Баратынскомъ. А въ такомъ случаѣ довольно трудно представить себѣ музу Баратынскаго, какъ нѣчто отличающееся отъ другихъ музъ. Вѣдь охарактеризовать поэта значитъ указать тѣ черты его, которыми онъ отличается отъ другого. Только такія черты, въ своей совокупности, могутъ рѣзко обозначить въ нашемъ умѣ личность поэта или физіономію его музы. Поэтому, когда говорятъ о поэтѣ, что онъ оригиналенъ, что онъ правильно и независимо мыслитъ, что онъ глубоко чувствуетъ, необходимо указать, въ чемъ состоитъ его оригинальность, какова его основная идея, въ чемъ выразилась глубина и сила его чувства...

Разбирая причины равнодушія читателей и критиковъ къ послѣднимъ произведеніямъ Баратынскаго, Пушкинъ дѣлаетъ много мѣткихъ замѣчаній. Такъ, онъ совершенно справедливо говоритъ о неразвитости тогдашнихъ читателей, которымъ была не подъ силу именно зрѣлость произведеній Баратынскаго; о безалаберности тогдашней критики, которая судила „наобумъ, по наслышкѣ, безъ основательныхъ правилъ и свѣдѣній, по личнымъ разсчетамъ“. Наконецъ, вѣроятно, справедливо указаніе Пушкина и на эпиграммы Баратынскаго, какъ на одну изъ немаловажныхъ причинъ ненависти къ нему тогдашнихъ критиковъ. Всѣ эти причины, въ своей совокупности, дѣйствительно могли способствовать равнодушію современной публики къ Баратынскому. Что же касается до заключительныхъ словъ Пушкина о самобытности Баратынскаго („никогда не тащился онъ по пятамъ свой вѣкъ увлекающаго генія, подбирая имъ оброненные колосья“), о независимости его мысли отъ модныхъ требованій времени, то къ нимъ нужно отнестись съ особеннымъ вниманіемъ въ виду того, что эти качества въ самомъ дѣлѣ цѣнны въ каждомъ поэтѣ.

Пушкинъ совершенно справедливо говоритъ поэту въ одномъ изъ своихъ стихотвореній:

Ты—царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородный.

IV.

Совершенно въ иномъ духѣ написана статья Бѣлинскаго, явившаяся въ 1835 г. Вотъ въ подлинныхъ выпискахъ мнѣніе Бѣлинскаго.

„Г. Баратынскій поэтъ ли? Если поэтъ — какое вліяніе имѣли на нашу литературу его сочиненія? какой новый элементъ внесли они въ нее? какой ихъ отличительный характеръ? наконецъ, какое мѣсто занимаютъ они въ нашей литературѣ?“.

Таковы тѣ вопросы, которые ставитъ Бѣлинскій въ своей статьѣ. Самый важный изъ этихъ вопросовъ—первый. Отъ рѣшенія перваго вопроса зависитъ и рѣшеніе слѣдующихъ. Если найдено будетъ, что Баратынскій—не поэтъ, то вопросы о вліяніи его на литературу, о существенныхъ чертахъ его поэзіи и т. д. могутъ быть оставлены безъ отвѣта, потому что писатель, не обладающій поэтическимъ дарованіемъ, не можетъ оказать никакого вліянія на поэзію своего народа. Итакъ, поэтъ-ли Баратынскій, или нѣтъ?

„Нѣсколько разъ перечитывалъ я стихотворенія г. Баратынскаго и вполнѣ убѣдился, что поэзія только изрѣдка и слабыми искорками блеститъ въ нихъ. Основной и главный элементъ ихъ составляетъ умъ, изрѣдка задумчиво разсуждающій о высокихъ человѣческихъ предметахъ, почти всегда скользящій по нимъ, но всего чаще разсыпающійся каламбурами и блещущій остротами. Слѣдующее стихотвореніе, взятое на выдержку, всего лучше характеризуетъ свѣтскую, паркетную музу г. Баратынскаго:

Нѣтъ, обманула васъ молва,
По прежнему дышу я вами.
И надо мной свои права
Вы не утратили съ годами.
Другимъ курилъ я ѳиміамъ,
Но васъ носилъ въ святынѣ сердца,

Молился новымъ образамъ,
Но съ безпокойствомъ старовѣрца.

Скажите, Бога ради, неужели это чувство, фантазія, а не игра ума?“ „И перечтите всѣ стихотворенія г. Баратынскаго: что вы увидите въ каждомъ изъ лучшихъ? Два-три стиха, вылившіеся изъ сердца; потомъ риторику, потомъ нѣсколько прозаическихъ стиховъ; но вездѣ умъ, вездѣ литературную ловкость, умѣнье, навыкъ, щегольскую отдѣлку и больше ничего. Читая эти два тома, вы видите, что они написаны человѣкомъ, для котораго жизнь была не сномъ, который мыслилъ, чувствовалъ, котораго занимали и интересовали предметы человѣческаго уваженія, но ни одно изъ нихъ не западетъ вамъ въ душу, не взволнуетъ ея могучею мыслью, могучимъ чувствомъ, не истомитъ ея сладкою тоскою и не наполнитъ тревожнымъ упоеніемъ, отъ котораго занимается духъ и по тѣлу пробѣгаетъ электрическій холодъ. Я не могу сравнивать въ этомъ отношеніи г. Баратынскаго съ Пушкинымъ; такое сравненіе было бы недобросовѣстно. Возьмемъ параллель пониже; возьмемъ г. Козлова и противопоставимъ его г. Баратынскому — то-ли это? Г. Козловъ—поэтъ не геніальный, поэтъ обыкновенный, но вотъ что значитъ быть истиннымъ поэтомъ въ какой бы то ни было степени! Можете ли вы читать безъ упоенія его дивную, роскошную, таинственную, благоухающую и блестящую „Венеціанскую ночь“ и многія мелкія стихотворенія; не пробуждаютъ ли всей вашей души многія мѣста изъ его „Чернеца“ и не вызываютъ ли они всѣхъ вашихъ задушевныхъ думъ, не откликаетесь ли вы на нихъ своимъ чувствомъ? Есть и у г. Баратынскаго нѣсколько замѣчательныхъ стихотвореній, какъ-то: „Элегія на смерть Гете“, „О счастіи съ младенчества тоскуя“, „Дало двѣ доли Провидѣнье“, „Когда печалью вдохновенный“, „Бѣжитъ невѣрное здоровье“, „Не искушай меня безъ нужды“, „Притворной нѣжности не требуй отъ меня“, „Черепъ“, „Послѣдняя смерть“; но одни изъ нихъ хороши по мысли, но холодны, а всѣ вообще оставляютъ въ душѣ такое же слабое впечатлѣніе, какъ дуновеніе устъ на стеклѣ зеркала: оно легко и скоропреходяще. Въ наше время, холодное, прозаическое время, надо въ поэзіи огня да огня: иначе насъ трудно разогрѣть“.

„Въ числѣ необходимыхъ условій, составляющихъ истиннаго поэта, должна непремѣнно быть современность. Поэтъ

больше нежели кто-нибудь долженъ быть сыномъ своего времени. Скажите, Бога ради, можетъ ли поэтъ нашего времени написать два длинныхъ, вялыхъ прозаическихъ посланія, каковы къ Богдановичу и Гнѣдичу, въ которыхъ самый механизмъ стиховъ скрипитъ, какъ тяжелыя ворота на вереяхъ, и въ которыхъ нѣтъ не только ни искры чувства, но даже и порядочной мысли? Можетъ ли поэтъ нашего времени написать, а если уже имѣлъ несчастіе написать, то помѣстить въ полномъ собраніи своихъ сочиненій, напримѣръ, вотъ такое стихотвореньице:

Не знаю, милая, не знаю!
Краса плѣнительна твоя:
«Не знаю» я предпочитаю
Всѣмъ тѣмъ, которыхъ знаю я.

Чѣмъ это сантиментальное стихотвореніе лучше „Тріолета Лилетѣ“, написаннаго Карамзинымъ:

Вчера ненастливая ночь
Меня застала у Лилеты.
Остаться ль мнѣ, идти ли прочь,
Межъ нами долго шли совѣты... и т. д.

И это поэзія?... И это хотятъ насъ заставить читать, насъ, которые знаютъ наизусть стихи Пушкина?.. И говорятъ еще, что XVIII вѣкъ кончился!...“

„О поэмахъ г. Баратынскаго я ничего не хочу говорить: ихъ давно никто не читаетъ. Нападать на нихъ было бы грѣшно, защищать странно“.

V.

Сопоставляя статьи Пушкина и Бѣлинскаго, мы видимъ, какая глубокая разница сказывается въ сужденіяхъ двухъ замѣчательныхъ людей начала нынѣшняго столѣтія объ одномъ и томъ же предметѣ. Пушкинъ утверждаетъ, что „Баратынскій принадлежитъ къ числу отличныхъ нашихъ поэтовъ“; Бѣлинскій осмѣливается поставить вопросъ, поэтъ ли Баратынскій, и этотъ вопросъ онъ рѣшаетъ отрицательно. По мнѣнію Бѣлинскаго, подтверждаемому удачными примѣрами, поэзія только изрѣдка сверкаетъ въ стихотвореніяхъ Баратынскаго; большею же частью его стихотворенія изобилуютъ реторикой и прозой; ни одно стихотвореніе Баратынскаго не западетъ въ душу, не взволнуетъ ее могучимъ чувствомъ, не

истомитъ ея сладкой тоскою, не наполнитъ тревожнымъ упоеніемъ, и т. д. Пушкинъ находитъ, что стихъ Баратынскаго гармониченъ, слогъ свѣжъ, выраженія живы и точны; Бѣлинскій заявляетъ, что стихъ Баратынскаго большею частью холоденъ и прозаиченъ, что „механизмъ его стиховъ скрипитъ, какъ тяжелыя ворота на вереяхъ“.

Въ одномъ только пунктѣ сходится Бѣлинскій съ Пушкинымъ, именно въ опредѣленіи сущности поэзіи Баратынскаго. Пушкинъ основнымъ элементомъ его поэзіи считаетъ мысль; Бѣлинскій основнымъ элементомъ его поэзіи считаетъ умъ. Но затѣмъ и Пушкинъ и Бѣлинскій снова расходятся. Пушкинъ считаетъ мысль Баратынскаго правильной и независимой (хотя и не указывается, въ чемъ состоитъ эта правильность и независимость); Бѣлинскій находитъ, что умъ Баратынскаго только изрѣдка задумчиво разсуждаетъ о высокихъ темахъ; большею же частью только поверхностно скользитъ по нимъ.

Наконецъ, Пушкинъ и Бѣлинскій предъявляютъ Баратынскому діаметрально-противоположныя требованія: по мнѣнію Пушкина, поэтъ не долженъ подчиняться вѣяніямъ своего времени, по мнѣнію Бѣлинскаго поэтъ, болѣе нежели кто-нибудь, долженъ быть сыномъ своего вѣка.

Кто изъ двухъ знаменитыхъ людей правъ и кто неправъ? Неужели въ оцѣнкѣ Баратынскаго ошибся Бѣлинскій? Неужели эстетическое чутье, которымъ такъ великъ Бѣлинскій, на этотъ разъ измѣнило ему? Я говорю объ эстетическомъ чутьѣ, а не о другихъ причинахъ несочувственности отзыва Бѣлинскаго. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, подвести Бѣлинскаго подъ тѣ три причины равнодушія къ Баратынскому, которыя перечислилъ Пушкинъ. Во-первыхъ, Бѣлинскаго нельзя отнести къ такимъ читателямъ, которые съ лѣтами дѣлаются холоднѣе сердцемъ и равнодушнѣе къ поэзіи жизни. Если кому-либо изъ тогдашнихъ читателей и можно приписать горячее сердце и глубокую любовь къ поэзіи, такъ именно Бѣлинскому. Итакъ, нѣтъ никакой возможности видѣть причину несочувственнаго отзыва Бѣлинскаго въ его холодности и непониманіи поэзіи. Напротивъ того, въ стихотвореніяхъ самого Баратынскаго Бѣлинскій находитъ отсутствіе того огня, который могъ бы расшевелить его холодное прозаическое время...

Можетъ быть въ несочувственной оцѣнкѣ Бѣлинскаго ви-

новата вторая причина, указанная Пушкинымъ? Можетъ быть, Бѣлинскій былъ такимъ человѣкомъ, который судилъ о поэзіи наобумъ, по наслышкѣ, безъ основательныхъ причинъ и свѣдѣній, по личнымъ разсчетамъ? Всякій читатель, даже знающій о Бѣлинскомъ только по наслышкѣ, съ негодованіемъ отвергнетъ подобное предположеніе. Бѣлинскій былъ одаренъ необыкновеннымъ эстетическимъ чутьемъ, которое при всѣхъ перемѣнахъ въ его убѣжденіяхъ оставалось цѣльнымъ и нетронутымъ. Благодаря этому чутью, Бѣлинскій очень рѣдко ошибался въ оцѣнкѣ начинающихъ писателей. Нѣкоторые его приговоры, напротивъ, поразительны по своему пророческому значенію. Помните ли вы, читатель, какъ Бѣлинскій на основаніи „Бѣдныхъ людей“ и „Двойника“ предрекъ Достоевскому его будущую славу? Талантъ Достоевскаго, по мнѣнію Бѣлинскаго, выраженному уже въ 1846 г., „принадлежитъ къ разряду тѣхъ, которые постигаются и признаются не вдругъ. Много, въ продолженіе его поприща, явится талантовъ, которыхъ будутъ противопоставлять ему, но кончится тѣмъ, что о нихъ забудутъ именно въ то время, когда онъ достигнетъ апогея своей славы“. Это пророчество исполнилось съ буквальной точностью, и уже имѣя этотъ фактъ, мы смѣло можемъ сказать, что Бѣлинскій не можетъ быть отнесенъ къ тѣмъ критикамъ, которые судили наобумъ, по наслышкѣ, не говоря уже о личныхъ разсчетахъ, въ которыхъ его не могутъ упрекнуть даже враги.

О третьей причинѣ и говорить нечего: Баратынскій вовсе не задѣвалъ Бѣлинскаго своими эпиграммами; слѣдовательно, и эту причину нужно оставить въ сторонѣ. Въ чемъ же причина несочувственнаго отзыва Бѣлинскаго? Можетъ быть, Баратынскій въ самомъ дѣлѣ подходитъ подъ характеристику Бѣлинскаго? Допустимъ это, и у насъ явится вопросъ, неужели ошибался въ оцѣнкѣ Баратынскаго Пушкинъ? Вѣдь Пушкинъ, какъ геніальный художникъ, долженъ считаться тонкимъ знатокомъ поэзіи. Оцѣнивая Баратынскаго, онъ съ особенною силою напираетъ на его замѣчательность, на основаніи которой онъ ставитъ его рядомъ съ Жуковскимъ и выше Батюшкова. Этотъ фактъ долженъ обратить наше особенное вниманіе, прежде чѣмъ произнести приговоръ надъ поэзіей Баратынскаго. Дѣло въ томъ, что, можетъ быть, и Пушкинъ, и Бѣлинскій одинаково правы, правы въ томъ смыслѣ, что

сама поэзія Баратынскаго даетъ обильные матеріалы для противоположныхъ сужденій, что въ ней одинаково соединены и крупныя достоинства и крупные недостатки. Во всякомъ случаѣ вопросъ о томъ, кто правъ и кто неправъ, можетъ быть рѣшенъ лишь тогда, когда мы обратимся къ самимъ стихотвореніямъ Баратынскаго [1]).

VI.

Приступая къ разбору стихотвореній Баратынскаго, Бѣлинскій поставилъ вопросъ, поэтъ ли Баратынскій, т. е. выразилъ ли онъ въ своихъ стихахъ то, что въ философіи называется красотой. Красота, т. е. гармоническое сочетаніе совершенной формы и совершеннаго содержанія, должна быть мѣриломъ поэтическаго достоинства. Если въ произведеніяхъ писателя глубоко чувствуется это сочетаніе совершенной формы и идеальнаго содержанія, то изъ этого ясно, что этотъ писатель истинный поэтъ и, какъ истинный поэтъ, требуетъ къ себѣ полнаго вниманія.

Что касается до формальной стороны въ стихотвореніяхъ Баратынскаго, то нужно сказать, что приговоръ Бѣлинскаго справедливъ по отношенію ко многимъ стихотвореніямъ. Если взять только слогъ, т. е. самое элементарное выраженіе формы, то мы увидимъ, что онъ очень далекъ отъ совершенства. Въ своихъ произведеніяхъ Баратынскій допускаетъ неточность выраженій [2]), выдумываетъ свои слова [3]), щеголяетъ архаизмами, рѣжущими современное ухо [4]). Самый стихъ его часто отличается крайнею тяжеловѣсностью, столь непріятною для насъ послѣ гармоничныхъ, музыкальныхъ стиховъ Пушкина и Лермонтова: ради метра и риемы Баратынскій ломаетъ строй русской рѣчи, придаетъ словамъ странныя окончанія [5]). Нако-

---

1) Цитаты будутъ дѣлаемы мною по московскому изданію 1869 г.

2) Я зрѣлъ на немъ (на черепѣ) ходъ постепенный тлѣнья..
Обычай правъ, усопшихъ важный сонъ
Намъ почитать издревле повелѣвшій (XLVII).

3) Безвеселье (XLVI), летунъ сѣдой (I), нѣмотствующая пустыня (CLV).

4) Зримъ, златой, младость (XLVI), дщерь (CIII), длань (CLI), зане (CXX).

5) Ты самъ себя, и простъ и поделъ вкупѣ,
Эпитиміей затѣйливой казнишь... (XCVI).

нецъ, еще одинъ важный недостатокъ, присущій его стихамъ, это какая-то холодность, отсутствіе того страстнаго одушевленія, явнаго или скрытаго, который составляетъ душу всякой поэзіи.

Возьмемъ для примѣра нѣсколько стихотвореній. Въ самомъ началѣ „Сочиненій“ Баратынскаго есть стихотвореніе, носящее заглавіе „Дельвигу“. Вотъ оно:

Такъ, любезный мой Горацій,
Такъ, хоть радъ, хотя не радъ,
Но теперь я Музъ и Грацій
Промѣнялъ на вахтпарадъ;
Сыну милому Венеры,
Пріунывъ, прости сказалъ,
Гордый лавръ и миртъ веселый
Киверъ воина тяжелый
На главѣ моей измялъ;
Строю нѣтъ въ забытой лирѣ,
Х л а д н о день за днемъ идетъ,
И теперь меня въ мундирѣ
Геній мой не узнаетъ!
Мнѣ ли думать о куплетахъ?
За свирѣль... а тутъ б ѣ д ы!
М а р с ъ, з а т я н у т ы й в ъ ш т и б л е т а х ъ,
Обѣгаетъ ужъ ряды,
Кличетъ ратниковъ п о с в о й с к и.
О, судьбы переворотъ!
Твой поэтъ летитъ геройски,
Вмѣсто Пинда, на разводъ.
Вамъ, свободные піиты,
Пѣть, любить; меня же врядъ
Иль Камены, иль Хариты
Въ караулѣ навѣстятъ. И т. д.

Приложите къ этимъ стихамъ выраженіе Пушкина: „гармонія стиховъ“, „свѣжесть слога“, „живость и точность выраженія“, которыя должны поразить всякаго, хотя нѣсколько одареннаго вкусомъ, чувствомъ, и вы дѣйствительно поразитесь, хотя въ совершенно обратномъ смыслѣ, нежели ожидалъ Пушкинъ. Поразительны здѣсь выраженія: „по свойски“, „а тутъ бѣды“, которыя понадобились, очевидно, для риѳмы со словами: геройски, ряды; поразителенъ этотъ образъ „Марса, затянутаго въ штиблетахъ“; поразительно, наконецъ, то, что такой несомнѣнно умный человѣкъ, какъ Баратынскій, счелъ нужнымъ исказить это холодное прозаическое посланіе стихотворнымъ размѣромъ.

Возьмемъ стихотвореніе въ другомъ духѣ, „Ожиданіе“ [1]): его тема—ожиданіе возлюбленной. Такая тема способна расшевелить и воодушевить человѣка съ деревянной душой. Посмотрите, какъ обрабатываетъ эту тему Баратынскій:

Она придетъ! Къ ея устамъ
Прижмусь устами я моими,
Пріютъ укромный будетъ намъ
Подъ с и м и вязами густыми!
Волненьемъ страстнымъ я томимъ;
Но близъ любезной укротимъ
Желаній пылкихъ нетерпѣнье:
Мы ими счастію вредимъ
И сокращаемъ наслажденье (LX).

Вообразите себѣ, читатель, что вы приступили къ знакомому вамъ чопорному господину, котораго считаютъ поэтомъ, съ просьбой написать стихотвореніе на эротическую тему. Не чувствуя никакой охоты къ поэтическому творчеству, вашъ знакомый отказываетъ вамъ. Но вы не унимаетесь и послѣ долгой борьбы побѣждаете, наконецъ, сопротивленіе поэта. Вашъ поэтъ съ усиліемъ начинаетъ выжимать изъ себя риѳмованныя строчки, чтобы только отдѣлаться отъ вашей назойливости. И вотъ, послѣ долгихъ и мучительныхъ выжиманій, онъ преподноситъ вамъ стихотвореніе „Ожиданіе“; въ этомъ стихотвореніи монотонно повѣствуется объ укромномъ пріютѣ, готовомъ подъ с и м и вязами густыми для возлюбленной, къ которой поэтъ навѣрное явится во фракѣ, въ бѣлыхъ перчаткахъ и бѣломъ галстухѣ... Сопоставьте стихотвореніе Баратынскаго хоть со стихотвореніемъ, написаннымъ на ту же тему тринадцатилѣтнимъ Пушкинымъ:

О Делія драгая!
Спѣши, моя краса!
Звѣзда любви златая
Взошла на небеса,
Безмолвно мѣсяцъ покатился:
Спѣши; твой Аргусъ удалился,
И тронулъ сонъ его глаза.
Подъ сѣнью потаенной
Дубравной тишины,
Гдѣ токъ уединенный
Сребристыя волны
Журчитъ съ унылой Филомелой,
Готовъ пріютъ любви веселой
И блескомъ освѣщенъ луны.

[1]) Оно приводится и въ статьѣ Бѣлинскаго.

Накинутъ ночи тѣни
Покровы намъ свои,
И дремлютъ рощей тѣни,
И быстро часъ любви
Летитъ—я весь горю желаньемъ!
Спѣши, о Делія, свиданьемъ;
Пади въ объятія мои.

Въ стихотвореніи Пушкина не мало архаизмовъ, непріятно поражающихъ нашъ слухъ. Но несмотря на этотъ недостатокъ, оно несравненно выше стихотворенія Баратынскаго: стихъ отличается гармоніей и легкостью; образы, рисуемые поэтомъ-ребенкомъ, рельефно выдѣляются въ нашемъ воображеніи; наконецъ, въ этомъ стихотвореніи чувствуется тотъ неуловимый элементъ, который на языкѣ человѣческомъ передается блѣднымъ, ничего не выражающимъ словомъ поэзія...

VII.

Не менѣе велики и недостатки содержанія произведеній Баратынскаго. Въ этомъ отношеніи современнаго читателя должно удивить то, что многія стихотворенія Баратынскаго суть не что иное, какъ интимная бесѣда автора съ близкими знакомыми. Если бы въ этой бесѣдѣ затрогивались какіе-нибудь важные общечеловѣческіе вопросы, или высказывались какія-нибудь замѣчательныя идеи, или, наконецъ, художественно воспроизводились бы какіе-нибудь картины или образы изъ жизни (хотя бы даже и личной), то читатель, такъ и быть, примирился бы съ такимъ страннымъ видомъ поэзіи. Но дѣло въ томъ, что многія стихотворенія Баратынскаго, адресованныя знакомымъ и написанныя по случаю, представляютъ довольно пустенькую болтовню о ничтожныхъ фактикахъ или настроеньицахъ изъ личной жизни, до которыхъ читателямъ не можетъ быть никакого дѣла. И вдобакокъ, вся это болтовня преподносится намъ иногда въ виршахъ, напоминающихъ блаженныя времена Симеона Полоцкаго *).

*) Примѣромъ можетъ служить вышеприведенное стихотвореніе „Дельвигу“ (II). Изъ другихъ стихотвореній, не имѣющихъ формы посланія, укажу такое, которое должно привести въ бѣшенный восторгъ поклонниковъ чистаго“ искусства:

Пушкинъ въ своемъ стихотвореніи „Чернь“ на просьбу народа о томъ, чтобы поэтъ въ своемъ творчествѣ руководился серьезными умственными и нравственными цѣлями, отвѣтилъ извѣстными стихами:

Подите прочь! Какое дѣло
Поэту мирному до васъ!
Въ развратѣ каменѣйте смѣло:
Не оживитъ васъ лиры гласъ... и т. д.

Разбирая этотъ отвѣтъ поэта, Писаревъ въ статьѣ „Пушкинъ и Бѣлинскій“ дѣлаетъ слѣдующія неопровержимыя замѣчанія, которыя вполнѣ примѣнимы и ко многимъ стихотвореніямъ Баратынскаго:

„Мирному поэту нѣтъ дѣла до умственныхъ и нравственныхъ потребностей народа; ему нѣтъ дѣла до пороковъ и страданій окружающихъ людей; ему нѣтъ дѣла до того, что эти люди желаютъ мыслить и совершенствоваться и просятъ себѣ живого слова и разумнаго совѣта у того, кто самъ себя величаетъ сыномъ небесъ и въ комъ они также признаютъ избранника небесъ и божественнаго посланника. Спрашивается, въ такомъ случаѣ, до кого и до чегоже ему есть дѣло?—До самого себя и до своихъ собственныхъ ощущеній? До веселой попойки съ любезнымъ другомъ Ивановымъ, до пріятной болтовни съ чудеснымъ милымъ Семеновымъ, до катанья на тройкѣ съ отличнымъ товарищемъ Андреевымъ? До золотыхъ локоновъ прелестный А., до лебединой шеи очаровательной В., до миленькой ножки несравненной С., до голубыхъ очей восхитительной Д.?—Вѣдь, на самомъ дѣлѣ, если отодвинуть въ сторону всѣ миѳологическія фіоритуры,—служеніе Музъ, которое не терпитъ суеты, и священная жертва, къ которой Аполлонъ требуетъ поэта, окажутся просто интимною болтовнею поэта съ милыми подругами о ихъ собственныхъ прелестяхъ. Такая болтовня очень интересна для

Ропотъ (CLII).

Краснаго лѣта отрава, муха досадная, что ты
Вьешься, терзая меня, льнешь то къ лицу, то къ перстамъ?
Кто одарилъ тебя жаломъ, властнымъ прервать самовольно
Мощно-крылатую мысль, жаркой любви поцѣлуй?
Ты изъ мечтателя мирнаго, пѣгъ европейскихъ питомца,
Дикаго скиѳа творишь, жаднаго смерти врага.

Что можетъ быть безподобнѣе и возвышеннѣе воспѣтой Баратынскимъ темы?

самого поэта, для его милыхъ друзей и для его милыхъ подругъ; но такъ какъ у каждаго отдѣльнаго человѣка есть свои собственные милые друзья и свои собственныя милыя подруги, то при такомъ направленіи творческой дѣятельности поэзія превращается въ дѣло или, вѣрнѣе, въ забаву частныхъ кружковъ и совершенно теряетъ свою способность служить высшею нравственною связью между всѣми грамотными членами извѣстной націи".

Но есть у Баратынскаго и такія стихотворенія, въ которыхъ онъ затрагиваетъ темы болѣе или менѣе общеинтересныя. Къ сожалѣнію, для современнаго читателя и здѣсь открывается очень крупный недостатокъ, ставящій Баратынскаго далеко ниже, я уже не говорю Некрасова, равнаго ему по таланту, но даже Пушкина: современный читатель не найдетъ у Баратынскаго ни единаго стихотворенія, проникнутаго общественными, политическими мотивами *). Если читатель, познакомившись со стихами Баратынскаго, попробуетъ дать себѣ отчетъ въ пиротѣ его поэтическаго міросозерцанія, то онъ съ удивленіемъ замѣтитъ, что Баратынскаго занимаютъ на нашей обширной планетѣ очень немногія темы: собственная персона, друзья, прекрасный полъ, природа, попойки и, наконецъ, нѣкоторые вопросы обще-философскаго характера. Такимъ образомъ, Баратынскій въ своихъ стихахъ является, какъ личность страдающая или веселящаяся, какъ другъ, какъ дамскій обожатель, наконецъ, какъ человѣкъ размышляющій о нѣкоторыхъ явленіяхъ природы и общечеловѣческой жизни. Если же вы спросите, что такое Баратынскій, какъ человѣкъ, принадлежащій къ русской націи, какъ членъ православной церкви, какъ представитель опредѣленной общественной группы, то на это вы не получите никакого отвѣта. Фактъ тотъ, что въ стихотвореніяхъ Баратынскаго вы не найдете ни національно-религіозныхъ моти-

*) Я говорю „даже Пушкина" не въ томъ смыслѣ, что считаю Пушкина, подобно Писареву, только великимъ стилистомъ, но совершенно въ другомъ. При суровыхъ обстоятельствахъ того времени, въ которомъ жилъ Пушкинъ, касаться общественныхъ и политическихъ явленій было не только затруднительно, но даже рисковано для личной безопасности. Несмотря на это обстоятельство, несмотря даже на то, что съ лѣтами Пушкинъ дѣлалъ режиму своего времени уступку за уступкой, его поэзія все-таки проникнута общественными и политическими тенденціями, какъ-бы высоко или низко мы ни цѣнили ихъ.

вовъ, какъ, напримѣръ, у поэтовъ славянофильскаго направленія, ни общественно-политическихъ, какъ у Некрасова: Баратынскій занятъ исключительно личной жизнью, за предѣлами которой для него начинается великая пустыня Сахара...

Вотъ тѣ недостатки формы и содержанія, которые очень чувствительны для современнаго читателя; и вотъ гдѣ слѣдуетъ искать причину несочувственности отзывовъ Бѣлинскаго. Два раза Бѣлинскій отзывался о Баратынскомъ: въ первый разъ (въ 1835 г.) съ точки зрѣнія формально-эстетической, во второй разъ (въ 1842 г.) съ точки зрѣнія идеальнаго содержанія; и оба раза нашъ эстетикъ и публицистъ отнесся къ поэзіи Баратынскаго отрицательно.

Но если мы не будемъ предъявлять Баратынскому требованій религіозно-національныхъ и общественно-политическихъ мотивовъ, если мы вспомнимъ, что личная жизнь имѣетъ также свои права на вниманіе, то, пожалуй, въ стихотвореніяхъ Баратынскаго найдемъ не мало хорошаго, чѣмъ отчасти можно будетъ оправдать и отзывъ Пушкина.

VIII.

Основною чертою въ поэзіи Баратынскаго, мнѣ кажется, нужно считать яркій реализмъ съ пессимистическимъ оттѣнкомъ *). Этотъ реализмъ выражается прежде всего въ томъ, что Баратынскій главнымъ судьею жизненныхъ явленій ставитъ не науку или искусства, а простой здравый смыслъ. Руководствуясь при оцѣнкѣ жизненныхъ явленій здравымъ смысломъ, Баратынскій долженъ былъ придти къ тому заключенію, что въ жизни страданіе и наслажденіе идутъ рука объ руку, что наслажденіе очень часто ведетъ за собою страданіе, а страданіе—наслажденіе. Эта основная идея придаетъ поэзіи Баратынскаго своеобразный колоритъ. Его поэзія представляетъ въ своей сущности оригинальное с о-

*) Подъ именемъ реализма я разумѣю здѣсь не тотъ пресловутый реализмъ „естественныхъ наукъ“ и „новыхъ людей“, которыми мы щеголяли въ 60-хъ и 70-хъ гг. Реализмъ, который я имѣю въ виду, представляетъ міросозерцаніе, обходящееся при изученіи или созерцаніи жизни безъ верховныхъ идеаловъ, въ которыхъ человѣкъ выражаетъ свое стремленіе къ должному; это есть міросозерцаніе, принимающее жизнь такою, какая она есть на самомъ дѣлѣ.

четаніе пессимизма и оптимизма, основанное на наблюденіяхъ и заключеніяхъ здраваго смысла.

Основная идея Баратынскаго, коренящаяся, какъ мнѣ кажется, уже въ душевныхъ свойствахъ самого поэта, развивалась подъ вліяніемъ двоякаго рода фактовъ изъ его жизни: свѣтлыхъ и мрачныхъ. Баратынскій, какъ натура несомнѣнно талантливая, былъ одаренъ тонкою чувствительностью и сильнымъ умомъ. Эти два свойства проявлялись уже въ раннемъ дѣтствѣ Баратынскаго. Благодаря первой способности, онъ съ ранняго дѣтства испытывалъ горе и радость ярче другихъ дѣтей; благодаря второй способности, онъ додумывался до такихъ идей, до которыхъ другіе доходятъ только въ зрѣломъ возрастѣ.

Какъ и всѣ современныя дѣти, Баратынскій рано былъ оторванъ для школы отъ семейнаго очага, отъ горячо любимой матери. Разлука съ матерью, повидимому, дѣйствовала на него тягостно. Въ письмѣ къ матери изъ Петербурга восьмилѣтній Баратынскій пишетъ: „О маменька, какая радость! Нева теперь вся очистилась отъ льдинъ. Сколько лодокъ и парусовъ, сколько кораблей! Но со всѣмъ тѣмъ, маменька, безъ васъ все мнѣ кажется пусто; когда я уѣзжалъ, я еще не чувствовалъ всей тяжести нашей разлуки, я не зналъ ея; но теперь, маменька, какая разница! Петербургъ поразилъ меня своей красотой, все мнѣ казалось счастливымъ; у каждаго здѣсь—мать...“ Такимъ образомъ, мы видимъ, что Баратынскій испытывалъ двоякаго рода ощущенія: восхищеніе картинами петербургской жизни и тоску вслѣдствіе отсутствія близкаго друга, главнымъ образомъ матери.

Но особенно замѣчательно то, что пишетъ маленькій Баратынскій дальше, въ томъ же письмѣ: „Я думалъ, что съ товарищами мнѣ будетъ весело, но нѣтъ, всякій играетъ съ другимъ, какъ съ игрушкой, безъ дружбы, безо всего! Какая разница, когда мы были съ вами! Послѣдніе дни, хотя мнѣ было грустно, я все-таки чувствовалъ удовольствіе быть еще съ вами и, сказать вамъ откровенно, я думалъ уѣзжая, что мнѣ будетъ гораздо веселѣе съ мальчиками моихъ лѣтъ, чѣмъ съ маменькой, потому что она большая. Я думалъ найти дружбу, а нашелъ лишь холодную и притворную учтивость,—разсчетливую дружбу; когда у

меня бывало яблоко или что другое, всѣ были моими друзьями; но потомъ все было потеряно...“

Это письмо чрезвычайно важно для характеристики Баратынскаго. Изъ него видно, какъ Баратынскій еще ребенкомъ понималъ разницу между искренней дружбой и холодной учтивостью; какъ онъ жаждалъ первой и отворачивался отъ второй. Чтобы жаждать дружбы въ такіе годы и умѣть отличать ее отъ обыкновенныхъ товарищескихъ отношеній, надо обладать тонкой душевной организаціей и проницательнымъ умомъ. Баратынскій, какъ видно изъ письма, не нашелъ дружбы, и это было не малымъ горемъ для него послѣ разлуки съ матерью, въ которой онъ имѣлъ искренняго и безкорыстнаго друга. Мы видимъ, слѣдовательно, двоякаго рода факты, которые могли способствовать выработкѣ его основного взгляда на міръ, какъ на цѣпь страданій и наслажденій: съ одной стороны такой положительный фактъ какъ глубокая привязанность къ матери или вообще жажда сильной, искренной привязанности, а съ другой—отрицательный фактъ—разлука съ матерью, отсутствіе истиннаго друга. И надо всѣмъ этимъ, какъ увидимъ дальше, здравый смыслъ, позволяющій понимать, что и счастье, и несчастье ведутъ за собой одно другое.

Въ другомъ письмѣ къ матери одиннадцати-лѣтній Баратынскій описываетъ свою радость по поводу наступленія весны. Эта радость омрачается только отсутствіемъ матери. „Какъ бы я желалъ быть теперь съ вами въ деревнѣ. О, сколько бы ваше присутствіе увеличило мое счастье! Природа показалась бы мнѣ радостнѣе, день свѣтлѣе! Ахъ, когда настанетъ это счастливое время? Ужели напрасно мои желанія силятся ускорить его наступленіе? Зачѣмъ, милая маменька, люди выдумали законы приличія, которые насъ раздѣляютъ? Не лучше ли было бы остаться счастливымъ невѣжей, чѣмъ быть ученымъ и несчастливымъ? Все, что науки содержатъ въ себѣ хорошаго, считалось бы для меня сокрытымъ; но я бы не зналъ и ухищреній порока (?!). Я бы ничего не зналъ, милая маменька, но до какой высокой степени я дошелъ бы въ наукѣ привязанности моей къ вамъ? И эта наука, не лучше ли она всѣхъ другихъ? Мнѣ сердце говоритъ, что да: ибо въ ней наука благополучія. Безъ сомнѣнія, милая маменька, вы скажете, что эти чувства ложны, что невозможно быть счастливымъ, только

глядя другъ на друга, что скорѣе соскучишься. Я этому вѣрю и себѣ это повторяю; но во мнѣ говоритъ сердце—оно бредитъ... все это правда, но голосъ его такъ сладокъ... это пѣснь Сирены".

Въ этомъ письмѣ любопытно прежде всего то предпочтеніе, которое Баратынскій отдаетъ „наукѣ привязанности" передъ наукой теоретической. Баратынскій хочетъ жить реальною жизнью, а не умствовать. По мнѣнію Баратынскаго, для жизни наука не нужна. Тѣ знанія, которыя она сообщаетъ человѣку, не способствуютъ его счастью; скорѣе они могутъ отравлять его. Не лучше ли удовольствоваться простымъ здравымъ смысломъ, при которомъ можно безъ мукъ сомнѣнія и отрицанія счастливо провести свой вѣкъ? Добиваясь жизненнаго счастья, Баратынскій въ то же время понимаетъ, что „невозможно быть счастливымъ, только глядя другъ на друга, что скоро соскучишься".

Четырнадцати лѣтъ Баратынскій въ письмѣ къ матери проситъ разрѣшенія поступить въ морскую службу и по этому поводу пускается въ любопытныя разсужденія: „Я знаю, сколько вашему сердцу должно быть тяжело, что я вступлю въ службу столь опасную; но скажите, знаете ли вы какое либо мѣсто въ мірѣ, хотя бы внѣ области океана, гдѣ бы жизнь человѣка не была подвержена тысячи опасностей, гдѣ бы смерть не похитила сына у матери, отца, сестру? Что бы вы ни говорили, милая маменька, есть вещи отъ насъ зависящія; другими же управляетъ Провидѣніе. Наши поступки, наши мысли, зависятъ отъ насъ; но я не могу допустить, чтобы наша смерть зависѣла отъ выбора службы на сушѣ или на морѣ". „Я умоляю васъ, милая маменька, не противиться моей наклонности. Я не могу служить въ гвардіи: ее слишкомъ берегутъ; во время войны она ничего не дѣлаетъ и остается въ постыдномъ бездѣйствіи. И вы назовете это жизнью? Нѣтъ, безпрерывный покой не можетъ назваться жизнью. Вѣрьте мнѣ, милая маменька, можно привыкнуть ко всему, кромѣ бездѣйствія и скуки. Я бы даже предпочелъ, въ полномъ смыслѣ, несчастіе—невозмутимому покою. Сознаніе моихъ бѣдствій удостовѣряло бы меня въ томъ, что я существую. Въ самомъ дѣлѣ, я чувствую, что мнѣ всегда нужно что-либо опасное, что бы меня занимало,—иначе я скучаю. Представьте себѣ, милая маменька, грозную

бурю, и меня, стоящаго на палубѣ, какъ бы повелѣвающаго разъяренному морю; доска между мною и смертью: морскія чудовища дивятся чудесному орудію,—произведенію человѣческаго генія, въ борьбѣ со стихіями"...

Такимъ образомъ юному Баратынскому безпрерывный покой кажется хуже прямого несчастія: если жить, такъ ужъ жить въ самомъ дѣлѣ, т. е. дѣйствовать, бороться; пусть зъ такой борьбѣ человѣка поражаютъ несчастія: эти несчастія свидѣтельствуютъ о томъ, что борющійся человѣкъ существуетъ, а не прозябаетъ. Чтобы жить, а не прозябать, Баратынскій выбираетъ себѣ морскую службу, полную борьбы и опасностей. Мать не разрѣшила ему, повидимому, но отголоски стремленія Баратынскаго къ морской службѣ встрѣчаются позднѣе въ одномъ стихотвореніи („Буря").

Предпочитая несчастіе бездѣйствію и покою, Баратынскій, вѣроятно, и не предполагалъ, что услужливая судьба собирала громы надъ его головой. Въ 1815 г. его постигло жестокое несчастіе, которое еще болѣе усугубило его природную склонность смотрѣть на жизнь глазами трезваго реалиста: за какія-то нарушенія дисциплины, учиненныя, вѣроятно, отъ скуки и бездѣйствія, онъ былъ исключенъ изъ пажескаго корпуса съ запрещеніемъ опредѣляться на какую бы то ни было службу, кромѣ военной, да и то рядовымъ. Эта бѣда такъ сильно подѣйствовала на него, что онъ, какъ видно изъ письма къ Жуковскому, „сто разъ готовъ былъ лишить себя жизни", Его спасло врожденное стремленіе къ привязанности, любовь матери, ободрившей его и влившей въ его душу утѣшеніе.

Съ этихъ поръ въ его душѣ совершается безпрестанный переходъ отъ крайняго оптимизма къ крайнему пессимизму и наоборотъ. Въ 1816 г. Баратынскій пишетъ матери изъ сельца Подвойскаго Смоленской губ., гдѣ онъ жилъ у дяди, письмо, въ которомъ ярко выражается эта черта его: „Мы проводимъ здѣсь время очень пріятно: здѣсь поютъ, смѣются, все какъ бы дышетъ счастьемъ и радостью. Одна мысль помрачаетъ въ моихъ глазахъ эту радостную кардину: кратковременность тихъ наслажденій, и что вскорѣ я долженъ буду съ ними разстаться. Я сознаю въ себѣ пренесносное свойство нрава, отравляющее отчасти жизнь мою: во мнѣ есть наклонность слишкомъ издалека предвидѣть все то, что мнѣ можетъ случиться непріятнаго. Было

время, когда я объ этомъ не думалъ; но это время, оно промчалось какъ сновидѣніе, или, лучше сказать, оно было такъ же непродолжительно, какъ мгновенія счастія, дарованныя въ жизни человѣческой". „Иногда человѣкъ посреди всего того, что повидимому должно бы его сдѣлать счастливымъ, носитъ въ душѣ своей сокрытый ядъ, который гложетъ его и дѣлаетъ неспособнымъ къ какому бы то ни было радостному ощущенію,—болѣзненное настроеніе духа, исполненнаго тоскливой досады и грусти,—вотъ что сопровождаетъ его посреди шумныхъ забавъ свѣта, и я хорошо знаю такого человѣка". Далѣе Баратынскій приводитъ стихотвореніе Вольтера, въ которомъ очень хорошо выражается указанный выше переходъ отъ оптимизма къ пессимизму и наоборотъ:

Признаться надо вамъ, такъ наша жизнь проходитъ,
И каждаго изъ насъ бѣсенокъ нѣкій водитъ
Къ забавамъ отъ невзгодъ,—тутъ воля не свое.
Всего отъ пяти чувствъ вполнѣ завишу я:
Природой человѣкъ безспорно превосходенъ
Въ грядущемъ дивными духами будемъ мы;
Но въ этомъ мірѣ духъ съ машиной очень сходенъ.
Какъ часто невзначай мѣняются умы:
Поправятся-ль дѣла,—и глядь у Гераклита
Слеза замѣнена улыбкой Демокрита.

Итакъ, сочетаніе пессимизма и оптимизма съ точки зрѣнія здраваго смысла,—вотъ къ чему тяготѣлъ Баратынскій и по основнымъ свойствамъ своей психической организаціи, и по тѣмъ обстоятельствамъ, которыми сопровождалась его личная жизнь. Эта черта, выросшая изъ душевныхъ свойствъ Баратынскаго придаетъ его поэзіи замѣчательную самобытность и оригинальность. Въ стихотвореніяхъ Баратынскаго чувствуется сильная мыслящая и чувствующая личность. Вотъ почему, стихъ Баратынскаго, не блистая радугами поэтическаго воображенія и творчества, являясь даже часто неуклюжимъ, дѣйствуетъ на нашу душу и вотъ почему, несмотря на всѣ формальные недостатки, мы должны признать въ Баратынскомъ поэта истиннаго, самобытнаго и оригинальнаго.

IX.

Идея о связи страданія и наслажденія высказывается во многихъ стихотвореніяхъ Баратынскаго. Въ стихотвореніи „Къ Коншину“ (XI) Баратынскій говоритъ:

Повѣрь, мой милый другъ, страданье нужно намъ.
Не испытавъ его, нельзя понять и счастья:
Живой источникъ сладострастья
Дарованъ въ немъ его сынамъ.
Однѣ ли радости отрадны и прелестны?
Одно ль веселье веселитъ!

Причину необходимости страданія поэтъ видитъ въ присущемъ человѣку стремленіи къ дѣйствію, къ борьбѣ: кто хочетъ жить, тотъ долженъ дѣйствовать и бороться; кто дѣйствуетъ и борется, тотъ встрѣчаетъ противодѣйствіе и препятствія, очень часто причиняющія человѣку одни только страданія. Нельзя видѣть цѣль жизни въ покоѣ. Объ этомъ поэтъ ясно высказывается въ другомъ стихотвореніи „Мудрецу“ (CLIII):

Тщетно межъ бурною жизнью и хладною смертью, философъ,
Хочешь ты пристань найти, имя даешь ей: покой,
Намъ, изволеньемъ Зевеса брошеннымъ въ міръ коловратный,
Жизнь для волненія дана: жизнь и волненье—одно.
Тотъ кого миновали общіе смуты, заботу
Самъ вымышляетъ себѣ: лиру, палитру, рѣзецъ.
Міра невѣжда, младенецъ, какъ будто законъ его чуя
Первымъ стенаньемъ качать нудитъ мою колыбель.

Вслѣдствіе того, что жизнь и волненье одно и тоже, изъ жизни нельзя изгнать страданіе. Мало того: его пожалуй, и незачѣмъ изгонять, потому что, какъ Баратынскій говоритъ въ стихотвореніи „Къ Коншину“, только то счастье цѣнно, которое прошло черезъ несчастіе. Тѣ, которые наслаждаются тихимъ и безмятежнымъ счастьемъ, на самомъ дѣлѣ, по мнѣнію поэта, далеко не знаютъ истиннаго счастья:

Бездѣйственность души счастливцевъ тяготитъ:
Имъ силы жизни неизвѣстны.
Не намъ завидовать лѣнивымъ чувствамъ ихъ!
Что въ дружбѣ вѣтренной, въ любви однообразной
И въ ощущеніяхъ слѣпыхъ
Души разсѣянной и праздной?
Счастливцы мнимые, способны ль вы понять

Участья нѣжнаго сердечную услугу,
Способны ль чувствовать, какъ сладко повѣрять
Печаль души своей внимательному другу?
Способны ль чувствовать, какъ дорогъ вѣрный другъ?

Вотъ какого счастья лишены тѣ мнимые счастливцы, которые цѣль жизни видятъ въ безмятежномъ покоѣ!

Но кто постигнутъ рокомъ гнѣвнымъ,
Чью душу тяготитъ мучительный недугъ
Тотъ дорожитъ врачемъ душевнымъ.
Что, что даетъ любовь веселымъ шалунамъ?
Забаву легкую, минутное забвенье;
Въ ней благо лучшее дано богами намъ
—И нуждъ живѣйшихъ утоленье!
—Какъ будетъ сладко, милый мой,
Повѣрить нѣжности чувствительной подруги,
Скажу ль? всѣ раны, всѣ недуги,
Все разслабленіе души твоей больной:
Забывъ и свѣтъ, и рокъ суровый,
Желанье смутное въ одно желанье слить
И на устахъ ея, въ ея дыханьи пить
Цѣлебный воздухъ жизни новой!

Въ другомъ стихотвореніи „Веселье и Горе“ выражается та же мысль:

Рука съ рукой Веселье, Горе
Пошли дорогой бытія
Но что? поссорилися вскорѣ
Во всемъ несходные друзья!
Лишь перекрестокъ улучили,
Другъ другу молвили: прости!
Недолго розно побродили
Чрезъ день сошлись въ концѣ пути! (LIV)
(Окончаніе будетъ)

К. Р—довъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Сочиненія А. Лугового, I т., изд. 1894 г. Между нашими современными писателями А. Луговой занимаетъ совершенно обособленное мѣсто, даже стоитъ въ сторонѣ отъ всѣхъ. Онъ не похожъ ни на кого, его произведенія оригинальны и носятъ особый характерный колоритъ. Г. Луговой серьезный писатель; въ своихъ произведеніяхъ—будь это повѣсть, комедія, или стихотвореніе,—онъ всегда выступаетъ идейнымъ человѣкомъ, желающемъ показать обществу его ошибки, пороки и недостатки.

Въ вышедшемъ на дняхъ первомъ томѣ сочиненій А. Лугового помѣщены первыя его работы, относящіяся къ 1884—89 годамъ. Здѣсь мы находимъ нѣсколько стихотвореній, двѣ крупныхъ повѣсти, два драматическихъ произведенія и нѣсколько мелкихъ разсказовъ. Начнемъ съ повѣсти «На куриномъ насѣстѣ». Въ ней изображено одно мѣщанское счастье, одна монотонная, однообразная до одури чиновническая жизнь. Нижегородскій купецъ Гордеевъ разорился и долженъ былъ поступить на службу приказчикомъ въ Петербургѣ. Сынъ его, окончившій курсъ въ коммерческой академіи, не хочетъ уже торговать и поступаетъ на службу чиновникомъ. Но это неспособный, инертный человѣкъ, который синь-пороха ни въ какомъ случаѣ не выдумаетъ, способный лишь на продолжительный, механическій трудъ. Жизнь этого, недурнаго въ сущности, но пустого человѣка сложилась по шаблону, благодаря узости взглядовъ и идеаловъ: живетъ онъ небѣдно, не отстаетъ отъ другихъ въ попойкахъ, кутежахъ и развратничаньи, а въ трезвыя минуты усердно работаетъ въ своей канцеляріи. Разумѣется, такая жизнь преждевременно состарила его. Постоянно онъ собирался жениться и не женился. Преждевременная старость захватила его холостякомъ, больнымъ, разслабленнымъ, но онъ достигъ своего идеала,—получилъ крупный чинъ и хорошее жалованье. Понявъ своеобразно смыслъ жизни и создавъ себѣ ложные, глупые идеалы, этотъ человѣкъ все время просидѣлъ на куриномъ насѣстѣ за упорнымъ, механическимъ трудомъ, въ который онъ втянулся, но который убилъ въ немъ человѣка. Такъ и погибла на своемъ вѣчномъ насѣстѣ эта

жизнь, искуственно и тупо загубленная, не видѣвшая ни одного настоящаго удовольствія.

Такихъ Гордеевыхъ въ жизни много: ихъ постоянно встрѣчаешь. Неизвѣстно, откуда они выходятъ и куда идутъ; сидятъ они цѣлые года въ своихъ канцеляріяхъ, съ тѣмъ убѣжденіемъ, что приносятъ пользу отечеству; они не только не прогрессируютъ, но падаютъ все ниже и ниже умственно и нравственно и изъ живыхъ людей превращаются въ манекеновъ.

Въ комедіи «За золотымъ руномъ» изображаются нравы одного изъ нашихъ губернскихъ городовъ. Возникъ проектъ о постройкѣ желѣзной дороги, и губенскіе заправилы всполошились. Желая присоединить къ линіи далеко отстоящій отъ нея свой городъ и извлечь свои выгоды, заправилы въ лицѣ губернскаго предводителя дворянства, городского головы и нѣсколькихъ купцовъ, рѣшили, что называется, провести правительство. Они составляютъ необыкновенные доклады о доходахъ и торговлѣ города, и путемъ связей желаютъ добиться своего, но въ результатѣ эта подлость имъ не удается и они остаются съ носомъ. Идея та, что эти господа дѣльцы, вожаки сословій, изъ желанія поправить личные свои интересы и туго набить свои карманы, пренебрегаютъ и государственнымъ благосостояніемъ, и интересами прочихъ сословій, подъ личиной общественной пользы преслѣдуютъ свои дѣла.

Есть въ комедіи и романическій элементъ, и нѣсколько комическихъ положеній, но она на нашъ взглядъ мало сценична. Она интересна и имѣетъ значеніе какъ литературное произведеніе. Типы и нравы губернскаго города, цѣлое сословіе кулаковъ изъ дворянства и купечества, составляющихъ язву общества, изображены очень правдиво, содержаніе комедіи интересно, написана она безукоризненно и производитъ на читателя хорошее и сильное впечатлѣніе.

Стихотворенія г. Лугового написаны въ сравненіи съ прозой нѣсколько слабѣе. Правда, есть въ нихъ всегда серіозное содержаніе и написаны они безукоризненно, но во первыхъ—въ нихъ нѣтъ поэзіи, а во вторыхъ—если они идейныя—нѣтъ необходимой легкости и звучности стиха. Стихотворенія эти неоригинальны и никакими особенными достоинствами, кромѣ серьезности, не отличаются.

Но какъ беллетристъ и драматическій писатель г. Луговой, повторяемъ, оригиналенъ и интересенъ; отъ произведеній его вѣетъ солидностью, содержательностью. Онъ всегда найдетъ себѣ самаго серьезнаго читателя.

Дѣтскія тѣни, разск. Д. Мамина-Сибиряка, изд. 1894 г. Въ послѣдніе два-три года характеръ произведеній г. Мамина-Сибиряка

существенно измѣнился. Прежнія его произведенія касаются жизни Пріуральскаго края и Сибири, очень богаты этнографическими свѣдѣніями и вообще колоритно передаютъ мѣстную жизнь. Затрагивая бытъ и нравы мало изслѣдованной и знакомой жизни, да притомъ написанныя очень талантливо и художественно, они всегда отличались свѣжестью, новизной и производили сильное впечатлѣніе. Таковы его «Горное гнѣздо», «Охонины брови», «Братья Гордеевы», и др., печатавшіеся въ «Отечеств. Записках», «Русской Мысли» и др. журналахъ.

Въ послѣдніе два года г. Маминъ-Сибирякъ беретъ темы для своихъ произведеній не только изъ жизни Пріуралья, но вообще изъ всѣхъ слоевъ общества, при этомъ новѣйшія его произведенія отличаются не меньшей талантливостью.

Въ разсматриваемой нами книгѣ помѣщено девять разсказовъ. Всѣ они, какъ уже можно судить по заглавію, имѣютъ въ виду дѣтскую жизнь. Какія ненормальности встрѣчаются въ семейной жизни, какія причины вліяютъ на воспитаніе, характеръ и жизнь ребенка, каковы обязанности родителей по отношенію къ дѣтямъ, наконецъ—каковы вообще отношенія и взгляды людей на дѣтей и каковы условія современной жизни, неблагопріятно вліяющія на будущія поколѣнія, вотъ тѣ вопросы, которыхъ г. Маминъ-Сибирякъ касается въ этихъ разсказахъ.

Прежде всего надо сказать, что авторъ держится все время толстовской точки зрѣнія на семейныя отношенія и на воспитаніе дѣтей: прочитавъ эту книжку, можно было-бы смѣло сказать, что онъ ярый толстовецъ; но со словомъ «толстовщина» у насъ соединены иногда самыя разнообразныя понятія, иногда хорошія, иногда дурныя, поэтому и не станемъ опредѣлять этимъ словомъ направленія, которое сквозитъ въ разсказахъ г. Мамина-Сибиряка. Содержаніе разсказа «Аннушка» напр. таково. Въ родильный пріютъ поступаетъ одна изъ такъ называемыхъ «Аннушекъ». Старый солдатъ, исполняющій обязанность сторожа, принимаетъ въ ней почему-то горячее участіе. Исходя изъ того взгляда, что не столько виноваты въ своемъ положеніи эти «Аннушки», сколько мужчины, относящіеся къ нимъ безчеловѣчно, онъ, движимый чувствомъ человѣколюбія и великодушія, хочетъ жениться на Аннушкѣ, но получаетъ отъ нея отказъ на томъ основаніи, что люди не прощаютъ женщинѣ ея паденія и такимъ образомъ ея семейная жизнь будетъ для нея адомъ. Эта же самая Аннушка, обманутая и покинутая бѣдная дѣвушка, оказывается прекрасной матерью и вообще совсѣмъ не такимъ презрѣннымъ человѣкомъ, какими люди привыкли считать такихъ женщинъ.

Въ простомъ краткомъ пересказѣ невозможно передать харак-

тера и содержанія всего разсказа, уже потому, что въ немъ нѣтъ болѣе или менѣе сложной фабулы; кромѣ того, въ такомъ пересказѣ онъ можетъ показаться слишкомъ тенденціознымъ; но на самомъ дѣлѣ разсказъ написанъ очень талантливо и согрѣтъ такой трогательной любовью къ людямъ, такой сердечностью и задушевностью—что о тенденціозности не можетъ быть и рѣчи. Выведенные въ этомъ разсказѣ типы жизненны и интересны, событія вполнѣ реальны и вообще весь разсказъ написанъ художественно.

Таковы же и другіе разсказы; они написаны не менѣе интересно, художественно и производятъ на читателя самое сильное впечатлѣніе. Въ разсказѣ «Живая совѣсть» авторъ выводитъ типъ изнервничавшейся, вырождающейся современной женщины, которая поставлена въ невозможность кормить своего ребенка и должна приглашать кормилицу. Но кормилица—тоже мать, и ея собственное дитя страдаетъ оттого, что его мать не можетъ исполнить въ отношеніи его своихъ обязанностей. Выходитъ такъ, что на одного ребенка приходятся двѣ матери, а на другого ни одной. Кормилица—тоже человѣкъ; ея материнскія чувства страдаютъ, она все время думаетъ о своемъ ребенкѣ, мучается, и въ результатѣ тотъ все таки не жилецъ на этомъ свѣтѣ. Эгоизмъ человѣческій доходитъ до гигантскихъ размѣровъ. Эта хорошо выкормленная кормилицей Нелличка въ свое время будетъ тоже большая, у нея будутъ свои дѣти... Но она будетъ такой же нервной, какъ и ея родители, и будетъ нанимать тоже кормилицъ... Это великая правда, это зло нашего времени и противъ этого-то зла авторъ и ратуетъ.

Въ дѣлѣ воспитанія дѣтей и въ интересахъ хорошей семьи первостепенное значеніе имѣютъ отношенія родителей другъ къ другу. Въ разсказѣ «Коробкинъ» авторъ проводитъ ту мысль, что родители должны любить другъ друга, сходиться по любви, а не по какимъ либо другимъ соображеніямъ. Коробкинъ когда-то любилъ, когда онъ учился въ гимназіи, любилъ искренно, хорошо, какъ можно любить лишь первый разъ въ жизни, и его тоже любили; но онъ не женился тогда, потому что ему надо было дѣлать карьеру; онъ отказался отъ любимой дѣвушки, она вышла за другого, нелюбимаго мужа, а впослѣдствіи утѣшилась съ горя и отъ безсодержательности жизни. Онъ впослѣдствіи женился тоже безъ любви, вырастилъ дочку Лидочку, которая и умираетъ благодаря нелѣпому отношенію къ ней чуждыхъ другъ другу родителей, и благодаря нелѣпости созданныхъ ими условій жизни. Вотъ что говоритъ этотъ Коробкинъ своей женѣ, только подъ старость, послѣ смерти своей дочери понявшій свои заблужденія: «Ты вѣдь тоже меня не любила, когда выходила за меня замужъ, какъ и я,—ну, а это несправедливо... Мы думаемъ обмануть природу, а она вотъ и сказа-

лась... такъ и вездѣ. Отчего всѣ эти больные съ дѣтства, идіоты, сумасшедшіе, пьяницы, воры, разбойники, развратники? Это природа мститъ людямъ»...

Лучшимъ изъ разсказовъ, на нашъ взглядъ, является «Господинъ Скороходовъ». Такъ называли маленькаго мальчика-калѣку, жившаго въ одномъ изъ петербургскихъ подваловъ. Печальная участь этого малютки вызвала въ сапожникѣ Гаврилычѣ такое хорошее чувство къ нему, что онъ живо заинтересовался его судьбой, доставляетъ ему всевозможныя удовольствія и возитъ его за городъ, чтобы дать этому маленькому петербуржцу понятіе о настоящей природѣ, о лѣсахъ, о пашняхъ, о деревнѣ. Это очень милый и въ высшей степени трогательный разсказъ, имѣющій цѣлью показать ненормальность городской жизни и необходимость для ребенка свободы, движенія, воздуха и свѣта.

Во всѣхъ разсказахъ есть идея, видно желаніе автора указать нѣкоторыя ненормальности семейной жизни, ненормальности, получившія право гражданства въ современномъ обществѣ, которыя всѣми считаются не за зло, а за обыденныя, освященныя жизнью и обычаемъ явленія. Изъ за всѣхъ этихъ ненормальностей выглядываютъ дѣтскія тѣни, въ защиту которыхъ говоритъ сама природа, взывая къ справедливости, къ человѣческому отношенію.

Всѣ разсказы нѣсколько теряютъ оттого; что, собранные въ одну книгу, производятъ однообразное, монотонное впечатлѣніе; но это искупается тѣмъ, что во-первыхъ, вся книжка даетъ болѣе яркое представленіе о ненормальности современной семьи, а во вторыхъ—написана она художественно и талантливо. Это одна изъ лучшихъ и полезнѣйшихъ, вызывающихъ на размышленіе книгъ послѣдняго времени.

Собраніе повѣстей и разсказовъ Ѳ. С. Стулли, изд. 1894 года. Имя Ѳ. С. Стулли появлялось въ печати въ теченіи послѣдняго десятилѣтія преимущественно въ «Вѣстн. Европы». Вышедшія недавно изъ печати собранія сочиненій его представляютъ изъ себя объемистый томъ, содержащій въ себѣ нѣсколько большихъ повѣстей и разсказовъ. Произведенія эти не отличаются художественностью и большой талантливостью, но написаны почти всегда содержательно и интересно. Г. Стулли умѣетъ уловить и передать интересный и хорошій сюжетъ, отчего каждое его произведеніе читаешь съ удовольствіемъ. Кромѣ того, пишетъ онъ очень искренно и свободно, безъ всякихъ претензій и не вводитъ въ литературу разныхъ условностей: не задается цѣлью занять читателя остроумной шуткой,

блеснуть краснорѣчіемъ, нарисовать ту или другую картину природы для разнообразія и пр., къ помощи чего долгомъ считаютъ обращаться многіе наши беллетристы изъ второстепенностей. и къ чему неудержимо тяготѣютъ ихъ стилистическія сердца. Другими словами сказалъ бы, что у г. Стулли чистый и благородный, лишенный всякихъ примѣсей вкусъ. Все это придаетъ его произведеніямъ очень оригинальную своеобразность и дѣлаетъ ихъ интересными.

Таково общее впечатлѣніе отъ произведеній г. Стулли. Всѣхъ повѣстей, помѣщенныхъ въ этой книгѣ, разсматривать нѣтъ необходимости, это было-бы совершенно лишне: разсмотримъ лишь нѣсколько болѣе или менѣе выдающихся произведеній. Самою лучшею повѣстью является «Не пара». Идеи въ ней какой нибудь нѣтъ, но сюжетъ очень интересенъ, хотя и касается вѣчно старыхъ вопросовъ о любви и бракѣ. Симпатичная и дѣльная барышня медичка незамѣтно для себя самой влюбилась въ мужа своей подруги, но влюбилась потому, что онъ, какъ казалось, не любилъ своей жены и оба они жили уже нѣсколько лѣтъ врозь благодаря исключительности качествъ жены. Казалось, что онъ полюбилъ свою новую жену и она его; они устроились вмѣстѣ, но жили недолго: въ глубинѣ души онъ не переставалъ любить свою прежнюю жену. Исключительныя качества ея были таковы, что онъ опять идетъ къ ней, но не встрѣтивъ въ ней сочувствія, стрѣляетъ въ нее, а затѣмъ въ себя. Фабула, какъ видно, очень незамысловата, но дѣло вовсе не въ фабулѣ, а въ драматичности и оригинальности положеній, переданныхъ очень правдоподобно, и въ отношеніяхъ дѣйствующихъ лицъ другъ къ другу. Отношенія эти—далеко не явленіе обыденной жизни, такъ какъ сами дѣйствующія лица въ современномъ общественномъ строѣ явленія исключительныя. Они создали себѣ совершенно другія условія жизни, другіе взгляды и стараются жить не по шаблону, а по совѣсти. Но неумѣлость-ли, неподготовленность къ жизни, или излишняя идеализація являются ихъ же врагами и ставятъ ихъ въ фальшивыя положенія по отношенію къ остальному обществу. Можно было бы сказать и наоборотъ, что общество находится въ фальшивомъ положеніи по отношенію къ нимъ, но такъ какъ большинство всегда право, то и въ данномъ случаѣ нельзя считать его положеніе фальшивымъ. Типъ русской учащейся женщины, хорошей симпатичной женщины, къ которой у насъ въ обществѣ почему то принято относиться съ обидной несправедливостью и предубѣжденіемъ, изображенъ г. Стулли удачно и безпристрастно; и въ этомъ самомъ, въ разрушеніи предубѣжденій и затхлыхъ взглядовъ общества кроется немаловажная заслуга автора. Къ сожалѣнію, не всѣ произведенія г. Стулли имѣютъ цѣлью показывать обществу его отсталость, застой и прозябаніе. Другая его повѣсть

«Моя женитьба» касается тоже брачныхъ отношеній, но уже не возбуждаетъ тѣхъ общественныхъ вопросовъ, на которые мы наталкиваемся въ «Не парѣ». Другія повѣсти: «Въ сутолокѣ» и пр. написаны слабѣе и менѣе интересно. Но въ общемъ все это довольно серьезно и содержательно.

Въ толпѣ, повѣсти и разсказы князя Дм. Голицына (Муравлина) изд. 1894 г. Что сказать о произведеніяхъ кн. Д. Голицына? Послѣднія его работы далеко не то, что первыя и сказать о нихъ то же, что можно было сказать когда-то о первыхъ, теперь совсѣмъ нельзя. Не были и первыя его произведенія выдающимися, но за то мы вправѣ были ожидать отъ кн. Голицына въ будущемъ что нибудь лучше. И вотъ, теперь приходится констатировать фактъ, что надежды эти совсѣмъ не оправдываются. Въ самомъ дѣлѣ, содержитъ ли весь этотъ сборникъ, лежащій передъ нами, хоть одну вещицу, сколько нибудь серьезную, достойную вниманія? Увы! Всѣ разсказы отличаются безсодержательностью и, право, не придумаешь, зачѣмъ они написаны.

Возьмемъ хоть повѣсть «Домовой». Дѣйствіе происходитъ въ старинномъ барскомъ имѣніи Можайкѣ и дѣйствующимъ лицомъ является старый князь Можайскій, прокутившій это имѣніе и живущій въ немъ въ качествѣ дворецкаго при новыхъ хозяевахъ. Повара, лакеи, камердинеры и прочая барская челядь помыкаютъ имъ и издѣваются надъ нимъ, какъ могутъ издѣваться лишь барскіе холопы. Вотъ маленькій образецъ:

— Терентій Степановичъ, мягко произнесъ онъ (князь), обращаясь къ повару, у васъ никакъ ключъ отъ купальни...

— На что тебѣ? отгрызнулся тотъ съ внезапной суровостью.

— Искупаться бы...

— И такъ хорошъ.

Тѣмъ не менѣе князь живетъ въ этомъ имѣніи цѣлыхъ сорокъ лѣтъ и получаетъ прозваніе домоваго. Онъ не можетъ разстаться со своимъ родовымъ имѣніемъ, хотя оно ему и не принадлежитъ, и предпочитаетъ жить въ немъ въ качествѣ нахлѣбника и исполнителя всевозможныхъ порученій новыхъ хозяевъ его имѣнія, людей отнюдь не благородныхъ, съ кулацкимъ взглядомъ и отношеніемъ къ другимъ людямъ. Когда помыканіе княземъ дошло до максимума, и когда для него явно стало, что хозяева имѣнія—подлецы, и что оно переходитъ въ другія руки, то князь разбилъ красовавшійся надъ домомъ гербъ князей Можайскихъ, а самъ повѣсился.

Не касаясь того, насколько все это правдоподобно, насколько возможенъ въ жизни такой князь-дворецкій, покинутый всѣми род-

ственниками и своимъ сословіемъ, мы остановимся надъ тѣмъ, насколько справедливъ авторъ въ своемъ желаніи защищать и оправдывать этого князя-дворецкаго. Этотъ князь самъ спустилъ свое имѣніе, прокутилъ его: онъ совершенно неспособенъ къ жизни, ровно ни на что непригоденъ, исключая кутежей и пр., и когда денегъ на это не стало, когда онъ оказался не у власти, то могъ лишь исполнять обязанности дворецкаго. Зачѣмъ, спрашивается, взывать къ общественному состраданію и защищать какія-то несуществующія права этого князя на имѣніе, на отношеніе людей къ нему, какъ къ князю, а не какъ ко всякому смертному, могущему притомъ исполнять дѣло лишь дворецкаго? Вѣдь все, что можетъ сдѣлать самое благоустроенное общество для такого человѣка—это помѣстить его въ богадѣльню; онъ для жизни совершено непригоденъ; вѣдь ради вкусовъ и аппетита его одного не должно страдать и тѣсниться все человѣчество! Что скупщиками являются разные аферисты и кулаки,—это горькая истина; это надо предвидѣть и надо предупредить продажу родоваго имѣнія, но разъ оно пропито, — не резонъ бывшему владѣльцу, тѣмъ болѣе князю, оставаться на иждивеніи этихъ новыхъ несимпатичныхъ хозяевъ, не только въ роли какого-то дворецкаго, находящагося на посылкахъ, но даже въ роли друга.

Такимъ образомъ, ровно никакого значенія эта повѣсть не имѣетъ: и лица, и дѣйствія ихъ вымышлены, неправдоподобны, нежизнены, и все это отдаетъ фальшью. Точно также написаны и также не имѣютъ никакого значенія другіе повѣсти и разсказы, помѣщенные въ этой книгѣ подъ общимъ заглавіемъ: «Въ толпѣ», но съ тою лишь разницей, что они еще болѣе безсодержательны. Выведенныя въ нихъ лица до нельзя неинтересны и вовсе не заслуживаютъ того, чтобы разбирать ихъ психологію, что дѣлаетъ кн. Голицынъ, и чтобы вводить ихъ въ литературное произведеніе. Иное дѣло, если бы кн. Голицынъ изображалъ ихъ какъ художникъ, но къ сожалѣнію, онъ не художникъ. Есть у него претензія на психологическій анализъ и есть желаніе писать, но разумѣется всего этого слишкомъ мало для того, чтобы быть серьезнымъ писателемъ.

Надо обратить также вниманіе на многочисленныя неправильности языка, которыми пестрятъ всѣ произведенія г. Голицына. Вотъ нѣсколько образчиковъ: «Душа з а ш а т а л а с ь», «бутылка вина поставила ему д у ш у н а н о г и», «гроза п р и к о п л я е т с я», «природа п р и т о м и л а с ь», «злость з а к у т е р м и л а с ь», «природа з а б о л ѣ л а и н а ч а л а р а з л а г а т ь с я», «Павелъ ч у в с т в о в а лъ себя б е з с о з н а т е л ь н ы м ъ» и пр., и пр. Повѣсть «Для веселья» начинается такъ: «Въ воздухѣ пахло поддѣльной весной

короткой петербургской оттепели». Едва-ли кто пойметъ смыслъ сказаннаго. Нельзя также отказать кн. Голицыну и въ остроуміи, и въ наблюдательности; такъ напр., онъ говоритъ, что у одного юноши былъ такой прыщъ на носу, какой можно видѣть только въ провинціи. Значитъ, бываютъ случаи, что прыщъ можетъ служить дополненіемъ и украшеніемъ картины художника.

Всѣ эти неправильности языка и нелитературныя слова, да за одно ужъ и неглубокомысленное содержаніе позволяютъ намъ сказать, что лучше было бы и для г. Голицына, и для публики, и для литературы, еслибы разсматриваемыя нами его произведенія не выходили въ свѣтъ. Пользы отъ нихъ никакой.

Переселенцы. В. Дѣдлова (Кигна) изд. 1894 г. Г. Дѣдловъ задался цѣлью доказать, что переселенческій вопросъ находится у насъ въ очень печальномъ положеніи и что ни новыя мѣста, ни самое переселенческое дѣло ни мало не способствуютъ разрѣшенію переселенческаго вопроса. Въ своей книжкѣ г. Дѣдловъ говоритъ, что еслибы нашъ великороссъ сталъ переселяться въ Привислянскія губерніи и Бѣлоруссію, то былъ бы поставленъ тамъ въ лучшія условія быта, нежели на новыхъ мѣстахъ. Исходя изъ этого взгляда, онъ и описываетъ новыя мѣста, и доказываетъ, что они для переселенія неудобны. Но съ взглядомъ г. Дѣдлова нельзя согласиться по слѣдующимъ очень основательнымъ причинамъ: во-первыхъ, потому что въ нашихъ бѣлорусскихъ губерніяхъ и главнымъ образомъ въ Привислянскомъ краѣ населеніе несравненно гуще чѣмъ въ великорусскихъ губерніяхъ и Сибири, во-вторыхъ—культура (кромѣ Бѣлоруссіи) несравненно выше, и наконецъ, въ 3-хъ, судя по описаніямъ г. Дѣдлова, эти новыя мѣста вовсе не такъ неудобны для колонизаціи. Надо только приложить немножко труда и знаній, безъ которыхъ нельзя получать доходовъ отъ земли не только въ западныхъ нашихъ губерніяхъ, но даже въ самой плодородной сторонѣ.

Все, что стоитъ внѣ этого взгляда въ произведеніяхъ г. Дѣдлова, отличается содержательностью и цѣнностью. Путешествуя по степямъ отъ станицы до станицы, г. Дѣдловъ съ неослабѣвающей наблюдательностью и свойственнымъ ему остроуміемъ рисуетъ намъ бытъ и нравы мѣстнаго населенія и мѣстныя условія экономической жизни. Въ особенности ярко изобразилъ онъ Уральскихъ казаковъ, ихъ лѣнь, распущенность и прочія отрицательныя стороны ихъ общественной жизни.

Книжка раздѣлена на двѣ части: въ первой говорится о но-

выхъ мѣстахъ, во второй о переселенцахъ. Г. Дѣдловъ знакомитъ насъ съ сущностью самихъ переселенцевъ, ихъ нравами и съ тѣми причинами, которыя вызываютъ переселеніе. Большинство переселяется разумѣется отъ тѣсноты, отъ осложнившихся до нельзя условій крестьянскаго быта; есть и такіе, которые переселяются по другимъ соображеніямъ, а одна баба напр. переселилась потому, что на старинѣ колодезь былъ слишкомъ глубокій.

Г. Дѣдловъ хорошо знаетъ крестьянина, притомъ знаетъ отличительныя, характеристическія особенности каждой губерніи. Самый лучшій народъ и физически и нравственно въ Пермской и Пензенской губ., хохлы тоже недурной народъ, нѣмцы колонисты небѣдны, честны, но несимпатичны, туляки, тамбовцы и др.—изъ рукъ вонъ плохи. Вообще всѣ эти произведенія отличаются проницательностью и даютъ довольно полное представленіе не только о переселенцахъ, но и вообще о народѣ. Разумѣется, за такую книжку можно лишь быть благодарнымъ.

М. Круковскій.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Впечатлѣніе болѣзни и смерти Государя Императора Александра III въ Европѣ. Паденіе графа Каприви.

Переживаемое Россіею страшное горе совершенно отодвинуло на задній планъ всѣ политическіе вопросы западной Европы, которая и до сихъ поръ находится подъ впечатлѣніемъ этого горестнаго событія. Газеты всего міра были наполнены сообщеніями о состояніи здоровья Государя Императора, въ которыхъ самымъ наглядным образомъ выражалось какъ глубокое сочувствіе къ Русскому Государю, его политикѣ, къ его благородному, высокому характеру, къ необыкновенной энергіи, которую Онъ проявлялъ, отстаивая европейскій миръ, къ неусыпному трудолюбію, искренности и твердости. Бывъ горячимъ противникомъ всякой неправды, Государь во всякомъ дѣлѣ шелъ прямымъ путемъ, не скрывая своихъ намѣреній, и своей честной, безусловной прямотой покорялъ и обезоруживалъ тѣхъ, которые въ политикѣ умѣли и привыкли примѣнять интригу, лицемѣріе и всѣ другія средства для достиженія своихъ цѣлей окольнымъ путемъ. Впродолженіи цѣлаго мѣсяца главное мѣсто на страницахъ европейскихъ газетъ занимала болѣзнь Русскаго Императора, и можно съ полной увѣренностью сказать, что нѣтъ въ Европѣ ни одного умѣющаго читать человѣка, который бы не зналъ по истинѣ трогательныхъ подробностей о Его домашней жизни и умилительныхъ свѣдѣній о мужествѣ и христіанскомъ терпѣніи, съ которыми Царственный Страдалецъ переносилъ свою тяжкую болѣзнь. Укажемъ лишь на нѣкоторые отзывы иностранной прессы; «Soleil», напримѣръ, замѣчала, что не только парижская, но и вся провинціальная печать единодушно вторила чувствамъ, одушевлявшимъ всѣхъ безъ исключенія французовъ; въ чувствахъ этихъ слились люди всѣхъ партій и направленій и передъ скорбью русскаго народа о Болящемъ Царѣ Франція выступала единоцѣлою, нераздѣльною. Газета «Temps» увѣряла русскихъ друзей Франціи, что во всей странѣ не было клочка земли, откуда не возносились бы горячія молитвы о скорѣйшемъ выздоровленіи русскаго Государя, не только могу-

щественнѣйшаго изъ всѣхъ монарховъ Стараго Свѣта, но и самаго убѣжденнаго Миротворца, прекрасно сознававшаго всѣ тѣ пути и средства, какими всего вѣрнѣе можно охранить благодѣтельный для народовъ миръ. «Temps» признавала, что въ этомъ отношеніи Русскій Государь представлялъ Собою великую нравственную силу. Всѣ другія французскія газеты во главѣ съ «Figaro», «Journal des Débats», «Matin», единодушно сходились въ томъ, что общественная жизнь Франціи какъ бы пріостановилась, замерла подъ впечатлѣніемъ приходившихъ изъ Ливадіи телеграфныхъ сообщеній и всѣ взоры были мысленно устремлены въ тотъ уголокъ Россіи, гдѣ вся Царственная русская Семья окружала Больнаго Императора. Газета «Autorité» говорила, что вся Франція, въ лицѣ всѣхъ своихъ гражданъ всѣми чувствами своими была прикована къ одру болѣзни Державнаго Монарха и молилась о Его скорѣйшемъ исцѣленіи. Во Франціи, по словамъ той-же газеты, въ первый разъ, можетъ быть, сказалось національное единеніе, благодаря воздѣйствію Царя-Миролюбца, и передъ Его миротворящимъ Царственнымъ обликомъ стушевались всѣ партіи, исчезли монархисты и республиканцы, тѣсной фалангой выступили одни патріоты—люди, связанные однимъ чувствомъ, и въ неудержимомъ общемъ порывѣ симпатій къ русскому народу не прозвучалъ ни одинъ диссонансъ. Газета «Matin» сравнивала господствовавшее въ послѣднее время единодушіе, сказавшееся съ одного конца Франціи до другаго въ одномъ общемъ пожеланіи здоровья и благоденствія Державному Вождю русскаго народа, съ тѣмъ единодушіемъ, какое проявилось въ памятные дни кронштадтскихъ, тулонскихъ и парижскихъ празднествъ.

Газета «Times» говорила, что свѣдѣнія о неудовлетворительномъ состояніи здоровья Царя проникли въ самыя отдаленныя мѣстности Европы и всюду вызвали непритворное безпокойство; всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за ходомъ болѣзни Государя, что совершенно понятно, такъ какъ каждый развитой человѣкъ, къ какой бы національности онъ ни принадлежалъ, если только ему дорогъ миръ, благами коего онъ пользуется, долженъ глубоко сочувствовать Русскому Царю, трудами и вліяніемъ Котораго этотъ продолжительный миръ былъ созданъ. Въ этомъ именно, по словамъ газеты, крылась причина, почему глаза всего свѣта были устремлены съ глубочайшимъ, самымъ непритворнымъ сочувствіемъ къ Россіи: каждый хорошо понималъ, какое благо заключалось для Европы въ томъ, что на Русскомъ престолѣ находился Императоръ Александръ III, Который никогда не только Самъ не нарушалъ мира, заслуживъ тѣмъ признательность человѣчества, но всегда употреблялъ Свое могущество и безповоротно рѣшающее

вліяніе исключительно на то, чтобы направлять міровыя дѣла на путь законности и справедливости, и противопоставлялъ свой могущественный авторитетъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда замѣчалъ чью либо попытку произвести смуту и поселить раздоръ между народами. Такое безпристрастное и миролюбивое отношеніе къ интересамъ человѣчества создало, по словамъ «Times», Царю безчисленное множество почитателей во всѣхъ частяхъ свѣта и значительно облегчило Ему великую и трудную задачу, такъ какъ поселить миръ въ состояніи только тотъ, кто располагаетъ такимъ множествомъ глубоко преданныхъ людей. Свою прекрасную характеристику почившаго Государя газета заканчиваетъ замѣчаніемъ, что, не имѣя намѣренія перечислять всѣ благодѣтельныя послѣдствія, какія имѣли мудрыя начинанія Императора Александра III, никогда не опускавшаго знамени, которое высоко держалъ въ своихъ мощныхъ рукахъ, она указала на главныя его заслуги передъ человѣчествомъ для того только, чтобы высказать твердое убѣжденіе, что заслуги эти огромны и ихъ слѣдуетъ всегда помнить.

И славянскія газеты не отставали отъ другихъ иностранныхъ въ выраженіи сочувствія больному Царю; такъ, напримѣръ, въ «Гласъ Црнгорца» говорилось, что ясный славянскій горизонтъ неожиданно заволокла черная туча, вѣсти о болѣзни Русскаго Государя возбуждали величайшее опасеніе, ужасную скорбь, и въ виду великой опасности не остается ничего иного, какъ сокрушенно соединить свои молитвы съ молитвами великаго братскаго русскаго народа. Младочешская газета «Narodni Listy» говорила, что снова раздавшееся по всему необъятному простору русскаго государства «Боже Царя храни!» не была всѣмъ знакомой, могучей, торжественной мелодіей русскаго народнаго гимна, а глубокимъ вздохомъ, молитвою охваченной скорбью и болью души народа, о глубокомъ человѣческомъ чувствѣ котораго враги славянства не имѣютъ даже представленія. Не одна широкая Русь до глубины души была взволнована и потрясена вѣстями изъ Ливадіи, но вся Европа сочувствовала и скорбѣла вмѣстѣ съ нею, и даже, по словамъ газеты, нѣмецкая печать не находила достаточно словъ для выраженія сочувствія и хвалы почившему Государю.

По выраженію «Галичанина», болѣзнь Русскаго Царя приковывала къ себѣ вниманіе всего міра по двумъ причинамъ, личной и политической. Александръ III являлъ собою олицетвореніе физической и нравственной силы Россіи, такъ какъ Онъ былъ первый Царь, положившій въ основу внутренней и внѣшней политики Россіи національный принципъ. Онъ былъ первый гражданинъ Русской земли, первый славянинъ, и руководящею идеею Его въ продолженіи тринадцатилѣтняго царствованія было «Россія для

русскихъ». Будучи облеченъ самодержавною властью, Императоръ Александръ III пользовался ею только для блага русскаго народа и своей великой Имперіи и довелъ до того, что республиканская Франція и вся Европа относились съ уваженіемъ къ Его прямодушному, безстрашному и разсудительному характеру. Какъ на отличительную черту покойнаго Государя газета указываетъ на Его семейную жизнь и любовь къ Царицѣ и дѣтямъ.

Больше всѣхъ скорбѣла и продолжаетъ скорбѣть Франція. Да иначе и быть не можетъ, если вспомнить, что была Франція десять лѣтъ тому назадъ и что она теперь. Она стояла скованная по рукамъ и по ногамъ, ежеминутно ожидая нападенія со стороны Германіи; голосъ ея въ европейскомъ концертѣ не имѣлъ никакого значенія; національное чувство ея было оскорбляемо на каждомъ шагу, Англія во всемъ и всегда становилась ей поперекъ дороги, въ увѣренности, что она будетъ молчать, такъ какъ загипнотизированные глаза ея были обращены къ Вогезамъ. Бисмаркъ толкалъ Францію и въ Африку и въ Азію въ разсчетѣ, что она столкнется тамъ съ англичанами; Италія бравировала ею, а примѣру ея собиралась слѣдовать и Испанія. О потребностяхъ Франціи относительно колоніальныхъ пріобрѣтеній приходилось молчать; Тонкинъ былъ для нея кошмаромъ, потому что съ каждымъ отправленнымъ туда солдатомъ ослаблялись силы ея со стороны Вогезовъ. Франція потеряла Египетъ и почти утратила, морально по крайней мѣрѣ, Мадагаскаръ. Тройственный союзъ дерзко поднималъ передъ Франціей голову и мысленно уже дробилъ ее. Положеніе народа было таково, что самая война казалась выгоднѣе этого постыднаго вооруженнаго мира. Но одно слово могущественнаго Русскаго Царя, какъ по мановенію волшебнаго жезла, все измѣнило. Россія избавила Францію отъ войны, и ея усопшій Императоръ поднялъ самосознаніе французскаго народа, возвративъ ему прежнюю бодрость и вѣру въ свои силы. При такой могущественной опорѣ какъ Царь-Миротворецъ, Франція выросла въ своихъ и чужихъ глазахъ, и тройственный союзъ, съ тѣхъ поръ какъ Франція и Россія идутъ рука объ руку, потерялъ свой raison d'être.

Такъ относились европейскіе народы и ихъ правительства къ почившему Государю нашему во время его тяжкой болѣзни. Горестная же вѣсть о Его кончинѣ привела ихъ въ полное уныніе. Всѣ заграничныя телеграммы свидѣтельствовали о самой искренней скорби европейскихъ народовъ, которую въ сильнѣйшей степени выразила опять Франція. Президентъ республики и министръ-президентъ немедленно телеграфировали въ Петербургъ и Ливадію свои и всего народа соболѣзнованія. Префекты Франціи и

Алжиріи получили предписанія спустить до половины флагштока флаги съ лентами изъ чернаго крепа на всѣхъ казенныхъ зданіяхъ, такъ же какъ и на всѣхъ французскихъ судахъ это было сдѣлано по приказанію морского министра. Многія газеты вышли въ траурныхъ рамкахъ и всѣ единодушно высказываютъ скорбь по поводу кончины Царя и праведнаго человѣка, великаго судьи мира, и передаютъ всеобщія симпатіи Франціи Его Преемнику. Въ Берлинѣ, при первомъ извѣстіи о горестномъ событіи, народъ во множествѣ устремился къ русскому посольству съ выраженіями соболѣзнованія. На улицахъ до поздней ночи продавались прибавленія газетъ со свѣдѣніями о кончинѣ Государя; въ публикѣ было сильное волненіе. Императоръ Вильгельмъ узналъ о печальномъ событіи въ Штеттинѣ на обѣдѣ Королевскаго гренадерскаго полка и выразилъ глубокую скорбь. Въ Вѣнѣ и Римѣ впечатлѣніе не менѣе сильно, такъ же какъ и въ Лондонѣ, гдѣ многія газеты также вышли въ траурныхъ рамкахъ. Особенно поражена глубокою скорбью Данія, связанная съ Россіею узами родства, въ столицѣ которой покойный Государь былъ такъ часто самымъ дорогимъ, желаннымъ гостемъ и привлекалъ сердца датчанъ своей простотой и радушіемъ. Однимъ словомъ, вся Европа, какъ одинъ человѣкъ, соединилась съ Россіей въ общемъ горѣ.

Весь этотъ небывало сочувственный откликъ всего образованнаго европейскаго міра къ постигшему ее горю не можетъ, конечно, не служить нѣкоторымъ утѣшеніемъ, хотя въ этомъ скорбномъ движеніи сквозитъ нѣкоторое опасеніе за мирное преуспѣяніе европейскихъ народовъ, дарованное имъ усопшимъ Царемъ Миротворцемъ. Этотъ знаменательный фактъ всеобщаго сочувствія къ Россіи указываетъ на великое призваніе могущественнаго государства нашего, которое выпало на долю его—охранять миръ среди европейскихъ народовъ.

Вслѣдъ за выраженіями скорби по поводу кончины нашего Государя получены извѣстія о впечатлѣніи, произведенномъ заграницею Высочайшимъ манифестомъ о восшествіи на престолъ Государя Николая Александровича. Въ Берлинѣ, Лондонѣ и Вѣнѣ, недавнія козни которыхъ противъ Россіи были разрушены спокойной твердостью покойнаго Императора, манифестъ молодаго Государя встрѣченъ съ большимъ сочувствіемъ, причемъ особенно хорошее впечатлѣніе произвели слова о мирномъ преуспѣяніи, къ которому главнымъ образомъ будетъ стремиться Государь. Слова эти справедливо истолковываются, какъ залогъ продолженія прежней миролюбивой политики Россіи. Вѣна, какъ болѣе другихъ нуждающаяся, въ виду своей внутренней неурядицы въ Австро-Венгріи, въ безмятежномъ занятіи мирными трудами, особенно сочувственно встрѣ-

тила Высочайшій манифестъ. Вѣнская официозная газета «Fremdenblatt» говоритъ, что миръ, необходимый всѣмъ народамъ, составляетъ предварительное условіе всякаго спокойнаго прогресса, потому и за предѣлами Россіи всѣ сольются въ желаніи, чтобъ Императоръ Николай II достигъ Своей цѣли и для этого могъ безмятежно посвятить себя высокому призванію правителя.

Повидимому, сами правители вооруженныхъ съ ногъ до головы государствъ начинаютъ сознавать, что охраненіе мира, заботы о мирномъ преуспѣяніи, могуществѣ и славѣ своихъ подданныхъ и полное невмѣшательство во внутреннія дѣла другихъ народовъ, завѣщанныя царемъ Миротворцемъ своему Преемнику, составляютъ единственный путь къ европейскому миру.

Изъ европейскихъ дипломатическихъ событій послѣдняго мѣсяца мы можемъ отмѣтить только недавній канцлерскій кризисъ въ Берлинѣ, закончившійся выходомъ въ отставку имперскаго канцлера Каприви и прусскаго министра внутреннихъ дѣлъ графа Эйленбурга, назначеніе на мѣсто перваго намѣстника Эльзасъ-Лотарингіи князя Гогенлоэ, а на мѣсто втораго статсъ-секретаря Келлера, и послѣдовавшее затѣмъ соединеніе должностей имперскаго канцлера и прусскаго министра-президента въ одномъ лицѣ князя Гогенлоэ.

Когда приходится обсуждать это, прямо неожиданное, событіе и для Германіи и для Пруссіи, необходимо имѣть въ виду личный характеръ императора Вильгельма, которому онъ зачастую подчиняетъ даже и государственные интересы Германіи. Графъ Каприви, съ самаго появленія своего въ должности имперскаго канцлера, встрѣтилъ чрезвычайное сопротивленіе главнымъ образомъ въ монархическихъ кружковъ. Представители прусской аристократіи, какъ придворной такъ и землевладѣльческой, до сихъ поръ не примирились съ устраненіемъ Бисмарка отъ государственныхъ дѣлъ и съ замѣною его ничѣмъ не выдающимся Каприви. Для этой аристократіи послѣдній былъ всегда выскочкой, и его крупной ошибкой было воспользоваться поддержкой либераловъ и «вольномыслящихъ», игравшихъ всегда роль ярыхъ враговъ Бисмарка. Борьба аристократіи съ Каприви длилась во все время его канцлерства. Однако, казалось, что императоръ Вильгельмъ мало обращалъ вниманія на эту оппозицію его вѣрныхъ слугъ, и можно было еще недавно думать, что Каприви никогда еще не пользовался такимъ довѣріемъ императора, какъ въ минуту своего паденія; но возбужденный недавно въ германскихъ правительственныхъ сферахъ вопросъ о необходимости энергическихъ мѣръ для борьбы съ анархистами и другими разрушительными элементами, внесшій значительное несогласіе въ среду прусскихъ и имперскихъ министровъ, явился для Каприви

роковымъ вопросомъ. Оказалось, что намѣренія императора въ этомъ вопросѣ не вполнѣ раздѣляли графъ Каприви и большинство министровъ союзныхъ государствъ, особенно южно-германскихъ, справедливо опасавшіеся, что крупныя мѣры и нарушеніе общественныхъ правъ, установленныхъ конституціей, напр., ограниченіе свободы обществъ, возбудятъ неудовольствіе въ рейхстагѣ и сопротивленіе не только соціалъ-демократовъ и «свободомыслящихъ», но и правительственной партіи католическаго центра. Баварское правительство не раздѣляло намѣреній императора, находя это дѣломъ отдѣльныхъ правительствъ, союзныхъ государствъ, а не имперіи, и на этой почвѣ разладъ между Каприви и Эйленбургомъ и несходство во взглядахъ имперскаго канцлера со взглядами императора крайне обострились. Послѣ соединеннаго совѣта министровъ прусскихъ и союзныхъ государствъ Германіи 12 (24-го) октября, гдѣ большинство министровъ, между ними Микель и Боссе, рѣшительно высказались противъ Эйленбурга и Каприви, оба они подали свои отставки, которыя императоръ, со свойственной ему поспѣшностью, принялъ и тѣмъ, кромѣ всеобщаго недоумѣнія въ Германіи, вызвалъ тяжелый внутренній кризисъ.

По всей вѣроятности, кризисъ этотъ вызоветъ въ Германіи сильную реакцію и личная воля императора Вильгельма явится рѣшающимъ факторомъ въ государственной жизни Германіи.

Н.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Кончина Государя Императора Александра III.—Исторія его болѣзни и послѣднія минуты.—Характеристика въ Бозѣ почившаго Царя.—Манифестъ о вступленіи на престолъ Императора Николая II и впечатлѣніе, произведенное имъ.

Русскій народъ цѣлый мѣсяцъ прожилъ въ тревожномъ состояніи, которое то было полно искренняго сожалѣнія и страха за будущее, то переходило въ надежду, что угрожающее опасеніе Россіи пройдетъ мимо нея благополучно...

Такое впечатлѣніе производили бюллетени о болѣзни Государя Императора Александра III, разносившіеся телеграфомъ по всей имперіи и заграницу.

Бюллетени эти, подписывавшіеся извѣстнымъ берлинскимъ профессоромъ Лейденомъ и русскими врачами: проф. Захарьинымъ, д-рами Гиршемъ, Поповымъ и Вельяминовымъ, констатировали послѣдовательно то ухудшеніе, то улучшеніе, то новое ухудшеніе въ состояніи здоровья Государя. Россія молилась за любимаго Царя; но Высшій Промыселъ, устраивающій человѣческія судьбы, рѣшилъ призвать къ себѣ нашего земного владыку въ свои горнія селенія и, въ одинъ печальный осенній вечеръ, по улицамъ Петербурга расклеены были слѣдующія траурныя объявленія:

> **Государь Императоръ Александръ III въ 2 ч. 15 м. по полудни сего 20 октября тихо въ Бозѣ почилъ.**

Нечего говорить, какое потрясающее впечатлѣніе произвели на русскій народъ эти траурныя афиши, хотя общественное мнѣніе заранѣе подготовлено было къ роковому событію подробнымъ сообщеніемъ «Правит. Вѣстника» о ходѣ государевой болѣзни, которое вотъ что дословно гласило:

Съ радостнымъ, но и съ тревожнымъ чувствомъ Ялта ожидала прибытія Государя Императора: слухи о болѣзни Его Величества

проникли уже всюду. Отъѣздъ Его Величества изъ Спалы замедлился, что возбуждало еще сильнѣе опасенія. Въ Спалѣ замѣчались уже безпокоившія врачей болѣзненныя явленія, побуждавшія ускорить отъѣздъ Больного на югъ, въ теплый климатъ. Продолжительный переѣздъ по желѣзной дорогѣ утомилъ Государя, но еще болѣе утомили Его церемоніи встрѣчъ въ Севастополѣ и въ Ялтѣ. Первые дни пребыванія въ Ливадіи были дни отдыха: вскорѣ Августѣйшій Больной почувствовалъ Себя крѣпче, такъ что 25-го сентября могъ стоять обѣдню въ придворной церкви и послѣ того ѣздилъ въ Ай-Тодоръ къ великой княгинѣ Ксеніи Александровнѣ, и послѣдующіе дни совершалъ въ экипажѣ прогулки къ водопаду Учанъ-Су и въ Массандру. Но вслѣдъ затѣмъ появились симптомы ослабленія, встревожившіе врачей: утрата аппетита и сна, ослабленіе дѣятельности сердца, усиленіе бѣлковины и опухлость ногъ. Настали дни жестокой тревоги и сильнаго опасенія. При Государѣ находятся постоянно врачи: Захарьинъ, берлинскій профессоръ Лейденъ, спеціалистъ по болѣзнямъ почекъ, лейбъ-хирурги: Гиршъ и Вельяминовъ. Ежедневно, по нѣсколько разъ въ день, осмотры и консультаціи врачей, слѣдившихъ усиленно за явленіями болѣзни, возбуждали въ окружающихъ Дворъ лицахъ, незнакомыхъ съ медицинскою наукою, мучительную смѣну надеждъ и опасеній. Въ это же время пріѣзжалъ въ Ливадію харьковскій профессоръ Грубе, съ цѣлью благодарить Его Величество за вниманіе, оказанное ему въ пережитой имъ подобной же болѣзни. Онъ былъ принятъ Государемъ и, по возвращеніи отъ Его Величества, поддерживалъ во всѣхъ, собственнымъ недавнимъ своимъ опытомъ, надежду на благополучный исходъ недуга. Врачей особенно безпокоило въ Больномъ совершенное притупленіе аппетита, необходимаго для укрѣпленія дѣятельности сердца.

Въ пятницу, 7-го октября, всѣхъ обрадовала вѣсть, что аппетитъ явился, и что Государь кушалъ достаточно и за завтракомъ, и за обѣдомъ. Со слѣдующаго утра оживились надежды извѣстіемъ, что появился и сонъ, и что пробужденіе Больного приноситъ ему бодрость, что количество бѣлковины уменьшается. Между тѣмъ, во всей Россіи распространилась уже внезапная вѣсть о болѣзни Государя, и смущеніе, питаемое слухами, нерѣдко искаженными и преувеличенными, охватило всѣ сердца, горящія любовью къ Нему и надеждою на Него. Всѣ слились въ пламенной молитвѣ о спасеніи возлюбленнаго Государя.

8-го октября, въ субботу, ожидался пріѣздъ королевы эллиновъ; съ нею прибыла въ Ливадію великая княгиня Александра Іосифовна. Ея высочеству пришла благодѣтельная мысль пригласить съ собою извѣстнаго всему народу и любезнаго ему молитвенника

о. Іоанна Сергіева. При проѣздѣ его черезъ Ялту со всѣхъ сторонъ неслись навстрѣчу ему благословеніе, желаніе и надежды, а ясный и всегда радостный видъ его оживлялъ надежду на Милость Божію и на дѣйственную силу всенародной, денно и нощно возносимой къ Богу, молитвы о Болящемъ. Въ тотъ же день, тотчасъ по пріѣздѣ, о. Іоаннъ служилъ литургію въ дворцовой церкви, и затѣмъ служитъ ежедневно, по просьбѣ населенія, въ Ялтѣ и въ окрестныхъ мѣстностяхъ. Несмѣтныя толпы стекаются къ нему на молитву.

На утро, 9-го октября, въ воскресенье, Государь почувствовалъ Себя въ силахъ прибѣгнуть къ величайшему духовному утѣшенію. котораго давно желала душа Его: передъ обѣдней, пригласивъ къ Себѣ духовника, протопресвитера Янышева, Онъ объявилъ ему Свое сердечное желаніе—пріобщиться въ тотъ же день Св. Тайнъ. Послѣ обѣдни совершившееся таинство было несказаннымъ утѣшеніемъ и успокоеніемъ для Благочестиваго Государя, а вѣсть о томъ ободрила всѣхъ новою надеждою.

Но и этотъ день, и слѣдующій были для Болящаго днями сильныхъ, хотя и утѣшительныхъ ощущеній. Въ понедѣльникъ, 10-го числа, Государь пожелалъ видѣть о. Іоанна Сергіева, принялъ его и вмѣстѣ съ нимъ молился, а вечеромъ того же дня предстоялъ пріѣздъ въ Ливадію Высоконареченной Невѣсты Государя Наслѣдника Цесаревича, вмѣстѣ съ великой княгиней Елизаветой Ѳеодоровной. По приказанію Его Величества, устроена была Ей въ Ливадіи торжественная встрѣча съ почетнымъ карауломъ и музыкой. Свиданіе Государя съ Принцессой Алисой, давно желаемое и потому радостное, вмѣстѣ съ тѣмъ принесло Больному ощущеніе сильнаго волненія. Этого опасались врачи.

Затѣмъ опасенія изо дня въ день начали увеличиваться все больше и больше, такъ какъ болѣзнь продолжала ухудшаться.

Самъ Августѣйшій Больной смѣло и спокойно началъ смотрѣть въ глаза приближающейся смерти и готовиться къ ней съ христіанскимъ мужествомъ и смиреніемъ. «Будь покойна, говорилъ онъ не за долго до кончины Своей Супругѣ—Я совершенно спокоенъ.» И это душевное спокойствіе поддерживалъ, между прочимъ, силою молитвы все тотъ-же о. Іоаннъ, почти не отлучавшійся отъ постели умирающаго и дважды сподобившій Его Св. Христовыхъ таинъ.

Такъ не стало любимаго русскаго Государя, по которому вся Россія и даже Европа одѣлась теперь въ трауръ.

Всѣ газеты до сихъ поръ погружены въ толки объ этомъ событіи, и изъ ряда многочисленныхъ статей, посвященныхъ памяти Государя, наиболѣе интересною представляется характеристика Его, сдѣланная въ «Нов. Времени». Обозрѣвая кратковременную исторію

царствованія Александра III, его мирной политики и внутреннихъ реформъ, которымъ и мы посвятимъ впослѣдствіи не мало очерковъ,—газета дѣлаетъ подробную личную характеристику въ Бозѣ почившаго царя.

Какъ человѣкъ, Императоръ Александръ III отличался спокойнымъ умомъ, прямотою мысли и болѣе всего любилъ правдивость. Если кто-либо хотѣлъ отъ него скрыть или изукрасить истину, то навсегда лишался его довѣрія, хотя вообще онъ привыкалъ къ людямъ и не любилъ мѣнять сотрудниковъ, а также своего мнѣнія о людяхъ: графъ Д. А. Толстой былъ изъ немногихъ, о которыхъ Онъ измѣнилъ свой первоначальный взглядъ. Прямота Его взглядовъ видна въ томъ, что онъ никогда не стѣснялся соглашаться съ мнѣніемъ меньшинства, если считалъ его справедливымъ. Въ извѣстномъ дѣлѣ о включеніи Ростова и Таганрога въ Донскую область Онъ согласился съ мнѣніемъ одного члена Государственнаго Совѣта противъ тридцати.

Твердость характера Покойнаго подтверждается многими фактами. Наиболѣе извѣстны увольненіе отъ должности графа Валуева и отъ службы свѣтлѣйшаго князя Ливена и генералъ-адъютанта Крыжановскаго, послѣдняго безъ прошенія, за допущенныя въ раздачѣ башкирскихъ земель злоупотребленія. Онъ не задумался также исключить изъ русской службы болгарскаго князя Александра, когда убѣдился, что онъ измѣняетъ интересамъ Россіи, принесшей такъ много жертвъ на освобожденіе неблагодарнаго болгарскаго народа. Ту же строгость проявлялъ онъ даже и по отношенію къ лицамъ Царствующаго Дома.

Симпатичная наружность покойнаго Государя, добрые голубые глаза и привѣтливая улыбка слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстны, чтобы ихъ описывать; прибавимъ, что Онъ отличался большою физическою силою, и хотя перенесъ въ молодости тифъ въ чрезвычайно тяжелой формѣ и недавно инфлуэнцу, но, казалось, имѣлъ всѣ задатки долгой жизни. Замѣчательно, что Крыма, гдѣ такъ преждевременно и въ такихъ ужасныхъ страданіяхъ окончились его дни, Онъ никогда не любилъ и, по фатальному стеченію обстоятельствъ, Онъ потерялъ тамъ нѣсколькихъ близкихъ Ему лицъ.

Онъ любилъ самостоятельно обдумывать каждое дѣло серьезно и спокойно лично, и избѣгалъ посредниковъ, почему не любилъ случайныхъ докладчиковъ. Для чего будетъ объяснять Мнѣ дѣло,—говаривалъ Онъ,—человѣкъ, который знаетъ его менѣе, чѣмъ Я?» Онъ всегда очень старался узнать истину и неоднократно строго подтверждалъ, чтобы всѣ письма и прошенія, адресуемыя на Его имя, непремѣнно доставлялись Ему въ собственныя руки. Всѣ всеподданнѣйшіе отчеты губернаторовъ онъ внимательно прочитывалъ

и испещрялъ замѣтками, по которымъ требовалъ сужденій Комитета Министровъ. Въ своихъ резолюціяхъ Онъ нерѣдко высказывалъ въ рѣзкой формѣ свое мнѣніе, не терпя, какъ сказано, лжи и обмана.

Онъ охотно принималъ всѣхъ занимающихъ сколько-нибудь замѣтное служебное положеніе, принималъ ученыхъ и выдающихся писателей и, отличаясь простотою въ обращеніи, каждому подавалъ руку и неизмѣнно каждому говорилъ вы. Французскихъ гостей во время Кронштадскаго посѣщенія поразило, что Онъ выслушалъ Марсельезу стоя. Онъ былъ идеально образцовымъ семьяниномъ, избѣгалъ пышности, внѣшняго блеска и ненужной роскоши. При себѣ онъ желалъ видѣть только лицъ, пользовавшихся полною Его довѣренностью; поэтому сократилъ до minimum'а обширную Главную квартиру, состоявшую при Александрѣ II изъ сотенъ генераловъ и флигель-адъютантовъ.

Вступивъ на престолъ, Онъ не переѣхалъ въ Зимній дворецъ, а остался въ Аничковомъ, гдѣ жилъ очень скромно еще Наслѣдникомъ; Онъ расширилъ только садъ этого дворца, гдѣ зимою строились горы и гдѣ Онъ иногда игралъ съ Августѣйшими дѣтьми въ снѣжки. Въ Гатчинѣ, гдѣ Онъ проводилъ большую часть года, Онъ жилъ въ обстановкѣ богатаго помѣщика; большая часть комнатъ и парка были отданы для игръ Августѣйшихъ дѣтей; лѣтомъ Онъ любилъ посѣщать финскія шхеры, гдѣ удилъ рыбу и проводилъ время совершенно запросто въ самомъ тѣсномъ кругу близкихъ Ему людей. Настоящимъ отдыхомъ для Него было посѣщеніе скромнаго Копенгагена, гдѣ Онъ жилъ совсѣмъ уже частнымъ человѣкомъ.

Замѣчательна еще въ Немъ была любовь ко всему русскому. Онъ первый изъ русскихъ Государей, послѣ Ѳеодора и Іоанна Алексѣевичей, носилъ бороду. Наши раскольники и старовѣры получили при немъ возможность болѣе свободно отправлять свое богослуженіе. Онъ любилъ русскую кухню, внимательно читалъ русскія газеты, любилъ литературу, давалъ пенсіи замѣчательнымъ русскимъ писателямъ, считая, что они служатъ родинѣ своими произведеніями, и старался поощрять русское искусство, особенно живопись и музыку. Къ послѣдней у него была природная склонность, и, будучи Наслѣдникомъ престола, Онъ нерѣдко участвовалъ въ оркестровыхъ исполненіяхъ, играя на духовыхъ инструментахъ.

Для исторической оцѣнки царствованія Александра III время еще не наступило.

Придетъ это время и явится историкъ, который пойметъ всю трудность и всю плодотворность столь рано прерванной дѣятельности истинно-*русскаго* царя и Царя-миротворца.

Для нашей памяти представляется еще слишкомъ свѣжимъ тотъ

моментъ, когда волею Провидѣнія почившему Государю указано было занять тронъ Своего Родителя, Царя-мученика...

Это было тяжкое время общественной смуты на Руси, время броженія неустойчивыхъ умовъ и злыхъ намѣреній. Это была мрачная страница изъ русской исторіи, завершившаяся ужасною катастрофою 1-го марта.

Идти далѣе въ этой тьмѣ было некуда. Нуженъ былъ просвѣтъ, исходящій сверху, съ высоты трона, которому только-что нанесено было оскорбленіе руками убійцъ.

Въ Бозѣ почившій Государь Александръ III оказался на высотѣ своего священнаго призванія. Онъ, съ самаго своего вступленія на престолъ, возжегъ свѣтильникъ умственнаго просвѣтленія, Онъ твердо намѣтилъ задачи своей высокой внутренней политики. которую исторія, по всей вѣроятности, назоветъ политикою умиротворенія.

Царь-Умиротворитель—вотъ имя, которое было создано Его недолгою, но въ высшей степени плодотворною дѣятельностью. Ни капли крови внѣшняго врага не пролито было за все время этого умиротворяющаго царствованія; никакой внутренней смутѣ не было мѣста среди водвореннаго государственнаго порядка и безопасности.

Для Россіи важно было это умиротворенное состояніе, главнымъ образомъ потому, что оно дало полную возможность къ ея экономическому преуспѣянію.

Эпоха только-что окончившагося царствованія была поистинѣ эпохою экономическаго возрожденія Россіи. Заботы и труды Царя безустанно были направлены къ проведенію въ жизнь тѣхъ или иныхъ экономическихъ и финансовыхъ реформъ. То, что Бисмаркъ въ Германіи шумливо подготовлялъ цѣлыми десятилѣтіями, у насъ незамѣтно и безшумно, быстро и послѣдовательно осуществлялось по непосредственному указанію Царя!

Съ кончиною императора Александра III, на престолъ Всероссійскій вступилъ Его Сынъ—Первенецъ, Наслѣдникъ-Цесаревичъ Николай Александровичъ. Вотъ манифестъ, торжественно возвѣстившій о вступленіи его на престолъ:

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій, и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ.

Богу Всемогущему угодно было въ неисповѣдимыхъ путяхъ Своихъ прервать драгоцѣнную жизнь горячо любимаго Родителя Нашего Государя Императора Александра Александровича. Тяжкая болѣзнь не уступила ни лѣченію, ни благодатному климату Крыма, и 20-го октября Онъ скончался въ Ливадіи, окруженный Августѣйшей Семьей Своей, на рукахъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы и Нашихъ.

Горя Нашего не выразить словами, но его пойметъ каждое русское сердце, и Мы вѣримъ, что не будетъ мѣста въ обширномъ Государствѣ Нашемъ, гдѣ бы не пролились горячія слезы по Государю, безвременно отошедшему въ вѣчность и оставившему родную землю, которую Онъ любилъ всею силою Своей русской души и на благоденствіе которой Онъ полагалъ всѣ помыслы Свои, не щадя ни здоровья Своего, ни жизни. И не въ Россіи только, а далеко за ея предѣлами никогда не перестанутъ чтить память Царя, олицетворявшаго непоколебимую правду и миръ, ни разу не нарушенный во все Его Царствованіе.

Но да будетъ святая воля Всевышняго и да укрѣпитъ Насъ незыблемая вѣра въ премудрость Небеснаго Промысла, да утѣшитъ Насъ сознаніе, что скорбь Наша—скорбь всего возлюбленнаго народа Нашего, и да не забудетъ онъ, что сила и крѣпость святой Руси—въ ея единеніи съ Нами и въ безпредѣльной Намъ преданности. Мы же, въ этотъ скорбный, но торжественный часъ вступленія Нашего на Прародительскій Престолъ Россійской Имперіи и нераздѣльныхъ съ нею Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, вспоминаемъ завѣты усопшаго Родителя Нашего и, проникшись ими, пріемлемъ священный обѣтъ передъ Лицомъ Всевышняго всегда имѣть единою цѣлью мирное преуспѣяніе, могущество и славу дорогой Россіи и устроеніе счастья всѣхъ Нашихъ вѣрноподданныхъ.

Всемогущій Богъ, Ему же угодно было призвать Насъ къ сему

великому служенію, да поможетъ Намъ. Вознося горячія молитвы къ Престолу Вседержителя объ упокоеніи чистой души незабвеннаго Родителя Нашего, повелѣваемъ всѣмъ Нашимъ подданнымъ учинить присягу въ вѣрности Намъ и Наслѣднику Нашему Его Императорскому Высочеству Великому Князю Георгію Александровичу, которому быть и титуловаться Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, доколѣ Богу угодно будетъ благословить рожденіемъ Сына предстоящій бракъ Нашъ съ Принцессою Алисою Гессенъ-Дармштадтскою.

Данъ въ Ливадіи, лѣта отъ Рождества Христова въ тысяча восемьсотъ девяносто четвертое, Царствованія же Нашего въ первое. Октября 20-го дня.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ".

Едва-ли можно говорить о томъ безпредѣльномъ энтузіазмѣ, съ которымъ повсюду перечитывался въ слухъ этотъ документъ о вступленіи новаго Царя на царство, скрѣпленный уже цѣлованіемъ креста и принесеніемъ присяги народной на вѣрность Ему, Помазаннику Божію.

Русскому народу любъ бодрый духомъ и полный энергіи Монархъ, а этимъ духомъ бодрости и молодой энергіи проникнутъ манифестъ, открывающій намъ эпоху новаго царствованія.

Теперь, когда открыто выяснились трогательно-дружественныя симпатіи къ Россіи почти всѣхъ европейскихъ народовъ, можно съ увѣренностью сказать, что манифестъ императора Николая II за границею произведетъ не менѣе отрадное впечатлѣніе, чѣмъ въ самой Россіи, потому что въ немъ повторяется все то хорошее и благороднѣйшее, что такъ расположило Европу къ почившему Царю-Миротворцу.

Завѣты Родителя ставятся въ священный сыновній долгъ, а *мирное* преуспѣяніе—въ обѣтъ предъ лицомъ Всевышняго. Можетъ-ли тутъ быть рѣчь о перемѣнахъ отношеній и можетъ-ли хоть на минуту Европа поколебаться въ какихъ-нибудь сомнѣніяхъ?

Нѣтъ, отнынѣ сердце Россіи открыто для всѣхъ, желающихъ мира, порядка и братскаго единенія.

Отнынѣ ее, молодую Россію, еще болѣе возлюбятъ ея друзья, и новое царство, царство мирнаго прогресса, на рубежѣ двухъ столѣтій, да водворится!

ГАННА.

Романъ Берты Сутнеръ.

(Переводъ съ нѣмецкаго).

I.

„Боже, Боже! Что писать... Что я ему, бѣдному, скажу?— произнесла, тихо рыдая, склонивъ голову на грудь, молодая женщина. На листѣ почтовой бумаги, лежащемъ передъ ней на письменномъ столѣ, были выведены дрожащею рукою всего только пять словъ: „Когда ты найдешь это письмо...“

— Ахъ, не знаю,—простонала она,—я точно во снѣ, точно съ ума схожу.

Она встала и, все сжимая руками голову, направилась въ другой конецъ комнаты, гдѣ на стѣнѣ висѣло зеркало, подошла къ нему и стала глядѣть помѣшаннымъ взоромъ на отражающееся блѣдное, но поражающее красотой изображеніе. Когда человѣкъ находится наединѣ съ своимъ преступленіемъ, когда знаешь за собою ужасную тайну, то невольно тянетъ къ зеркалу. Въ немъ ищутъ отвѣта на невысказанные вопросы; въ немъ находятъ свидѣтеля — единственнаго, которому все можетъ быть извѣстно. Къ тому же, когда женщина собирается грѣшить, то большей частью ея сообщницей является собственная ея красота.

— Онъ любитъ, любитъ тебя,—тихо прошептала она,— ждетъ тебя и окружитъ сказочнымъ счастьемъ...

Но, хотя губы и произнесли слово „счастье“, она знала хорошо, что лгала прекрасному изображенію въ зеркалѣ. Предчувствовалось скорѣе какое-то угрожающее, страшное несчастье, но могучая сила влекла ее въ пропасть и ей не миновать па-

денія. Быстро рѣшившись, вернулась она къ письменному столу, задѣвъ по дорогѣ открытую дорожную сумку, которую тутъ же захлопнула; потомъ достала изъ ящика кошелекъ и спрятала его въ карманъ своего пальто. Ей чудилось, что кто-то другой исполняетъ эти мелкія приготовленія, и точно не она беретъ перо въ руки, чтобъ окончить начатое письмо.

Во время писанія она, однако, пришла въ себя, слова такъ и лились прямо изъ глубины души:

„Когда ты найдешь это письмо, у тебя больше не будетъ жены. Вообрази, что она умерла—и, быть можетъ, лучше ей было бы умереть. Не грусти обо мнѣ, я этого не стою. Будь счастливъ, хорошій, холодный человѣкъ! Меня притягиваетъ пламя неба, а можетъ быть и ада, все равно: я не могу противиться. Поэтому я ухожу. Было бы такъ легко обмануть тебя, но противъ этого возмущается моя честь, моя гордость. Нѣтъ—прости, вычеркни эти слова, нѣтъ у меня ни чести, ни гордости—я бѣдная, погибшая женщина. Хотя ничьи грѣшныя губы еще не коснулись моихъ, все же онѣ осквернены, сказавъ „да“ на предложеніе бѣжать съ другимъ. Прощай! Единственное мое утѣшеніе и извиненіе, это то, что ты меня не любишь. Самое драгоцѣнное тебѣ вѣдь остается: твои книги. Я этимъ не хочу тебя упрекнуть; не мнѣ, преступницѣ, которая на колѣняхъ говоритъ съ тобою въ послѣдній разъ, упрекать тебя послѣ всего мною сдѣланнаго! Вѣрь мнѣ, этотъ послѣдній часъ въ твоемъ тихомъ и честномъ домѣ, все равно какъ смертный часъ. И для чего я все это пишу, когда я только въ короткихъ словахъ хотѣла тебѣ объяснить свое исчезновеніе... къ чему продолжать? Я вижу, рука твоя дрожитъ, съ гнѣвомъ мнетъ письмо и готова бросить его съ презрѣніемъ въ огонь,—у тебя осталась одна только ненависть и заслуженное отвращеніе къ той несчастной, полуумной, которая отнынѣ перестала быть твоей

Іоганной“.

Было около девяти часовъ вечера, когда Іоганна окончила эти строки. Комната, въ которой она находилась, была обставлена мѣщански просто и освѣщалась лампой, стоящей на письменномъ столѣ. Огонь въ каминѣ догоралъ. По безпорядку открытаго шкапа и полувыдвинутыхъ ящиковъ видно было, что въ нихъ рылись на скорую руку. На полу возлѣ письменнаго стола лежало множество лоскутковъ бумаги — разорванные

письма, счета и записки, какъ это всегда бываетъ при отъѣздѣ.

Во время складыванія своего отчаяннаго письма, точно молнія промелькнула у Іоганны мысль: „Еще не поздно—уничтожу этотъ листокъ и останусь...“ Но сейчасъ же взглядъ ея упалъ на безпорядокъ комнаты. Мужъ могъ каждую минуту вернуться и войти, и какъ ему объяснить свою растерянность и окружающій безпорядокъ? Къ тому же эта, такъ просто, даже бѣдно обставленная комната показалась ей олицетвореніемъ ожидающаго ее здѣсь впереди будничнаго, прозаическаго существованія, между тѣмъ какъ тамъ—куда она собиралась бѣжать—будущее манило сказочными красками; тамъ ее ждетъ жизнь, полная поэзіи, страсти. И онъ—тотъ прекрасный человѣкъ съ жгучими глазами и сладкимъ голосомъ, одинъ изъ самыхъ блестящихъ людей своей страны—онъ ждетъ ее съ восторгомъ. „Нѣтъ, нѣтъ! слишкомъ поздно... я должна уйти“.

Быстро запечатавъ письмо и надписавъ адресъ „Эвальду Бальманъ“, она поднесла его къ губамъ и съ грустью прикоснулась къ этому имени. Потомъ подошла еще разъ къ зеркалу, какъ будто она хотѣла проститься съ тѣмъ отраженіемъ честной женщины, которая въ послѣдній разъ глядѣла на нее оттуда. Повязавъ затѣмъ густую вуаль кругомъ шляпы и взявъ въ руки дорожную сумку, она тихо сошла внизъ.

II.

Въ описанный нами вечеръ, Эвальдъ Бальманъ, учитель гимназіи австрійскаго провинціальнаго города, находился въ веселомъ обществѣ. Праздновали двадцатипятилѣтній юбилей директора, и Эвальдъ долженъ былъ поэтому принять участіе въ вечерѣ. Уходя, онъ сказалъ женѣ:

— Не жди меня, Ганна, я навѣрное рано не вернусь, ты къ тому же сегодня такая блѣдная, нездоровится тебѣ, что ли?

— Нѣтъ, ничего... я здорова... желаю тебѣ веселиться!

— Ну, гдѣ ужъ мнѣ! Ты вѣдь знаешь, я не любитель увеселеній и общества въ особенности.

— Да, къ сожалѣнію—знаю.

— Почему же къ сожалѣнію, милое дитя? Я вѣдь тебѣ

не мѣшаю веселиться, сколько хочешь. Если я и не сопровождаю тебя на балы и гулянія, то ничего не имѣю противъ посѣщенія ихъ тобою въ обществѣ крестной,—хотя я дѣйствительно не понимаю, какое удовольствіе въ этихъ утомительныхъ, пустыхъ, шумныхъ собраніяхъ. Мнѣ при одной мысли надѣть фракъ дѣлается страшно... Какъ бы и сегодняшній вечеръ поскорѣе прошелъ. До свиданія, Ганна.

Эвальду Бальманъ было двадцать восемь лѣтъ, и уже два года, какъ онъ былъ женатъ на прекрасной Ганнѣ Орфальви. Они не подходили другъ къ другу; онъ—сынъ нѣмецкаго сельскаго учителя, она — дочь венгерскаго дворянина и американской танцовщицы. Онъ былъ скроменъ, застѣнчивъ, неловокъ, неразговорчивъ, избѣгалъ людей, она—блестящая, живая, побѣдоносная; онъ—серьезный, спокойный, трудолюбивый—она эксцентричная, жаждущая наслажденій, но не работы. Его умъ питался точнымъ знаніемъ, сухой наукой—ея же головка была полна стиховъ, романовъ и преувеличенныхъ мечтаній о счастіи. Однимъ словомъ, весь этотъ бракъ былъ ошибкой. Между ними было только общее: ихъ молодость, красота, способность любить; оба были богато одарены и умомъ и душой, но воспитаніе и жизнь дали ихъ чувствамъ такое противоположное направленіе, что души ихъ ни въ чемъ не сливались, и во все время ихъ совмѣстной двухлѣтней жизни ихъ что-то точно разъединяло.

Ганна получила, безъ сомнѣнія, дурное воспитаніе. Отецъ ея, нѣкогда владѣя громадными богатствами, умеръ разорившимся игрокомъ, когда дочери минуло десять лѣтъ. Мать, бывшая знаменитая танцовщица, привыкшая жить въ неимовѣрной роскоши, должна была теперь существовать на очень ограниченныя средства, но никакъ не могла примириться съ новыми условіями жизни; она жила только надеждой, что Ганна, обѣщающая стать замѣчательной красавицей, снова завоюетъ утраченное положеніе, посредствомъ блестящей партіи. Эти мечты о будущемъ составляли постоянный предметъ разговоровъ между матерью и дочерью. По цѣлымъ часамъ строили онѣ планы, какъ устроить свою жизнь, когда онѣ будутъ также богаты и счастливы, какъ при жизни отца. Онѣ воздвигали воздушные замки, обставленные невѣроятной роскошью; придумывали туалеты, въ которыхъ Іоганна предстанетъ къ чужимъ дворамъ, ливреи лакеямъ для обыкновенныхъ

и торжественныхъ случаевъ; всевозможные экипажи для катанья въ деревнѣ и для весенняго катанья въ Пратерѣ; не забыта была и шкатулка съ драгоцѣнностями; торжественные балы, обѣды, веселыя охоты и поѣздки на воды—все это разбиралось и распредѣлялось такъ подробно и часто, что Іоганна считала своимъ назначеніемъ сдѣлаться блестящей grande-dame. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить ея рано развившуюся красоту, которая вызывала всеобщій восторгъ и объясненія въ любви съ тринадцати лѣтъ. Но мать охраняла свою дочь строго, не выпускала изъ подъ своего надзора и вообще внушала ей нравственность и дѣвичью гордость. Ганна казалась ей ангеломъ или сказочной принцессой; поэтому ни одно пятно не должно было лечь на ея добродѣтель и честь; она должна добиться блеска и всѣхъ радостей міра, но только путемъ брака, сдѣлавшись уважаемой свѣтской женщиной.

Ганна обладала блестящими способностями и неутомимымъ рвеніемъ къ чтенію и ученію. Одиннадцати лѣтъ она играла артистически на роялѣ и имѣла большой успѣхъ въ одномъ благотворительномъ концертѣ, въ которомъ участвовала. Это не мало льстило ея самолюбію; выходя благодарить публику, она обвела ее торжествующей улыбкой привыкшей къ поклоненію примадонны. Съ этого момента она почувствовала, что поклоненіе толпы будетъ ея удѣломъ. На улицѣ всѣ засматривались на поразительную красавицу. Отъ матери она унаслѣдовала нѣжный цвѣтъ лица и роскошные бѣлокурые, пышные вьющіеся волосы; отъ отца — темные, жгучіе глаза, благородный профиль, гордую осанку.

Помимо музыкальнаго дарованія, Ганна обладала необыкновенной способностью къ языкамъ: кромѣ англійскаго, которому ее научила мать, и которымъ она также хорошо владѣла, какъ и венгерскимъ и нѣмецкимъ, она усвоила всѣ тонкости французскаго языка. И не мало же романовъ она прочла. Шестнадцати лѣтъ, всѣ французскія книги городской библіотеки были ею прочитаны; но къ счастью, она не пропускала и англійскую беллетристику и нѣмецкихъ поэтовъ. Самымъ любимымъ ея чтеніемъ были стихи, каковые она иногда и сама сочиняла; но за то дѣтскія игры и общество дѣтей ни-когда ее не занимали, а со дня того памятнаго концерта, она чувствовала себя совсѣмъ взрослой дѣвушкой. Читая романы, она съ удовольствіемъ соображала, сколько лѣтъ еще впереди

до достиженія ею девятнадцати, двадцати-лѣтняго возраста,—обыкновеннаго возраста героинь.

Одинъ всесторонне образованный пожилой господинъ, другъ дома ея матери, обучалъ ее наукамъ и литературѣ. Ему постоянно приходилось удивляться ея скорой сообразительности, огромной памяти и мѣткимъ замѣчаніямъ. Такимъ образомъ ежедневныя занятія доставляли обоимъ рядъ удовольствій. Ганна училась всему съ увлеченіемъ; также охотно какъ бы она украсила свою прелестную шею настоящимъ жемчугомъ, настолько охотно она украшала свой умъ перлами познаній и поэзіи. Нашей героинѣ никогда не приходила въ голову мысль, что изученіе составляетъ цѣль само по себѣ; тотъ свѣточъ, исходящій изъ наукъ и освѣщающій собою все міровоззрѣніе, ею не былъ замѣченъ; впрочемъ это значило бы слишкомъ много потребовать отъ полувзрослыхъ барышень. Ганнѣ—какъ и многимъ—міръ представлялся какъ кругъ, въ которомъ она сама и событія будущаго составляли какъ бы центръ. Ни одной минуты не сомнѣвалась она, что ей готовится нѣчто необыкновенное; при каждомъ появленіи ей удивлялись, какъ феномену, неудивительно, что и сама она себя считала исключительнымъ созданіемъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ у Ганны было доброе, мягкое сердце, очень чуткое къ чуждому горю; чтобъ сдѣлать другого счастливымъ, она чувствовала себя способной на величайшія жертвы. Да иногда она даже считала возможнымъ — хотя она и создана для блестящей жизни въ высшемъ кругу—отказаться отъ этой мысли, и устроить жизнь бокъ о бокъ съ бѣднымъ, но любимымъ человѣкомъ. Въ этомъ не малая доля героизма.

Любовь... Какъ загадочно сладко звучитъ это слово — въ ней вѣрно все-таки высшее блаженство. Кто бы онъ могъ быть—князь или разночинецъ—которому суждено быть осчастливленнымъ ею? Такъ мечтала она иногда про себя, не смѣя говорить объ этомъ матери, считавшей любовныя мечты — бреднями.

Кромѣ матери у Ганны былъ еще человѣкъ, боготворившій и восхищавшійся ею,—это была ея крестная, двоюродная сестра покойнаго ея отца, пятидесятилѣтняя вдова его превосходительства генералъ-лейтенанта Орфальви; она хотя и была небогата, но со средствами и любила чрезвычайно вокругъ себя общество. Милая, „чудная Ганна“ была разъ на всегда

приглашена на вечера по средамъ. У ея превосходительства не бывали самыя „сливки общества“ (ея любимое выраженіе); они бываютъ въ маленькихъ австрійскихъ городахъ несравненно болѣе горды, чѣмъ при испанскомъ дворѣ; кто не принадлежитъ къ богатому древнему роду, тому нечего надѣяться попасть въ избранный кружокъ. Но помимо этой „haute volée“ въ такихъ провинціальныхъ городахъ бываетъ еще другой родъ „общества“; это семьи высшихъ военныхъ чиновъ и чиновниковъ; между ними встрѣчаются родственники той избранной категоріи, не признаваемые только ими въ силу „мезальянса“ или обѣднѣнія. Но они могутъ служить отличнымъ украшеніемъ салона. „Ахъ, дорогая графиня Лоти, какъ вы сегодня поздно... позвольте вамъ представить, маіоръ Шмитъ—графиня Турнъ“—(или подобная громкая фамилія) это поднимаетъ сразу престижъ журфикса и пріятно щекочетъ самолюбіе общества.

Итакъ по средамъ, къ восьми часамъ, пріемные покои ея превосходительства наполнялись довольно значительнымъ количествомъ пожилыхъ мужчинъ въ мундирахъ, пожилыхъ дамъ въ черныхъ шелковыхъ платьяхъ, ихъ дочерей въ бѣлыхъ кисейныхъ нарядахъ и ради нихъ нѣсколькими молодыми офицерами и докторами во фракахъ. Для пожилыхъ были разставлены карточные столы; молодежь устраивала разныя игры. Въ десять часовъ направлялись въ столовую, гдѣ были сервированы разныя холодныя и горячія закуски. Послѣ ужина слѣдовало продолженіе—въ нѣсколько приподнятомъ духѣ—роберовъ со стороны старшихъ, и пляски и музыки со стороны молодежи. Въ часъ все кончалось. Не совсѣмъ еще впрочемъ; начатые въ гостиной комплименты и ухаживанія продолжались въ передней, гдѣ послѣ получасоваго одѣванія пальто и башлыковъ, наконецъ прощаются съ хозяйкою, благодаря ее тысячу разъ за доставленное удовольствіе, чѣмъ она конечно не мало тронута.

Ганна составляла украшеніе этихъ собраній; но мать позволяла ей только раза три-четыре за зиму появляться на вечерахъ крестной. Она ревновала ее къ обществу, котораго сама никогда не посѣщала. Помня недружелюбное отношеніе его къ бывшей танцовщицѣ и обѣднѣвшей теперь дворянкѣ, она озлобилась и удалилась окончательно, но тѣмъ страстнѣе жаждала она момента побѣды и мести, когда Ганна сдѣлаетъ блестящую партію.

Впрочемъ это не должно случиться въ ихъ маленькомъ городишкѣ; надо ввести дочь въ свѣтъ въ Баденъ-Баденѣ или Ниццѣ—тамъ не будетъ недостатка въ англійскомъ лордѣ, русскомъ князѣ или американскомъ милліонерѣ. Для этой цѣли она откладывала ежегодно половину своего дохода и высчитала, что когда Ганнѣ минетъ восемнадцать лѣтъ, скопленныхъ денегъ хватитъ, чтобъ пуститься въ походъ. Итакъ она неохотно позволяла дочери посѣщать эти мизерные вечера, гдѣ, Боже сохрани, одинъ изъ офицеровъ безъ средствъ или одинъ изъ скромныхъ докторовъ могъ совратить ее отъ высокаго ея назначенія. Но не желая обижать превосходительную крестную, Ганнѣ было разрѣшено украшать изрѣдка ея салоны. Ей самой это доставляло большое удовольствіе, хотя этотъ маленькій міръ стоялъ несравненно ниже фантастическаго большаго міра, извѣстнаго ей по романамъ и который принадлежалъ ей по праву—но успѣхъ всегда сладокъ. Между всѣми она была самая молодая и красивая. „Какъ! вамъ только четырнадцать лѣтъ—не можетъ быть! При этой красотѣ, увѣренности и блестящемъ умѣ!..“ Это льстило ей, конечно. Играя на роялѣ (хотя безъ артистической глубины, но съ блескомъ) она выслушивала безчисленные комплименты; въ такъ называемыхъ „jeux d'esprit“ она обнаруживала живость ума и многостороннія познанія; во время танцевъ она была самая желанная изъ дамъ; за ужиномъ, одинъ изъ повеселѣвшихъ восторженныхъ докторовъ объяснялся неизмѣнно въ любви, и наконецъ въ передней, гдѣ дожидалась горничная, офицеры отбивали другъ у друга честь подать ей пальто. Все это служило маленькимъ залогомъ для будущихъ большихъ побѣдъ въ Ниццѣ.

Но какъ большею частью бываетъ съ долго взлелѣянными планами, этому плану не суждено было осуществиться. Какъ только Ганнѣ исполнилось шестнадцать лѣтъ, мать умерла отъ тяжелаго воспаленія легкихъ. Горе молодой дѣвушки граничило съ отчаяньемъ. Она любила всѣми силами своей любящей души свою мать, съ которой никогда не разставалась. Всѣ мечты о наслажденіяхъ и будущихъ побѣдахъ были забыты,—вѣдь только ради матери хотѣлось добиться блеска и почестей... безъ бѣдной дорогой мамы ничто не радуетъ ее больше.

Крестная Дори взяла сироту къ себѣ. Маленькій капи-

талъ, отложенный для завѣтной цѣли, былъ назначенъ Ганнѣ въ приданое.

Но по истеченіи года, острая боль смѣнилась тихой грустью; молодость заявила свои права на счастье, и взоръ Ганны обращался снова съ надеждой въ будущее.

Къ этому времени, это было въ іюнѣ, крестная Дори переѣхала на дачи. Ежегодно ею нанималась въ близкой живописно расположенной деревнѣ премиленькая избушка, среди большаго фруктоваго сада. Около находилась ферма, гдѣ съ самаго утра кишѣла деревенская жизнь—оттуда такъ весело доносились шумные голоса, кудахтанье куръ и лай собакъ. Эта деревенская обстановка была Ганнѣ совершенно незнакома; какъ будто она проснулась къ новой жизни: лѣсной ароматъ ударилъ ей въ голову, сердце открылось для неизвѣстнаго прежде жгучаго, страстнаго желанія любви... Салоны, театры, экипажи, какая мишура въ сравненіи съ этими прелестями! Къ чему имѣть будуаръ въ стилѣ Помпадуръ, когда можно сидѣть тутъ на скамьѣ подъ цвѣтущей липой—къ чему концертная музыка, когда насъ восхищаетъ журчанье ручейка, шелестъ деревьевъ, любовное чириканіе птицъ и благоухающій лѣтній воздухъ съ своими сладко убаюкивающими звуками? Ганна почувствовала, что съ радостью пожертвуетъ всей будущей роскошью, чтобъ жить рядомъ съ любимымъ, осчастливленнымъ ею мужемъ въ подобной обстановкѣ. Мысль, что это едва-ли можетъ считаться жертвой съ ея стороны, и не приходила ей въ голову; она, какъ королева, снисходила, выбирая мысленно скромную долю.

III.

Одновременно, и въ той же деревнѣ, проводилъ и Эвальдъ свой шестинедѣльный отпускъ; отъ переутомленія работой отдыхъ на деревенскомъ воздухѣ сталъ ему необходимъ, скромныя же средства молодаго учителя не позволяли предпринять поѣздку на воды или въ горы, и такъ пришлось нанять комнатку въ ближайшей деревушкѣ.

Не будучи ни свѣтскимъ человѣкомъ, ни романтическимъ мечтателемъ, ему какъ разъ суждено было сдѣлаться героемъ романа Ганны.

До сихъ поръ Эвальдъ избѣгалъ женскаго общества и

сердце его сохранилось такимъ же дѣвственнымъ какъ у его сосѣдки, пожалуй и болѣе,—онъ даже не мечталъ, какъ она, о любви. Тѣмъ сильнѣе поразила его красота дѣвушки. Не прошло и двухъ недѣль со времени ихъ первой встрѣчи, какъ ея превосходительство получила отъ него письмо, съ просьбой руки ея крестницы. Узнавъ стороной, что избранница его—сирота безъ всякихъ средствъ, къ тому же не принадлежащая къ высшему обществу, онъ не могъ думать, что предложеніе хорошо поставленнаго учителя, который навѣрное сдѣлается со временемъ профессоромъ, не удовлетворитъ обѣихъ дамъ.

Ганна давно замѣтила красиваго молодаго человѣка и его восторженные взгляды. Больше того,—она его уже обожала. Блѣдный, собирающій цвѣты ученый — сколько въ этомъ поэзіи! Къ тому же, ей было хорошо извѣстно, что его пожираетъ безнадежная любовь къ ней; часами прохаживался онъ мимо ихъ дома, чтобъ только увидѣть ее, и при первомъ же ея появленіи, густой краской покрывалось его лицо.

— Но почему же безнадежная?—продолжала она думать съ возростающимъ великодушіемъ; — если я его люблю, то почему же не принадлежать ему, какъ бы ни было скромно его положеніе... Но люблю ли я его?.. Не судьба ли это?.. Сердце, какъ будто въ отвѣтъ, сильнѣе забилось.

Разъ какъ-то, утромъ, Ганна сидѣла въ любимомъ уголочкѣ подъ липой, погруженная въ подобныя мысли и думы, когда голосъ крестной разбудилъ ее.

— Ганна, поди сюда, мнѣ нужно съ тобою поговорить.

Вскочивъ на внезапный зовъ, она поспѣшила вслѣдъ за генеральшей въ домъ.

— Вотъ и я, крестная. Что ты скажешь?

Почтенная дама сѣла на обыкновенное свое мѣсто у рабочаго столика, но на сей разъ не принялась за безконечное вышиваніе; вмѣсто того раскрыла письмо, принимая особенно торжественный видъ. Сердце у бѣдной Ганны сжалось, она угадывала, что случилось нѣчто необычайное.

— Милое дитя, сядь на скамейку и слушай. Ты знаешь, я вѣдь замѣняю тебѣ мать; я обязана беречь и охранять тебя. Боюсь—ты слишкомъ большая кокетка... Хотя въ твои годы и я кокетничала, но только съ разрѣшенія матери. Я увѣрена, что въ будущую зиму тебѣ представится на моихъ

журфискахъ достаточно случаевъ совершать подходящія побѣды. Тамъ будетъ, между прочимъ, маіоръ баронъ Шимереръ, вдовецъ, у котораго, говорятъ, трехэтажный домъ въ одномъ изъ предмѣстьевъ Вѣны...

Ганна теряла терпѣніе.

— Отъ кого же это письмо, отъ маіора Шимереръ или, быть можетъ, отъ управляющаго его трехэтажнымъ домомъ въ предмѣстьи? спросила она.

— Ганна, съ нѣкоторыхъ поръ ты усвоила себѣ очень дерзкія манеры. Дай мнѣ договорить. Это письмо—предложеніе руки, но къ сожалѣнію, не отъ барона...

Ганна чувствовала, что блѣднѣетъ, сладостно затрепетавъ; брачныя прелложенія составляютъ вѣдь въ жизни дѣвушки самыя важныя, волнующія ее событія.

— Отъ кого, крестная милая, отъ кого? Покажи мнѣ письмо!

— Сперва дай договорить. Впрочемъ, тебѣ очень хорошо извѣстно, отъ кого. Ты думаешь, я его не вижу, ежедневно прогуливающимся здѣсь около насъ, и какъ ты смотришь ему вслѣдъ въ окошко? Но ты его слишкомъ обнадежила, теперь придется бѣдному послать отказъ — такимъ образомъ наживаешь только враговъ.

— А почему же отказъ?

— Почему? Это вѣдь не партія для тебя, Ганна. Не примешь же ты первое попавшееся предложеніе, будучи такъ молода? Учитель гимназіи! И дѣвица фонъ-Орфальви, съ твоей красотой и образованіемъ! Ты конечно не принадлежишь къ высшему кругу, поэтому тебѣ нечего разсчитывать на владѣтельнаго князя!

— А почему же не на владѣтельнаго князя? мама говорила всегда, что я должна сдѣлаться графиней или милліонершей...

— Твоя бѣдная добрая мама была нѣсколько эксцентрична...

— Но вѣдь браки не составляются по правиламъ свѣтскихъ приличій, крестная... это вѣдь вопросъ чувствъ. Я отдамъ свою руку любимому человѣку — будь онъ дворянинъ или мѣщанинъ,—нищій или крезъ.

— Теперь, какъ я вижу, эксцентричность перешла на тебя. Но къ счастью у тебя есть умная, практическая крестная, которая не позволитъ дешево цѣнить себя.

— Дай мнѣ прочесть письмо, прошу тебя, милая!

— Нѣтъ, не дамъ, не хочу тебя сдѣлать еще болѣе эксцентричной, отвѣтила фонъ-Орфальви озлобленнымъ тономъ, спрятавъ письмо въ карманъ.

Въ эту минуту генеральшу отозвали для домашнихъ распоряженій. „И такъ Ганна, голубчикъ, только безъ глупыхъ фантазій“—съ этими словами она оставила комнату, чтобъ отправиться на зовъ.

Едва закрылась дверь за нею, какъ Ганна разразилась слезами. Только теперь почувствовала она ясно, насколько любитъ молодаго ученаго. А онъ проситъ ее въ жены; вся его жизнь зависитъ вѣрно отъ ея отвѣта, и крестная разобьетъ ему сердце отказомъ. Нѣтъ, будь что будетъ—она будетъ его.

Еслибъ генеральша показала молодой дѣвушкѣ письмо Эвальда, гдѣ онъ холоднымъ, увѣреннымъ тономъ проситъ руки дѣвицы фонъ-Орфальви, и еслибъ она прибавила еще совѣтъ принять его предложеніе по разнымъ практическимъ соображеніямъ, то Ганна навѣрное вспомнила бы, что она создана для лучшей участи, и весь этотъ бракъ, вмѣстѣ съ сухимъ предложеніемъ, показался бы ей слишкомъ обыденнымъ и она бы навѣрное отказалась. Но крестная Дори не дала письма, чтобъ не возбуждать ее еще больше, значитъ оно вѣроятно содержало цѣлую поэму страсти, и бѣдный юноша представлялся обреченнымъ горю изъ-за какихъ-то низкихъ практическихъ соображеній. Онъ не можетъ жить безъ нея, хотя ему и извѣстно, насколько она выше его поставлена—но любовь смѣла—онъ считаетъ ее идеаломъ, считаетъ способной пожертвовать свѣтскими интересами и отдать ему, простому смертному, свое благородное сердце.

— И онъ не ошибся!—воскликнула Ганна въ отвѣтъ на свои думы.

Вдругъ раздался стукъ въ дверь. Ганна вскочила съ своего мѣста, вытерла наскоро глаза и тихо сказала:

— Войдите.

На порогѣ показался Эвальдъ Бальманъ. Сердце забилось сильнѣе у дѣвушки, во всю свою жизнь не испытала она еще такого волненія. Молодой человѣкъ казался также сильно возбужденнымъ, онъ ожидалъ встрѣтить генеральшу и вмѣсто нея увидѣлъ предметъ своей любви...

Это была первая его любовь, поэтому прекрасная дѣвушка

внушала ему нѣчто въ родѣ страха. Только бы жениховство поскорѣе прошло со всѣми церемоніями. О любви и бракѣ ему было лишь извѣстно, что это неизбѣжныя катастрофы въ жизни людей; и когда она нагрянула на него, то, собираясь съ духомъ, онъ сдѣлалъ какъ можно скорѣе предложеніе (вломился прямо въ дверь, по выраженію крестной).

Стоя на порогѣ, такой же блѣдный, съ стѣсненнымъ дыханіемъ какъ и она, Эвальдъ заговорилъ первый:

— Извините, я думалъ застать здѣсь госпожу Олфальви.

Гармоническій грудной голосъ проникалъ ей прямо въ душу... Какъ обворожительно должно было звучать его „люблю тебя“...

— Крестная моя скоро придетъ, еле слышно отвѣтила она.

— Вы позволите подождать?

Наступила маленькая пауза.

— Я написалъ сегодня письмо вашей крестной, и пришелъ теперь за отвѣтомъ.

— Что зависитъ отъ этого отвѣта? — спросила она замирая, думая услышать „моя жизнь“.

— Моя будущность, отвѣтилъ онъ.

Снова пауза. Молодыя сердца бьютъ тревогу.

— Извѣстно-ли вамъ содержаніе моего письма?

— Да.

Эвальдъ приблизился.

— Тогда, Ганна, отвѣтьте сами, да или нѣтъ?

Наступила рѣшительная минута. Она сознавала, что отъ одного слова зависитъ будущее двухъ людей... Зажмуря глаза, точно бросаясь въ пропасть, прошептала она: Да.

Она разсчитывала услышать крикъ радости, видѣть его падающимъ къ ея ногамъ, страстно обнимая ее—но ничего подобнаго не послѣдовало. Нѣжно цѣлуя руку невѣсты, онъ только произнесъ: „Благодарю васъ, Ганна, постараюсь сдѣлать васъ счастливой“.

IV.

Крестная примирилась скоро съ свершившимся фактомъ; разъ согласіе было дано, то разстроить этотъ бракъ безъ скандала было невозможно. Къ тому же Ганна была свободна располагать своею судьбой и слѣдовать влеченію сердца; ее, быть

можетъ, ждетъ счастье. Эвальдъ пользовался прекрасной репутаціей и помимо учительскаго жалованья у него оказалось еще маленькое состояніе, приносящее нѣсколько сотъ гульденовъ въ годъ, и надежда на наслѣдство послѣ богатаго дяди; у дѣвушки же не было въ сущности ни средствъ, ни положенія. Сообразивъ все это, генеральша воскликнула:—„Ну, дѣти, ужъ если вы такъ любите другъ друга, то благословляю васъ“.

Совсѣмъ другая перемѣна произошла въ Ганнѣ. Быть невѣстой она представляла себѣ совершенно иначе. Эвальдъ былъ слишкомъ спокойно счастливъ; не хотѣлъ понимать всего великодушія ея согласія, когда она, не задумываясь, бросила всѣ блага будущей жизни на алтарь любви. Онъ принималъ все это такъ просто, какъ нѣчто должное, и не догадывался о всѣхъ принесенныхъ ему жертвахъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ обсуждалось убранство ихъ будущей маленькой квартиры, состоящей изъ трехъ комнатъ и большой свѣтлой кухни. Въ спальнѣ будетъ орѣховая мебель, въ гостиной краснаго дерева; тамъ же будетъ стоять письменный столъ, книжный шкафъ, рабочій столикъ и гарнитуръ, крытый красной шерстяной матеріей. Третья комната предназначается для шкафовъ и сундуковъ, а послѣ можетъ быть для дѣтской. Отъ этихъ разговоровъ пробирало Ганну холодомъ. Еще еслибъ Эвальдъ высказывалъ, насколько такая обстановка недостойна его царственной цевѣсты, то она бы съ радостью воскликнула, что готова послѣдовать за избраннымъ мужемъ даже и въ болѣе мизерную обстановку; но онъ описывалъ всѣ эти ужасы съ такимъ удовольствіемъ! Вообще былъ всегда холодный, ровный, ничѣмъ не увлекающійся; разговаривалъ о самыхъ обыденныхъ вещахъ: о занятіяхъ, ученикахъ, своемъ дѣтствѣ и научныхъ планахъ; еслибъ не изрѣдка брошенный на невѣсту восторженно-нѣжный взглядъ, никто бы не узналъ въ немъ влюбленнаго. Разговоры о любимыхъ Ганной поэтахъ, объ иностранной литературѣ обрывались заявленіемъ, что, „романовъ онъ никогда не читалъ и впредь читать не намѣренъ“.

— Вы и театръ не любите? спросила однажды генеральша.

— Я никогда не посѣщаю ни театровъ, ни баловъ.

— Вотъ маленькая Ганна счастливица, воскликнула крестная, такой солидный мужъ, домосѣдъ, вѣдь рѣдкость.

Ганна вздохнула.

По окончаніи отпуска Эвальдъ вернулся въ городъ, но проводилъ каждое воскресенье по нѣсколько часовъ у нашихъ дамъ. У нихъ, тѣмъ временемъ, шли дѣятельныя приготовленія къ свадьбѣ, назначенной въ сентябрѣ. Невѣста не чувствовала себя счастливой. Иногда, вспоминая то время, когда женихъ обожалъ ее только издали, она думала, что любитъ его и они будутъ счастливы, но моментами, — особенно по воскресеньямъ, когда онъ приходилъ и уходилъ такъ спокойно, она казалась приговоренной къ вѣчному заточенію.

Но отступить было невозможно.

Можетъ быть въ супружествѣ (представляющемъ вѣдь массу тайнъ) она найдетъ снова прежняго героя своего перваго романа.

Свадьба была отпразднована въ домѣ крестной, въ присутствіи всѣхъ обычныхъ гостей. И извѣстный Шимереръ находился тутъ же, и шепнулъ блѣдной Ганнѣ: „вы похожи на фею, прекрасная невѣста“. Она было взглянула благосклонно на маіора, но вспомнивъ, что крестная прочила ей этого плѣшиваго старика въ мужья, перевела взоръ съ гордостью на своего молодаго, стройнаго, красиваго Эвальда.

Послѣ торжественнаго обѣда молодые поѣхали въ свою новую квартиру. Во время дороги они молчали и въ полномъ безмолвіи поднялись въ четвертый этажъ. Войдя въ убранную цвѣтами гостиную, Эвальдъ нѣжно обнялъ жену и прошепталъ: „Теперь мы дома, дорогое дитя, ты мнѣ теперь жена, подруга, все мое“!

Она склонила головку къ нему на плечо и, тихо рыдая, спросила:

— Любишь-ли ты меня, Эвальдъ?

— Отъ всей души, Ганна.

V.

Дѣйствительно, онъ любилъ свою прелестную жену всей душой, но не былъ опытнымъ любовникомъ; не умѣлъ говорить о томъ, что переполняло его сердце, и изъ застѣнчивости никогда не касался своей любви. Вѣдь въ первый вечеръ онъ сознался женѣ въ любви къ ней, теперь ей это было извѣстно, что же больше. Всѣ тѣ сотни знакомыхъ Ганнѣ фразъ,

которыя такъ пріятно было бы слышать изъ его устъ, ему даже неизвѣстны. Въ своей наивности онъ даже старался подавлять всѣ проявленія восторга какъ нѣчто неприличное. Бывалъ съ женой какъ можно спокойнѣе и ровнѣе, не позволяя себѣ съ ней никакихъ шутокъ. Не придумывая ласкательныхъ именъ, онъ разговаривалъ „съ своей милой женой“ о самыхъ обыденныхъ вещахъ; не допускалъ излишней нѣжности, поцѣлуевъ при прощаніи и переводилъ немилосердно всякій болѣе остроумный или возвышенный разговоръ на будничные предметы.

Бальманъ, по незнакомству съ ними, осуждалъ много сторонъ общественной и умственной жизни; находилъ ихъ развращенными и безсмысленными.

Полное невѣдѣніе изящной литературы, чѣмъ онъ очень гордился, было большимъ пробѣломъ его образованія. Конечно, не мыслимо усвоить одному человѣку всѣ отрасли науки и искусства, но нѣтъ такой отрасли, знать которую не представляло бы заслуги. Въ тѣхъ книгахъ, презираемыхъ имъ какъ пустыя выдумки праздной фантазіи, такъ какъ въ нихъ не встрѣчалось ни цифръ, ни картъ, ни положительныхъ выводовъ, отражается вся общественная жизнь, съ своими стремленіями, страстями, мыслями, судьбами, чувствами, все то, что управляетъ жизнью человѣка. Развѣ это однѣ выдумки? Если-бы Эвальдъ былъ въ состояніи послѣдовать хоть до извѣстной степени за полетомъ мыслей своей жены, то онъ бы съумѣлъ свести ее съ ложнаго пути, внѣ границъ разума, куда ее занесла страсть къ романамъ и ими же болѣзненно разстроенная пылкая фантазія. Но при существующихъ обстоятельствахъ она въ немъ не чувствовала учителя и опоры,—онъ стоялъ въ этомъ отношеніи значительно ниже ея. Впрочемъ раздѣляющая ихъ пропасть была замѣтна одной лишь Ганнѣ, мужъ же считалъ свой недостатокъ своего рода достоинствомъ.

Къ отрицательнымъ качествамъ Эвальда слѣдуетъ еще прибавить его нелюбовь къ обществу. И тутъ онъ порицалъ неизвѣстное, и выходило, что не свѣтскія удовольствія были ниже его достоинства, а что онъ не дорось до нихъ. Дѣйствительно, ему не доставало увѣренности и непринужденности, изобличающихъ свѣтскаго человѣка. Когда, по просьбѣ жены, они иногда вмѣстѣ дѣлали визиты или появлялись у генеральши по средамъ, то онъ прятался большею частью въ уголъ, не принималъ участія въ оживленныхъ бесѣдахъ, почти не

скрывая испытываемой имъ въ обществѣ скуки. Значитъ никакой заслуги не было въ томъ, что онъ предпочиталъ серьезную науку пустымъ ничтожнымъ удовольствіямъ, такъ какъ они были для него не понятны.

Итакъ бѣдная Ганна не чувствовала себя счастливой, мужемъ она не гордилась, считала себя непонятой имъ. Конечно у него славное сердце, ровный, добродушно-веселый характеръ, онъ безусловно честенъ во всѣхъ поступкахъ и мысляхъ,—но онъ далеко не совершенство. Благодаря серьезному направленію, глубокому уму, изъ него вышелъ превосходный математикъ, естествоиспытатель, сотрудникъ первѣйшихъ педагогическихъ и научныхъ журналовъ, блестящій шахматный игрокъ. Но эти стороны его существа не цѣнились по достоинству маленькой поверхностной женой, не стоявшей на такой высокой ступени развитія, что мужъ впрочемъ находилъ совершенно естественнымъ. О, еслибъ онъ только захотѣлъ просвѣтить ее! Ей, пожалуй, многое было бы непонятно, но именно этого и хочется; хочется радоваться его превосходству надъ собой на этомъ поприщѣ, когда онъ на другихъ ей уступаетъ.

Не мало также угнетало нашу героиню мѣщанство ихъ бѣдной обстановки. Хоть бы Эвальдъ испытывалъ тѣ-же страданія, тогда они вмѣстѣ оплакивали бы отсутствіе всякаго комфорта: она бы стала утѣшать его, и выказанное ею мужество дало бы лишній поводъ къ восторгу; пріятно терпѣть лишенія, когда другіе это замѣчаютъ и ставятъ въ заслугу.

Между тѣмъ Эвальдъ даже не замѣчалъ, что дома у него не очень уютно и удобно; съ дѣтства онъ привыкъ къ скромности и простотѣ, тщеславіе ему было чуждо, и ему ихъ маленькій домъ съ своимъ лучшимъ украшеніемъ, прекрасной дорогой Ганной, казался идеаломъ. Однимъ словомъ, онъ былъ вполнѣ счастливъ.

Объясняя грустное настроеніе жены по своему, отсутствіемъ развлеченій, онъ просилъ ее веселиться почаще, съ тѣмъ условіемъ, что самъ онъ будетъ избавленъ отъ ненавистныхъ ему удовольствій, и отдалъ ее подъ покровительство крестной, которой это было на руку. Для любящей развлеченія старушки нѣтъ лучшаго средства привлечь общество, какъ близость молодой красавицы.

— О туалетахъ я позабочусь съ удовольствіемъ, заявила она Ганнѣ, покачавшей головой на предложеніе мужа.

— Нѣтъ, не изъ за туалетовъ я колебаюсь, но безъ Эвальда неудобно...

— Глупости, Ганна; съ разрѣшенія мужа тутъ нѣтъ ничего неприличнаго, да еще подъ моей защитой—твоей второй матери... не можешь ты вѣчно жить взаперти.

— Генеральша совершенно права, дорогое дитя; тебѣ нужно развлечься. Завтра какъ разъ среда, вотъ пускай Ганна и появится въ обществѣ, пусть протанцуетъ— ужъ если это такое наслажденіе—кадриль съ маіоромъ Шимереръ.

— А вы не ревнивы, милый Эвальдъ? шутила генеральша,— маіоръ старый поклонникъ вашей жены.

— Я, ревнивъ? Нѣтъ, это чувство мнѣ совершенно незнакомо. Оно вѣрно встрѣчается только въ романахъ, а порядочную женщину имъ обижать не слѣдуетъ.

— Ганна, твой мужъ просто ангелъ; я это всегда говорю, ты можешь меня вѣчно благодарить за то, что я васъ сосватала. И такъ, до свиданія, дѣти, дѣло рѣшено: завтра я жду тебя, Ганна.

Послѣ ея ухода, молодая женщина подошла къ мужу, положила руку ему на плечо и проговорила, серьезно глядя на него:

— Эвальдъ, благодарю тебя, ты очень добръ... но не лучше ли мнѣ не бывать одной въ обществѣ? Люди найдутъ это страннымъ. Я должна быть тебѣ подругой и дѣлить жизнь, какъ она есть. Научи меня находить всѣ радости въ стѣнахъ своего дома, не отпускай отъ себя.

— Но, милая, отвѣтилъ онъ, тихо отводя руку съ своего плеча и глядя въ сторону, у тебя странныя, эксцентричныя мысли; не можешь же ты постоянно быть около меня; а мнѣ хотѣлось бы видѣть тебя снова веселой, живой; тебя забавляютъ общественныя удовольствія—ну, и веселись. Только не принимай это такъ трагично, какъ будто тебя, вмѣсто нѣсколькихъ баловъ, отправляютъ въ сѣверную экспедицію или подобныя тому опасности.

— А ты думаешь, въ салонахъ опасностей нѣтъ?

— Опасности? не думаю. Ужъ не боишься ли ты за свою вѣрность? Вотъ тоже странная мысль! На этотъ счетъ я совершенно спокоенъ, и ты будь также спокойна.

VI.

Отпуская жену безъ себя въ водоворотъ свѣтскихъ удовольствій, Эвальдъ дѣйствительно не видѣлъ тамъ опасностей для молодой, красивой женщины. Какъ большинство людей, незнакомыхъ со свѣтской жизнью, находящихъ ее пустою, онъ судилъ ее поверхностно, видѣлъ въ салонныхъ разговорахъ обмѣнъ банальностей, въ танцахъ — подпрыгиванье въ тактъ, въ маскарадѣ—смѣшное переодѣванье, и не замѣчалъ, впрочемъ невидимаго, распорядителя всѣхъ этихъ увеселеній, маленькаго Эроса. Люди въ родѣ Бальмана понятія не имѣютъ объ обмѣнѣ жгучихъ взглядовъ, скрытой вѣеромъ улыбкѣ, полуразгаданныхъ мысляхъ, усиленномъ сердцебіеніи, о всей этой игрѣ въ кокетство и страсть, гдѣ съ одной стороны желаніе побѣды, съ другой сопротивленіе, постепенное ослабленіе, короче—любовь со всѣми ея перипетіями. За то рѣдкая молодая дѣвушка не свѣдуща въ этомъ отношеніи. Уже на порогѣ бальной залы ее охватываетъ любовью пропитанная атмосфера; все здѣсь дышетъ упоеніемъ: и звуки вальса, и яркое освѣщеніе, даже ароматъ собственнаго букета. Глаза блестятъ, губы полуоткрылись побѣдной улыбкой; а вихрь вальса уноситъ ее, граціозную и легкую, все дальше и дальше; между тѣмъ папаша или пожилой мужъ, глядя ей вслѣдъ, восклицаетъ съ гордостью: „поглядите-ка на мою крошку, какъ славно она танцуетъ и какъ ей видно весело,—впрочемъ и годы такіе, да и удовольствіе невинное“!

Часовъ въ пять сонному папашѣ удается наконецъ увести дитя домой. „Ну, ужъ и проскучалъ же я“, вздыхаетъ онъ, „а какъ ты забавлялась, малютка“? „Ахъ, божественно“!

Еще бы не божественно. Ореолъ молодости и граціи окружалъ ее; она сознавала себя повелительницей, раздающей милости, жизнь и смерть была въ ея рукахъ — развѣ не сознался ей кавалеръ во время котильона, что онъ непремѣнно застрѣлится, если она его не полюбитъ?

Журфиксы генеральши были, положимъ, далеко не такъ опасны, какъ различные другіе балы, посѣщаемые Ганной.

Этотъ свѣтъ не могъ сравниться блескомъ и великолѣпіемъ со свѣтомъ ея мечтаній. Фантазія уносила ее всегда на придворные балы или въ посольства, окруженную князьями и мил-

ліонерами. Что значило послѣ подобныхъ ожиданій мѣщански провинціальное общество?

Согласившись на предложеніе мужа, Ганна дала себѣ слово быть достойной его довѣрія, отказываться отъ всякихъ ухаживаній и сохранить свое имя и честь незапятнанными. Это доставляло ей нѣкоторое удовлетвореніе, но задача была слишкомъ легка; борьба представлялась ей болѣе героической. Ухаживатели, конечно, сейчасъ же нашлись, но въ ихъ манерѣ было такъ мало поэзіи, что ей ничего нестоило противостоять имъ.

Такъ долженъ себя чувствовать молодой офицеръ, жаждущій славы, награды, но оставленный въ резервѣ и не имѣющій возможности сражаться противъ врага.

Часъ желанной битвы наступилъ наконецъ, но на ея долю выпала не медаль за храбрость, а смертельная рана.

Весна наступила, и тѣсный кружокъ устраивалъ частыя поѣздки загородъ. Однажды выбрали цѣлью катанья имѣніе графа Эдельберга; и замокъ и паркъ представляли много достопримѣчательнаго. Экипажи остановились у деревенской гостинницы, гдѣ заказанъ былъ обѣдъ, а пока отправились гулять пѣшкомъ по парку, осмотрѣть комнаты, галлереи и конюшни. Но они были очень непріятно разочарованы, когда кастелянъ объявилъ ихъ желаніе неисполнимымъ, такъ какъ графъ находился со вчерашняго дня въ замкѣ. Одновременно съ ними остановился у воротъ всадникъ—самъ хозяинъ. Графъ Эдельбергъ, высокій, стройный мужчина лѣтъ тридцати, былъ истый типъ благороднаго австрійскаго дворянина. Увидя смущенное общество и понявъ въ чемъ дѣло, онъ, снимая шляпу, приблизился: — „Если вамъ угодно осмотрѣть домъ, то прошу не стѣсняться моимъ присутствіемъ“ и, сдѣлавъ знакъ кастеляну, онъ хотѣлъ удалиться, какъ вдругъ взглядъ его остановился на Ганнѣ, глядѣвшей своими темными глазами на него, и подъ его жгучимъ восторженнымъ взглядомъ она краснѣя ихъ опускала: она была очаровательна.

— Мнѣ доставитъ большое удовольствіе проводить васъ по галереямъ.

Всѣ поспѣшили выказать свою благодарность, одна Ганна только улыбнулась, угадывая тайную причину этого внезапнаго рѣшенія. Но онъ замѣтилъ эту улыбку и, подойдя къ ней, проговорилъ:

— Между портретами моихъ прабабушекъ вы найдете одинъ, очень похожій на васъ, мадемуазель.

— Можетъ быть между ними находится одна Орфальви, отвѣтила она.

Имя это звучало хорошо, и дѣйствительно бывали браки Эдельбергъ съ Орфальви.

— Тогда, быть можетъ, вы моя кузина?

Тутъ вмѣшалась генеральша, заявивъ, что Ганна не барышня, а урожденная Орфальви, какъ и она. Графъ поклонился. Такимъ образомъ знакомство завязалось. Во все время обозрѣванія дома, графъ почти не отходилъ отъ молодой женщины, и Ганна съ своей стороны изощряла свой умъ, разговаривая съ нимъ; она рѣшила покорить этого интереснаго мужчину, покорить—но не поддаться ему, вотъ гдѣ будетъ настоящее геройство!

Осмотрѣвъ всѣ комнаты, оранжереи и оружейную, общество собиралось удалиться, сердечно благодаря любезнаго хозяина, но послѣдній не соглашался.

— Вы устроили пикникъ, такъ позвольте и мнѣ участвовать въ немъ, и даже въ качествѣ распорядителя. Прежде всего—теперь ровно двѣнадцать часовъ — будемте завтракать; потомъ запрягутъ лошадей и мы прокатимся лѣсомъ въ мой охотничій замокъ, гдѣ господа мужчины найдутъ интересную колекцію оружія; затѣмъ устроимъ маленькое катанье по озеру, и только пообѣдавши, также у меня, я вамъ разрѣшу возвратиться домой.

Всѣ были въ восторгѣ, но одна только Ганна знала, для кого все это дѣлается. Чувство счастья переполнило ее: наконецъ-то начинается жизнь. Программа была точно выполнена, и когда, часовъ въ девять, общество стало прощаться, то страстно пожавъ руку Ганнѣ, графъ убѣдился, что безумно въ нее влюбленъ. „Я долженъ завоевать это прелестное созданіе“, думалъ онъ. Ганна же, убаюканная невыразимымъ блаженствомъ, думала въ тоже время: „Этому чудному, соблазнительному человѣку я буду сопротивляться“.

Крестная Дори всю дорогу не могла нахвалиться любезностью хозяина и всѣми удовольствіями этого дня, но Ганна сидѣла безмолвно: „прошу тебя, дай мнѣ отдохнуть, у меня голова болитъ“, желая остаться одна съ своими мыслями, проговорила она наконецъ.

Дома она застала мужа еще за работой.

— А, это ты, наконецъ! уже поздно, пора и спать. Такъ ты веселилась?

— Божественно!—былъ отвѣтъ.

VII.

Недѣля прошла, а новый обожатель все не показывался. Не покинулъ ли онъ эту мѣстность, не попытавшись даже сблизиться? Ему все равно не позволили бы надѣяться, тѣмъ не менѣе разочарованіе было горькое. Какъ могъ онъ такъ скоро ее забыть, да и произвела ли она вообще на него глубокое впечатлѣніе? Всѣ эти вопросы ее мучили, тѣмъ болѣе, что она на нихъ не находила отвѣта.

Какъ то, одинъ разъ Ганна съ крестной отправились въ городской садъ на музыку. Оркестръ игралъ „Бриндизи“ изъ Травіаты.

Сидя на скамейкѣ, генеральша разглядывала и критиковала туалеты гуляющихъ, а спутница ея углубилась въ думы. Вдругъ сердце ея усиленно забилось—въ концѣ аллеи показался графъ и, увидѣвъ дамъ, быстро направился къ нимъ; послѣдовалъ обмѣнъ офиціальныхъ привѣтствій, но Ганна не сразу могла собой овладѣть, голосъ ея непослушно дрожалъ.

— На другой день послѣ вашего посѣщенія моего замка, я долженъ былъ уѣхать; спѣшныя дѣла отозвали меня въ Вѣну; но теперь я разсчитываю остаться здѣсь на нѣкоторое время.

При этомъ онъ посмотрѣлъ на молодую женщину долгимъ жгучимъ взглядомъ.

— Здѣсь, въ нашемъ городѣ, или въ вашемъ замкѣ?

— Нѣтъ, я остаюсь здѣсь; мнѣ этотъ городъ кажется самымъ интереснымъ мѣстомъ государства,—прибавилъ онъ потише.

— Странный вкусъ, улыбнулась Ганна, когда имѣешь возможность, какъ вы, смотря по капризу, отправиться съ поѣздомъ-молнія въ Парижъ, или проѣхаться на яхтѣ по океану...

— Или подняться на воздушномъ шарѣ на луну?—прибавилъ графъ.

— Нѣтъ, такъ далеко мы еще не ушли.

— Вотъ видите, и для меня не весь свѣтъ открытъ; только маленькій кусокъ земли человѣкъ можетъ называть своимъ,—тотъ, гдѣ обрѣтается его любовь.

— Или его обязанности,—прибавила она.

Бѣдная, маленькая женщина! Борьба началась, и обороняться доставляло ей удовольствіе. Она не знала, что нападеніе до тѣхъ поръ для женщины не опасно, пока она его какъ будто не замѣчаетъ.

Съ тѣхъ поръ они встрѣчались часто. Графъ устраивалъ прогулки и празднества, былъ частымъ гостемъ у крестной; вездѣ, въ театрѣ, на гуляньѣ, можно было его видѣть рядомъ съ Ганной, только у нея въ домѣ онъ не бывалъ, и такимъ образомъ, кромѣ одного Эвальда, весь городъ зналъ о поразительной побѣдѣ красавицы, принимающей эту побѣду съ внутреннимъ удовлетвореніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не допускающей никакой близости. Графъ любитъ ее—это внѣ сомнѣнія, хотя роковое слово еще не произнесено. Будь она свободна—какъ бы охотно отвѣтила она тѣмъ же этому соблазнительному, блестящему человѣку! Но она замужемъ—и честная женщина, повторяла она себѣ какъ можно чаще.

Спасеніе было только въ одномъ: покаяться мужу, какъ защитнику и лучшему другу... „меня преслѣдуетъ человѣкъ своей любовью; пока еще я противостою опасности, но чувствую, что она меня притягиваетъ. Помоги ты мнѣ, защити и убереги. Отстрани отъ меня опасность твоими ласками и нѣжностью“.

Человѣкъ, который бы изъ жизни или по крайней мѣрѣ изъ книгъ зналъ, что часы подобныхъ опасностей не рѣдки въ жизни молодыхъ, хорошенькихъ женщинъ, который знаетъ, что значитъ страсть, слабость и сердечные порывы, тотъ съ удвоенной нѣжностью отнесся-бы къ умоляющей такимъ образомъ о защитѣ и удержалъ бы ее на краю гибели. Но Эвальдъ Бальманъ не понялъ бы подобной рѣчи своей жены, она это чувствовала и потому молчала.

Однажды вечеромъ было наконецъ произнесено роковое слово. Случилось это послѣ одной прогулки въ лѣсъ, когда общество, чтобы лучше насладиться чуднымъ лѣтнимъ вечеромъ, возвращалось пѣшкомъ. Влюбленные отстали немного, такъ что никто не могъ подслушать ихъ разговоръ. Нѣкоторое время шли они молча.

— Неправда-ли, Ганна,—прервалъ графъ внезапно молчаніе,—вамъ это вѣдь давно извѣстно?

— Что именно?

— Что я люблю васъ.

Конечно, она знала это, но громкое признаніе поразило ее точно молнія, рука, опирающаяся на руку графа, задрожала

— Не говорите этого, вы меня обижаете... но въ ея голосѣ слышался не гнѣвъ, а сладостный трепетъ.

— Почему васъ обижаетъ моя любовь? Будь вы свободны, я бы предложилъ вамъ руку и имя,—теперь же отдаю тебѣ жизнь свою въ полное распоряженіе, тебѣ, самой прекрасной, обворожительной женщинѣ въ мірѣ!..

— Какъ вы смѣете такъ говорить? вы съ ума сошли, пустите меня.

— Ганна, не гнѣвайтесь на меня. Если вы приказываете, то я буду молчать о своей любви, пока сами вы мнѣ не скажете: „Жизнь хороша, бери меня“.

— Этого я никогда не скажу, честь для меня дороже всего.

— Повѣрьте, Ганна, при истинной любви не существуетъ ничего дороже любимаго предмета.

— Даже еслибъ я любила, долгъ стоялъ бы выше въ моихъ глязахъ.

— Но такъ какъ вы не любите, то вамъ и трудно рѣшить...

— Кто знаетъ?..

— Ганна, неужели ты любишь меня?

Она молчала. Онъ по своему понялъ значеніе этого молчанія и самъ не находилъ словъ для выраженія своего восторга, но вдругъ заговорилъ:

— Я безконечно, безгранично счастливъ; ни на что больше не хочу даже надѣяться, одно сознаніе того, что вы...

— Остановитесь,—приказала Ганна,—это слово никогда не должно быть произнесено. Я требую отъ васъ никогда не возобновлять сегодняшняго разговора, вычеркнуть все сказанное изъ нашей жизни разъ на всегда... только подъ этимъ условіемъ я обѣщаю простить, но не забыть.

Прошептавъ полныя признанія слова „кто знаетъ“, Ганна этимъ, собственно говоря, больше сказала, чѣмъ чувствовала. Тогда сердце ея было еще свободно; но этими словами она отдала его въ плѣнъ и ужъ не въ силахъ была освободить его. Согласно предначертанному оборонительному плану было больше славы устоять противъ любимаго человѣка, чѣмъ только противъ опаснаго, отъ этого добродѣтель ея должна возвыситься въ глазахъ всѣхъ.

Еще было время обратиться къ мужу за защитой, но она считала себя достаточно сильной для борьбы, и—тайна стала ей дорога; какъ сокровище, хранилась она въ глубинѣ ея души. Вернувшись съ той знаменательной прогулки домой, она даже отвѣтила Эвальду на обычный вопросъ „было-ли весело“, индиферентнымъ тономъ, позѣвывая:

— Было ужасно скучно!

— Еще бы,—сказалъ Эвальдъ.

VIII.

Дѣла шли, какъ и можно было предвидѣть. Все сильнѣе и сильнѣе влекло ее въ пропасть. Она цѣплялась за свою честь, самоуваженіе, долгъ; обликъ довѣрчиваго мужа, честь котораго тоже въ ея рукахъ, былъ пока спасеніемъ. Условіе: не произносить слово „любовь“, было давно забыто. Сотни разъ графъ страстно умолялъ дать ему полное счастье.

— Давай, бѣжимъ, Ганна,—молилъ онъ;—мы не хотимъ лгать, обманывать, сдѣлаемъ открыто любовь цѣлью жизни. Посвящаю тебѣ всю свою будущность, постараюсь уберечь тебя отъ всякой заботы и упрека; уѣдемъ въ далекій край, гдѣ никто насъ не знаетъ, гдѣ ты будешь царствовать богиней красоты. Если я не могу обладать тобою, то лучше умереть... Ганна, Ганна, дорогая, дай мнѣ блаженство рая...

— Я погибла,—прошептала она, покоренная его страстью.

Графъ подавилъ крикъ восторга:

— Такъ значитъ, да?

— Да.

Затѣмъ рѣшили подробности побѣга: графъ поѣдетъ одинъ впередъ въ Вѣну, Ганна послѣдуетъ за нимъ, при первомъ удобномъ случаѣ. Со станціи она дастъ графу телеграмму, чтобъ онъ ее встрѣтилъ на вокзалѣ; но въ случаѣ опозданія телеграммы или случайнаго отсутствія его, она должна отправиться въ „Hôtel Impérial“, въ которомъ она найдетъ приготовленнымъ помѣщеніе для графини Эдельбергъ.

Едва роковое „да“ было сказано, какъ Ганна почувствовала жгучую боль, присущую паденію, но было поздно. Съ той секунды до самаго ухода ея изъ дома, время шло точно во снѣ. Приносимая ею жертва была дѣйствительно велика, одинъ видъ Эвальда убивалъ ее окончательно. Бывали моменты,

когда она этого добраго, дѣтски-счастливаго, спокойнаго человѣка, котораго собиралась сдѣлать такимъ несчастнымъ, искренно любила, больше чѣмъ того, балованнаго судьбой, блестящаго графа, опутавшаго ее.

Эдельбергъ прожилъ уже цѣлую недѣлю въ Вѣнѣ, когда юбилей директора гимназіи представилъ наконецъ желанный случай сдѣлать, въ отсутствіи мужа, необходимыя приготовленія къ отъѣзду и оставить домъ. Итакъ мы видѣли, какъ точно другая Ганна привела этотъ планъ въ исполненіе, какъ въ послѣдній разъ подойдя къ зеркалу, она простилась на вѣки съ печальнымъ своимъ отраженіемъ.

Нѣсколько часовъ спустя вернулся Эвальдъ. Безшумно войдя въ спальню, онъ зажегъ свѣчку и былъ крайне удивленъ, не найдя жену спящей. „Вѣрно, она дожидается меня“, думалъ онъ, направляясь въ гостинную. Но тутъ, открытые шкапы, разбросанныя бумаги, запахъ потухшей лампы, все это нагнало на него безотчетный страхъ. Не случилось ли несчастья?

Подойдя къ письменному столу, онъ увидѣлъ письмо на свое имя. Что бы это могло означать? Морозъ пробѣжалъ по кожѣ. Почеркъ знакомый: отъ жены, къ которой всѣ его мысли были направлены.

Сорвавъ печать, онъ сталъ читать, но въ глазахъ мелькало,—смысла никакъ не понять; но вотъ онъ снова перечитываетъ, и понялъ, схватился за стулъ, чтобъ не упасть, и читаетъ въ третій разъ. Блуждающимъ взоромъ окинулъ онъ комнату, говорящую своимъ безпорядкомъ вмѣстѣ съ письмомъ: „Ты одинокъ, ты обезчещенъ и покинутъ, бѣдняга!“ Съ воплемъ отчаянія, уронивъ голову на руки, просидѣлъ онъ долго, долго. Свѣча потухла, заря занималась, а Эвальдъ все сидѣлъ, не поднимая головы и тихо рыдая.

IX.

Между тѣмъ Ганна сидѣла одна въ вагонѣ перваго класса и думала о завтрашнемъ днѣ; о вчерашнемъ она больше думать не хотѣла. Мужъ, крестная, все ея прошлое были изгнаны изъ думъ, борьба кончилась, все это осталось далеко за ней, безвозвратно. За то передъ ней открывался новый чудесный міръ, полный неизвѣданныхъ, соблазнительныхъ и страшныхъ ощу-

щеній: фантастическая смѣсь любви и грѣха, блеска и стыда. Неужели ей суждено пережить столько?

Ей казалось страннымъ, что люди кругомъ могли относиться такъ равнодушно ко всѣмъ перемѣнамъ ея жизни, и суетиться на станціяхъ, какъ ни въ чемъ не бывало, приходить и уходить. И какъ это они не всѣ спѣшили въ Вѣну, чтобъ летѣть прямо въ объятія обожаемаго человѣка! Бѣдные, какая у нихъ жалкая будничная жизнь!

Подошедшій кондукторъ вывелъ ее изъ полудремоты.

— Позвольте вашъ билетъ.

— А скоро ли мы пріѣдемъ?—спросила она.

— Слѣдующая станція—Вѣна.

Сразу прошелъ весь сонъ. Стало свѣтать. Чтобъ отвлечь себя отъ навязчивыхъ мыслей. Ганна стала глядѣть на мимо мелькающіе телеграфные столбы, на сторожевыя будки, окруженныя полисадниками съ цвѣтущими астрами и гордыми георгинами; на все дальше расходящіеся рельсы съ товарными вагонами на нихъ, словомъ, мысль о цѣли поѣздки должна была на время уступить мѣсто путевымъ впечатлѣніямъ. Въ своей короткой жизни Ганна такъ мало еще путешествовала; была раза два, три въ Вѣнѣ, да разъ въ Тріестѣ, но это немногое оставило въ ней массу радостныхъ и пріятныхъ воспоминаній. А теперь она можетъ объѣздить весь міръ; они побываютъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Италіи, даже въ Америкѣ, если она того пожелаетъ. Она вся отдалась этимъ чуднымъ мечтамъ о путешествіяхъ, а поѣздъ тѣмъ временемъ, все уменьшая свой ходъ, остановился у дебаркадера.

Вотъ и Вѣна! Страхъ напалъ вдругъ на молодую женщину; путешествіе кончилось и начиналось неизвѣстное. Телеграммы она не отправила съ дороги и рѣшила дать знать о своемъ пріѣздѣ только изъ гостинницы. Но можетъ быть графъ случайно пріѣхалъ? Несмѣло оглядѣла она толпу, сама не зная, желать ли присутствія возлюбленнаго, или нѣтъ, но никто не встрѣтилъ ее. Съ сумкой въ рукѣ направилась она къ выходу и, сѣвъ въ экипажъ, велѣла себя везти въ Hôtel Impérial. Лошади тронулись и оставили скоро за собой предмѣстье и внутренній городъ и въѣхали на Рингъ.

Было девять часовъ утра; лавки были уже всѣ открыты и уличная жизнь въ полномъ ходу.

— И всѣ эти люди не подозрѣваютъ даже, какая меня

участь ждетъ. Странно, вчера въ это время я была еще госпожей своего дома и судьбы, а сегодня я одна въ этомъ новомъ, чуждомъ свѣтѣ... но не такъ ужъ несчастна, какъ вчера... я и не счастлива, нѣтъ—но ужасно возбуждена.

Коляска остановилась у подъѣзда гостинницы.

— Заказаны ли комнаты для графини Эдельбергъ?—обратилась Ганна неувѣреннымъ голосомъ къ швейцару.

— Точно такъ, ваше сіятельство, низко кланяясь, отвѣтилъ онъ и, позвонивъ лакея, приказалъ:—Проводите ея сіятельство въ двадцатый №; съ кучеромъ я расплачусь, не извольте безпокоиться, графиня.

Hôtel Impérial —бывшій великокняжескій дворецъ. Широкая, покрытая коврами лѣстница, съ золочеными перилами высокій вестибюль, украшенный фресками, весь въ цвѣтахъ и зеркалахъ, производили грандіозное впечатлѣніе. Первый шагъ въ страну неизвѣстнаго былъ сдѣланъ по крайней мѣрѣ при внѣшнемъ блескѣ. Отнынѣ жить въ подобныхъ дворцахъ—ея удѣлъ.

Поднявшись въ первый этажъ, лакей отворилъ передъ нею дверь настежъ въ заказанное помѣщеніе.

— Прикажете подать завтракъ, ваше сіятельство?

— Подайте, отвѣтила Ганна, войдя въ свои апартаменты, состоящіе изъ обширнаго салона, богато убраннаго желтымъ дама́, изящной спальной и уборной. Въ каминахъ весело трещали дрова. Ганна сбросила шляпу и пальто и, увидя въ зеркалѣ, что утомленіе дороги нисколько не отозвалось на ея молодой, свѣжей красотѣ, улыбнулась, поправляя свои непослушные локоны. Полюбовавшись съ балкона на чудную Ринг-штрассе, вдохнувъ съ наслажденіемъ специфическій воздухъ столицы, Ганна вернулась въ залу и принялась съ большимъ аппетитомъ за изящно и вкусно сервированный завтракъ. Окончательно возстановивъ свои силы, она позвонила.

— Какъ давно заказаны эти комнаты? спросила она у вошедшаго лакея.

— Недѣлю тому назадъ. Графъ Эдельбергъ приходитъ ежедневно по два раза справляться, не пріѣхала ли графиня. Прикажете извѣстить графа?

— Да, я напишу письмо, принесите бумаги и конвертъ я позвоню, когда кончу.

— Слушаю-съ.

Прежде чѣмъ приняться за письмо, Ганна обошла еще разъ свои комнаты. Только теперь бросилось ей въ глаза множество вещей, не составляющихъ обыкновенно принадлежностей гостинницъ. Въ залѣ стоялъ рояль, на немъ ноты. На столѣ были разбросаны газеты, книги, альбомы и вездѣ цвѣты, масса цвѣтовъ. Сколько нѣжнаго вниманія со стороны возлюбленнаго! И все-таки она не жаждала свиданія, скорѣе страшилась его. Отъ одного представленія того момента, когда побѣдитель переступитъ порогъ, лицо ея пылало. Ей страстно захотѣлось хоть сколько-нибудь отодвинуть этотъ мигъ.

— Я только что пріѣхала,—писала она, но сильно устала и хочу отдохнуть. Жду васъ—нѣтъ, тебя—къ пяти часамъ.

Г.

Передавъ письмо лакею съ приказаніемъ немедленно отправить его по адресу, она заперла дверь на ключъ, желая безъ помѣхи полюбоваться чудными вещами. Сперва открыла она рояль и взяла нѣсколько нѣжныхъ аккордовъ: какой пѣвучій, мягкій тонъ! Изъ нотъ тутъ находились партитуры новѣйшихъ оперъ, послѣднія, производящія фуроръ оперетки, нѣсколько вальсовъ Шрауса, ноктюрновъ Шопена; изъ книгъ: иллюстрированные журналы на разныхъ языкахъ, карикатуры, альбомъ модъ, романы Октава Фелье и Дизраэли, альбомъ государственныхъ дѣятелей и знаменитостей.

Просмотрѣвъ все пока только на скорую руку, она перешла въ спальню и уборную. И тутъ ее ждало множество сюрпризовъ, начиная съ роскошнаго туалетнаго несессера, наполненнаго всевозможными принадлежностями изъ черепахи и слоновой кости, флаконами духовъ и пудры, и кончая маленькимъ бархатнымъ футляромъ въ серебряной шкатулкѣ, содержащимъ медальонъ въ видѣ сердечка, сплошь покрытый бриліантами, съ портретомъ графа. На кровати—опять новое изумленіе—раскинутъ красный шелковый, золотомъ расшитый капотъ, цѣлый ворохъ батиста и кружевъ и прелестныя туфельки. Голова закружилась у нея отъ всѣхъ чудесъ; ей захотѣлось выкупаться въ этихъ душистыхъ водахъ, облечься въ эти сказочныя одѣянія, чтобъ слиться съ окружающей роскошью. Черное шерстяное дорожное платье и остальные

запыленные предметы ея туалета были отброшены далеко, цѣлые потоки душистой воды были вылиты на нѣжное тѣло, волосы распущены и снова заплетены въ толстую косу. Надѣвъ маленькія туфли, Ганна облеклась въ разныя облака батиста и кружевъ, а сверхъ всего, на открытый на груди, тяжелый капотъ со шлейфомъ, надѣла медальонъ на шею, и, увидѣвъ въ зеркалѣ отраженіе своей царственной фигуры, испытала одну изъ самыхъ опьяняющихъ человѣческихъ радостей: гордое сознаніе своей чарующей красоты. Долго оставалась она передъ зеркаломъ, любуясь яркимъ блескомъ глазъ, жемчужными зубами, блестѣвшими сквозь полуоткрытыя влажныя губы; никогда еще не видала она себя такой прекрасной!

Медленнымъ шагомъ вернулась Ганна въ залу, опустилась въ мягкое кресло и отдалась вся новому, вмѣстѣ радостному и жуткому настроенію. Она вдыхала всей грудью нѣжный ароматъ раздушенныхъ тканей, ее облекавшихъ, смѣшанный съ запахомъ цвѣтовъ, любовалась блескомъ золотыхъ зеркальныхъ рамъ, пестрымъ узоромъ мягкихъ ковровъ; съ улицы доносился шумъ экипажей и отдаленные звуки военной музыки и вообще вся сутолока столичной жизни; она думала о предстоящемъ свиданіи, и все это вмѣстѣ нѣжно, нѣжно убаюкивало ее.

Какъ на однѣ воспріимчивыя натуры дѣйствуютъ красоты природы и чудные виды, такъ на другія съ такой же силой дѣйствуютъ изящество и роскошь. Вѣдь въ лѣсу, въ горахъ, долинахъ и на берегу моря, что приводитъ человѣка, любящаго природу, въ полное поэтической прелести настроеніе, какъ не смѣсь и гармонія красокъ, звуковъ и ароматовъ. Почему же считается всюду восхищеніе природой—благороднымъ, невиннымъ и идеальнымъ чувствомъ, между тѣмъ какъ упоеніе богатствомъ и роскошью считается низменнымъ и матеріальнымъ. Не мебель, не платья и духи сами по себѣ приводятъ человѣка въ восторгъ, а вся совокупность прекраснаго. Какъ въ природѣ чувствуется нѣчто могучее, гордое, такъ и отъ изящества вѣетъ особенной нѣжностью, граціей и счастьемъ. Поэзія роскоши не всякому конечно понятна; рожденные въ богатствѣ бываютъ большей частью также притуплены къ ней, какъ и горный житель въ могучимъ красотамъ окружающей его природы. Но кто, подобно Ганнѣ, всю молодость мечталъ о роскоши и богатствѣ, о всякихъ эсте-

тическихъ наслажденіяхъ, и кто такъ долго томился въ лишеніяхъ, какъ она, тотъ будетъ опьяненъ внезапнымъ перемѣщеніемъ въ подобную атмосферу. Ни разу въ теченіи цѣлаго часа не вспомнила Ганна про то ужасное въ ея поступкѣ, что еще вчера, въ обычной обстановкѣ вызвало у нея такія горькія, искреннія слезы.

X.

Звонокъ призвалъ лакея.

— Отправлено ли мое письмо? спросила она.

— Точно такъ, графиня. Письмо отдано швейцару графа Эдельбергъ; но господина графа самого дома не было.

— Хорошо.

– Больше не будетъ приказаній, графиня?

— Нѣтъ, спасибо.—Лакей вышелъ.

Это присвоенное ей величаніе „графиня“ было ей противно и напоминало къ тому непріятныя стороны ея положенія, отсутствіе права не только на титулъ графини, но даже на имя Бальманъ. Это имя было отброшено, какъ и черное пыльное платье, и вмѣстѣ съ нимъ валялось запачканное въ какомъ-то углу. „Богиня красоты“—вотъ по словамъ Эдельберга будущій ея титулъ,—но лишь жалкій мишурный вѣнецъ украситъ ея продажную красоту! Вмѣстѣ съ этимъ сознаніемъ нахлынули опять мрачныя мысли.

— Съумѣетъ ли онъ оцѣнить мой даръ—громадную жертву чести?

Точно въ отвѣтъ, ей вспомнились его пылкія клятвы, мольбы. Да, онъ оцѣнитъ! Бѣдная, неопытная Ганна, некому было ее разувѣрить, некому было ей сказать: нѣтъ, Ганна, ни одинъ мужчина не оцѣнитъ пожертвованную ему честь женщины, такъ какъ погибшая честь въ сущности никогда не была ею.

Время шло. Наглядѣвшись на Рингъ, она замечталась у рояля, но при каждомъ приближающемся шагѣ по корридору сердце замирало.

Наконецъ, ее взяло нетерпѣніе.

— Вѣроятно уже поздно,—подумала она и позвонила. Тотъ же лакей явился.

— Который теперь часъ?

— Три часа, графиня. Обыкновенно графъ Эдельбергъ

приходитъ часовъ въ пять сюда, и обѣдаетъ здѣсь большей частью. Когда прикажете подать обѣдъ?

— Послѣ пяти, для двоихъ,—здѣсь въ салонѣ.

— Слушаю-съ.

Значитъ, еще два долгихъ, томительныхъ часа—если только онъ раньше не прилетитъ... Но наконецъ и они прошли. Лакей ходилъ взадъ и впередъ, накрывая на столъ. Тяжелыя занавѣсы на окнахъ были спущены, два канделябра и ваза съ цвѣтами украшали середину стола, уставленнаго винами и закусками. Рядомъ на маленькій столикъ былъ безъ приказанія поставленъ серебрянный холодильникъ для шампанскаго. Все было готово.

— Когда вашему сіятельству угодно будетъ обѣдать, потрудитесь позвонить.

Она кивнула.

— Который часъ?—спросила она снова.

— Безъ десяти минутъ пять.

Едва онъ вышелъ, послышался глубокій вздохъ.

— Теперь онъ можетъ войти каждую минуту!

При освѣщеніи, комната съ накрытымъ столомъ выглядѣла еще роскошнѣе, чѣмъ днемъ, и красота молодой женщины также еще выигрывала отъ свѣта свѣчей. Она залпомъ выпила рюмку рейнвейна и подсѣла къ камину, лицомъ къ двери, въ ожиданіи. Еще минута—и грудной дрожащій голосъ произнесетъ ея имя, первый, давно желанный поцѣлуй обожжетъ ихъ своимъ пламенемъ... Сердце билось все громче и громче, но вдругъ замерло: послышались приближающіеся шаги, вотъ нажали ручку—нѣтъ больше сомнѣній,—дверь открывается и высокій мужчина появляется на порогѣ. Не смѣя поднять глазъ, сама не своя отъ мучительнаго волненія, Ганна ждетъ... еще секунда, и она будетъ въ его объятіяхъ...

— Милостивая государыня... раздается чужой голосъ.

Съ страхомъ поднимаетъ Ганна глаза и видитъ передъ собой незнакомаго человѣка.

— Прошу извинить, сударыня. Я завѣдующій гостинницей и считаю себя обязаннымъ сообщить вамъ нѣчто.

— Что именно?—спросила она удивленнымъ, испуганнымъ голосомъ.

— Вы ждали графа къ себѣ; это онъ заказалъ эти комнаты, вы вѣрно приходитесь ему родственницей или такъ

близки ему, поэтому я долженъ извѣстить васъ о случившемся происшествіи... о внезапномъ несчастіи...

— Ради Бога, что случилось?

— Успокойтесь, сударыня. Дѣйствительно, случилось несчастье, весь городъ объ этомъ уже знаетъ. Графъ имѣетъ обыкновеніе кататься или ѣздить верхомъ по утрамъ въ Пратерѣ. Еще до полученія вашего письма, графъ выѣхалъ и сегодня на парѣ невыѣзженныхъ лошадей, которыя, испугавшись чего-то, понесли — графъ былъ сброшенъ съ козелъ и упалъ такъ несчастливо лбомъ на мостовую, что остался лежать неподвижнымъ.

— Онъ тяжело раненъ? — спросила Ганна упавшимъ голосомъ, стараясь владѣть собою, чтобы узнать всю правду до конца,—пожалуйста договаривайте, я не родственница графа.

— Когда его подняли,—продолжалъ разсказчикъ,—графъ не подавалъ ни малѣйшихъ признаковъ жизни. Его внесли въ ближайшую аптеку, пригласили врача, который констатировалъ мгновенно наступившую смерть.

Ганна слушала въ глубокомъ молчаніи. Разсказчикъ продолжалъ:

— Графъ, будучи однимъ изъ самыхъ богатыхъ и извѣстныхъ людей Вѣны, былъ сейчасъ-же узнанъ и привезенъ въ свой дворецъ, куда немедленно прибыли мать и сестра его, княгиня Гохштейнъ. Не желаете-ли и вы, сударыня, отправиться туда?

Ганна покачала отрицательно головой. Управляющій поклонился молча и вышелъ. Она бросилась запереть за нимъ дверь. Опять ей хотѣлось остаться одной, совсѣмъ одной—но на сей разъ съ своимъ безконечнымъ горемъ.

XI.

Слѣдующее утро застало Ганну безпокойно спящей на кровати. Всю ночь она проплакала до изнеможенія, до потери сознанія, пока сонъ наконецъ не пересилилъ ее. Бѣдная, она провела эту ночь съ глазу на глазъ со смертью, не отходившей ни на мигъ отъ ея изголовья; картины смерти мѣнялись одна за другой: то она видѣла передъ собою трупъ любимаго человѣка, то себя на смертномъ одрѣ.

Въ окна заглянуло солнце и разбудило спящую; но не сразу пришла она въ себя; нѣжный ароматъ духовъ навѣялъ

вчерашнее ощущеніе любовнаго экстаза, но не надолго; вся ужасная картина дѣйствительности возстала сразу передъ ея глазами; головка опустилась безсильно на подушки, а уста прошептали снова: „хорошо бы умереть“.

Что больше остается ей дѣлать? Она одна, беззащитна и безъ средствъ, въ большомъ, чужомъ городѣ; къ кому ей обратиться за совѣтомъ? Всѣ связи съ обществомъ и семьей разорваны, честь попрана и ко всему этому ее страшно гнететъ сознаніе собственной вины. Мужу она не смѣетъ больше показаться на глаза, да онъ и не приметъ ее. А крестная? Ни за что на свѣтѣ не вернется она больше туда, откуда такъ позорно бѣжала. Даже къ трупу возлюбленнаго она не смѣла спѣшить, чтобъ сказать ему послѣднее „прости“. Его вѣдь охраняютъ мать и сестра, чужія, гордыя женщины, которыя ей не позволятъ войти. Ни отъ кого на всемъ земномъ шарѣ не въ правѣ она теперь ожидать ни любви и уваженія, ни даже состраданія, а тотъ, единственный, который бы осыпалъ ее любовью и всѣми радостями—онъ лежитъ мертвый!

Хотя для нея самой незамѣтно, но ужасъ ея собственнаго положенія заглушалъ въ бѣдной женщинѣ горькое чувство утраты возлюбленнаго, которымъ она въ сущности больше увлеклась, чѣмъ искренно любила. Послѣ подобнаго несчастья ей казалось немыслимо жить. Сперва она надѣялась, что само горе убьетъ ее, но нравственная боль не убиваетъ. Природа устроила это умно, зная, что все излечивающее время заглушитъ и это горе, несмотря на кажущуюся невозможность.

Ганна приподнялась на кровати и осмотрѣлась. Тамъ въ углу валялось черное, отброшенное платье, на ней все еще былъ надѣтъ роскошный красный капотъ.

— Я надѣну трауръ, подумала она, и стала медленно мѣнять платье. Затѣмъ сняла медальонъ, поцѣловала со слезами портретъ, и уложила его обратно въ футляръ. Даже въ зеркало взглянула она, и увидѣла блѣдное, заплаканное, разстроенное лицо. Тѣмъ не менѣе она была хороша. Слишкомъ хороша, чтобъ умереть—и главное, слишкомъ молода: вѣдь ей еще нѣтъ полныхъ двадцати лѣтъ. Хватитъ ли силъ броситься въ хладныя волны Дуная, или вонзить ножъ въ сердце?

Она отогнала отъ себя эти мысли; сперва нужно уйти изъ этой гостинницы, чтобъ затереть слѣды и не дать людямъ возможности говорить объ отношеніяхъ ея къ умершему. Лучше

уйти въ другую гостинницу, гдѣ-нибудь въ предмѣстьи, гдѣ никому неизвѣстно ея горе; въ скромную комнату безъ ковровъ и шелковой мебели, не пропитанную соблазнительнымъ запахомъ духовъ—выплакать сперва всѣ свои слезы, и обдумать потомъ дальнѣйшее.

Окончивъ дорожный туалетъ и освѣживъ свое заплаканное лицо холодной водой, Ганна вошла въ залу. Рояль стоялъ еще открытый, со стола было не убрано, свѣчи догорѣли и цвѣты завяли; рѣзкій лучъ солнца, прорывавшійся сквозь щель спущенной занавѣски, придавалъ всему какой то мертвенно-блѣдный видъ.

Позвонивъ и открывъ дверь, Ганна велѣла вошедшему лакею подать счетъ.

— Я уѣзжаю, прибавила она.

— Слушаю-съ; не прикажете ли завтракать?

Она кивнула утвердительно; чашка горячаго чая будетъ не лишней.

Покидая домъ, Ганна захватила съ собой сто съ чѣмъ то гульденовъ, изъ которыхъ, послѣ путевыхъ издержекъ, осталось еще восемьдесятъ; но такъ какъ комнаты были удерживаемы для нея въ теченіи восьми дней, то она съ ужасомъ думала, „хватитъ ли ей этой суммы на расплату?“ Со страхомъ взглянула Ганна на поданный ей счетъ.

— За комнаты уплачено до вчерашняго дня, замѣтилъ лакей.

Посмотрѣвъ только на итогъ: пятьдесять восемь гульденовъ, она положила деньги на столъ.

— Не прикажете-ли отсчитать за неоткупоренныя бутылки шампанскаго и за не поданные обѣды? спросилъ лакей.

— Какъ хотите—отсчитанное можете себѣ взять. Приготовьте мнѣ экипажъ.

Она отправилась укладывать сумки, забрала туалетный несессеръ и футляръ съ портретомъ. Разъ она вчера приняла эти подарки отъ него живаго, то она и не имѣла права отказываться отъ нихъ теперь и оставлять ихъ въ чужихъ рукахъ... Медальонъ она возьметъ съ собой въ могилу. Всѣми ея мыслями и дѣйствіями руководило только одно страстное желаніе бѣжать поскорѣе изъ этихъ заколдованныхъ хоромъ, стѣны которыхъ давили ее точно могильныя плиты, и скрыться въ тихій маленькій уголокъ, гдѣ ея смертельно раненое сердце найдетъ вѣчный покой.

— Экипажъ поданъ, доложилъ лакей.

Ганна указала на двѣ ручныя сумки и стала спускаться по широкой, княжеской лѣстницѣ, но съ совершенно различными противъ вчерашняго чувствами.

— Куда прикажете? спросилъ швейцаръ.

— На сѣверную желѣзную дорогу.

Она хотѣла исчезнуть безслѣдно. Опять шла дорога по оживленнымъ улицамъ; какъ въ муравейникѣ спѣшили люди, внушавшіе ей вчера своими мелкими заботами одно лишь сожалѣніе, а какъ завидовала она имъ сегодня. И всѣ проходятъ безучастно, никто не подозрѣваетъ ея горя!

Экипажъ остановился у вокзала; носильщикъ, взявъ обѣ сумки, предложилъ отправиться за билетомъ, такъ какъ первый звонокъ былъ уже данъ.

— Нѣтъ, я не уѣзжаю; я пріѣхала встрѣтить кого-то, съ слѣдующимъ поѣздомъ. Отнесите сумки въ залу.

Забившись въ уголъ, она забыла на мгновеніе о своемъ горѣ и предалась всецѣло этой маленькой комедіи скрыванія отъ людей, и безъ того ей незнакомыхъ. Въ бѣдной, отяжелѣвшей головкѣ помѣщалась только одна мысль: остаться одной и неузнанной, какъ будто она и безъ того была не достаточно одинока. По прибытіи перваго поѣзда, вмѣшавшись въ толпу, вышла она на улицу, нанимать извощика.

— Свезите меня въ какую-нибудь дешевую гостинницу въ предмѣстьи.

— Къ „Золотому яблоку“ на Виденѣ? спросилъ кучеръ.

— Все равно. И вспомнивъ вдругъ, прибавила:—Не знаете ли, гдѣ дворецъ Эдельберга?

— Того графа, что убился вчера?

— Да, именно его.

— Какъ не знать, это на Опернрингѣ.

— Такъ проѣзжайте мимо и покажите мнѣ его.

— Хорошо.

Пошло съ четверть часа, какъ кучеръ вдругъ стукнулъ въ окно.

— Это тамъ, гдѣ большой съѣздъ каретъ,—указалъ онъ на великолѣпное громадное знаніе.—Не желаетъ ли ваша милость выйти, посмотрѣть на бѣднаго господина, на его парадномъ ложѣ...

Одну только минуту продолжалась борьба, нѣтъ, для этого у нея не хватитъ силъ, лучше, лучше продолжать свой путь.

— Нѣтъ, не угодно? Значитъ, къ „Золотому яблоку“?

— Да.

Ганна сдерживала все еще свои рыданія, хотя цѣлые потоки слезъ готовы были излиться; это будетъ послѣ ея вознагражденіемъ за сегодняшнюю борьбу и страданія.

Экипажъ свернулъ въ одну изъ боковыхъ улицъ предмѣстья Видена и остановился передъ двухъэтажнымъ невзрачнымъ домомъ.

Дворникъ въ пестрой рубахѣ подошелъ къ дверцамъ и на вопросъ „имѣется ли свободная комната“? отправился объ этомъ узнавать, вскорѣ выславъ грязнаго лакея съ утвердительнымъ отвѣтомъ.

Расплатившись съ кучеромъ, Ганна послѣдовала за лакеемъ въ переднюю, гдѣ ее обдало смѣшаннымъ запахомъ конюшни, кухни и винныхъ паровъ. По узенькой лѣстницѣ добрались они до низкой двери, ведущей въ маленькую комнатку, въ одно окно, безъ ковра, безъ драпировки, бѣдно и неуютно обставленную. Но всего этого Ганна не замѣчала, она жаждала лишь одиночества и покоя. Оставшись наконецъ одна, она бросилась на диванъ и дала волю долго сдерживаемымъ слезамъ.

XII.

Такъ прошло нѣсколько часовъ, но вѣдь вѣчно плакать невозможно; въ изнеможеніи, безъ слезъ, ушла Ганна въ тяжелыя свои думы, когда стукъ въ дверь вывелъ ее изъ глубокой задумчивости. Явился лакей съ просьбой записать свое имя въ книгу для пріѣзжихъ. Ее обдало точно холодомъ, вѣдь имени у нея и нѣтъ, но быстро овладѣвъ собою, она написала: Анна Мейеръ, выбравъ часто встрѣчающееся имя, которое поэтому никому не бросится въ глаза. Затѣмъ она попросила чего нибудь поѣсть, такъ какъ голодъ давалъ себя изрядно чувствовать.

Пока лакей накрывалъ на столъ, — какая разница во вчерашней и сегодняшней сервировкѣ—Ганна подошла къ окну, но и тутъ узенькій, грязный дворъ не въ состояніи былъ дать ея мыслямъ болѣе веселаго направленія. За то кушанье показалось ей очень вкуснымъ, несмотря на все ея горе. Разбитое сердце и вѣнскій шницель...

Какая можетъ быть связь между ними въ романѣ! Но въ

жизни это бываетъ такъ. Запивъ обѣдъ стакаиомъ крѣпкаго пива, Ганна проспала нѣсколько часовъ глубокимъ сномъ, но проснувшись при полной тьмѣ кругомъ, велѣла подать свѣчей и почтовой бумаги. Дольше нельзя было откладывать рѣшенія своей участи, и какъ всѣ самоубійцы, ей захотѣлось письменно проститься съ жизнью. Такъ прошла еще одна ужасная ночь; то она писала къ мужу, то къ крестной, то къ себѣ самой и къ умершему возлюбленному, то плакала и молилась, представляя себѣ, какъ завтра или послѣзавтра ее найдутъ въ этой же комнаткѣ все такой же прекрасной, но съ прострѣленной грудью.

Но тамъ гдѣ приговоренный къ смерти можетъ самъ себя помиловать, тамъ приговоръ рѣдко приводится въ исполненіе. Только въ первый отчаянный моментъ человѣкъ можетъ, въ состояніи невмѣняемости, наложить на себя руки, и будь у Ганны тогда въ Hôtel Impérial подъ рукою ядъ, она, быть можетъ, и отравилась бы; но разъ мысль о самоубійствѣ была отложена на нѣсколько дней, то случилось обыкновенное явленіе, смерть перестала манить, а жизнь стала, даже при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, безконечно дорога.

Проживъ еще нѣсколько дней, терзаемая то отчаяніемъ, то надеждой, Ганна проснулась въ одно утро съ твердымъ рѣшеніемъ: „не умирать, а какъ-нибудь пробиться сквозь жизнь“.

Отъ принятого рѣшенія у нея стало легко на душѣ, такъ легко и радостно, что хотѣлось обнять и цѣловать себя самую за великодушный даръ.

Но за что теперь взяться, какъ создать новое существованіе?

Впрочемъ, въ прочитанныхъ ею романахъ, героямъ нерѣдко приходилось, потерявъ все состояніе, самимъ добывать себѣ хлѣбъ, въ чемъ судьба имъ постоянно благопріятствовала.

Почему бы и ей не надѣяться на счастливый исходъ изъ этого тяжелаго положенія?

Взглядъ ея упалъ на лежавшую на столѣ газету: не найдется ли между объявленіями подходящихъ для нея занятій? Вѣдь при ея знаніи языковъ и музыки, отчего бы ей не сдѣлаться гувернанткой или преподавательницей консерваторіи, или, чего добраго, актрисой? Вѣдь прошлой зимой она участвовала въ любительскомъ спектаклѣ у генеральши съ огромнымъ успѣхомъ, всѣ единодушно признавали за ней большой та-

лантъ! Вотъ карьера, полная разнообразія и славы!

Вырѣзавъ изъ газеты нѣсколько подходящихъ адресовъ, полная розовыхъ надеждъ, отправилась Ганна на поиски. Бѣдняжка, сколько разочарованія и униженія ждетъ тебя на этомъ тернистомъ пути, не разъ еще пожалѣешь ты свое страстное желаніе—жить во что бы то ни стало!

Первый ея шагъ былъ направленъ къ театральному агенту, чтобъ предложить свои услуги въ качествѣ драматической актрисы. Но тутъ, къ величайшему своему удивленію, она узнала, что одного желанія и воображаемаго таланта для сцены не достаточно, что нужна еще хорошая школа и долголѣтній опытъ.

— Но я вѣдь играла на любительской сценѣ, и съ большимъ успѣхомъ,—робко замѣтила она;—къ тому же я думала, что драматическое искусство не требуетъ такой технической подготовки, какъ пѣніе и балетъ; что для перваго достаточно владѣть въ совершенствѣ языкомъ и быть литературно образованной...

— Въ этомъ есть дѣйствительно много правды; но если техническая сторона въ этой отрасли искусства и не такъ важна, какъ въ другихъ, то она все-таки до извѣстной степени необходима. Вы вѣдь еще молоды, поступите въ театральную школу и черезъ нѣсколько лѣтъ мы поговоримъ съ вами о дебютѣ.

Ганна поднялась съ мѣста:

— Въ такомъ случаѣ прошу извинить, что побезпокоила васъ. Видно, моя неопытность...

— Но отчего же вы, барышня, не хотите послѣдовать моему совѣту?

— Оттого, что мнѣ некогда ждать.

— Такъ что вы сейчасъ же хотѣли бы дебютировать, хоть послѣзавтра?

— Нѣтъ, какъ же это послѣзавра, когда мнѣ нужно еще выучить роли, хотя память у меня хорошая, я скоро усвоиваю.

— И какое бы вы выбрали амплуа? спросилъ агентъ, все больше забавляясь наивностью Ганны.

— Амплуа grandes dames...

— Позвольте вамъ предложить одинъ нескромный вопросъ: есть ли у васъ покровитель?

— Я совершенно одинока; къ чему вы объ этомъ спрашиваете?

— Оттого, что преданный другъ могъ бы вамъ облегчить исполненіе вашего желанія, а впрочемъ, можетъ быть, вы и сами въ состояніи себѣ помочь.

Ганна воспрянула надеждой:

— Неужели, какимъ же образомъ?

— Если вы обяжетесь принять безъ вознагражденія годичный ангажементъ, да при заключеніи контракта внесете пятьсотъ гульденовъ въ виду риска, сопряженнаго для меня съ рекомендаціей диллетантки, и если вы возьмете съ собой богатые, блестящіе туалеты и нѣсколько наличныхъ денегъ, то я готовъ послать васъ на провинціальную сцену, директоръ которой писалъ мнѣ недавно. Тамъ попробуйте счастья... Возможно, что у васъ есть талантъ, а если и нѣтъ, то ваши туалеты и ваша красота—безъ лести—обезпечатъ вамъ успѣхъ. Въ концѣ концовъ вы еще произведете фуроръ—совершите побѣды надъ сынками богатыхъ фабрикантовъ, и не разъ поблагодарите свою звѣзду, которая привела васъ ко мнѣ. Но чего вы съ такимъ удивленіемъ на меня смотрите, прелестное, наивное созданіе?

Ганну бросило въ жаръ отъ этихъ словъ. „Умереть бы“, пронеслось у нея въ головѣ; сдѣлавъ шагъ къ двери, она торопливо проговорила:

— Еще разъ извините, что я вамъ помѣшала.

Но агентъ не далъ ей выйти:

— Вы мнѣ скажите хоть имя свое и адресъ, прелестнѣйшая... при этомъ онъ пытался взять ее за подбородокъ, но тутъ Ганна сразу толкнула дверь и, никому не кланяясь, со страхомъ бросилась вонъ изъ злополучной конторы.

XIII.

Послѣ этого происшествія Ганна пролежала нѣсколько дней больная, грустная, разочарованная въ своей одинокой комнаткѣ. Мысль о самоубійствѣ была оставлена ею разъ на всегда, но она все еще надѣялась, что смерть придетъ сама по себѣ; но ей не суждено было умереть; горничная ходила за ней неусыпно и черезъ нѣсколько дней она была снова на ногахъ, и съ новой силой проснулась въ ней жажда жизни и борьбы.

Теперь она сама бранила себя за сумасшедшую мысль сдѣлаться актрисой. Развѣ ей, одинокой, несчастной женщинѣ,

подобаетъ броситься въ водоворотъ закулисной, полной приключеній, жизни, когда одна лишь высоко нравственная жизнь можетъ возстановить въ ея собственныхъ глазахъ ея поруганную честь; и такъ самое подходящее для нея—сдѣлаться гувернанткой. При ея разностороннемъ образованіи ей будетъ легко найти мѣсто въ далекой провинціи или еще лучше заграницей, гдѣ никто ее не узнаетъ; неутомимымъ трудомъ и ревностнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей она пріобрѣтетъ всеобщую любовь, и никто не посмѣетъ ее больше оскорблять подобно ненавистному агенту.

Но въ этой попыткѣ Ганна натолкнулась на новое непредвидѣнное препятствіе: вездѣ и всюду отъ нея требовали рекомендацій, безъ этого никто не соглашался брать на отвѣтственное мѣсто воспитательницы. Но откуда добыть рекомендацію, когда главная цѣль ея скрыть свою настоящую фамилію, скрыть все свое прошлое, такъ какъ оно не такого рода, чтобъ внушить довѣріе чадолюбивымъ матерямъ.

Какъ это она раньше не сообразила, что она—преступная, бросившая мужа, чтобъ бѣжать съ возлюбленнымъ, не вправѣ надѣяться, что какая-нибудь мать довѣритъ ей воспитаніе своей подростающей дочери!

Удрученная этимъ сознаніемъ и неудачами странствованія по конторамъ и мѣстамъ въ теченіи цѣлаго дня, Ганна была близка къ отчаянію. Что дѣлать? что дѣлать? Этотъ вопросъ засѣлъ у нея глубоко въ мозгу, но мозгъ отказывался отвѣтить, онъ былъ точно въ тискахъ.

— И это полное, давящее одиночество! простонала она, нѣтъ, я этого дольше не выдержу, я должна побесѣдовать съ тѣми, которые когда-то знали и любили меня.

Она подсѣла къ стулу, чтобъ писать, сама не зная, что именно она скажетъ, лишь бы высказаться и тѣмъ облегчить свою душу.

„Эвальдъ, писала она, я не затѣмъ пишу, чтобы выпросить твое состраданіе или прощеніе; нѣтъ, я знаю, есть вещи, которыхъ ни одинъ мужъ простить не можетъ. Я только чувствую потребность тебѣ сказать, что я несчастна; это сознаніе, что судьба отомстила за нанесенное тебѣ оскорбленіе, доставитъ тебѣ нѣкоторое удовлетвореніе. По какому праву я лишу тебя этого успокоенія, послѣ всего причиненнаго мною тебѣ горя? Я могу тебѣ еще сообщить нѣчто такое, что по-

дѣйствуетъ на твои раны смягчающимъ образомъ и сниметъ много горечи съ твоихъ чувствъ. Ты вѣдь знаешь,—уходя изъ твоего дома, уста мои были еще чисты и такими же они остались и понынѣ; правда, это не моя заслуга; но я и не выставляю этого заслугой, а просто фактомъ,—фактомъ, который послужитъ тебѣ маленькимъ утѣшеніемъ или хоть облегченіемъ. Мысль, что когда то любимая жена находится въ объятіяхъ другого, должна быть ужасна для мужа—гнѣвъ, ревность и стыдъ, все вмѣстѣ должно терзать его... и безъ того я сдѣлала тебя страшно несчастнымъ, такъ я хочу тебѣ облегчить хоть эти муки, разъ это въ моей власти. Угадалъ ли ты, что это былъ графъ Эдельбергъ, за которымъ я послѣдовала? Навѣрное ты слыхалъ, какое несчастье его постигло. Я ждала его,—а онъ лежалъ уже мертвый. Съ того часа, когда я ему дала слово бѣжать, мы больше не видались. Если бы я тебя просила принять меня снова въ свой домъ, то ты могъ бы считать всѣ мои слова ложью; но возвратъ къ прежнему я считаю для насъ немыслимымъ, поэтому ты смѣло можешь имъ вѣрить. Прими жъ отъ меня этотъ единственный даръ послѣ того, какъ я украла у тебя все счастье твоей жизни. Прощай.

Ганна“.

Взявъ затѣмъ второй листъ бумаги, Ганна принялась за письмо къ крестной:

„Милая, дорогая моя крестная! Я одинока, одинока и несчастна, я нуждаюсь въ совѣтѣ и помощи и въ любящемъ сердцѣ, возлѣ котораго я бы могла выплакаться вволю. Не отвернувайся хоть ты отъ меня! Я помню, что ты всегда съ холодной строгостью осуждала грѣшницъ, но разъ эта грѣшница твоя пріемная дочь, неужели у тебя для нея не найдется слова утѣшенія? Напиши мнѣ только два слова, чтобы я знала, могу ли найти у тебя убѣжище; этимъ я не хочу сказать, что пріѣду къ тебѣ,—нѣтъ, я порвала съ прошлымъ окончательно, и никогда больше не вернусь я въ тотъ городъ и въ тотъ кругъ, въ которомъ я не смѣла бы поднять глазъ... нѣтъ, я хочу оставить Австрію, и если возможно, даже и Европу; убѣжище, котораго я ищу, не состоитъ въ совмѣстной жизни съ тобой, а въ нравственной поддержкѣ—въ разрѣшеніи повѣрить тебѣ все свое горе, въ обѣщаніи мнѣ помочь. Видишь-ли, я хотѣла бы принять мѣсто компаньонки, но безъ чьей-ни-

будь рекомендаціи этотъ путь для меня закрытъ. Буду ждать твоего отвѣта съ мучительнымъ нетерпѣніемъ, подъ литерами А. З. Вѣна, до востребованія".

Отправивъ эти два письма, Ганна почувствовала приливъ новой бодрости и надежды. Какъ это ей раньше не пришло на умъ открыть свое сердце милой крестной и просить у нея рекомендацій? Да и письмо къ мужу значительно облегчило ее, какъ будто она совершила доброе дѣло; онъ навѣрное почувствуетъ себя менѣе несчастнымъ, когда узнаетъ, что его жена de facto никогда не измѣняла ему.

Слѣдующіе дни прошли въ томительномъ ожиданіи; вотъ наконецъ и четвертый день, который по ея разсчету могъ уже принести отвѣтъ. Отправившись на почту, Ганна съ замираніемъ сердца спросила, нѣтъ ли письма „до востребованія подъ литерами А. З.".

— Нѣтъ ничего, былъ отвѣтъ, какъ въ тотъ день, такъ и въ три послѣдующихъ, пока наконецъ на четвертый ей на обычный вопросъ не вручили желаннаго письма. Вскрывъ его тутъ же и развернувъ листокъ, Ганна почувствовала какъ-то сразу, что онъ не содержитъ ничего утѣшительнаго, и дѣйствительно генеральша писала всего нѣсколько строкъ, даже безъ заглавія:

„Меня удивляетъ, что падшая женщина, которая меня оскандалила своимъ поведеніемъ, еще смѣетъ писать и просить моей поддержки. Несчастье въ этомъ случаѣ вполнѣ заслуженное, и лишній разъ доказываетъ справедливость Всевышняго. Предупреждаю, что дальнѣйшія письма не будутъ вскрываемы, а просто бросаемы въ огонь.

Доротея фонъ-Орфальви".

Возмущенная такимъ безсердечіемъ и убитая горемъ Ганна мяла это посланіе, между тѣмъ какъ генеральша, вѣрно, не мало гордилась имъ.

Этимъ она блестяще выказала свое достоинство и возвышенную строгость. Можетъ быть, она одну минуту и боролась съ желаніемъ протянуть руку умоляющей о примиреніи, но преодолѣвъ эту минутную слабость, она въ полномъ сознаніи своей правоты излила на бѣдную Ганну всю чашу своего презрѣнія.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Редакторъ-Издатель И. А. Баталинъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ.

„РУССКАЯ ЖИЗНЬ"

Ежедневная газета политическая, общественная и литературная безъ предварительной цензуры.

Знамя газеты: Люди—братья; ихъ долгъ—жить въ мирѣ, во взаимной помощи и въ стремленіи ко благу общему.

Основная задача газеты—изученіе нуждъ родной земли. Работы, начинанія, проекты, ошибки и успѣхи общественныхъ дѣятелей различныхъ мѣстностей нашего обширнаго и все еще мало изслѣдованнаго отечества — вотъ тотъ матеріалъ, которымъ мы преимущественно стремимся дѣлиться съ труженниками - участниками общественной работы.

Освѣщая нужды всѣхъ областей и окраинъ Русской земли, всѣхъ слоевъ нашего народа—мы высоко цѣнимъ всемірный историческій опытъ и употребляемъ всѣ усилія, чтобы «Русская Жизнь» по вопросамъ какъ внутренней, такъ и внѣшней политики, была органомъ, цѣльнымъ, живымъ, отзывчивымъ.

Съ переводомъ печатанія «Русской Жизни» въ устраиваемую нынѣ свою типографію размѣръ газеты будетъ увеличенъ безъ увеличенія подписной платы.

Подписная цѣна съ пересылкой для иногородныхъ: На годъ — 9 р., полгода — 5 р., 3 мѣсяца — 3 р., одинъ мѣсяцъ—1 р.; для городскихъ — 8 р., 4 р. 50 к., 2 р. 50 к., 90 к.; заграницу: на годъ 17 р., полгода 9 р.

Разсрочка допускается со взносомъ не менѣе 1 рубля ежемѣсячно впередъ.

Новымъ подписчикамъ, оплатившимъ годовую подписку, газета высылается безплатно по 1 января 1895 года со дня полученія въ Главной Конторѣ подписныхъ денегъ; оплатившимъ полугодовую подписку ранѣе 1 декабря газета высылается безплатно за декабрь сего года.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Большая Морская, 23.

Отдѣленія Конторы:

С.-Петербургъ: 1) при книжномъ магазинѣ Н. Фену и Комп., Невскій проспектъ, противъ Гостиннаго двора; 2) при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Литейной, 46.

Москва: Моховая, противъ университета, при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Никольской, въ Славянскомъ Базарѣ, при книжномъ магазинѣ И. Д. Сытина и въ Конторѣ Печковской.

Варшава: Новый свѣтъ, 67, при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова.

Томскъ—при книжн. магазинѣ П. И. Макушина.

Редакторъ-Издатель *А. Пороховщиковъ.*

ПРИДВОРНЫЙ ПОСТАВЩИКЪ

ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ:

ИМПЕРАТОРА ВСЕРОССІЙСКАГО

ИМПЕРАТОРА ГЕРМАНСКАГО,

ИМПЕРАТОРА АВСТРІЙСКАГО,

КОРОЛЯ ДАТСКАГО,

КОРОЛЯ БАВАРСКАГО,

К. М. ШРЕДЕРЪ.

ПЕРВАЯ РОССІЙСКАЯ ПАРОВАЯ ФОРТЕПІАННАЯ ФАБРИКА

Основана въ 1818 году.

РОЯЛИ

отъ 600 руб.

ПІАНИНО

отъ 400 руб.

Подробный **ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ**

высылается **БЕЗПЛАТНО.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій проспектъ, 52.

„НОВОЕ СЛОВО“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

Выходитъ, безъ предварительной цензуры, книжками около 30 печатныхъ листовъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На годъ съ пересылкою . . . . . **10** р.

На полгода . . . . . **5** »

Заграницу на годъ . . . . . **15** »

Допускается разсрочка по третямъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ журнала «Новое Слово», Саперный пер., д. № 6, и въ книжныхъ магазинахъ.

Контора открыта ежедневно отъ 11 до 4 часовъ, кромѣ праздничныхъ дней.

Объясненія съ редакторомъ только по средамъ, отъ 12 до 2 часовъ.

Рукописей, не принятыхъ къ напечатанію, редакція не возвращаетъ по почтѣ и сохраняетъ ихъ въ теченіе полгода, послѣ чего всѣ такія рукописи уничтожаются.

Редакторъ-Издатель **И. А. Баталинъ.**